

МАРКСИСТСКО-
ЛЕНИНСКАЯ
ТЕОРИЯ
ИСТОРИЧЕСКОГО
ПРОЦЕССА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

МАРКСИСТСКО- ЛЕНИНСКАЯ ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС:
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ, МАТЕРИАЛЬНАЯ ОСНОВА,
ПЕРВИЧНОЕ И ВТОРИЧНОЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1981

В монографии раскрывается значение исторического материализма как общей теории исторического процесса, единой системы развивающегося социально-философского и общесоциологического знания. Теоретическое воспроизведение исторического процесса осуществляется путем восхождения от абстрактного к конкретному. В соответствии с этим в монографии рассматриваются предпосылки и исходные начала человеческой деятельности, генезис общественных отношений и их природа, материальные основы и соотношение первичного и вторичного в историческом процессе. Исследование актуальных проблем исторического материализма дается на основе обобщения научных результатов, достигнутых советской общественной наукой. В монографии критикуются буржуазные и ревизионистские концепции. Монография представляет собой первую часть коллективного труда «Марксистско-ленинская теория исторического процесса».

Редакционная коллегия:

Академик Ф. В. КОНСТАНТИНОВ
(руководитель авторского коллектива),
доктор философских наук Ю. К. ПЛЕТНИКОВ
(ответственный редактор),

члены редколлегии:
доктора философских наук Л. П. БУЕВА, В. В. ДЕНИСОВ,
Ю. Е. ЕРЕМИН, А. К. УЛЕДОВ

Предисловие

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Из всех великих и величайших научных свершений прошлого века самым значительным с точки зрения воздействия на ход мировых событий, на исторические судьбы человечества является возникновение марксизма и его социально-философской основы — исторического материализма. С тех пор появилось немало число общественно-политических, философских, социологических теорий, претендовавших на объяснение и истолкование смысла общественно-исторической жизни человечества. Все они не выдержали испытания временем, и только одна общественная теория прошла историческую проверку в огне событий бурного XX века — марксистско-ленинская теория общественного развития, исторический материализм. В течение всего этого периода шла великая историческая проверка его принципов, положений и существа его метода.

Исторический материализм в его неразрывном единстве с диалектическим материализмом был создан К. Марксом и Ф. Энгельсом на основе анализа и творческого обобщения событий мировой истории, в результате изучения закономерностей, движущих сил самого развитого общества прошлого века — капитализма. Говоря о коренном отличии исторического материализма от «прежних исторических теорий», В. И. Ленин подчеркивал, что «они в лучшем случае рассматривали лишь идейные мотивы исторической деятельности людей, не исследуя того, чем вызываются эти мотивы, не улавливая объективной закономерности в развитии системы общественных отношений, не усматривая корней этих отношений в степени развития материального производства; ...прежние теории не охватывали как раз действий *масс* населения, тогда как исторический материализм впервые дал возможность с естественноисторической точностью исследовать общественные условия жизни масс и изменения этих условий»¹. Исторический материализм, рассматривая общественные процессы, сумел из хаоса событий, сталкивающихся индивидуальных целей и интересов выявить то, что объединяет большие группы людей, — общественные классы: отношение к средствам производства, место в общественном производстве, роль в общественной организации труда.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 57.

Великая научная заслуга К. Маркса состояла в том, что он открыл и всесторонне обосновал учение об общественно-экономической формации — краеугольный камень материалистического понимания истории, сформулировал законы возникновения, развития и гибели капитализма. Как известно, первый том «Капитала» заканчивается пророческим выводом: «Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют»². Приведенные строки содержали научно обоснованный прогноз будущего не только стран, являвшихся эталоном капитализма в XIX веке, но и стран, которые в то время только вступали на капиталистический путь, ибо, подчеркивал К. Маркс, страны более развитые показывают завтрашний день странам отсталым. Прогноз К. Маркса был подтвержден всем ходом последующего развития капитализма.

Как свидетельствует история последнего столетия, передовые страны действительно показывают путь странам отсталым, однако в современных условиях эта закономерность несколько видоизменилась. Обращаясь к ней в наши дни, необходимо учитывать наряду с промышленным и уровень социально-политического и духовного развития той или иной страны. Конечно, производительные силы — важнейший показатель развития общества. Но ныне все большее значение приобретают и другие факторы: способ производства, взятый в целом, социальная структура данного общества, наличие или отсутствие в нем антагонизмов, образ жизни, положение человека в обществе, условия его развития, состояние духовной культуры.

После К. Маркса и Ф. Энгельса самый значительный вклад в теорию исторического материализма внес В. И. Ленин, который разработал и развил дальше все составные части марксизма, в том числе его философское учение. Величие В. И. Ленина состоит в том, что он дал образцы творческого понимания и развития марксизма. В историческом материализме он видел не только материализм, но и диалектику. Все труды В. И. Ленина отличаются конкретно-историческим подходом к событиям, явлениям, процессам эпохи, в которую он жил и творил. Революционная теория, учил В. И. Ленин, не догма, а руководство к действию. Чтобы выполнять эту роль, теория должна обогащаться новым опытом, новыми данными, положениями, вытекающими из изменяющейся и развивающейся действительности. Известно, что во времена К. Маркса были высказаны предположения, что социалистическая революция одержит победу в стране с самым высоким уровнем развития промышленности, где рабочий класс представляет собой большинство населения. Но история пошла, как известно, по несколько иному пути: социалистическая революция произошла в стране, где рабочий класс не составлял большинства населения.

Буржуазные теоретики, реформисты и ревизионисты утверждали и продолжают утверждать, что революция произошла в России «не по Марксу», не по законам исторического материа-

лизма, а вопреки марксизму. Лицемерно призывая придерживаться «чистого» марксизма, они не в силах представить его действительной революционной сути. Критикуя русских и европейских реформистов, предсказывавших крах Октябрьской революции, В. И. Ленин в статье «О нашей революции» писал: «Они все называют себя марксистами, но понимают марксизм до невозможной степени педантски. Решающего в марксизме они совершенно не поняли: именно, его революционной диалектики. Даже прямые указания Маркса на то, что в моменты революции требуется максимальная гибкость, ими абсолютно не поняты...»³.

Где были бы народы сегодня, насколько далеко они продвинулись бы в своем историческом развитии, если бы не великий теоретический, революционный подвиг В. И. Ленина и созданной им Коммунистической партии в развитии теории и в политике, основанной на этой теории? Только диалектический подход к анализу исторического процесса дал возможность по-новому поставить и решить многие великие проблемы современной эпохи. Их постановка и решение и составляют сущность ленинизма как высшего этапа в творческом развитии марксизма. Некоторые теоретики на Западе называют себя марксистами, но они не хотят признать, что в нашу эпоху нет марксизма без ленинизма, без того нового и великого, что внес в развитие марксизма, в развитие исторического материализма В. И. Ленин.

Великая Октябрьская социалистическая революция, победа социализма в Советском Союзе ознаменовали начало новой эры мировой истории, вступление человечества в такую полосу общественного развития, когда люди сознательно, опираясь на науку, на знание законов общественного развития, творят свою историю. Наша партия дала глубокий анализ характера современной эпохи, ее определяющих противоречий, движущих сил исторического развития. В результате этих обобщений исторический материализм был обогащен в современный период новыми положениями и открытиями. Образование мировой системы социализма — это подтверждение истинности основных принципов исторического материализма и скрытых им закономерностей.

Динамизм современной эпохи, крутые повороты истории, известные зигзаги в развитии ряда стран и даже попятные движения — все это требует своевременного изучения новых явлений и процессов, тщательного и всестороннего научного их анализа. Исторический материализм выдержал проверку потому, что он не стоял на месте, а развивался, постоянно обогащался новыми данными, новым историческим опытом. Он в корне враждебен всякому догматизму, окостенелому, застойному знанию. Исторический материализм как теория и как метод революционен. В. И. Ленин и наша Коммунистическая партия, ее теоретические кадры всегда вели непримиримую борьбу против всех видов и

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 773.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 378.

форм ревизионизма и догматизма, против всех враждебных марксизму буржуазных философских и социологических теорий. Народы, все прогрессивные силы человечества имели и имеют в историческом материализме верный ориентир в кажущемся хаосе грандиозных событий современной эпохи.

Огромное значение для развития теории исторического материализма имеют съезды Коммунистической партии Советского Союза. На XXVI съезде КПСС (1981 г.) был теоретически обобщен опыт коммунистического строительства в СССР, сделан крупный вклад в разработку теории зрелого социализма, понимание его исторических рубежей, дан анализ мирового революционного процесса, поставлены и освещены с позиции марксизма-ленинизма коренные социально-политические проблемы современности. Роль народных масс в строительстве коммунизма, в борьбе за мир, в воздействии на весь ход мирового развития, возрастающая роль субъективного фактора, политики Коммунистической партии и Советского государства, диалектическая взаимосвязь борьбы за разрядку международной напряженности и классовой борьбы, место и роль идеологической борьбы в современном мире, проблемы всестороннего развития человека — все это нашло в документах и материалах съезда глубокое научное освещение.

Вопросы о том, куда идет человечество, каковы его исторические судьбы, чем определяется направление и характер его дальнейшего исторического развития, как никогда ранее волнуют ныне умы мыслящих людей в разных странах и на всех континентах. На эти вопросы пытаются ответить, в частности, и футурологи капиталистических стран. Одни из них предвещают новый этап в развитии капитализма, вступление его в эру постиндустриального общества, другие ищут пути спасения капитализма в стагнации и требуют приостановить, замедлить темпы промышленного развития, третьи пишут о якобы неизбежной, неотвратимой гибели человечества. Историческая практика свидетельствует о несостоятельности всех подобных прогнозов. Только одна теория может дать и дает ныне подлинно научный ответ на все великие вопросы современности — марксизм-ленинизм, который позволяет понять закономерности, движущие силы развития общества, его глубинные противоречия. Тем самым эта теория оказывается как бы ускорителем великого движения нашей эпохи, она сокращает путь народов к новой исторической действительности, уменьшает их жертвы.

Главное противоречие современной эпохи есть противоречие между мировой социалистической системой и капитализмом. Именно оно определяет характер и движущие силы современного общественного развития. Это положение марксистской теории раскрывает всю ложность и фальшивость утверждения маоистов, что главное противоречие нашей эпохи заключается якобы в противостоянии промышленно развитых стран и стран «третьего мира». Искажение реального положения вещей, содержащееся в маоистском диагнозе современного общественного развития, несет вполне

определенную политическую и идеологическую нагрузку, связанную с попыткой маоистской группировки стать идейным и политическим лидером развивающихся стран. Вместе с тем она объективно ведет к выводу о том, что капитализм не является главным препятствием на пути социального прогресса, а поэтому может будто бы сохраниться и в будущем. Маоизм стал враждебной марксизму-ленинизму силой.

Опыт Великой Октябрьской социалистической революции, возникновение мировой социалистической системы, крушение колониализма, возможность некапиталистического развития стран, освободившихся от империалистического гнета, полностью подтвердили вывод марксизма о преходящем характере капитализма и неизбежности революционного перехода к коммунистической общественно-экономической формации. Страны социализма указывают будущее человечества, главное направление общественного развития, демонстрируя в противоположность капитализму устойчивые темпы экономического, социального, политического и духовного прогресса.

Капитализм осуществил гигантское обобществление производства, которое тем самым вступило в непримиримое противоречие с частнособственническим присвоением, с буржуазной собственностью на средства производства, с антигуманными целями и мотивами производства. Несмотря на огромные достижения в развитии производительных сил, капитализм XX века раздираем глубочайшими, неустранимыми в рамках этого социально-экономического строя противоречиями. Периодические кризисы и спады экономики, милитаризация экономики, превращение производительных сил в разрушительные — это не случайные явления, а выражение коренных недугов капитализма.

Идеологи современной буржуазии, ее политические вожди и в наши дни утверждают, что капитализм изменился, помолодел, что главный тезис В. И. Ленина и ленинизма о загнивании капитализма в эпоху империализма будто бы не подтвердился. Иногда они не прочь и покритиковать те или иные стороны и явления капиталистического мира, но при этом избегают говорить о главном, а именно о коренных противоречиях и антагонизмах современного капитализма, которые являются доказательством его антинародной, античеловечной природы.

Сторонники теорий «индустриального» (У. Ростоу, Р. Арон, Дж. Гэлбрейт), «постиндустриального» (Д. Белл, А. Турен, П. Дракер), «техпотронного» (З. Бжезинский и другие) обществ в своих работах выступают против марксистско-ленинской теории исторического процесса, против ее вывода об исторически преходящем характере капитализма и пытаются доказать, что капиталистическая система может быть усовершенствована и поэтому якобы представляет собой завтрашний день всего человечества.

Ссылаясь на огромный рост социальной значимости науки, буржуазные экономисты, философы, футурологи утверждают, что в современном капитализме произошли коренные изменения и к

нему теперь неприменима такая категория марксизма, как «классовая борьба», что государственно регулируемый капитализм устраняет классовые конфликты или делает их легко преодолимыми. Подменяя социальный детерминизм технологическим, они утверждают, будто использование ядерной энергии, электроники и других достижений научно-технической революции может привести к коренной перестройке экономической, социальной, политической и духовной жизни капиталистического общества без социальной революции, без классовой борьбы. Все эти доктрины своим острием направлены против марксистско-ленинского учения о неизбежности крушения капитализма как изжившей себя социальной системы, о необходимости его революционного преобразования в социализм. Суть и смысл подобных доктрин состоит в том, чтобы представить капитализм некой вечной системой, способной при определенной трансформации (предполагающей сохранение буржуазных отношений) обеспечить идеальную форму человеческого бытия. Но попытки использовать достижения научно-технической революции для укрепления устоев капитализма неизбежно в конечном счете терпят крах и ведут лишь к дальнейшему обострению внутренних противоречий капиталистической системы, с еще большей силой и остротой вскрывая несовместимость капиталистических производственных отношений с дальнейшим научно-техническим прогрессом.

Научно-техническая революция, будучи проявлением высших достижений человеческого гения в покорении сил природы, имеет отнюдь не однозначные последствия в различных социальных условиях. Достижения науки и техники могут служить на благо человечеству, избавляя его от нужды, болезней, социального неравенства, содействуя прогрессу в образовании, но могут быть обращены и во зло человечеству. Эти отрицательные последствия научно-технического прогресса, неразрывно связанные с сущностью именно капиталистического строя, многие буржуазные футурологи пытаются объявить некой фатальной неизбежностью прогресса науки и техники, якобы с неотвратимой силой ведущего к катастрофическим последствиям для человечества. «Каждый новый источник человеческого могущества, — пишет Дарлингтон в книге «Эволюция человека и общества», — оборачивается в конце концов против человека... вызывая последствия, которых невозможно избежать и нельзя предвидеть»⁴.

Миллионы людей на Западе, встревоженных глубокими, обостряющимися противоречиями, антагонизмами буржуазного общества, утратой контроля над грозными общественными процессами, ставят вопрос: где же выход, спасение от угрожающей опасности? Некоторые буржуазные философы утверждают: человечество не подготовлено к научно-технической революции, и этим обусловлены отрицательные последствия научно-технического прогресса. Они призывают к уменьшению размаха научно-технической революции, к замедлению темпов экономического роста.

Можно понять и объяснить озабоченность честно мыслящих ученых Запада теми серьезными проблемами, которые научно-технический прогресс выдвигает перед человечеством. Однако их решение зависит от общественного применения науки, от способа производства и его главных движущих сил. Научно-техническая революция, на которую уповали идеологи буржуазии, не только не разрешила основных противоречий капиталистического общества, но, напротив, породила дополнительные проблемы, новые противоречия: энергетический кризис, перенаселенность городов, потерю контроля над все возрастающим производством, кризис, связанный с хищническим использованием природных ресурсов в целях обогащения крупнейших монополий.

В свое время В. И. Ленин писал: «Куда ни кинь — на каждом шагу встречаешь задачи, которые человечество вполне в состоянии разрешить *немедленно*. Мешает капитализм. Он накопил груды богатства — и сделал людей *рабами* этого богатства. Он разрешил сложнейшие вопросы техники — и застопорил проведение в жизнь технических улучшений из-за нищеты и темноты миллионов населения, из-за тупой скаредности горстки миллионеров»⁴. Эти слова вполне актуально звучат в наши дни. В какие бы одежды ни рядили капитализм его апологеты, называя его обществом благоденствия, обществом равных возможностей, постиндустриальным обществом, эта диспропорция, рост социального неравенства, глубочайший антагонизм богатства и нищеты сохраняются и в наши дни. Попытки с помощью науки сгладить кричащие противоречия современного капиталистического общества обречены на неудачу, ибо их причины коренятся глубоко, в его общественно-экономической природе.

Для большинства буржуазных философов характерны эклектизм, мистика и растущий социальный пессимизм, растерянность перед лицом сложных противоречий, которые раздирают современное буржуазное общество. Разочарование в возможностях человеческого разума, наблюдаемое у части современных философов Запада, далеко не случайно, оно вызвано самой природой капиталистического общества, которое все больше и больше апеллирует не к разумному началу в человеке, а к инстинктам индивидуума. Сам человек в условиях капитализма оказался в положении робота, винтика бездушной машинной цивилизации. Отсюда разочарование в прогрессе, враждебность к науке, которая в условиях капитализма выходит из-под контроля людей и от которой можно ожидать самого страшного — гибели человеческого рода. Утверждаемая в той или иной форме идея о непознаваемости социального мира, характерная для буржуазной теоретической мысли, растущие тенденции кризиса науки, распространяющееся ощущение отсутствия смысла и цели человеческой деятельности порождают пустоту и бесцельность. «Что выберем

⁴ *Darlington C. R. The Evolution of Man and Society. L., 1969, p. 168.*

⁵ *Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 17.*

мы из множества современных ужасов? ... Бомбу? Генетически синтезированного робота? Бихевиористского промывателя мозгов? Деспотический компьютер? Не правда ли, современная наука в изобилии предлагает нам таких чудовищ?» — спрашивает и отвечает известный американский социолог Т. Роззак⁶.

Одно из самых страшных и ужасных проявлений гнилости капитализма — милитаризация всех областей жизни. Не только политические цели, но и экономические потребности капитализма толкают его на дальнейшее расширение военной промышленности, военно-промышленного комплекса. Однако, используя огромное число талантов и человеческих сил на создание новых видов вооружения, капиталистическая система подписывает себе тем самым приговор, бесцельно растрачивая резервы экономического роста общества. Осуществляя гонку вооружений, воротилы капиталистического мира ищут выход из экономического кризиса. Они навязывают эту гонку странам социализма, преследуя цель помешать развитию мировой системы социализма, не дать ей возможности выявить свои потенции и переключить все силы и средства на подъем производства и жизненного уровня народа. Но, как показал опыт послевоенного развития СССР и стран социализма, внутренние силы социалистического общества оказались настолько велики, что ставка противника и в этой области оказалась битой. Содружество социалистических стран не только сумело восстановить разрушенное войной хозяйство, но и двинулось далеко вперед в развитии промышленности, сельского хозяйства, науки и культуры.

Одним из главных проявлений противоположности капитализма и социализма явилось то, что именно страна социализма впервые подняла знамя мира между народами. Выдвинутая на XXIV и получившая свое органическое развитие на XXV и XXVI съездах КПСС Программа мира явилась выражением творческого применения диалектико-материалистического метода анализа общественных явлений к жизненно важным вопросам современности. В то же время это — одно из ярчайших проявлений прогрессивности, подлинной гуманности социализма. Как в прошлом, так и сегодня социализм и мир нераздельны.

Выступая за мир, за запрещение оружия массового уничтожения, за разоружение, социалистические страны выступают одновременно и за то, чтобы сохранить окружающую природную среду. Они проявляют конкретную инициативу в деле заключения всеобъемлющего международного договора об исторической ответственности государств за сохранение природы Земли для нынешнего и будущего поколений. «Советский Союз, — отмечал Л. И. Брежнев, — делает все возможное для охраны природы, ее растительного и животного мира, минеральных ресурсов. Это завещал нам Ленин... Но мы не одни на планете, и сохранение природы требует усилий всех людей, населяющих земной шар. Рана, нанесенная природе на одном континенте, не может пройти бесследно на другом...»⁷

История идет по пути, предсказанному марксизмом-ленинизмом. Будущее человечества определяется ходом созидания нового общества. Нет более важной задачи, чем строительство социализма и коммунизма. От успехов этого строительства зависят судьбы народов. За последние годы КПСС, ее теоретические кадры разработали целый ряд важных научных проблем современного этапа коммунистического строительства. Большое внимание в документах КПСС уделено характеристике основных черт и особенностей зрелого социалистического общества. Теоретическая мысль партии направлена на обоснование путей и средств строительства материально-технической базы коммунизма, развития социалистических общественных отношений, социалистического образа жизни, воспитания нового человека. Важным вкладом в теорию являются обобщения и выводы, раскрывающие природу советского народа как новой социальной и интернациональной общности людей, тенденции изменения социальной структуры социалистического общества и место в этих структурных изменениях трудовых коллективов. Принципиальное теоретическое значение имеет постановка XXVI съездом КПСС проблемы преодоления в главном и основном классовых различий в исторических рамках зрелого социализма⁸.

Марксистско-ленинская теория исторического процесса раскрывает новые, характерные только для социализма и строящегося коммунизма движущие силы общественного развития, показывает значение социалистической и коммунистической сознательности людей, заинтересованности масс не только в личном, но и в общественном благе. Поэтому проблема формирования всесторонне развитого человека не является чем-то «внешним» для комплекса вопросов, связанных с развитием производительных сил общества. Качественный переворот в производительных силах, осуществляющийся в результате научно-технической революции, отвечает самым глубинным тенденциям и самым коренным потребностям развитого социалистического общества. Именно соединение достижений научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства открывает реальную перспективу создания материально-технической базы коммунизма, дальнейшего совершенствования социалистических общественных отношений. Оно один из объективных факторов, ускоряющих преодоление социальных различий между городом и деревней, умственным и физическим трудом, а тем самым и становление бесклассовой структуры общества. В процессе этого грандиозного социального обновления развивается и сам человек — строитель коммунистического общества.

⁸ Roszak T. The Monster and the Titan: Science, Knowledge and Gnosis.— Daedalus, 1974, t. 103, N 3, p. 17.

⁷ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи, приветствия, статьи, воспоминания. М., 1979, т. 7, с. 332.

⁸ См.: Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 53.

Уже краткий очерк связи теории исторического материализма с исторической действительностью убедительно доказывает, что исторический материализм никогда не стоял на месте, не был и не мог быть «мертвой схемой». Он развивался классиками марксизма-ленинизма. Неоценимый вклад в его развитие внесли и вносят наша Коммунистическая партия, братские коммунистические партии других стран. Ныне перед историческим материализмом стоят огромные творческие задачи, неотделимые от анализа и осмысления коренных проблем современности. Решение этих задач означает дальнейшее обогащение исторического материализма, ибо позволяет рельефнее, нагляднее представить диалектику развития общества. Попытки чисто умозрительного подхода к проблемам исторического материализма, противопоставление его разработкам жизненно важных вопросов современности не только ослабляют связь философии с практикой, но и грозят увести философию в дебри схоластики. Именно с позиций единства теории и практики открываются наиболее широкие горизонты исследований исторической реальности наших дней и вместе с тем еще более углубленного познания закономерностей исторического процесса в целом. Не доказывать доказанное, а осмысливать новые явления жизни — таковы требования партии к специалистам, работающим в области философии.

Академик Ф. В. Константинов

ВВЕДЕНИЕ

XXVI съезд КПСС, определяя основные направления развития общественных наук, обратил особое внимание на разработку проблем диалектического и исторического материализма. Съезд указал и важнейшие пути решения поставленной задачи: изучать, осмысливать и обобщать новые явления жизни¹.

Достигнутые в последние годы успехи в области теории исторического материализма неотделимы от реализации этих путей. Но наряду с положительными результатами — приращением научных знаний — в процессе анализа новых общественных явлений, вызванных вступлением нашей страны в период развитого социализма, глубокими социальными изменениями, происходящими в мире, все больше начали о себе давать знать и серьезные логико-методологические трудности, затрагивающие перспективы дальнейшего развития не только исторического материализма, но и общественной науки в целом. Такими трудностями, на которые своевременно было обращено внимание в редакционных статьях газеты «Правда» и журнала «Коммунист»², выступает в первую очередь отсутствие обобщающих, фундаментальных трудов, охватывающих собой не отдельные проблемы исторического материализма, а всю современную проблематику исторического материализма как системы социально-философского и общесоциологического знания — общей теории исторического процесса.

До последнего времени целостное изложение исторического материализма было представлено лишь в его учебном курсе — программах, учебниках и учебных пособиях. Являясь прямым продолжением учебного курса диалектического материализма, оно начинается с рассмотрения основополагающих категорий исторического материализма — выявления сущности материалистического понимания истории. В педагогическом отношении, т. е. в плане овладения учащимися определенным объемом знаний, такое начало имеет свое объяснение. Но это объяснение при его экстраполяции на науку исторического материализма оборачивается весьма ощутимым просчетом. Распространение философского материализма на познание человеческого общества

¹ См.: Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 78, 145.

² См.: Высокий долг советских философов. — Правда, 1975, 19 септ.; О состоянии и направлениях философских исследований. — Коммунист, 1979, № 15.

вольно или невольно трактуется здесь лишь в виде конкретизации диалектического материализма. Что же касается собственной логики построения теории исторического материализма, обусловленной спецификой его предмета, то она при таком подходе становится неактуальной, отодвигается на второй план.

Отрицательные последствия сложившейся ситуации особенно наглядно дают о себе знать в дискуссиях последних лет о содержании категорий исторического материализма — вариантности их понимания различными авторами. Категории исторического материализма традиционно интерпретируются в виде парных, соотносительных, однопорядковых, разнорядковых, выделяются группы категорий — прежде всего категории философские и социологические (категории ряда общественного бытия и категории ряда способа производства) и др.^{2а} Слов нет, все перечисленные способы рассмотрения категорий исторического материализма — необходимый инструмент их анализа. Вместе с тем, в этом рассмотрении остается в тени самое главное — требование выведения категорий, по словам В. И. Ленина, «не „рассказывая“, не „уверяя“, а *доказывая*»³. Поэтому и систематизация категорий исторического материализма, составляющая структуру его теории, теряет в известной мере логическую нить своего развертывания, что не может не отражаться на ее содержательной стороне. Возникает такая познавательная ситуация, на что обращает внимание П. Н. Федосеев, когда действительные исследования «подменяются надуманными теоретическими «новациями», построением различных вариантов системы категорий, отличающихся нередко лишь порядком следования их друг за другом»⁴.

Построение логически обоснованной системы категорий исторического материализма — одна из принципиальных задач дальнейшей разработки его теории. Классическим образцом решения задачи подобного типа является «Капитал» К. Маркса, далеко выходящий по своему научному значению за рамки политической экономии капитализма. Если К. Маркс «не оставил „*Логики*“ (с большой буквы), то он оставил *логику* „Капитала“...»⁵.

Обратимся к одной из центральных проблем этой логики — проблеме начала науки. Отвергая рассуждения адептов буржуазной политической экономии, сводящих построение системы ее категорий всего-навсего к соединению понятий, К. Маркс отмечал, что исходным пунктом его политико-экономического анализа выступает конкретно-историческая действительность — «данный общественно-экономический период»⁶. Но теоретическая система начинается не с анализа непосредственно воспринимаемого конкретного: такой анализ, необходимый в процессе познания, ведет шаг за шагом лишь к выделению все более «тощих абстракций» и простейших определений. Она конституируется тогда, когда конкретное воспроизводится в мышлении во всем своем многообразии как познанное конкретное. Способом же теоретического воспроизведения действительности выступает восхождение познания от абстрактного к конкретному. «Последний метод,— считал

К. Маркс,— есть, очевидно, правильный в научном отношении»⁷.

Простейшие определения науки возникают далеко не случайно. Они соответствуют элементарному образованию предмета ее исследования — его «клеточки». «У Маркса в „Капитале“, — отмечал В. И. Ленин, — сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся, *отношение* буржуазного (товарного) общества: обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой „клеточке“ буржуазного общества) *все* противоречия (respective зародыши *всех* противоречий) современного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (*и* рост *и* движение) этих противоречий и этого общества, в Σ его отдельных частей, от его начала до его конца»⁸.

То, с чего начинается «Капитал», представляется, таким образом, вполне естественным и простым. Однако путь к такой кажущейся простоте, как и начало всякой науки, не назовешь легким. Встречаются иногда суждения, будто нахождение «клеточки» предмета науки сводится всего-навсего к различного рода умозрительным построениям, не требующим сколько-нибудь заметных научных усилий. Это — явное упрощение действительного положения вещей. Постигание «клеточки» предмета научного исследования именно в силу ее элементарности, несомненно, труднее, чем изучение гораздо более развитых и сложных форм. Потребовалось, в частности, более чем двухтысячелетнее развитие общественной мысли, чтобы проникнуть в тайну товарных отношений, за поверхностным представлением о товаре как потребительной стоимости, удовлетворяющей известные потребности человека, открыть его экономическую и в целом социальную (общественную) характеристику — стоимость, а вместе с ней и генезис буржуазных общественных отношений. Это открытие, сделанное К. Марксом, позволило ему определить товар как «клеточку» буржуазного общества — элементарную форму его богатства⁹. Но оно поставило вопрос и о другом.

Понятие «клеточки» и исходную категорию теоретической системы нельзя просто отождествлять друг с другом. Поскольку

^{2a} Тугаринов В. П. Соотношение категорий исторического материализма. Л., 1958; Караваяев Г. Г. Исторический материализм — метод познания общественных явлений. М., 1973; Барулин В. С. Соотношение материального и идеального в обществе. М., 1977; Категории исторического материализма. М., 1980; Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Теория и история. М., 1981, и др.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 86.

⁴ Федосеев П. Н. XXVI съезд КПСС о задачах науки в новой пятилетке.— Вопросы философии, 1981, № 4, с. 34.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 301.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 386.

⁷ Там же, т. 46, ч. 1, с. 37.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 318.

⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 6, 43.

потребительная стоимость, взятая сама по себе, «находится вне круга вопросов, рассматриваемых политической экономией»¹⁰, постольку не товар вообще, а стоимость обретает значение исходной категории политико-экономического исследования капитализма. «Образно говоря,— отмечает Н. П. Федоренко,— если проблема „клеточки“ — это проблема нахождения „атомного“ строения экономической системы, то проблема нахождения исходной категории равнозначна открытию „атомного ядра“»¹¹.

История познания убедительно доказывает, что нахождение элементарных форм предмета исследования, выработка простейших абстракций, отражающих их свойства, характеристики, аспекты, всегда предвосхищали возникновение целостных теоретических систем. Само же теоретическое знание развивалось и систематизировалось путем восхождения от абстрактного к конкретному. По замечанию Б. М. Кедрова, метод восхождения от абстрактного к конкретному есть логический эквивалент «принципа развития в его применении к задаче построения науки и ее систематического изложения»¹².

Диалектико-материалистическое обоснование и классическое применение метода восхождения познания от абстрактного к конкретному в «Капитале» К. Маркса открыли новые страницы науки. Подчеркивая логико-методологическое значение «Капитала», В. И. Ленин писал: «Таков же должен быть метод изложения (respective изучения) диалектики вообще (ибо диалектика буржуазного общества у Маркса есть лишь частный случай диалектики)»¹³. Таков же, можем мы сказать с полным основанием, должен быть и метод изучения и изложения диалектики общественного развития — проблематики исторического материализма¹⁴.

По своему происхождению, классовой сущности, мировоззренческой, гносеологической, методологической и другим функциям исторический материализм неотделим от диалектического материализма, составляя вместе с ним единую марксистско-ленинскую философию. Но исторический материализм не только социально-философское, но и общесоциологическое знание. В системе общественных наук он занимает особое место, обладает своим собственным научным статусом. Будучи наукой об общих законах и движущих силах развития общества, исторический материализм имеет дело с такой «клеточкой» общественной жизни, которая является общей для всех общественно-экономических формаций.

Как и «клеточка» буржуазного общества, данная «клеточка» должна быть, во-первых, наиболее массовидным, постоянно повторяющимся, чувственно воспринимаемым общественным явлением и, во-вторых, содержать в себе в неразвитом виде все общественные противоречия. Вместе с тем эта «клеточка» призвана обладать и своей специфической характеристикой. Она должна выражать собой не то, что отличает одну общественно-экономическую формацию от другой, а то, что проводит грань между всеми общественно-экономическими формациями — человеческим обществом в целом, с одной стороны, и природой — с другой.

В последние годы рассматриваемая проблема все чаще обсуждается в научной литературе, на теоретических конференциях и координационных совещаниях¹⁵. Высказываются и конкретные предложения, в частности, предложение трактовать человека в качестве «клеточки» общественной жизни. На первый взгляд действительно кажется, будто человек — элементарное образование общественной жизни. Однако в реальности все обстоит гораздо сложнее. Идея «робинзонады» ошибочна по самой своей сути, ибо реальный человек всегда является общественным человеком. Его определенный характер, считал К. Маркс, и есть «определенный характер общества, в котором он живет...»¹⁶. Поэтому начинать исследование общественной жизни с человека равносильно тому, чтобы начинать его с общества, т. е. отождествлять элементарное образование системы и саму систему. По тем же основаниям — отсутствие элементарности — нельзя согласиться и с предложениями рассматривать в виде «клеточки» общественной жизни общественно-экономическую формацию, образ жизни и др.

Проблема «клеточки» общественной жизни — это проблема нахождения не просто абстрактно всеобщего выражения общественных явлений, а конкретной характеристики объективно нерасчленимой далее единицы социальной системы¹⁷. Такой единицей не может быть ни общественное отношение, ни действие человека. Представляя собой простейшее образование живой, непосредственной деятельности людей, действие, например, необходимо предполагает субъект, объект, цели, средства и т. д. Объективно нерасчленимая далее единица социальной системы возникает, по нашему мнению, только в одном случае: тогда, когда деятельность из формы движения переходит в форму пред-

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. т. 13, с. 14.

¹¹ Федоренко Н. П. К вопросу о «клеточке» социалистического производства. — Вопросы философии, 1978, № 4, с. 38.

¹² Кедров В. М. О методе изложения диалектики от абстрактного к конкретному. — Вопросы философии, 1978, № 2, с. 29.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 318.

¹⁴ «...Исторический материализм — это собственно и есть диалектика общественного развития. Если приходится особо подчеркивать необходимость исследований диалектики общественной жизни, то главным образом потому, что эти вопросы недостаточно отражаются в работах по историческому материализму» (Федосеев П. Н. Диалектика современной эпохи. М., 1978, с. 128).

¹⁵ См.: Шершунов А. Д. Категории исторического материализма в их взаимосвязи. М., 1975; Методологические проблемы исторического материализма. Барнаул, 1976; Категории исторического материализма в их взаимосвязи. Свердловск, 1978; Проблемы систематизации категорий исторического материализма. Челябинск, 1980.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 377.

¹⁷ См.: Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М., 1960, с. 212—213.

метности¹⁸, т. е. тогда, когда налицо опредмеченный результат деятельности людей.

Нет необходимости доказывать научную значимость открытия К. Марксом в товаре «клеточки» буржуазного общества. Однако, сосредоточив внимание на исторически преходящей товарной форме результата деятельности людей, исследователи не оценили пока в полной мере то, что имеет конкретно всеобщее генерализирующее значение для всех этапов человеческой истории, — саму опредмеченную деятельность, которая вовсе не обязательно должна быть товаром. В ходе социалистического и коммунистического строительства, например, складывается и развивается такая ее определенность, как непосредственно общественный характер.

Опредмеченный результат деятельности людей — единственная в своем роде «клеточка» общественной жизни. Будучи объективно неделимой далее единицей социальной системы, она неотделима от материального субстрата социальной формы движения. Через опредмеченную деятельность людей здесь в своеобразном объективированном виде представлены и действовавшие индивиды, и материальные условия их жизни, т. е. все то, что К. Маркс и Ф. Энгельс называли действительными предпосылками человеческой истории¹⁹. В исследовательском плане открытие «клеточки» общественной жизни венчает собой общую линию движения социального познания от конкретного к абстрактному.

Созданный людьми предметный мир включается в их жизнедеятельность в виде ее вещества и энергетического потенциала, орудий воздействия на природу и средств управления общественными процессами, носителя знаковых систем и чувственно воспринимаемых образов. От его производства и воспроизводства неотделимо производство и воспроизводство всех социальных связей, в том числе общественных отношений, и вместе с ними — производство и воспроизводство самих общественных индивидов «как возможно более целостного и универсального продукта общества»²⁰.

Предметный мир человека многообразен, и его многообразие не имеет границ. Но он и един, ибо все составляющие его отдельные предметы созданы деятельностью людей. Они становятся «клеточками» общественной жизни лишь постольку, поскольку воплощенная в них человеческая деятельность составляет их специфическую основу и социальную сущность. Постоянно воссоздаваемое этой деятельностью противоречие между действительными затратами труда и общественно необходимым трудом, соответствующим исторически определенному общественно-экономическому периоду, представляет собой своеобразную спорадическую форму движения всей системы общественных противоречий — в первую очередь противоречия между достигнутым уровнем общественного производства и безгранично растущими общественными потребностями.

«Клеточка» общественной жизни внутренне соединена с чело-

веческой деятельностью, прежде всего и главным образом с таким ее видом, каким является труд — положительная творческая деятельность²¹. Но категория деятельности как родовое понятие категории труда обозначает не саму эту «клеточку», а то, что утверждает ее в данном качестве. Именно поэтому категория деятельности, определение которой не связано с какими-либо другими категориями исторического материализма, и получает статус его исходной категории, становясь тем самым отправным пунктом теоретического воспроизведения исторического процесса. В теоретическом понимании начало выступает в виде того, что самообосновывает, самодоказывает себя в системе²².

История со всех сторон, во всех аспектах есть деятельность людей, преследующих свои цели²³. Речь, следовательно, идет не о том, чтобы дополнить принципы материалистического монизма, историзма, целостности и др. принципом деятельности, а об изучении способа существования и развития исторической действительности, генезиса материальных общественных отношений, в которые люди вступают в общественном производстве своей жизни независимо от своей воли²⁴. Как бы субъективно ни возвышался человек над условиями своей жизни, объективно он подчиняется этим условиям. Отсюда и деятельность людей (точнее, классов, масс) необходимо обретает в своем итоге черты закономерного естественноисторического процесса развития общества.

Теория исторического процесса и сам исторический процесс имеют единую точку отсчета. Логическое в то же время есть и историческое, но историческое, освобожденное «от исторической формы и от мешающих случайностей»²⁵. «...Ход абстрактного мышления, восходящего от простейшего к сложному, соответствует, — по замечанию К. Маркса, — действительному историческому процессу»²⁶. Важно также иметь в виду и то, что теоретическое воспроизведение исторического процесса через восхождение социального познания от абстрактного к конкретному не исключает и противоположного движения — от конкретного к абстрактному. Оно составляет такую общую линию исследования, которая приближается к ряду кругов, спирали, где налицо как бы повторение пройденного на новой, более высокой основе.

При теоретическом воспроизведении исторического процесса через восхождение социального познания от абстрактного к конкретному содержательному рассмотрению основополагающих ка-

¹⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 200.

¹⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 18—19.

²⁰ Там же, т. 46, ч. 1, с. 386.

²¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 113.

²² См.: Абдильдин Ж. Проблема начала в теоретическом познании. Алма-Ата, 1967, с. 286.

²³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 102.

²⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 6.

²⁵ Там же, с. 497.

²⁶ Там же, т. 46, ч. 1, с. 39.

тегорий исторического материализма — общественного бытия и общественного сознания — предшествует анализ таких ступенек, узлов социального познания, каковыми являются категории деятельности, труда, общественных отношений (материальных и идеологических), социального детерминизма (включая общественные законы, потребности и интересы, ценности и оценки, цели и средства), общественно-исторической практики, способа производства, источников и движущих сил исторического процесса и др. Соотношение общественного бытия и общественного сознания выражает суть материалистического понимания истории. Их исследование наряду с исследованием экономического базиса и надстройки, материальных общественных отношений и идеологических отношений раскрывает самые глубокие корни детерминации саморазвития общества, взаимодействия в историческом процессе первичного и вторичного.

Дальнейшее движение теоретической мысли связано со всеобщей характеристикой целостности исторического процесса — общественно-экономической формации как системы. Непосредственным предметом рассмотрения выступают здесь общественная структура, исторические формы дифференциации и консолидации общественной жизни (классы и классовые отношения, формирование и развитие наций, советский народ как новая социальная и интернациональная общность, семья, трудовой коллектив), социальное управление, образ жизни, культура, диалектика общества и личности и др. Все это, в свою очередь, создает теоретическую базу для всестороннего анализа единства и многообразия исторического процесса, его формационных ступеней, закономерности их смены — социальной революции, роли народных масс в истории, характеристики коммунистической общественно-экономической формации как начала подлинной истории человечества.

В предлагаемом читателю труде теоретическому воспроизведению исторического процесса непосредственно посвящены первая и вторая части исследования. Правда, в общую логику разработки теории исторического материализма не совсем вписывается первый раздел первой части, в котором сопоставляется история природы и история людей: анализируются проблемы становления человеческой истории и природных предпосылок исторического процесса. Следуя принципу восхождения социального познания от абстрактного к конкретному, данный раздел правильней было бы поместить в конце первой части, аналогичным примером тому можно считать место главы «Так называемое первоначальное накопление» первого тома «Капитала» К. Маркса. Однако, учитывая, что труд адресован широкому кругу читателей, редакционная коллегия сочла необходимым представить названный раздел в виде своеобразного пролога к собственно теории исторического процесса.

Решение поставленных задач потребовало от авторов непосредственного обращения к материалам современной эпохи, в первую

очередь к достижениям реального социализма. Только в современную эпоху, когда в полной мере развернулось противоборство социализма и капитализма на международной арене, когда сформировались черты развитого социалистического общества и во все более полной мере раскрываются его преимущества перед капитализмом, сложились условия через противопоставление и сравнительный анализ социализма и капитализма всесторонне исследовать природу исторического процесса, глубже обосновать коренное положение марксизма-ленинизма о естественно-историческом характере развития общества и неизбежности всемирной победы коммунизма.

В своих исследованиях авторы руководствовались принципиальной методологической установкой, согласно которой изучение явления в его наиболее развитом и многостороннем виде дает возможность проникнуть в организацию всех отживших форм, а сами намеки более высокого у низшего «могут быть поняты только в том случае, если само это более высокое уже известно»²⁷. Развитой социализм в его сопоставлении с современным капитализмом — своеобразная исследовательская вышка, позволяющая охватить и представить в наиболее полном теоретическом виде закономерности исторического процесса в целом. Вместе с тем в силу своей остроты и актуальности основные, глобальные проблемы современности — мировой революционный процесс, научно-техническая революция, экологическая ситуация, альтернатива мира и войны — составляют в труде и предмет специального социально-философского анализа.

В структурном плане коллективный труд «Марксистско-ленинская теория исторического процесса» состоит из трех частей. В первой части исторический процесс исследуется под углом зрения его действительности, материальной основы, первичного и вторичного уровней; во второй, подготовляемой к печати, — целостности, единства и многообразия формационных ступеней. Третья часть будет посвящена диалектике современной эпохи.

Ставя своей целью разработку теории исторического материализма, авторы тем не менее используют термин «теория исторического процесса». Такой терминологический рефлекс не случаен. Он обусловлен тем, что в ряде глав исследуются не только собственно проблемы исторического материализма, но непосредственно затрагиваются и философские проблемы других общественных наук — научного коммунизма, политической экономии, исторической науки и др. Наконец, надо отметить, что слово «исторический» трактуется в труде в смысле «общественный», а исторический процесс рассматривается как процесс развития общества. Сближение понятий исторического и общественного традиционно для марксистско-ленинского общественнознания. К. Маркс часто употреблял понятие исторического в смысле социального (общест-

²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. 1, с. 42.

венного), а В. И. Ленин использовал даже словосочетание «социальный (или исторический) материализм»²⁸.

Авторский коллектив и редакционная коллегия отдают себе отчет в сложности стоящих перед ними задач. Предлагаемый труд — первое исследование подобного рода. Однако нельзя не выразить надежду, что отдаваемая на суд читателей работа станет стимулом дальнейших исследований исторического материализма как науки, окажет помощь философам и всем обществоведам в решении актуальных теоретических и методологических проблем обществознания.

Авторский коллектив, редакционная коллегия выражают глубокую признательность за конструктивные замечания по рукописи рецензентам докторам философских наук, профессорам Л. М. Архангельскому, М. П. Мchedлову, С. И. Попову.

* * *

Авторский коллектив первой части: Предисловие — Ф. В. Константинов. Введение — Ю. К. Плетников. Раздел первый: гл. I — Ю. И. Семенов; гл. II — Б. Т. Григорьян (3), В. В. Денисов (1), Ю. К. Плетников (1, 2). Раздел второй: гл. I — Л. П. Буюева (1, 4), Ю. К. Плетников (1, 2, 3); гл. II — А. С. Айзикович (1, 3), В. Б. Власова (4), С. И. Гончарук (2), В. Е. Давидович (6), В. И. Куценко (5); гл. III — Г. С. Арефьева; гл. IV — Ю. Е. Еремин (4), Л. И. Чинакова (1, 2, 3). Раздел третий: гл. I — И. Н. Сиземская; гл. II — В. Г. Марахов (4), Ю. К. Плетников (1, 2, 3); гл. III — А. С. Айзикович; гл. IV — Ю. Е. Еремин. Раздел четвертый: гл. I — Г. С. Арефьева (2), В. С. Барулин (1); гл. II — Ю. К. Плетников (1), А. К. Уледов (2, 3); гл. III — Ю. Е. Еремин, Ю. К. Плетников.

Научно-вспомогательная работа, составление предметного указателя и указателя имен — Т. Я. Кордюкова и В. В. Платковский.

²⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 545. Подробнее см.: Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1980, с. 107.

ИСТОРИЯ ПРИРОДЫ И ИСТОРИЯ ЛЮДЕЙ

Глава 1

НАЧАЛО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

1. Грань между человеком и животным. Постановка проблемы

Самым важным вопросом, без ответа на который невозможно ни правильно поставить, ни правильно решить проблему начала человеческой истории, является вопрос о грани между человеком и животным.

Сам собой напрашивающийся ответ на него состоит в том, что человек в отличие от животного живет в обществе, является общественным существом. Но сразу же возникает новый вопрос: что такое общество? Если понимать под обществом просто совокупность индивидов, которые живут в постоянном взаимодействии между собой, то придется признать существование общества и у животных. Именно такую позицию занимает подавляющее большинство исследователей немарксистского направления. Они постоянно говорят и пишут об «обществах», «общественной жизни» животных, о «социальной организации», «социальной структуре», «социальных отношениях», «социальных традициях», вообще о «социальном» у животных¹.

С их точки зрения, человек является одним из многих общественных животных. Отсюда следует, что его отличие от животных заключается не в том, что он живет в обществе, а в чем-то ином. В явной или неявной форме это иное видят в наличии у человека культуры. Хотя термин «культура» трактуется крайне многозначно, в этой многозначности есть и нечто общее. Раскрыть его проще всего, проследив ход мыслей, который привел к взгляду на культуру как на основную специфическую черту человека.

Под спецификой человека следует понимать то, что отличает его не от того или иного конкретного животного вида, а от всех

¹ См.: White L. A. The Evolution of culture. N. Y., etc., 1959; Social behavior in birds and mammals: Essays on the social ethology of animals and man. N. Y., 1970; Simonds P. E. The social primates. N. Y. etc., 1974; Lancaster J. B. Primate behavior and the emergence of human culture. N. Y., etc. 1975.

животных видов без исключения, от животного мира в целом. Конечно, указанные выше исследователи не могут не видеть, что объединение людей нетождественно объединению животных. Но ведь и объединения животных тоже многообразны. А если принять во внимание существование одиночных животных, то невольно напрашивается вывод, что главная грань пролегает между одиночными животными, с одной стороны, и общественными, включая человека, — с другой. Анализ морфофизиологической организации человека тоже ничем в данном случае помочь не может. Отличие физической организации человека от физической организации животных весьма существенно. Но не менее существенно и различие между физической организацией животных разных видов. Различие, например, между морфофизиологической организацией паука и шимпанзе, безусловно, более значительно, чем между морфофизиологическими организациями шимпанзе и человека.

Иная картина получается при сравнении поведения животных и поведения людей. Разумеется, животные разных видов ведут себя далеко не одинаково. Однако сходство и различие в поведении животных, относящихся к разным видам, имеет одно объяснение. Животное есть биологический организм. Его поведение представляет собой одну из форм функционирования его организма. Это обусловлено тем, что структура организма детерминирует потребности животных, стимулы их поведения, иначе, инстинкты: пищевой, половой, самосохранения и др. В зависимости от строения организма пищевой инстинкт может проявиться как потребность в мясе или как потребность в траве. Структурой организма определяется и способ реализации той или иной потребности. Одни хищники преследуют дичь, другие — подстерегают ее в засаде. Поведение животных наследственно определено, генетически запрограммировано.

Данное утверждение отнюдь не равносильно положению, будто все акты, из которых складывается поведение животных, представляют собой безусловные рефлексy. Если бы поведение животных было безусловно-рефлекторным, то оно не смогло бы обеспечить их существование в сложной и меняющейся среде. Поэтому поведение животных, исключая, может быть, самых низших, неизбежно в той или иной степени должно было быть индивидуально приобретенным или условно-рефлекторным. У высших млекопитающих почти все конкретные акты поведения составляют по существу действия индивидуально приобретенные. Это не значит, что в их поведении вообще нет актов, которые можно было бы характеризовать как наследственные. Однако в отличие от низших животных такие акты не играют здесь сколько-нибудь существенной роли.

Поведение высших млекопитающих по своей форме почти целиком является индивидуально приобретенным. Вместе с тем оно представляет собой не что иное, как проявление наследственного содержания. Индивидуальные вариации поведения возможны

лишь в определенных пределах. По своей сути они становятся средством удовлетворения тех основных потребностей, которые обусловлены строением организма. Поэтому поведение всех животных, принадлежащих к одному виду, в своей сущности одинаково, так же как одинаковы в своей сущности их организмы. Поведение животного есть биологическое и только биологическое явление. Оно может быть объяснено целиком и полностью не выходя за рамки биологии.

Иначе обстоит дело с человеком. Все люди, живущие на Земле в течение последних нескольких десятков тысяч лет, относятся к одному и тому же биологическому виду — *Homo sapiens*. Этот факт общепризнан. Но столь же несомненно существование значительных различий между поведением людей, входящих в состав различных социальных организмов — конкретных, отдельных обществ. В связи с этим необходимо сделать одно важное уточнение. Говоря о поведении животных, мы имеем в виду всю их внешнюю деятельность, включая как их действия по отношению к вещам и животным других видов, так и взаимодействие между особями одного вида. Но если применительно к животным такой подход вполне оправдан, то применительно к человеку он неприемлем. Во всем дальнейшем изложении под поведением людей мы будем подразумевать лишь их действия, точнее, поступки по отношению друг к другу. В поведении, понимаемом в таком смысле, наиболее отчетливо проявляются те самые различия, о которых идет речь.

Суть дела, следовательно, не просто в паличии индивидуальных вариаций поведения людей. Не является совершенно одинаковым и поведение особей, относящихся к одному и тому же виду животных. Но поведение таких животных одинаково по своей сущности. О поведении же людей сказать нечто подобное нельзя. Речь всякий раз должна идти о поведении людей одного и того же общества, более того, одного и того же класса, если общество имеет классовую структуру. Нельзя забывать и то, что различия в поведении людей, входящих в состав разных социальных образований, не сводятся к различиям лишь в форме поведения. Их поведение может различаться и по содержанию. У людей, принадлежащих к разным обществам, классам и другим социальным группам, могут быть различные мотивы, стремления, намерения, желания. Не остается неизменным в процессе развития и поведение членов одного и того же социального образования. Оно меняется и по форме, и по содержанию.

Ни различия в поведении членов разных обществ, ни фундаментальную общность поведения членов одного общества (по крайней мере представителей классов данного классового общества) невозможно объяснить особенностями структуры организма людей. Поведение людей генетически не запрограммировано, как поведение животных, включая высших. Но отсюда отнюдь не следует, будто поведение людей вообще не запрограммировано и не обусловлено. Наоборот, совершенно отчетливо бросается в глаза

и его запрограммированность, и его обусловленность. Люди в одном и том же обществе ведут себя в сущности одинаково потому, что руководствуются одной и той же программой. Различие поведения людей в разных обществах объясняется действием в них различных программ.

В каждом из этих обществ программа поведения передается от одних людей к другим, от одного поколения к другому. Однако передается совершенно иным способом, чем генетическая программа. Последняя записана в молекулах ДНК и транслируется через зародышевые клетки. Программа, определяющая поведение людей, передается, минуя механизм биологической наследственности. Средствами ее передачи становится пример, показ, язык (членораздельная речь).

Если генетическая программа фиксируется в клетках, то программа, определяющая поведение людей,— в их сознании. На вопрос об источнике этой программы обычно следует ответ: им является опыт поведения предшествующих поколений. Здесь-то мы и подходим к понятию культуры. Не останавливаясь на данном вопросе специально (он будет в дальнейшем предметом особого рассмотрения), отметим лишь то, что речь идет о специфически человеческом способе закрепления и передачи от поколения к поколению обобщенного, социально значимого опыта деятельности людей, который и служит для каждого нового поколения программой его поведения.

Понятием культуры широко пользуются все обществоведы. Однако вплоть до сравнительно недавнего времени обществоведы редко сопоставляли культуру с передачей генетической программы. Иначе обстоит дело у биологов. Они, как правило, обращали внимание на передачу опыта через посредство примера и языка, сравнивая ее с биологической наследственностью. Одни из них писали о двух процессах наследственности у человека², другие предлагали употреблять термин «наследственность» для обозначения исключительно лишь передачи информации через половые клетки, а передачу информации иным путем называть «преемственностью»³. Встречаются в трудах генетиков и такие термины, как «генетическая программа» и «социальная программа», «биологическое наследование» и «социальное наследование»⁴, а также «социальная преемственность»⁵.

Но общепринятым все же является термин «культура». Именно в культуре ищет подавляющее большинство буржуазных исследователей-обществоведов основу человеческого поведения. Сущность поведения человека, подчеркивают многие из них, определяется культурой, а не структурой его организма⁶. С этим связана нередко встречающаяся в их работах характеристика культуры как суперорганического, надбиологического явления⁷. Таким образом, сущность отличия человека от животных они видят в том, что первый обладает культурой, а последние ее не имеют.

Казалось бы, проблема решена. Однако в действительности налицо лишь видимость ее решения, не более. Чтобы убедиться в этом, достаточно поставить вопрос об источнике и основе программы поведения человека. Выше уже был приведен наиболее распространенный ответ: источник данной программы составляет опыт человеческой деятельности. Однако что же является основой самого этого опыта? Ответ, казалось бы, прост: ею является сама практическая деятельность. Именно в практике приобретается людьми опыт. Но сама деятельность определяется, во-первых, программой, в которой выражается старый опыт, и, во-вторых, новым опытом, который вносит изменения в программу. Получается так, что программа определяется опытом, опыт — практикой, а практика — программой и опытом. Образуется замкнутый круг.

Применительно к материально-производственной деятельности людей подобный круг разрывается довольно легко. Материально-производственная деятельность представляет собой взаимодействие человека с природой, которая существует независимо от сознания и воли людей, с материальными вещами. В процессе материального производства человек изменяет вещи, придает им иную форму. Добиться этого он может только одним путем: действовать не как угодно, а вполне определенно. Образ действия детерминирован в конечном счете объективными свойствами тех вещей, с которыми человек оперирует. Какие действия человека являются правильными, какие ошибочными, зависит от этих свойств. Программа материально-производственной деятельности вырабатывается в сознании людей на основе опыта предшествующих практических взаимодействий с внешним миром, на основе полученных в ходе этого взаимодействия знаний о свойствах материальных вещей и возможностях их использования. Она становится реальной программой только тогда, когда правильно отражает объективный мир.

Сложнее обстоит дело с поведением людей, т. е. с их действиями по отношению друг к другу. Тот или иной образ поведения зависит от сознания, без которого нет и не может быть программы поведения. Но чем руководствуются люди, вырабатывая программу поведения? По-видимому, знанием о том, как себя вести. Получается, что сознание определяет поведение, а поведение определяет сознание. Можно, конечно, попытаться сослаться на опыт. В процессе поведения человек приобретает опыт, т. е.

² См.: *Морган Т. Г.* Экспериментальные основы эволюции. М.; Л., 1936.

³ См.: *Давиденков С. Н.* Эволюционно-генетические проблемы в невропатологии. Л., 1947.

⁴ *Дубинин Н. П.* Философские и социологические аспекты генетики человека. — Вопросы философии, 1971, № 1, с. 36—39 и др.

⁵ *Эфроимсон В.* Родословная альтруизма. — Новый мир, 1971, № 10, с. 193.

⁶ *Kroeber A. L.* The superorganic. — In: *The Nature of culture*. Chicago, 1952; *White L. A.* The evolution of culture, p. 12—17.

⁷ *Kaplan D.* The superorganic science or metaphysics? — *American anthropologist*, v. 67, N 4, 1965.

навыки поведения и знание о том, как нужно и как не нужно себя вести. Однако и здесь критерием, позволяющим отделить правильные поступки от ошибочных, выступает программа поведения. Правильными становятся поступки, соответствующие программе, ошибочными — расходящиеся с программой. В рамках рассматриваемой концепции неизбежен вывод: ни у опыта поведения, ни у программы поведения нет не зависящей от сознания основы. Логический круг разрывается при таком подходе, но разрывается ценой признания сознания за первичное, определяющее по отношению к поведению. Иначе как идеалистической такую точку зрения назвать нельзя.

Таков конечный итог, к которому неизбежно должны прийти все, кто разделяет взгляд, согласно которому суть отличия человека от животного заключается в наличии у него культуры. И если к нему не приходят прямо, то это говорит лишь о явной непоследовательности суждений. Изменить идеалистический характер концепции не могут и встречающиеся иногда утверждения о том, что культура не зависит от человека, что культура управляет человеком и т. п.⁸

Выявление идеалистической природы рассматриваемой концепции стало одной из причин возникновения в последние десятилетия среди ученых немарксистского направления весьма своеобразного течения. Сторонники его не могут примириться с фактическим отрицанием материальной основы человеческого поведения. В суперорганической теории культуры, справедливо отмечают они, все нормы человеческого поведения выступают по существу в качестве «свободных продуктов человеческого воображения»⁹. Стремясь преодолеть подобную интерпретацию программы социального поведения, они начали искать и «нашли» ее материальный базис в биологии человека, в его наследственной основе, в его генотипе.

По их мнению, и анатомическая организация человека, и в своих основных чертах социальное поведение человека запрограммированы генетически. Они-то (генетически запрограммированные анатомическая и поведенческая системы) и являются единым базисом человеческой социальной организации¹⁰. Корни социальной организации уходят в их интерпретации к биологической организации человека. Поэтому человек в конечном счете отличается от животных как одно животное от других.

С такой точки зрения проблема соотношения природы и культуры представляется надуманной и фальшивой, ибо «культура есть просто специфически видовое поведение одного особенного примата и должна быть объяснена теми же самыми принципами, что и развитое поведение любого примата»¹¹. Основной вывод, к которому приходят сторонники данной концепции, заключается в том, что изучение человеческого социального поведения становится одной из областей сравнительной зоологии животного поведения и является в широком смысле объектом того же самого рода анализа и объяснения. «Никакой другой специальной теории,

кроме дарвиновской, не нужно, чтобы объяснить развитие и постоянство более общих черт человеческой социальной организации»¹².

Так утверждают сторонники «этологии человека». Им вторят последователи «социобиологии», представляя ее в виде систематического изучения «всех форм социального поведения, одинаково как у животных, так и у человека»¹³. Свою задачу применительно к человеку они видят в том, чтобы поместить социальную науку в биологические рамки¹⁴. Они убеждены, что социобиология может помочь понять человеческое поведение и его фундаментальные правила¹⁵. В частности, по их мнению, эта дисциплина открывает путь к пониманию морали вообще, альтруизма в особенности. «Я полагаю,— пишет один из основоположников социобиологии,— что глубоко лежащая эмоция альтруизма, которая мощно выражает себя потенциально во всех человеческих обществах, есть следствие генетического вклада»¹⁶.

Таким образом, стремление преодолеть идеализм в понимании отличия человека от животного, которое господствует у одной части немарксистских исследователей, привело другую их часть к отрицанию существования качественной грани между человеком, с одной стороны, и животными — с другой, т. е. к биологизации человека. У этой части исследователей на смену одному ошибочному взгляду пришел другой, не менее ошибочный.

Преодолеть как тот, так и другой взгляд, раскрыть подлинную сущность человека, а тем самым и его качественное отличие от животных можно только с позиций марксизма-ленинизма. Лишь материалистическое понимание истории дает ключ к решению этой проблемы. Революционный переворот, который был совершен здесь марксизмом, состоит в открытии объективной основы человеческого поведения, в открытии объективного источника той части сознания, которая определяет поведение человека. Такой объективной основой, объективным источником выступает в конечном счете совокупность материальных (производственных) отношений, что в дальнейшем станет предметом нашего специального рассмотрения.

Ошибка тех исследователей, которые видели специфику человека в наличии у него культуры, заключалась вовсе не в призна-

⁸ White L. A. The evolution of culture, p. 13—14.

⁹ Fox R. Primate kin and human kinship.— In: Biosocial anthropology. L., 1975, p. 9.

¹⁰ Tiger L., Fox R. The zoological perspective in social science.— Man, 1966, v. 1, N 1, p. 76.

¹¹ Fox R. Primate kin and human kinship, p. 9.

¹² Tiger L., Fox R. The zoological perspective in social science, p. 76.

¹³ Wilson E. Sociobiology: a new approach to understanding the basis of human nature.— New scientist, 1976, v. 70, N 1000, p. 342.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Wilson E. Sociobiology: a new approach to understanding the basis of human nature, p. 345.

¹⁶ Ibid., p. 343.

нии существования надбиологического, против чего выступают последователи «этологии человека». Надбиологическое, несомненно, существует, и его существование нельзя опровергнуть. Ошибка в данном случае заключается в том, что надбиологическое прямо или косвенно сводится к сознанию, к духовной деятельности людей.

Человеческое сознание, бесспорно, является надбиологическим. Но кроме надбиологического духовного существует и надбиологическое материальное, которое и становится основой человеческого сознания. В противоположность духовному, выступающему на поверхности, материальное надбиологическое скрыто, что и создает иллюзию «чисто» духовного характера надбиологического. Только выявление сущности такого материального, раскрытие природы общественного бытия людей позволили выяснить действительное отличие общества от объединения животных.

Возникновение и развитие объединений животных представляют собой не самостоятельный процесс, идущий по своим специфическим законам, а всего лишь момент эволюции того или иного биологического вида, всецело определяемой биологическими законами. Ни с какой другой, более высокой, чем биологическая, формой движения материи мы здесь не сталкиваемся.

Человеческое же общество, имея в своей основе систему материальных общественных отношений, представляет собой особое материальное образование, которое развивается по законам, отличным от законов эволюции живой материи. Именно это дает основание говорить об общественном развитии как о новой, высшей форме движения материи, отличной от биологической.

Коренное, качественное отличие человеческого общества от объединений животных нашло свое отражение и в соответствующей терминологии. Термин «общество» и производные от него слова «общественное», «социальное» возникли для обозначения явлений, присущих только человеку, т. е. для обозначения надбиологического и его различных аспектов. И только потом они начали использоваться некоторыми авторами для обозначения объединений животных и иных связанных с ними явлений. Такое употребление этих слов стало результатом неспособности раскрыть сущность отличия человека от животных. Возникнув, оно в свою очередь мешало и мешает провести действительное различие между объединениями животных и человеческим обществом и тем самым понять специфические черты процесса становления человеческого общества.

Во всем дальнейшем изложении под «обществом» будет пониматься лишь такая общность индивидов, которая представляет собой особый (социальный) организм, развивающийся по законам, отличным от биологических, а под «общественным», «социальным» — высшая по сравнению с биологической социальная форма движения материи и все порожденное ею. Иначе говоря, понятия «общественное», «социальное» равнозначны понятию «надбиологическое». В таком смысле эти слова употребляются в

марксистско-ленинской литературе, и такое их употребление является единственно научным. Строго говоря, ни о каких «обществах животных», ни о какой «социальной организации», ни о каких «социальных связях» применительно к миру животных не может быть речи. Социальное присуще исключительно человеку.

Животное — только биологическое существо. Оно таково, каков его биологический организм. Здесь заключена его сущность. Человек же — общественное существо. Этим он отличается от всех животных. Сущность человека как общественного существа обнаруживается в том, что он таков, каков тот социальный организм, в состав которого он входит. Представляя собой экономическую основу социального организма, совокупность материальных общественных отношений детерминирует сознание и волю людей, определяет мотивы и стимулы их деятельности, а тем самым — все их поведение, все их прочие отношения. Вместе с тем, став общественным существом, человек не перестает быть биологическим организмом. У него, как и у любого животного, существуют определенные биологические потребности, удовлетворение которых представляет собой необходимое условие его бытия. Но если у животного биологические потребности являются единственными и поэтому безраздельно господствующими стимулами поведения, то у человека они всегда подчинены другим стимулам, имеющим свои корни в структуре общества. Ими прежде всего определяется поведение человека. Удовлетворение биологических потребностей всегда контролируется обществом. Оно происходит в определенных рамках, с соблюдением определенных норм и правил.

2. Антропосоциогенез

Отличие человека от животного и человеческого общества от объединения животных столь велико, что не может быть и речи о мгновенном превращении животного в человека и объединении животных — в человеческое общество. С неизбежностью должен был существовать длительный период становления человека (антропогенеза) и общества (социогенеза). Становление человека и становление общества представляют собой две неразрывно связанные стороны единого по своей природе процесса — антропосоциогенеза. Отсюда следует, что начало антропогенеза было одновременно и началом социогенеза, завершение антропогенеза — завершением социогенеза.

В самом общем виде положение об особом периоде становления человека и общества было сформулировано Ф. Энгельсом, писавшим о «формировавшихся людях» и «готовом человеке», вместе с которым возникло общество, о стадах первобытных людей¹⁷. В работах В. И. Ленина также встречается упоминание о первобытном стаде, обуздывавшем «зоологический индивидуализм»,

¹⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 489—491; т. 34, с. 138.

о стаде первобытных людей¹⁸. Но свое конкретное воплощение эти положения получили в созданной советскими антропологами и отчасти археологами теории, названной концепцией «двух скачков»¹⁹.

Согласно данной теории в эволюции человека существуют два узловых пункта, два переломных момента. Первый из них — это озаглавленный началом изготовления орудий переход от стадии животных — предшественников человека к стадии формировавшихся людей: питекантропов и других сходных с ними форм протантропов (архантропов) и неандертальцев (палеантропов). Второй — происшедшая на грани раннего и позднего палеолита смена палеантропов людьми современного физического типа, иначе — неантропами (*Homo sapiens*). Первый скачок означал появление общественных закономерностей, второй — установление их полного и безраздельного господства в жизни людей. Первобытное стадо (орда) формировавшихся людей — питекантропов и неандертальцев — уже не было чисто биологическим объединением и в то же время еще не было подлинным человеческим обществом. Оно представляло собой формировавшееся человеческое общество.

Теория двух скачков получила широкое признание в советской науке. Однако имеются и другие точки зрения, сторонники которых выступают с критикой теории двух скачков. Одна из них состоит в том, что уже питекантропы, не говоря о неандертальцах, были подлинными, готовыми людьми, а их объединения — подлинным человеческим обществом. Поэтому термин «первобытное стадо» к последним неприменим²⁰. Фактически отрицая период становления человеческого общества, сторонники данной точки зрения настаивают по существу на том, что превращение стада животных — предшественников человека в человеческое общество произошло как бы «мгновенно». Тем самым и антропогенез представляется ими в виде некоего «одноразового акта», сводится лишь к формированию физического типа человека. Другая точка зрения, во многом противоположная первой, отстаивалась Б. Ф. Поршневым. Она заключается в том, что ни питекантропов, ни неандертальцев ни в каком смысле нельзя считать людьми. Они были животными и только животными. Соответственно их объединения носили чисто биологический характер. Первыми людьми были неантропы. Поэтому социальное зарождается вместе с их появлением²¹. Рассматриваемая точка зрения находится в таком противоречии со всеми имеющимися в распоряжении науки данными, что никто из специалистов в области антропологии и археологии ее не принял.

Общим для обеих точек зрения выступает односторонний подход к реальному процессу становления человека и общества, которые одновременно и существуют, ибо они уже возникают, и не существуют, ибо они еще не возникли. Всякое становление всегда есть единство бытия и небытия. Сторонники первой точки зрения абсолютизируют момент бытия общества, сторонники вто-

рой — момент небытия. Одни абсолютизируют первый скачок, другие — второй, превращая его в единственный.

Кроме прямых защитников первой из названных точек зрения, к ней в той или иной степени близки и некоторые другие исследователи, также выступающие против теории двух скачков. Главным объектом их критики является термин «первобытное человеческое стадо», используемый в теории двух скачков. Вкладывая в этот термин свой собственный смысл, а именно понимая «первобытное стадо» как чисто биологическое объединение, они обвиняют сторонников теории двух скачков в полном отрицании существования социального в период, предшествующий возникновению неантропа. «Обычно предполагают, — пишет, например, Г. П. Григорьев, имея в виду сторонников концепции двух скачков, — что неандерталец был лишен духовной жизни, отрицают и существование общества, какой бы то ни было социальной организации у неандертальцев»²². И далее, указывая на факты, свидетельствующие о существовании довольно прочных социальных связей и духовной жизни у неандертальцев, он объявляет критикуемую им теорию опровергнутой. Однако факты опровергают не теорию двух скачков, а лишь указанные взгляды Б. Ф. Поршневa.

Как уже отмечалось, термин «первобытное стадо» применяется сторонниками концепции двух скачков для обозначения становящегося человеческого общества, представляющего собой систему формировавшихся социальных связей. И если Г. П. Григорьев в упомянутой работе соотносит появление первых социальных связей только с ашелем (понимая под ашелем стадию, следующую за шеллем)²³, то сторонники критикуемой им точки зрения считают, что социальные связи существуют уже у питекантропов. В целом взгляды Г. П. Григорьева по данному вопросу не отличаются особой ясностью. Нельзя, в частности, понять,

¹⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 10; т. 48, с. 232.

¹⁹ Борисковский П. И. Исторические предпосылки оформления так называемого *Homo sapiens*. — Проблемы истории докапиталистических обществ, 1935, № 1—2, 5—6; Рогинский Я. Я. К вопросу о периодизации процесса человеческой эволюции. — Антропологический журнал, 1936, № 3; Он же. Проблема происхождения *Homo sapiens*. — Успехи биологических наук, 1938, т. 9, № 1 (4); Юзефович А. Н. Перерывы постепенности в эволюции человека. — Природа, 1939, № 11; Якимов В. П. Ранние стадии антропогенеза. — Труды института этнографии, нов. серия, 1951, т. 16; и др.

²⁰ См.: Брюсов А. Я. Рец.: Происхождение человека и древнее расселение человечества. — Вестник древней истории, 1953, № 2; Крайнов Д. А. Некоторые вопросы становления человека и человеческого общества. — В кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970.

²¹ Поршнев Б. Ф. Материализм и идеализм в вопросах становления человека. — Вопросы философии, 1955, № 5; Он же. О начале человеческой истории: (Проблемы палеопсихологии). М., 1974, с. 104—105, 373, 389 и др.

²² Григорьев Г. П. Начало верхнего палеолита и происхождение *Homo sapiens*. М.; Л., 1968, с. 129.

²³ Там же.

существовал ли, по его мнению, особый период формирования человеческого общества или же оно возникло сразу, мгновенно.

Не всегда отличаются четкостью взгляды и других авторов, возмражающих против применения термина «первобытное стадо» для обозначения объединения людей второй половины раннего палеолита вообще, мустьерского времени в особенности. Они называют такие объединения и общинами, и локальными группами, и, наконец, зарождающимися родами²⁴. Из работ этих исследователей не ясно, как они рассматривают коллектив людей более ранней эпохи — как чисто биологическое объединение или же формировавшееся общество. Столь же трудно выяснить, что, по их мнению, представляет собой объединение людей второй половины раннего палеолита — формировавшееся или уже готовое общество. Большинство их, по-видимому, склоняются ко второй точке зрения. В качестве доказательства они ссылаются на новые данные, свидетельствующие о существовании в мустьерскую эпоху сравнительно долговременных жилищ и магических обрядов. Но следует сказать, что данные о существовании в мустье магической обрядности давно уже имеются в распоряжении науки. Новые открытия в этой области мало что добавляют к уже известному. Что же касается долговременных жилищ, то само по себе их существование в мустье ни в коей мере не может рассматриваться как доказательство, будто в эту эпоху мы имеем дело с готовым, а не формировавшимся обществом.

Данные науки не ставят под сомнение факт, который лег в основу вывода: формирование человеческого общества завершилось лишь с переходом от раннего палеолита к позднему. Этот факт заключается в том, что в течение всего раннего палеолита шел процесс эволюции человека как биологического вида. Между архантропами, палеантропами и неантропами существуют значительные морфофизиологические различия, оценить которые нельзя во всяком случае ниже, чем видовые. Процесс трансформации архантропов в палеантропов и палеантропов в неантропов в биологическом плане не может рассматриваться иначе как процесс превращения одного биологического вида в другой, как процесс видообразования, возникновения новых биологических видов.

С появлением неантропа развитие человека в качестве биологического вида прекратилось. Это отнюдь не значит, что человек вообще перестал развиваться. Наоборот, только с появлением неантропа началось стремительное, непрерывно убыстряющееся развитие человечества. За несколько десятков тысяч лет человечество прошло путь от каменного топора до атомных электростанций и космических кораблей, от первобытнообщинного строя до социализма. Однако все эти колоссальные изменения не затронули биологического вида человека. Человек корепным образом изменился не как биологическое, а как социальное существо. Изменения носили социальный характер. Сказанное неопровержимо свидетельствует, что с появлением неантропа развитие

человека стало безраздельно определяться общественными закономерностями, что только вместе с ним возникло готовое, сформировавшееся человеческое общество, т. е. завершился единый процесс становления человека и общества — антропосоциогенез.

Но если наука не располагает никакими новыми данными, которые заставили бы пересмотреть верхнюю границу периода формирования человека и общества, то с нижней границей этого периода дело обстоит сложнее. Социальное невозможно без производства. Только там, где существует производство, может иметь место социальное. Поэтому общественное существо есть обязательно существо производящее. Производство — необходимый признак человека. Отсюда делался и нередко сейчас делается вывод: оно выступает и достаточным признаком человека. Поэтому любое производящее существо обязательно является человеком, а возникновение производственной деятельности кладет грань между животным и человеком. Конечно, все это отнюдь не значит, что сторонники указанной точки зрения полагали, будто наличие одной лишь производственной деятельности делает данное существо человеком. Само собой разумеющимся считалось наличие также сознания и социальных связей. И обоснования для такого допущения были.

Столь характерная для животных приспособительная деятельность заключается в использовании для удовлетворения потребностей тех вещей, которые существуют в природе в готовом виде. В отличие от нее производственная деятельность заключается в создании для удовлетворения потребностей таких вещей, которые в природе в готовом виде не существуют. Материальное производство есть преобразование вещей, материальное творчество. Но материальное творчество предполагает существование идеального духовного творчества. Производственная деятельность требует особой формы отражения мира, отсутствующей у животных, — активного, творческого отражения, включающего в себя в качестве необходимого момента формирование образов вещей, которые еще не существуют и не существовали ранее.

Создание образов еще не существующих вещей невозможно без отражения существенного, необходимого, общего в наличных вещах. Поэтому в качестве другого обязательного момента данная форма отражения должна включать в себя особые образы существенного, необходимого, общего. Такими образами могут быть только понятия и системы понятий, которые в свою очередь невозможны без слова, языка. Иначе говоря, производственная деятельность требует и предполагает понятийное мышление, т. е. сознание и язык (членораздельную речь). Человеческое сознание

²⁴ См.: *Праслов Н. Д.* Ранний палеолит северо-восточного Приазовья и нижнего Дона. — Материалы и исследования по археологии СССР. Л., 1968, № 157, с. 138—146; *Любин В. П.* Нижний палеолит. — Материалы и исследования по археологии СССР: Каменный век на территории СССР. М., 1970, № 166, с. 40; *Рогачев А. Н.* Палеолитические жилища и поселения. — Там же, с. 76; и др.

и отражает мир и через производственную деятельность воздействует на него, обеспечивая преобразование мира в соответствии с поставленными целями.

Производственная деятельность в принципе, в идеале является целенаправленной, волевой и в таком смысле свободной. Именно это дало самые важные аргументы для вывода, что производственная деятельность может быть только сознательной, но ни в коем случае не условнорефлекторной, какой является приспособительная деятельность животных. Отличие в содержании деятельности с неизбежностью определяет различие в форме.

Данный теоретический вывод находил свое подтверждение в фактах. Один из них состоял в том, что производственная деятельность в собственном смысле слова не была обнаружена ни у одного из ныне существующих видов животных, включая и самых высших. Этот факт остается неопровергнутым, несмотря на появившиеся в последние десятилетия работы, в которых в том или ином виде утверждается существование «производственной деятельности» у животных, особенно у высших человекообразных обезьян²⁵.

О производственной деятельности можно говорить только в том случае, если мы сталкиваемся с изготовлением орудий при помощи орудий. Ни у одного из современных животных в естественных условиях такого вида деятельности не обнаружено. У них спорадически встречаются лишь действия по использованию готовых природных предметов в качестве орудий или в лучшем случае обработка природных предметов при помощи органов тела. Правда, в условиях неволи у обезьян были отмечены случаи воздействия одним предметом на другой, результатом которого было изменение этих предметов. Но измененные таким образом предметы никогда специально не использовались в качестве орудий, хотя возможность случайного их применения в этом качестве, разумеется, не может быть исключена.

Из всех ныне живущих существ производственная деятельность присуща одному лишь человеку, который обладает сознанием, волей и живет в обществе. Еще несколько десятилетий тому назад данные палеантропологии и археологии не вступали в противоречие с положением о том, что производственная деятельность может быть только сознательной и никакой другой. Древнейшими из известных тогда производящих существ были питекантропы. Принадлежность этих существ к числу людей не вызывает сомнений. Их морфофизиологическая организация вообще и структура мозга в частности хотя и отличается от той, что присуща современным людям, но в целом носит достаточно отчетливый человеческий характер. Имелись определенные основания полагать, что непосредственными предками питекантропов были человекообразные обезьяны, в принципе не отличавшиеся ни по своей морфофизиологической организации, ни по характеру деятельности от современных антропоидов. Отсюда напрашивалось заключение, что производственная деятельность пришла

непосредственно на смену обычной животной деятельности по естественному присвоению предметов природы, подобной той, которая наблюдается у современных высших приматов, и что эта производственная деятельность с самого начала была сознательной, волевой.

С открытием австралопитеков именно они, а не ископаемые человекообразные обезьяны стали рассматриваться как непосредственные предшественники питекантропов. Австралопитеки значительно отличались от человекообразных обезьян. Они передвигались на задних конечностях, имели свободные верхние конечности, систематически использовали камни, палки и другие природные предметы для защиты от врагов и для охоты. Однако австралопитеки не производили, а лишь приспособлялись к среде с помощью природных орудий. Чисто животной была у них морфофизиологическая организация. Поэтому вопрос об их природе не вызвал среди специалистов слишком больших споров. Они, несомненно, были не людьми, а животными, хотя и очень своеобразными, отличными от всех ныне существующих животных. Точнее всего австралопитеков можно было бы назвать предлюдьми (прегоминидами).

В 60-х годах XX в. выяснилось, что непосредственными предшественниками питекантропов являются происшедшие от австралопитеков существа, которые при их открытии были названы *Homo habilis*²⁵. Вокруг вопроса о природе хабилисов развернулась оживленная дискуссия, которая не завершилась и до настоящего времени. Одни исследователи настаивают на том, что хабилисы являются людьми. Другие рассматривают их как животных.

Чтобы понять суть проблемы и споров вокруг нее, нужно обратиться к фактам. К настоящему времени можно считать совершенно твердо установленным, что хабилисы изготавливали орудия при помощи орудий, т. е. производили. Столь же твердо установлено, что по своей морфофизиологической организации, включая структуру мозга, они сколько-нибудь существенно от австралопитеков не отличались. Как вынуждены признать даже самые упорные защитники человеческого статуса хабилисов, если бы с ними не было найдено орудий, то никто из исследователей не усомнился бы в том, что они являются животными²⁷. Иначе обстоит дело с питекантропами. Для определения их принадлежности к людям достаточно анализа одной лишь их морфологической организа-

²⁵ См.: Ван Лавик-Гудолл Дж. В тени человека. М., 1974, с. 172—173; Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории: (Проблемы палеопсихологии), с. 386—388; White L. A. Use and manufacture of tools by the lower Primates.— *Antiquity*, 1948, v. 22, N 2.

²⁶ Leakey L. S., Tobias P. V., Napier J. R. A new species of genus *Homo* from Olduvai Gorge.— *Nature*, 1964, v. 202, N 4927.

²⁷ См.: Урысон М. И. Ископаемый гоминид из республики Чад и проблема пограничных форм между австралопитековыми и древнейшими людьми.— *Вопросы антропологии*, 1966, вып. 22, с. 83.

ции. И этот факт признается всеми антропологами, не исключая тех, кто считает хабилисов людьми²⁸.

Таким образом, грань, отделяющая животную морфофизиологическую организацию от человеческой, проходит не между австралопитеками и хабилисами, а между хабилисами и питекантропами. Все это вместе взятое дает основания для следующего вывода: только с переходом к питекантропам начали формироваться такие специфически человеческие особенности, как мышление, воля, язык. Иначе говоря, накопленный к настоящему времени наукой материал настоятельно требует отказа от положения о том, что производственная деятельность с самого начала была сознательной и волевой. В свете новых данных стало ясно, что производственная деятельность, с одной стороны, мышление и язык — с другой, возникли с разрывом примерно в 1—1,5 млн. лет.

И этот факт не только не противоречит, но, наоборот, находится в полном соответствии с марксистским тезисом о том, что труд создал человека. Чтобы создать человека, производственная деятельность должна была возникнуть не одновременно с человеком, а раньше человека. Хотя производственная деятельность в собственном смысле может быть только сознательной и волевой, реально она не могла возникнуть иначе, как в животной форме. Такая форма с самого начала находилась в противоречии с содержанием производственной деятельности, что не исключало полностью возможности какого бы то ни было его развития. Однако рано или поздно и эта крайне ограниченная возможность была полностью исчерпана. Начиная с определенного момента дальнейшее совершенствование производственной деятельности в животной оболочке стало абсолютно невозможно. Возникла насущная необходимость освободить производственную деятельность от животной формы, превратить ее в сознательную, волевою, что, разумеется, предполагало начало существенной перестройки морфофизиологической организации производящих существ, и прежде всего структуры их мозга. Если производственная деятельность зарождается вместе с хабилисами, то в сознательную, волевою она начинает преобразовываться лишь с переходом к питекантропам.

Современные данные науки заставляют, следовательно, пересмотреть то решение проблемы грани между животным и человеком, которое долгое время было общепринятым. Утверждая, что черту между животными и человеком проводит производственная деятельность, исследователи имели в виду и зарождение вместе с ней мышления и языка. Теперь, когда выяснилось, что производственная деятельность возникла и первоначально развивалась в иной форме, вновь встал вопрос: где же проходит эта черта? Порождается ли она переходом от использования природных орудий к изготовлению орудий с помощью орудий или же ее начало связано с формированием мышления, языка, воли и соответственно специфически человеческой морфофизиологической организа-

ции? Многие антропологи склоняются ко второму, исходя из того, что без специфически человеческой морфофизиологической организации нет человека. Поэтому они относят хабилисов не к людям, а к животным. Первыми людьми при таком подходе выступают питекантропы²⁹.

Производственная деятельность при своем возникновении облечена в животную оболочку не только условнорефлекторного поведения, но и зоологического объединения. На определенном этапе объективной необходимостью стало освобождение производства как от той, так и другой животной оболочки. Началось становление производственных отношений и одновременно формирование мышления и языка. Материальное социальное и духовное социальное могут существовать только вместе. Общественное бытие и общественное сознание формируются в неразрывном единстве.

Начало формирования общественного бытия и общественного сознания было одновременно и началом превращения объединения животных в социальный организм, развивающийся по законам, отличным от биологических, началом становления человеческого общества, а тем самым и человека. Формирование человеческого общества связано, таким образом, не с появлением хабилисов, а с переходом от них к питекантропам. Только последние были людьми. Что же касается хабилисов, то они являются не людьми, а животными, но животными особого рода — предлюдьми. Если австралопитеков можно охарактеризовать как ранних предлюдей, то хабилисов — как поздних предлюдей, непосредственно предшествующих людям.

Становление человеческого общества началось с переходом от хабилисов к питекантропам, что произошло примерно 1—1,5 млн. лет тому назад и завершилось с появлением человека современного физического типа, неоантропа. На протяжении всего этого длительного периода наука имеет дело с обществом еще неготовым, еще формировавшимся. Некоторым ученым термин «первобытное стадо» применительно к формировавшемуся обществу представляется не вполне удачным, ибо со словом «стадо» тесно связано представление о полном отсутствии социального. Не предлагая отказаться от данного термина вообще, мы считаем возможным использовать для обозначения формировавшегося общества термин «праобщество».

Становление общества было процессом вызревания первой формы его существования — первобытного общества, первобытно-

²⁸ См.: Урысон М. И. Люди или животные? — Природа, 1973, № 1, с. 33; Якимов В. П. Антропогенез: орудия и мозг. — Природа, 1974, № 9, с. 89—90; Le Gros Clark W. E. Man-apes or ape-men? N. Y., 1967, p. 50.

²⁹ Зубов А. А. Систематические критерии рода *Номо* и его эволюция. — Вопросы антропологии, вып. 43, 1973; Якимов В. П. Некоторые проблемы становления человека на начальном этапе. — Биологические науки, 1976, № 2; Кочеткова В. И. Возможные варианты микроструктуры мозга *Номо habilis*. — Вопросы антропологии, вып. 32, 1969; Le Gros Clark W. E. Man-apes or ape-men? p. 45—50; Wells L. H. Forward from Taung. — Journal of human evolution, v. 2, 1973, N 6, p. 563—565 etc.

общинной общественно-экономической формации. Первобытное общество всегда существовало как совокупность конкретных отдельных обществ (социальных организмов), которые чаще всего именуются первобытными общинами. Становление общества было, таким образом, формированием первобытной общины. Поэтому формировавшиеся социальные организмы можно назвать праобщинами. Соответственно праобщество всегда реально существовало как совокупность конкретных отдельных праобществ или праобщин. Эволюция праобщества есть эволюция праобщины.

Эпоха праобщества была временем становления первобытно-общинных, а не каких-либо других общественных отношений. Но это не должно заслонять того несомненного факта, что в эпоху праобщества формировалось не просто первобытное общество, а человеческое общество, возникали не просто первобытнообщинные отношения, а общественные отношения вообще. Как формировавшееся общество праобщество противостоит всему готовому человеческому обществу, начиная с первобытного и кончая коммунистическим. Качественная грань между праобществом и обществом является более глубокой, чем рубежи между общественно-экономическими формациями, ибо первая отделяет стадию превращения стада животных в человеческое общество от стадии развития готового, сформировавшегося общества, а вторые — одни исторические ступени развития готового общества от других.

История человека в этом плане делится прежде всего на два основных крупных периода: историю праобщества (период формирования, становления общества) и историю собственно человеческого общества (период развития готового, сформировавшегося общества). Если при изучении истории готового человеческого общества можно абстрагироваться от биологических особенностей человека, то при изучении праобщества такая абстракция недопустима, необходимо в полной мере принимать во внимание не только социальное, но и биологическое.

Формирование человеческого общества есть процесс превращения животного объединения в социальный организм, процесс становления материальных (производственных), а тем самым и других общественных отношений, зарождение новых, социальных по своей природе факторов жизнедеятельности. Завершение этого процесса означало превращение таких факторов в безраздельно господствующие, всецело определяющие поведение человека. Вполне понятно, что становление новых, социальных факторов поведения не могло не быть процессом оттеснения на задний план ранее безраздельно господствовавших биологических факторов — инстинктов — через их ограничение, подавление, обуздание. О том, что процесс носил именно такой характер, говорят многие данные. Во всех социальных организмах без исключения, начиная с самых примитивных, инстинкты, присущие человеку, находятся под контролем общества. Особенно строгим, тщательным был этот контроль в первобытных социальных организмах.

Если понимать под «зоологическим индивидуализмом» стремление особи к удовлетворению исключительно лишь своих биологических инстинктов, то становление человеческого общества можно охарактеризовать как процесс обуздания «зоологического индивидуализма», завершившийся утверждением человеческого коллективизма. Социальное могло возникнуть только в борьбе с биологическим. Борьба эта носила упорный характер. В течение всего периода формирования общества «зоологический индивидуализм» представлял для праобщества и формирующихся людей (пралюдей) грозную опасность. Прорывы «зоологического индивидуализма» могли привести и приводили к распаду праобщин и гибели их членов.

Становление общественных отношений и тем самым новых стимулов поведения было невозможно без ограничения проявления биологических инстинктов. Это было объективной потребностью развития праобщества, которая с неизбежностью должна была найти свое выражение в формировавшейся воле праобщины (праморали), а через нее и в воле каждого прачеловека. Необходимостью было, таким образом, возникновение норм поведения, ограничивающих проявление инстинктов. Эти нормы с неизбежностью должны были носить негативный характер, т. е. они были запретами.

Данные этнографии позволяют составить представление о том, какой именно характер носили первобытные запреты. Они выступали в форме табу. Табу — весьма своеобразный вид запретов. Сущность его заключается в нейтрализации, предотвращении неведомой, по реальной опасности, которая угрожает гибелью и нарушителю этого запрета, и всему коллективу, членом которого он является³⁰. Именно такую опасность представлял собой в период праобщества «зоологический индивидуализм». Нельзя в данной связи не отметить, что многие исследователи на основе тщательного изучения табу пришли к выводу, что они возникли как средства обуздания животных инстинктов³¹.

Весьма вероятно, что форму табу носили вообще все первые нормы поведения, в том числе и такие, которые имели позитивное содержание. Это связано с тем, что в праобществе все новые социальные потребности были одновременно и потребностями в ограничении инстинктов. Становление человеческого общества с необходимостью предполагало введение в определенные рамки таких важнейших животных потребностей, как пищевая и половая. Причем в первую очередь такому ограничению должен был подвергнуться пищевой инстинкт.

На ранних стадиях эволюции первобытного общества все средства производства и предметы потребления были собствен-

³⁰ Подробный анализ особенностей табу и литературу по этому вопросу см.: Семенов Ю. И. Как возникло человечество. М., 1966, с. 275—284.

³¹ См.: Рейнак С. Несколько замечаний о табу.— Атеист, 1926, № 5; Briffault R. The mothers. L., 1927, v. 2, p. 352—356, v. 3, p. 251—253 etc.

ностью коллектива, который поэтому с полным правом может быть назван первобытной коммуной. Соответственно производственные отношения, лежащие в основе раннего первобытного социального организма, могут быть названы первобытнокоммунистическими или коммуналистическими. Коммуналистической была и собственность на самый важный предмет потребления — пищу. Вся пища, добытая членами коллектива (совершенно независимо от того, добывалась ли она ими совместно или в одиночку), была полной собственностью коллектива. И эта полная собственность на всю пищу могла выразиться и выражалась в одном: в распределении пищи между всеми его членами, причем независимо от того, участвовали они в ее добывании или нет.

Такого рода распределение часто именуют уравнительным. Однако оно не предполагает с необходимостью распределение продукта между всеми членами первобытного коллектива поровну, хотя последнее и могло иметь место. Суть такого распределения заключалась в том, что каждый член первобытного коллектива имел право на часть созданного продукта исключительно в силу своей принадлежности к этому коллективу. Его тоже можно назвать коммуналистическим³². Вполне понятно, что формирование подобного рода отношений собственности означало установление социального контроля над проявлением пищевого инстинкта. Первые нормы, регулировавшие распределение пищи, а тем самым ограничивавшие пищевой инстинкт, носили, по всей вероятности, о чем уже шла речь, форму табу. Однако никаких пищевых табу, которые могли бы быть истолкованы как пережитки самых первоначальных, самых древних, в первобытных обществах не обнаружено. Это свидетельствует о том, что возникновение первых норм, регулирующих распределение пищи, относится к крайне отдаленному времени, но и о том, что пищевой инстинкт был довольно рано обуздан. Все пищевые запреты, обнаруженные в первобытных социальных организмах, не имеют существенного значения, и их сравнительно немного.

Иначе обстоит дело с половыми запретами. В первобытных обществах существует большое количество самых разнообразных половых табу, оказывающих немалое влияние на различные стороны общественной жизни. И самой важной из всех норм, регулирующих отношения между полами, является так называемая экзогамия (от греч. экзо — вне, гамос — брак, половая связь).

Экзогамия вовсе не исчерпывается требованием вступать в брак вне данной группы людей. Другой ее стороной является абсолютный запрет всех половых (как брачных, так и небрачных) отношений между членами данной группы. Ее можно было бы назвать агамией (от греч. а — не, гамос — брак, половая связь). И эта вторая сторона была главной, определяющей. Экзогамия группы является производной от ее агамии. В агамии, а не в наличии общего предка заключена сущность рода. Род может не иметь предка, и ранний, первоначальный род его не имел. Но без агамии рода нет и быть не может.

Наукой твердо установлено, что первобытное общество, по крайней мере на ранних стадиях своего развития, было родовым. Везде в первобытном обществе, где мы встречаем безродовую организацию, она возникла в результате распада родовой. Агамия, таким образом, была в прошлом человечества явлением всеобщим, универсально распространенным. Агамный запрет был фундаментальным принципом поведения людей родового общества. О его значении говорит хотя бы тот факт, что в родовом обществе он был единственной нормой поведения, нарушение которой каралось смертью. Убийство сородича, как правило, прощалось коллективом, нарушение агамного запрета — никогда.

Агамный запрет был типичным табу. Его нарушение рассматривалось как такое действие, которое неизбежно каким-то таинственным образом должно было навлечь на всех членов рода неведомую, но грозную опасность. Нарушитель агамного табу выступал в глазах сородичей как человек, совершивший самое страшное из возможных преступлений. Именно поэтому его так жестоко наказывали. Этот запрет рассматривался в родовом обществе в виде средства нейтрализации какой-то неведомой и поэтому особенно страшной опасности, нависшей над человеческим коллективом и угрожающей его существованию. Но в действительности на всех этапах эволюции родового общества нарушение агамии никакой реальной опасности ни для индивида, ни для коллектива не представляло.

Возникает вопрос, могло ли у всех без исключения человеческих коллективов, рассеянных по земному шару, зародиться представление об опасности, которую таят в себе половые отношения между их членами, если бы такой опасности в действительности не существовало. Ответ на него, по нашему мнению, может быть только одним. «Общественная жизнь,— писал К. Маркс,— является по существу *практической*. Все мистерии, которые уводят теорию в мистицизм, находят свое рациональное разрешение в человеческой практике и в понимании этой практики»³². Опасность, которую призвана была нейтрализовать родовая агамия, действительно существовала в дородовой период истории человечества. Она была связана с перегулируемыми, т. е. промискуитетными, половыми отношениями. Отсюда следует вывод, что в дородовую эпоху по крайней мере половой инстинкт еще не был введен в социальные рамки, не был до конца обуздан, ограничен. Полностью поставлен под социальный контроль он был лишь с появлением агамии и, следовательно, рода. Дородовая эпоха истории человечества совпадает с периодом становления человеческого общества. Готовое человеческое общество возникает только вместе с родом. Первобытная община образуется в форме рода, является общиной родовой.

Положение о том, что род возник вместе с человеком современ-

³² Подробнее об этом см.: Исследования по общей этнографии. М., 1979.

³³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 3.

менного физического типа при переходе к позднему палеолиту, было выдвинуто советскими археологами П. П. Ефименко и П. И. Борисковским еще в начале 30-х годов XX в.³⁴ Это мнение разделяли и все сторонники теории двух скачков. Оно выдержало проверку временем, и из него следует исходить при решении проблемы становления человеческого общества.

Все приведенное выше дает возможность дать ответ на вопрос о начале человеческой истории. Оно представляет собой не единовременный акт, а длительный процесс, который в свою очередь имеет свое собственное начало и свое собственное завершение. Начало ему было положено переходом от хабилисов, которые были самыми поздними предлюдьми, к питекантропам, которые представляли собой самых ранних формировавшихся людей. С появлением питекантропов начался процесс перехода от биологической формы движения материи к социальной форме, процесс становления человеческого общества.

Возникший примерно 1—1,5 млн. лет тому назад процесс социогенеза завершился с появлением неантропа и первобытной общины, возникшей в форме рода. Только на грани раннего и позднего палеолита несколько десятков тысяч лет тому назад на смену праобществу пришло готовое сформировавшееся общество, последовательно сменяющимися стадиями развития которого выступают общественно-экономические формации. Это было началом человеческой истории, человеческой в том смысле, что она безраздельно определяется общественными законами.

³⁴ См.: *Ефименко П. П.* Значение женщины в ориньякскую эпоху.— *Известия Государственной Академии истории материальной культуры.* 1931, т. 2, вып. 3—4; *Борисковский П. И.* К вопросу о стадильности в развитии верхнего палеолита.— *Известия Государственной Академии истории материальной культуры.* 1932, т. 14, вып. 4.

ПРЕДПОСЫЛКИ И НАПРАВЛЕННОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

1. Человеческие индивиды.

Обосновывая материалистическое понимание истории, К. Маркс и Ф. Энгельс выдвинули в качестве альтернативы всех философских иллюзий относительно исторического процесса постановку вопроса о его действительных предпосылках, предпосылках, взятых не из головы, а устанавливаемых эмпирическим путем. «Предпосылки, — писали они, — с которых мы начинаем, — не произвольны, они — не догмы; это — действительные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении. Это — действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью»¹.

Отвлекаясь от человеческой деятельности, представляющей собой не только предпосылку, но и способ существования исторической реальности, о чем речь пойдет в следующем разделе, обратимся прежде всего к феномену человеческого существования и отношения человека к природной среде.

Существование живых человеческих индивидов, их определенная телесная организация и связь в силу этой организации с окружающей природой — первая предпосылка истории людей, истории человеческого общества. Еще Аристотель писал, что человек есть общественное (политическое) животное. Это зооморфное определение человека — гениальная догадка древних о единстве человека и живой природы, генетической связи между ними. Однако даже при поверхностном подходе нельзя не видеть и определенного отличия человека от животных.

Число отличительных признаков весьма велико. Людей можно выделять из животного мира по самым различным основаниям. Главным же основанием является труд, совместное производство людьми необходимых материальных средств к жизни, и прежде всего средств труда. С этой точки зрения становление социального — это становление человеческого труда, который превращает человеческую жизнедеятельность в общественную жизнедеятельность, человека — в общественного человека. К. Маркс соглашался с американским естествоиспытателем и экономистом Б. Франклином, характеризовавшим человека как «животное, де-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 18.

лающее орудия»², хотя эта характеристика в свете современных антропологических открытий, на что уже обращалось внимание, и требует определенной конкретизации.

Для того чтобы в соответствии со своими потребностями создавать необходимые жизненные средства, человек приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки, ноги, голову. Воздействуя на внешнюю природу, изменяя ее, человек изменяет свою собственную природу, развивает и подчиняет своей власти дремлющие в ней способности. Труд — это прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, «в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой»³. Причем человек не только преобразует форму того, что дано природой, но и осуществляет свою сознательную цель, определяющую способ и характер его действий. Простыми, абстрактными, не зависящими от общественной формы моментами процесса труда, согласно «Капиталу» К. Маркса, являются: целесообразная деятельность или сам труд, средства труда и предмет труда.

Если рассматривать простые моменты процесса труда под углом зрения его результатов — продукта труда, то средства труда и предметы труда становятся средствами производства, а сам труд — производительным трудом. Отсюда простые моменты процесса производительного труда являются и простыми моментами процесса производства.

Будучи целесообразной деятельностью, человеческий труд необходимо предполагает сознание (понятийно-логическое мышление) и волю. Цель определяет способ и характер осознанных действий человека, ей подчиняется его воля, выражающаяся в настойчивости и внимании. Непосредственной действительностью сознания человека выступает язык (членораздельная речь). Человеческий труд выделяет общественную жизнедеятельность из естественной, общество — из природы, порождает специфическую общественную форму бытия индивидов, их особое взаимодействие и отличную от физических, химических, биологических процессов социальную форму движения.

Высшие формы движения материи в «снятом», т. е. подчиненном и преобразованном, виде включают в себя низшие, более сложные материальные образования — более простые. Атомы состоят из элементарных частиц, молекулы — из атомов, живая клетка — из молекул. Соответственно и человеческое общество невозможно без живых человеческих индивидов. Однако сам по себе человек — носитель биологических процессов. Носителем социальной формы движения выступает не просто человек, а общественный человек, материальная организация которого не сводится к организации его живого органического тела. В связи с этим возникает проблема неорганического тела общественного человека.

Вопрос о неорганическом теле (природе) человека был поставлен еще Гегелем. «Влечение отдельного животного,— писал он,— есть вполне определенное влечение; для каждого животного лишь ограниченный круг явлений служит его собственной неорганической природой, которая существует только для него и которую оно должно разыскать среди многого, руководствуясь инстинктом... Человек как всеобщее, мыслящее животное живет в гораздо более широком кругу и обращает все предметы в свою неорганическую природу, а равно и в объекты своего знания»⁴. Используя гегелевскую постановку вопроса, К. Маркс уже в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» идет дальше — к материалистическому объяснению общественной жизни.

Носителем социальной формы движения материи становится универсальное существо, т. е. существо, воссоздающее материальные условия своей жизни. «...Универсальность человека,— писал К. Маркс,— проявляется именно в той универсальности, которая всю природу превращает в его *неорганическое* тело, поскольку она служит, во-первых, непосредственным жизненным средством для человека, а во-вторых, материей, предметом и орудием его жизнедеятельности. Природа есть *неорганическое тело* человека, а именно — природа в той мере, в какой сама она не есть человеческое тело»⁵. Возвращаясь к данной проблеме в экономических рукописях 1857—1859 годов, К. Маркс подчеркивал, что природа как неорганическое тело человека — первое объективное условие труда, а сам общественный индивид «представляет собой не только органическое тело, но он есть эта неорганическая природа как субъект»⁶.

Взятый в виде социальной формы движения материи исторический процесс имеет свой специфический материальный субстрат, представляющий собой единство органического и неорганического тела общественного человека, совокупность людей и воссоздаваемых людьми материальных жизненных средств. Не останавливаясь специально на характеристике неорганического тела общественного человека, подчеркнем лишь следующее: определяющую роль в этом неорганическом теле, или, иначе, «человеченной» природе, играют такие материальные образования, которые как бы продолжают вовне естественные органы человека. Превращаясь в своеобразные искусственные органы, они безгранично увеличивают могущество человека, физический и умственный потенциал его действий.

Включенность человека в социальную форму движения материи ведет к тому, что случайно появляющиеся различия в биологической структуре организмов не дают каких-либо существенных

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 191.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 188.

⁴ Гегель. Соч. М.; Л., 1934, т. II, с. 483.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 92.

⁶ Там же, т. 46, ч. I, с. 477.

преимуществ одному человеку перед другим. Видовая биологическая эволюция человека сходит на нет, уступая место техническому развитию. «Там,— писал академик А. Н. Северцов,— где животное для приспособления к новым условиям существования вырабатывает новые особенности строения, требующие громадных промежутков для своей эволюции, человек изобретает (при той же организации) новые орудия, которые практически заменяют ему органы: одежду, согревающую его, огонь для варки пищи, каменный топор, увеличивающий силу удара, копье, позволяющее ему поражать врага на расстоянии, лук и стрелы, увеличивающие это расстояние, и т. д.»⁷.

Подчиненность и преобразованность естественного, в том числе биологического, в социальном трансформирует в историческом процессе сам закон движения человеческих индивидов (рождаемость, смертность, миграция и др.). Разберемся в этом вопросе, ибо без его выяснения непонятна и характеристика живых человеческих индивидов в качестве предпосылки истории.

«Абстрактный закон населения,— считал К. Маркс,— существует только для растений и животных, пока в эту область исторически не вторгается человек»⁸. Данный закон выражает собой неизменную зависимость размножения вида от естественных условий его существования. Количество особей каждого сообщества организмов (биоценоза) регулируется борьбой за существование, приспособлением, явлениями солидарности и так называемыми «жизненными цепями» (цепями питания). Больше уничтожение предполагает большее размножение, меньше уничтожение — меньшее размножение, примеры чего можно повсеместно наблюдать в природе.

Иначе обстоит дело с размножением человека. Отношение человека к естественной среде опосредствуется и изменяется социальной средой. Поэтому закон населения, точнее, закон народонаселения становится общественным законом. Он обусловлен социальными факторами, в первую очередь исторически сменяющейся системой производственных отношений. «Условия размножения человека,— по словам В. И. Ленина,— непосредственно зависят от устройства различных социальных организмов, и потому закон народонаселения надо изучать для каждого такого организма отдельно, а не «абстрактно»...»⁹ Соответственно отдельно, а не абстрактно надо выяснять и роль народонаселения как предпосылки исторического процесса.

Без определенного минимума народонаселения невозможно разделение труда, его специализация и кооперация, расширение производственной деятельности, освоение новых земель и прочих природных богатств. Однако отсюда еще не вытекает вывод, будто рост народонаселения сам собой, независимо от общественной формы ускоряет или замедляет развитие общества. «Население,— отмечал К. Маркс,— это абстракция, если я оставляю в стороне, например, классы, из которых оно состоит. Эти классы опять-таки пустой звук, если я не знаю тех основ, на которых они покоят-

ся, например наемного труда, капитала и т. д.»¹⁰. Взаимодействие народонаселения в качестве предпосылки исторического процесса с самим историческим процессом всегда конкретно. Оно всецело подчинено исторической ступени развития общества, в конечном счете состоянию производительных сил и производственных отношений.

Низкий уровень развития производительных сил на докапиталистических этапах исторического процесса обуславливал собой, по замечанию К. Маркса, «давление избытка населения на производительные силы»¹¹. Это давление вело к ограничению численности народонаселения античных городов-государств, условием поддержания чего становилась миграция избыточного населения. Те же причины — недостаточное развитие производительных сил — заставляли варварские племена (вследствие избытка народонаселения) для поддержания образа их жизни (охота, скотоводство) вторгаться в государства древнего мира, совершать те великие переселения, которые послужили, в частности, началом образования древних и современных народов Европы.

Машинное производство, утвержденное капитализмом, изменило подобный порядок вещей. Избыток населения, писал К. Маркс, создается теперь не в результате недостатка производительных сил, напротив, именно рост производительных сил предполагает уменьшение численности народонаселения, выдвигает в качестве условия развития общества наличие резервной армии труда. «Не народонаселение давит на производительные силы, а последние давят на народонаселение»¹². Преодоление этого давления как требование дальнейшего развития самих производительных сил ставит в порядок дня упразднение эксплуататорской основы производства, выдвигает задачу соединения достижений научно-технического прогресса с социалистической системой хозяйства.

Постановка вопроса о предпосылках исторического процесса и самом историческом процессе под углом зрения субординации различных форм движения материи наглядно доказывает бесперспективность трактовки людей в виде неких «социальных атомов», из совокупности которых будто бы и складывается человеческое общество. В полной мере обнажается и несостоятельность биологизаторских концепций развития общества, прежде всего мальтузианства и всех его современных модификаций.

Английский экономист священник Т.-Р. Мальтус в книге «Опыт о законе народонаселения» (1798 г.) пытался доказать, будто бедствия трудящихся масс (безработица, голод, нищета)

⁷ Северцов А. Н. Собр. соч. М.; Л., 1945, т. 3, с. 310.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 646.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 476.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. 1, с. 36—37.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 568.

¹² Там же.

обусловлены неким вечным «естественным законом». Суть этого «закона» по его представлению в том, что население возрастает в геометрической, а производство средств существования — в арифметической прогрессии. Поэтому, утверждал Мальтус, «на великом пиршестве природы» у тех, кто не получил свое состояние от родителей и в труде которых общество не нуждается, не хватает прибора; природа приказывает таким людям удалиться и сама принимает меры к тому, чтобы ее приказание было приведено в исполнение. Голод, эпидемии, войны объявлялись Мальтусом «положительными факторами». Этим объясняется и его выступление против правительственной помощи беднякам, и призыв к безбрачию и принудительному сокращению рождаемости у трудящихся масс. К. Маркс вполне заслуженно считал Т.-Р. Мальтуса апологетом частной собственности, не человеком науки, а адвокатом господствующих классов, их бесстыдным сикофантом¹³.

Совсем еще недавно в научной литературе, издаваемой в капиталистических странах, тревогу, которая под давлением буржуазной идеологии создавала почву для неомальтузианских концепций, вызывала пессимистическая оценка ресурсов природы. В наши дни речь идет уже о пессимистической оценке взаимодействия общества и природы в целом. Вокруг этих вопросов, как и современной глобальной проблематики вообще, развернулась острая идеологическая борьба. Не последнее место в этой идеологической борьбе занимает интерпретация «демографического взрыва».

За последние девять столетий народонаселение Земли выросло более чем в 10 раз и превысило в 1981 г. 4,4 млрд. человек. Для первого удвоения потребовалось почти 700 лет, для второго — 150, новое удвоение в современных условиях может произойти за несколько десятилетий. Демографический взрыв связан прежде всего с высокими темпами прироста населения в большинстве развивающихся стран Латинской Америки, Азии, Африки. Причем речь идет главным образом не о возрастании коэффициента рождаемости, а об уменьшении смертности, особенно детской, в связи с общим улучшением состояния медицины и здравоохранения. Но есть ли основания экстраполировать на будущее современную экспоненциальную тенденцию роста народонаселения мира?

Движение народонаселения (рождаемость, смертность, миграция и т. п.) представляет собой весьма чуткий барометр, реагирующий на самые разнообразные сдвиги в области общественного труда, быта, семьи. Как свидетельствует исторический опыт, уничтожение полуфеодальных и патриархальных отношений в деревне, индустриализация, рост городов, вовлечение в общественное производство женщин, улучшение медицинского обслуживания, повышение образования и культурного уровня населения необходимо ведут к тому, что стихийное деторождение, связанное с высоким коэффициентом рождаемости, все больше уступает место, употребляя термин советских демографов, «сознатель-

ному материнству» и соответственно сокращению рождаемости. Поэтому сейчас, в эпоху величайшей ломки отживающих форм общественной жизни, исторического пробуждения народов, ставших на путь самостоятельного развития, весьма сложно прогнозировать рост народонаселения мира на несколько десятилетий, не говоря уже о более длительных сроках. Однако рассматриваемая проблема имеет и другой аспект.

Еще Ф. Энгельс, имея в виду ограниченность пространства планеты, допускал абстрактную возможность «такого численного роста человечества, которая вызовет необходимость положить этому росту предел»¹⁴. В переписке с К. Каутским (80-е годы прошлого века) он сформулировал исходный методологический принцип подхода к управлению ростом народонаселения. Количество детей в семье, писал Ф. Энгельс, «частное дело мужа и жены и, пожалуй, их семейного врача»¹⁵. Именно поэтому общество не вправе непосредственно вмешиваться в это дело. Однако общество вправе, если в том есть необходимость, с помощью материальных и моральных стимулов поощрять оптимальный для данных условий общественной жизни состав семьи. Планирование деторождения внутри семьи как закономерный этап развития семейно-брачных отношений создает основы для планирования роста населения в масштабах страны и общества в целом. Дело, следовательно, не в принудительном сокращении рождаемости (эта мальтузианская идея всегда была реакционной утопией), а в использовании достижений научно-технического прогресса для обеспечения общественного прогресса. Таков действительный путь ликвидации «избыточного населения».

Применительно к историческому процессу как социальной форме движения материи биологическое выступает в «снятом» виде. Иное обнаруживается при исследовании индивидуальной жизнедеятельности человека. Человек — социальное существо. Вместе с тем он — и живой организм. Поэтому применительно к каждому отдельному человеку биологическое имеет самостоятельное значение, а жизнедеятельность человека всегда представляет собой непосредственное взаимодействие биологического и социального.

Достижения в области психологии, этнографии, нейрофизиологии, генетики позволили получить новые данные о механизмах и многообразных конкретных формах взаимодействия биологического и социального в процессе функционирования и развития человека и общества. Они дали возможность подтвердить и развить основополагающие материалистические принципы формирования сознания и всей психической деятельности человека, его поведенческих реакций. Вместе с тем успехи научного познания и современная практика вскрыли целый ряд новых серьезных

¹³ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. II, с. 126.

¹⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 35, с. 124.

¹⁵ Там же, с. 362.

проблем как теоретического, так и практического характера, решение которых в значительной степени зависит от дальнейшей углубленной разработки диалектики социального и биологического в жизнедеятельности человека.

Актуальность исследования проблемы социального и биологического с научно обоснованных мировоззренческих и социально-гуманистических позиций стала в настоящее время особенно очевидной и настоятельной в связи с задачами, стоящими перед человечеством в таких областях, как медицина, образование и воспитание, генетическая инженерия, демография, экология, освоение космоса и др. От правильного общетеоретического решения этой проблемы зависит и методологическая направленность всего комплекса наук, изучающих человека, его социальную деятельность и взаимодействие с природой.

Не случайно, очевидно, что данная проблема выдвинулась сейчас на передний план социально-философской мысли, привлекает к себе повышенный интерес и внимание представителей разных мировоззренческих направлений. Вполне закономерно и то обстоятельство, что проблема социального и биологического оказалась ныне в центре идейной борьбы, так как она имеет непосредственный выход в общественно-политическую сферу, от той или иной ее идейно-теоретической интерпретации зависит в свою очередь соответствующая трактовка многих актуальных проблем современной теории и практики.

Проблема социального и биологического в ее многообразных аспектах не является, конечно, новой, о чем достаточно убедительно свидетельствует длительная и непрерывающаяся борьба марксизма-ленинизма против разного рода антинаучных извращений и вульгаризаций в этой области научного знания. Показательно и то, что корни большинства современных идеалистических и метафизических взглядов на данный предмет уходят в прошлое, так или иначе перекликаются с идеями социал-дарвинизма, бихевиоризма, фрейдизма, евгеники. Вместе с тем следует отметить, что идейно-теоретическая общность и преемственность, существующая между прошлыми и новейшими антинаучными взглядами на проблему социального и биологического, отнюдь не означает, что последние являются чисто эпигонскими, представляя собой всего лишь модернизированный вариант первых. Такой подход был бы вульгаризаторским упрощением и не способствовал бы выявлению и объяснению подлинных причин достаточно широкого распространения в наши дни на Западе теорий, в основе которых лежит антропологическое или этологическое понимание природы человека и его бытия, биогенетическая или психологическая по своей сущности трактовка всех явлений общественной жизни.

Биологизация социальных явлений, исторического процесса в целом — одна из традиционных тенденций буржуазной философии и социологии. Находясь на своеобразных биологизаторских позициях, многие буржуазные ученые доказывают, что развитие

общества зависит прежде всего от биологической организации человека, от его антропологических особенностей. В наиболее последовательном и концентрированном виде эта точка зрения находит сегодня свое выражение в так называемой социальной этологии — сравнительно недавно возникшем течении в буржуазной социальной мысли, которое, используя экспериментальные и теоретические данные ряда естественных наук, обосновывает заимствованную из социал-дарвинизма идею «биологического детерминизма» социальных явлений. Рассматривая биологические принципы в качестве некой универсальной модели, буржуазные учёные механически переносят их на отношения между индивидами, классами и государствами. Утверждается, что поведение животных служит прототипом социального поведения человека и что закономерности животного мира в полной мере проявляются и в жизни общества. «Вряд ли в поведении животных, — пишет например, английский исследователь У. Торп, — можно пайти хоть один аспект, который не имел бы отношения к проблеме поведения людей»¹⁶.

Отсюда и пессимистический, порой даже апокалиптический, характер буржуазных прогнозов будущего развития человечества, их утверждения, будто стремление людей к всеобщему равенству, миру, справедливости, всякая борьба за революционную перестройку общества на новых социальных началах бесполезны, ибо корень всех социальных зол находится не вне человека, а в нем самом, в его неизменной и порочной природе. «Не исчез, — заявляет Д. Белл, — основной конфликт человеческого существования — двойственная природа человека: агрессивная импульсивность и жажда порядка, разрушительный инстинкт и стремление к гармонии... Ни в одном из созданных человеком обществ нет той гармонии человеческих отношений, которые проектировали различные утопии»¹⁷.

Пытаясь обосновать свои теоретические положения, авторы концепции «инстинктивной агрессивности человеческой природы» проделывают, по сути дела, тот же методологический трюк, о котором упоминал в свое время Ф. Энгельс, подвергая критике антинаучные взгляды проповедников социал-дарвинизма. Вначале они переносят из общественной жизни в животный мир тезис Т. Гоббса «о войне всех против всех», а затем с той же легкостью совершают обратный процесс: извлекают это учение из истории природы и вновь помещают его в историю общества. Вскрывая научную порочность и реакционность подобного рода методологии социал-дарвинизма, Ф. Энгельс писал: «...Взаимодействие живых существ включает сознательное и бессознательное сотрудничество, а также сознательную и бессознательную борьбу. Следовательно, уже в области природы нельзя провозглашать только одностороннюю «борьбу». Но совершенное ребячество —

¹⁶ См.: Курьер ЮНЕСКО, 1970, август-сентябрь, с. 40.

¹⁷ Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. N. Y., 1973, p. 488.

стремиться подвести все богатое многообразие исторического развития и его усложнения под тощую и одностороннюю формулу: «борьба за существование». Это значит ничего не сказать или и того меньше»¹⁸.

Согласно данным современной генетики, биология человека не ставит никаких препятствий интенсивному и универсальному развитию человека как социального существа. В эволюционном ряду органического мира человеческий организм представляет собой высший уровень биологической организации, отличающейся от других организмов наличием более развитых структур и процессов с присущим им гораздо большим количеством новых связей и отношений, опосредованных социально. Социальное, возникнув и сформировавшись исторически на биологической основе, стало ведущей, определяющей стороной развития человека — его сущностью.

Биологическое и социальное, будучи взаимосвязанными элементами жизнедеятельности человека, являются в то же время разными сферами его бытия. В каждой из этих сфер действуют специфические закономерности. Отрицание наличия качественно своеобразных явлений бытия в такой же мере несостоятельно, как и непонимание их взаимосвязи, единства мира. Поэтому суть проблемы социального и биологического заключается как раз в нахождении в самой действительности такого реального и конкретного способа их взаимодействия, при котором они, во-первых, не отождествлялись бы друг с другом и, во-вторых, не отрывались бы друг от друга. Задача состоит в том, чтобы раскрыть специфичность каждой из этих сфер жизнедеятельности человека и одновременно показать их преемственность, взаимопереходы между ними.

Утверждая определяющую роль социального в жизнедеятельности людей, марксизм-ленинизм в то же время отнюдь не преуменьшает влияния биологических факторов. «Человек является непосредственно *природным существом*, — подчеркивал К. Маркс. — В качестве природного существа, притом живого природного существа, он, с одной стороны, наделен *природными силами*... являясь *деятельным* природным существом; эти силы существуют в нем в виде задатков и способностей...»¹⁹ На эту же специфику человека указывал и Ф. Энгельс, считая наивным и ошибочным полагать, что люди полностью преодолели в себе все природное, свойственное им как живому организму. «...На каждом шагу, — писал он, — факты напоминают нам о том, что мы отнюдь не властвуем над природой так, как завоеватель властвует над чужим народом, не властвуем над ней так, как кто-либо находящийся вне природы, — что мы, наоборот, нашей плотью, кровью и мозгом принадлежим ей и находимся внутри ее...»²⁰

Природное в человеке не только существует, но и в известной степени детерминирует его индивидуальное поведение, которое зависит, в частности, от темперамента, природных задатков и возможностей людей. Это природное в человеке отнюдь не

исчезает в ходе истории. Вместе с тем оно существенно видоизменяется и развивается, принимая качественно иную форму в ходе антропогенеза и всего последующего социального развития. Надо ясно сознавать и то, что видовые морфофизиологические задатки и биологические возможности организма человека сами по себе не определяют еще возникновения индивида как такового, присущих ему способностей, которые формируются и развиваются только в процессе общения людей, их социальной активности. В этом смысле сами антропологические особенности являются результатом преобразующего воздействия общественно-трудовой деятельности людей, сложились в длительной социально-исторической практике человечества. Даже «образование пяти внешних чувств, — отмечал К. Маркс, — это работа всей предшествующей всемирной истории»²¹.

Диалектическое сочетание в человеке социального и биологического означает, что его стремления и действия есть одновременно результат как социальных условий его жизни, так и его биологических особенностей. Решающее значение социального фактора состоит не в его абсолютной детерминирующей роли, а в том, что он есть необходимое условие формирования и развития человека как личности. Не случайно соотношение социального и биологического как детерминирующих факторов поведения человека может меняться в зависимости от уровня развития его личности, от его физических и психических состояний. Именно социальная среда формирует у человека такие мотивации поведения, которые вообще неизвестны в животном мире.

Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить возвышенные мотивы человеческого поведения — самопожертвование, альтруизм — с присущим животным инстинктом самосохранения; многоликие проявления чувства человеческой любви — с половым инстинктом и т. п. «Самосохранение считается основным законом жизни, и это, безусловно, справедливо для человеческих существ, — пишет американский психолог Т. Шибутани. — У людей, однако, самосохранение означает значительно больше, нежели выживание организма... Поскольку Я — концепция возникает и поддерживается в социальном взаимодействии, самосохранение требует благоприятных реакций со стороны других людей... Многие из того, что делают люди, может быть объяснено с точки зрения приспособительных тенденций, свойственных всем живым организмам, однако ими нельзя объяснить много такого, что делается для поддержания желаемых персонификаций»²².

В процессе исторической эволюции человека происходит последовательное накопление определенных социально полезных

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 622.

¹⁹ Там же, т. 42, с. 162, 163.

²⁰ Там же, т. 20, с. 496.

²¹ Там же, т. 42, с. 122.

²² Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969, с. 381—382.

качеств и свойств, оказывающих во все возрастающей степени обратное воздействие на его «естественную» природу. Так, вопреки утверждениям сторонников социальной этологии неоспоримым фактом является прогрессирующая способность человека контролировать, ограничивать и подавлять нежелательные проявления своей «естественной» природы, координировать их в соответствии с нравственными нормами и представлениями человеческого общества. Человек давно уже получил возможность отрешиться от беспрекословного подчинения давлению биологических потребностей. «Человек — единственное животное, которое способно выбраться благодаря труду из чисто животного состояния, — писал Ф. Энгельс, — его нормальным состоянием является то, которое соответствует его сознанию и *должно быть создано им самим*»²³.

Конечно, без учета данных научных исследований в области биологии, психологии, генетики и нейрофизиологии невозможна философско-социологическая разработка проблемы человека, изучение его социального поведения. Но любая попытка рассматривать общественную жизнь, а также мотивы социального поведения человека, его нравственные принципы, нормы и ценности как следствие исключительно биологических закономерностей неизбежно приведет к искаженной картине действительности. Когда в начале XX века А. А. Богданов пытался с позиций махизма произвести ревизию марксизма и, в частности, «дополнить» его положением, будто бы общественные формы принадлежат к общему роду биологических приспособлений, В. И. Ленин решительно выступил против такого рода попытки подменить анализ социальных явлений биологическими аналогиями. Отмечая, что между марксизмом и «биологическими бирюльками» махистов нет ничего общего, В. И. Ленин писал: «Перенесение биологических понятий *вообще* в область общественных наук есть *фраза*. С «хорошими» ли целями предпринимается такое перенесение или с целями подкрепления ложных социологических выводов, от этого *фраза* не перестает быть *фразой*»²⁴.

Отождествление процессов функционирования животного мира и человеческого общества ведет к затухиванию не только социально-классовых факторов в жизнедеятельности человека, но и тех специфических особенностей, которые присущи ему как общественному существу, действующему в социальной среде на принципиально новой по сравнению с животными основе. Обладая способностью сознательно создавать орудия труда и целенаправленно использовать их в своем воздействии на окружающий мир, человек выступает прежде всего как субъект труда, мысли, воли и общения. Человеческие индивиды — и предпосылка, и самый неповторимый, уникальный результат истории»²⁵.

Изменяя в процессе труда внешнюю природу, человек изменяет одновременно и свою собственную природу — такова основа, сущность взаимодействия биологического и социального. Во-

преки утверждениям буржуазных идеологов марксисты никогда не были прожектерами в отношении реальных возможностей и путей перестройки человеческой природы, воспитания нового исторического типа личности. Они никогда не идеализировали человека и его природу, объективно оценивали конкретно-исторические возможности и способности человека, воспринимали их во всем многообразии и противоречивости. В то же время марксистам свойствен научно обоснованный оптимизм и вера в неограниченные творческие возможности и всестороннее развитие человеческих индивидов, в будущее человеческого рода, коммунистическую перспективу исторического процесса.

2. Природная среда

Понятие «природа» употребляется в узком и широком смысле слова. В широком смысле природа — все многообразие движущейся материи, ее свойств и состояний. При таком подходе природа включает в себя общество. В узком смысле природа — весь материальный мир, исключая социальную форму движения. Всякий раз, когда природа противопоставляется обществу, она понимается в отмеченном узком смысле. Обращая внимание на всеобщность природы, К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что знают «только одну единственную науку, науку истории»²⁶. Но они подчеркивали и специфику общества, рассматривали историю с двух сторон, делили ее «на историю природы и историю людей»²⁷.

При понимании природы в широком смысле слова общество становится ее частью. Но часть, как известно, всегда предполагает целое. Целое же не просто сумма, а результат взаимодействия частей, их неразрывное, внутреннее единство. Оно имеет свое особое существование, структуру и организацию, свои законы функционирования и развития. Поэтому далеко не все то, из чего состоит целое, можно рассматривать в качестве его части. Часть, точнее, элемент как неделимая часть данной целостности — это то, без чего целое теряет свою специфику. Отсюда природное целое, включающее человеческое общество, не природа вообще, не Солнечная система и даже не земной шар, а географическая (приповерхностная) оболочка Земли, иначе «лик планеты». Именно этот слой земного вещества проделал самую сложную эволюцию. В нем развились многообразные формы жизни, вершиной которых стало разумное существо — человек. Здесь человек впервые столкнулся со стихийными силами природы и начал свою преобразовательную деятельность.

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. т. 20, с. 510.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 349.

²⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. III, с. 516.

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 16, примеч.

²⁷ Там же.

Общество — высшее порождение природы. Оно неотделимо от природы, как вершина пирамиды от ее основания, не может существовать вне природы, выйти за ее границы. Но общество нельзя просто отождествлять с природой. В природе, если исключить воздействие на нее человека, действуют слепые бессознательные силы; в обществе же действуют люди, одаренные сознанием и волей, ставящие перед собой цели и добивающиеся их осуществления. Высшим выражением человеческого разума является его способность познавать и преобразовывать мир. Все это и выделяет общество из природы в особое материальное образование, представляющее собой исторически изменяющуюся форму жизнедеятельности людей. В соответствии с таким выделением К. Маркс характеризовал в «Капитале» природу (землю, воды, недра) как место и сферу трудовой деятельности человека, всеобщий предмет человеческого труда, первоначальный арсенал его средств труда и кладовую продуктов питания²⁸.

Итак, при рассмотрении природы в широком смысле слова географическая оболочка включает в себя человеческое общество, при рассмотрении природы в узком смысле — противопоставляется обществу, становится его географической средой. Слово «среда» обращает внимание на сам факт существования общества. Слово «географическая» — неотделимость общества от определенных природных условий, какими выступает географическая оболочка. Некоторые авторы видят ограниченность понятия географической среды в его соотносительности, в том, что оно теряет смысл во всех случаях, когда мы имеем дело с природой без человека. Но в этом, с нашей точки зрения, не недостаток, а достоинство понятия, ибо человек внес такие изменения в «лик планеты», которые могут исчезнуть, по замечанию Ф. Энгельса, «лишь вместе с общим омертвлением земного шара»²⁹.

Понятие «географическая среда» появилось в науке во второй половине XIX в. Оно было введено в географию известным французским географом и социологом участником Парижской коммуны Элизе Реклю и благодаря работам Г. В. Плеханова получило широкое распространение в марксистской литературе. Г. В. Плеханов не придавал понятию «географическая среда» какого-то особого смысла. Он отождествлял географическую среду с естественной средой общественного человека, с «местностью, где он обитает»³⁰. Такая постановка вопроса, хотя она и не позволяет полностью раскрыть специфику географической среды, заслуживает внимания: географическую среду нельзя противопоставлять географической оболочке, ибо само возникновение общественной жизни необходимо превращает географическую оболочку в географическую среду. С другой стороны, общество нельзя рассматривать как часть географической среды.

В статье «О диалектическом и историческом материализме» И. В. Сталин подчеркнул иную особенность географической среды. Он рассматривал географическую среду как условие материальной жизни общества, понимая под материальной жизнью

производство материальных благ. Данная постановка вопроса справедливо обращала внимание на социальный аспект проблемы. Однако абсолютизирование концепции «условий материальной жизни общества» привело к тому, что в философской литературе утвердилась характеристика географической среды исключительно в качестве социального понятия³¹. Сомневаясь в правомерности такого подхода, понимая, что географическая среда — результат взаимодействия природы и общества, некоторые географы начали говорить о непригодности для географии понятия географической среды вообще³². Большим событием в преодолении возникших познавательных трудностей стал IV съезд Географического общества СССР. В докладе академика Ф. В. Константинова³³ был дан анализ методологических проблем взаимодействия природы и общества, понимания географической среды, перспектив ее исследования.

В отличие от безграничной природы географическая среда — часть природы, причем такая часть, которая связана со всеми сторонами исторического процесса. Но в мире все грани условны и относительны. Условна и относительна и грань, разделяющая природу и общество. Географическая среда неизбежно становится сферой их взаимопроникновения. Поэтому часто нельзя однозначно сказать, относится предмет только к природе или только к обществу. Никто не сомневается, что поля, стада домашних животных, лесные посадки, водохранилища и т. п. — предметы природы. Вместе с тем все это входит в средства производства, составляет необходимую сторону общественной жизни. Человек настолько «очеловечивает» географическую среду, что ее предметы начинают приобретать социальную специфику. Отсюда становится понятным, что географическую среду нельзя отождествлять с природой вообще, рассматривать исключительно с позиций естествознания. Однако столь же недопустима и другая крайность: попытка рассматривать географическую среду только как социальное понятие. Хотя человеческий труд все больше вовлекает географическую среду в процесс общественного производства, превращает ее комплексы в средства производства, социальное не исчерпывает и не может исчерпать собой географической среды, ибо в самом человеке социальное сочетается с естественным: человек и социальное существо, и живой организм. Но и то и другое должно иметь свое основание в географической среде. Географическая среда постоянно удовлетворяет не одному,

²⁸ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 188—191.

²⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 357.

³⁰ *Плеханов Г. В.* Избр. филос. произв. М., 1956, т. 2, с. 157.

³¹ См.: *Иванов-Омский И. И.* Исторический материализм о роли географической среды в развитии общества. М., 1950.

³² См.: *Природа и общество.* М., 1968.

³³ См.: *Константинов Ф. В.* Взаимодействие природы и общества и современная география. — Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1964, № 4.

а всем условиям жизнедеятельности общества. Это та часть природы, где разворачивается исторический процесс.

Понимание соотношения в географической среде естественного и социального определенным образом связано с проблемой качества. В философской литературе по этому вопросу были высказаны различные точки зрения. Одни авторы категорически заявляли об однокачественности вещи, другие, наоборот, считали, что вещь многокачественна. Данный вопрос не является таким простым, каким он кажется на первый взгляд. При его решении, как и при познании мира вообще, нельзя мыслить по формуле «да — да», «нет — нет». Если рассматривать вещь применительно к одной какой-то области действительности, скажем выяснять ее место в развитии материального мира, то объективно она будет характеризоваться одним качеством. Человек, например, это существо, создающее средства труда. Именно данное качество определяет человека. Но вещи существуют одновременно не в одной, а во многих областях действительности. Человек и социальное существо, и живой организм, и телесный объект материального мира. Однокачественность вещи в каждой отдельной области превращается в ее многокачественность в совокупности областей. Поэтому, чем сложнее вещь, многообразнее ее отношения с различными областями действительности, тем большим числом качеств она обладает.

Отмеченная постановка вопроса имеет прямое отношение к пониманию специфики комплексов географической среды, преобразованных человеком. В связях с прочими природными явлениями они сохраняют самостоятельное качество «естественного». В связях же с явлениями общественной жизни приобретают новое качество «социального». Подобные элементы географической среды одновременно существуют в системе естественных и общественных связей, подчиняются законам природы и общества. Оставаясь естественными явлениями, они в то же время становятся явлениями социальными. Качество «социального» возникает тогда, когда предметы природы соединяются с человеческим трудом, охватываются общественными отношениями, выполняют определенные социальные функции.

Труд человека превращает внешнюю природу в производительную силу — внутреннюю материальную основу общества. Но высшая, социальная форма движения всегда включает в себя в снятом виде более низкие формы. Своими побочными естественными процессами она неотделима от географической среды. Машина, по замечанию К. Маркса, «подвергается разрушительному действию естественного обмена веществ. Железо ржавеет, дерево гниет»³⁴. Да и сам человек — живой организм, необходимое звено биосферы Земли. Все это говорит о том, что характеристика географической среды только как окружающей общество внешней природы недостаточна для ее понимания. Такая характеристика не раскрывает взаимодействия природы и общества, диалектики соподчинения высших и низших форм движения материи,

взаимопроникновения в географической среде естественного и социального, т. е. не позволяет выяснить ее функций предпосылки исторического процесса.

В течение многих тысячелетий общество осваивало, да и сейчас еще осваивает, географическую среду своего существования. Обмен веществ между человеком и природой происходил в рамках географической среды. В настоящее время географическая среда (пространственно определенная географической оболочкой) теряет значение естественной границы сферы деятельности человека. Новейшие технические средства позволяют добывать полезные ископаемые (нефть, газ) из глубинных слоев земной коры. Начато практическое использование космического пространства. С помощью искусственных спутников Земли созданы системы радио- и телесвязи, прогнозирования погоды, проведения картографических съемок, геологической разведки и т. д. Сегодня географическая среда уже не представляет собой всю природу, используемую обществом. А завтра человек не просто высадится на Луну, но и от создания там научных лабораторий сделает шаг к разработке полезных ископаемых. Недалек тот день, когда в производственный обмен веществ между человеком и природой будут непосредственно вовлечены и ближайшие к Земле космические тела. Доставка лунного грунта на Землю по существу ознаменовала собой начало этого процесса.

Нельзя ли в таком случае расширить понятие географической среды, вывести его за пределы географической оболочки? Такая постановка вопроса кажется нам необоснованной. Спрашивается, о какой географической среде может идти речь, если включить в нее космическое пространство и неземные космические тела, ставшие предметом деятельности человека? При таком подходе само понятие географической среды теряет смысл. С большим основанием можно сказать, что при выяснении взаимодействия природы и общества понятие географической среды становится слишком узким. Уже сейчас оно не охватывает всей сферы деятельности человека. Поэтому не случайно в научной литературе понятие географической среды все чаще заменяется понятием природной среды. В отличие от географической среды природная среда не ограничена приповерхностной оболочкой нашей планеты. Она представляет собой и естественные комплексы географической среды, и определенные естественные комплексы, например радиационные пояса, лежащие за ее пределами, т. е. охватывает собой все естественные условия, окружающие общество и опосредующие собой связи общественной жизни с безграничной природой. Но дело не ограничивается лишь таким уточнением предпосылок исторического процесса. Назрела необходимость конституировать и понятие «сфера деятельности человека», к формированию которого подошел еще К. Маркс³⁴.

³⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 194.

³⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 191.

Сфера деятельности человека — это та часть природы, на которую воздействует человек, где функционируют созданные им средства труда. Она не связана с каким-либо особым природным образованием, зависит только от уровня развития производительных сил, прогресса науки и техники и с этой точки зрения всецело является социальным понятием. Надо также иметь в виду и то, что сфера деятельности человека необязательно предполагает наличие во всех ее областях самого человека. Средства автоматического управления позволяют отделить место трудовой деятельности человека от места функционирования средств труда. Созданные человеком машины и приборы могут работать в условиях, недоступных для человеческого организма. Они проникают все дальше в недра Земли и глубины космоса. Посылка научных лабораторий на Венеру и Марс обогатила человечество первым опытом управления системами, удаленными от места труда человека на десятки миллионов километров.

В качестве предпосылки истории природная среда всегда взаимодействует с историческим процессом. Если отвлечься от уровня развития производства, то производительность труда окажется связанной с естественными условиями: состоянием здоровья человека — естественными возможностями его организма — и непосредственно окружающей общество природой. Чем благоприятнее внешние природные факторы — естественное плодородие почвы, климат и др., тем меньше рабочее время, необходимое для поддержания и воспроизводства жизни человека, тем больше материальных благ он может произвести для общества. Вместе с тем отсюда (если обратиться к прошлому человечества) вовсе не вытекает вывод, будто, например, наиболее плодородная почва создавала наилучшие естественные предпосылки исторического процесса. Слишком богатая, расточительная природа, в изобилии дающая человеку средства жизни, не делала его собственное развитие естественной необходимостью точно так же, как слишком суровая природа подавляла человека, заставляла его всю энергию целиком расходовать на поддержание жизненного минимума. Не случайно именно умеренный пояс, где налицо дифференцированность почвы, разнообразие естественных условий, стал ареной развертывания промышленной революции и соответственно зарождения и формирования рабочего класса. Однако природная среда всегда влияла на исторический процесс не непосредственно, а косвенно, через состояние материального производства. Данная постановка вопроса является той чертой, которая разделяет научное понимание проблемы и географическое направление в буржуазной социологии — «географический детерминизм».

В эпоху восходящей буржуазии, как и раньше, начиная с античных времен (Демокрит, Гиппократ, Геродот и др.), «географический детерминизм» представлял собой некоторую попытку естественного в противоположность религиозно-мифологическому объяснения общества и его закономерностей. По мнению французского просветителя XVIII в. Ш. Монтескье, решающую роль

в жизни людей играет такой природный фактор, как климат. «Власть климата,— считал он,— сильнее всех иных властей»³⁶. В XIX в. «географический детерминизм» утрачивает свои прогрессивные черты, становится своеобразной формой оправдания политики колониальных захватов, несущих будто бы Индии, Египту и другим странам жаркого пояса некое «освобождение» от рабства. «В Индии,— утверждал, например, английский историк и социолог Г. Бокль,— рабство, низкое, вечное рабство, было естественным состоянием значительного большинства народа; на это состояние он обречен был физическими законами, решительно не допускавшими сопротивления»³⁷.

В конце XIX в. географическое направление в социологии начинает вырождаться в так называемую геополитику — политику борьбы за «жизненное пространство», превратившуюся в XX в. в одну из доктрин империалистической идеологии, заимствованную маоизмом. Согласно этой доктрине войны и международная политическая напряженность порождаются не агрессивной сущностью империализма и его приспешников, а несовершенством политической карты мира, несоответствием исторических границ «естественным» интересам государств. Идеи «географического детерминизма» дополняются геополитиками социал-дарвинизмом и расизмом, окрашиваются в откровенно шовинистические, гегемонистские, милитаристские тона.

Под влиянием сочинений Э. Реклю, Л. И. Мечникова, Ф. Ратцеля и других географов и социологов отдельные неточные формулировки в духе «географического детерминизма» допускал Г. В. Плеханов, внесший в целом значительный вклад в разработку научного понимания географической среды как предпосылки истории. Нельзя, например, согласиться с его утверждением, будто окружающая человека природная среда определяет характер его средств производства, а через них и общественные отношения³⁸.

Можно ли природную среду как предпосылку истории рассматривать независимо от истории? Безусловно, нет. В общетеоретическом плане данное положение сформулировали в свое время К. Маркс и Ф. Энгельс. «От «природы» Германии, какой она была в эпоху переселения в нее германцев,— писал, например, Ф. Энгельс,— осталось чертовски мало. Поверхность земли, климат, растительность, животный мир, даже сами люди бесконечно изменились, и все это благодаря человеческой деятельности, между тем как изменения, происшедшие за это время в природе Германии без человеческого содействия, ничтожно малы»³⁹.

Принципиальное значение имеет, по нашему мнению, замечание Ф. Энгельса о разграничении при изучении экономических

³⁶ *Монтескье Ш.* Избр. произв. М., 1955, с. 417.

³⁷ *Бокль Г.* История цивилизации в Англии. СПб., 1895, с. 30, 31.

³⁸ См.: *Плеханов Г. В.* Избр. филос. произв. М., 1956, т. 2, с. 155.

³⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 546.

(общественных производственных) отношений «географической основы» их развития и «внешней среды», окружающей данную общественную форму⁴⁰. Если внешняя среда при таком подходе выступает в виде природного комплекса, окружающего общественную форму, то географическая основа — в виде природного комплекса, охваченного общественными отношениями и включенного в общественную форму. Вместе с тем географическая основа и внешняя среда едины как явления природы. Отсюда взаимопроникновение природы и общества в географической основе и соответственно не только внешнее, но и внутреннее воздействие природных факторов на общественную жизнь. Все это ставит вопрос о необходимости выделения в историческом процессе двух уровней взаимодействия природы и общества⁴¹. Первый уровень — соответствие природы и общества как «внешнего» и «внутреннего», второй уровень — «низшего» и «высшего», включающего «низшее» в свое содержание в снятом виде. Таков общий исходный момент исследования влияния природной среды на историю.

Раскрывая механизм этого влияния, К. Маркс прежде всего обращает внимание на то, что разнообразие продуктов природы составляет естественную основу разделения труда. Чем богаче в данном отношении природа, тем многообразнее могут быть отрасли производства, выше их специализация и производительность труда, шире обмен и торговля. Разнообразные условия, в которых приходится человеку вести свое хозяйство, стимулируют рост его общественных потребностей, способностей, средств и способов труда. Однако сами по себе благоприятные естественные условия непосредственно могут дать человеку лишь одно — избыток нерабочего времени. Для того чтобы это время стало фактором исторического процесса, требуется целый ряд социальных условий и самое первое — определенный уровень развития материального производства. Действительным историческим отношением природы к человеку, отмечал К. Маркс, является промышленность⁴² или, если ставить вопрос шире, материальное производство в целом. В связи с этим «всякая историография,— писали К. Маркс и Ф. Энгельс,— должна исходить из... природных основ и тех их видоизменений, которым они, благодаря деятельности людей, подвергаются в ходе истории»⁴³.

Природа включается в историю людей, становится предметом историографии, как понимали ее К. Маркс и Ф. Энгельс, именно потому, что в процессе производства человек преобразует наряду с природой и самого себя — в конечном счете всю совокупность общественных отношений, составляющих его сущность. Следовательно, не просто природа, а материальное производство (отношение человека к природе), превращение естественных комплексов природной среды в социальные комплексы влияют на развитие общества. Положение К. Маркса о том, что, изменяя природу, человек изменяет самого себя⁴⁴, является основополагающим методологическим принципом исследования взаимодействия об-

щества и природы. Только выяснив исторически изменяющийся характер производственной деятельности людей, можно говорить о том, что определенные комплексы природной среды ускоряют или замедляют те или другие общественные процессы.

Включение через материальное производство природных факторов в историю людей позволяет конкретно-исторически подойти к их оценке. Последнее особенно важно, ибо одни и те же природные условия в зависимости от состояния общественного производства по-разному влияли и влияют на жизнь общества. Рассматривая, в частности, историю Австро-Венгрии, Ф. Энгельс отмечал, что буржуазная цивилизация распространялась в Центральной Европе вдоль морских берегов и по течению больших рек, «земли же, лежащие далеко от моря, и особенно неплодородные и труднопроходимые горные местности, оставались убежищем варварства и феодализма»⁴⁵. Однако такая географическая изоляция австрийских провинций рухнула вместе с созданием железных дорог. «Гранитные стены,— писал Ф. Энгельс,— за которыми каждая провинция сохраняла свои национальные особенности и вела замкнутую местную жизнь, перестают служить преградой... Альпы и Богемский лес как бы перестают существовать; новая артерия простирается от Триеста до Гамбурга, Остенде и Гавра, далеко за пределы империи, пересекая горные хребты и проникая до отдаленных берегов Северного моря и Атлантического океана. Участие в общих делах всего государства, в событиях внешнего мира становится необходимостью. Провинциальное варварство исчезает»⁴⁶.

По определению К. Маркса⁴⁷, внешние природные условия экономически распадаются на два больших класса: естественное богатство средствами жизни — плодородие почвы, обилие рыбы в водоемах, дичи в лесах и др. — и естественное богатство средствами труда — водопады, судоходные реки, металлы, уголь и др. На начальных ступенях развития общества решающее значение имеет первый род, на более высоких ступенях — второй род естественных богатств. Поясняя сказанное, К. Маркс сравнивал современную ему Англию и Индию, Афины и Коринф античной эпохи и тогдашние страны побережья Черного моря. Важно подчеркнуть, что тот и другой класс природных богатств сам по себе создает лишь возможность некоторой человеческой деятельности, но далеко не саму деятельность. В этом отношении природа ско-

⁴⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 39, с. 174.

⁴¹ См.: Лямин В. С. География и общество: Философские и социологические проблемы географии. М., 1978.

⁴² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 124.

⁴³ Там же, т. 3, с. 19.

⁴⁴ См.: Там же, т. 23, с. 188, 189.

⁴⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 472.

⁴⁶ Там же, с. 475, 476.

⁴⁷ См.: Там же, т. 23, с. 521.

рее запрещает, чем предписывает. Нельзя, например, добывать руду там, где ее нет, вместе с тем наличие руды еще не означает наличие и горнорудной промышленности.

Превращение возможности в действительность и пути такого превращения обусловлены не природными, а социальными факторами — производительными силами и производственными отношениями. С этой точки зрения грань между естественным богатством средствами жизни и естественным богатством средствами труда становится весьма относительной. На самом деле такой вид производственной деятельности, каким является собирательство, предполагает плодородие почвы в качестве естественного богатства средствами жизни, скотоводство же и земледелие — естественного богатства средствами труда и т. п. В историческом процессе не характер природной среды определяет характер социальной среды, как ошибочно считают сторонники «географического детерминизма», а, наоборот, характер социальной среды определяет характер естественной среды, вовлекаемой в сферу трудовой деятельности человека и, естественно, оказывающей влияние на исторический процесс. Во взаимодействии человека с природой активной стороной всегда является человек.

Поясняя сказанное, сошлемся на такое весьма парадоксальное на первый взгляд явление исторического процесса, как ограничение вплоть до зарождения капиталистических отношений частной собственности на землю во многих странах Востока, наличие, особенно в Древнем Египте, принципа верховной собственности государства. Обычно данное явление истолковывается в плане иллюстрации воздействия географической среды на развитие общества. Не ставя под сомнение этой связи, обратим внимание на другое. Объясняя рассматриваемое явление, Ф. Энгельс ссылаясь на региональные особенности климата и почвы (великую полосу пустыни, протянувшуюся от Сахары через Аравию, Индию и Монголию), при которых первым условием земледелия становится искусственное орошение, а вместе с ним и необходимость совместного общественного труда. Возникновение подобной системы земледелия, о чем свидетельствуют исторические источники, уходит своими корнями в глубокую древность — в доклассовое общество. Именно отсутствие не только частной собственности на землю, но и частной собственности вообще были теми моментами социальной среды, которые создали возможность на основе совместного труда использовать в материальном производстве наличные природные условия. Однако характер вовлеченной в сферу деятельности людей природной среды оказался настолько имманентным характеру самой социальной среды, что в измененном виде некоторые ее черты (ограничение частной собственности на землю) в силу специфики общественного производства сохранились и после раскола общества на антагонистические классы. Отсюда и такая своеобразная функция эксплуататорских государств на Востоке, какой выступала функция общественных работ. Устранение же этих черт социальной среды так называемой

«свободной конкуренцией», утвержденной в XIX в. империалистическим владычеством, привело к значительному упадку общественного производства, к тому, «что целые области, прежде прекрасно возделанные, теперь заброшены и пустыни (Пальмира, Петра, развалины в Йемене и ряд местностей в Египте, Персии и Индостане)»⁴⁸.

Все это, разумеется, означает не принижение роли природной среды как предпосылки истории, а необходимость научно обоснованного учета ее действительного значения. И в наши дни природные условия не могут не влиять на географическое размещение отраслей производства. При прочих равных условиях производительность труда выше там, где естественные комплексы более благоприятны для жизни и труда человека, где залежи полезных ископаемых более удобны для разработки, где лучше естественные средства сообщения и т. п. Не случайно в документах КПСС и прежде всего в решениях съездов партии подчеркивается вся важность дальнейшего совершенствования территориальных экономических связей и, в частности, ставится задача размещать, учитывая дешевые энергетические ресурсы Сибири, Казахстана, Средней Азии, новые энергоемкие промышленные производства преимущественно в этих районах страны. «...Природа,— отмечал Л. И. Брежнев,— не утратила для нас своей огромной ценности и как первоисточник материальных благ, и как неиссякаемый источник здоровья, радости, любви к жизни и духовного богатства каждого человека»⁴⁹.

В ходе своего исторического развития человек все глубже проникал в тайны природы, познавал и шаг за шагом ставил себе на службу все более могучие ее силы. Но человек не должен слишком обольщаться своими победами над природой. Науке известен не один случай, когда человек, преследуя ближайшие цели, развязывал вместе с тем разрушительные силы природы. В этом смысле природа «мстит» человеку за его безрассудство. Имея в виду губительные последствия выкорчевывания леса в Персии, Месопотамии, Греции, К. Маркс писал: «Вывод таков, что культура,— если она развивается стихийно, а не *направляется сознательно*...— оставляет после себя пустыню...»⁵⁰.

Невиданно быстрый в последние годы рост народонаселения Земли требует такого же и даже более быстрого увеличения объема материального производства, использования все новых энергетических, материально-сырьевых и продовольственных ресурсов природы. Столь же быстро растет пока и загрязнение природной среды. Отходы жизнедеятельности общества охватили собой всю приповерхностную оболочку планеты. Человеческая деятельность начала отрицательно сказываться на состоянии всего живого — биосферы Земли. В литературе рядом со ставшими уже привыч-

⁴⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 28, с. 221.

⁴⁹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. М., 1973, т. 2, с. 103.

⁵⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 32, с. 45.

ными словами «демографический взрыв» появились зловещие слова «экологический кризис».

Наряду с поверхностным лжеоптимистическим рассуждением о том, что экологический кризис порожден развитием науки и техники и сам собой преодолевается ими в процессе дальнейшего научно-технического прогресса, в научной литературе, издаваемой на Западе, высказывается и серьезная озабоченность сложившимся положением. Современная экологическая ситуация заставляет даже далеких от марксизма трезво мыслящих буржуазных ученых все больше переоценивать ценности «общества потребления». В этом плане показательна, в частности, эволюция концепций, разрабатываемых Римским клубом⁵¹. Если в начале деятельности клуба ряд его участников видели выход из создавшейся экологической ситуации в реализации «нулевого роста» мирового промышленного потенциала и мальтузианской идеи принудительного сокращения рождаемости⁵², то сейчас значительно возрос интерес к действительным экономическим проблемам современности. Все больше осознается, что истощение естественных ресурсов, загрязнение природной среды, нехватка продовольствия и т. п. обусловлены состоянием самого общества — «внутренним процессом» развития, имеющим человеческое происхождение⁵³. На фоне общих рассуждений все чаще выдвигаются соображения о «пересмотре международного порядка»⁵⁴.

Утверждение нового отношения к природе, настоятельно диктуемое современной экологической ситуацией, требует утверждения новых отношений между людьми, и речь в данном случае идет не просто о повышении «человеческих качеств», а о преобразовании самого общества. В конечном счете вопрос стоит так: либо капитализм, либо продолжение жизни на нашей планете⁵⁵. Нельзя не согласиться со словами известного американского эколога Б. Коммонера. «...Если мы выберем экологически оправданный, разумный курс, мы должны принять наконец разумное решение: развивать производство не ради личной выгоды, а для блага народа; не для эксплуатации одних людей другими, а во имя равенства всех людей; не для создания оружия, которое губит Землю и людей и угрожает миру катастрофой, а ради желания каждого человека — жить в гармонии с природой и в мире со всеми людьми на Земле»⁵⁶.

Интересы защиты природной среды как предпосылки истории людей настоятельно выдвигают задачу совершенствования социальной среды, ликвидации частной собственности на средства производства, сознательного направления развития культуры. Проблема взаимодействия общества и природы неизбежно превращается в наши дни в проблему освобождения человечества от всех форм социального порабощения. Она неотделима от основного содержания современной эпохи — перехода человечества от капитализма к социализму. Все больший смысл приобретают слова К. Маркса о таком единстве человека и природы, которое соединяет «осуществленный натурализм человека и осуществленный

гуманизм природы»⁵¹. Движение человечества по этому пути — одно из выражений в современную эпоху общей восходящей направленности исторического процесса.

3. Природа, человек и направленность истории

Идеологи просвещения и материалисты XVII и XVIII столетий рассматривали человека как органическую часть природы, как существо, действующее по естественным законам. Природа сама по себе представлялась единственным и непогрешимым источником объективной разумности и закономерности, прародительницей всех целей и идеалов человека, в конечном счете — прообразом всех произведений его культурно-исторического творчества. Идея высшей разумности природы получает своеобразное обоснование также и в идеалистической философии Гегеля. Правда, здесь в качестве объективного начала выступает абсолютная идея, которая, воплощая универсальную необходимость мироздания, закономерно осуществляет себя в природе и в человеческой истории. Человек лишь обнаруживает эту высшую разумность и таким путем узнает о себе и своем жизненном назначении из абсолютно внешнего для него источника. Постигая разумность действительности, он познает тем самым цель и смысл своей собственной жизни.

В природной обусловленности человеческого существования и в возможности рационального, научного познания природы материалисты прошлого видели своеобразный канал, через который природа сообщает людям о своих «целях» и «намерениях», диктует им свою «волю». За всеми этими представлениями о природной обусловленности человеческого бытия, истории скрывалась справедливая мысль о том, что природа является для человека и общества не просто причиной материального, фактического порядка, а имеет в своих объективных законах, качествах и свойствах сущностное значение. Однако в силу непоследовательно материалистического и метафизического характера своих воззрений они не смогли понять и объяснить того, как и в каких специфических формах диалектика природы трансформируется и находит свое существенное выражение в диалектике истории. В отличие от домарксистских материалистов Гегель «угадал» в диалектике саморазвивающейся идеи диалектику природы и общества, но он не мог дать верного решения проблемы, поскольку отвлекался от подлинного содержания и противоречий действительности.

⁵¹ Историю Римского клуба см.: *Печчеи А.* Человеческие качества. М., 1980.

⁵² См.: *Meadows D. H., Meadows D. L., Randers J., Behrens W. W.* III. The Limits to Growth, N. Y., 1972.

⁵³ См.: *Laszlo E.* et al. Goals for Mankind. N. Y., 1977.

⁵⁴ См.: *Tinbergen* — coordinator. Reshaping the International Order. N. Y., 1976.

⁵⁵ См.: *Hall G.* Ecology: Can we survive under Capitalism? N. Y., 1972.

⁵⁶ *Коммонер Б.* Технология прибыли. М., 1976, с. 106.

⁵⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 42, с. 118.

Марксизм преодолел ограниченность предшествовавших ему философских учений. Он последовательно применил материализм и диалектику к объяснению всех сфер бытия: природы, общества, мышления. Причем К. Маркс не просто распространил материалистическое понимание одной сферы бытия на другие, а материалистически истолковывал каждую из этих сфер, исходя из анализа внутренних специфических для нее структур, и, что особенно важно, в них самих обнаружил материалистические основания единства мира. Такое конкретное применение диалектико-материалистических принципов позволило К. Марксу научно понять историю в ее органичном единстве с природной действительностью и в ее специфической, отличной от природной и имманентной человеку форме движения. Именно в обществе через рукотворную «вторую природу», через культуру воспроизводится единство природного и человеческого мира, и только в нем природа становится условием человеческой жизнедеятельности. Человеческая сущность природы раскрывается только для общественного человека, ибо только в обществе природа является для человека звеном, соединяющим человека с человеком, жизненным элементом его действительности, выступает в качестве основы человеческого бытия.

В противовес натуралистическим и спиритуалистическим концепциям истории К. Маркс объяснил историю из ее собственного развития как продукт предметно-практической деятельности человека, свободного в своем выборе и решениях и вместе с тем детерминированного объективными обстоятельствами. Он «историзировал природу», принимая ее не в виде абстрактно-материальной, объективной предпосылки человеческого существования, а в виде естественной реальности, включенной в сферу общественно-исторической практики. На этой основе К. Маркс пришел к одному из важнейших положений своей философии истории, согласно которому материальное производство является именно той областью исторической реальности, в которой обнаруживается и практическое отношение человека к миру, и действительно историческое отношение природы к человеку, где природные силы перестают обладать чистой естественностью и становятся фактором социального развития.

В концепции исторического монизма марксизм преодолевает не только идеализм, метафизику и натуралистическую трактовку истории, но и характерное для современной субъективистской буржуазной философии отрицание существенного значения природы для человеческого бытия. Рассматривая природу исторически в ее социальных превращениях, К. Маркс открыл новый аспект понимания действительности: природной — с точки зрения общественной, общественной — с точки зрения исторически конкретного человека, революционного класса, его практики. Показав исторические формы, в которых необходимость природы и ее сущностные силы даны человеку, и подчеркнув человеческое происхождение и специфику этих форм, их принципиальную посто-

сторонность и познаваемость, он тем самым раскрыл коренные объективные условия человеческой свободы, его исторического творчества.

Но если не существует никакого заранее данного объективно-идеального или материального начала, несущего в себе действительную цель истории и человеческого существования, то как можно говорить об общих для многих людей, классов, народов и даже всего человечества идеалах? Ведь в самой истории как в прошлом, так и в настоящем не было и нет какого-то единого центра, который определял и провозглашал бы общую направленность исторического процесса. Более того, общественная жизнь человечества представляет собой чрезвычайно сложное переплетение бесчисленного множества сил и отношений, необходимых и случайных, объективных и субъективных. Люди, классы, массы, различные социально-политические системы, движимые сходными и различными, а нередко взаимоисключающими побуждениями, творят историю. Может ли результат этого сложного и противоречивого творчества иметь общую направленность, коль скоро отрицается всякое его внеисторическое происхождение и сущность?

Отвечая на этот вопрос, марксистско-ленинская философия обращается к самой исторической действительности. История человеческого общества, известная нам по памятникам письменной культуры, началась в IV тысячелетии до нашей эры. С тех пор за время своего шеститысячелетнего движения она воссоздала множество сменявших друг друга социальных образований, породила огромные материальные и духовные ценности, пережила периоды расцвета и упадка. Пройденный человечеством путь — значительный отрезок исторического времени. Он достаточно содержателен, чтобы на его основе судить в общих чертах и о прошлом, и о будущем. Особенно большое значение для понимания направленности истории имеют переломные исторические периоды, когда в относительно короткое время рушатся старые, отжившие экономические и политические формы и складываются условия для созидания новых, прогрессивных форм.

В качестве таких поворотных этапов могут быть отмечены период крушения древнего общества — Ханьской империи в Восточной Азии, Римской империи в Южной Европе, Северной Африке и Передней Азии, эпоха буржуазных революций XVII—XVIII вв., социалистическая революция в России в XX в., положившая начало новой эре человеческой истории — эре бесклассового общества. Строительство новых форм общественной жизни в социалистических странах, характер взаимоотношений сосуществующих капиталистической и социалистической мировых систем, социальные проблемы научно-технической революции и др. дают богатый материал как для осмысления сути истории, так и для освещения проблем человеческой жизни, ее смысла, проблемы свободы и творчества человека.

История, рассматриваемая с позиций сегодняшнего дня, предстает перед нами в виде некоего сложного, неоднозначного, противоречивого, но в целом единого процесса, обладающего сходными моментами в развитии различных стран, народов, культур и в рамках одного определенного исторического периода и отдаленных друг от друга во времени эпох. Вместе с тем история является одновременно историей неповторимых по своей индивидуальности и конкретному содержанию однократных явлений и событий жизни человечества.

Единство человеческой истории есть результат многовекового развития, в процессе которого народы, населявшие Землю и жившие вначале локальными или мало связанными между собой культурными центрами, в результате технического, экономического, духовного развития, совершенствования средств передвижения и связи вступили в тесное общение, а в последнее столетие оказались настолько связанными друг с другом, что стало возможным говорить о единой судьбе человечества.

На заре истории, когда люди различных континентов и регионов земного шара, отделенные друг от друга непреодолимым по тем временам пространством, только выходили из своего животного состояния и образовали первые человеческие общности, существовал лишь один объективный фактор их потенциального исторического единства. Таким фактором служила принципиальная общность природных предпосылок истории, обусловленная единством географических условий Земли и биологической организации человека. Движимые единой естественной потребностью существования и воспроизводства своей жизни, люди в силу самого образа их жизни создавали орудия труда и другие средства материальной и духовной культуры, которые впоследствии стали ведущим фактором общественного развития и исторического единения человечества.

Рассматривая вопрос о связях исторического процесса и его пространственном распространении, Н. И. Конрад называет два географических центра начальной исторической жизни — египетский в долине Нила и шумерский в Двуречье. Дальнейшее движение истории происходит путем расширения географических сфер и сфер культурного влияния первых исторических центров и включения в них новых племен и народов. Позднее в других районах Земли самостоятельно возникают новые культурные центры, которые, в свою очередь, влияют на племена и народы, населяющие прилегающие к ним территории. Различные исторические центры приходят в соприкосновение, вступают в торговые, политические и культурные взаимоотношения или сталкиваются между собой как враждебные силы. Эти столкновения разрешались так, что либо к старым историческим районам добавлялись новые, либо народы новых районов, выходя из мест своего исконного расселения, вторгались в жизнь старых центров. В конечном счете начавшееся некогда пространственное распространение истории в течение нескольких тысячелетий вовлекло в свою ор-

биту все части земного шара. «В сложнейшем процессе соприкосновения одних частей человечества с другими формировались этнически устойчивые племенные группы, развивались народности, перераставшие в дальнейшем в нации»⁵⁸.

Связи и взаимоотношения, складывавшиеся между древнейшими культурными центрами, носили случайный и эпизодический характер. Мировая история от первобытнообщинного строя до зарождения капитализма развивалась в целом в песчолких мало связанных друг с другом культурных центрах — китайском, индийском, египетском, греко-римском, американском. Древние центры исторической жизни были настолько изолированы друг от друга и остальных регионов мира, что нередко с их гибелью исчезали и их высокие культурные достижения.

Общение между народами принимает устойчивые и постоянные формы вместе со становлением и развитием капитализма. Создание единого мирового рынка привело к расширению международных связей, разрушению национальной и религиозной замкнутости. На смену замкнутости пришла всесторонняя зависимость народов друг от друга. Плоды не только материальной, но и духовной деятельности одних народов все в большей мере становятся достоянием других народов. Происходящее в наше время соединение истории различных стран и народов в единую историю человечества само по себе является несомненным показателем глубоких исторических сдвигов. Но они не дают еще ответа на вопрос о направленности самой истории.

Успехи производства, науки и техники сегодня признаются всеми. Научные открытия, современная техника и технология быстро распространяются по всей Земле, принимаются людьми разных континентов и стран как нечто бесспорное и жизненно необходимое. Бросается в глаза всевозрастающее ускорение научно-технического прогресса. Развитие производительных сил происходит как бы по геометрической прогрессии, когда удвоение мощностей достигается через все более краткие промежутки времени. К. Маркс и Ф. Энгельс в свое время отмечали, что капитализм создал более грандиозные и могучие производительные силы, чем все предшествующие поколения, вместе взятые. Сейчас мы можем сказать, что за последние три десятилетия производительные силы выросли больше, чем за всю предшествующую историю человечества.

Вместе с тем возникли трудности, новые проблемы. Атом дал человечеству не только новый источник энергии, но и оружие разрушительной силы, он принес с собой и радиоактивность, которая может стать серьезной угрозой для здоровья людей. Автоматизация, ограничив приложение тяжелого физического труда, породила опасность однообразных, лишенных творческого начала трудовых операций. Наконец, человечество узнало и новые

⁵⁸ Конрад Н. И. Заметки о смысле истории.— Вестник истории мировой культуры, 1961, № 2, с. 17.

болезни, рожденные условиями современной жизни. Решив одни проблемы, история поставила другие, более сложные. Насколько оправданы в свете этого оптимистические прогнозы и надежды?

Пути исторического движения сложны и противоречивы. Они постоянно расширяют поле человеческой деятельности, увеличивают объем задач, требующих своего решения. Но это никак не исключает, а лишь подтверждает поступательный характер развития человечества. Новые задачи говорят не только о предстоящих условиях и трудностях, но и о том, что человечество в своем развитии выросло и окрепло, накопило огромные знания и навыки, делающие его способным для решения этих задач. Восходящая направленность исторического процесса находит свое выражение в постоянном увеличении объема практической и духовной деятельности человека, в росте его способности приспосабливаться к более разнообразным природным условиям, в создании более высоких общественных форм, непрерывном физическом, духовном и нравственном совершенствовании.

Обеспеченная и благоустроенная жизнь, здоровье, нравственное совершенство, гуманность, свобода, справедливость и счастье давно уже признаны несомненными человеческими ценностями, а потому и своего рода показателями достигнутого человечеством материального и духовного развития. Правда, люди разных эпох, классов и других социальных групп, разной культуры вкладывают в эти понятия различное содержание. Но любой из них не может не признать поступательного характера истории, если человечество в своем развитии все в большей степени становится обладателем этих ценностей.

Важнейшим условием человеческого прогресса и счастья является физическое здоровье людей. Развитие культуры дало человеку могучие средства для покорения сил природы. Оно окружало человека искусственной средой, падежно охраняющей его от природных стихий. Но, заключив себя в созданную им самим «вторую природу», человек лишился тех в известном смысле благоприятных для здоровья преимуществ, которые давало более непосредственное общение с природой. Возникновение крупных городов привело к скоплению огромных людских масс на относительно небольшой территории. Условия такого города с его шумом, загрязненным воздухом, общим напряженным темпом жизни быстро утомляют человека, делают его легковозбудимым. Современные жилища, одежда и другие предметы быта надежно охраняют человека от дождя и холода, а развитые транспортные средства позволяют легко преодолеть любые расстояния. Но эти же удобства приводят к тому, что большую часть времени он проводит в помещении, отвыкает от хождения пешком и многих других необходимых для организма движений.

Сегодня стало всеобщим убеждение, что без воспроизводства многообразных и необходимых для жизни человека природных условий невозможно дальнейшее развитие культуры. Нельзя остановить развитие науки и техники, как нельзя остановить само

движение истории. Вместе с тем очевидно и другое: все виды исторического творчества в конечном счете должны служить человеку, его благополучию, всестороннему физическому, нравственному и духовному развитию. А это возможно при неперменном сохранении и воспроизведении благоприятных природных условий жизни человека. Отсюда требование бережного и внимательного отношения к природной среде, природным силам и возможностям самого человека, их воссозданию средствами культуры. Перед современным человечеством стоит актуальная практическая задача такой организации общественной деятельности, которая бы обеспечила наиболее благоприятное для природы, а следовательно, и для человека использование ее сил и возможностей.

Однако успешное решение этой задачи зависит не только от технических возможностей человечества. Оно зависит и от характера (на что уже обращалось внимание) общественных отношений, от того, насколько существующая социальная организация способна упорядочить взаимодействие общества с природой, обеспечить разумное и гуманное использование ее ресурсов. Рациональное воздействие человека на природу, контролируемое и целенаправленное использование достижений науки и техники без серьезного ущерба для природных основ человеческого бытия связаны в современных условиях с созданием и совершенствованием таких форм общественной жизни, в которых все силы и богатства научных и технических средств подчинены человеку, как главной цели всего общественного развития. Именно такие возможности открывает перед человечеством социалистическое общество.

Исторический процесс характеризуется тем, что наряду с предвидимыми последствиями он приносит с собой и последствия непредвидимые. Особенно неоднозначны показатели исторического процесса в области гуманизма и человеческой нравственности. Можно ли вообще говорить о восходящей направленности истории в эпоху, когда человечество пережило две разрушительные мировые войны, трагедию Освенцима и Хиросимы, когда и по сей день то здесь, то там вспыхивают очаги войны, имеют место политические преследования и расправы с людьми, отстаивающими социальную справедливость? Вопрос этот необычайно сложен, но и здесь, несмотря на всю противоречивость исторического процесса, общий баланс приобретений и потерь оказывается в пользу человечества. Сегодня война как средство решения международных споров осуждается большинством человечества, а идея самоценности человеческой жизни получает все более широкое признание. В этих условиях все большее влияние приобретают идеи социалистического гуманизма, мира и мирного сосуществования.

История показала нам, писал известный английский философ Б. Рассел, что человек способен создать мир сияющей красоты и непреходящего величия. «Подумай о поэтах, композиторах, художниках,— замечал он,— о людях, чьи духовные видения стали

доступны миру в зданиях, полных царственной роскоши. Все это царство воображения могло бы принадлежать нам. И человеческие отношения могли бы обладать красотой, присущей лирической поэзии. Многие люди испытывают некоторое подобие этой возможности в любви между мужчиной и женщиной. Но нет никаких причин к тому, чтобы эта красота ограничивалась столь узкими пределами,— она могла бы, как в Хоральной Симфонии, объять весь мир»⁵⁹.

Человечество находится в начале своей подлинной истории, и многое еще предстоит сделать на путях развития нравственности и гуманности. Успехи в этом отношении кажутся не такими значительными на фоне ошеломительного научного и технического прогресса последних десятилетий. Но это не дает нам оснований для пессимистических выводов. Нельзя забывать, что человечество сравнительно недавно в исторических масштабах вышло из трясины невежества и многовековой борьбы за существование. Большая часть того, чем оно располагает и что оно знает, приобретено за последние три-четыре столетия. А тот расцвет науки и техники, который достигнут в наши дни и на фоне которого кажутся не такими значительными наши успехи в деле внутреннего духовного и нравственного совершенствования людей, является детищем последних десятилетий. Прошло еще немного времени для того, чтобы, освоив эти возможности, человечество смогло бы в полной мере использовать их для своего внутреннего роста. Вместе с тем завоеванные прогрессивным человечеством духовные и нравственные предпосылки позволяют надеяться, что оно справится и с этой стоящей перед ним сложной задачей.

Научно-технический прогресс продемонстрировал сегодня свои неограниченные возможности для общественного развития. Вместе с тем он самым убедительным образом показал, что степень и характер его влияния на развитие общества зависят от социальной структуры общества, от тех ценностей и идеалов, которые господствуют в нем и определяют направленность человеческой деятельности. Иначе говоря, научно-техническая революция и ее последствия показывают, что дальнейший прогресс науки и общества возможен лишь на основе опережающего интеллектуального и нравственного развития человека. Сегодня человек более, чем когда-либо, должен осознать себя творцом исторической действительности и практически утвердить себя в этой роли, овладеть ключевыми позициями и средствами, позволяющими ему управлять общественными процессами и развивать их в соответствии с передовыми идеалами нашего времени.

Свое право на дальнейшее существование человечество никогда не обретало механически, полагаясь лишь на действие независимых от него объективных сил природы и общества. Оно завоевало это право в тяжелой и напряженной борьбе. В наше время от решений и действий людей, их самостоятельной и ответственной активности зависит не только то, каким будет наш завтраш-

ний день, но и то, будет он или нет. Сегодня, как никогда ранее, очевидно, что будущее человечества не предопределено, не задано заранее, а зависит от самих людей, от того, какой социально значимый выбор они сделают, как используют находящиеся в их распоряжении средства и возможности.

Марксистско-ленинская теория исторического процесса учитывает эту специфику общественной жизни, отражает ее в своих важнейших положениях, в своем понимании смысла истории и общественного идеала. Ее представления о направленности истории складываются на основе объективного научного и партийно-классового подхода к анализу и оценке явлений общественной жизни в прошлом и настоящем, с учетом как реальных тенденций и возможностей существующей действительности, так и тех идеалов и ценностей, которые человеку предстоит претворить в будущем. Марксистско-ленинская философия — это философия исторического оптимизма, но оптимизма не бездумного и фанатического, а реалистического и активно-действенного⁶⁰. Она учитывает как имеющиеся реальные трудности и возможности, так и волю, желание людей создать нечто новое, более совершенное. Фундаментальность марксистско-ленинского научного обоснования коммунизма не оставляет места для фатально-детерминистского или религиозно-эсхатологического понимания истории. Основные принципы, определяющие сущность коммунистического идеала, отличаются своей гуманистической направленностью и историчностью.

Современные буржуазные теории исторического процесса, несмотря на их различия, так или иначе являются апологией существующего капиталистического общества, социальной утопией, предполагающей в конечном счете лишь реформацию капитализма. Как бы ни формулировались эти концепции, в них утрачено понимание того, что настоящее, да и любое будущее, общество есть ступень в историческом развитии. Считать капитализм высшей точкой развития цивилизации или видеть в нем общественную форму с неограниченными возможностями самосовершенствования по существу означает одно и то же антиисторическое воззрение. Религиозная философия, казалось бы, развивает принципиально иную точку зрения, но на самом деле она также исходит из признания конца истории. И неважно, что признается такой завершающей точкой цивилизации, ее абсолютно развитой формой — современный капитализм или царство Всевышнего. В обоих случаях мы имеем дело с чудом, превышающим историю, ее действительное развитие, — чудом капитализма и чудом вознесения. Все различие в том, что в одном случае это чудо провозглашается в качестве догмата религиозной веры, а в другом — утверждается в форме псевдонаучных заключений.

⁵⁹ Рассел Б. Разум против безумия. — В кн.: Наука и человечество. М., 1962, с. 43.

⁶⁰ См.: Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. М., 1974, т. 4, с. 341, 342.

Смысл истории, каждого конкретного общества, поколения, человека нельзя искать лишь в том, что данный период жизни служит рождению более высокой общественной системы, хотя ее идеалы служат и должны служить нормами человеческого поведения и действия в настоящем. Смысл истории заключается также в самоценности каждой исторически восходящей ступени развития. В связи с историческим процессом в целом каждая такая ступень имеет свою ценность, и в этом основа исторической преемственности, важнейшее условие направленности исторического процесса.

В отличие от различного рода социальных утопий культурологического, экзистенциалистского и антропологического толка марксистско-ленинская теория подчеркивает поступательный характер исторического процесса, диалектическое сочетание в истории прерывного и непрерывного, однократного, индивидуально-го и повторяющегося, общего, творческую роль человека, вскрывает реалистическую и конкретно-историческую природу коммунистического общественного идеала. Коммунистическая общественно-экономическая формация — это такой исторический общественный строй, который приходит на смену капитализму, преодолевает принципиальные социальные противоречия, присущие капитализму и антагонистическому классовому обществу в целом. Она представляет собой начало нового этапа в истории. Ее суть в том, что человечество, уже свободное от классовой эксплуатации и различных форм социального гнета, способно решать возникающие задачи, подчинив всю свою деятельность самой высшей ценности — человеку, его благу, его всестороннему, свободному и творческому развитию.

В свое время, говоря об источниках и составных частях марксизма, В. И. Ленин подчеркивал, что марксизм возник не в стороне от столбовых дорог развития мировой цивилизации. «Напротив,— писал он,— вся гениальность Маркса состоит именно в том, что он дал ответы на вопросы, которые передовая мысль человечества уже поставила»⁶¹. Однако ответы на уже поставленные вопросы потребовали титанических усилий — всестороннего исследования огромного фактического материала, и прежде всего осознания применительно к человеческой истории самого способа существования и развития исторической действительности. С выяснения этой проблемы мы и начнем наше рассмотрение исторического материализма как общей теории исторического процесса.

⁶¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 40.

СПОСОБ СУЩЕСТВОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Глава 1

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

1. Активность, деятельность, труд

Исторический процесс не существует вне и помимо деятельности людей. Человеческая деятельность — единственно возможный способ существования и развития исторической действительности. «История, — подчеркивал К. Маркс, — не делает ничего, она «не обладает *никаким* необъятным богатством», она «не сражается *ни в каких* битвах»! Не «история», а именно *человек*, действительный, живой человек — вот кто делает все это, всем обладает и за все борется. «История» не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения *своих* целей. История — *не что иное*, как деятельность преследующего свои цели человека»¹.

Но что представляет собой деятельность людей? В чем ее специфика? Ответы на поставленные вопросы отнюдь не разгадка всех тайн исторического процесса. Но они могут стать тем исходным моментом социального познания, которое в своем движении от абстрактного к конкретному позволяет раскрыть все богатство диалектики общественного развития. Разберемся прежде всего в значении самого термина.

Термин «деятельность» имеет широкое распространение в научной литературе. Часто пишут о «деятельности рек», «вулканической деятельности», «деятельности генов», «высшей нервной деятельности» и т. д. Подобное употребление термина имеет и философские традиции. Гегель, например, обозначал термином «деятельность» движение понятия. Он писал о деятельности процесса, в том числе химическом превращении, о деятельности субстанции и причины и др.² Конспектируя книгу Л. Фейербаха «Изложение, анализ и критика философии Лейбница», В. И. Ленин выделял слова о том, что «телесная субстанция для Лейбница

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 102.

² См.: Гегель Г. В. Ф. Наука логики. М., 1972, т. 3, с. 290, 180, 183.

уже не только протяженная, мертвая, извне приводимая в движение масса, как у Декарта, а *в качестве субстанции* имеет в себе деятельную силу, не знающий покоя принцип деятельности»³.

Однако в целом развитие философской мысли шло не по линии расширения, а по линии ограничения смыслового значения данного термина. В качестве понятия термин «деятельность» используется прежде всего как инструмент изучения общественной жизни — исторического процесса. Поэтому трактовка «принципа деятельности» как универсального принципа познания материального мира («телесной субстанции») превращала понятие деятельности в абстракцию, лишенную познавательной ценности. Именно в связи с задачей исследования общественных процессов и возникла в настоящее время настоятельная потребность в уточнении объема и содержания этой категории, в ее определении.

Конечно, решая данную проблему, надо считаться с уже сложившимся языком науки. Если по отношению к неживой природе понятие деятельности имеет образное некатегориальное значение, то в биологических науках, особенно в тех отраслях знаний, которые связаны с изучением высших психических функций животных, это понятие прочно вошло в категориальный аппарат. Понятия «ориентировочная деятельность», «орудийная деятельность» и другие приобрели применительно к высшим животным не обыденное, а теоретическое значение.

В качестве родового понятия категории деятельности в научной литературе не без оснований выделяется понятие активности. Деятельность так или иначе подводится под понятие активности, истолковывается как определенный вид активности. Вместе с тем в трактовке природы самой активности обнаружились разногласия. Определились два подхода. Во-первых, активность характеризуется как конкретизация взаимодействий применительно к живой природе и общественной жизни⁴. Во-вторых, активность рассматривается как свойство всех материальных образований, в том числе и образований неживой природы⁵.

Нельзя не отметить, что понятие «взаимодействие» наряду с понятиями «связь», «предмет», «процесс» и т. д. является важной характеристикой всех форм движения материи, и в этом плане исключить понятие взаимодействия из лексикона биологических и общественных наук вряд ли возможно. Более перспективным, по нашему мнению, становится обоснование второго подхода. Сопоставляя активность самоуправляемых и физических (менее организованных) систем, Б. С. Украинцев отмечает, что активность физических систем «не выходит за рамки динамизма ответной реакции на внешнее воздействие... хотя по форме она во многом зависит от внутренних особенностей реагирующего объекта»⁶. Но на всех добиологических уровнях развития материи такая реакция непосредственно сливается с отражением⁷. Признание отражения в качестве свойства всей материи означает признание у материи и свойства активности. Активность прежде

всего выступает в виде активности отражения. Вместе с тем активность не сводится лишь к активности отражения. «Активность,— пишут А. М. Коршунов и В. В. Мантатов,— есть свойство материальных систем запечатлевать особенности воздействующих явлений в соответствии с собственной определенностью и отвечать на внешние явления некоторым действием, изменяющим состояние внешней среды»⁸. И далее: «К этому следует добавить такую черту, как способность к саморазвитию в результате борьбы противоположностей, которая присуща всем уровням материи»⁹.

Слов нет, активность внутренне связана с взаимодействием и, следовательно, лежащим в его основе противоречием. Однако это не просто взаимодействие, а характеристика взаимодействия в виде акции каждой из взаимодействующих сторон, обнаружение их способности к взаимодействию, самодвижению и саморазвитию. По своему значению активность материи тождественна ее «стремлению», «жизненному духу», «напряжению», «мучению», как трактовали эти понятия К. Маркс и Ф. Энгельс. «Первичные формы материи,— писал в связи с этим К. Маркс,— суть живые, индивидуализирующие, внутренне присущие ей, создающие специфические различия *сущностные силы*»¹⁰. Разъясняя смысл термина «Qual» («мучение», «боль»), заимствованного К. Марксом у немецкого философа-мистика Я. Бёма, Ф. Энгельс писал, что «его «Qual» — это в противоположность боли, причиняемой извне, активное начало, возникающее из самопроизвольного развития вещи, отношения или личности, которые подвержены «Qual», и, в свою очередь, вызывающее к жизни это развитие»¹¹.

Свойство активности развивается вместе с развитием материи. Поэтому каждая форма движения материи имеет свое специфическое проявление этого свойства, обусловленное спецификой ее внутренних противоречий. Соответственно можно выделить элементарную активность (неживая природа), биологическую активность, социальную активность. Все это, по нашему мнению, снимает опасение некоторых авторов, будто трактовка активности в общеприродном плане обедняет эвристическое значение данного понятия¹². Наряду со способностью материальных объектов к самодвижению и саморазвитию активность представляет собой

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 68.

⁴ См.: Маргулис А. В. Диалектика деятельности и потребностей общества. Белгород, 1972.

⁵ См.: Кремянский В. И. Методологические проблемы системного подхода к информации. М., 1977; Дежин М. В. Проблемы теории личности. М., 1977, и др.

⁶ Украинцев Б. С. Самоуправляемые системы и причинность. М., 1972, с. 40.

⁷ Ленинская теория отражения и современность. София, 1969, с. 72.

⁸ Коршунов А. М., Мантатов В. В. Теория отражения и эвристическая роль знаков. М., 1974, с. 17.

⁹ Там же, примеч.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 142.

¹¹ Там же, т. 22, с. 300, примеч.

¹² См.: Дзинская К. Е., Мамзин А. С. Диалектическая природа биологической активности.— В кн.: Проблемы диалектики. Л., 1972, вып. 1.

и интенсивность процесса реализации этой способности, становится своеобразной мерой взаимодействия¹³, в том числе мерой проявления социальной дееспособности человека¹⁴.

Активность и деятельность внутренне соподчинены между собой. Но деятельность выражает активность особого рода. По мнению Э. С. Маркаряна, деятельность в самом широком смысле слова — это информационно направленная активность живых систем, обеспечивающая их самоподдержание. Э. С. Маркарян связывает активность живых систем, в которые он включает биологические и социальные системы (фактически речь идет о всех самоуправляемых системах), с их способностью упорядоченно отражать воздействие внешней среды и на данной основе вырабатывать информационные программы, обеспечивающие опережающее отражение будущего результата. В качестве характерной черты деятельности выделяется ее адаптивная (приспособительная) функция, благодаря которой система поддерживает свою организацию и повышает ее уровень¹⁵.

Признавая важность разработки понятия деятельности как общенаучной категории, которая может быть плодотворно использована всеми науками, имеющими дело с самоуправляемыми системами, необходимо вместе с тем подчеркнуть, что в собственном значении слова деятельность не общенаучная, а социально-философская категория, категория исторического материализма. В этом своем значении деятельность есть любое проявление социальной активности.

Деятельность (жизнедеятельность) биологической системы поддерживает ее динамическое равновесие через приспособление к внешней среде. Деятельность же социальной системы, включая общественного человека, приобретает новое продуктивное, производственное свойство, становится адаптивно-адаптирующей (приспособительно-приспосабливающей) активностью¹⁶. Социальная активность — выражение универсальности человека как социального существа. Она воссоздает сами материальные условия общественной жизни, превращает внешнюю природу во «вторую природу» — неорганическое тело общественного человека. «Практическое созидание *предметного мира*, — подчеркивал К. Маркс, — *переработка* неорганической природы есть самоутверждение человека...»¹⁷ Это самоутверждение, подчиняя себе стереотипы биологической активности, создает принципиально отличный от генетического наследования тип информационных связей и программ жизнедеятельности.

Биологические системы обладают информацией наследственной (видовой) и накопленной (индивидуальной). Причем устойчивость системы требует сведения количества передаваемой наследственной информации к минимуму, ибо, чем меньше информационный объем генетического сообщения, тем в меньшей степени вероятны отрицательные для жизнедеятельности организма и вида в целом искажения информации, хотя полностью такие искажения (мутации) исключить невозможно в силу стати-

стической природы механизма биологической наследственности. Сведение количества передаваемой с помощью генетического кода информации к минимуму — один из моментов естественного отбора, выработанный многочисленными поколениями организмов в результате длительного взаимодействия с окружающей средой.

Однако именно поэтому применительно к высшим животным наследственная связь становится недостаточно пластичной. Отсюда у отдельных видов животных зачатки дополнительного механизма — передача информации от поколения к поколению через «общение»: конкретное поведение, с одной стороны, и подражание этому поведению — с другой. Подобная форма передачи информации способствует при смене поколений выработке условных рефлексов, ускорению накопления соответствующих навыков. Но таким путем передается информация, имеющая по отношению к генетической информации всецело подчиненный характер. Отсутствие или недостаток подобной информации более или менее успешно возмещается биологической системой в процессе ее жизнедеятельности.

Передача осознанного, обобщенного опыта — атрибут социальной системы. Специфическими средствами его передачи, социального наследования¹³ становятся язык (членораздельная речь) и воссоздаваемые людьми опредмеченные ценности, в первую очередь техника как овеществленная сила знаний. Действительные достижения человечества имеют непреходящее значение. Они аккумулируются в культуре и, таким образом, превращаются в условия и факторы преемственности и реализации человеческой деятельности.

Этимологически слово «культура» означает возделывание, обработку. Уже отсюда открывается возможность понимания культуры в виде специфически человеческого способа деятельности, способа овладения действительностью. Человеческая деятельность, следовательно, внутренне связана с культурой. Она программируется и осуществляется через механизм культуры — результаты и средства обобщения и закрепления социального опыта. Категория «культура» внутренне связана с категорией «деятельность».

По замечанию К. Маркса, деятельность, даже если она осуществляется вне непосредственного общения с другими людьми, является общественной деятельностью, ибо, во-первых, материал деятельности есть общественный продукт и, во-вторых, само бы-

¹³ См.: Общественно-политическая активность трудящихся: (Проблемы методологии, методики и техники социологического исследования). Свердловск, 1970.

¹⁴ См.: Ануфриев Е. А. Социальная роль и активность личности. М., 1971.

¹⁵ См.: Маркарян Э. С. О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван, 1973, с. 13, 14.

¹⁶ Термин «адаптивно-адаптирующая» деятельность введен Э. С. Маркаряном. См.: Маркарян Э. С. Очерки теории культуры. Ереван, 1969.

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 93.

¹⁸ Термин «социальное наследование» введен английским философом-марксистом Дж. Льюисом. См.: Льюис Дж. Человек и эволюция. М., 1964.

тие, человека имеет общественное значение. «...Общественный характер,— подчеркивает К. Маркс,— присущ всему движению; как само общество производит человека как человека, так и он производит общество. Деятельность и пользование ее плодами, как по своему содержанию, так и по способу существования, носят общественный характер...»¹⁹

Животное не отличает себя от своей жизнедеятельности. В этом смысле «животное,— по замечанию К. Маркса и Ф. Энгельса,— не «относится» ни к чему и вообще не «относится»; для животного его отношение к другим не существует как отношение»²⁰. Человек же, напротив, делает свою жизнедеятельность предметом своего сознания, выделяет Я из не Я. «Его жизнедеятельность,— писал К. Маркс,— сознательная»²¹. Различая в явлениях единичное и общее, проникая в их сущность, сознание человека опережает естественный ход событий, позволяя заглянуть в будущее. В конце процесса деятельности получается результат, накануне уже идеально существовавший в голове человека. Все это ставит человека на особое место среди явлений природы, преобразует его в субъект — сознательно-активное творческое существо.

Наряду с понятием деятельности в научной литературе часто используется понятие поведения — еще более многозначное, чем категория деятельности. Одни авторы рассматривают поведение как последовательное изменение множества состояний любой динамической системы²². Другие трактуют поведение как реакцию организма на внутренние и внешние раздражения, различают неосознанное, инстинктивное и преднамеренное, осознанное поведение, называя последнее деятельностью. Третьи понимают под поведением внешнюю — выраженную вовне — сторону активности биологических и социальных систем²³. Четвертые применяют понятие поведения для обозначения ценностного (аксиологического) аспекта человеческой деятельности. Если в качестве единицы деятельности выступает действие, то в качестве единицы поведения при таком его понимании — поступок²⁴. В данном смысле понятие «поведение» широко представлено в марксистской литературе, прежде всего в литературе, посвященной проблемам личности.

Деятельность представляет собой сложную и многоплановую систему, дифференциация которой начинается вместе с преодолением первобытного состояния общественной жизни. В зависимости от характера отношения человека к окружающему миру она подразделяется на два вида — практическую и духовную. Если практическая деятельность направлена на изменение природной и социальной действительности как всего того, что существует вне сознания людей, то духовная деятельность разворачивается в сфере сознания. Обретая самостоятельное значение и даже выступая в качестве противоположности (порожденной частной собственностью) умственного и физического труда, практическая и духовная деятельность применительно к историческому процес-

су в целом всегда дополняют друг друга. Они обнаруживают себя в ходе истории и в виде таких своих специфических сочетаний, которые К. Маркс называл практически-духовным освоением мира²⁵. Сознавая всю важность специальной разработки данной темы, отметим лишь то, что в современной литературе в качестве форм практически-духовного освоения мира выделяются художественная, нравственная и религиозная деятельность²⁶. Человеческая деятельность необходимо предполагает общение людей. Применительно же к индивидуальной деятельности, т. е. деятельности отдельных общественных индивидов, позволительно ставить вопрос и об общении как особой деятельности.

Но существуют и иные основания классификации деятельности. Деятельность можно подразделить в зависимости от ее объектов (экономическая, социальная, политическая и др.) и субъектов (классовая борьба, национально-освободительное движение и др.). Можно соотносить ее с объективным ходом истории (прогрессивная деятельность и реакционная, революционная и контрреволюционная); с объективно существующими системами ценностей (положительная деятельность и отрицательная — антиобщественная — деятельность, законная и незаконная, моральная и аморальная); с процессом создания и природой результата (творческая деятельность и нетворческая) и т. д.

В узком смысле слова творчество — получение результата, обладающего определенной степенью новизны, создание того, чего до этого не было. Творческая деятельность при таком ее понимании противопоставляется репродуктивной деятельности, деятельности, повторяющей то, что уже есть. Существует и другая, более широкая трактовка творчества. Творческая деятельность понимается как созидание, в том числе и репродукция, и противопоставляется разрушающей (дезорганизирующей) деятельности.

Выделение в системе человеческой деятельности положительной, творческой деятельности — предпосылка и основа понимания такого принципиального явления общественной жизни, каким выступает человеческий труд. По определению К. Маркса, «труд есть *положительная, творческая деятельность*»²⁷. Как видовое понятие труд подводится под понятие деятельности, выступающей в качестве его родового понятия. Но если труд есть

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 118.

²⁰ Там же, т. 3, с. 29.

²¹ Там же, т. 42, с. 93.

²² См.: Клаус Г. Кибернетика и философия. М., 1963, с. 142, 143.

²³ См.: Маркарян Э. С. О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван, 1973, с. 24, 25.

²⁴ См.: Демин М. В. Специфика человеческой деятельности. — Вестн. МГУ. Сер. VIII. Философия, 1974, № 5.

²⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 38.

²⁶ См.: Давидович В., Аболина Р. Кто ты, человечество? Теоретический портрет. М., 1975.

²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 113.

творчество, то люди, участвующие в труде, всегда являются творцами. Именно труд лежит у истоков формирования общества и в фундаменте всего его дальнейшего развития. Сама всемирная история в этом отношении «есть не что иное, как порождение человека человеческим трудом»²⁸. Поэтому не просто деятельность, а в первую очередь труд представляет собой способ существования исторической действительности.

Сфера деятельности, таким образом, шире, чем сфера труда. Нельзя не отметить и то, что деятельность может быть условием и предпосылкой труда. Все психические функции и процессы — внимание, воображение, наблюдение, мышление и т. п. — являются внутренними аспектами предметной деятельности человека. Они в той или иной степени включены в процесс труда, его обслуживают, но, взятые сами по себе, трудом не являются. В психологии эти функции вполне законно рассматриваются как виды психической деятельности человека²⁹. Жизнедеятельность человеческого организма и ее поддержание тоже есть деятельность субъекта и может соответственно изучаться физиологией, психологией и другими науками. Вместе с тем она является не трудом, а лишь условием и потенциальной возможностью труда.

Труд отличается от многих видов деятельности. Его нельзя отождествлять, например, с разрушающей деятельностью, хотя в определенный исторический период ломка отживших форм общественной жизни становится условием будущего развития. Вполне естественным является выделение таких исторических видов деятельности, как прогрессивная деятельность, реакционная деятельность и т. п. Что же касается самого словосочетания «прогрессивный труд», «реакционный труд», то оно становится бессмысленным.

Деятельность необходимо включает в себя и непроизводительное потребление, непроизводительную потребительскую деятельность. Однако даже в своей необходимой, полезной форме такая деятельность не есть труд. К. Маркс, анализируя деятельность человека в капиталистическом обществе, показал, как с ростом общественных антагонизмов производительная и потребительская деятельность отрываются, а затем и противопоставляются друг другу. Растет паразитизм имущего класса, его бессодержательный «активизм», происходит вырождение дела, рядом с бизнесменом встает фигура рантье. Ведущий по существу паразитический образ жизни рантье отнюдь не бездеятелен, а нередко и чрезвычайно активен в «прожигании жизни».

Есть и другие заслуживающие внимания аспекты разграничения труда и деятельности. Рассматривая труд в его всеобщих определениях, К. Маркс отмечал, что труд существует в двух формах — деятельности и предметности. «Во время процесса труда, — писал он, — труд постоянно переходит из формы деятельности в форму бытия, из формы движения в форму предметности»³⁰. Специфическая функция человека в этом процессе заключается в следующем: «человек своей собственной деятель-

постью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой»³¹. Деятельность человека представляет собой здесь субъективные элементы процесса труда — затраты «жизненной силы» человека, «оживляющие» вещные условия труда. Понятие деятельности в данном контексте фиксирует момент взаимодействия между человеком и природой, «чистую активность» субъекта действия.

Разграничение понятий «труд» и «деятельность» до недавнего времени почти не предпринималось. Их различное употребление сплошь и рядом носит скорее интуитивный, чем теоретический, обоснованный характер. Существует мнение, что к сфере общественного труда относится только деятельность, преобразующая природу, т. е. сфера материального производства. Деятельность же по изменению и поддержанию организованного состояния общества, его отдельных сторон и самого человека выводится за рамки общественного труда.

При указанных ограничениях в сферу общественного труда нельзя включать науки, управленческую и воспитательно-педагогическую деятельность, искусство и др. Для доказательства рассматриваемой точки зрения ссылаются на известное положение К. Маркса: «труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой»³². Однако даже из прямого смысла цитаты этот вывод не следует, поскольку К. Маркс отмечает здесь не труд вообще, а прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой. Если же обратиться к проведенному К. Марксом анализу системы общественного разделения труда, то становится очевидным: общественный труд охватывает собой не только сферу материального производства, но и сферу духовного производства, сферу услуг и т. д. Конечно, различные сферы общественного труда неравноценны по их роли в разворачивании исторического процесса. Сфера материального производства всегда детерминирует собой развитие других сфер общественного труда, является их основанием. Но это ни в коей мере не сводит общественный труд лишь к деятельности в сфере материального производства.

В философской, социологической и экономической литературе содержание понятия труда раскрывается через анализ его многообразных функций в развитии общества³³. Среди них можно выделить такие: источник общественного богатства (вещного и духовного); основа существования и развития общества; интегратор всех форм человеческой деятельности; способ и

²⁸ Там же, т. 42, с. 126.

²⁹ См.: *Личность и труд*. М., 1965.

³⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 200.

³¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 188.

³² Там же.

³³ См.: *Человек и его работа*. М., 1967, с. 19—21; *Чангли И. И.* Труд: Социологические аспекты теории и методологии исследования. М., 1973, с. 48—50 и др.

средство удовлетворения человеческих потребностей; средство преобразования и развития различных сторон общественной жизни; основа общественного познания и сознания в целом; средство и способ развития человека, самоутверждения личности в обществе и др. Безусловно, названные функции не исчерпывают всех проявлений труда. Его развитие порождает и новые функции. Важно подчеркнуть и то, что труд определяет собой не только существование общества, но и возрастание степени свободы, степени сознательного контроля общества над условиями своего бытия и развития. Все это так или иначе представляет собой различные грани труда, а вместе с ним и деятельности как способа существования исторической действительности. Однако существование еще не сущность. Задача дальнейшего восхождения познания требует введения новых категорий исторического материализма.

2. Генезис общественных отношений. Субъекты и объекты деятельности

О человеческом обществе можно говорить лишь там и тогда, где и когда налицо совместная жизнедеятельность людей. Однако сам факт бытия человека еще не раскрывает сущности общества. Абстрактный, изолированный от хода истории человек — продукт мыслительного процесса, признаки же подобного человека в лучшем случае — биологические признаки «рода». Поэтому сказать, что общество — совокупность людей, это значит еще ничего не сказать по существу. Подобное понимание общества, употребляя слова Маркса, вполне можно отнести к «тощим абстракциям»³⁴.

Абстрактное имеет методологическое значение лишь тогда, когда ведет к конкретному — к познанию предмета как синтеза многих определений, как единства многообразного. Таким единством многообразного становится характеристика исторической действительности через совокупность общественных отношений. Отвергая понятие абстрактного, внеисторического человека, К. Маркс писал: «Общество не состоит из индивидов, а выражает сумму тех связей и отношений, в которых эти индивиды находят друг к другу»³⁵.

Общественные отношения, не отменяя законов биологической организации человека, трансформируют его биологическую обособленность в социальную обособленность. Они превращают индивида в общественного индивида, жизнедеятельность людей — в общественную жизнедеятельность. Отсюда и возникает особое социальное качество человека, неотделимое от общественных отношений. «Быть рабом или быть гражданином, — замечал К. Маркс, — это общественные определения, отношения человека А к человеку В. Человек А как таковой — не раб. Он — раб в обществе и посредством общества»³⁶. Именно поэтому ни биологическая, ни психологическая характеристики человека не могут выражать самой глубокой его сущности. «...Сущность чело-

века,— формулировал К. Маркс,— не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений»³⁷.

Таким образом, нет человека вне общества. Человек всегда является общественным человеком: его сущность неотделима от сущности общества. Определенный характер общества есть и определенный характер общественного человека, и, наоборот, определенный характер общественного человека есть и определенный характер общества. К. Маркс резюмировал свое понимание общества словами: «...Общество, т. е. сам человек в его общественных отношениях»³⁸.

Проблема общественных отношений — основополагающая проблема всех без исключения социально-философских и социологических теорий. Подход к ее рассмотрению особенно наглядно вскрывает партийность этих теорий, их мировоззренческий аспект и социальную сущность. Применительно к современной буржуазной социологии обнаруживается, в частности, такая ситуация. Если в XIX в. в центре внимания буржуазных социологов находилась отдельная личность, то в XX в. место личности все больше занимает группа. Собственным предметом социологии объявляются общие свойства человеческой группы и соответственно единицей социологического анализа — взаимодействие между двумя или более человеческими существами.

По мнению Т. Парсонса, одного из лидеров структурного функционализма (направления, которое многие годы обладало в США статусом «академической социологии»), такое взаимодействие составляет содержание «первичного» уровня «социальной структуры». Оно предполагает, во-первых, физическое присутствие индивидов, по крайней мере в течение некоторого времени, и, во-вторых, их прямое объединение в физических действиях независимо от того, каковы эти действия — технические, символические, коммуникационные — в отношении своего окружения. Выделив, таким образом, чисто внешние, не имеющие по существу никакого отношения к социальным связям признаки «элементарного взаимодействия», Т. Парсонс подводит под эти признаки совершенно различные по своей специфике общественные процессы: создание материальной продукции, заботу женщины о детях и супруге, присутствие на заседании и др.³⁹

Что же сплачивает людей в столь разнородные «первичные группы»? Буржуазные социологи делают единственно возможный с таких позиций вывод: коммуникация и согласованность, т. е. взаимопонимание индивидов, их общие представления об

³⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 12, с. 726.

³⁵ Там же, т. 46, ч. I, с. 214.

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 214.

³⁷ Там же, т. 3, с. 3.

³⁸ Там же, т. 46, ч. II, с. 222.

³⁹ См.: Парсонс Т. Общетеоретические проблемы социологии. — В кн.: Социология сегодня: Проблемы и перспективы. М., 1965.

обстановке. Коллективные мотивы становятся мотивами индивидуальных действий. В этом, согласно Т. Парсонсу, суть социальной системы как системы «процессов и отношений, образуемой взаимодействием множества — зачастую поистине огромного количества — отдельных людей»⁴⁰. В социологическую теорию вводятся психологические и социально-психологические переменные, которые в общем перечне факторов выдвигаются на первое место по сравнению с экономическими, политическими, правовыми и др. В конечном счете общественные отношения так или иначе отождествляются с личными отношениями, обосновываются сознанием индивидов, их эмоциями, чувствами, настроением.

С принципиальной точки зрения мало что изменяет в трактовке общественных отношений и критика структурного функционализма со стороны феноменологической социологии, приобретающей на Западе все большее распространение. Если структурный функционализм психологизирует общественные отношения, то феноменологическая социология однозначно превращает их в производные сознания. Социальный мир, как его характеризуют ее теоретики, представляет собой мир, организованный на основе принятых индивидами значений. Соответственно под социальной структурой и, следовательно, общественными отношениями «понимаются свойственные участникам представления о социальной структуре, являющиеся продуктом общей схемы интерпретации...»⁴¹. В качестве центральных проблем выдвигаются такие проблемы, «как порождение, сохранение, уточнение и усвоение смысла „социальной структуры“»⁴².

В отличие от умозрительных, идеалистических по своей сущности концепций буржуазного обществознания марксизм открыл подлинные основы общественной жизни, выяснил действительные истоки общественных отношений, коренящиеся в специфическом виде и способе человеческой жизнедеятельности — в человеческом труде⁴³.

Созданный людьми предметный мир, преобразованная, «очеловеченная» природа представляет собой совокупный продукт человеческого труда. С одной стороны, продукты труда — результат преднамеренной деятельности человека. Они воспроизводятся человеком согласно его потребностям и потому включают в свое содержание нечто субъективное, теряющее без субъекта свое функциональное значение. С другой стороны, продукты труда имеют по отношению к субъекту такую же объективную форму бытия, как и прочие предметы материального мира. Они обладают способностью физически отделяться от непосредственных производителей и становиться объектом присвоения других индивидов. Поэтому, отделяя от себя продукт своего труда (такое отделение прежде всего есть реализация распределения труда между индивидами) и делаясь тем самым полезным другим людям, индивид как бы соотносит частицу своего Я с другими индивидами. Продукт человеческого труда выступает в качестве вещественного посредника общения людей. При этом не вещество само по себе,

а труд, в том числе и овеществленный труд, незримо присутствующий в преобразованной форме вещества, связывает людей в единое целое, превращая их жизнедеятельность в жизнедеятельность общественных существ. Происходит новая метаморфоза деятельности: из формы движения и предметности она переходит в форму связи. Не случайно В. И. Ленин, представляя «отдельный товар» в виде «клеточки» буржуазного общества, здесь же продолжает: «Анализ его как отношения социального (общественного.— *Ред.*)»⁴⁴.

Таков источник общественных отношений. Однако в условиях товарного производства этот источник скрыт, завуалирован кажущейся самостоятельностью движения вещей. Товарное производство, как оно складывалось и развивалось в истории общества, неизбежно порождало товарный фетишизм — видимость общественных свойств вещей, присущих будто бы им от природы. Отношение товаропроизводителей к совокупному труду и, следовательно, друг к другу представляется последним в виде неких общественных отношений самих вещей.

Раскрытие тайны товарного фетишизма и вместе с тем выяснение действительного генезиса общественных отношений, их более глубокой, исторически непреходящей по сравнению с товарно-денежной формой связи с вещами (продуктами человеческого труда) — одна из выдающихся заслуг К. Маркса. Исследуя генезис общественных отношений, К. Маркс, в частности, подчеркивал: *«Предмет, как бытие для человека, как предметное бытие человека, есть в то же время наличное бытие человека для другого человека, его человеческое отношение к другому человеку, общественное отношение человека к человеку»*⁴⁵. «Это место,— комментировал В. И. Ленин приведенную выдержку из «Святого семейства», — характерно в высшей степени, ибо показывает, как Маркс подходит к основной идее всей своей „системы“, *sit venia verbo*, — именно к идее общественных отношений производства»⁴⁶.

Как результат развития материального мира общество обладает вполне определенным материальным бытием, имеет свой материальный субстрат, представляющий собой не только живые

⁴⁰ Парсонс Т. Общий обзор.— В кн.: Американская социология: Перспективы, проблемы, методы. М., 1972, с. 362.

⁴¹ Уолш Д. Социология и социальный мир.— В кн.: Новые направления в социологической теории. М., 1978, с. 54.

⁴² Филиппсон М. Феноменологическая философия и социология.— Там же, с. 271.

⁴³ Марксистская постановка вопроса об истоках общественных отношений была исследована в 30-х годах советским философом и психологом К. Р. Мегрелидзе. См.: Мегрелидзе К. Р. Основные проблемы социологии мышления. Тбилиси, 1965.

⁴⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 301—302.

⁴⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 47.

⁴⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 16.

человеческие индивиды, по и «неорганическое тело»⁴⁷ общественного человека: средства труда, создаваемые людьми материалы, сооружения и другие опредмеченные ценности, прежде всего непосредственные жизненные средства людей. В качестве высшей социальной формы движения материи исторический процесс необходимо включает в свое содержание естественные процессы и естественные связи своего материального носителя. Однако эти естественные процессы и естественные связи выступают здесь в «снятом», т. е. подчиненном и преобразованном виде. Естественные связи совместной деятельности людей, например, приобретают в историческом процессе характер особых (возможных только в обществе) технологических и управленческих связей. Подчеркивая специфику всех таких связей, есть смысл обозначать их особым собирательным термином, в качестве которого можно использовать термин «организационные связи» («организационные отношения», если в организационных связях присутствует человеческий фактор).

В противоположность организационным связям человеческой жизнедеятельности общественные отношения как определенного рода социальные связи не сводятся к непосредственному присутствию индивидов (физическому контакту между ними), а социальные взаимодействия — обмену веществ, обмену энергией и информацией. Поэтому при изучении общественных форм становится невозможным использование микроскопа, химических реактивов, спектрального анализа и других подобных средств, заменяемых в таких исследованиях силой абстракции. Мысль о том, что общественные отношения неотделимы от материального субстрата, но в то же время как своего рода связи не представляют собой ни вещества, ни каких-либо других однопорядковых видов материи, неоднократно подчеркивалась К. Марксом. Рассматривая стоимость в качестве общественного отношения товаропроизводителей, К. Маркс, в частности, писал: «В прямую противоположность чувственно грубой предметности товарных тел, в стоимость [Wertgegenständlichkeit] не входит ни одного атома вещества природы»⁴⁸⁻⁴⁹.

Живой и овеществленный труд, который нельзя отождествить ни с физическими и нервными затратами человеческой рабочей силы, ни с преобразованным веществом природы, составляет специфическую основу социальных связей, включая общественные отношения. Именно общественно необходимый, безличный труд, воплощенный в продуктах труда, образует то, что К. Маркс называл кристаллами «общественной субстанции»⁵⁰. Речь, по его словам, идет об особом «исключительно социальном способе существования товара (продукта труда. — *Ред.*), не имеющем ничего общего с его телесной реальностью...»⁵¹. Конечно, порождаемое социальными связями и порождающее социальные связи социальное взаимодействие необходимо предполагает преобразование вещества, энергии и информации, но все это не исчерпывает содержания социального взаимодействия. Таким содержанием вы-

ступает, по нашему мнению, обмен деятельностью между субъектами, объективным эквивалентом которого являются не результаты труда, взятые в своем естественном виде, а воплощенный в этих результатах общественно необходимый, безличный труд, соответствующий определенной исторической ступени развития общества.

Труд — всеобщий источник общественных отношений. Вместе с тем общественные отношения становятся необходимой общественной формой человеческой деятельности. Они превращают практическую деятельность людей в общественно-историческую практику, которая как бы «сплавляет» деятельность и общественные отношения в единое целое, всегда представляет собой конкретно-исторический процесс. Общественные отношения нельзя отрывать от человеческой деятельности, но нельзя безоговорочно и ставить между ними знак равенства. Не противопоставление или безоговорочное отождествление деятельности и общественных отношений, а принцип их единства — непреложная методологическая установка познания исторической действительности. Именно так ставили вопрос о соотношении деятельности и общественных отношений основоположники марксизма-ленинизма ⁵².

Без общественных отношений нет и не может быть социальных связей. Однако далеко не всякую социальную связь, например связь производительных сил и производственных отношений, экономического базиса и надстройки и т. п., можно считать общественным отношением. Социальные связи суть и связи — общественные отношения, и связи, являющиеся условием и результатом их функционирования в качестве общественной формы человеческой деятельности. В отличие от всех прочих социальных связей общественные отношения всегда выступают как связи между субъектами по поводу объектов. Отдельно от субъектов, связанных между собой, они, по замечанию К. Маркса, могут фиксироваться лишь в абстракции ⁵³.

Непременная характеристика субъекта есть сознание и воля. Вместе с тем субъект не само сознание, не сама воля, а материальное образование, способное творчески относиться к действительности: познавать и преобразовывать мир. К. Маркс безоговорочно отвергал рассуждения идеалистов о «бестелесном» субъекте, превращенном в философии Гегеля в некую абсолютную личность. «Нельзя отделить мышление от материи, — подчеркивал он, — которая мыслит. Материя является субъектом всех изменений» ⁵⁴.

⁴⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 92, 93; т. 46, ч. I, с. 477—482.

^{48—49} Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 56.

⁵⁰ См.: Там же, с. 46.

⁵¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. I, с. 154.

⁵² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 27, с. 402—403; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 149.

⁵³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, 84.

⁵⁴ Там же, т. 2, с. 143.

Такой «мыслящей матерней» — субъектом всех изменений — становится в истории человеческого общества не только сам человек, но и социально-исторические общности (классы, нации и др.), устойчивые объединения (государства, партии и др.) людей и общество в целом. Общие интересы, выливающиеся в общность целей и действий, превращают исторически определенные групповые субъекты, прежде всего классы, в субъекты истории — наиболее активную общественную силу, которой принадлежит историческая инициатива в решении назревших общественных задач. Поскольку любой из групповых субъектов — социальное образование, состоящее из людей, постольку стороны общественных отношений так или иначе всегда представлены общественными индивидами. Что же касается социальной природы общественных индивидов, то она детерминирована их принадлежностью к социально-историческим общностям.

Если устойчивые объединения сознательно создаются людьми для достижения определенных целей, то социально-исторические (исторические) общности возникают, развиваются и отмирают исключительно в силу естественноисторического процесса независимо от того, осознают и желают этого люди или нет⁵⁵. Их свойствами по специфике своего исторического становления и развития наряду с большими группами людей — классами, нациями и др. — обладают, по нашему мнению, и те малые группы, которые выступают в историческом процессе своеобразными социальными ячейками общественной жизни. Такой ячейкой, возникшей еще в недрах первобытнообщинного строя, является семья.

На уровне социально-исторических общностей людей формируется исторически конкретная система общественных отношений. Причем с момента возникновения классового общества ведущую роль в этом процессе играют классы. Открытие социально-исторических общностей людей означало открытие основных социальных групп общества. Произвол в понимании данной проблемы, присущий вплоть до наших дней буржуазной социологии, уступил место объективному подходу. Был найден критерий сведения к полнейшей точности и определенности индивидуально-к социальному. С этой точки зрения теория классов и классовой борьбы возвела «социологию на степень науки»⁵⁶.

Но если нет и не может быть одного-единственного субъекта, то нет и не может быть и одного-единственного объекта. Наряду с материальным миром как всеобщим объектом можно говорить и об отдельных объектах, вопрос о которых всякий раз решается конкретно в соотношении с тем, какое материальное образование и в каких связях рассматривается в качестве субъекта. Объект в этом смысле — все то, на что направлена практическая и духовная деятельность субъекта. Поскольку деятельность в конечном счете всегда связана с потребностями субъекта, постольку объектом становятся такие явления действительности, которые так или иначе включены в круг человеческих потребностей. В отличие от

потребностей животного потребности человека обусловлены состоянием и развитием общественного производства, поэтому они не остаются неизменными. Удовлетворенная потребность, действие удовлетворения и средство удовлетворения постоянно порождают новые потребности. Отмеченный процесс, названный К. Марксом и Ф. Энгельсом «первым историческим актом»⁵⁷, утверждает исторически изменяющуюся систему человеческих потребностей и, следовательно, исторически изменяющуюся систему человеческой деятельности и ее общественной формы — общественных отношений.

Принципиальное значение для исследования исторической действительности имеют не только категории объекта и субъекта, но и категории объективного и субъективного. Взятые в самом общем абстрактном виде, объективное и субъективное — свойства объектов и субъектов. Однако подобное понимание объективного и субъективного недостаточно. Оно требует конкретизации в зависимости от того, какие характеристики исторической действительности подлежат выделению и анализу. Оставаясь субъектом, общество, например, является и объектом своей собственной практической деятельности. Налицо необходимость дифференциации объективного и субъективного и применительно к самой деятельности.

Конспектируя и материалистически истолковывая «Науку логики» Гегеля, В. И. Ленин обращал внимание на две формы объективного процесса: природу и практическую (целеполагающую) деятельность человека⁵⁸. Как процесс, происходящий вне сознания, практическая деятельность людей объективна. Вместе с тем она и субъективна, ибо фиксирует индивидуальные черты людей, их личностные свойства, природу и особенности социальных групп, в первую очередь классов и общества в целом. Если содержание и общественная форма практической деятельности людей представляют собой объективную, то ее целеполагание (побуждение, мотивы, цели) — субъективную сторону исторического процесса. Поскольку все, что приводит людей в движение, обязательно проходит через их головы, постольку исторический процесс (в отличие от процессов природы) всегда предполагает наряду с объективной и субъективную сторону, их взаимодействие. Субъективное, взятое в этом своем аспекте, характеризует способность классов и масс, их партий и руководителей оценивать обстановку, принимать решение, добиваться осуществления поставленных задач. Конкретизированное же в виде субъективных условий исторического процесса, противопоставляемых его объективным условиям (определяющим является здесь экономическое

⁵⁵ См.: Глезерман Г. Е. Исторический материализм и развитие социалистического общества. М., 1973, с. 187.

⁵⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 428.

⁵⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 26, 27.

⁵⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 170.

развитие)⁵⁹, оно выражает такие свойства субъектов, как степень их сознательности и организованности⁶⁰.

Деятельность не только способ существования исторической действительности, но и способ ее развития. Исследование данного аспекта связи деятельности и общественных отношений ставит вопрос о введении категории «субъективный фактор» («субъективный фактор истории»). В научной литературе высказано мнение, что субъективный фактор — это идеи, превращающиеся в материальную силу⁶¹. Подобная трактовка проблемы требует уточнения. Под фактором обычно понимают обстоятельства, детерминирующие какое-либо явление. Постановка данного вопроса необходимо ведет к выяснению действующих причин. Но идеи сами по себе, без деятельности людей, не могут становиться причинами изменения общественной жизни. «Для осуществления идей,— писал К. Маркс,— требуются люди, которые должны употребить практическую силу»⁶².

Субъективный фактор — это свойство субъекта быть двигателем какого-либо изменения. Именно так понимал К. Маркс субъективный фактор процесса труда, называя его «проявляющейся в действии рабочей силой»⁶³. Категория субъективного фактора отражает активное начало субъектов исторического процесса, их непосредственное воздействие на ход истории. При данной конкретизации субъективного речь, следовательно, идет не об идеальных побудительных мотивах человеческой деятельности, не об ее целеполагании и даже не просто о самой практической деятельности, а о практической деятельности как причине конкретных преобразований. В качестве такой непосредственной живой деятельности субъективный фактор противопоставляется объективному фактору, основное содержание которого составляет прошлая опредмеченная деятельность.

Но не означает ли подобный подход утверждение приоритета субъективного фактора перед объективным фактором? Безусловно, нет. Субъективный фактор всегда детерминирован объективным фактором, прежде всего прошлой (опредмеченной) деятельностью, в том числе опредмеченной деятельностью всех предшествующих поколений людей. Он составляет необходимую характеристику исторического процесса. Его проблема заключается не в наличии или отсутствии, а в постоянном возрастании его роли в развитии общества, ускорении исторического процесса, роли, всегда связанной с общественной формой деятельности людей — наличной системой общественных отношений.

Единство деятельности и общественных отношений в качестве основополагающего принципа исследования исторической действительности позволяет глубже понять содержание деятельности (предметной деятельности) как тождество субъекта и объекта, выражаемое опредмечиванием и распредмечиванием. Согласно развиваемой в философской литературе концепции⁶⁴ опредмечивание — превращение действующих способностей субъекта в свойства объекта; распредмечивание — обратный процесс, прев-

ращение свойств объекта в действующие способности субъекта. В отличие от физического потребления распрепредмечивание — это «раскрытие объекта субъекту»⁵⁹, включающее в сущностные силы человека путем отражения объективного мира в сознании саму логику бытия объекта. Опрепредмечивание и распрепредмечивание предполагают не формально-логическое, а диалектическое тождество субъекта и объекта: взаимопроникновение и взаимопревращение свойств субъекта и объекта ни в коей мере не исключают их качественного различия.

Применительно к общественной жизни в целом деятельность в определенных исторических условиях обретает характер отчуждения. Опрепредмечивание выступает в этих условиях в виде утраты предмета и закабаления предметом, распрепредмечивание — в виде принуждения со стороны внешних сил. Отчуждение преобразует производственную деятельность в своеобразное выключение человека труда из исторической действительности и одновременно создает власть над производством и производимой продукцией того, кто не производит.

Отчуждение деятельности одних означает наделение других неприсущей им деятельностью. Поэтому отчуждение, основу которого составляет отчуждение труда, становится способом производства и воспроизводства социального неравенства — классов и классовой борьбы. Применительно к историческому генезису социального неравенства оно формировалось через концентрацию в руках небольшой группы людей — «верхушки общества» — прибавочного продукта, зарождение товарно-денежных отношений, появление богатства и бедности. Важную роль в рассматриваемом процессе играло внеэкономическое принуждение к труду — насилие по отношению к трудящимся массам. Своей завершенной, классической формы отчуждение достигает в буржуазном обществе, когда безраздельное господство товарно-денежных отношений превращает в товар саму рабочую силу.

Отчуждение труда внутренне связано с частной собственностью. Однако эту связь, как ее трактовал К. Маркс в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», нельзя понимать односторонне. Причина и следствие меняются здесь местами. Частная собственность есть продукт, результат отчуждения труда. Однако в ходе своего исторического развития она сама

⁵⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 16.

⁶⁰ См.: Там же.

⁶¹ См.: Чагин Б. А. Субъективный фактор. М., 1968.

⁶² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 132.

⁶³ Там же, т. 23, с. 219.

⁶⁴ См.: Проблема человека в современной философии. М., 1969.

⁶⁵ Кучеров П. Практика и диалектическая логика.— Под знаменем марксизма, 1930, № 7/8, с. 76.

выступает в виде основы его отчуждения. Связь отчуждения и частной собственности преобразуется во взаимодействие⁶⁶.

Отчуждение — сложное и многоплановое общественное явление. Поэтому в теоретической системе марксизма категория отчуждения не могла стать одним из исходных понятий исследования буржуазного общества, как это представлялось первоначально в названных рукописях К. Маркса. Более того, дальнейшая теоретическая деятельность К. Маркса и Ф. Энгельса привела к тому, что некоторые аспекты содержания рассматриваемой категории нашли свое закрепление и разработку в других научных понятиях. Вместе с тем, на что справедливо обращается внимание в философской литературе, категория отчуждения отнюдь не утратила своего научного значения и особого места в марксистско-ленинской теории исторического процесса. Она представляет собой как бы «синтетическую» характеристику исторически определенных общественных отношений, в которой внутренне слито теоретико-познавательное и оценочно-аксиологическое содержание⁶⁷. Именно в таком плане К. Маркс рассматривал сущность капиталистического производства в виде сущности «отчужденного от самого себя труда, которому созданное им богатство противостоит как чужое богатство, его собственная производительная сила — как производительная сила его продукта, его обогащение — как самообеднение, его общественная сила — как сила общества, властвующая над ним»⁶⁸.

3. Система общественных отношений. Ее исторический характер

Важную методологическую роль в социальном познании играет дифференциация общественных отношений на материальные (первичные) и идеологические (вторичные). Такая дифференциация впервые в истории общественной мысли была проведена К. Марксом. Изучая механизмы человеческой деятельности, в частности материальные интересы, К. Маркс приходит к выводу, что правовые отношения как вид идеологических отношений не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что «они коренятся в материальных жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру английских и французских писателей XVIII века, называет «гражданским обществом», и что анатомию гражданского общества следует искать в политической экономике»⁶⁹.

Идеологические отношения — лишь надстройка над материальными общественными отношениями. Обращая внимание на это положение, В. И. Ленин (ему принадлежит и сам термин «идеологические отношения») подчеркивал его принципиальное значение для материалистического понимания истории. Ошибка всех домарксовских социологов, считал В. И. Ленин, заключалась в том, что, не умея спуститься до первоначальных отношений,

они «брались прямо за исследование и изучение политико-юридических форм, натыкались на факт возникновения этих форм из тех или иных идей человечества в данное время — и останавливались на этом...»⁷⁰.

Материальные общественные отношения, так же как материальные естественные отношения, обладают способностью существовать вне и независимо от сознания людей. Но они имеют и свою только им присущую специфику. Материальные общественные отношения складываются, по словам В. И. Ленина, «как (результат) форма деятельности человека, направленной на поддержание его существования»⁷¹. Они составляют общественную форму материально-производственной деятельности людей — совокупность экономических, производственных в широком смысле слова общественных отношений, т. е. отношений непосредственного производства, распределения, обращения (обмена) и потребления. Производственные отношения, замечал К. Маркс, «мы как раз и называем экономическими отношениями»⁷².

Категории материальных общественных отношений, экономических отношений и производственных общественных отношений в широком смысле слова совпадают по своему содержанию. Однако они подчеркивают различные стороны общественной формы материально-производственной деятельности людей. Категория материальных общественных отношений фиксирует сам факт первичности данных отношений в сопоставлении с идеологическими отношениями. Категория экономических отношений очерчивает границы сферы их непосредственного функционирования. Категория производственных отношений акцентирует внимание на специфике деятельности, в процессе которой они формируются. В противоположность материальным общественным отношениям идеологические отношения представляют собой общественную форму внеэкономической, надстроечной деятельности людей. В соответствии с видами такой практической деятельности они дифференцируются в условиях классового общества на отношения политические, правовые, моральные, эстетические, религиозные.

Наряду с производственными (экономическими) отношениями в философской литературе в качестве особых материальных общественных отношений иногда выделяются отношения людей к природе. Безусловно, практические отношения людей к природе — материальные отношения. Но можно ли их однозначно ха-

⁶⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 97.

⁶⁷ См.: Титаренко А. И., Воронцов Б. И. О месте понятия отчуждения в системе категорий марксизма. — Вопросы философии, 1978, № 11.

⁶⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. III, с. 268.

⁶⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 6.

⁷⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 136.

⁷¹ Там же, с. 149.

⁷² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 477.

рактизовать как материальные общественные отношения? По нашему мнению, для такой характеристики отношений людей к природе нет оснований. Любое отношение (связь) обусловлено его сторонами. «Отношение одной вещи к другой,— писал К. Маркс,— есть отношение этих двух вещей между собой, и о нем нельзя сказать, что оно принадлежит той или другой из них»⁷³. Соответственно отношение людей к природе принадлежит и людям и природе. Поэтому рассматриваемое отношение есть общественное отношение лишь в той своей части, которая детерминирована отношениями между людьми по поводу природы. Именно таким образом — через отношение людей друг к другу — складываются отношения людей к природе в процессе материального общественного производства. Отсюда и законы развития материального производства суть общественные законы. В целом же отношение между обществом и природой, представляя собой внешнюю, пограничную область взаимодействия социальной и естественных форм движения материи, одновременно выступает и как общественное, и как естественное отношение. Общественный прогресс невозможен без прогресса жизни на Земле. Эта истина наглядно обнаруживается в постановке такой глобальной проблемы, какой стала в наши дни проблема защиты природной среды.

Нельзя согласиться и с выделением в виде особых материальных общественных отношений семейно-брачных отношений. Сам факт воспроизводства жизни посредством рождения — это прежде всего отношение людей к своей собственной биологической природе, следовательно, естественное отношение. Что же касается общественных отношений — материальных и идеологических, то в данном случае их определенное сочетание (общественные семейные отношения) выступает в качестве общественной формы естественных отношений между супругами, родителями и детьми. Сказанное ни в коей мере не противоречит тому, что общественная форма рассматриваемых естественных отношений определяет собой условия воспроизводства жизни посредством рождения. Если применительно к каждому отдельному человеку естественное имеет самостоятельное значение, то применительно к общественной жизни в целом оно теряет такую самостоятельность, включается в ее содержание «в снятом» виде. Закон народонаселения обретает черты общественного закона.

Резюмируя изложенное, приведем слова К. Маркса и Ф. Энгельса: «...Производство жизни — как собственной, посредством труда, так и чужой, посредством рождения — появляется сразу в качестве двойного отношения: с одной стороны, в качестве естественного, а с другой — в качестве общественного отношения, общественного в том смысле, что имеется в виду сотрудничество многих индивидов, безразлично при каких условиях, каким образом и для какой цели»⁷⁴.

Критерий разграничения материальных общественных отношений и идеологических отношений был сформулирован В. И. Ле-

ниным. Согласно ему материальные общественные отношения складываются, не проходя через сознание людей, помимо их воли и сознания, идеологические же отношения, напротив, прежде чем сложиться, обязательно проходят через сознание⁷⁵. Все это отнюдь не означает, будто сознание вообще отсутствует в экономической жизни людей. Каждый отдельный производитель, например, сознает, что воздействует на других производителей, внося изменения в технику производства, каждый товаровладелец сознает, что обменивает один товар на другой и т. п. И это понятно, ибо все общественные отношения — отношения между людьми, «а таких людей,— замечал В. И. Ленин,— у которых не было разума и чувства, мы еще не знаем»⁷⁶.

Суть проблемы в другом. Осознание происходящих изменений выступает в ходе экономической деятельности людей не в виде осознания производственных отношений. Участники экономической жизни непосредственно осознают не производственные отношения, а конкретные пути достижения возможного и желаемого, свои права, обязанности, ответственность и т. п. Поэтому и получается, что, «обмениваясь продуктами, люди,— по словам В. И. Ленина,— вступают в производственные отношения, даже и не сознавая, что тут имеется общественное производственное отношение...»⁷⁷.

В. И. Ленин исследовал процесс формирования материальных общественных отношений применительно к условиям капитализма, когда стихийная форма развития играла в историческом процессе определяющую роль. Вместе с тем материальные общественные отношения могут формироваться и планомерно (сознательно), как это имеет место в условиях развитого социализма. Естественно возникает вопрос, обладает ли критерий разграничения материальных общественных и идеологических отношений универсальностью? Не правильнее ли утверждать, что и материальные общественные, и идеологические отношения складываются при социализме, проходя через сознание людей? Поставленные вопросы уже давно обсуждаются в научной литературе⁷⁸. Попытаемся разобраться в существе дела.

Планомерная форма исторического процесса значительно облегчает познание и практическое использование механизма формирования материальных общественных отношений. Однако такое преобразование исторической действительности ни в коей мере не изменяет природы материальных общественных отношений. И при социализме сохраняется возможность их складывания помимо воли и сознания людей. Если при социализме субъек-

⁷³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. III, с. 143.

⁷⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 28.

⁷⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 137, 149.

⁷⁶ Там же, с. 416.

⁷⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 137.

⁷⁸ См.: Камынин И. П. Методологические проблемы сознательного и стихийного при социализме. Ростов-на-Дону, 1971.

тивный фактор не соответствует объективному фактору, целенаправленность деятельности людей теряет свою социальную ориентацию, материальные общественные отношения как бы деформируются, складываются неадекватно планомерной форме движения. Поэтому на этапе развитого социализма, как никогда раньше, задача совершенствования социального управления требует исследования механизма формирования материальных общественных отношений, раскрытия места субъективного фактора в его функционировании.

Анализ критерия разграничения материальных общественных отношений и идеологических отношений с позиций развитого социализма позволяет сделать вывод о том, что рассматриваемый критерий — нечто большее, чем простое соотнесение процесса формирования материальных общественных и идеологических отношений с сознанием людей. Это большее конкретизируется в виде способности материальных общественных отношений в любых исторических условиях, включая коммунистическую общественно-экономическую формацию, складываться помимо воли и сознания людей, возможности их существования независимо от сознания. В этом, с нашей точки зрения, суть и универсальное значение данного критерия.

Важное место в теории общественных отношений занимает проблема собственности. Анализ этой проблемы актуален и в идеологическом плане, ибо проблема собственности всегда была предметом идеологических спекуляций. Только незнанием или нежеланием знать действительное положение вещей представляется возможным объяснить очередные буржуазные и мелкобуржуазные «разоблачения» так называемых противоречий марксистской концепции, например слова: «Непонятно, наконец, что в действительности имеют в виду марксисты, утверждая, что отношения собственности суть не производственные отношения, а лишь нормативное выражение последних»⁷⁹.

Что же такое собственность? Отвечая на поставленный вопрос, прежде всего подчеркнем следующее. В общих чертах собственность можно охарактеризовать в виде исторически определенного общественного способа присвоения людьми предметов производственного и непроизводственного потребления. Собственность всегда связана с вещью, но это не сама вещь, а отношение между людьми по поводу вещи. Отношения собственности могут быть и материальными, и идеологическими. Как материальное отношение собственность — сами производственные (экономические) отношения, взятые в их целостности. «...Определить буржуазную собственность,— писал К. Маркс,— это значит не что иное, как дать описание всех общественных отношений буржуазного производства»⁸⁰. В качестве экономической категории собственность представляет собой общественные отношения производства и неотделимые от них общественные отношения распределения, обращения (обмена) и потребления. Как идеологическое отношение собственность в классовом обществе — юридическое выражение

производственных отношений⁸¹. В качестве юридической категории собственность представляет собой отношения владения, пользования и распоряжения, падающие свое закрепление в нормах права, так или иначе отражающих общественные отношения производства, распределения, обращения (обмена) и потребления.

По традициям, ведущим свое начало от работ Г. В. Плеханова, идеологические отношения собственности обозначаются также понятием «имущественные отношения». В отличие от юридического выражения производственных отношений имущественные отношения, с нашей точки зрения, могут выражать производственные отношения не только через нормы права, но и через нормы морали, принимать форму обычаев, правил простой справедливости и т. п. «...Гегель,— считал К. Маркс,— правильно начинает философию права с владения как простейшего правового отношения субъекта»⁸². Но владение, продолжает он, существовало и в первобытном обществе, когда оно «не есть правовое отношение»⁸³.

К. Маркс резко критиковал П.-Ж. Прудона за его попытку представить буржуазную собственность в ряду других экономических категорий в виде некоего независимого отношения, за его смешение экономического и юридического аспектов собственности. «Стремиться дать определение собственности,— писал К. Маркс,— как независимого отношения, как особой категории, как абстрактной и вечной идеи значит впадать в метафизическую или юридическую иллюзию»⁸⁴. П.-Ж. Прудон, считал К. Маркс, «совершает нечто худшее, чем методологическую ошибку: он обнаруживает непонимание той связи, которая соединяет все формы *буржуазного* производства...»⁸⁵. Значительно позже, вновь возвращаясь к данной проблеме, К. Маркс еще и еще раз обращал внимание на важность четкого разграничения двух аспектов собственности. «На вопрос: что она такое? — можно было,— подчеркивал он,— ответить только критическим анализом *политической экономики*», охватывающей совокупность этих *отношений собственности* не в их *юридическом* выражении как *волевых отношений*, а в их *реальной форме*, то есть как *производственных отношений*»⁸⁶.

Марксова критика Прудона не потеряла своей методологической актуальности и в наши дни. В условиях социализма смешение двух аспектов собственности ведет к подмене экономических методов руководства народным хозяйством волевыми методами. Вряд ли надо доказывать отрицательные последствия такого яв-

⁷⁹ Уолш Д. Функционализм и теория систем.— В кн.: Новые направления в социологической теории. М., 1978, с. 137.

⁸⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 168.

⁸¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 7.

⁸² Там же, т. 46, ч. I, с. 38.

⁸³ Там же, с. 39.

⁸⁴ Там же, т. 4, с. 168.

⁸⁵ Там же, т. 27, с. 406.

⁸⁶ Там же, т. 16, с. 26.

ления. Подчеркнем другое. Если в практике управленческой деятельности с подобной подменой методов хозяйствования ведется решительная борьба, то в учебной и научной литературе ясность по данному вопросу имеется далеко не всегда. И сейчас можно столкнуться с таким фактом, когда в структуре производственных отношений без всяких оговорок выделяется форма собственности (возникающая будто бы из владения), обмен деятельностью (обмен живым трудом и продуктами труда) и распределение⁸⁷. Сознают это авторы или нет, но при таком подходе отношения собственности превращаются в нечто существующее наряду с отношениями обмена и распределения. Получается так, что собственность как юридическое понятие — только в этом своем аспекте она может сопоставляться с отношениями производства, распределения, обмена (обращения) и потребления — объявляется экономической категорией, вторичное становится первичным. В конечном счете все это ведет к отождествлению общественных отношений различных уровней, которое в методологическом плане может отрицательно сказаться и в практике управленческой деятельности.

Составляя единое целое, система производственных отношений имеет свои определяющие связи, свою сущность. Такой сущностью всей совокупности отношений производства, распределения, обращения (обмена) и потребления — основным производственным отношением — выступает форма собственности на средства производства (средства труда и предметы труда), т. е. отношения между людьми по поводу средств производства.

Социальное равенство людей (неотчужденное состояние труда) в их взаимном отношении к средствам производства, а следовательно, присвоение, единственным критерием которого является живой труд, утверждает себя как общественная собственность — производственные отношения сотрудничества и взаимопомощи. Социальное неравенство людей (отчужденное состояние труда), позволяя одним (собственникам) присваивать труд других (несобственников), утверждает себя как частная собственность — производственные отношения господства и подчинения. Первая составляет материальную основу единства и солидарности людей (неантагонистическое общество), вторая — разделения людей на враждебные классы и классовой борьбы (антагонистическое общество).

Свое непосредственное закрепление, определяющее историческую специфику производственных отношений, а вместе с ними и всей системы общественных отношений, форма собственности на средства производства находит в общественном способе соединения трудящихся (рабочая сила) со средствами производства. «Тот особый характер и способ, — писал К. Маркс, — каким осуществляется это соединение, отличает различные экономические эпохи общественного строя»⁸⁸. В соответствии с особым характером и способом соединения трудящихся со средствами производства различаются исторические типы (формы) собственности

на средства производства и, следовательно, исторические типы (формы) производственных отношений. Основные исторические типы производственных отношений соответствуют общественно-экономическим формациям — основным историческим ступеням прогрессивного развития человеческого общества. В познавательном плане историзм становится условием системного подхода, ибо сама история, сам исторический процесс и его общественная форма необходимо выступают как системное по своему характеру движение ⁸⁹.

Специфическими чертами исторических типов антагонистических производственных отношений являются личная и вещная зависимости общественных индивидов. В первом случае господство выступает в виде непосредственного и в этом смысле естественно возникшего господства. Оно характерно для таких исторических типов производственных отношений (рабовладельческое и феодальное общество), при которых прибавочный труд можно выжать «только внеэкономическим принуждением, какую бы форму ни принимало последнее» ⁹⁰. Во втором случае господство основано на накопленном труде, капитале. «Личная мощь», по словам К. Маркса, превращена здесь в некую «вещную мощь». Социальную связь образует «взаимная и всесторонняя зависимость безразличных по отношению друг к другу индивидов» ⁹¹. Вещная зависимость сама «переходит в определенные отношения личной зависимости, только лишенные всяких иллюзий...» ⁹².

Со всей однозначностью К. Маркс подчеркивал ограниченность связи вещной зависимости, ее исторически преходящий характер, который доказывает лишь то, что люди находятся еще в процессе созидания условий своей действительной социальной жизни. Но он ясно сознавал и ее историческую необходимость, открывающую путь к общественным отношениям коммунистического типа как коллективистским отношениям, подчиненным коллективному контролю универсально развитых индивидов. И отношения личной и отношения вещной зависимости находят свое закрепление в институтах надстройки, будь то кастовая и сословная регламентация или принципы буржуазного равенства и свободы. Материальные общественные и идеологические отношения собственности выступают в единстве.

В отличие от материальных общественных отношений идеологические отношения не существуют независимо от сознания. Вместе с тем, предварительно пройдя через сознание и волю, они становятся общественной формой практической деятельности людей в области надстройки общества и, таким образом, обрета-

⁸⁷ См.: Фурман А. Е. Исторический материализм: (Курс лекций). М., 1970.

⁸⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 24, с. 43, 44.

⁸⁹ См.: Кузьмин В. П. Принципы системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1980, с. 234.

⁹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 353.

⁹¹ Там же, т. 46, ч. I, с. 99.

⁹² Там же, с. 108.

ют бытие вне сознания. Идеологические отношения и практически-организационные формы их закрепления (институты надстройки) столь же объективны, сколь объективна внеэкономическая, надстроечная деятельность людей, определяющая их содержание.

Применительно к общественным отношениям понятия объективного и материального не являются синонимами. И это относится не только к общественным отношениям. В научной литературе уже обращалось внимание на важность разграничения этих понятий и при характеристике других сторон общественной жизни, в частности процесса воспитания и жизнедеятельности личности⁹³. Однако отсюда вовсе не следует вывод, будто идеологические отношения существуют вне материи, выступают как нечто надматериальное (в мире нет ничего, кроме материи, движение которой происходит в пространстве и времени). Речь идет о другом: о специфике общественной формы внеэкономической, надстроечной деятельности людей, о том, что идеологические отношения существуют вне общественного сознания и вместе с тем вне общественного бытия.

Соотношение видов идеологических отношений не остается постоянным: оно изменяется в процессе развития общества. Если говорить о современной исторической эпохе, то центральное место в системе идеологических отношений занимают политические отношения, опредмеченной формой которых выступают политическая борьба классов, войны и революции. Более того, исторически изменяется сама система идеологических отношений. Классы и классовая борьба, например, породили политические и правовые отношения, и, естественно, судьба этих отношений неотделима от судьбы классового общества. В условиях развитого социализма главным направлением их развития, закрепленном в Конституции СССР, становится расширение и углубление социалистической демократии. В процессе строительства социализма и коммунизма постепенно сходят на нет религиозные отношения, одновременно неуклонно возрастает роль и значение моральных и эстетических отношений.

Идеологические отношения формируются и обретают объективную форму бытия в зависимости от общественного сознания и коллективной воли людей. С этой точки зрения все идеологические отношения являются духовными отношениями. Вместе с тем в научной литературе поставлен вопрос о выделении в системе идеологических отношений особого вида духовных отношений⁹⁴. Речь идет о познании мира, обмене информацией, борьбе мнений и выработке единого понимания проблемы, передаче информации от поколения к поколению и т. п. Бесспорно, такие отношения существуют. Однако, как мы полагаем, они представляют собой не особый вид идеологических отношений, а необходимый момент духовного общения людей. Сама по себе духовная деятельность есть общественная деятельность. «...Даже и тогда,— писал К. Маркс,— когда я занимаюсь *научной* и т. п. деятельностью,—

деятельностью, которую я только в редких случаях могу осуществлять в непосредственном общении с другими, — даже и тогда я занят общественной деятельностью, потому что я действую как человек»⁹⁵.

Творчество конструктора, ученого, художника и других невозможно без мыслительного материала, оставленного предшественниками, экспериментальной техники, созданной современниками, без языка и способности к абстрактному мышлению — продуктов всемирной истории. Поэтому общение людей в сфере духовного производства, воспитания и образования необходимо облекается в общественную форму, представляющую собой не какое-то особое духовное отношение, а всю совокупность общественных отношений. Общественная форма духовного общения людей, носителем которой являются реакционные классы, неизбежно толкает теоретическую деятельность к апологетике существующих общественных отношений, и, наоборот, общественная форма, носителем которой является передовой класс, необходимо подводит творчество к идее прогресса. Непосредственным проявлением общественной формы духовного общения людей в антагонистическом обществе выступает, в частности, борьба материалистических и идеалистических взглядов, проходящая через все мировоззренческие проблемы теоретической деятельности и отражающая в конечном счете борьбу общественных классов.

Материальные общественные и идеологические отношения проводят грань между первичными и вторичными уровнями общественной жизни. Однако они не делят все общественные явления только на первичные и вторичные. Такие социальные образования, как социально-исторические общности людей и социальные ячейки общества, непосредственно связаны и с материальными, и с идеологическими общественными отношениями. Таким образом, формируются классовые, национальные, семейно-бытовые и другие общественные отношения, выступающие при их сопоставлении с материальными и идеологическими отношениями в виде сложных «синтетических» общественных отношений. В классовых отношениях, например, наглядно обнаруживаются экономические и политические отношения, в составе семейно-бытовых отношений — экономические отношения потребления, здесь представлены также правовые, моральные и другие идеологические отношения. Поэтому рассматриваемые отношения нельзя просто ставить в один ряд с экономическими, политическими, правовыми, моральными и т. п. отношениями. В научной литературе «синтетические» общественные отношения обозначаются понятием «социальные отношения». Причем социальные отношения, строго

⁹³ См.: Харчев А. Г. Воспитание и жизнедеятельность личности. — Вопросы философии, 1975, № 12.

⁹⁴ См.: Дроздов А. В. Человек и общественные отношения. Л., 1966; Уледов А. К. Духовная жизнь общества. М., 1980; и др.

⁹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 118.

говоря, являются социальными, поскольку речь в данном случае идет о социальных отношениях в узком смысле слова.

Свойствами социальных отношений в узком смысле обладают и отношения, представляющие такие социальные ячейки развитого социалистического общества, какими выступают трудовые коллективы. «В трудовом коллективе,— отмечал Л. И. Брежнев,— в работе его партийной, профсоюзной, комсомольской организаций отражается вся жизнь общества — и экономическая, и политическая, и духовная. По сути дела, это — первичная ячейка всего нашего не только хозяйственного, но и политического организма»⁹⁶.

В последние годы социальные отношения, представляющие трудовые коллективы, все больше привлекают внимание исследователей. Однако для обозначения этих отношений еще не выработан специальный термин, что, естественно, создает некоторые понятийные трудности. С нашей точки зрения, таким термином может стать термин «труженические отношения», который уже получил известное признание в научной литературе, хотя и использовался пока в несколько ином смысле⁹⁷, или, точнее, термин «коллективно-труженические отношения».

По сравнению со всеми другими социальными отношениями коллективно-труженические отношения наиболее полно «синтезируют» собой определенный аспект материальных и идеологических отношений. Подобный состав коллективно-труженических отношений не случаен. Он соответствует закреплённой в Основном законе развитого социалистического общества — Конституции СССР — тенденции возрастания социальной роли и расширения социальных функций трудовых коллективов во всех сферах общественной жизни. В качестве исторической реальности человеческой жизнедеятельности коллективно-труженические отношения особенно наглядно характеризуют преобразование всей системы общественных отношений развитого социалистического общества на коллективистских началах.

XXV и XXVI съезды КПСС выдвинули в качестве одной из важнейших задач развития социалистического общества дальнейшее совершенствование организационной структуры (следовательно, и организационных связей) управления народным хозяйством и народного хозяйства в целом. Организационные связи — необходимая принадлежность всех сфер общественной жизни. Их необходимость детерминирована тем, что содержание этих сфер всегда составляет массовая деятельность людей, которая не может не расчленяться на отдельные, внутренне обусловленные между собой действия (социальная технология), подчиняемые единой воле (социальное управление). Правда, такая «единая воля», если обратиться к историческому процессу, далеко не всегда связана с каким-либо единым центром. Она обнаруживает себя в истории общества и в виде статистически средней величины, когда стремления людей далеко не совпадают с достигнутыми результатами, как это имеет место применительно к стихии

капиталистического рынка. Наряду с понятием социального управления понятие социальной технологии получает все большее признание в общественных науках. Возникает возможность говорить и о технологии самого социального управления⁹⁸.

Организационные связи существуют только в обществе и в этом смысле представляют собой специфическое общественное явление. Но организационные связи занимают в общественной жизни особое место. По отношению к конкретно-историческим условиям они обладают некоторой самостоятельностью. Так, если рассматривать организационные связи (организационно-технологические и организационно-управленческие) на современном предприятии в социалистической и капиталистической странах, то можно найти нечто не только аналогичное, но и идентичное. Вместе с тем от системы общественных отношений в целом всегда зависит реализация того или иного варианта организационных связей. Их самостоятельность условна, относительна. Как и прочие общественные явления, они существуют в историческом процессе не сами по себе, а в определенной общественной форме, функцию которой выполняют соответствующие общественные отношения. На заре социалистического строительства в нашей стране В. И. Ленин отмечал (как это ни парадоксально на первый взгляд), что «учиться социализму надо в значительной степени у руководителей трестов, учиться социализму надо у крупнейших организаторов капитализма»⁹⁹. Одновременно подчеркивал и другое: организационный опыт капитализма представляет интерес для социализма не сам по себе, а для налаживания «чрезвычайно сложной и тонкой сети новых организационных отношений»¹⁰⁰.

Наряду с социальными отношениями в собственном смысле «синтетической» природой обладают и личные отношения. Сочетая общее и единичное, точнее, выступая в виде индивидуальной формы общественных отношений и дополнения к ним, личные отношения так или иначе выражают общественные отношения и обусловлены общественными отношениями. Сама индивидуальная форма общения людей есть продукт исторического развития. Отсюда познание общественных отношений — ключ к познанию и личных отношений, и индивидуальной деятельности людей. «Социолог-материалист, — писал В. И. Ленин, — делающий предметом своего изучения определенные общественные отношения людей, тем самым уже изучает и реальных *личностей*, из действий которых и слагаются эти отношения»¹⁰¹. Вместе с тем

⁹⁶ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. М., 1978, т. 6, с. 520.

⁹⁷ См.: Косолапов Р. И. Коммунистический труд: природа и стимулы. М., 1968; Он же. Социализм: К вопросам теории. М., 1975.

⁹⁸ См.: Стефанов Н. Общественные науки и социальная технология. М., 1976.

⁹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 137.

¹⁰⁰ Там же, с. 171.

¹⁰¹ Там же, т. 1, с. 424.

надо помнить и то, что именно отношение индивидов друг к другу как определенного рода индивидуальная связь между ними «создало — и повседневно воссоздает — существующие отношения»¹⁰². Учитывая всю гибкость диалектики взаимодействия личных и общественных отношений, личные отношения нельзя просто включать в общественные. Дополнением к общественным отношениям выступают здесь, во-первых, психологические (симпатия, антипатия, дружба, ненависть и др.) и, во-вторых, естественные отношения (семейно-брачные, кровнородственные и др.). Человек не только социальное существо, но и живой организм. Поэтому естественные отношения, которые применительно к общественной жизни в целом становятся организационными отношениями, имеют в индивидуальной жизнедеятельности людей самостоятельное значение. Возникает задача специального исследования и такой проблемы, как соотношение общественных отношений и общения.

4. Общественные отношения и общение

Общение есть необходимое и всеобщее условие развития как общества, так и отдельных общественных индивидов. К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что всякая общественная деятельность предполагает вступление человека в определенные общественные отношения, различные формы общения, подчеркивая при этом, что «действительное духовное богатство индивида всецело зависит от богатства его действительных отношений»¹⁰³.

Большинство исследователей проблемы общения сосредоточили свое внимание на изучении духовных процессов информационного обмена, осуществляющегося в общении. Однако общение не только духовный, но и материальный процесс, в котором происходит обмен деятельностью и продуктами деятельности, предметно воплощенными в материальной и духовной культуре. Реальными посредниками общения наряду с результатами духовной деятельности — идеями, мнениями, идеалами, представленными в различных знаковых системах, выступают и материальные вещи — средства труда, предметы труда, средства непродовольственного потребления и все прочие объекты, становящиеся носителями человеческого опыта. К. Маркс и Ф. Энгельс, анализируя особенности опосредованного экономического общения людей, писали, в частности, о таких средствах общения, как деньги¹⁰⁴.

Основоположники марксизма-ленинизма подчеркивали, что в процессе общения индивиды физически и духовно творят друг друга. Речь при этом идет не только о «телесной субстанции» человека, но и о формировании его в качестве общественного субъекта, носителя социальной формы движения материи. Человек является практически действующим субъектом, обладающим определенной совокупностью исторически сформированных способностей и потребностей. В этом аспекте общение выступает в виде обмена способами деятельности и поведения людей.

Социально-практический аспект общения проявляется в формировании не только индивидуального, но и группового субъектов деятельности, в достижении необходимой организации и единства исторических действий индивидов, входящих в группу и решающих ее задачи. В общении осуществляются рациональное, эмоциональное и волевое взаимовлияние и взаимодействие общественных индивидов, выявляется и формируется общность настроений, мыслей, взглядов, достигается взаимопонимание, осуществляется передача и усвоение манер, привычек, стиля поведения, создаются сплоченность и солидарность, характеризующие всякую групповую, в первую очередь классовую, деятельность. Общение играет немалую роль в формировании и передаче определенного образа жизни.

В разных формах общения люди обмениваются результатами познания различных объектов, овладевают эмпирически накопленным опытом, познают общественный смысл знаковых систем. Общение выполняет свою специфическую роль в процессе познания как на научно-теоретическом, так и практически-эмпирическом уровне, когда субъектом познания является не отдельный индивид, а общество (класс или какая-либо другая социальная группа).

Однако гносеологический аспект общения этим не исчерпывается, поскольку через общение человек познает наряду с другим человеком и самого себя. К. Маркс писал: «Человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека. Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку. Вместе с тем Павел как таковой, во всей его павловской телесности, становится для него формой проявления рода «человек»»¹⁰². Таким образом, для каждого конкретного человека другой, связанный с ним общением человек является индивидуализацией и конкретизацией человеческой сущности. Общее в данном случае познается через индивидуальное.

Общение — один из существенных факторов сложного процесса социальной детерминации поведения человека, его включения в историческую действительность. Оно представляет собой одно из важнейших условий формирования сознания и самосознания общественного индивида, становится стимулятором его развития. В общении осуществляется разностороннее взаимовлияние и взаимопонимание людей, без которых невозможна их совместная деятельность, определение ее целей и задач.

В общении действуют специфические социально-психологические механизмы подражания, являющиеся формой непосредственного усвоения каждым индивидом начиная с детского возраста

¹⁰² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 440.

¹⁰³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 36.

¹⁰⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 69.

¹⁰⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 62, примеч.

ста социального опыта, системы человеческих способностей, потребностей, интересов, ценностей и др. в процессе живого контакта с другими людьми. Специфика социальной информации, передаваемой и воспринимаемой через эти «каналы», заключается в ее непосредственно-наглядном, чувственно воспринимаемом характере, копировании и «тиражировании» форм и стиля поведения, способов и систем действий, форм эмоционального выражения, образа мыслей и вкусов и в целом способов отношения к действительности.

Роль общения в процессе «общественного воспроизводства человека» велика и сравнительно мало изучена. Вместе с тем значимость общения не является основанием для гипертрофирования его роли в общественной жизни и в индивидуальном развитии человека. Нельзя согласиться с суждениями, в которых в качестве основного условия и предпосылки исторического индивидуального развития человека, а следовательно, и исторического процесса выдвигается не труд, не деятельность, а общение. Думается, что вряд ли можно найти решение проблемы, противопоставляя друг другу эти необходимые факторы общественной жизни, вольно или невольно умаляя таким образом роль труда как основы развития общества.

В исследовании общения пока недостаточно учитывается его социально-практическая сторона. Все внимание сосредоточивается лишь на духовном аспекте. Общение же предполагает в качестве своей предпосылки разностороннюю, взаимосвязанную, прежде всего практическую деятельность, в ходе которой общественный человек, преобразуя природную и историческую действительность, формирует свой образ жизни и мыслей. В историческом процессе, где индивидуальное интегрируется в социальное, общение — лишь момент общественной деятельности людей, классов и масс.

Специфика, сущность и формы общения стали в последние годы предметом теоретических и прикладных исследований. Психологами, социологами, педагогами накоплено немало эмпирического материала, проведен ряд симпозиумов и конференций, результаты которых опубликованы¹⁰⁶. В ходе исследования выяснилось, что проблема общения — чрезвычайно многогранная и сложная. Комплексность изучения этой проблемы, учет всех ее аспектов, особенно при характеристике исторического процесса, необходимо выдвигают на передний план вопрос о соотношении общения и общественных отношений.

В ранних трудах К. Маркс и Ф. Энгельс широко использовали понятие «общение», во-первых, для обозначения общественных отношений различного вида и содержания (прежде всего материальных) и, во-вторых, для характеристики личных (межличностных) отношений. В более поздних работах они разграничивают эти понятия, употребляя термин «общение» только для характеристики личных отношений. При этом выделялось прямое и косвенное общение, непосредственные и опосредованные кон-

такты людей на уровне ближайшего социального окружения и в более широком плане. Однако общение не сводится к личным отношениям. Оно представляет собой не просто личные отношения, а их реализацию, выступающую в виде межличностных обменных процессов, где личные отношения обнаруживают себя не только в виде индивидуальной формы общественных отношений, но и дополнения к ним.

Общение есть непосредственно наблюдаемая и переживаемая общественным индивидом реальность, конкретизация общественных отношений под углом зрения их персонификации, взаимодействия включенных в данную общественную форму «живых личностей». И это вполне понятно, ибо общество не существует как самостоятельное «лицо» наряду и вне составляющих его личностей, а общественные отношения — вне реальной жизнедеятельности и общения людей. В этом их единство, раскрывающее один из аспектов известного вывода К. Маркса о том, что «общественная история людей есть всегда лишь история их индивидуально-го развития, сознают ли они это, или нет»¹⁰⁷.

Дополнение к общественным отношениям, реализуемое через общение людей, возникает из их субъективных (осознанных) отношений к объективным социальным явлениям, ситуациям, связям, формам деятельности. Общение включается в содержание всех видов общественной деятельности, придавая им конкретно-человеческое многообразие. Поскольку история есть деятельность человека, преследующего свои цели, постольку и объективные общественные отношения лишь в абстракции отделяются от людских страстей. Они сопровождаются личным рациональным и эмоциональным отношением к событиям, к характеру связей между общественными индивидами, классами, нациями и др.

Невозможно, например, представить любые реально действующие в обществе экономические отношения без их своеобразного психологического и социально-психологического проявления в формах трудового экономического общения. Простейший экономический акт купли-продажи, когда он осуществляется в жизни, а не в движении абстрактных категорий, всегда реализуется через общение индивидов. И поскольку эти индивиды по-разному осознают и оценивают этот акт, постольку их объективные общественные отношения имеют целую гамму психологических характеристик, сопровождаются мыслями и переживаниями, в которых выявляются личные цели и планы общественных индивидов.

¹⁰⁶ См.: Кон И. С. Социология личности. М., 1967; Кузьмин Е. С. Основы социальной психологии. Л., 1967; Поршнев Б. Ф. История и психология. М., 1971; Парыгин Б. Д. Личность и группа: (Опыт социально-психологического исследования). М., 1971; Коломинский Я. Л. Человек среди людей. М., 1970; Леонтьев А. Н. Психология общения. Тарту, 1974; Соколов А. М. О природе человеческого общения: (Опыт философского анализа). Фрунзе, 1974; Коллектив и личность. М., 1975; и др.

¹⁰⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 27, с. 402, 403.

Вряд ли можно представить себе реальное движение спроса и предложения без учета психологии потребителя. Этот психологический фактор находит выражение в сфере экономики, в том числе в отклонениях, колебаниях вокруг оси действия экономических законов. Поэтому экономическая наука не ограничивается изучением абстрактной сущности экономических отношений, а учитывает их реализацию в движении спроса и предложения, осуществляющихся в реальной деятельности и общении людей. Если промышленность и торговля не учитывают реальные потребности и психологию людей, то неизбежны значительные потери в народном хозяйстве, связанные с выпуском «неходовых» товаров. Не случайно экономисты изучают действие такого социально-психологического явления, как мода, уделяют внимание культуре общения продавца и покупателя, поставщика и потребителя.

Экономические, как и всякие иные, общественные отношения, очищенные от психологических и социально-психологических форм проявления, существуют только в научных абстракциях, а не в самой исторической действительности, где производят и обменивают продукты своей деятельности реальные люди. Историческая реальность пестрого и противоречивого общения и поведения конкретных людей, в котором нередко сложно отделить случайное от необходимого, индивидуальное от всеобщего, возводит немалые преграды на пути осознания своей объективной основы — общественно необходимых отношений. Налицо значительная гносеологическая трудность.

Буржуазные социологи и социальные психологи по сей день не справились с этой трудностью и сознательно или бессознательно извращают действительное положение вещей, подменяя объективные общественные отношения различными субъективно-психологическими формами межличностного общения. Они характеризуют общественные отношения лишь по типу индивидуально-личных контактов, представляя социально-психологический механизм личного общения как основную сферу проявления и развития личности, ее сознания. Разумеется, не следует впадать и в другую крайность: отрывать общественные отношения от их проявления и различного уровня реализации в конкретных формах общения людей, оставляя от общественных отношений один бесплотный и обескровленный «скелет», затрудняя тем самым правильное понимание образа жизни, формирование мировоззрения людей, а следовательно, и наиболее эффективное управление этими процессами.

В теоретическом анализе рассматриваемой проблемы необходимо избегать двух крайностей: психологического редукционизма в объяснении объективных общественных процессов путем сведения их к субъективным характеристикам общения, с одной стороны, и социологического редукционизма — с другой. Первый достаточно типичен для буржуазной социологии. На основе психологической интерпретации деятельности, ее системы, а также сущности общественных отношений буржуазные и ревизионист-

ские социологи отрицают классы как объективно существующие в социальной структуре общества группы. При этом структура общества сводится к микроструктуре «малых групп» и объединений. Доктрина «человеческих отношений» по существу сводит все общественные отношения (материальные и идеологические) к психологическим, личностным контактам. Таким образом интерпретируются социальные действия и строятся проекты преобразований социальных систем («социометрические революции»). В самом объяснении общения все внимание сосредоточено на анализе психологического механизма вне связи с реальным социальным содержанием и направленностью общения. Социологический же редукционизм подменяет психологические закономерности социальными, не давая тем самым объяснения психологическим процессам, оставляя в тени их роль и значение в исторической действительности.

Научный подход к изучению общения требует при объяснении его генезиса и социального содержания исходить из системы общественной деятельности и особенно из исторического типа (формы) общественных отношений, которые и задают общению содержание и направленность. В противном случае феномен общения выпадает из системы общественных отношений. Изучение общения принимает при таком подходе крайне абстрактный и формальный характер, за его пределами остаются реальные процессы общения и их специфика, зависящие от различных видов деятельности. Такая позиция не позволяет выявить социальную специфику процессов общения в различных системах общественных отношений. А это имеет принципиальное значение. Так, на основе социального неравенства возникают, особенно в процессе делового общения, конфликты, вражда, ненависть, агрессивность, на основе же отношений социального равенства — взаимопомощь, сотрудничество, сплоченность, единство.

Сказать, что для решения поставленной задачи редукционизм того и другого вида недопустим, конечно, недостаточно. Важно ответить на вопросы: чем отличаются общественные отношения и общение, как они связаны между собой? Для ответа на первый вопрос необходимо разграничить социальные, с одной стороны, и психологические и социально-психологические явления — с другой, определить возможности применения соответствующих методов изучения исторической действительности. Для ответа на второй вопрос требуется вскрыть взаимосвязь общества (системы общественных отношений) и конкретных личностей, вступающих в общение друг с другом в различных видах деятельности; определить роль общественных отношений в детерминации поведения личности. Если в общественных отношениях реализуется существенное, необходимое, общее исторической действительности, то в общении обнаруживается сущность и явление, необходимое и случайное, общее и единичное. Содержание общения проявляется через все многообразие индивидуальных форм и вариаций, более или менее типичных для данных исторических условий.

Общественные отношения и общение не две рядоположные сущности, и «место» общения в социальной системе вряд ли можно определить, выделив его в особый ряд личных (межличностных) или «психологических» отношений. Общение есть непосредственная конкретизация всех общественных отношений в целом, перасчлененном логическим анализом виде, их персонификация, личностная форма. Общественные отношения не существуют вне реальной жизнедеятельности и общения людей, но они и не сводятся к ним, не тождественны им. Это скорее две стороны единых социальных связей, образующих структуру социальной системы и обладающих относительной самостоятельностью и спецификой. Их различие определено уже тем, что общее и единичное не совпадают, а также тем, что общественные отношения выявляются не только в общении индивидов, но и в разнообразных связях групповых субъектов. Общение же — всегда отношение к человеку, отношение людей друг к другу.

Общественные отношения представляют собой отношения между структурными элементами общества в целом. Они способ организации данных элементов, специфичных для каждой социальной системы, способ соединения таких элементов в разного рода социальные образования, прежде всего социально-исторические общности (классы, нации и др.) людей, складывающиеся в материально-производственном процессе и на его основе и охватывающие своей деятельностью все сферы общества. Личные (индивидуальные) отношения в рассматриваемой связи становятся общественными, поскольку индивиды вступают в них более или менее типичными представителями социально-исторических общностей, выразителями их интересов. Подчеркивая этот момент общественной жизни, К. Маркс писал, что в общественных отношениях «капиталист и наемный рабочий как таковые сами являются лишь воплощениями, персонификациями капитала и наемного труда»¹⁰⁸.

В известном смысле общественные отношения носят, следовательно, безличный характер, т. е. представляемые ими связи исторической действительности функционируют как бы безотносительно к конкретным индивидам, которые в общении друг с другом лишь персонифицируют такие связи. Безличность общественных отношений особенно очевидна в сфере разделения труда: профессиональный философ, педагог, инженер, шофер или токарь нуждаются в «обмене деятельностью», ее продуктами и результатами независимо от того, какая конкретная личность выступает в этих профессиональных ролях.

В каждой системе исторической действительности существует своя социально-функциональная, или ролевая структура, присущая данному типу общества, т. е. исторически определенной общественно-экономической формации. Эта структура зависит от наиболее типичных, общественно необходимых видов деятельности, социальных функций и способов поведения людей, их места в системе общественных отношений. В то же время она сама

обуславливает способ включения людей в исторический процесс, задает людям с большей или меньшей степенью жесткости конкретный способ деятельности, поведения и субъективного отношения к действительности. Ролевая структура общества объективирована прежде всего системой разнообразной практической деятельности людей, разделением и кооперацией функций. Она включается в сумму объективных условий деятельности каждого поколения и каждого человека, создается и воспроизводится через деятельность составляющих общество индивидов. Г. Л. Смирнов справедливо замечает: «Усвоение общественного опыта и реализация своей собственной сущности производится человеком посредством выполнения той или иной социальной роли в процессе деятельности. Лишь исполняя роль, он включается в систему общественных отношений, выступает как их носитель и творец, как фокус данного сплетения общественных отношений»¹⁰⁹.

Однако, употребляя понятие социально-ролевая (или функциональная) структура для обозначения системы разнообразных (необходимых) видов деятельности, выражающих различные тенденции развития общества в целях выявления объективного содержания различных способов человеческого поведения, мы отдаем себе отчет в том, что оно не обладает необходимой степенью точности. Поэтому при использовании этого понятия необходимо, во-первых, рассматривать его содержание с учетом общественного разделения труда и социальной структуры общества¹¹⁰; во-вторых, исходить из того, что исполнение социальной роли конкретным индивидом является «представительством» личности в системе общественных видов деятельности и общественных отношений.

Это «представительство» нельзя понимать как что-то совершенно внешнее для личности, ее индивидуальности и развития. Такая позиция присуща многим буржуазным концепциям отношений общества и личности, особенно экзистенциализму. В этих концепциях утверждается, что человек в любых социальных условиях лишь «играет» определенные роли, которые не выявляют действительных свойств его личности и насильственно навязаны ему извне, что он является персонажем на социальной сцене, утратившим самостоятельность и свободу выбора, принятия решения и действия.

В действительности проблема заключается в другом: становятся ли эти социальные функции способами собственной жизне-

¹⁰⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 452.

¹⁰⁹ Смирнов Г. Л. Советский человек. М., 1980, с. 47.

¹¹⁰ Критический анализ позитивистской и функционалистской интерпретации понятия «социальная роль» и возможности использования этой категории в марксистской социологии дан в следующих работах: Ануфриев Е. А. Социальная роль и активность личности. М., 1974; Андреева Г. М. Человек как объект социологического исследования. — В кн.: Личность при социализме. М., 1968; Бусева Л. П. Социальная среда и сознание личности. М., 1968; Кон И. С. Социология личности. М., 1967; Сабиров Х. Ф. Человек как социологическая проблема. Казань, 1972; и др.

деятельности человека или оказываются навязанными извне, чуждыми ему «ролями». К Маркс убедительно показал, что общественные функции есть способы жизнедеятельности людей, а общественные отношения «не являются чем-то внешним для них; ...они являются условиями самодеятельности этих индивидов, и создаются они этой их самодеятельностью»¹¹¹. Лишь при антагонистической основе исторического процесса общественные отношения индивидов и выполняемые ими общественные функции становятся враждебной и противостоящей им силой подавления и угнетения индивидуальности.

Исследование системы общественных отношений предполагает абстрагирование от личных отношений, от конкретных индивидов, страстей, симпатий и антипатий. На этом пути индивидуальное, личностное, конкретное, то, что составляет живую ткань и узоры человеческой истории, остается вне поля зрения ученых, задача которых — обнажение необходимых и существенных связей. Таков путь социально-философского и социологического анализа.

Но в целях научной организации и управления практической деятельностью важен и обратный путь: персонификация общественно необходимых видов деятельности и отношений в индивидуальном поведении и общении людей. На этом пути исследователь имеет дело с «личностной структурой общества» — с типичными тенденциями, чертами и качествами реальных индивидов в их развитии, в бесчисленных индивидуальных вариациях социально-типичного. В реальном историческом процессе общественные отношения, по словам В. И. Ленина, слагаются из действий реальных личностей¹¹².

Поскольку общение выступает как индивидуализированная форма общественных отношений, их личностно-психологическая конкретизация, постольку оно обладает относительной самостоятельностью. Специфика проявления общественных отношений в общении определяется характером, социальным опытом и всеми особенностями людей, вступающих в общение. Выполнение социальных функций различными индивидами зависит от уровня понимания ими общественных задач, своего места и роли в их решении, от личного отношения к ним, соответствующих индивидуальных качеств, от конкретной исторической ситуации, словом, от целой совокупности объективных и субъективных условий.

Общественные отношения определяют в конечном итоге содержание и исторические формы общения, их развитие и смену. Общение, в свою очередь, становится специфическим средством воспроизводства, укрепления и развития общественных отношений. Огромна, например, роль личных контактов в укреплении и развитии политических и экономических отношений между странами социалистического содружества. Многосторонние контакты в общении как государственных и партийных деятелей, так и трудовых коллективов и просто отдельных трудящихся укрепля-

ют и обогащают содержание общественных отношений. С их помощью формируются элементы общности в разных сферах деятельности, воспринимается и усваивается социальный опыт, сближаются и выравниваются уровни развития различных стран, ускоряется общее движение к единой цели.

Определенные формы общения, как и формы деятельности, порождают разорванность, расчлененность, некоммуникабельность человека, что соответствует антагонистическим общественным отношениям. В подобных условиях человек проявляет и развивает свои силы и способности не в труде, а за его пределами, в быту, других сферах жизни. Такое положение возможно и в том случае, когда характер труда, других форм общественной деятельности человека не требует применения и развития творческих интеллектуальных способностей или когда труд в силу различных социальных и личных причин не является для него вообще потребностью. Противопоставление сферы делового, формального и неформального общения людей есть историческая реальность современного капиталистического общества. Сходные явления могут существовать и в социалистическом обществе, однако не как норма, а как отступление от принципов социализма или свидетельство незрелости отношений. Нельзя забывать и то, что в сложном переплетении исторического процесса формы общения, закрепленные традициями и обычаями, персонифицированные во внутренней структуре духовного мира человека, обладают способностью оставаться неизменными и при изменившихся общественных отношениях и даже воспроизводить «обломки» старых отношений.

Общение может быть гармоничным, духовно обогащающим людей прежде всего при наличии подлинного равенства между различными социально-историческими общностями и другими социальными группами и слоями по условиям бытия и развития человека — обучению, воспитанию, уровню культуры, характеру и интеллектуальному содержанию видов деятельности и т. п. Одним из необходимых условий развития человека в общении является регулирование его нормами коммунистической морали, принципами коллективизма и интернационализма, когда обмен информацией, осуществляющийся в общении, несет в себе подлинные ценности гуманистической культуры. Становление такого типа общения людей — длительный процесс, важным этапом которого является развитое социалистическое общество, разворачивающее в его условиях коммунистическое строительство.

¹¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 72.

¹¹² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 424.

ВСЕОБЩИЕ НАЧАЛА И МОМЕНТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1. Социальный детерминизм

Общество, как уже отмечалось выше, есть одновременно и закономерный результат поступательного развития материального мира, качественно высшая ступень этого развития по отношению к природным формам объективной действительности, и в то же время составная часть этого мира, подчиненная всеобщим законам его развития, законам материалистической диалектики¹. Раскрыть специфику, качественное своеобразие общества возможно поэтому лишь на основе познания общих черт и закономерностей развития материального мира.

Научное познание действительности требует соединения всеобщего принципа единства материального мира со всеобщим принципом развития². Как часть единого материального мира общество включено в систему универсальной, всесторонней и всеобъемлющей мировой связи, в процесс всеобщего взаимодействия. Но общество — особая, несводимая к природе часть материального мира. Поэтому формы материального бытия общества, законы его развития, способы взаимосвязи и взаимодействия общественных явлений и процессов не могут не обретать своих особых качественных характеристик. В. И. Ленин назвал «основной идеей» выработанного К. Марксом и Ф. Энгельсом научного, диалектико-материалистического понимания истории идею о развитии общества как «естественноисторического процесса»³. Введенные в научный оборот классиками марксизма термины «естественноисторический процесс», «исторические естественные законы»⁴ и т. п. удачно подчеркивают и единство общества и природы, и их качественное различие.

Методологическая установка марксизма-ленинизма подходить к развитию общества как естественноисторическому процессу означает, прежде всего, требование, с одной стороны, не отрывать общественные процессы от природных, не исключать их из естественной универсальной взаимосвязи материального мира, а с другой — не отождествлять, не сводить общественные процессы к природным⁵, не превращать общие законы материального мира, по образному выражению К. Маркса, в «универсальные отмычки»⁶ для изучения исторической действительности, требующей специального анализа. Не случайно Ф. Энгельс в одной из рецензий на I том «Капитала» К. Маркса назвал блестяще примененный в этом труде метод исследования экономических отно-

шений «материалистическим, естественноисторическим методом»⁷.

Признание объективной всеобщей связи и зависимости, прямой или опосредованной, всех природных и общественных явлений и, как следствие, их взаимообусловленности есть один из основополагающих принципов диалектического материализма. На рубеже XIX и XX столетий этот принцип стали называть принципом детерминизма⁸. В настоящее время категория детерминизма широко применяется в марксистско-ленинской теории и имеет интегративный характер. Она используется для обозначения совокупности объективных связей, в рамках которых реализуется взаимообусловленность всех без исключения явлений и процессов. Диалектико-материалистическое понимание детерминизма неотделимо от категорий взаимодействия, закономерности, причинности, условий, основания, действительности и возможности, необходимости и случайности, необходимости и свободы⁹.

¹ В этом смысле Ф. Энгельс подчеркивал: «Что имеет силу для природы, имеет также силу и для общества» (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 174*).

² См.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 229*.

³ См.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 134, 138, 139*.

⁴ См., напр.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 6, 10, 292*.

⁵ «Можно ли себе представить что-нибудь более бесплодное, мертвое, схластичное,— писал В. И. Ленин,— чем... напизывание биологических и энергетических словечек, ровно ничего не дающих и не могущих дать в области общественных наук?» (*Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 347*).

⁶ См.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 121*.

⁷ См.: Там же, т. 16, с. 231.

⁸ К. Маркс не употреблял в своих трудах термин «детерминизм», если не считать обозначения этим термином в докторской диссертации (1841 г.) демокритовской механической концепции необходимости и причинности (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 40, с. 166*). Точно так же Ф. Энгельс лишь однажды (в «Диалектике природы») употребляет этот термин в негативном плане для характеристики свойственного метафизическому материализму отрицания объективного характера случайности и ее внутренней связи с необходимостью (см.: Там же, т. 20, с. 533—535). В. И. Ленин применяет термин «детерминизм» в позитивном плане, в том числе применительно к анализу и общественной жизни, уже с первых своих работ.

⁹ Из обширной марксистской литературы, где проблема детерминизма анализируется в общефилософском плане, можно отметить: *Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., 1957; Парнюк М. А. Принцип детерминизма в системе материалистической диалектики. Киев, 1972; Современный детерминизм: Законы природы. М., 1973; Куликов Л. А. Понятие детерминизма в марксистско-ленинской философии. М., 1973; Павлов В. Г. Детерминизм в философии и физике. Л., 1974; Современный детерминизм и наука. Новосибирск, 1975, ч. I, II; Купцов В. П. Детерминизм и вероятность. М., 1976; и др.*

Проблемы социального детерминизма, детерминации явлений общественной жизни рассматриваются в ряде работ марксистских философов и историков: *Черненко А. К. Категория причинности и ее специфическое содержание в истории.— В кн.: Философские проблемы общественного развития. М., 1971; Умеркаев Ф. Г. Историческая необходимость и многообразие форм ее осуществления.— В кн.: Философские проблемы общественного развития. М., 1971; Зимина Л. А. О значении*

Б. М. Кедров справедливо указывает на недопустимость смешения понятия детерминизма в том узком и одностороннем плане, в каком оно понималось в XIX в., с современной его трактовкой в качестве широкого философского понятия¹⁰. Дело в том, что до последних десятилетий XIX в. детерминизм (так называемый лапласовский детерминизм) отождествлялся с механическим пониманием причинной связи, когда связь рассматривалась только как внешняя и однозначная, вне объективной диалектики необходимости и случайности. Ограниченно метафизический характер подобного понимания детерминизма, его приложимость лишь к узкому кругу процессов механического движения, недопустимость придания такому детерминизму общеполитического статуса подчеркивал Ф. Энгельс еще в 70-х годах прошлого столетия¹¹.

Успехи научного познания (открытие законов общественного развития, дарвинизм, квантовая механика, молекулярная генетика и др.), общественно-историческая практика доказали, что механическая форма причинных связей и закономерностей есть лишь один, и притом простейший, тип детерминации природных явлений. Даже в неорганической природе, не говоря уже об органической жизни и обществе, существуют более высокие и сложные типы причинных связей, закономерностей функционирования и развития. Именно поэтому философское понятие детерминизма не может ограничивать себя лишь какой-то одной формой детерминации, а охватывает всю совокупность типов детерминации во всех областях действительности, всю «всесторонность и всеобъемлющий характер мировой связи, лишь односторонне, отрывочно и неполно выражаемой каузальностью»¹².

Будучи по сравнению с природой более высокой и сложной ступенью развития материи, общество представляет собой сферу проявления качественно нового типа детерминации. Для его обозначения используется понятие «социальный детерминизм». В этом понятии отражается один из важнейших методологических принципов социального познания.

Принцип социального детерминизма, естественно, включает в себя положения, на которые опирается детерминизм в его общеполитическом понимании. К этим положениям, в частности, относятся: 1) всеобщий, объективный, необходимый характер связи и опосредования явлений и процессов; понимание всей доступной природы, всего объективного мира как системы, как взаимной связи тел¹³; 2) универсальное взаимодействие явлений и процессов, их обусловленность друг другом¹⁴; 3) причинение как выражение в процессе детерминации активности, самодвижения материи; генетическая связь причины и действия (следствия) в виде момента всеобщего взаимодействия по отношению к отдельным процессам и явлениям; 4) упорядоченность, направленность, регулярность, повторяемость связей и взаимодействий действительности, наличие объективных законов ее функционирования и развития, зависимость действия этих законов от условий места и времени.

Категория детерминизма не есть простая сумма соподчиненных с ней категорий. Отражая в «снятом» виде все типы связей и зависимостей, она обретает значение познавательного инструмента их осмысления и анализа, в полной мере позволяет выявлять применительно к материи в целом «всеобщую и необходимую тенденцию, направленность целостного процесса движения от низшего к высшему, от неодушевленной материи к материи мыслящей, от „царства необходимости“ к „царству свободы“»¹⁵. Рассматриваемая категория необходима именно для охвата процесса развития материи в его целостности, в том числе и в масштабах основных сфер объективного мира — природы и общества. Специфика детерминации явлений и процессов общественной жизни, общей восходящей направленности исторического процесса и отображается категорией социального детерминизма.

Все явления и процессы общественной жизни, на что уже обращалось внимание, реализуются через деятельность людей, их общностей и объединений. Эта деятельность во всех ее формах, от простейших трудовых процессов до абстрактно-теоретических видов духовного творчества, носит сознательно-целеполагающий характер. Поэтому в цепь детерминации общественных явлений и процессов, в социальный детерминизм необходимо включается сознание, целеполагание субъектами своей деятельности, а сама эта сознательная деятельность общественных индивидов выступает в качестве активного начала социального причинения, непосредственных причин тех или иных исторических событий¹⁶.

детерминизма марксистской теории общественных процессов для современной науки.— В кн.: *Диалектика познания и современная наука*. М., 1973; *Глезерман Г. Е.* Проблемы социального детерминизма.— В кн.: *Философские проблемы общественного развития*. Вып. 2. М., 1974; *Он же*. Законы общественного развития: их характер и использование. М., 1979; *Зиминая Л. А.* О случайности в истории.— В кн.: *Философские проблемы общественного развития*. М., 1974, вып. 2; *Ирибаджаков Н.* Клио перед судом буржуазной философии. М., 1972; *Яценко А. И.* Целеполагание и идеалы. Киев, 1977; Категория социальной диалектики. Минск, 1977; *Иванов В. В.* Соотношение истории и современности как методологическая проблема. М., 1973; *Косолапов В. В.* Методология и логика исторического исследования. К., 1977; *Салов В. И.* Историзм и современная буржуазная историография. М., 1977; и др.

¹⁰ См.: *Кедров Б. М.* Научная концепция детерминизма.— В кн.: *Современный детерминизм: Законы природы*. М., 1973, с. 31.

¹¹ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 533—535.

¹² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 143. Конспектируя «Науку логики» Гегеля, В. И. Ленин отметил гениальность вывода о «всемирной, всесторонней, **живой** связи всего со всем...» (Там же, с. 131).

¹³ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 382. «Ясно, что мир представляет собой единую систему, т. е. связанное целое» (Там же, с. 630).

¹⁴ См.: Там же, с. 544, 546.

¹⁵ *Науменко Л.* Диалектико-материалистическая философия в современном мире.— *Коммунист*, 1979, № 14, с. 50.

¹⁶ В I томе «Капитала» К. Маркс соглашается с положением Вико о том, что «человеческая история тем отличается от истории природы, что первая сделана нами, вторая же не сделана нами». См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 383, примеч. 89.

Все это делает реальный процесс социальной детерминации, всю историю общества процессом чрезвычайно сложным, многоплановым, в котором естественноисторическая необходимость выступает как общая тенденция, пробивающая себе путь через множество случайных отклонений, зигзагов и привходящих обстоятельств. Ф. Энгельс писал, что в отличие от развития природы в истории общества действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, стремящиеся к определенным целям. «Здесь ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели. Но как ни важно это различие для исторического исследования, — особенно отдельных эпох и событий, — оно нисколько не изменяет того факта, что ход истории подчиняется внутренним общим законам»¹⁷.

В качестве одного из коренных принципов материалистического понимания истории социальный детерминизм исходит из следующего:

Во-первых, развитие общества есть естественноисторический процесс, истоком которого является труд, трудовая деятельность людей по производству материальных средств жизни.

«...Люди, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс, — должны иметь возможность жить, чтобы быть в состоянии «делать историю». Но для жизни нужны прежде всего пища и питье, жилище, одежда и еще кое-что. Итак, первый исторический акт, это — производство средств, необходимых для удовлетворения этих потребностей, производство самой материальной жизни. Притом это такое историческое дело, такое основное условие всякой истории, которое (ныне так же, как и тысячи лет тому назад) должно выполняться ежедневно и ежечасно — уже для одного того, чтобы люди могли жить»¹⁸. Само же материальное производство возможно лишь при условии известного соединения деятельности людей, «материального общения индивидов в рамках определенной ступени развития производительных сил»¹⁹. Производственные отношения образуют необходимые исторические условия, в которых данные индивиды только и могут производить свою материальную жизнь. Развитие общественного способа производства, представляющего собой диалектическое единство производительных сил и производственных отношений, осуществляется в силу внутренних причин, в силу самодетерминации через диалектическое развертывание, разрешение и воспроизведение на более высокой основе противоречия между производительными силами и общественными производственными отношениями. История человечества необходимо выступает как «история развивающихся и перенимаемых каждым новым поколением производительных сил, а тем самым и история развития сил самих индивидов»²⁰. Развитие же производительных сил определяет развитие и смену производственных отношений между людьми, составляющих базис «всех их отношений»²¹ — политических, правовых, нравственных, религиозных и т. д., о чем уже шла речь в предшествующей главе.

Во-вторых, самодетерминация, саморазвитие материального производства представляет собой своеобразный глубинный уровень общественной жизни. Однако общественная жизнь не исчерпывается таким уровнем. Соответственно и развитие общества в качестве целостной системы осуществляется путем взаимодействия и взаимодетерминации всех его структурных образований. Не анализируя сейчас данный вопрос по существу, подчеркнем лишь, что связующей нитью, стягивающей в целостность все сферы общественной жизни, выступает деятельность, и прежде всего практическая деятельность, общественных индивидов, классов, масс. Поэтому детерминирующие факторы развития общества, обнаруживающие себя на глубинном уровне общественной жизни в безличной форме, непременно трансформируются в детерминанты, непосредственно обуславливающие деятельность конкретных людей. Такими детерминантами становятся потребности и интересы, порождение и удовлетворение которых само исторически обусловлено экономическими, социальными, политическими и духовными обстоятельствами человеческой деятельности, а также ценности этой деятельности как ее специфические ориентиры.

В-третьих, люди в известных, порой достаточно широких, границах обладают свободой выбора способов и форм своей деятельности. Потребности, интересы, ценности, будучи объективными характеристиками общественной жизни, не могут однозначно определять действия, поступки людей в виде некой внешней силы. Чтобы сыграть роль детерминант человеческой деятельности, индивидуальной и тем более групповой, они должны так или иначе, адекватно или неадекватно проходить через сознание людей, порождать желания, стремления, мотивы, преобразовываясь в конечном счете в цели их деятельности. Специфической особенностью факторов социальной детерминации является включенность в детерминационную цепь наряду с материальными идеальными компонентами. Идеальные компоненты — необходимое посредствующее звено детерминации всех общественных процессов. Выступая в виде эмоционально-чувственных и рационально-понятийных образований, они составляют непосредственное содержание целей, предвещающих в идеальной форме желаемые результаты деятельности, средства и способы их достижения. Осознание потребностей, интересов, ценностей есть переход объективной социальной детерминации в субъективную, условие формирования и функционирования субъективного фактора исторического процесса²².

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 306.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 26.

¹⁹ Там же, с. 35.

²⁰ Там же, т. 3, с. 72.

²¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 27, с. 403.

²² См.: Глезерман Г. Е. Законы общественного развития: их характер и использование. М., 1979, с. 57.

Цели, программы деятельности являются, таким образом, не только необходимыми опосредующими звеньями социальной детерминации, но звеньями активными, определяющими в некоторых границах темп, способы, конкретные особенности исторических изменений. Цель как форма опережающего отражения, направляя реальные действия людей, представляет собой своеобразную «целевую причину» этих действий. Однако «целевая причина» функционирует не сама по себе. Она имеет более глубоким основанием объективные, прежде всего экономические, условия человеческой деятельности, под влиянием которых в конце концов и происходит ее формирование.

Противники исторического материализма и в прошлом и ныне пытались и пытаются «уличить» марксистско-ленинскую теорию общественного развития в сочетании якобы несовместимых положений об объективной закономерности исторического процесса: социальной детерминации всех его звеньев, с одной стороны, и активной роли сознательных действий людей, относительной свободы выбора этих действий — с другой. Так, один из представителей влиятельной сейчас на Западе «феноменологической социологии» — Д. Уолш пишет в адрес К. Маркса и марксистов: «Если встать на точку зрения активного воздействия сознания, то сознание представляется обладающим автономией, что несовместимо с общей детерминистской схемой подхода»²³. Отводя как несостоятельные подобные представления об историческом материализме субъективных социологов народнического толка, В. И. Ленин четко и ясно формулировал действительную суть проблемы. «Идея детерминизма,— отмечал он,— устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нисколько не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Совсем напротив, только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю»²⁴.

Марксистско-ленинский принцип социального детерминизма, опираясь на коренные положения диалектического материализма, позволяет в сложной, переплетающейся, многомерной системе факторов, детерминирующих общественную жизнь, выявлять ведущий фактор, фактор, от которого зависит общая направленность развития данной сферы общества в качестве необходимого фрагмента общественного целого и который обуславливает в конечном счете место и роль соответствующих общественных процессов в контексте всемирно-исторического развития. Обнаружить такого рода фактор возможно, лишь соотнеся внутренние связи и зависимости данного общественного явления, процесса и т. п. с основой самодетерминации развития общества — со способом производства материальной жизни, с той конкретно-исторической формой, какую этот способ приобретает в данном историческом регионе на данном отрезке исторического времени. Поэтому марксизм-ленинизм решительно отвергает модную и сегодня в буржуазной философии истории и социологии «теорию

факторов», пытающуюся эклектически уравнивать разнородные факторы общественного развития, поставить действительно определяющий фактор в один ряд с другими, также имеющими важное, но производное, вторичное значение. Часто все это делается под девизом «преодолеть односторонность», присущую будто бы теории марксизма-ленинизма. Примером подобного подхода может служить работа современных французских социологов Р. Пэнто и М. Гравитца «Методы социальных наук»²⁵, рассматривающих как в общем равноправные географические, биологические, психологические и технологические факторы.

С другой стороны, для буржуазной социологии действительно характерна односторонность, состоящая в превращении какого-либо существенного, но не первичного фактора общественной жизни в главный, определяющий. Наиболее показательна в этом отношении широко распространившаяся в последние два-три десятилетия концепция «технологического детерминизма». И в «оптимистических», и в «пессимистических» вариантах она абсолютизирует роль научно-технического прогресса, рассматривая его в качестве самодовлеющего фактора общественного развития, оторванного от людей, от их экономических отношений, от всего комплекса социальных и политических условий, в которых осуществляется материально-производственная и вся иная человеческая деятельность. Концепция «технологического детерминизма», вульгарно-механицистская по своей философской сути, выступает теоретической основой модных буржуазных теорий «второго порядка», нацеленных на практические рекомендации в области экономического развития и политических решений (теории «индустриального», «постиндустриального», «технотронного» и т. п. обществ, теория конвергенции, технократические теории, различные футурологические построения, включая предсказания экологической катастрофы и т. д.)²⁶.

Вульгарный материализм, отрывающий технологические факторы общественной жизни от общественных отношений, переходит в свою противоположность, открывает дверь детерминизму

²³ Уолш Д. Функционализм и теория систем.— В кн.: Новые направления в социологической теории. М., 1978, с. 138.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 159.

²⁵ См.: Пэнто Р., Гравитц М. Методы социальных наук. М., 1972.

²⁶ В марксистской литературе убедительно доказана философско-теоретическая несостоятельность и реакционная политическая сущность концепций «технологического детерминизма». См.: Идеологические проблемы научно-технической революции. М., 1974; Борьба идей в современном мире, т. 1. М., 1975; т. 2. М., 1976; Добрянов В. Технологический детерминизм — современная форма социологического идеализма.— В кн.: Философия марксизма и современная научно-техническая революция. XV Всемирный философский конгресс. М., 1977; Научно-техническая революция и кризис современной буржуазной идеологии. М., 1978; Глезерман Г. Е. Законы общественного развития, их характер и использование. М., 1979, с. 58—69; Косолапов В. В. Методология и логика исторического исследования. Киев, 1977, с. 123—128 и др.

идеалистическому. В основе рецептов «технологического детерминизма», призванных изменить, усовершенствовать общественные порядки, оказываются идеи, идеальные модели, спонтанно рождающиеся в головах философствующей буржуазной элиты. Метафизические концепции детерминации исторического процесса, ведущие при их последовательном проведении к фатализму и провиденциализму, оборачиваются в итоге вывернутыми наизнанку индетерминизмом и волюнтаризмом, признанием обезличенных или персонифицированных духовных факторов, независимых от реального исторического процесса, но тем не менее предопределяющих его ход.

Что касается современной буржуазной философии истории и историографии, то она является открыто идеалистической и индетерминистской и, как правило, носит подчеркнуто антимарксистский характер.

Какая бы из распространенных на Западе философских теорий ни лежала в фундаменте буржуазных трактовок всемирно-исторического процесса — неокантианство, неогегельянство, феноменологическая философия, экзистенциализм, неопозитивизм и т. п., все они отрицают так или иначе объективные законы общественного развития. Так обстоит дело даже и тогда, когда общественные законы формально признаются, но сводятся к связям, представляющим не отношения объективной детерминации, а лишь отношения простой последовательности, функциональной зависимости (характер которой зависит от «точки зрения» исследователя), или когда признаваемый на словах детерминизм сводится к констатации наличия условий, ограничивающих свободу индивидуального выбора в исторических действиях ²⁷.

Принцип детерминизма, последовательно применяемый (как это имеет место в марксизме-ленинизме) к анализу всемирно-исторического процесса, ведет к выводу об объективной необходимости, неизбежности социализма и коммунизма. Именно поэтому современная буржуазная философия и социология столь яростно и единодушно обрушиваются на этот принцип. Известный французский буржуазный философ Р. Арон прямо связывает критику марксистского понимания общественной жизни со стремлением «преодолеть объективный детерминизм всемирной истории» ²⁸. Английский неопозитивист К. Поппер отвергает марксизм (который он именует «историцизмом») прежде всего за подход к истории общества как подчиненному объективным закономерностям процессу, на основе объективного изучения которого возможно научное предвидение характера будущих событий. Спекулируя на бесспорном факте недостаточности, ограниченности механистической, лапласовской формы детерминизма и изображая К. Маркса поборником такого детерминизма, Поппер умо-заключает о «неуспехе» Маркса и пишет: «Причина его неуспеха как пророка заключается всецело в нищете историцизма как такового, в простом факте, что, даже если мы наблюдаем, что ныне проявляется как историческая тенденция или направление,

мы не можем знать, проявится ли это таким же образом завтра»²⁹. На самом деле это «обвинение» в адрес марксизма является еще одним свидетельством нищеты буржуазной критики марксизма, научной несостоятельности современной буржуазной «философии истории».

Даже те буржуазные ученые, которые признают по крайней мере практическую ценность принципа детерминизма в качестве регулятивного принципа в научном историческом исследовании, ставят под сомнение его роль как мировоззренческого принципа. Так, американский философ и логик Э. Нагель, указывая, что «отбросить детерминистический принцип как таковой означает выйти из науки», тем не менее считает, что «детерминизм как мировоззренческий принцип не может считаться доказанным, потому что, может быть, существуют бесконечные ряды событий, для которых мы не знаем детерминирующих условий; и ... по крайней мере логически вполне возможно, что для некоторых из этих событий действительно не существует определяющих условий. ...Нельзя принять этот принцип в его строго универсальной форме как хорошо обоснованное обобщение о действительном мире»³⁰.

Марксистско-ленинский принцип детерминизма, последовательно применяемый к анализу конкретных исторических собы-

²⁷ Современные буржуазные социально-философские концепции исторического процесса подвергнуты обстоятельному критическому анализу в марксистской литературе. См.: *Кон И. С.* Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М., 1959; *Он же.* Позитивизм в социологии. М., 1964; *Исторический материализм и социальная философия современной буржуазии.* М., 1960; *Семенов Ю. Н.* Общественный прогресс и социальная философия современной буржуазии. М., 1965; *Асламян Г.* Идея прогресса в буржуазной философии истории. Ереван, 1965; *Корнфорт М.* Открытая философия и открытое общество. М., 1972; *Ирибаджак Н.* Клио перед судом буржуазной философии. М., 1972; *Джигоев О. И.* Материалистическое понимание истории и буржуазная философия. Тбилиси, 1974; *Антонович П. И.* Социология США: проблемы и поиски решений. Минск, 1976; *Ойзерман Т.* Исторический материализм и лжемарксистская философия истории.—Коммунист, 1976, № 17; *Салов В. И.* История и современная буржуазная историография. М., 1977; *Филиппов Л. И.* Философская антропология Ж.-П. Сартра. М., 1977; *Осипова Е. В.* Социология Эмиля Дюркгейма. М., 1977; *Давыдов Ю. Н.* Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы. М., 1977; *Критика современной буржуазной теоретической социологии.* М., 1977; *Гобозов И. А.* Современная французская буржуазная философия истории. М., 1978; *Зыкова А. Б.* Учение о человеке в философии Х. Ортеги-и-Гассета. М., 1978; *Социальная философия Франкфуртской школы.* 2-е изд. Москва; Прага, 1978; *Новейшие течения и проблемы философии в ФРГ.* М., 1978; *История буржуазной социологии XIX — начала XX века.* М., 1979; *История буржуазной социологии первой половины XX века.* М., 1979. См.: *Aron R.* *Marxismes imaginaires. D'une sainte famille à l'autre.* Paris, 1970, p. 20.

²⁹ *Popper K. R.* *The Open Society and Its Enemies.* London, 1957, vol. II, p. 193.

³⁰ *Нагель Э.* Детерминизм в истории.— В кн.: *Философия и методология истории.* М., 1977, с. 111, 112. Раздел «Детерминизм в истории» представляет собой часть заключительной главы книги «*The Structure of Science. Problems in the Logic of Scientific Explanation*» (N. Y., 1961).

тий, действий и столкновений общественных сил, сводящий эти своеобразно неповторимые, индивидуальные явления к массовидному, повторяющемуся в своих глубинных, существенных чертах, к социальному³¹, есть непреложное требование научного изучения «истории, как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесса»³². Блестящие образцы такого изучения исторического процесса были даны основоположниками марксизма-ленинизма. В известном письме П. В. Анненкову от 28 декабря 1846 г. К. Маркс, определяя общество как «продукт взаимодействия людей»³³, вскрывает объективные детерминанты самой человеческой деятельности, ее обратное влияние на последующее развитие самих детерминирующих факторов (производительных сил и соответствующих им общественных отношений). К. Маркс выявляет те объективно необходимые, прямые и обратные, связи, которые определяют функционирование и смену состояний, общее направление развития общества как целостной системы. Еще более углубленный анализ он проводит в знаменитом предисловии к книге «К критике политической экономии» (1859 г.)³⁴, вскрывая в цепи социальной детерминации такие важные звенья, как базисные (материальные) и надстроечные (идеологические) отношения и формы общественного сознания.

Классики марксизма-ленинизма требовали никогда не забывать, что социальные связи и взаимодействия, исторические причины и основания, процессы реализации определенных возможностей исторического развития в действительность, проявление необходимых, закономерных тенденций общественного развития через многочисленные благоприятствующие или противоборствующие случайности — все это может реально протекать лишь в различных формах массовой человеческой деятельности, прежде всего (в условиях классовой структуры общества) деятельности общественных классов. Для марксистской, т. е. подлинно научной, оценки исторических событий, например революции в той или иной стране, необходимо выполнение, указывал В. И. Ленин, двух условий: 1) установить, какие классы способны в силу конкретной объективно-экономической обстановки действовать в интересах победоносного завершения революции (без этого любые стремления к победе революции останутся пустой декламацией); 2) выявить те конкретные формы борьбы и массовых действий этих классов, в ходе которых только и превращается возможность победы революции в ее действительную победу (без этого любые программы и планы окажутся с научной стороны неполными, недиалектичными, а с практически-политической стороны вырождаются в мертвое резонерство)³⁵.

В ходе истории определяющее ее экономическое движение испытывает постоянное влияние политической борьбы классов, функционирования государственно-правовых учреждений и институтов, политических, юридических, философских теорий, религиозных воззрений, успехов или трудностей научного познания

и др. «Дело обстоит совсем не так,— подчеркивал Ф. Энгельс,— что только экономическое положение является *причиной*, что *только* оно является *активным*, а все остальное — лишь пассивное следствие. Нет, тут взаимодействие на основе экономической необходимости, в *конечном счете* всегда прокладывающей себе путь»³⁶.

Чем дальше та или иная сфера общественной жизни удалена от экономической, тем более опосредствована она многими другими, в том числе случайными, факторами, зачастую резко искажающими исходный момент каузальной цепи, глубинную, коренящуюся в экономике причину тех или иных событий. Случайность и вероятность, выражая объективные типы связей, диалектически сопряженные со связями необходимыми, органически входят в цепь объективной детерминации общественных явлений и процессов³⁷. Принципиально важно замечание К. Маркса в его письме Л. Кугельману от 17 апреля 1871 г.: «...История носила бы очень мистический характер, если бы «случайности» не играли никакой роли. Эти случайности входят, конечно, и сами составной частью в общий ход развития, уравниваясь другими случайностями. Но ускорение и замедление в сильной степени зависят от этих «случайностей», среди которых фигурирует также и такой «случай», как характер людей, стоящих вначале во главе движения»³⁸.

Спектр случайностей в общественной жизни всегда достаточно широк и многообразен. Но какие случайности, положительно или отрицательно воздействующие на данный общественный процесс, реализуются, превращаются в действительность, зависит от общественных сил, активно выступающих на исторической арене, от того, насколько их действительные интересы соответствуют (или не соответствуют) необходимой тенденции развития, каковы конкретные формы их действий. Даже тогда, когда налицо неблагоприятные случайности, прогрессивные общественные силы имеют альтернативный выбор действий, имеют возможность действовать так, чтобы даже поражение в данных условиях обратить на пользу общему движению вперед. К. Маркс отмечал, например, что причину поражения Парижской коммуны следовало искать не в общих условиях французского общества, а в такой неблагоприятной «случайности», как «присутствие во Франции пруссаков, стоящих у самого Парижа». Революционный пролетарский

³¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 428, 429.

³² Там же, т. 26, с. 58.

³³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 27, с. 402.

³⁴ См.: Там же, т. 13, с. 5—8.

³⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 42, 43.

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 39, с. 175.

³⁷ См.: Зимина Л. А. О значении детерминизма марксистской теории общественных процессов для современной науки.— В кн.: Диалектика познания и современная наука. М., 1973, с. 159.

³⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 33, с. 175.

инстинкт героических коммунаров подсказал им идти не по пути бесславной капитуляции, а вести мужественную борьбу до конца. И благодаря этому «борьба рабочего класса с классом капиталистов... вступила... в новую фазу. ...Новый исходный пункт всемирно-исторической важности все-таки завоеван»³⁹.

Марксистско-ленинское понимание необходимости несовместимо с признанием фатальной предопределенности событий и человеческих поступков. Выступая в единстве со своей случайной формой, историческая необходимость не является неизбежностью конкретных событий. Ее неизбежность связана не с отдельными историческими событиями, а с общей восходящей направленностью исторического процесса. Во всех докоммунистических общественно-экономических формациях историческая необходимость обнаруживала себя в качестве слепой непознанной стихийной силы. Зависимость человека от природных и общественных обстоятельств его жизни ограничивала степень свободы его действий, делала саму свободу как «господство над обстоятельствами и отношениями, в которых живет индивид»⁴⁰, мнимой, иллюзорной. Проблема соотношения свободы и необходимости находит свое действительное решение лишь на путях социалистического и коммунистического строительства.

Подведем итог. Принцип социального детерминизма дает возможность выявить связи и взаимодействие, раскрывающие специфику общества в системе материального мира в целом, всю совокупность определяющих и побочных требований его развития в виде естественноисторического процесса, обосновать восходящую направленность такого движения. Общая характеристика социального детерминизма позволяет нам перейти теперь к более детальному анализу необходимых начал и моментов человеческой деятельности и прежде всего исследованию специфики общественных законов.

2. Общественные законы

Законы, безразлично, идет ли речь о законах природы или законах общества, представляют собой отношения, связи действительности. Они существуют независимо от того, знаем мы об их существовании или нет, всегда носят объективный характер. Что же касается коренных черт самих законов, отличающих их от прочих связей действительности, то они могут быть резюмированы следующим образом.

Во-первых, закон есть существенная связь. Закон выступает как «отношение *сущностей* или между сущностями»⁴¹. Он выражает прочное, устойчивое в явлениях. Во-вторых, закон есть внутренняя необходимая связь⁴². Необходимость закона означает неизбежность его проявления в определенных условиях. Необходимость связи ведет к ее повторяемости, а вместе с тем и общности — принадлежности определенному ряду явлений или даже всем явлениям действительности (законы материалистической

диалектики). Необходимость, как писал В. И. Ленин, неотделима от всеобщего⁴³.

Законы действительности, следовательно, — объективная связь, обладающая существенным, необходимым и общим значением⁴⁴. Действие закона всегда представляет собой движение включенного в его содержание противоречия, обострение, преодоление и возникновение противоречия на новой основе. Отражаясь в сознании человека, законы действительности становятся законами науки. Такова в целом, несмотря на некоторые дискуссионные моменты, общая концепция категории закона, детально разработанная в марксистско-ленинской литературе⁴⁵. Однако при рассмотрении общественной жизни она требует известной конкретизации.

В природе, если исключить воздействия на нее человека, действуют слепые, бессознательные силы, и законы природы проявляются через взаимодействие таких сил. В обществе же действуют люди, одаренные сознанием и волей, ставящие перед собой определенные цели и добывающиеся их осуществления⁴⁶. Законы общества проявляются через деятельность людей. Они выражают существенные, необходимые, общие связи человеческой деятельности, связи между субъектами, а также сторонами, процессами, уровнями и т. п. общественной жизни как результатами этой деятельности.

Наряду с понятием закона в научной литературе используется и другое, близкое понятие — «закономерность». Закономерность отражает те же черты связей, что и законы, — необходимость, существенность, общность и т. д. Различие же этих понятий соотносится, по нашему мнению, главным образом с особенностями формирования и проявления соответствующих связей в сложных системах. Закономерность выражает устойчивые тенденции развивающихся процессов, их существенные стороны. Это не просто закон, а действие закона во всем многообразии его форм⁴⁷. Именно такие характеристики исторической действи-

³⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 33, с. 175.

⁴⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 292, примеч.

⁴¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 138.

⁴² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. I, с. 246.

⁴³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 72.

⁴⁴ См.: Плетников Ю. К. О природе социальной формы движения. М., 1971, с. 183.

⁴⁵ См.: Тугаринов В. П. Законы объективного мира, их познание и использование. Л., 1955; Голованов В. Н. Гносеологическая природа законов науки. М., 1967; Виноградов В. Г., Гончарук С. И. Законы общества и научное предвидение. М., 1972; Туленов Ж. Т. Система законов и категорий диалектики. Ташкент, 1974; Попов Ст. Общественные законы. Сущность и классификация. М., 1980; и др.

⁴⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 306.

⁴⁷ В научной литературе выдвигаются и иные основания различия понятий «закон» и «закономерность». См.: Тугаринов В. П. Законы объективного мира, их познание и использование, с. 35; Философская энциклопедия. М., 1962, т. 2, с. 149; Хаина К. Г. Категория «закон» и «закономер-

тельности отражают, например, понятия основных закономерностей социалистической революции, строительства социализма и коммунизма. Понятие закономерности часто употребляется также и в смысле признания упорядоченности процесса, функционирования и развития его по определенным законам. В этом смысле рассматриваемое понятие использовалось В. И. Лениным, в частности, когда он писал: «Мир есть закономерное движение материи, и наше познание, будучи высшим продуктом природы, в состоянии только *отражать* эту закономерность»⁴⁸.

Научное познание общества, открытие его законов возможны лишь на определенном этапе развертывания исторического процесса. Во-первых, требуется, чтобы развитие общественных отношений достигло уровня, позволяющего за явлением разглядеть сущность, за единичным — общее, за случайным — необходимое; во-вторых, — наличие заинтересованного субъекта социального познания, т. е. класса, имеющего своей исторической миссией установление таких производственных отношений, которые стихийно утвердиться не могут. Для этого, собственно, и необходимо теоретическое осмысление исторической действительности; в-третьих, разработка научного метода познания, позволяющего отразить объективную структуру общественной системы и тенденцию ее изменения и развития.

В докапиталистических общественно-экономических формациях, как и на ранних стадиях капитализма, возможности научного познания законов общества объективно, в силу недостаточной развитости общественной жизни, были крайне ограничены. Однако это не означает, что целеполагающая массовая деятельность людей в критические моменты хода истории вообще не могла совпадать с требованиями общественных законов. Ломая устои феодально-абсолютистского строя, например, народные массы в эпоху французской революции XVIII в. эмпирически осознавали необходимость и правомерность происходящих перемен, невольно используя тем самым в своих действиях требования законов общественного развития. Вместе с тем по мере утверждения капитализма стала все больше ощущаться потребность в научном осмыслении общественных отношений и их законов, особенно экономических. Указанное обстоятельство обусловило зарождение буржуазной политической экономии и в дальнейшем социологии. Но дело не ограничилось только этим.

С развитием капитализма, обострением его противоречий, выходом на политическую арену пролетариата и осознанием его роли в обществе наглядно обнаружилась зависимость характера общественных отношений от характера производительных сил, политики — от экономики, государственной власти — от власти капитала. Классовая борьба пролетариата ярко обнажила потребность замены капитализма более высоким общественным строем. Познание общественных законов стало в сложившейся исторической ситуации не только возможным, но и необходимым,

что и нашло свое отражение в разработке К. Марксом и Ф. Энгельсом научной теории общественного развития.

Законы общества — исключительно продукт его внутренней самоорганизации, возникающей на основе материального производства. Они формируются в деятельности и через деятельность больших групп людей — классов и масс, преследующих свои цели. В то же время требования таких законов определяются объективными условиями жизни общества. Они не могут быть изменены по чьей-либо воле и желанию. Более того, эти требования сами выступают детерминирующим фактором человеческой деятельности.

В зависимости от конкретно-исторических условий и границ проявления общественные законы обладают известным своеобразием формирования и действия. Данное обстоятельство обуславливает необходимость изучения общественных законов представителями различных направлений общественнознания — философами, социологами, экономистами, политологами и др. Причем внимание к рассматриваемой проблеме особенно усилилось в наши дни в связи с задачами совершенствования управления общественными процессами развитого социализма. Принятие и проведение в жизнь научно обоснованного управленческого решения предполагает знание общественных законов, знание того, как они обретают реальность своего бытия, какова природа механизмов их действия и использования.

В философской и экономической литературе пока еще не выработано однозначное толкование понятия «механизм действия общественных законов». Приведем высказывания на этот счет некоторых экономистов и философов. С точки зрения Я. А. Кронрода, механизм действия экономических законов социализма выражается в «объективных материальных формах, силах, импульсах, при посредстве которых производственная деятельность людей подчинена объективной необходимости»⁴⁹. Г. М. Штракс под механизмом действия общественных законов понимает «способ осуществления, реализации тех связей, которые воплощены... в законах»⁵⁰. Д. И. Чесноков трактует механизм действия общественных законов как взаимодействие общественных законов друг с другом, «через взаимоотношения и действия людей, порождая у последних определенные желания, стремления, цели и побуждая их действовать во имя достижения этих целей»⁵¹. В работах В. И. Приписнова механизм действия закона рассмат-

ность» в историческом материализме.— В кн.: Актуальные проблемы развития исторического материализма. М., 1974, с. 252—260 и др.

⁴⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 174.

⁴⁹ Кронрод Я. А. Законы политической экономии социализма: Очерки методологии и теории. М., 1966, с. 527.

⁵⁰ Штракс Г. М. О развитии объективных законов.— Вопросы философии, 1961, № 7, с. 67.

⁵¹ Чесноков Д. И. Исторический материализм как социология марксизма-ленинизма. М., 1973, с. 58.

ривается в качестве системы причинно-следственных связей, опосредствующих осуществление основной, существенной взаимосвязи объективного процесса. «Если закон выражает какую-либо связь,— резюмирует он,— то понятие «механизм действия закона» отражает как бы посредствующие звенья этой связи»⁵².

Если обобщить сказанное, то существующие точки зрения по вопросу о механизме действия общественных законов можно свести к двум основным. Согласно первой, механизм действия общественных законов всецело относится к объективному фактору (условиям) общественной жизни. Согласно второй, в его содержание наряду с моментом объективного фактора включается также и момент субъективного фактора. Вторая точка зрения, по нашему мнению, более содержательна и продуктивна. Общественный закон формируется и действует в единстве объективного и субъективного факторов⁵³. Целеполагающая деятельность составляет непреложное звено механизма действия любого общественного закона. Сам же механизм выступает способом формирования и реализации существенных, необходимых, общих связей в обществе как системе или его отдельных подсистемах, благодаря которому выражается их структурная целостность. Указанный подход к раскрытию механизма действия общественных законов позволяет избежать крайностей фетишизации общественных законов и их интерпретации в волюнтаристском духе.

Выясняя особенности законов развития антагонистического общества, Ф. Энгельс отмечал, что они представляют собой общий результат, равнодействующую большого числа перекрещивающихся действий масс людей и что эта результативная сила становится независимой от воли людей, действиями которых она создается⁵⁴.

Иной особенностью обладают законы развития коммунистической общественно-исторической формации, включая социализм, где налицо единство коренных интересов трудящихся, где общая воля трудящихся направляется коммунистической партией на достижение общей цели — построение коммунизма. Общественные отношения строятся в развитом социалистическом обществе путем теоретического осмысления требований общественных законов, определяющих способ их формирования, функционирования и развития.

Обобщая практику социалистического и коммунистического строительства, советские обществоведы, ученые других социалистических стран успешно разрабатывают в последние годы проблемы использования общественных законов в строительстве нового общества⁵⁵. Как справедливо указывается в философской литературе, соотношение механизма использования и механизма действия общественных законов выражает собою один из аспектов соотношения субъекта и объекта управления. «Механизм использования законов,— пишет И. Д. Ермолаев,— представляет собою процесс реализации их требований через воздействие субъекта управления на объект управления»⁵⁶.

Другими словами, механизм использования общественных законов становится своеобразной формой проявления механизма их действия. На основе принимаемых управленческих решений, отражающих требования системы общественных законов, задается программа функционирования и развития общественных отношений, определяются пути превращения возможностей такого функционирования и развития в действительность. Не случайно в документах КПСС исследование механизмов действия и использования закономерностей развития зрелого социалистического общества, его перерастания в коммунизм выделяется в ряду важнейших направлений научных исследований в области общественных наук⁵⁷.

Использование общественных законов — не только наука, но и искусство. Оно заключается как в познании требований общественных законов, так и в обеспечении социальных условий реализации этих требований. Поскольку требования общественных законов выражают не просто необходимость, а процесс развития необходимости из возможности в действительность, постольку возникает потребность в знании предпосылок, составляющих данную возможность, средств и способов ее превращения в действительность. Важно также учитывать и то, что связи, выражающие общественные законы, постоянно воссоздаются человеческой деятельностью, потому не остаются неизменными и стороны этих связей. Вместе с тем, играя неодинаковую роль в жизни людей, они вольно или невольно преобразуются людьми в различном ритме, что на практике ведет к возникновению между ними противоречий. Встает задача своевременного обнаружения такого противоречия, раскрытия его специфики, структуры, тенденций движения, определения наиболее рациональных путей преодоления появившихся трудностей. Однако механизм использования общественных законов не исчерпывается его познавательными и прогностическими функциями, хотя их роль в развитии зрелого социалистического общества неуклонно возрастает. Не меньшую роль играет и умение организовать деятельность

⁵² Приписнов В. И. Проблема субъективного фактора в историческом материализме. Душанбе, 1966, с. 62.

⁵³ См.: Плетников Ю. К. Специфика законов развития социалистического общества. — Вопросы философии, 1980, № 2.

⁵⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 37, с. 395—396.

⁵⁵ См.: Любошиц Л. И. Экономические законы социализма и их использование. М., 1970; Ермолаев И. Д. Законы развития общества и строительство коммунизма. М., 1971; Кузьминов И. И. Очерки политической экономики социализма. М., 1971; Приписнов В. И. Механизм действия социальных законов и субъективный фактор. Душанбе, 1972; Кашин В. Н. Познание и использование экономических законов при социализме. М., 1975; Черкасов Г. И. Экономические законы и их особенности при социализме. Горький, 1977; Глезерман Г. Е. Законы общественного развития: их характер и использование. М., 1979 и др.

⁵⁶ Ермолаев И. Д. Законы развития общества и строительство коммунизма, с. 124.

⁵⁷ См.: Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 214.

масс, направить их творчество в соответствии с требованиями законов в единое русло, к единой цели. Познавательная и прогностическая функции механизма использования общественных законов неотделимы от функций организаторской и идейно-воспитательной.

Изучение механизмов действия и использования общественных законов вновь поставило проблему соотношения в общественных законах жесткой (однозначной) и вероятностной (многозначной) детерминации. Сама по себе данная проблема давно обсуждается философами, социологами, экономистами. Она связана со сложностью объекта социального исследования, многоплановостью социального детерминизма ⁵⁸.

Большинство авторов, выясняя специфику детерминации общественных законов, правильно подчеркивают ее зависимость от видов общественных отношений, этапов исторического развития, его уровней. Предпринята попытка преодолеть в общественном знании полярность понятий статистических и динамических законов, сложившуюся в естествознании. «В сущности,— справедливо подчеркивает болгарский исследователь П. Гиндев,— все общественные законы в определенной степени диалектически *«снимают» в себе характерные черты как динамичности, так и статистичности*» ⁵⁹. Нет оснований и для генерализации деления всех общественных законов на абсолютные законы и законы-тенденции.

Абсолютными законами капиталистического производства К. Маркс называл закон прибавочной стоимости и закон капиталистического накопления ⁶⁰. Он использовал также для обозначения этих законов понятие всеобщих законов. Суть проблемы состоит в том, что, несмотря на колебание цены на рабочую силу, труд и только труд создает прибавочную стоимость, которая присваивается капиталистом. Какого-либо исключения из этого отношения нет и не может быть. Иначе действует экономический закон тенденции нормы прибыли к понижению. Абсолютное осуществление данного закона, который К. Маркс подводил под понятия общих законов капиталистического производства, всегда встречает противодействующее влияние, ослабляющее и даже парализующее его проявление ⁶¹. «...При капиталистическом производстве,— писал К. Маркс,— общие законы осуществляются весьма запутанным и приблизительным образом, лишь как господствующая тенденция, как некоторая никогда твердо не устанавливающаяся средняя постоянных колебаний» ⁶².

Нетрудно заметить, что общие экономические законы капиталистического производства обладают чертами статистических (многозначных), а всеобщие — динамических (однозначных) законов. Однако такое разграничение рассматриваемых законов нельзя доводить до крайности. Количественная характеристика всеобщих (абсолютных) законов капиталистического производства формируется отнюдь не однозначными связями. Всеобщий закон капиталистического накопления в своем осуществлении, по

замечанию К. Маркса, «модифицируется многочисленными обстоятельствами...»⁶³. Все общественные законы, будучи законами массовых действий людей, имеют (при определенном аспекте изучения) признаки законов-тенденций.

Механизм действия экономических законов (общественных законов в целом) детерминируется общественными отношениями, господствующей формой собственности. В этом плане статистические характеристики экономических законов капитализма обуславливаются тем, что в них «разумное и естественно необходимое,— по словам К. Маркса,— прокладывает себе путь лишь как слепо действующее среднее»⁶⁴. Эту же мысль подчеркивал и В. И. Ленин. «...В обществе разрозненных товаропроизводителей,— писал он,— связанных лишь рынком, закономерность не может проявляться иначе как в средней, общественной, массовой закономерности при взаимопогашении индивидуальных отклонений в ту или другую сторону»⁶⁵.

Приведенные положения выделяют ряд общих моментов, присущих статистической закономерности. Однако особенно в них подчеркивается один из существенных факторов статистичности общественных процессов в антагонистическом обществе — стихийность производства и его неуправляемость. Вместе с тем и при социализме также сохраняется объективная основа статистичности, связанная с массовостью общественных процессов и проявлением необходимости через случайность. При чем действия людей в любой социальной системе нельзя рассматривать по аналогии со случайностью в явлениях природы, ибо соотношение необходимости и случайности обнаруживается в историческом процессе особым образом. Получается так, что равнодействующая целенаправленной деятельности не есть результат простого суммирования случайностей, как это обычно бывает в массовых совокупностях природы. Роль классов и выдающихся деятелей, например, даже в принципе не нивелируется здесь статистичностью, приобретаая качественно новый статус движущих сил происходящих событий.

Отрицая существование общественных законов, па что уже обращалось внимание, ряд современных буржуазных философов выдвигают такой довод: тенденции не могут быть законами, а в

⁵⁸ См.: *Рожин В. П.* Законы марксистско-ленинской социологии. Л., 1969; *Рузавин Г. И.* Методы научного исследования. М., 1974; *Сирип А. Д.* Специфика законов общества и их роль в регулировании общественных процессов. Томск, 1979; *Уледов А. К.* Социологические законы. М., 1975; *Гончарук С. И.* Законы общества и их структурные элементы.— *Философские науки*, 1973, № 6.

⁵⁹ *Гиндес П.* Философия и социальное познание. М., 1977, с. 133.

⁶⁰ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 632, 659.

⁶¹ Там же, т. 25, ч. I, с. 254.

⁶² Там же, с. 176.

⁶³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 659.

⁶⁴ Там же, т. 32, с. 461.

⁶⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 68.

обществе действуют главным образом тенденции. Известный английский философ-позитивист К. Поппер утверждает, что законы и всеобщие тенденции радикально отличаются друг от друга, так как закон всеобщ и действует в любом явлении данного класса, у тенденции же такой черты нет⁶⁶.

Действительно, тенденция общественных процессов не может обнаружить себя в одном, отдельно взятом общественном явлении. Но вопрос так и не стоит. Универсальность законов-тенденций обнаруживается не в отдельно взятом общественном явлении, а в совокупности, ансамбле явлений данного класса. Специфика общественных законов как законов-тенденций неотделима от массовой человеческой деятельности, без которой нет и не может быть исторической действительности.

Предметом научного обсуждения продолжает оставаться проблема дифференциации общественных законов на социологические и несоциологические. Дело в том, что в обществе одновременно действует система законов, находящихся в сложных соотношениях взаимозависимости и взаимодействия. Одна группа общественных законов выражает определенные связи отдельных видов общественной деятельности, сфер и сторон жизни и развития общества. Подобные законы изучают экономические, политические, правовые, искусствоведческие и другие общественные науки. Данную группу законов и позволительно называть несоциологическими законами или законами отдельных видов общественных отношений. Другая группа законов представляет собой общество как целое в единстве всех его образований. В соответствии с такой их спецификой рассматриваемые законы обозначаются термином, «социологические законы». Они включены в предмет изучения социологической науки. Чертами социологических законов, позволяющими отличать их от других общественных законов, выступает системность, интегративность, высокий уровень общности⁶⁷.

Значительная часть социологических законов действует на всех этапах развития общества. Однако временной признак не является собственным признаком социологических законов. Ряд законов, которые действуют во всех общественно-экономических формациях, могут выражать связи и одного вида человеческой деятельности, например экономической, т. е. быть несоциологическими законами. Вместе с тем определенные социологические законы действуют не во всех формациях, а лишь в некоторых, например закон классовой борьбы.

Временной признак становится основанием дифференциации общественных законов (социологических и несоциологических) на общеисторические и частноисторические. Если первые представляют собой весь исторический процесс, то вторые — отдельные общественно-экономические формации, группы формаций (антагонистическое общество) или даже стадии развития формации. В этой связи отметим, что используемое в исторической литературе понятие исторического закона есть, по нашему мне-

нию, не что иное, как синоним понятия общественного закона, подчеркивающее его временной аспект. Исторические законы всегда выступают в виде социологических или несоциологических — экономических, политических и т. п. — законов.

Для обозначения общеисторических и частноисторических законов в философской литературе используется также термин «общие и специфические законы». Причем историческая обусловленность общественных законов обнаруживается не только в том, что каждой эпохе свойственны свои специфические (частноисторические) законы, но и в том, что общие (общеисторические) законы могут иметь конкретно-исторические особенности своего проявления. Так, общеисторический закон определяющей роли способа производства материальной жизни в развитии общества по-разному дает о себе знать при капитализме и социализме. Не лишено конкретно-исторического многообразия и действие специфических (частноисторических) законов. Сказанное, в частности, полностью относится к законам перехода различных стран к социализму.

Особое место в системе общественных законов занимают законы исторического материализма. В компетенцию его изучения входят общественные законы, обладающие двумя признаками. Эти законы являются, во-первых, общими (общеисторическими) законами или же специфическими (частноисторическими) законами, действие которых распространено на все антагонистические формации; во-вторых, социологическими законами, выражающими определенную степень целостности общественной жизни, исторического процесса, включая системообразующие факторы данной целостности (закон соответствия производственных отношений производительным силам). Взятые в своем единстве, указанные признаки общественных законов фиксируются понятием общесоциологических законов. Как объект исследования исторического материализма общесоциологические законы охватывают собой и такие законы, которые представляют целостность общественной жизни через соотнесение первичного и вторичного уровней исторического процесса, т. е. законы, имеющие социально-философское значение. Примером подобных законов в первую очередь выступает закон соответствия общественного сознания общественному бытию.

Есть определенные основания различать общественные законы по их роли в существовании общества и его подсистем на законы структуры, функционирования и развития. Структурные общественные законы характеризуют способ организации социальных систем, их строение. Такими законами можно, в частности, считать законы дифференциации общественного производства на ма-

⁶⁶ См.: *Popper K. The Poverty of Historicism*. London, 1957, p. 116.

⁶⁷ См.: *Уледов А. К. Социологические законы*. М., 1975, с. 99—111; *Гончарук С. И. Законы развития и функционирования общества*. М., 1977, с. 6—22.

териальное и духовное, общественной структуры — на первичную и вторичную и др. Законы функционирования выражают взаимодействие компонентов системы, позволяющее ей сохранять свою качественную определенность. Подобные законы суть законы жизнедеятельности систем в пределах достигнутой степени организации, сохранения динамической устойчивости. Закон прибавочной стоимости, например, есть закон функционирования и только функционирования капиталистического производства. Законы же развития выражают переходы от одного порядка взаимоотношений в социальной системе к другому, законы качественных превращений на основе столкновения противоположных сил и тенденций в данной сущности. Законы развития, как правило, выражают отношение противоположностей структурных связей и связей функционирования в единой системе. Благодаря их действию обуславливается переход от старого качества к новому, реализуется восходящая направленность исторического процесса.

В зависимости от аспектов исследования одни и те же общественные законы могут обладать чертами и законов структуры, и законов функционирования и развития. Подобная триединность особенно характерна для общесоциологических законов — законов исторического материализма. Поэтому разграничение общественных законов на законы структуры, законы функционирования и развития в значительной мере условно и относительно, его не следует преувеличивать. Вместе с тем сама постановка вопроса заслуживает внимания. Разработка данной темы позволяет глубже осознать специфику исторической действительности, человеческой деятельности как способа ее существования и развития.

Исследование общественных законов неотделимо от проблемы выявления объективной обусловленности целеполагания человеческой деятельности — деятельности масс, классов и других социальных групп. Решающую роль в этой детерминации играют потребности и интересы людей. Именно через детерминирующие функции потребностей и интересов возникает определенная тенденция человеческой деятельности — социальные действия порождают определенные объективные связи, составляющие социальную среду бытия общественных законов.

3. Потребности и интересы

Потребности и интересы еще со времен античности признавались основными побудительными силами человеческой деятельности. Но они сводились в конечном счете к духовным по своей природе силам, имеющим своим источником либо индивидуальное, либо «божественное» сознание. Только марксизм, опираясь на научное знание и анализ опыта всемирной истории, кардинальным образом переосмыслил понимание потребностей и интересов и создал последовательно материалистическую концепцию потребностей и интересов как основных детерминант человеческой деятельности.

Потребности и интересы имеют общие черты, которые следует иметь в виду, чтобы затем выявить различие между ними. Общим в потребностях и интересах является то, что и те и другие обнаруживают себя как особое отношение между субъектом (носителем потребности или интереса) и определенной совокупностью объектов, необходимых для его существования, функционирования и развития. Потребности и интересы неотделимы от своих носителей, они входят в их структуру. Наличие потребностей и интересов вызывает у субъектов особое состояние напряженности и потенциальной готовности к соответствующему виду деятельности. Реализация потребностей и интересов посредством определенной деятельности предполагает наличие психологических форм их выражения, различных механизмов их осознания субъектами.

В отличие от интересов потребности возникают уже на уровне биологической формы движения материи, точнее, на уровне мира животных и выступают, таким образом, детерминантами поведения живого вообще. Именно здесь, по выражению Ф. Энгельса, формируется *самостоятельная* сила реагирования⁶⁸, а вместе с ней и потребности, т. е. такое состояние ее носителя, которое выражает и необходимость в определенных видах связи организма с окружающей средой, и заложенную в его организации способность самостоятельного, избирательного реагирования на жизненно важные явления. В то же время потребность выступает и как форма проявления, разрешения и воспроизведения (у общественного человека на расширенной, более развитой основе) противоречия между ее носителем — биологическим или социальным — и условиями его существования, функционирования и развития⁶⁹.

⁶⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 610.

⁶⁹ Эту важную характеристику потребности отметил Гегель, хотя и выразил ее в идеалистически-мистифицированной форме. Потребность, по Гегелю, это «чувствуемое противоречие, которое имеет место внутри самого субъекта» (Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. М., 1974, т. 1, с. 393). В другом месте, подменяя реального человека — носителя потребности понятием «самосознания», Гегель отмечал, что «самосознание ощущает внутри себя некоторое инобытие, какое-то отрицание самого себя, иначе говоря, чувствует какой-то недостаток, испытывает некоторую потребность» (Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет. М., 1971, т. 2, с. 85). Противоречие между субъектом — носителем потребности и объектом разрешается лишь удовлетворением потребности, «так как объективное, стоящее по ту сторону, пока продолжает существовать противоречие (потребность), снимается в этой его односторонности благодаря его соединению с субъективным» (Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук, т. 1, с. 393). Существенное значение в становлении научной марксистской концепции потребности имели и взгляды Л. Фейербаха, который, переводя ряд гегелевских положений на материалистический язык, сумел здесь сохранить диалектический подход. В «Предварительных тезисах и реформе философии» (1842 г.) он писал: «Только испытывающее нужду существо есть существо необходимое. Существование без потребностей есть бесполезное существование. Что вообще лишнее потребностей, то не имеет потребности и в существовании... Только

К. Маркс, говоря о человеческих потребностях, подчеркивал их диалектически противоречивую природу. Человек с богатыми человеческими потребностями, писал он, «это в то же время человек, *нуждающийся* во всей полноте человеческих проявлений жизни, человек, в котором его собственное осуществление выступает как внутренняя необходимость, как *нужда*»⁷⁰.

Таким образом, потребность в широком смысле слова есть специфическое состояние биологических и социальных систем, выражающее: а) необходимую связь этих систем с вещественными, энергетическими и информационными компонентами внешней среды, усвоение которых является условием их существования, функционирования и развития; б) способность самостоятельного, избирательного реагирования на жизненно важные условия; в) форму проявления противоречия между организмом—носителем потребности (в обществе — субъектом потребности) и компонентами внешней среды (предметами потребности), разрешаемого удовлетворением потребности посредством активных действий ее носителя.

Коренной скачок в развитии потребностей неотделим от возникновения качественно нового носителя потребностей — социального существа, человека. Важнейшей особенностью общественного индивида выступает деятельность по производству жизненных средств, удовлетворяющих его потребности, деятельность, возможная лишь в рамках складывающихся между производящими индивидами общественных отношений. Таким отношениям нет аналога в животном мире. Поэтому и потребности все больше становятся детерминантой преобразовательной активности их носителя.

В процессе исторического развития общественного производства потребности направляются не только на естественные, но во все большем масштабе на новые, не существующие сами по себе в природе предметы, которые по мере развития производства стремительно возрастают в числе и разнообразии и образуют ту специфическую искусственную среду, «вторую природу», в которой в общем проходит вся жизнь общественного человека⁷¹. Над органическими и ориентировочно-поисковыми потребностями, характерными для животных, у человека надстраиваются приобретающие все большую значимость в его жизнедеятельности собственно человеческие потребности в практической преобразовательной деятельности, в познании, потребности нравственные, эстетические и т. д. Происходит скачок и в психической форме выражения потребностей. В качестве непосредственного мотива деятельности по удовлетворению потребности выдвигается на передний план мысленное отражение действительности, в котором субъект потребности, отделяя себя от объекта потребности, осознает свое отношение к этому объекту как предварительное требование для выработки идеальной программы действий.

Условия общественной жизни необходимо облачают в общественную форму проявление природных качеств человека⁷². Ес-

тественные органические потребности человека (в пищу, питье, отдыхе и т. п.) остаются по своему источнику и содержанию биологическими, однако в зависимости от исторической ступени развития общества и положения человека в социальной системе они всегда имеют конкретно-историческую форму выражения и удовлетворения⁷³. Поскольку производство общественного человека есть производство тех отношений, в которых формируются его потребности, постольку вместе с развитием общества растет удельный вес, многообразие и количество собственно социальных потребностей, порождаемых общественно-историческими факторами жизни людей.

К. Маркс и Ф. Энгельс, разрабатывая материалистическое понимание истории, подчеркивали, что производство средств, необходимых для удовлетворения жизненных потребностей человека, производство самой материальной жизни является «первым историческим актом»⁷⁴. Точно так же первым историческим актом выступает и осуществляемое в процессах производства и удовлетворения потребностей «порождение новых потребностей»⁷⁵. Эта важнейшая закономерность общественного развития позднее была выражена К. Марксом в лапидарном положении: «Человек отличается от всех остальных животных безграничностью своих потребностей и их способностью к расширению»⁷⁶.

Человек, преобразовывая в процессе общественной деятельности материалы и силы природы, производя новые (не существующие в естественном виде) предметы для удовлетворения даже своих физических потребностей и искусственные средства для их более удобного, быстрого, полного удовлетворения, кладет начало совершенно новому, социальному по своей сущности процессу — процессу производства все более богатых, сложных и разносторонних потребностей, процессу универсализации потребностей. Материальное и духовное производство позволяет обществу человеку перешагнуть границы своих естественных потребностей, создавая не имеющий пределов мир материального и духовного богатства как источник все новых потребностей исторического развития человека и новых способов их удовлетворения⁷⁷.

Знаменательно, что появляются, закрепляются, воспроизводятся, расширяются и обогащаются потребности, направленные не просто на некий круг предметов, способных удовлетворить по-

то, что способно *страдать*, заслуживает существования» (Гегель Г. В. Ф. Избр. филос. произв. М., 1955, т. 1, с. 123, 124).

⁷⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 125.

⁷¹ См.: Батенин С. С. Человек в его истории. Л., 1976, с. 67—69.

⁷² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 119.

⁷³ См.: Там же, т. 46, ч. I, с. 28.

⁷⁴ См.: Там же, т. 3, с. 26.

⁷⁵ См.: Там же, с. 27.

⁷⁶ Там же, т. 49, с. 122.

⁷⁷ См.: Там же, т. 42, с. 93, 94.

требность, но на саму деятельность по производству этих — материальных и духовных — предметов: потребности в труде, в познании, в художественном творчестве, в воспитательно-педагогической деятельности, в революционной борьбе за торжество прогрессивных форм общественной жизни. В этом состоит сущность той фундаментальной тенденции, которая красной нитью пронизывает всю историю общества, становясь все более явственной вместе с ускорением темпов исторического развития, особенно в связи с появлением в условиях капитализма крупного машинного производства, — тенденции, охарактеризованной В. И. Лениным еще в его ранней работе «По поводу так называемого вопроса о рынках» как закон возвышения потребностей⁷⁸.

Для понимания потребностей в виде побудительных сил человеческой деятельности существенно разрабатываемое советской психологической наукой положение об «опредмечивании потребности», о наполнении ее содержанием, которое «черпается» из окружающего мира⁷⁹. Эта «встреча» потребности с соответствующим ей предметом как раз и создает у человека возможность появления потребностей, уже выходящих за рамки биологической необходимости. Производство новых предметов, которые не даны человеку природой непосредственно, порождает, как подчеркивал К. Маркс, и потребление этих предметов, «создавая определенный способ потребления и затем создавая влечение к потреблению, саму способность потребления как потребность»⁸⁰. В этом отличие потребностей, «созданных обществом», от «потребностей естественных». Наличие «потребностного состояния» не указывает субъекту потребности однозначно на конкретный предмет, способный удовлетворить потребность. Этот предмет должен быть найден или произведен и зафиксирован в сознании субъекта. В отраженной в сознании форме, в качестве восприятия или представления, идеального мотива к определенным действиям предмет потребности опосредуется, прежде чем (и для того чтобы) быть потребленным, усвоенным в той или иной форме. «Общий путь, который проходит развитие человеческих потребностей, — пишет известный советский психолог А. Н. Леонтьев, — начинается с того, что человек действует для удовлетворения своих элементарных, витальных потребностей; но далее это отношение обращается, и человек удовлетворяет свои витальные потребности, чтобы действовать»⁸¹.

Потребности человека можно классифицировать по различным основаниям (по генетическому критерию, по видам жизнедеятельности субъекта, по объекту удовлетворения, по субъекту-носителю, по масштабам, по осуществимости, по настоятельности и т. д.⁸²). Однако при подходе к потребности как социологической категории следует руководствоваться тем принципиальным положением, которое выдвинуто К. Марксом в работе «Заработная плата, цена и прибыль» (1865 г.) и последовательно проводится в «Капитале». К. Маркс обращал внимание на следующее: «Сто-

имость рабочей силы складывается из двух элементов: один из них чисто физический, другой — исторический или социальный. *Нижшая граница* стоимости рабочей силы определяется *физическим* элементом. Это значит, что рабочий класс, для того чтобы сохранять и воспроизводить, для того чтобы увековечить свое физическое существование, должен получать абсолютно необходимые для его жизни и размножения жизненные средства. ...Кроме этого чисто физического элемента, стоимость труда (рабочей силы. — *Ред.*) определяется в каждой стране *традиционным уровнем жизни*. Этот уровень предполагает не только удовлетворение потребностей физической жизни, но и удовлетворение определенных потребностей, порожденных теми общественными условиями, в которых люди находятся и воспитываются»⁸³.

Поскольку человек может быть существом общественным лишь при условии поддержания своего физического существования, постольку и потребности людей по их основной направленности и содержанию, естественно, подразделяются, как это и подчеркивает К. Маркс, на потребности физического существования людей и на потребности их социального существования⁸⁴. И те и другие суть потребности общественного человека. Их мера, средства и способ удовлетворения во всех случаях определяются характером общественных отношений, местом и ролью данного индивида, социальной группы, к которой он принадлежит, в системе исторически определенных общественных отношений.

Таким образом, по предметному содержанию, объему, средствам и способам удовлетворения все человеческие потребности детерминированы общественно-историческими условиями. Но по генетическим истокам, а также по направленности активности субъекта на определенную сферу деятельности потребности физического и потребности социального (общественного) существования различны. Последние — это собственно социальные потребности: они определяются общественными отношениями и положением в них субъекта и выступают как побудительные силы именно общественной (экономической, социальной, политической и духовной) деятельности людей. Потребности физического существования побуждают к деятельности посредством мотива, выступающего прежде всего как отражение в сознании жизненных

⁷⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 101, 102; 255, 256.

⁷⁹ См.: Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975, с. 88.

⁸⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 30.

⁸¹ Леонтьев А. Н. Указ. соч., с. 195, 196.

⁸² Попытку такой всеобъемлющей классификации потребностей делает И. В. Бестужев-Лада. См.: Проблемы формирования социальных потребностей. Тбилиси. 1974, с. 58, 59; Прогнозирование в социологических исследованиях. М., 1978, с. 102—105.

⁸³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 150.

⁸⁴ Эта терминология предложена Г. Г. Дилигенским. См.: Дилигенский Г. Потребности личности и общество. — Коммунист, 1975, № 6; Он же. Проблемы теории человеческих потребностей. — Вопросы философии, 1976, № 9; 1977, № 2.

средств или условий, необходимых для нормальной жизни. Потребности же социального существования мотивируются самой социально значимой деятельностью, необходимостью развития способности человека как социального существа активно включаться в функционирование системы общественных отношений. Поэтому потребности социального существования удовлетворяются не столько материальными жизненными средствами, сколько самой деятельностью, духовным обогащением личности в процессе этой деятельности⁸³.

Среди других оснований классификации потребностей человека следует выделить их различие по объекту — потребности физические, интеллектуальные и социальные в смысле потребности в определенных общественных условиях жизни или в той или иной общественной деятельности. Различают потребности и по субъекту (носителю): потребности личности (индивида), социальной группы (в классовом обществе прежде всего класса), общества в целом.

Такова общая характеристика человеческих потребностей. Но как потребности соотносятся с интересами? Прежде всего отметим, что вопрос о критерии разграничения социальных, т. е. детерминированных условиями общественной жизни, потребностей и интересов, их субординации не нашел пока в философской литературе общепризнанного ответа. Отчасти это связано с неоднозначным толкованием рассматриваемых категорий в рамках общесоциологической теории, отчасти с рассмотрением потребностей и интересов в отрыве от реальных особенностей их носителей — общественных субъектов.

Вместе с тем можно считать преодоленными две крайние точки зрения: простое отождествление интересов с социально детерминированными потребностями, с одной стороны, и понимание интересов как осознанных потребностей — с другой. Последняя точка зрения вела к характеристике интереса только как явления сознания, т. е. к трактовке этого понятия, принятой в психологии (в рамках предмета данной науки — вполне правомерной)⁸⁴. В философской и социологической литературе последних лет интерес наиболее часто рассматривается в виде объективного по своему характеру отношения субъекта (носителя) социальной потребности к самой этой потребности, к условиям, способам, а главное — необходимости ее удовлетворения. Такое понимание интереса означает движение вперед в преодолении указанных крайних позиций. Однако оно требует в свою очередь дальнейшего развития, поскольку не принимает во внимание самого общественного субъекта — носителя потребности, не конкретизирует в достаточной степени специфику отношения субъекта к потребности и условиям ее удовлетворения.

Дело в том, что в качестве общественных субъектов могут, как известно, выступать и общество (социальный организм), и социально-историческая общность людей (класс, нация и др.), и их устойчивые объединения, и, наконец, общественный инди-

вид. Уместно поставить вопрос, на всех ли уровнях общественной жизни, для которых характерны различные типы общественных субъектов, процесс формирования интересов (или потребностей) протекает в одной и той же форме и имеет общее содержание? Уже сама постановка данного вопроса нацеливает на необходимость выявлять и учитывать объективные различия в формировании интересов на различных уровнях исторического процесса, а также в содержании того, что можно интерпретировать как интересы или как потребности.

Отношение общественного субъекта к своей потребности включает в себе, о чем уже шла речь выше, противоречие, способом разрешения которого является удовлетворение потребности. Поэтому потребность сама по себе есть побудительная сила человеческой деятельности. Особое отношение человека к своей потребности возможно лишь в том случае, если он отделит данную потребность от самого себя. Но подобное отделение возможно только в качестве мысленного отделения, отделения в сознании⁸⁷. И такое отделение у людей как существ сознательных действительно происходит. Оно-то и позволяет им намечать идеальные цели действий ради удовлетворения осознанной потребности. Интерес в виде особого объективного, необходимого отношения субъекта к потребности, отношения, существующего вне и независимо от сознания субъекта, оказывается излишним в цепи мотивации человеческой деятельности. Здесь термин «интерес» выступает в качестве психологической, а не социологической категории, обозначающей определенное состояние или ориентированность сознания.

Проблема соотношения потребностей и интересов в качестве объективных детерминант человеческой деятельности (а именно в этом смысле данные категории употребляются К. Марксом, Ф. Энгельсом, В. И. Лениным) может, по-видимому, найти рациональное истолкование, если исходить из ленинского требования «смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло»⁸⁸, т. е. выявить особенности самого формирования того, что понимается под потребностями и интересами. Мы уже отмечали те общие черты, которые прису-

⁸⁵ См.: *Диллеинский Г. Г.* Потребности личности и общество.— *Коммунист*, 1975, № 6, с. 78, 79; *он же.* Проблемы теории человеческих потребностей.— *Вопросы философии*, 1976, № 9, с. 32—34.

⁸⁶ Проблема интереса как психологической категории, фиксирующей направленность сознания индивида на определенные явления, объект и т. д. и выражающей то звено в цепи детерминации индивидуального поведения, в котором объективные факторы детерминации трансформируются в субъективные, имеет важное самостоятельное значение и широко исследуется в научных трудах по психологии и педагогике.

⁸⁷ «Мое отношение к моей среде есть мое сознание. Там, где существует какое-нибудь отношение, оно существует для меня... для животного его отношение к другим не существует как отношение. Сознание, следовательно, ... есть общественный продукт...» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 3, с. 29).

⁸⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 67.

щи и потребностям и интересам. Для выявления различий между ними необходимо их сопоставление не вообще, а на различных уровнях общественной жизни.

Человеческие индивиды существуют как общественные субъекты лишь постольку, поскольку они находятся в общественных отношениях друг к другу. В своем социальном качестве индивид всегда член какой-либо социально-исторической общности, объединения людей, определенного социального организма. Он объективно выступает тем самым и носителем тех общих интересов, которые представляют собой интересы этих социальных образований (хотя может и не сознавать, и не понимать этого, и даже действовать вопреки интересам). Можно здесь употребить и термин «потребности». Однако следует лишь иметь в виду, что речь идет о потребностях (или интересах), возникающих на соответствующем общественном уровне. Формируясь в процессе становления и развития общности, например класса, они являются и интересами (потребностями) индивидов, составляющих эту общность (а также, конечно, и более узких социальных групп, входящих в исходную общность). На уровне общества как целого, социально-исторических общностей, а также на институциональном уровне (общественные организации и учреждения) понятия социальных потребностей и интересов фактически совпадают по своему содержанию. Основоположники марксизма-ленинизма в своих трудах употребляют поэтому как равнозначные понятия «потребности», или «интересы», общественного прогресса, «потребности», или «интересы», рабочего класса, «потребности», или «интересы», революционного движения и т. д.⁸⁹

Потребности (в том числе и потребности социального существования) как нечто отличное от интересов — это те потребности, которые формируются на индивидуальном, личностном уровне, возникают у отдельного человека в процессе его социализации, т. е. воспитания, обучения, усвоения ценностных ориентаций, норм поведения и т. д. той социальной среды, в которой протекает его реальная жизнь. Движение, распространение этих потребностей идет от индивидов к той или иной социальной группе и, если идентичность потребностей не вызывается жизненной необходимостью, подчинено специфическим социально-психологическим факторам («заражение», мода, традиция, престижность и т. д.). Интересы же, возникая как общественные потребности социальных целостностей, движутся от больших социальных групп к малым, в них входящим и, наконец, к индивидам именно как членам этих групп. Под «движением» здесь следует понимать не само возникновение интересов (ибо, возникнув, интерес социальной группы есть уже объективно и интерес коллективных и индивидуальных субъектов, составляющих эту группу), а процесс превращения интересов из потенциальной побудительной силы деятельности их носителей в силу актуальную.

Содержание потребностей индивида может и не совпадать и даже идти в каком-либо отношении вразрез с объективными ин-

тересами данного человека как члена соответствующего общества, класса и других социальных групп. И именно интересы общества, класса и т. п. требуют приведения потребностей индивидов в соответствие с интересами той социально-исторической общности, к которой они принадлежат. Преодоление коллизий между индивидуальными потребностями (как правило, сознаваемыми и в этой осознанной форме иногда обозначаемыми в литературе термином «личные интересы») людей и интересами людей как членов определенных социально-исторических общностей всегда связано с процессом осознания таких интересов адекватно их действительному содержанию. Рассматриваемый процесс в условиях наличия в обществе классов с противоположными интересами осуществляется в ходе непримиримой борьбы идеологий, выступающих в качестве теоретического выражения и закрепления коренных интересов соответствующих классов. Будучи осознанными и воспринятыми индивидом, интересы класса, социальной группы становятся интересами индивида как личности, способствуют определению его активной жизненной позиции. Общность интересов выступает необходимой предпосылкой единства целей и действий, на что обращал внимание Ф. Энгельс⁹⁰. Общность же потребностей может стать при определенных социальных условиях (особенно в антагонистических обществах) причиной конкуренции и столкновений между субъектами потребностей.

Под интересами как общесоциологической категорией, следовательно, надо прежде всего понимать потребности определенных социально-исторических общностей, порождаемые экономическими отношениями, на базе которых они складываются и функционируют. «Экономические отношения каждого данного общества,— писал Ф. Энгельс,— проявляются прежде всего как *интересы*»⁹¹. Интересы какой-либо социально-исторической общности, например класса, обуславливаются положением, местом, объективной ролью такой общности в системе данных экономических отношений. Интересы возникают объективно вместе с формированием и развитием соответствующей общности. В них заложена в свернутой форме общая направленность практической деятельности общности в соответствии с ее местом и ролью в данных экономических отношениях, т. е. в соответствии с ее социально-экономическим положением, ее общественным бытием. Однако в побудительную силу исторического процесса интересы превращаются лишь по мере их осознания общественными деятелями и организациями, могущими перевести содержание интересов на

⁹⁰ См., например: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 534—535; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 243. Но преимущественно основоположники марксизма употребляют именно понятие «интересы». Этот термин более предпочтителен, так как позволяет отграничить эти потребности от других, формирующихся на уровне самих индивидов.

⁹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 14.

⁹¹ Там же, т. 18, с. 271.

язык политических программ и агитационных призывов, научных трактатов и образов литературы и искусства.

Раскрывая процесс формирования интересов рабочего класса, К. Маркс писал: «Экономические условия превратили сначала массу народонаселения в рабочих. Господство капитала создало для этой массы одинаковое положение и общие интересы. Таким образом, эта масса является уже классом по отношению к капиталу, но еще не для себя самой. В борьбе... эта масса сплывается, она конституируется как класс для себя. Защищаемые ею интересы становятся классовыми интересами»⁹². «...Общий интерес по отношению к их хозяину объединяет их одной общей идеей сопротивления, *коалиции*»⁹³.

Ф. Энгельс, исходя из тезиса «Манифеста Коммунистической партии», гласящего, что коммунисты отстаивают «общие, не зависящие от национальности интересы всего пролетариата», определил рабочую партию как ту «часть рабочего класса, которая пришла к сознанию общих интересов класса» и которая должна поэтому сообразовать свои цели с этими интересами, а также «разъяснять отдельным рабочим их классовые интересы»⁹⁴. Ф. Энгельс различает теоретическое познание интересов, осуществляемое идеологами класса, его политическими руководителями и представляющее, по сути дела, идеологию класса, распространяемую и пропагандируемую партией среди всей массы класса и его союзников, и первоначальную ступень осознания интересов широкой, деятельной частью классов, ступень их «инстинктивного» понимания⁹⁵.

В. И. Ленин видел одну из главных задач подлинно научного, материалистического анализа общественной жизни в том, чтобы сопоставлять «политико-юридические, социальные, бытовые и др. факты с экономикой, с системой производственных отношений, с интересами тех классов, которые неизбежно складываются на почве всех антагонистических общественных отношений»⁹⁶. Разоблачая антинаучность и мелкобуржуазный характер рассуждений народников о российской действительности, их неспособность уяснить классовую подоплеку тех или иных взглядов, В. И. Ленин требовал вскрывать, интересы какого класса стоят за различными теоретическими доводами и рассуждениями⁹⁷. Он считал, что марксисты обязаны «отыскивать корни общественных явлений в производственных отношениях, ...сводить их к интересам определенных классов»⁹⁸, «за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов»⁹⁹. Интернационалистский характер политики пролетариата, необходимость союза рабочего класса и трудящегося крестьянства, основные задачи внутренней и внешней политики первого в мире социалистического государства — все это В. И. Ленин обосновывал, исходя из глубокого научного анализа коренных интересов рабочего класса на каждом стратегическом этапе его борьбы против царизма и капитализма, за победу социалистической ре-

волюции и построение социализма¹⁰⁰. При этом В. И. Ленин подчеркивал всю важность умения отличать действительные интересы рабочего класса от мнимых, иллюзорных интересов, имеющих на деле чуждую классовую природу, но могущих овладевать еще недостаточно развитым классовым сознанием отдельных слов или групп рабочих¹⁰¹.

Интересы в указанном выше их понимании, так же как и потребности, выступают основными детерминантами человеческой деятельности. Они, как и потребности, объективны, и при этом не только по источнику и содержанию, но и по форме своего существования, как проявление общественных отношений. Поэтому интересы, так же как и потребности, чтобы действовать в качестве побудительных сил человеческой деятельности, должны реализовываться через определенные механизмы их осознания в процессах формирования эмоциональных состояний, чувств, влечений, установок, желаний, волевых импульсов, теоретического осмысления и сознательного целеполагания. Интересы личности объективно заданы социально-экономическим положением индивида в данной системе общественных отношений. Они могут быть осознаны правильно или искаженно, полностью или частично и потому в зависимости от характера и степени их осознания определять деятельность индивида как в соответствии с объективными интересами основной общности, к которой он принадлежит, так и против них. Примерами последней возможности являются штрейкбрехерство отдельных рабочих во время стачек, измена отдельных политических деятелей интересам класса, выдвинувшего их на арену политической борьбы¹⁰².

В нашей философской литературе защищается порой толкование интересов как «единства объективного и субъективного». Такая формула выдвигалась В. Г. Нестеровым, была поддержана А. Г. Здравомысловым, Н. Д. Табуновым, О. К. Лебедевой, И. М. Чудиновой, многими экономистами. Сторонники данной точки зрения полагают, что подобное толкование якобы преодолевает односторонность как «психологизации» общественных интересов, сведения их к явлению сознания, так и их «объектива-

⁹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 183.

⁹³ Там же.

⁹⁴ См.: Там же, с. 437; т. 16, с. 68, 78.

⁹⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 74, 76, 77.

⁹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 340, примеч.

⁹⁷ См.: Там же, с. 368.

⁹⁸ Там же, с. 532.

⁹⁹ Там же, т. 23, с. 47.

¹⁰⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 288; т. 30, с. 120; т. 36, с. 327 и др.

¹⁰¹ См.: Там же, т. 37, с. 90.

¹⁰² В. И. Ленин в зависимости от характера и степени осознания личностью общих интересов класса, к которому она принадлежит, различает основные типы личностей внутри класса. См.: Полн. собр. соч., т. 16, с. 37—45; т. 20, с. 305—318; т. 36, с. 207.

ции», будто бы стирающей грань между интересами и потребностями вообще. Но на самом деле определение интересов как единство объективного и субъективного либо просто содержит указание на принадлежность интереса к общественным явлениям (ибо в обществе все объективные процессы осуществляются через деятельность субъектов), либо же, если под субъективным в интересе имеется в виду форма его существования, опять-таки сводит интерес к явлению сознания, «психологизирует» его (ибо идеальное отличается от материального именно субъективной формой существования, существования в голове субъекта). В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что стоять на позициях исторического материализма — это значит «искать объяснения течением общественной мысли и юридико-политическим учреждениям в материальных интересах различных классов», суметь показать, «как интересы... классов отражались в определенных экономических школах»^{102а}. Чтобы социологическую категорию интересов отделить от психологической, было бы целесообразно закрепить за социологической категорией термин «социальные интересы».

Одна из важнейших задач идеологической работы Коммунистической партии на всех этапах ее деятельности — а при социализме в особенности — добиваться все большего соответствия личных интересов трудящихся, т. е. сознательных помыслов, влечений, стремлений каждого члена партии, а затем и каждого беспартийного рабочего, любого трудящегося содержанию их интересов как определенных личностей, т. е. как членов определенного общества, класса и других социальных групп, коллективов и организаций.

Существует объективная иерархия социальных интересов, основанная на реальной соподчиненности социально-исторических общностей носителей интересов. В. И. Ленин указывал, что «с точки зрения основных идей марксизма, интересы общественного развития выше интересов пролетариата, — интересы всего рабочего движения в его целом выше интересов отдельного слоя рабочих или отдельных моментов движения»¹⁰³. Исходя из этого принципиального положения, марксистско-ленинская партия определяет приоритеты в решении практических задач, встающих перед рабочим классом и его союзниками на разных этапах революционной борьбы за победу социализма и коммунизма. Поскольку именно рабочий класс в силу своего объективного положения в производстве выступает наиболее последовательным выразителем интересов общественного прогресса, В. И. Ленин всегда подчеркивал, что марксистская партия «представляет интересы не только рабочего класса, а *всего* общественного развития»¹⁰⁴. С объективной иерархией интересов связан принцип пролетарского интернационализма, требующий «подчинения интересов пролетарской борьбы в одной стране интересам этой борьбы во всемирном масштабе»¹⁰⁵.

Научное обоснование стратегии и тактики классовой борьбы

пролетариата, определение главных противников, постоянных или временных союзников и т. д. основываются на всестороннем анализе действительных интересов различных классов, слоев, и групп и их институализированных представителей в лице политических партий, общественных организаций и учреждений, точном учете антагонистичности или неантагонистичности противоречий между интересами, меры и сфер их возможной совместимости и т. д.

Огромная работа КПСС по совершенствованию форм и методов хозяйствования, планирования и управления производством в условиях зрелого социализма также опирается на научный анализ объективного соотношения и взаимодействия различных интересов, на изучение возможностей их оптимальной гармонизации при приоритете общенародных, общегосударственных интересов¹⁰⁶.

В условиях социализма впервые в истории (в этом великое историческое преимущество социализма) интересы общественного прогресса сливаются с коренными и перспективными интересами социалистического общества как целого (сегодня можно сказать — и интересами всего социалистического содружества). Существование таких интересов в условиях частнособственнических антагонистических формаций в качестве постоянной побудительной силы общественного развития принципиально невозможно. Временное совпадение этих интересов в условиях классово антагонистических формаций возникает лишь в определенных отношениях и в чрезвычайных ситуациях (например, при военной агрессии, угрожающей потерей национальной независимости). Наличие же постоянных и перспективных интересов общественного прогресса в условиях социализма как раз и создает возможность и необходимость гармонического сочетания таких интересов со специфическими интересами всех классов, всех социальных слоев, всех трудовых коллективов и в конечном счете с интересами каждой личности. Непременным условием этого является основанный на принципах марксистско-ленинской теории, научно выверенный политический курс руководящей силы социалистического созидания — партии коммунистов. Ошибки и просчеты, отход от принципов марксизма-ленинизма могут, как учит исторический опыт, проводить к активизации сохраняющихся достаточно длительный срок враждебных социализму элементов. Последние при поддержке внешних сил империалистической реакции способны в этом случае провоцировать действия определенных слоев общества вопреки их действительным интересам и создавать кризисные ситуации¹⁰⁷. В обеспечении гармонического

^{102a} Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 507, 508; т. 4, с. 38.

¹⁰³ Там же, т. 4, с. 220.

¹⁰⁴ Там же, т. 6, с. 235.

¹⁰⁵ Там же, т. 41, с. 166.

¹⁰⁶ См.: Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. М., 1978, т. 6, с. 271.

¹⁰⁷ См.: Материалы XXVI съезда КПСС, с. 9.

сочетания интересов всех социальных групп, всех слоев народа — глубочайший и могучий источник непрерывного и все ускоряющегося поступательного развития социалистического общества, его движения к коммунизму.

4. Ценность и оценка

Выход за рамки биологической детерминации деятельности человека привел к постоянному изменению и углублению содержания и форм этой деятельности, их усложнению и дифференциации, к возникновению социальных механизмов закрепления результатов такого развития. К ним наряду со знаковыми системами относятся производительные силы, производственные и вообще общественные отношения, учреждения и организации надстройки, социальные нормы и другие явления, выступающие формой функционирования культуры как специфически человеческого способа освоения действительности. Принципиальная особенность этого способа — противопоставление человеком себя самого в качестве субъекта преобразовательной деятельности окружающей реальности в качестве ее объекта.

В данном противопоставлении заключается, с нашей точки зрения, суть универсального характера человеческой деятельности, ибо окружающее существует для человека в отличие от животного отнюдь не только в непосредственном единстве с его естественными (биологическими) или, в терминологии К. Маркса, физическими потребностями. «Животное... — пишет К. Маркс, — производит лишь под властью непосредственной физической потребности, между тем как человек производит даже будучи свободен от физической потребности, и в истинном смысле слова только тогда и производит, когда он свободен от нее; животное производит только самого себя, тогда как человек воспроизводит всю природу... Животное строит только сообразно мерке и потребности того вида, к которому оно принадлежит, тогда как человек умеет производить по меркам любого вида и всюду он умеет прилагать к предмету присущую мерку»¹⁰⁸.

Человек расширяет возможности удовлетворять свои естественные потребности за счет освоения множества свойств предметного мира, не связанных с непосредственным удовлетворением таких потребностей. Эти свойства всегда соотносятся с социальными по своей сущности потребностями, движение которых обуславливает собой социальную многозначность явлений окружающей действительности. Подобная многозначность и составляет, по нашему мнению, основу ценности и ценностного отношения человека к действительности как специфически человеческого отношения в противоположность однозначной, биологически детерминированной ориентации животных. Именно в связи с социальной многозначностью явлений человек преобразует действительность, а преобразуя действительность, человек наделяет явления социальной многозначностью. То, что мы называем

ценностью, неотделимо от преобразовательной деятельности общественных индивидов. Ценность представляет собой объективную значимость явлений (вещей, идей, процессов, отношений) в качестве ориентиров человеческой деятельности, содержание которых обусловлено общественными потребностями и интересами субъекта.

Такая трактовка ценности позволяет выяснить роль ценности как всеобщего момента деятельности общественных индивидов, классов, масс и, следовательно, как необходимого фактора развертывания исторического процесса. Она совмещает признание объективного характера ценности с ее историчностью и относительностью на каждом отдельном этапе общественного развития. Учет последнего особенно важен, ибо деятельность субъекта есть одновременно процесс формирования его новых потребностей и интересов, объективного положения в целом. Ценность изменяется в зависимости от изменения этого положения, от состояния социально-исторической практики, ее общественной формы — наличных общественных отношений. Эта трактовка ценности дает также возможность объяснить феномен «мнимая ценность». Будучи превращенной формой действительных ценностей, мнимые ценности фиксируют объективную значимость явлений в качестве таких ориентиров деятельности, содержание которых неадекватно действительной (исторически обусловленной) потребности субъекта либо вследствие ее «незрелости», либо вследствие возникающего в определенных социальных условиях отчуждения действительной потребности (интереса) субъекта от ее носителя. Наконец, данное понимание ценности позволяет теоретически разграничить ценность как предметное содержание ценностного отношения субъекта к действительности и оценку.

Прежде всего разберемся в характере ценностного отношения. Тот факт, что оно есть проявление универсальности человека как свободного, творческого существа¹⁰⁸, иногда интерпретируется в том смысле, будто человек «произволен» в своем отношении к действительности, откуда следует вывод о субъективном характере ценностного отношения. Одну из попыток опровергнуть подобный вывод предпринял в свое время В. П. Тугаринов, впервые в марксистской литературе поставивший вопрос о социально-философском статусе проблемы ценностей. Поскольку, подчеркивал он, объективные свойства окружающей реальности в такой же степени определяют характер и содержание ценностного отношения, в какой их определяют «особенности оценивающего субъекта»¹¹⁰, постольку и само это отношение следует считать субъективно-объективным. Более последовательная позиция в понимании характера ценностного отношения возникла позже. Рассматривая

¹⁰⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 93, 94.

¹⁰⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 92.

¹¹⁰ Тугаринов В. П. Марксистская философия и проблема ценности. — В кн.: Проблема ценности в философии. М., 1966, с. 16.

субъект в качестве определенной материальной системы, которая «только как таковая познает и преобразует мир»¹¹¹, М. В. Демин намечает контуры выяснения объективного характера ценностного отношения, взятого не только со стороны объекта, но и со стороны субъекта.

Соглашаясь в принципе с таким подходом, необходимо вместе с тем подчеркнуть, что вся сложность обсуждаемой проблемы заключается именно в толковании понятия «материальная система» применительно к человеку как субъекту преобразовательной деятельности. Ссылаясь на борьбу К. Маркса против идеалистических рассуждений о «бестелесном субъекте», М. В. Демин совершенно справедливо обращает внимание на природную, телесную основу человека. Однако не это обстоятельство является, на наш взгляд, ключом к раскрытию объективной природы ценностного отношения. Дело в том, что, возражая идеалистам, К. Маркс в данном случае имеет в виду только одну из сторон материальности субъекта, которую игнорировали идеалисты,— материю как предпосылку существования и функционирования сознания, морфофизиологическую организацию человека, мозг в качестве «инструмента» сознания. Но материальность субъекта имеет и другую, неоднократно выделяемую К. Марксом сторону, которая в интересующем нас плане оказывается наиболее важной.

Субъект преобразовательной деятельности, по К. Марксу,— это не просто действующий и обладающий сознанием индивид, это — социальное существо, сущность которого состоит не в его биологической организации, а в совокупности всех общественных отношений. Животное не может быть субъектом, ибо оно слито с природой. Соответственно, когда мы говорим о биологическом виде *Homo sapiens*, речь еще не идет о субъекте, ибо в своих биологических характеристиках человек всецело остается частичкой природы. Противостоит природе, преобразует ее не просто человек, а общественный человек. Только в данной связи он и выступает субъектом в собственном смысле слова. Конечно, социальное в человеке не возникает само по себе. Оно надстраивается над его биологической организацией, диалектически связано с ней. Но при характеристике человека как субъекта такая его организация теряет самостоятельное значение, функционирует лишь в снятом виде. Таким образом, даже если абстрагироваться от группового субъекта, следует иметь в виду, что человек и субъект — это не совсем одно и то же. Человек может выступать субъектом, а может и не выступать таковым, оставаясь в известных пределах своей жизнедеятельности на уровне биологической активности. И хотя на практике человек (поскольку он в том или ином смысле всегда противопоставляет себя как универсальное существо природе вообще и своей собственной естественной ограниченности в частности) является в то же время и субъектом, при исследовании данной проблемы важно теоретически развести эти понятия, так как их отождествление содержит опасность биологизации ценностного отношения.

Конструктивное решение вопроса об объективном характере ценностного отношения связано с тем, что не всякое отношение человека к окружающим его явлениям выступает как ценностное. Таковым является лишь то отношение, где человек реализует себя как субъект преобразовательной деятельности, протекающей в рамках определенных общественных отношений. В этом смысле сам субъект оказывается компонентом исторической реальности, представленной в виде системы объективно сложившихся общественных отношений. Именно поэтому содержание ценностного отношения зависит не от произвола субъекта, а от его объективного положения в этой системе. Оно объективно со стороны субъекта, будь то отдельный индивид, социально-историческая общность, устойчивое объединение людей или общество в целом.

Во избежание недоразумения необходимо подчеркнуть, что такое понимание ценностного отношения не исключает признания свободы выбора, активной роли субъекта в развитии исторического процесса, ибо обусловленность его деятельности исторически наследуемым опытом, системой наличных социальных связей и др. является не конечной, а всего лишь исходной его характеристикой. Опираясь на готовые социальные предпосылки деятельности, общественный субъект преобразует на их основе окружающую среду и себя самого. Он «прорывает» круг своей естественноисторической ограниченности, расширяя тем самым объективные горизонты последующей деятельности человечества, в рамках которых формируются в дальнейшем и новые ценностные отношения.

Что же касается связи ценностного отношения с объектом, то здесь, считают многие авторы, нет особой проблемы, ибо содержание ценностного отношения обусловлено такими свойствами, которые, само собой разумеется, не зависят от сознания и воли субъекта. Последнее утверждение не вызывает сомнения. Но вопрос заключается в том, какие свойства явлений окружающего мира определяют содержание ценностного отношения. Если таковыми считать их естественные свойства, то мы опять-таки окажемся на уровне лишь биологической интерпретации.

Безусловно, человек в своей деятельности не может не учитывать естественные свойства окружающей среды. Но это еще не ценностное отношение. Животное, удовлетворяя свои потребности, тоже ориентируется на естественные свойства действительности. Различие между действиями животного и человека начинается там и постольку, где и поскольку, помимо ориентации на естественные свойства вещей, присутствует ориентация на их социальную значимость. Иначе говоря, объект ценностного отношения — не просто явление действительности с присущими ему естественными свойствами ¹¹², а такое явление, которое вовлече-

¹¹¹ Демин М. В. Проблемы теории личности. М., 1977, с. 123.

¹¹² Мы здесь не касаемся тех случаев, когда объектами ценностного отношения выступают не природные, а общественные явления (производствен-

но в сферу преобразовательной деятельности общества и, следовательно, включено в систему исторически определенных общественных отношений. В результате сами его естественные свойства приобретают социальную характеристику. Соотносясь с социальными потребностями и интересами субъекта, непосредственно обуславливающими содержание и направленность его деятельности, они становятся социально значимыми, то есть на деле оказываются социальными свойствами. Эти-то социальные свойства явлений и делают их объектами ценностного отношения, определяют их содержание в качестве ценностей¹¹³.

Итак, объектами ценностного отношения могут выступать лишь явления, связанные с исторически определенной человеческой деятельностью. Именно сущность такой связи — социальная значимость данных явлений в системе преобразовательной деятельности субъекта — составляет предметное содержание ценностного отношения. Но не означает ли такая позиция субъективизацию ценностных свойств явлений? Ведь человеческая деятельность — это целеполагающий акт: сознание и воля — ее неотъемлемые компоненты. Однако не означает. И не только потому, что ценности могут представлять собой и материальные и духовные явления действительности. Главное, что социальные свойства этих явлений зависят не от сознания и воли субъектов, а от способности предмета удовлетворять социальные потребности и интересы. Содержание же последних объективно задано уровнем развития общественноисторической практики. Поэтому социальная значимость объектов ценностного отношения оказывается объективной характеристикой. Но ценность нельзя отождествлять с оценкой. В отличие от ценности оценка — непосредственный компонент целеполагания деятельности. Она представляет собой субъективную форму бытия ценности, ее отражение в сознании субъекта.

Термином «оценка» обозначают не только процесс осознания ценности, но и его результат. В зависимости от того, как понимается оценка-процесс, складывается представление об оценке-результате. В буржуазной аксиологии (а иногда, к сожалению, и в марксистской литературе) принято подчеркивать специфичность оценочной деятельности в противоположность научному познанию. Когда ценности рассматриваются с религиозно-мистической точки зрения, такой вывод сам собой разумеется. В других же случаях он вытекает из субъективистской трактовки ценностных отношений, не имеющих якобы ничего общего с той действительностью, которая выступает предметом научного познания. Попытки же преодолеть субъективизм при анализе ценностных отношений сводятся чаще всего к сближению ценностей и норм. Такая связь, безусловно, существует. Но простое отождествление оценочной деятельности с функционированием нормативного сознания, на что справедливо обращает внимание С. И. Попов, значительно сужает методологическое значение всей теории ценностей¹¹⁴.

Если ценностное отношение в принципе объективно, то его осознание по существу не отличается от обычного познавательного процесса. И в том случае, когда ценностное суждение адекватно отражает свой объект (реальное ценностное отношение), его содержание (оценка) вполне научно, т. е. совпадает с истиной. Другое дело, что, как в любом познавательном акте, здесь возможны заблуждения, рожденные социально-исторической ограниченностью субъекта, и потому оценка-результат может оказаться как правильной, так и ошибочной. Научное познание ценностей как предметного содержания объективных ценностных отношений предполагает, с одной стороны, адекватное отражение субъектом своих потребностей и интересов, с другой — адекватное отражение соответствия или несоответствия свойств реальных явлений этим потребностям и интересам. В связи с последним обстоятельством оценки в отличие от ценностей, имеющих для данного субъекта только положительное содержание, могут быть и положительными и отрицательными.

Оценка неотделима от целеполагания, ибо без осознания предметного содержания объективно складывающихся ценностных отношений невозможно определение целей деятельности. Иными словами, без оценки нет и не может быть ценностной ориентации, в то время как ценностное отношение продолжает существовать независимо от того, осознано ли оно субъектом, насколько адекватно осознано или не осознано вообще. Эта особенность и отличает ценностное отношение как одну из характеристик объективной стороны исторической действительности от ценностной ориентации как субъективного процесса выработки целей общественной деятельности людей, в котором ценность и оценка диалектически взаимодействуют в качестве моментов ее объективного и субъективного оснований. Ценностная ориентация деятельности людей включается в единый процесс ее детерминации.

Именно эта диалектико-материалистическая трактовка роли ценностной ориентации в развитии общества и отличает марксистскую постановку вопроса об объективном характере ценностей от их объективно-идеалистической трактовки, служащей философской основой религиозного мировоззрения. В противоположность теологической аксиологии, объявляющей ценности предметом веры, а универсальность и творчество человека — проявлением сверхъестественной, внеисторической божественной сущности, диалектико-материалистическое учение о ценностях раскрывает объективную природу ценностей, исходя из естественноисториче-

ные отношения, культурные традиции и т. п.), так как тогда вообще нельзя говорить о присущих им естественных свойствах в том смысле, в каком это понятие здесь употреблено.

¹¹³ См.: Дробницкий О. Г. Мир оживших предметов. М., 1967.

¹¹⁴ См.: Попов С. И. Проблема происхождения и функционирования понятия ценностей в социологии. — Социологические исследования, 1979, № 3, с. 38, 39.

ского процесса развития самого общества. Исторический материализм — единственная философская концепция, объясняющая творческий, свободный характер человеческой деятельности в истории, не прибегая ни к субъективистским ухищрениям, ни к мистическим постулатам¹¹⁵.

Важную методологическую роль при исследовании ценностных отношений в конкретно-исторических условиях общественной жизни играет классификация ценностей, особенно такая классификация, когда различение проводится по социально-исторической характеристике их содержания (буржуазные, социалистические и т. п.), а также в зависимости от того, в деятельности какой социально-исторической общности людей они формируются и получают свою реализацию (классовые, национальные и т. д.).

Принципиальное значение для исследования диалектики исторического процесса имеет сопоставление классовых и общечеловеческих ценностей. В антагонистическом обществе, где враждебные классы объективно противостоят друг другу, общечеловеческие потребности (связанные с бытием субъекта как общественного существа в противоположность его физическому, биологическому бытию) опосредуются принадлежностью общественного индивида к одной из противостоящих друг другу социальных групп. Это создает объективную предпосылку для отождествления субъектом в ходе ценностной ориентации своих ограниченных классовых ценностей с общечеловеческими. Такое отождествление может быть бессознательным, когда, например, тот или иной класс, выступающий на общественной арене, в силу незрелости определенных общественных отношений не осознает еще своей действительной роли в осуществляемых им социальных изменениях и искренне считает целью своей деятельности достижение абсолютного добра, справедливости и т. д. Но бывает и так, что уходящий с исторической арены класс, стремясь продлить и укрепить свое классовое господство, сознательно представляет собственные узкоэгоистические интересы как «всеобщие» и «естественные» идеалы человечества. И в том, и в другом случае с позиций всех общественных классов, кроме рабочего класса, ограниченным оказывается само понимание человека как социального существа. Соответственно ограниченным становится и понятие общечеловеческого, выступающее субъективным критерием оценочной деятельности. Свою адекватную форму выражения общечеловеческие ценности имеют только в обществе, свободном от классовых антагонизмов.

Возвращаясь к вопросу о классификации ценностей, следует отметить, что ее можно проводить по многим основаниям в зависимости от конкретного методологического аспекта исследования ценностных отношений в обществе. Например, анализируя роль ценностной ориентации в различных областях деятельности, целесообразно различать ценности по содержанию деятельности, в которой они реализуются. В этом смысле выделяются производственные, бытовые и т. п. ценности. Сравнивая механизмы функ-

ционирования ценностей как реальных ориентиров деятельности людей в тех или иных конкретных условиях, целесообразно классифицировать ценности по степени общезначимости их содержания, разделяя их на индивидуальные и групповые. При этом следует учитывать тот факт, что индивидуальные ценности всегда так или иначе зависят от групповых, выступая своеобразным сплавом, переплетением в деятельности субъекта социальной значимости явлений в системе общественных отношений внутри группы и между группами. В литературе встречаются и другие виды классификации ценностей — по связи их с субъектом деятельности (личные и общественные и т. п.) или с ее объектом (материальные и духовные и др.). Иногда строят классификационные системы в соответствии с различными общественными отношениями, на базе которых возникают исследуемые ценности (экономические, политические, правовые, моральные и др.), или в соответствии с основными сферами общественной жизни, в которых они функционируют (экономические, социальные, политические, духовные ценности) и пр.

Имеет место, однако, такого рода классификация ценностей, с которой нельзя согласиться в принципе, ибо она есть следствие ограниченного толкования самой природы ценности и ценностного отношения. Речь идет о разделении ценностей на «ценности жизни» и «ценности культуры»¹¹⁵, которое представляется нам методологически неверным. По нашему мнению, культура является непосредственным условием бытия любых ценностей, поскольку они выступают специфически человеческими ориентирами деятельности, т. е. ориентирами, которые всегда выходят за рамки биологической организации человека. Поэтому всякая ценность есть обязательно ценность культуры. С точки зрения конкретно-исторического анализа ценностей добавление к ценностям культуры «ценностей жизни» не дает никакой новой информации, с методологической же точки зрения оно содержит опасность биологизации человека. Конкретные ориентиры деятельности людей являются предметным выражением ценностного отношения человека к окружающему миру, которое (даже если речь идет об удовлетворении биологических потребностей человека) есть лишь одна из сторон специфически человеческого способа овладения действительностью, иначе говоря, представляет собой один из аспектов культуры. Субъект «очеловечивает» природу, втягивая ее в орбиту своей общественной деятельности. Мера этой «очеловечности», которая есть в то же время мера реализации универсального, творческого характера деятельности, и фиксируется в культуре как ценность.

У животного потому и нет ценностей, что оно досоциально и в этой своей досоциальности «некультурно». Его деятельность по удовлетворению своих потребностей непосредственна, она цели-

¹¹⁵ См.: Анисимов С. Ф. Ценности реальные и мнимые. М., 1970.

¹¹⁶ См.: Тугаринов В. П. Теория ценностей в марксизме. Л., 1968.

ком укладывается в рамки биологической организации. Ориентиры деятельности животного — предметы биологических потребностей — существуют сами по себе, без каких-либо надбиологических требований к их присвоению. Потребление таких предметов всегда остается для животного чисто естественным процессом, каким для человека выступает, например, процесс дыхания. Считая ценностью всякий предмет человеческой потребности (а примерно так и определяют эту категорию сторонники «культурно-жизненной» классификации), мы слишком бы расширили объем данного понятия, а главное — оставили бы в тени функцию ценностей как социально значимых ориентиров деятельности субъектов и, следовательно, одного из объективных факторов разворачивания исторического процесса.

Ценность — нечто гораздо более сложное и возвышенное, чем простая заинтересованность человека в предмете своей потребности, особенно трактуемой биологически. Ибо человек в отличие от животного удовлетворяет свои потребности опосредованно, через культуру. Таким образом, далеко не всякий предмет потребности (даже сугубо человеческой, а не только биологической) получает для субъекта объективное значение ориентира деятельности и выступает тем самым ценностью. В строго научном смысле слова ценностью он становится исключительно в силу его социальных свойств.

Теоретическая важность диалектико-материалистического определения категории ценности и обсуждения на этой основе всего связанного с нею круга проблем вытекает из того обстоятельства, что исторический процесс осуществляется не автоматически, а через деятельность ценностно-ориентированных индивидов, классов, масс. Однако отсюда не следует, что сама по себе ценность выступает абсолютным и единственным конституирующим моментом исторической (социальной) реальности в целом. В связи с этим представляется необходимым критически проанализировать исходные позиции «последнего слова» современной буржуазной социологии — ее феноменологического направления.

Изданная его представителями книга «Новые направления в социологической теории» не содержит, правда, обсуждения проблемы ценности как таковой. Она посвящена критике существующих и разработке новых методов социологического исследования. Но весь ее теоретический пафос и методологическая направленность основываются на утверждении, что «социальные явления формируются и существуют в интерсубъективных процессах конструирования значений»¹¹⁷, а также что «социальная структура или любой другой социальный феномен, рассматриваемый в качестве объективной, внешней, независимой переменной, является продуктом интенционально социальной „работы“ членов данной культуры»¹¹⁸. Причем «интенциональность» выступает здесь «существенной характеристикой сознания», рассмотренного в духе Э. Гуссерля в виде сферы «совершенной свободы»¹¹⁹. Исходя из таких теоретических предпосылок, авторы упомянутой

книги по существу абсолютизируют роль ориентированности человеческих действий и сознания в процессе формирования общественных явлений и, стало быть, преувеличивают значение ценностного момента человеческой деятельности.

Действительно, ценностная ориентация неотделима от человеческой деятельности. Поскольку же социальная (историческая) реальность в целом есть в конечном счете одновременно и форма существования, и продукт человеческой деятельности, постольку можно говорить об ориентационном, ценностном ее моменте как об обязательном элементе структуры общественной жизни. Но означает ли это, что сознательная ориентированность, значимый, ценностный характер человеческой деятельности обладают статусом первичных конструкторов социальной реальности? Или они являются производными от других, более фундаментальных элементов ее структуры? Марксизм-ленинизм отвечает утвердительно только на второй вопрос, ибо с его точки зрения социальная реальность представляет собой сложное диалектическое образование, в котором важнейшей всеобщей детерминантой выступают материальные общественные отношения. Сама по себе творческая ориентированность, значимость или, в терминах феноменологической социологии, «интенциональность» человеческой деятельности как таковой есть следствие включенности субъекта в систему объективно складывающихся общественных отношений. Конкретное содержание значимости действий, «вектор» ориентированности сознания всегда определяются в итоге объективным положением субъекта в этой системе.

Для феноменолога, отождествляющего в своих методологических разработках сущность общественных объектов с их проявлениями¹²⁰, свободный выбор, составляющий смысл ценностной ориентации, представляется изначальной константой человеческой деятельности, определяющей собой весь ее ход и все отношения между людьми. Марксист же, различая сущность и явление в общественных процессах, видит в ценностной ориентации лишь отражение определенных объективных отношений, складывающихся до процесса ценностной ориентации и выступающих конечной детерминантой ее содержания. При этом отнюдь не исключаются творческий характер деятельности и свобода выбора как движущая сила ориентации, ибо само понятие отражения в марксизме-ленинизме включает в себя момент активности сознания, реализующийся в том или ином способе распределения отражаемого объекта.

¹¹⁷ Филипсон М. Феноменологическая философия и социология.— В кн.: Новые направления в социологической теории. М., 1978, с. 246.

¹¹⁸ Там же, с. 255.

¹¹⁹ Там же, с. 212.

¹²⁰ «Феноменологу... нет дела до самих объектов. Его интересуют их значения, конституированные деятельностью нашего разума»,— подчеркивает А. Шюц, теоретические выкладки которого служат отправным пунктом разработки феноменологических методов в социологии, рассмотренных нами выше. (См. там же, с. 223.)

Феноменологическое направление в социологии обесценивает действительное методологическое значение категорий ценности и ценностной ориентации для исследования исторического процесса, ибо субъективно-идеалистическое толкование их природы, к чему в конечном счете сводятся предлагаемые решения, не в состоянии объяснить реальные механизмы исторического движения, не способно уловить диалектическую связь идеальных, субъективных явлений общественной жизни, целеполагания человеческой деятельности с объективными явлениями и процессами, обуславливающими действительное единство социального мира.

5. Цель, средство, условие

Осознавая свои потребности, интересы, ценности, общественные индивиды, классы и массы ставят перед собой определенные цели и добиваются их реализации. Формирование и осуществление целей — это своего рода систола и диастола, сердечные циклы деятельности человека, биение пульса его жизни. Как необходимый момент человеческой деятельности они неотделимы от исторической действительности, ее функционирования и развития.

Развертывание исторического процесса далеко не всегда совпадало с целями, которые преследовали люди. В зависимости от конкретных жизненных обстоятельств выдвигаемые цели могли объединяться, сталкиваться, перекрещиваться, взаимно дополнять или исключать друг друга. Результат же разнонаправленных действий людей в докоммунистических общественно-экономических формациях часто получался таким, какого многие не хотели и до возникновения марксизма не могли научно предвидеть. «Каков бы ни был ход истории, — отмечал Ф. Энгельс, — люди делают ее так: каждый преследует свои собственные, созпательно поставленные цели, а общий итог этого множества действующих по различным направлениям стремлений и их разнообразных воздействий на внешний мир — это именно и есть история. Вопрос сводится, стало быть, также к тому, чего хочет это множество отдельных лиц»¹²¹.

Исторический материализм дал научный ответ на вопрос: «чего хочет это множество лиц». Открыв законы и движущие силы развития общества, он тем самым разработал методологические основы понимания того, как творится история, какую роль в механизме исторического процесса играет целеполагание деятельности субъектов. В современной научной литературе проблема цели достаточно полно исследована в общефилософском, этическом и историко-философском плане¹²². Гораздо слабее освещены ее общесоциологический и, в частности, социально-детерминистский аспекты¹²³. На данных сторонах целеполагания человеческой деятельности мы и акцентируем свое внимание.

Под целью обычно понимается идея, которая отражает потребности и интересы субъекта и условия их удовлетворения, решение субъекта достигнуть предвидимый желаемый результат,

стаповящееся регулятором его деятельности. Какое бы ни было определение цели человеческой деятельности, оно, на наш взгляд, обязательно должно включать в себя то, что Л. Фейербах называл волевым отношением к действительности. В противоположность идеализму марксистско-ленинская философия считает, что основой целеполагания человеческой деятельности является объективный мир. «На деле,— пишет В. И. Ленин,— цели человека порождены объективным миром и предполагают его... Но *кажется* человеку, что его цели вне мира взяты, от мира независимы („свобода“)»¹²⁴. Возникновение целей у общественного человека, справедливо отмечал Г. В. Плеханов, «необходимое следствие общественного процесса, обусловливаемого в последнем счете ходом экономического развития»¹²⁵.

Постановка и реализация цели — уникальное свойство субъектов исторической деятельности. Целеполагание деятельности как идеальное выражение желаемого будущего проводит принципиальную черту между целесообразностью функционирования социальных и биологических систем. В плане направленной реакции на изменение состояния среды позволительно говорить и о целесообразности функционирования сложноорганизованных технических (кибернетических) систем. Однако такая целесообразность весьма условна. Не касаясь обсуждения данного вопроса в специальной литературе, отметим лишь, что целесообразность функционирования сложноорганизованных технических систем в сопоставлении с биологическими и социальными системами представляет собой не реализацию какого-то собственного, внутренне присущего им, имманентного свойства, а моделирование с помощью их устройства человеческих целей. Цель сложноорганизованной технической системы — это цель, заложенная в ней и через нее человеком.

Как в истории философии, так и в современных работах цель обычно соотносится со средством. Такой подход вполне понятен. Вместе с тем результаты изучения проблем социального детерминизма, научного управления обществом, выработки и осуществления программы, стратегии и тактики коммунистических партий позволяют сейчас поставить вопрос шире, а именно исследовать диалектику взаимодействия целей и условий. Последние детерминируют процесс и образования и реализации цели. Но каждая из названных фаз целеполагания имеет свои особенности, поэтому

¹²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 306.

¹²² См.: Трубицкий Н. Н. О категориях «цель», «средство», «результат». М., 1968; Титаренко А. И. Критерий нравственного прогресса. М., 1967; Воронков Б. А. Философский анализ структуры практики. М., 1972; Яценко Л. И. Целеполагание и идеалы. Киев, 1977; Макаров М. Г. Категория «цель» в домарксистской философии. Л., 1974; Он же. Категория «цель» в марксистской философии и критика телеологии. Л., 1977.

¹²³ См.: Борзенко А. В. Проблема цели в общественном развитии. М., 1963; Гендин А. М. Предвидение и цель в развитии общества. Красноярск, 1970.

¹²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 171.

¹²⁵ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв. М., 1957, т. 3, с. 193.

условия следует расчленить на условия формирования цели и условия ее осуществления.

Рассмотрение взаимосвязей цели, условий ее формирования и осуществления важно во многих отношениях. Однако в первую очередь надо подчеркнуть следующее: исследование любого звена социального детерминизма, включая цели человеческой деятельности, предполагает раскрытие связей данного звена с общественными законами и, следовательно, условиями их действия. Условия в интересующем нас аспекте — фундамент и закона, и цели. А это значит, что с помощью понятия «условия формирования и осуществления цели» можно показать целеполагание как необходимую характеристику механизма действия и использования общественных законов. Выяснение связи между общественными законами и целеполаганием деятельности субъектов особенно видно при изучении крупномасштабных целей (целей общества, класса и других больших групп людей). О таких общественно значимых (социальных) целях и будет в дальнейшем главным образом идти речь.

Условия формирования и осуществления цели, трактуемые в широком смысле слова, подразделяются на составляющие их компоненты или, можно сказать, виды условий. Одним из них выступают средства, которые часто определяют как предметы, служащие данной цели. Взятые в наиболее общем виде, они представляют собой все то, что используется субъектом для удовлетворения своих потребностей и интересов, реализации своих целей. Сюда входят и предметы, находящиеся в природе в готовом для использования виде, и предметы, являющиеся продуктами человеческой деятельности. Причем в ходе истории удельный вес средств второй группы неуклонно возрастает. В принципе не существует вещей и процессов, которые нельзя было бы использовать как средство. Само же такое использование зависит от уровня развития общества, познания законов действительности. В этом смысле средства зависят от субъекта, служат ему. В вещи и процессы как бы вносится субъективный момент — выясняется их социальная значимость. С ростом могущества человеческих сил возрастает и социальная роль используемых средств.

С развитием, усовершенствованием средств человеческой деятельности увеличивается объем целей, которым они служат. Происходит усиление специализации средств, более интенсивное превращение предметов в средства. Конечно, специализированное средство служит специализированным целям. Но в ходе истории, кроме специализации, происходит и унификация используемых средств. Поэтому, рассматривая не одну, а две противоположные тенденции в их единстве, нельзя не увидеть: совершенствуясь, средство может служить не уменьшающемуся, а увеличивающемуся числу целей. Уже отмечалось, что вместе с развертыванием исторического процесса растут и потребности общества, и человека, и соответственно число задач, решаемых ими. Наряду с обнаружением новых средств расширяются возможности приме-

ния известных средств. Так, в развитом социалистическом обществе наука и техника служат в качестве социального средства не только целям повышения производительности труда, но и целям преодоления социальных различий между городом и деревней, умственным и физическим трудом и т. д.

Если преодолеть психологический барьер на пути применения термина «средство», освободиться от привычки понимать средство в качестве вещи, то этот термин может в известных границах выступать синонимом термина «условие». Однако стремительное совершенствование специальных средств независимо от того, идет ли речь о средствах производства, транспорта, потребления, массовой информации, общения и др., требует их специального изучения. Подчеркивая ту роль, которую социальные средства играют в историческом процессе, важно в полной мере выявлять специфику их функционирования и развития как таковых, взятых в определенной обособленности от наличных условий. В этом отношении социальное познание связано прежде всего с пониманием социальных средств как предметов. Понятие же «условие» даже в абстракции нельзя ограничить предметностью. Оно более широкое и гибкое, нежели понятие «средство». Это обстоятельство существенно дает о себе знать, когда рассматривается цепь социального причинения, переход цели в средство и обратно, ибо такой переход предполагает условия как некую социальную среду, в равной степени детерминирующую взаимодействующие цели и средства и само их взаимодействие.

В определенном отношении средством является и человек. Обычно как средство человек характеризуется в плане его отчуждения. Человек — говорящее орудие в рабовладельческом обществе, человек — средство расширенного воспроизводства капитала и т. п. В качестве средства человек может оцениваться и независимо от отчуждения. Здесь также и, пожалуй, особенно наглядно обнаруживается более корректное значение понятия условий. К условиям целей и средств деятельности людей могут относиться рост и миграция народонаселения, трудовые ресурсы, человеческий фактор общественного производства, социального управления и т. д. Однако содержание условий функционирования и развития целей и средств не ограничивается только этим. В виде условий выступают в историческом процессе и социально-исторические общности людей, их устойчивые объединения, а по другим основаниям систематизации — социальные группы и слои общества. Условием является вся совокупность общественных отношений и отдельные виды общественных отношений. Условиями становятся действия, поступки, процедуры, меры, способы и методы деятельности, убеждение, принуждение, реформы, революции, войны и многие другие процессы и события.

Понятие «средство» неприменимо в принципе, когда необходимо показать место и время формирования и осуществления целей. Место и время всегда суть не средства, а условия возникновения и реализации целей. В зависимости от условий складываются

различные типы целей, способы и методы их формирования и осуществления, выдвигаются на историческую арену такие субъекты исторической деятельности, которые формируют и добиваются осуществления назревших задач общественного развития. Сообразно условиям места и времени меняются сила и интенсивность регулирующего воздействия целей на деятельность общественных индивидов, классов и масс, происходят изменения в системе целей того или иного общества, на смену одним целям приходят другие, на первый план выдвигается главная цель и т. д. В этой связи условия — не гранитный пьедестал нерушимой цели. Это скорее почва, питающая ее жизненность. Причем такая почва, состав которой не остается постоянным. С изменением общественных условий цель претерпевает внутренние изменения или вообще теряет смысл, уступая свои позиции новой цели.

Определяющая роль в образовании социальных целей принадлежит таким специфическим для общества характеристикам объективных условий, какими выступают материальные общественные отношения и положение субъекта в системе этих отношений. Подчеркивая принципиальное значение данного положения для материалистического понимания истории, В. И. Ленин отмечал: «Субъективисты, например, признавая законосообразность исторических явлений, не в состоянии, однако, были взглянуть на их эволюцию как на естественно-исторический процесс,—и именно потому, что останавливались на общественных идеях и целях человека, не умея свести этих идей и целей к материальным общественным отношениям»¹²⁶.

Анализ материальных общественных отношений буржуазного общества, места и положения пролетариата в конкретной исторической системе общественного производства, его отношения к средствам производства явился решающим фактором научного обоснования основоположниками марксизма-ленинизма всемирно-исторической цели и миссии рабочего класса. «Дело,— писали К. Маркс и Ф. Энгельс,— не в том, в чем в данный момент *видит* свою цель тот или иной пролетарий или даже весь пролетариат. Дело в том, *что такое пролетариат на самом деле* и что он, сообразно этому своему *бытию*, исторически вынужден будет делать. Его цель и его историческое дело самым ясным и непреложным образом предугазываются его собственным жизненным положением, равно как и всей организацией современного буржуазного общества»¹²⁷.

Важнейшим началом целеполагающей деятельности людей, коренящимся в объективных условиях общественной жизни, выступает историческая необходимость, обнаруживающая себя в общественных процессах в двух формах: в форме неизбежности и в форме потребности¹²⁸. Потребности и внутренне связанные с ними интересы — это такая объективная основа социальной цели, которая детерминирует социальные позиции субъекта и направленность его усилий на выбор или создание жизненно важных условий. «Где нет общности интересов,— писал Ф. Эн-

гельс,— там не может быть единства целей, не говоря уже о единстве действий»¹²⁹. Осознание потребностей и интересов общественного развития становится способом осознания людьми требований общественных законов, их необходимости. Налицо и еще одна, к сожалению, малоисследованная объективная основа цели. Сущность этой основы составляет соотношение необходимости в форме потребности (интереса) с возможностями ее практической реализации. Рассматриваемой основой, как бы интегрирующей названные детерминанты цели, является общественная проблема.

Но содержание общественной проблемы не ограничивается только этим. Она представляет собой такой фактор общественного развития, который выражает: 1) обострение противоречия между назревшей исторической необходимостью и наличными возможностями ее претворения в жизнь; 2) недостаточность средств для разрешения этого противоречия; 3) неизбежность нарастания в социальной системе (при использовании имеющихся средств) дезорганизующих процессов; 4) требование поиска и создания новых средств и способов преодоления возникших трудностей. В узком смысле слова общественная проблема есть специфическая форма выражения противоречий общественной жизни. В широком смысле она трактуется в виде синонима понятия, обозначающего назревшую историческую задачу. Причем в любом случае противоречие — своеобразная «тайна» проблемы: высокоразвитому противоречию свойственна и высокоразвитая общественная проблема.

Обобщенная характеристика детерминированности общественной проблемы условиями материальной жизни общества формулируется К. Марксом в предисловии к труду «К критике политической экономии». «Ни одна общественная формация,— подчеркивает он,— не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо или, по крайней мере, находятся в процессе становления»¹³⁰.

Комплекс условий, составляющих генезис и предпосылку решения проблемы, представляет собой проблемную ситуацию.

¹²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 138.

¹²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 40.

¹²⁸ См.: Тугаринов В. П. Соотношение категорий диалектического материализма. Л., 1956, с. 105; Куценко В. И. Социальная задача как категория исторического материализма. Киев, 1972, с. 20.

¹²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 14.

¹³⁰ Там же, т. 13, с. 7.

Как и всякая ситуация, проблемная ситуация является связью между необходимостью и возможностью возникновения общественных явлений. Имеет она и свою специфику. Проблемная ситуация — совокупность условий, при которых противоречия между требованиями социальных задач и условиями их решения достигают такого высокого развития, когда жизненно важными становятся новые, радикальные способы преодоления этих противоречий.

Соотношение противоречивых условий, составляющих проблемную ситуацию, часто обнаруживает себя в историческом процессе в том, что одни способы, формы существования общественных явлений уже изжили себя, другие — еще не сформировались в необходимой и достаточной степени. К. Маркс и Ф. Энгельс, выясняя причины гибели рабовладельческого строя, в частности, писали: «Рабство перестало окупать себя и потому отмерло. Но умирающее рабство оставило свое ядовитое жало в виде презрения свободных к производительному труду. То был безвыходный тупик, в который попал римский мир: рабство сделалось невозможным экономически, труд свободных считался презренным с точки зрения морали. Первое уже не могло, второй еще не мог быть основной формой общественного производства. Вывести из этого состояния могла только коренная революция»¹³¹. В. И. Ленин также неоднократно обращал внимание на подобную историческую обстановку, когда, например, в Европе революционность буржуазии была уже в прошлом, а революционность пролетариата еще не сформировалась в достаточной степени.

Весьма часто встречаются ситуации, при которых историческая необходимость уже назрела, а условия для ее осуществления еще недостаточны. Они «достраиваются» людьми в ходе решения самих общественных задач. Так обстояло дело с созданием предпосылок построения социализма в СССР. В. И. Ленин отмечал противоречие, разрыв между величиной созидательных задач, возникших перед страной, и ее отсталым дореволюционным положением. Оппортунисты требовали подождать со взятием политической власти, пока не создадутся культурные предпосылки, высокообразованные кадры для будущего управления государством, хозяйством. Большевицкая же партия повела трудящихся на революцию, которая создала необходимые экономические, социальные и политические условия для приобщения масс к культуре. Конечно, творить мировую историю при наличии абсолютно всех непогрешимо-благоприятных шансов было бы очень удобно. Но история не доставляет участникам событий таких привилегий. Необходимые условия создаются в ходе борьбы — кровавой и бескровной, военной и мирной. Важно не забывать и другое: марксизм-ленинизм предостерегает от пренебрежения «будничной» подготовительной работой по созданию условий решения назревших проблем, выступает против левацких заскоков, против авантюризма.

Цель не только детерминируется общественными условиями, но и своеобразно отражает их. Игнорирование субъективности формы социальной цели, того, что она является идеальным образованием, продуктом мыслительной деятельности, приводит к неправомерному расширению ее границ. Некоторые исследователи, например, считают, что существует конечная цель истории, что коммунизм и есть такая цель¹³². Если стать на подобную точку зрения, то, логически рассуждая, можно прийти к выводу, будто уже в процессе становления первобытнообщинного строя было заложено начало формирования конечной цели истории — построения коммунизма. Но кем было заложено формирование этой цели? В головах кого она отражалась? Особенности целеполагающей деятельности человека вольно или невольно переносятся при таком подходе на развитие материального мира в целом. Как и всякая социальная цель, цель создания коммунизма исторически обусловлена и возникла лишь на определенной ступени развития общества, когда созрел сложный комплекс экономических, социальных, политических, духовных и других предпосылок, реальных условий для ее практического осуществления.

В связи с этим нельзя не напомнить такое нередко встречающееся в истории человеческой мысли обстоятельство. Люди данной эпохи могут весьма односторонне оценивать приобретения прошедших столетий. Богатство и многообразие форм и коллизий жизни, героика и мудрость предшествующих поколений зачастую изображаются в тусклых красках, завоевания цивилизации лишаются всякой исторической самостоятельности. Все или многое из прошлого оценивается только с точки зрения того, какое оно имеет значение для настоящего, измеряется одной мерой — аршином сегодняшних интересов и воззрений. Отсюда недооценка завоеваний мировой культуры, человеческого гения, поучительного опыта прошлого. «Так называемое историческое развитие,— замечал К. Маркс,— покоится вообще на том, что последняя по времени форма рассматривает предыдущие формы как ступени к самой себе и всегда понимает их односторонне, ибо лишь весьма редко и только при совершенно определенных условиях она бывает способна к самокритике...»¹³³

К. Маркс категорически возражал тем, кто смотрел на историю как на осуществление наперед заданной, провиденциальной цели. «Провидение, провиденциальная цель — вот то громкое слово, которым теперь пользуются для объяснения хода истории. На деле это слово не объясняет ровно ничего. Это в лучшем случае риторическая форма, один из многих способов многословного пересказывания фактов»¹³⁴. В частности, К. Маркс последова-

¹³¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 149.

¹³² См.: Категория диалектики как отражение закономерностей перехода к коммунизму. Л., 1965, с. 36.

¹³³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 42, 43.

¹³⁴ Там же, т. 4, с. 141.

тельно разоблачал несостоятельность утверждений мелкобуржуазных философов и экономистов типа П.-Ж. Прудона, которые с телеологической точки зрения рассматривали развитие отношений равенства¹³⁵. «У нас,— в связи с обсуждаемой темой подчеркивал Ф. Энгельс,— нет конечной цели. Мы сторонники постоянного, непрерывного развития, и мы не намерены диктовать человечеству какие-то окончательные законы»¹³⁶.

Чтобы принизить величие коммунистических целей и идеалов, подорвать их притягательную силу, буржуазные философы, социологи, историки создают фальшивую картину коммунистического будущего, приписывают подобную картину марксистам и таким способом «развенчивают коммунистические утопии». Коммунисты в их интерпретации будто бы хотят осуществить внеисторическую, абсолютную цель, предаются сказочным мечтаниям о конце истории, стремятся достичь окончательного завершения истории, абсолютного добра в обществе. Они, дескать, грезят об обществе, где прекращается развитие, разрешены все загадки и проблемы истории, нет затруднений, тревог, несчастий, где царят конформизм, всеобщее удовлетворение и сытость, где регламентация и стандартизация поведения индивида доведены до крайностей, а само общество превращено в комфортабельную тюрьму.

Коммунизм не имеет ничего общего с теми карикатурами, которые рисуют его враги. Марксизм-ленинизм отвергает идею конечной цели истории, конца прогресса, завершения развития человечества в будущем. Коммунизм означает не прекращение восходящего исторического развития, а, наоборот, ускорение прогресса во всех сферах общественной жизни, всестороннее и гармоническое развитие индивида, его задатков и способностей. «История,— писал Ф. Энгельс,— так же, как и познание, не может получить окончательного завершения в каком-то совершенном, идеальном состоянии человечества»¹³⁷.

У истории нет и не может быть конечной цели. Признание подобной цели означает признание ее финала. Но нельзя ли тогда ставить вопрос не о конечной цели, а просто о цели истории? На поставленный вопрос в научной литературе часто дается положительный ответ. «Марксизм,— считает, например, А. В. Борзенко,— не отрицает ни смысла, ни цели истории»¹³⁸. Речь в данном случае идет о такой цели, которая реализуется на каждой ступени общественного развития, меняет свое содержание и форму и одновременно репродуцируется на новой, более высокой ступени. Именно это имеется в виду, когда применительно к истории в целом в качестве общей цели выделяется свобода как степень господства общественного человека над окружающей природой и своими собственными общественными условиями¹³⁹.

Предлагаемая трактовка проблемы далеко не бесспорна. Не предпреляя окончательных итогов дискуссии, прежде всего отметим, что приведенные положения характеризуют, на наш взгляд, не цель, а один из способов объективного проявления исторической необходимости. Вряд ли позволительно забывать и

Другое: до возникновения марксизма действительные результаты исторического процесса были вообще непредсказуемы. В прошлые исторические эпохи люди в лучшем случае могли лишь интуитивно чувствовать восходящую направленность исторического процесса, не предвосхищая ее в виде желаемого будущего, т. е. не формулируя ее в виде цели. Вместе с тем цель, безусловно, не есть нечто внешнее по отношению к исторической действительности. Если обратиться к реальному историческому процессу, то сразу же обнаруживается такой факт: любое историческое движение (независимо от того, движением какого класса оно выступает) неотделимо от целеполагающей деятельности людей, имеет свои ближайшие и конечные цели. Однако нельзя не видеть и то, что в прошлом цели всех исторических движений лишь временно, лишь частично совпадали с объективным ходом истории. «Царство разума», например, провозглашенное идеологами ранних буржуазно-демократических революций, обернулось на деле враждебным человеку царством капиталистической наживы. Сплошь и рядом история осуществлялась вопреки целям, за которые боролись массы.

Совпадение целей исторического движения с объективным ходом и перспективой исторического процесса впервые достигается лишь в революционной борьбе рабочего класса, возглавляемого его марксистско-ленинским авангардом — коммунистическими партиями. Именно в этом движении история начинает обретать свой смысл и свои цели. Превращение на этапе развитого социализма планомерного (сознательного) в определяющую форму исторического процесса переносит проблему цели из области умозрительных рассуждений, по словам Ф. Энгельса, о том, «что история бессознательно, но необходимо работала на осуществление известной, заранее поставленной идеальной цели...»¹⁴⁰, в область реальной истории. Цель истории как объективно научное отражение в субъективной стороне исторического процесса (целеполагании исторической деятельности масс) его восходящей направленности обретает атрибутивное значение в коммунистической общественно-экономической формации.

Такой целью не на словах, а на деле становится осуществление человеческой свободы, всестороннего, гармонического развития человека. Коммунизм — это общественная форма, «основным принципом которой, — отмечал К. Маркс, — является полное и свободное развитие каждого индивидуума»¹⁴¹. «Развитие человеческих сил... является самоцелью»¹⁴². Рассматриваемая проблема

¹³⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 142.

¹³⁶ Там же, т. 22, с. 563.

¹³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 275.

¹³⁸ Борзенко А. В. Проблема цели в общественном развитии. М., 1963, с. 19.

¹³⁹ См.: Klaus G., Schulze H. Sinn, Gesetz und Fortschritt in der Geschichte. Berlin, 1967. S. 163.

¹⁴⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 305.

¹⁴¹ Там же, т. 23, с. 605.

¹⁴² Там же, т. 25, ч. II, с. 387.

представляет собой, по нашему мнению, один из аспектов проблемы перехода человечества от предыстории к подлинной истории, из «царства необходимости» в «царство свободы»¹⁴³.

6. Историческая необходимость и свобода

Проблема свободы — одна из тех, которые справедливо называют вечными. Она поистине неисчерпаема. И как бы ни были глубоки ответы, найденные в прошлом, сложный и противоречивый ход истории побуждает вновь и вновь обращаться к ее анализу¹⁴⁴. В истории человеческой мысли вокруг понятия свободы не раз разгорались жаркие споры, возникала острая полемика. Это и понятно, ибо категория свободы отражает и фиксирует деятельное отношение общественного человека к миру, его субъективность. Она неразрывно связана с пониманием глубинной сущности человеческого бытия.

Именно поэтому в различные эпохи идеологи разных классов интерпретировали свободу по-разному, подчас в резко отличающихся друг от друга смыслах. Такому положению способствовало то обстоятельство, что само понятие свободы особенно гибко, исторически изменчиво, емко, многогранно и противоречиво. Еще Гегель писал: «Ни об одной идее нельзя с таким полным правом сказать, что она неопределенна, многозначна, доступна величайшим недоразумениям и потому действительно им подвержена, как об идее *свободы*...»¹⁴⁵.

Марксизм-ленинизм исходит из того, что природа не ведает свободы, не нуждается в ней. Примениительно к миру естественных процессов термин «свобода» используется в научном лексиконе лишь чисто условно, для характеристики возможности и вероятности наступления определенного результата. Свобода пришла в мир вместе с человеком, его целеполагающей деятельностью. К. Маркс еще в ранних работах утверждал ее понимание как родовой сущности человека. И человеческое общество, и любая форма общности или объединения людей, и каждый отдельный человек не могут не обладать атрибутом свободы. Однако свобода не аналогична природным константам, она не есть нечто вневременное, всегда тождественное самому себе, абсолютное. Свобода была и есть продукт общественного развития. Она исторична, конкретна и специфична во всех своих аспектах и гранях. Возникновение классовой структуры, борьба между классами, межнациональная рознь и межгосударственная вражда — все это приводило к тому, что «распределение» свободы шло неравномерно. Одна из генеральных линий исторического развития, обнаруживающая себя как отражение глубинных противоречий общественной жизни, в том и состоит, чтобы обеспечить всем и каждому реальную свободу в той мере и на том уровне, в какой она достигается совокупным субъектом — человечеством.

Верное понимание свободы невозможно вне установления ее взаимосвязи со всеобщей детерминацией явлений материального

мира. Обладающий свободой действия общественный человек формирует свой человеческий мир. Но формирует он его лишь в меру постижения объективной необходимости, выступая и как творец, и как творимый. Свобода в этом случае и обнаруживает себя в виде необходимости, ставшей имманентной субъекту. Когда необходимость «внешней» для субъекта деятельности обретает значение «его» внутренней необходимости, тогда она предстает как свобода, становится свободой. Поскольку всякая необходимость выражает всеобщее, постольку свобода всегда есть обнаружение всеобщего в конкретном. Это как бы конкретная единичная фиксация необходимого хода событий, воплощенная в избирательной активности субъекта. Выражение глубинной социальной сущности в форме наиболее адекватной паличной ситуации и в то же время в неповторимо конкретном виде как раз и образует сферу свободного действия. Выбор и достижение тех путей претворения необходимости, которые наиболее оптимально отвечают интересам субъекта,— в этом и состоит свобода. Свобода потому и противостоит необходимости (выходя из нее и обуславливаясь ею), что она сама созидает, строит, создает новую, «иную» необходимость.

Категория необходимости, отражая формы всеобщности в детерминации изменяющихся объектов, фиксирует такие существенные связи между явлениями, которые обуславливают четко определенное направление происходящих изменений, основное русло развития. При наличии достаточных условий там, где действует необходимость, соответствующий результат наступает обязательно. Однако этот результат не всегда однозначен. Напротив, во многих случаях имеет место обширная совокупность реальных возможностей, определяющих многообразие конкретных единичных проявлений общего необходимого результата. Специфичность и уникальность такого результата зависят от диалектической соотношенности необходимости со случайностью, от взаимодействия разнонаправленных потоков необходимых событий, от противоречивой связи закона и явления, общего и единичного и т. д. Учет всего этого неотделим от выявления места и значения свободы в человеческой деятельности и, следовательно, развертывания исторического процесса.

Метафизическое представление о несовместимости свободы и необходимости заводит проблему свободы в тупик. Оно порождает те крайние позиции, которые, причудливо сочетаясь, характери-

¹⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 8; т. 20, с. 295.

¹⁴⁴ Давидович В. Е. Проблемы человеческой свободы. Львов, 1967; Джиганов О. И. Природа исторической необходимости. Тбилиси, 1967; Бычко И. В. Познание и свобода. М., 1969; Ирибаджак Н. Ключ перед судом буржуазной философии. М., 1972; Николаева Л. В. Объективные и субъективные факторы социального прогресса и свобода. М., 1974; Мхитарян Г. Е. Свобода и историческая необходимость. Ереван, 1976; Березин О. Г. Ленин о свободе и необходимости. Харьков, 1978; Рубцов Н. И. Коммунизм и свобода. Минск, 1978; Косолапов Р. И. Социализм: К вопросам теории. М., 1979; и др.

¹⁴⁵ Гегель Г. В. Ф. Соч. М., 1956, т. 3, с. 291.

зуют пониманіе этой проблемы многими немарксистскими исследователями.

Абсолютизация необходимости, отрицание возможности для человека воздействовать на объективные условия своего бытия прямой дорогой ведут к фатализму. Кредо фатализма старо, оно сводится к утверждению: чему быть — того не миновать, все предначертано от века. Еще Аристотель рассматривал необходимость как некий антипод свободы. «...Принято считать, — писал он, — что необходимость нельзя переубедить, (принято) справедливо, ибо она идет наперекор движению, происходящему по выбору и согласно разумному рассуждению»¹⁴⁶.

Метафизическое представление о несовместимости свободы и необходимости гносеологически может опираться на различные основания. Фатализм может основываться на абстрактном механистическом детерминизме. Он может развиваться также на теологической, идеалистической основе. Фатализм первого рода по сути дела вытекает из натуралистического истолкования истории. Он неизбежен во всех тех случаях, когда природная необходимость безоговорочно, целиком и полностью переносится на общество без учета специфики исторического процесса, связанного с сознательным целеполаганием. Неуклонный и неумолимый детерминизм природы, автоматически переносимый на общество и интерпретируемый в духе лапласовского учения о причинности, не оставляет места для свободного человеческого действия.

Рассматривая фатализм, возникший на идеалистической основе, мы сталкиваемся с тем, что наиболее ярко он выражен в религиозных учениях. Догматы о предначертанности личного бытия, о предопределении исторического развития событий — все это типично для теологического мышления. Очень метко подобные воззрения обозначил русский религиозный философ В. С. Соловьев, характеризуя сущность лютеранского учения о воле божьей как необходимости всех вещей. «Мы сами, — замечал он, — непринужденно хотим и действуем, но по определению высшей, абсолютной необходимости. Мы бежим сами, но лишь туда, куда правит наш всадник — или Бог, или дьявол»¹⁴⁷. Мистико-религиозные, эсхатологические, проникнутые фаталистическим умонастроением трактовки истории и поныне активно функционируют в идеологической жизни стран капитала. Так, христианская теология истории неизменно возглашает, что бог есть «глубокая и интимная связь, объединяющая воедино фазы истории», тот фактор, который «обеспечивает их последовательность и сочетание согласно общему плану движения творения к торжественно венчающей его фазе»¹⁴⁸. Теологический фатализм во всех его конфессиональных модификациях по-прежнему живуч.

Вместе с тем в современных условиях среди буржуазных философов более широкое распространение имеют не фаталистические, а волюнтаристские воззрения. Наиболее откровенное выражение они получили еще в прошлом веке в сочинениях А. Шопенгауэра и Ф. Ницше. Сущность этих взглядов, воздвигнувших

концептуальную основу современного волюнтаризма, хорошо известна: воля есть вечное абсолютное становление, не подчиненное какой бы то ни было необходимости, она не знает объективной детерминации. «Необходимость,— писал Ф. Ницше,— не факт, но интерпретация» и дальше: «Если что-нибудь происходит так, а не иначе, то в этом нет еще никакого „принципа“, „закона“, никакого „порядка“, а просто действуют известные количества силы, сущность которых заключается в том, чтобы проявлять свою власть на всех других количествах силы»¹⁴⁹. Подобные утверждения представляют собой типичный образчик индетерминизма. Онтологический волюнтаризм — это теоретическое оружие борьбы против марксистско-ленинской идеи закономерности исторического процесса, против материалистического понимания истории. Понятно, что сегодня трудно столь откровенно, как Ф. Ницше, с полным пренебрежением к фактам открыто воспевать волюнтаристический произвол. Но дело не меняется от того, открыто или завуалированно выражаются волюнтаристические воззрения. Несомненно, что волюнтаризм в форме психологизма в большей или меньшей степени присущ большинству современных буржуазных социально-философских и социологических теорий. Характерно, что в наши дни волюнтаризм сравнительно редко выступает в прямолинейно оголенном виде, маскируясь то в облике поппулизма (абсолютизирующего возможности, утверждающего безбрежный «плюрализм возможностей»), то в форме пробабиллизма (спекулирующего на утверждениях о равновероятности любых последствий сегодняшних событий). Экзистенциалистские идеи и пресловутая теория «открытого общества», левые экстремистские установки, маоизм и неофашистский авантюризм — все они замешаны на волюнтаристическом понимании хода исторических событий. Единственная свобода, которая ими признается,— это свобода от необходимости.

Отвергая в теории и на практике несостоятельные концепции фатализма и волюнтаризма, марксизм-ленинизм обосновал четкое, глубоко диалектическое решение проблемы связи детерминизма и свободы, необходимости и целеполагающей деятельности людей. Классическая формула соотношения необходимости и свободы дана Ф. Энгельсом. «Не в воображаемой независимости от законов природы,— пишет он,— заключается свобода, а в познании этих законов и в основанной на этом знании возможности планомерно заставлять законы природы действовать для определенных целей. Это относится как к законам внешней природы, так и к законам, управляющим телесным и духовным бытием самого человека,— два класса законов, которые мы можем отделять один

¹⁴⁶ Аристотель. Метафизика. М.; Л., 1934, с. 83.

¹⁴⁷ Энциклопедический словарь/Под ред. П. Е. Андреевского. Брокгауз и Ефрон, СПб., 1900, т. 57, с. 155.

¹⁴⁸ Houtart F. L'Eglise et le monde. P., 1964, p. 90, 91.

¹⁴⁹ Ницше Ф. Полн. собр. соч. М., 1910, т. 9, с. 258, 339.

от другого самое большее в нашем представлении, отнюдь не в действительности. Свобода воли означает, следовательно, не что иное, как способность принимать решения со знанием дела. Таким образом, чем *свободнее* суждение человека по отношению к определенному вопросу, с тем большей *необходимостью* будет определяться содержание этого суждения; тогда как неуверенность, имеющая в своей основе незнание и выбирающая как будто произвольно между многими различными и противоречащими друг другу возможными решениями, тем самым доказывает свою несвободу, свою подчиненность тому предмету, который она как раз и должна была бы подчинить себе. Свобода, следовательно, состоит в основанном на познании необходимостей природы [Naturnotwendigkeiten] господстве над нами самими и над внешней природой; она поэтому является необходимым продуктом исторического развития»¹⁵⁰.

Приведенные положения хорошо известны, подлинно хрестоматийны, и их непреходящую методологическую значимость трудно переоценить. Практическая, целеполагающая, избирательная деятельность, выражающая необходимость, и есть свободная деятельность. Это та активность субъекта, которая превращает потенциальную необходимость в актуальную, осуществимую — в осуществленную, возможность и вероятность — в реальную действительность.

История, представляя собой деятельность сменяющих друг друга поколений людей, может быть рассмотрена как история становления, расширения и утверждения свободы, возрастания власти общественного человека над природой и общественными отношениями. Полагая нарастание свободы в виде внутреннего содержания исторического процесса, представляется возможным теоретически точно обозначить те противоречия в соотношении исторической необходимости и свободы, которые присущи основным этапам движения человечества от своего зарождения до наших дней.

Корни свободы следует искать в глубине истории, у ее истоков. Современная диалектико-материалистическая теория антропогенеза дает возможность с большей или меньшей определенностью указать тот переломный момент эволюции человеческого рода, когда уже правомочно говорить о возникшей исторической необходимости, порождающей в своем лоне свободу. Ни само по себе морфофизиологическое развитие семейства гоминид, ни отдельно взятый процесс совершенствования орудийной деятельности и т. п. пороژнь еще не создают общественной жизни, не создают человеческой свободы. Она утверждается в самых первых своих проявлениях лишь тогда, когда эколого-биологические связи отходят на второй план и в качестве главной системообразующей связи выступают отношения по производству, а само производство человека как социального существа становится родовым способом его бытия. Лишь с этого рубежа, на что уже обращалось внимание, правомерно говорить о начале человеческой

истории, исторической необходимости и возникающей на ее основе свободы. Дальнейшие ступени, уровни, этапы свободы могут быть поняты и истолкованы лишь в свете учения исторического материализма об общественно-экономических формациях.

Необходимость и свобода в реальном процессе исторического развития и обогащения человеческой сущности соотносятся как унаследованная деятельность и деятельность порождающая, как предпосылки деяний и сами деяния, как объективность и субъективность в движении социального универсума. Необходимость задает условия, в рамках и на основе которых общественный человек выявляет свою свободу, обнаруживает себя как *Нотум креатор* — творец своей истории.

Однако логика истории оказалась такова, что с возникновением классов на пути человечества к свободе наряду с природными встали и социальные преграды. После возникновения рабовладельческого общества вопрос о свободе перестает быть лишь вопросом об отношении человека к природе, он стал и вопросом об отношении людей друг к другу. Преградой для свободы одного человека стал другой человек, одного класса — другой класс. Главной причиной этого явилась частная собственность. «Если продукт труда не принадлежит рабочему, — писал К. Маркс, — если он противостоит ему как чуждая сила, то это возможно лишь в результате того, что продукт принадлежит *другому человеку, не рабочему*. Если деятельность рабочего для него самого является мукой, то кому-то другому она должна доставлять *наслаждение и жизнерадостность*»¹⁵¹. Кровью и потом трудящихся полита дорога, ведущая человечество к свободному управлению собственной историей.

Последним историческим препятствием на пути человечества к «царству свободы» стал капитализм. Капиталистическая формация наиболее наглядно обнаруживает черты диалектики необходимости и свободы, которая в общем виде присуща всем формам общественного устройства, где налицо частная собственность на средства производства, антагонистические классы, эксплуатация человека человеком. В основе исторически конкретного проявления диалектики необходимости и свободы лежит исторически определенный характер необходимости. Именно это обуславливает особенность субъекта социально-исторической свободы, его возможности, характер социальных целей.

Как уже отмечалось, одной из специфических черт досоциалистического развития выступает стихийность. Общественные законы проявляются здесь как нечто неподвластное людям, а объективный результат событий зачастую оказывается прямо противоположным социальным целям. Надо также заметить, что в антагонистическом обществе историческая необходимость, представляя закономерную направленность действий людей, об-

¹⁵⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20 с. 116

¹⁵¹ Там же, т. 42, с. 95, 96.

наруживает себя по-разному в деятельности различных классов. Поэтому материалист, отмечал В. И. Ленин, не должен ограничиваться лишь указанием на необходимость процесса: он обязан выяснять, «какой именно класс определяет эту необходимость»¹⁵². Иначе говоря, осуществление исторической необходимости ложится на плечи того класса, который к этому подготовлен, выражает на данном этапе развития интересы социального прогресса, становясь тем самым субъектом социально-исторической свободы. В наши дни на планете есть лишь один класс — международный рабочий класс с его величайшим детищем — содружеством стран социализма, который может полагаться как реальный субъект свободы. Буржуазия конца XX столетия — класс исторически обреченный, ее возможности свободного воздействия на ход истории резко ограничены и все более суживаются. Политики и идеологи буржуазии выдают за свободу лишь видимость свободы, они лишены возможности управлять действительным ходом событий, находятся в зависимости от социальной стихии. «Для марксиста,— писал В. И. Ленин,— стихийные силы воплощаются в *классе* буржуазии, который является продуктом и выражением общественной «жизни», представляющей из себя капиталистическую общественную формацию»¹⁵³. Сказанное, разумеется, не означает, что деятели буржуазии совершенно не могут использовать в определенных целях действие общественных законов. Практика экономической и политической жизни современного капиталистического мира показывает, что его политики и дипломаты, промышленники и финансисты обнаруживают подчас немалую изобретательность и изворотливость, добиваясь достижения своих классовых целей. Но такая деятельность узкоэмпирична. Она совершается под давлением обстоятельств, без исторической перспективы.

Возрастание экономической роли буржуазного государства, регулирование экономического процесса — это несомненные факты. Вместе с тем управление всем ходом общественного развития, реальное овладение полнотой исторической необходимости, т. е. социально-историческая свобода, недоступны для буржуазии как класса. Только рабочий класс оказывается способным в лице своих идеологов научно познавать историческую необходимость и своими практическими действиями, своей классовой борьбой прокладывать ей дорогу. Речь в данном случае идет о действиях класса, взятого как целое, о массовых действиях. Свобода класса обнаруживается именно в том, что его совокупные действия осуществляются в русле общеисторической необходимости сообразно социальной цели, выражающей эту необходимость.

Совпадение интересов рабочего класса с глубинным направлением исторического процесса, осознание таких интересов и их формулирование в виде целей классовой борьбы — важнейшие предпосылки его действительной социально-исторической свободы. Хорошо известно марксистское положение о том, что рабочий класс не может освободиться, не освобождая все общество, всех

трудящихся и угнетенных. По сути дела такая классовая борьба есть борьба за снятие социальных ограничений с трудящегося человека, за обеспечение его самореализации, за свободное раскрытие его творческих сил. В классово-антагонистическом обществе вне и помимо классовой борьбы историческая необходимость не пробивает и не может пробить себе дорогу. Она выступает здесь как главная форма диалектики исторической необходимости и свободы.

Мы уже приводили оценку К. Марксом всех докоммунистических формаций как предыстории человечества. Смысл этого глубокого, внешне парадоксального тезиса в том, что прогресс свободы в прошлом не создавал условий для сознательного построения людьми собственной истории. Контроль и господство над общественными процессами, их целенаправленное регулирование в масштабах всего общества были невозможны. Общественный человек в подавляющем большинстве случаев оказывался во власти стихийно складывающихся обстоятельств. Сознательная деятельность передовых классов, выразителей восходящей направленности исторического процесса, выступала подобно островкам в бушующем океане слепых сил частнособственнической социальности.

Социалистическая революция коренным образом преобразует положение, изменяет то соотношение необходимости и свободы, объективных и субъективных факторов, которое складывалось в прошлом. «Коммунизм,— писали К. Маркс и Ф. Энгельс,— отличается от всех прежних движений тем, что совершает переворот в самой основе всех прежних отношений производства и общения и впервые сознательно рассматривает все стихийно возникшие предпосылки как создания предшествующих поколений, лишает эти предпосылки стихийности и подчиняет их власти объединившихся индивидов...»¹⁵⁴ Приведенная мысль создателей исторического материализма ярко вычленяет то главное, что связано с качественным изменением соотношения необходимости и свободы, возникновением нового типа общественного прогресса, открытием дороги к тому, что можно охарактеризовать как начало всемирно-исторического перехода из «царства необходимости» в «царство свободы».

Прежде всего изменяется характер исторической необходимости. Из отчужденной, стихийной, «слепой», внешней она становится «зримой», подчиненной сознательным целям человека, «внутренней», т. е. в основных своих чертах рационально воспринимаемой и осознаваемой людьми. Изменяются и субъекты свободной деятельности. Существование частной собственности предопределяло то обстоятельство, что субъекты исторического действия выступали, как правило, в виде совокупности атомизи-

¹⁵² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 418.

¹⁵³ Там же, с. 364.

¹⁵⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 70, 71.

рованных единиц с противостоящими интересами. Реальные связи, объединяющие хозяйственные единицы той или иной страны в экономическое целое, утверждались независимо от воли и сознания хозяйствующих субъектов. Объективный результат развития в этих условиях всегда оказывался не совпадающим с намерениями людей. В такого рода социальных организациях цели отдельных людей, их социально-исторических общностей и устойчивых объединений как бы взаимно погашались. Общественный человек зачастую оказывался более или менее пассивным объектом исторических свершений. Классовые антагонизмы ограничивали свободу деятельности общественных субъектов, противостояли назревающим возможностям управления людьми своей историей. Утверждение общественной собственности возводит субъекты исторического действия на иной уровень их единства и целостности, создает действительную коллективность в отношениях всех членов общества.

Уже сейчас в реальных условиях развитого социализма трудящиеся массы можно рассматривать как содружество хозяев основных средств производства. Разумеется, такая характеристика должна учитывать сегодня существование в социальной структуре близких, но еще отличающихся друг от друга рабочего класса, крестьянства, интеллигенции. И все же единая ассоциация производителей, которая достигнет своего полного расцвета с утверждением коммунизма, в своих истоках и основных чертах уже налицо. На пути к бесклассовой структуре общества, достижимой в главном и основном в исторических рамках зрелого социализма¹⁵⁵, субъекты исторического действия становятся все более едиными и монолитными, способными к объединению миллионов волей в одну, сосредоточению усилий всех в одном направлении. Разумеется, подобное «выпрямление» не идет за счет ограничения свободы личности. Оно имеет своей необходимой предпосылкой личную свободу, понимаемую как свободу самореализации каждого общественного индивида.

Особенность диалектики исторической необходимости и свободы в условиях, присущих коммунистической общественно-экономической формации, нашла свое выражение в известном теоретическом положении, завершающем вторую главу «Манифеста Коммунистической партии»: «На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»¹⁵⁶. Приведенная формула, ставшая конституционным принципом развитого социализма, содержит обобщенную характеристику фундаментальных особенностей коммунизма как нового общественного строя — «царства свободы».

К проблеме социально-исторической свободы в условиях коммунистической формации также следует подходить исторически конкретно. И с победой коммунизма она никогда не станет исчерпывающей, абсолютной, безмерной. Она всегда будет «изме-

рима», вырастать из необходимости, выступать познанием необходимости, овладением ею. Действительность общественной жизни всегда останется богаче ее предварительного осмысления. Как бы далеко ни научилось человечество заглядывать вперед, объективные условия будут определять выдвижение новых целей, порождать новые общественные задачи. Свобода в этом отношении не есть нечто застывшее, однажды данное, статичное. Она представляет собой движение, процесс, выступая одновременно и целью, и средством, и условием полноправного человеческого бытия. Движение человечества к свободе беспредельно, как беспредельны и необозримы возможности познания и преобразования мира. Чем больше будет совокупная мощь ассоциированного коммунистического человечества, тем богаче и ярче развернутся его творческие созидательные силы, тем ярче и полнее будет свобода.

Политико-идеологическое рассмотрение соотношения свободы и необходимости исходит из того, что в историческом противоборстве двух мировых социальных систем проблема свободы занимает особое место. В ней сходятся и объединяются в один центральный узел многие другие идеологические и теоретические вопросы, проблемы политики и повседневной жизни. Не откажешь, например, в наблюдательности американскому советологу Джеймсу О'Рурку, начинающему свою книгу «Проблема свободы в марксистской мысли» с заявления: «Было бы трудно обнаружить принципиальную концепцию, в отношении которой взгляды Востока и Запада расходились, по-видимому, более значительно, чем по концепции свободы человека... Один из самых принципиальных и ожесточенных споров между коммунистическим и некоммунистическим мирами идет по вопросу о том, кто из них является подлинным стражем свободы»¹⁵⁷.

«Свобода против социализма» — с этим лозунгом ведут в ФРГ политическую борьбу реакционеры из ХДС-ХСС. «Свобода или социализм» — провозглашают организации британских консерваторов. Запад и только Запад есть и может быть колыбелью свободы — все громче и настойчивее звучит в речах государственных деятелей капиталистических стран, в статьях буржуазных публицистов и выступлениях радиокомментаторов, в философских фолиантах и избирательных обещаниях. Проблема свободы вновь и вновь выдвигается идеологами антикоммунизма на первый план, рассматривается ими как один из главных контраргументов в борьбе против реального социализма.

Возникшую ситуацию нельзя считать неожиданной. Роль и значение проблемы свободы как краеугольного камня, отделяющего и противопоставляющего идеологические позиции капитализма и социализма, давно отмечены марксизмом. Стоит напом-

¹⁵⁵ См.: Материалы XXVI съезда КПСС, с. 53.

¹⁵⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 4, с. 447.

¹⁵⁷ O'Rourke J. S. The Problem of Freedom in marxist thought. An Analysis of the Treatment of Human Freedom by Marx, Engels, Lenin and Contemporary Soviet Philosophy. Boston, 1974, p. 3.

нить, что еще в мае 1919 г. В. И. Ленин в речи «Об обмане народа лозунгами свободы и равенства» четко и ясно противопоставил пролетарское и буржуазное понимание свободы. В основу марксистского истолкования свободы, представленной как идеал, цель, лозунг, В. И. Ленин положил принцип классового конкретно-исторического анализа. Он подчеркивал, что «свобода, если она не подчиняется интересам освобождения труда от гнета капитала, есть обман»¹⁵⁸. Уже тогда В. И. Ленин прозорливо предупреждал: всемирный капитал, создавший свою «буржуазную свободу», использует «свободную» фразеологию для борьбы против идей и политики рабочего класса, выдвинет против нас свое «знамя свободы»¹⁵⁹.

Марксистско-ленинскому идеалу подлинной свободы, построенному на признании того, что свобода общества и личности есть продолжение и выражение исторической необходимости, буржуазные и ревизионистские теоретики противопоставляют некую расплывчатую, неуловимую «ценность», якобы изначально присущую всем и каждому. В центре потока рассуждений о свободе, извергаемого средствами массовой информации капиталистических стран, стоят идеалы свободы, сформулированные идеологами поднимающейся буржуазии. В свое время они были прогрессивны и, несомненно, сыграли положительную роль в борьбе против феодализма. Однако и тогда они были узки и исторически ограничены, провозглашая лишь свободу частного интереса и частного произвола, бизнеса и конкуренции, права на своекорыстие. С утверждением государственно-монополистического капитализма и от этих раннебуржуазных идеалов свободы осталась лишь пустая словесная оболочка. Ее-то и поднимают на щит защитники исторически обреченного строя, тревожа тени демократов и просветителей былых времен, клянясь именами Т. Джефферсона и А. Линкольна, потрясая томиками Ж.-Ж. Руссо и К. А. Гельвеция.

Характерным приемом нынешних буржуазных теоретиков является попытка представить свободу как своего рода вневременную константу индивидуального бытия, взятую помимо социально-экономических обстоятельств. Поэтому все их разговоры о свободе человека так или иначе ведут к замыканию ее в сфере узко трактуемой политики да области досуга. Пропагандистская машина обрушивает на головы обывателей лавину восхвалений возможностей индивидуальных действий, гайдпарковского суесловия, плюрализм взглядов, права «на своеволие» и т. п. Социальный идеал действительной свободы подменяется иллюзией индивидуалистической независимости «в мелких делах». Однако вся эта пресловутая «свобода» бесцеремонно выдворяется из области производства, экономики, большой политики — короче, действительной общественно-исторической практики. Такова реальная подоплека всех кличей о личной свободе. Примечательны в этом отношении повомодные идеи Д. Бэлла о «сфере» культуры, в которой якобы безраздельно господствуют гедонистические установки, торжествует «вседозволенность» в противовес функциональ-

ной рациональности производства, жестко ориентированного на эффективность¹⁶⁰. Призрачный мир фантомов свободы, прикрывающий безжалостную, бесчеловечную систему всеобщего гнета и порабощения, — таков подлинный мир капитализма.

В противоположность современным буржуазным и ревизионистским концепциям свободы, подменяющим историческую действительность ее иллюзиями, диалектико-материалистическое понимание свободы есть адекватное отражение этой действительности. Оно неотделимо от познания и преобразования мира, представляя собой, по образному выражению В. И. Ленина, «прыжок от теории к практике»¹⁶¹. Именно поэтому диалектика свободы и необходимости, завершая в нашем рассмотрении характеристику всеобщих начал и моментов человеческой деятельности — ее непосредственных предпосылок и системообразующих компонентов, становится своеобразной методологической установкой, ориентирующей дальнейшее исследование исторического процесса под углом зрения практической деятельности людей, их общественно-исторической практики.

¹⁵⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 347.

¹⁵⁹ См.: Там же.

¹⁶⁰ См.: Bell D. The Cultural contradictions of Capitalism. L., 1976, p. XI, XII, 11, 13, 14.

¹⁶¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 197.

ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

1. Практика и ее основные виды

Великое открытие К. Маркса, позволившее ему осуществить революционный переворот в философии, коренным образом переориентировать задачи философского осознания действительности, состояло в обосновании подлинной роли практики в истории человека и человеческого общества, ее определяющего значения по отношению к познавательной деятельности и как следствие всего этого введения категории практики в «святая святых» теоретической мысли — в философию. Уже в своих ранних работах К. Маркс обратил внимание на преобразующую, а не просто объясняющую функцию теории. В дальнейшем он связал эту функцию с тем, что теория служит практике и обретает подлинную силу лишь в связи и на основе практики. Критически перерабатывая и критически усваивая гегелевские идеи о духовно-творческом освоении объекта, его догадки о роли труда в развитии общества, К. Маркс постепенно пришел к созданию целостной диалектико-материалистической концепции практики¹.

Какое значение придавал данной проблеме сам К. Маркс, видно из того, что в 1-м тезисе о Л. Фейербахе он назвал главным недостатком всего предшествующего материализма его созерцательный характер. Отсюда преодоление именно этой черты ограниченности старой философии стало своеобразным рычагом всего переворота, в ходе которого была раскрыта роль труда, материально-производственной деятельности, общественной сущности человека, специфического характера его отношения к природе и вырастающего на такой основе познавательного процесса. Учение о практике — не просто одна из черт революционного переворота, совершенного К. Марксом и Ф. Энгельсом в философии. Оно и своеобразное интегрирующее начало новой философии. По справедливому замечанию Т. Ярошевского, марксистское понимание практики не может быть сведено «к банальному утверждению, что теория должна служить революционной практике», но предполагает признание «имманентного наличия категории „практики“ во всей системе марксистской теории, в самом подходе к решению отдельных философских проблем»².

Глубочайшее проникновение в суть учения К. Маркса о практике обнаруживаем мы в работах В. И. Ленина, где это учение одновременно развивается и обогащается. В. И. Ленину принадлежит заслуга обоснования органического единства принципов материализма и практики в философии диалектического материа-

лизма, теории отражения и творческой активности человека. Анализируя социальные процессы, В. И. Ленин всесторонне раскрыл механизм общественно-исторической практики классов, показал связь революционного действия и революционной теории. Опираясь на труды основоположников марксизма-ленинизма, исследователи-марксисты СССР и зарубежных стран, прежде всего социалистических, внесли определенный вклад в теоретическую разработку этой необычайно сложной и важной проблемы. Причем за последнее десятилетие внимание и интерес к ней повысились, что объясняется не только ее значимостью, но и тем, что проблема практики стала объектом острой идеологической борьбы.

Сложилась парадоксальная на первый взгляд ситуация, когда противники марксизма выступают под маской его защитников от так называемых «созерцательных» материалистов, выбрасывающих якобы практику из философии. Практика без материализма, практика как единственная реальная субстанция — таково кредо современного философского ревизионизма. Естественно, что борьба против этого опасного идеологического течения вызвала повышенный интерес к проблемам практики, обусловив тем самым появление ряда новых работ, специально посвященных критике наших идеологических противников³.

В сложившейся ситуации представляется важным, опираясь на то, что уже сделано в нашей литературе, рассмотреть вопросы, которые пока еще мало разработаны или являются предметом острых дискуссий. В соответствии с логикой монографии мы сосредоточим внимание на тех из них, которые непосредственно относятся к теории исторического процесса, дифференцируем и постараемся определить основные виды практики, подчеркнем диалектику объективного и субъективного в практической деятельности людей, а также роль общественно-исторической практики в преобразовании исторических форм. В дальнейшем мы вновь вернемся в нашем труде к практике, чтобы осмыслить ее в связи и на основе материалистического решения основного вопроса философии применительно к обществу.

Итак, что такое практика, какие стороны жизни общества охватываются этим понятием? В литературе имеется большое число определений практики. Не будем воспроизводить их все, заметим лишь следующее: до настоящего времени продолжают попытки дать краткое, раскрывающее сущность вопроса определение практики⁴. Подавляющее большинство авторов прежде всего вы-

¹ См.: *Самарская Е. А.* Понятие практики у Маркса и современные дискуссии: О диалектике объективного и субъективного в историческом процессе. М., 1977.

² *Ярошевский Т. М.* Размышления о практике: По поводу интерпретации философии К. Маркса. М., 1976.

³ См.: *Хофман Д.* Марксизм и теория «праксиса». М., 1978; Актуальные проблемы марксистской философии. М., 1974.

⁴ См.: *Стойкович А.* Отражение и практика. — В кн.: Актуальные проблемы марксистской философии. М., 1974, с. 83; *Элез И.* Категория практи-

деляют такие ее черты, которые, как правило, не вызывают возражений.

(1) Практика — специфически человеческая форма деятельности, качественно отличающаяся от деятельности животных, «запрограммированной» их биологической природой. Понятие практики выработано для характеристики жизнедеятельности человеческого общества. (2) Практика — деятельность людей, направленная на преобразование природы и общества. В противоположность познавательной деятельности практика имеет своим результатом объективно-реальное преобразование мира. Если в сознании мир отражается и «творится» в идеальных образах и моделях, то в ходе практики осуществляется перевод этих моделей в действительность. (3) Практика — деятельность, которую субъект осуществляет для достижения определенной, заранее поставленной цели. (4) Практика имеет общественно-исторический характер. Конкретные виды практики зависят от уровня развития общества, в классовом обществе — прежде всего от его социально-классовой структуры и т. д. Практика общественно-исторична и в том смысле, что цели действующего субъекта в конечном счете всегда обусловлены обществом.

При определении практики все чаще пользуются сейчас категориями субъекта и объекта. Нам представляется это правильным и плодотворным. Во-первых, категория «объект» дает возможность конкретно-исторически поставить вопрос о предмете приложения человеческих сил. В качестве такового выступают уже не сами по себе природа и общество, на что нацеливают традиционные определения практики, а сфера, сторона объективной реальности, охваченная общественными отношениями и втянутая в конкретный вид человеческой деятельности. Во-вторых, введение категории «субъект» вместо обычного «человек», «человечество» ориентирует на выделение конкретно-исторического деятеля, что имеет особое значение при анализе исторического процесса. В-третьих, соотнесение категорий «субъект» и «объект» помогает раскрыть диалектическую связь близких к ним, но не тождественных категорий — субъективное и объективное — и перейти к анализу субъективных и объективных моментов человеческой деятельности. В-четвертых, эти категории являются исходными для выделения двух взаимосвязанных, но играющих разную роль сторон практики: объект определяет в конечном счете способы деятельности с ним, субъект же является активным началом, носителем действия. В-пятых, они позволяют глубже и всесторонне раскрыть единство в практике деятельности и общественных отношений, представить практику в качестве конкретно-исторического явления.

С учетом вышезложенного общественную практику можно определить как деятельность конкретно-исторического субъекта, в ходе которой он осуществляет материальное преобразование объекта в соответствии со своими целями, идеальной моделью действительности и знаниями о его свойствах и благодаря связи

в этом процессе опредмечивания и распредмечивания преобразует самого себя. Сформулированное определение, хотя и выглядит несколько громоздким, позволяет, по нашему мнению, охватить все многообразные виды общественной практики и отличить ее от такой деятельности, которая практикой не является. В самом деле, субъект может преобразовывать природу или общество, он может пользоваться примитивным орудием или управлять автоматической линией, действовать со знанием законов или стихийно, но при всем своеобразии этих действий все они охватываются понятием «практика», поскольку речь идет о целенаправленном, объективно реальном изменении действительности. Во всех данных случаях субъект осуществляет своей деятельностью перевод идеального в материальное. И именно он, субъект, является активной силой преобразования.

Любая форма практики ведет к изменению обеих сторон взаимодействия. Не только субъект преобразует объективный мир, на что обычно указывается в определениях практики, но (что не менее важно) изменяется в ходе деятельности и сам субъект. Последний переводит в форму предметности свои силы, знания, навыки, замыслы и одновременно присваивает себе объект, открывает в нем неизвестные ранее свойства, превращает их в новый объект познания и преобразования, развивает потребности в себе самом, т. е., говоря иначе, постоянно совершенствует самого себя. Универсальность человека может быть понятна только на основе практического взаимодействия субъекта и объекта, в ходе которого изменяется и объект, и субъект. В противном случае такой процесс должен был бы завершиться на каком-то этапе. Подчеркивая неразрывную связь изменения объективных условий и субъекта деятельности, К. Маркс писал о М. Штирнере: «На одной стороне у него — «изменение существующих условий», а на другой — «люди», и обе эти стороны совершенно оторваны друг от друга. Санчо и не подумает о том, что «условия» были искони условиями этих людей и что эти условия никогда не могли изменяться без того, чтобы изменялись люди...»⁵.

Однако общее определение практики, когда ставится вопрос об историческом процессе, нуждается в конкретизации. Ведь совершенно очевидно — воздействие людей на природу и воздействие их на систему общественных отношений далеко не одно и то же. Для каждого из них характерны свои собственные способы «обработки» объекта, свои специфические средства.

В общем виде в научной литературе утвердилась точка зрения, согласно которой различаются производственный (материально-производственный) и социальный (социально-преобра-

ки в трудах К. Маркса. — В кн.: Практика и познание. М., 1973, с. 48; Ярошевский Т. М. Размышления о практике. М., 1976, с. 95—96 и др.
⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 377.

зующий) виды практики⁶. Но подобное разделение дается, как правило, без достаточного логического обоснования, более того, социально-преобразующая практика не рассматривается в категориальном значении. Обычно после указания на материально-производственную практику идет перечисление конкретных форм социально-преобразующей практики: революция, классовая борьба, национально-освободительное движение и т. д. Вследствие этого и в курсах исторического материализма рассмотрение практики, ее функционирования и роли в общественной жизни подменяется очень важными, по все же самостоятельными темами «классовая борьба», «социальная революция» и т. п., каждая из которых и даже все в совокупности не могут заменить социально-философского анализа общественно-исторической практики как категории исторического материализма.

Основанием выделения двух названных видов общественной практики выступает специфика их объектов⁷. Объектом первого является природа, объектом второго — общественные отношения, а также совокупность общественных институтов, закрепляющих эти отношения. Цель первого вида практики — преобразование природы в соответствии с постоянно изменяющимися, развивающимися потребностями людей. Цель второго вида практики — преобразование общественной жизни в соответствии с интересами определенных социальных групп, в классовом обществе — прежде всего классов или общества в целом. В этом, по нашему мнению, суть различия К. Марксом «обработки природы людьми» и «обработки людей людьми» как двух относительно самостоятельных, имеющих свои специфические особенности процессов. «Обработка природы людьми» и будет в дальнейшем называться, учитывая сложившуюся терминологию, производственной, точнее, материально-производственной практикой, а «обработка людей людьми» — социально-преобразующей практикой.

2. Деятельность и практика.

Практическая и теоретическая деятельность

Определение практики и выделение двух ее видов позволяют перейти к рассмотрению вопроса, который не имеет однозначного решения в философской литературе, а именно: какова сфера применения этого понятия, охватывает ли оно всю жизнь общества, во всех ее проявлениях, или оно относится лишь к какой-то определенной стороне общественной жизни. В литературе данный вопрос довольно часто в неявной форме затрагивается тогда, когда не проводится четкого разграничения между понятиями деятельности и практики. Поэтому обсуждение вопроса о практике как специфической форме деятельности целесообразно начать с анализа соотношения этих понятий.

На наш взгляд, понятие практики следует отличать от родственного ему понятия деятельности. Отсылая читателя к первой главе настоящего раздела книги, еще раз подчеркнем: деятель-

ность — способ существования и развития исторической действительности. В обществе любые формы бытия, начиная от общественных отношений и кончая теоретическим воспроизведением объекта, могут существовать единственно возможным способом — через деятельность людей и в их деятельности. В этой связи некоторые авторы приходят к фактическому отождествлению понятий «практика» и «деятельность», точнее, растворению первого во втором. В результате все формы жизнедеятельности оказываются не чем иным, как практикой. Сошлемся в качестве примера на высказывание автора, много и плодотворно работающего по проблеме практики. «Материальное в общественной жизни, безусловно, главное, и при рассмотрении вопроса о взаимодействии общества с природой мы можем брать всю совокупность человеческой деятельности — от рубки леса до размышлений философов — и для краткости именовать ее практикой, противопоставляя тем самым общество природе»⁸.

Разберемся в приведенном положении. Отметим прежде всего известную неопределенность утверждения: материальное в общественной жизни есть, безусловно, главное. В каком смысле и в каком отношении главное? Вероятно, речь идет в философской книге о первичности, определяющей роли материального. Но в таком случае так ли уж безоговорочно можно утверждать, будто материальное в общественной жизни, безусловно, «главное»? Если речь идет о материальном производстве, то это действительно так. Что же касается материальных образований надстройки, то они не являются определяющими по отношению к общественному сознанию, а, напротив, зависят от него. Поэтому абстрактное утверждение «в обществе материальное есть, безусловно, главное» не открывает истины. Зависимость между материальным и идеальным в историческом процессе весьма сложна и многопланова. Далее, остается неясным, почему при сопоставлении общества с природой любой вид деятельности можно назвать практикой. Аргумент «для краткости» не вписит каких-либо разъяснений.

В том же русле стирания граней между деятельностью и практикой идут рассуждения о «широком» и «узком» смысле понятия практики. В первом — она совпадает с деятельностью и охватывает собой все формы и проявления общественной активности, во втором — ограничивается лишь областью преобразования природы и общества. Истоки таких рассуждений чаще всего составляют ссылки на известное положение К. Маркса о том, что «общественная жизнь является по существу *практической*»⁹.

⁸ См., например: *Спиркин А. Г.* Курс марксистской философии. М., 1966, с. 199.

⁷ См.: *Якушевский И. Т.* Об основных формах практики. — В кн.: Ученые записки Высшей партийной школы при ЦК КПСС, 1960, вып. 2; *он же.* Практика и ее роль в процессе познания. М., 1961.

⁸ *Руткевич М. Н.* Актуальные проблемы ленинской теории отражения. Свердловск, 1970, с. 161.

⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 3, с. 3.

Именно отсюда делается вывод: практика «в широком смысле» — вся деятельность общества.

Принципиальное высказывание К. Маркса об общественной жизни как по существу практической, с нашей точки зрения, не дает оснований для подобного заключения. Поставим прежде всего данное положение в общий контекст марксовых «Тезисов о Фейербахе». Весь пафос тезисов, вся их направленность сконцентрированы вокруг одной идеи: способом, каким человек взаимодействует с миром и изменяет его, является практика. Эту точку зрения новой философии К. Маркс противопоставляет созерцательному материализму Л. Фейербаха. Не теория, а именно практика составляет сущность отношений общества к природе и внутри общества. Само теоретическое отношение должно быть выведено и объяснено в виде неотъемлемого момента практики. Именно в такой связи он и дает в 8-м тезисе приведенную нами ранее сжатую лаконичную формулировку.

Однако выделить сущность процесса вовсе не значит отождествить ее с самим процессом, который всегда богаче, чем его сущность. Знание сущности представляет ключ к пониманию процесса, но не избавляет нас от анализа его конкретного многообразия. К. Маркс называет общественную жизнь практической по существу, определяя тем самым глубинный сущностный момент человеческой деятельности, от которого следует отправляться в объяснении всех других ее форм.

Думается, что введение в научный обиход «широкого» и «узкого» смысла практики едва ли оправдано. Оно порождает досадную расплывчатость в трактовке одной из центральных категорий марксистско-ленинской философии, ведет к размыванию граней между разными формами деятельности, которые в этом случае поглощаются единым понятием практики, хотя в категориальном смысле практикой не являются. Одно дело — считать, что любая форма деятельности, в том числе и познавательная, теоретическая, связана с общественной практикой, подчинена ей, развивается на ее основе, и совсем другое дело — саму теоретическую деятельность назвать практикой. Практика — всегда материализация идей, способ перевода идеального в материальное. Теоретическая же деятельность — процесс, имеющий корни и причины в практике, но направленный прямо противоположным ей образом: от материального — к идеальному, от объекта — к его субъективному отражению.

Но если в работах одних авторов (Ю. Г. Гайдукора и др.) имеются оговорки, показывающие, в каком именно смысле эти авторы отождествляют с практикой всю жизнь общества, всю деятельность людей, то другие исследователи прямо говорят о теоретической деятельности как практике. «Теоретическая деятельность (а не теория как ее продукт), — пишет, например, Э. Я. Баталов, — сама есть практика, т. е. преобразование, изменение предметно-чувственного мира — только не материальное, а идеальное»¹⁰. Налицо совершенно определенная позиция: лю-

бое преобразование, изменение действительности независимо от того, совершается ли оно в объективном мире или только в сознании субъекта, есть практика. Автор прав, считая деятельностью процесс познания, выработки теории. Он совершенно справедливо подчеркивает и тот факт, что эта деятельность носит характер активного отношения к объекту и что она моделирует последующую практику. Но ведь рассматриваемая деятельность служит «последующей практике», т. е. в точном смысле слова — следующей за нею практике. Уже поэтому познание не есть практика. Определение познания как практики так или иначе стирает различие между познавательным отношением к действительности и практическим преобразованием мира.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод: категория «деятельность» шире по объему, чем категория «практика». Не касаясь специально вопроса о классификации форм деятельности, подчеркнем: важно выделять в рассматриваемом нами плане теоретическую и практическую формы деятельности как два связанных, но все же различных способа отношения к миру. Результатом первого является воспроизведение объекта в сознании, его теоретическая модель, тогда как в результате второго имеет место материальное преобразование предмета. Практика начинается там и только там, где вступают в силу предметно-чувственные формы деятельности, где идет изменение мира не в мыслях, а в его реальной предметности. Поэтому, с нашей точки зрения, ни научно-теоретическая, ни педагогическая, ни воспитательная, ни пропагандистская деятельность при всей их важности практикой не являются. Наука сама по себе способна давать только теоретическую, идеальную картину мира в ее сущностных характеристиках. И дело не меняется от того, что наука становится непосредственной производительной силой. Эта широко известная формула К. Маркса подчеркивает лишь тот факт, что сами производительные силы становятся опредмеченной формой науки. Однако наука при этом не перестает быть формой духовной деятельности людей, теоретическим, идеальным отражением действительности. Что же касается воспитания, обучения, пропаганды, то эти формы деятельности, конечно, включают в себя задачу изменения мира и зачастую служат мощным рычагом такого изменения. Но и они направлены непосредственно на преобразование сознания людей, на усвоение ими, например, революционной теории, которая, лишь овладев массами, лишь в ходе практической деятельности масс способна изменять общественное бытие. То же самое можно сказать и относительно художественного творчества, хотя оно и связано с изменением материала, над которым работает художник. Смысл, цель такого творчества — не преобразование исходного «сырья», холста или глыбы мрамора, а создание образа, несущего в себе идеальное значение. Художник тратит

¹⁰ Баталов Э. Я. Разрушение практики.— Вопросы философии, 1969, № 3, с. 100.

наряду с нервной и чисто физической энергии зачастую не меньше, чем человек, включенный в процесс материального производства. Вместе с тем в отличие от последнего он воздействует исключительно на сознание зрителя, слушателя, читателя. Формируя сознание, он и вооружает тем самым общественную практику.

Но не сводится ли в таком случае практика к своеобразному манипулированию предметом, не лишается ли она присущей ей субъективности, целенаправленной направленности? Поставленный вопрос чрезвычайно важен, так как сторонники включения теоретической деятельности в практику ссылаются на то обстоятельство, что без сознания нет и не может быть практики. Последнее утверждение, безусловно, верно, в то же время оно, на наш взгляд, ни в какой мере не свидетельствует о тождестве рассматриваемых форм деятельности.

Во-первых, необходимо учитывать, что в практику включаются лишь результаты, достигнутые предварительно, в ходе познавательного процесса. Для теоретической деятельности они составляют своеобразный итог (разумеется, не абсолютный), имеющий самостоятельную ценность, для практики — лишь теоретическое основание, имеющее ценность в качестве модели будущего. Сознание и его продукт — цель, идеальный прообраз того, что должно быть получено, идеальные способы достижения цели и т. д. — в данном случае не имеют самостоятельной ценности, они подчинены задаче предметно-чувственного изменения природы или общества.

Во-вторых, существует, очевидно, пока еще недостаточно изученный механизм включения в практику результатов теоретической деятельности. Примером тому является инженерно-конструкторская деятельность, которая «переводит» достижения общетеоретических наук в модели будущих машин, автоматических линий, электростанций и т. п. Подобно этому, социально-преобразующая практика, осуществляемая силами масс, классов, партий, предполагает выработку целей, лозунгов, программ, осознание тактических и стратегических задач. В развитой форме она невозможна без теории, но последняя преломляется в целях и программах движения, подчиняется главной задаче преобразования общественных отношений.

В пользу отождествления понятий деятельности и практики нередко высказывается и еще один аргумент. Разделение и антагонистическая противоположность умственного и физического труда носят исторически преходящий характер. Они представляют собой лишь превращенную форму человеческой деятельности, обусловленную частнособственническими отношениями и относительной неразвитостью материального производства. В собственном же сущностном смысле человеческая деятельность не является частичной деятельностью «головой» или «рук». Гармоническое соединение физического и умственного труда — одна из задач коммунистического преобразования общества и характеристика самого коммунизма. Исходя из этой объективной логики истори-

ческого процесса, некоторые авторы и делают вывод о тождестве деятельности и практики. Их ошибка, по нашему мнению, заключается в том, что практика мыслится только в форме физического труда, которому противостоит в антагонистических формациях труд умственный. Отсюда и трактовка соединения физического и умственного труда в виде образования такого единства, в котором уже нет места ни практике, ни теории как относительно самостоятельным формам человеческой деятельности.

В действительности же К. Маркс нигде и никогда не утверждал, будто коммунизм есть общество, в котором практика и теория теряют свою самостоятельность. Преодоление социального различия между умственным и физическим трудом означает совсем другое: исчезнут социально закреплённые группы людей, имеющие монополию на занятия умственным трудом или несущие на своих плечах все бремя физического труда. Одни и те же люди будут творцами и материальных и духовных жизненных средств и исполнителями общественных функций. Но это отнюдь не значит, что теория перестанет быть теорией, а практика — практикой. Изменение субъекта деятельности, качественное преобразование связи теории и практики не снимают и не могут снять различия между ними.

Результатом теоретической деятельности всегда будет идеальное отражение мира, результатом же практики — его действительное изменение. И, какой бы тесной ни была связь теории и практики, как бы ни «онаучивалось производство», всегда идеальный образ, идеальная модель действия будут предшествовать действию и отличаться от него. Более того, чем сложнее и многограннее практика, тем более сложной и разветвленной должна быть обслуживающая ее теория. Справедливо говорить о том, что не может быть практики, не опосредованной сознанием, что с развитием производства практика во все большей и большей мере требует научного познания и руководства. Однако из этого не вытекает, будто нет или не может быть теоретической деятельности, относительно самостоятельной от практики. Теория и в коммунистическом обществе останется идеальным образом мира, хотя ее создатели и не будут входить в особый круг лиц, занятых исключительно духовным производством, противостоящих создателям материальных жизненных средств. Наша позиция в рассматриваемом вопросе состоит в следующем: деятельность всегда включает в себя два основных звена, связь между которыми носит конкретно-исторический характер, — познавательно-теоретическое (по производству знаний) и практическое (по преобразованию действительности).

Конечно, «разведя» теорию и практику, нельзя забывать, что это две связанные между собой стороны деятельности общества. И дело здесь не только в переплетении и взаимодействии в непосредственной исторической реальности обеих этих сторон, грань между которыми проводится лишь в теоретическом анализе, отделяющем практику как предметно-чувственную форму деятель-

ности от деятельности познавательной. Его суть заключается в том, что само противопоставление теории и практики не должно быть чрезмерным, абсолютным, исключаящим их единство и взаимодействие. Поэтому указание на различие теории и практики, естественно, дополняется анализом относительности такого различия.

Будучи предметной, чувственной, практика вместе с тем есть целенаправленное изменение действительности и в качестве такого она невозможна без сознания. В связи с этим одинаково односторонне было бы назвать практику просто материальной деятельностью без указания на то, что в ней «заложены» идеальные цели и мотивы, или свести ее к познанию, к духовной деятельности с предметом. Категории «материя» и «сознание» очень важны для понимания практики, но ни одна из них, ни даже обе они в совокупности еще не исчерпывают ее специфики.

Практика «работает» в системе категорий субъект — объект. Именно с ними она составляет некоторое единство и целостность, своеобразный категориальный блок. Практика — основное связующее звено между субъектом и объектом. В марксистско-ленинской философии субъект не есть «сознание», «дух», он даже не теоретически мыслящий человек, наделенный плотью и кровью. Субъект раскрывается в совокупности его общественных характеристик, а основным способом его взаимодействия с объектом является практика. Практика — это та объективно существующая реальная форма связи, благодаря которой субъект опредмечивает себя, свои замыслы и цели в объекте, последний же присваивается субъектом, обогащает его знания, развивает способности. Рассматривая практику в системе категорий субъект — объект, мы обращаем главное внимание на ее свойство быть посредником между субъектом и объектом. Для субъекта нет иного способа перехода от познавательной, теоретической картины мира к действительному миру, кроме практики. Без нее сознание несоотносимо с реальностью, оно остается миром, который существует как бы в своем собственном измерении, отличным от объективного мира. Только через практику совершается сопряжение этих «двух миров», прорыв от одного к другому.

Анализ практики в системе категорий субъект — объект позволяет дать еще одно определение практики, дополняющее ранее сформулированное. В первом определении главный акцент был сделан на том, что практика (в отличие от познания) есть процесс материального преобразования действительности. Правда, уже в нем подчеркивался момент целенаправленности практического воздействия. Теперь, ставя практику в связь с категориями субъекта и объекта, можно определить ее как способ, каким субъект переводит идеальное (цели, мотивы и т. д.) в материальное (преобразованный в соответствии с этими целями объект). Основной акцент при таком подходе делается не на том, что практика есть материальная деятельность, а на том, что она связывает, переводит идеальное в материальное. Несколько упрощая, мож-

но сказать: на одной стороне процесса находится заранее спланированная идеальная модель изменения, на другой — модель реализованная, воплощенная в предметности.

Представляется, что раскрыть сущность практики возможно именно в единстве этих двух ее определений. Если абсолютизировать первое, то исчезает или остается в тени ее направленность сознанием. Нет ответа и на вопрос: входит сознание в практику, т. е. является цель внутренним моментом практики, или же оно как бы извне направляет практический процесс, сопутствует ему? Венгерский философ Т. Рожакедьи справедливо заметила, что если исходить из того, «что практика во всех смыслах является объективным процессом, ... то из этого, строго говоря, должно было бы следовать, что из существа практики необходимо исключить познание во всей его целостности, что в конечном счете практику необходимо сузить до механического, самого по себе неосознанного акта исполнения»¹¹. Второе определение вносит необходимые коррективы и дополнения. В самом деле, поскольку практика есть процесс перевода идеального в материальное, постольку она не может не включать в себя сознания. Но и это определение, взятое изолированно от первого, односторонне, ибо в нем недостаточно выражена объективная, материальная сущность практики.

Из всего сказанного следует: практика и познание не могут быть абсолютно противопоставлены друг другу. Относительность их противопоставления определяется прежде всего тем, что познавательное отношение человека к миру не является и не может быть отношением абсолютно изолированным от практического отношения. Более того, оно подчинено практике, обслуживает ее и развивается на основе изменения общественной практики. Познание всегда практично и социально обусловлено. Оно в конечном счете только и возможно на основе практического отношения человека к миру. Познание — не самоцель, оно направлено на достижение целей, выдвинутых практикой предшествующего развития. В свою очередь практика, поскольку она есть деятельность субъекта, наделенного сознанием и волей, включает в себя познавательное отношение субъекта к объекту, в том числе и теорию, но теорию не саму по себе, а в качестве высшего компонента целеполагания практической деятельности. Нельзя не согласиться с выводом: «Не существует «чистой» материальной, практической деятельности, которая не включала бы в себя теоретических (идеальных) компонентов»¹².

Однако отсутствие абсолютной противоположности не ведет к отрицанию относительной противоположности между теорией и

¹¹ Рожакедьи Т. Целенаправленный характер человеческой деятельности: Понятие практики. — В кн.: Проблемы марксистско-ленинской философии. М., 1965, с. 258, 259.

¹² Дученко Н. В., Пидгыченко В. И. О соотношении познавательного и практического в общественно-исторической деятельности людей. — В кн.: Вопросы общественных наук. Киев, 1971, вып. 6, с. 96.

практикой, познавательным и практическим отношением к действительности. То обстоятельство, что теория обусловлена практикой и служит ей, не снимает вопроса об относительной самостоятельности и специфической особенностях этих двух сторон деятельности. Составляя единство в рамках деятельности общества, они тем не менее отличаются друг от друга. Идеи, только будучи включенными в практику, могут преобразовывать мир; оставаясь в сфере сознания, они не способны ничего изменить, кроме самого сознания. Идеи сами по себе еще не есть практика, модель будущего общества может долго оставаться только теоретической или даже утопической моделью. Специфичность, самостоятельность теории важно подчеркивать, чтобы не впадать в узкий практицизм, уметь обнаруживать собственные закономерности развития теории, взаимную преемственность различных форм сознания общества.

Но при этом следует помнить и другое: такая самостоятельность имеет относительный характер. Теория революции, например, далеко еще не революционная практика. Однако порождена она потребностями общественной практики, сформировалась на основе анализа реальных противоречий общественного развития и в этом смысле является необходимой составной частью общественной практики. Прогнозируя будущее, сама теория корнями своими уходит в практику прошлого и настоящего. Теория функционирует в обществе не за пределами практики, не помимо нее, а как бы внутри самой общественной практики. Возвращаясь к вопросу о широкой и узкой трактовке практики, следует, как нам представляется, отметить, что практики в узком смысле, т. е. практики, лишенной познавательных моментов, вообще не существует. Но зато существует относительная самостоятельность теории, которая может в определенных границах опережать практику.

В литературе довольно часто можно встретить высказывание о том, что теория и практика абсолютно противоположны в гносеологическом отношении, за пределами же гносеологии их противоположность относительна. Подобные рассуждения строятся по аналогии с известным ленинским положением об абсолютной и относительной противоположности материи и сознания¹³. Нам представляется, что соотношение «теория — практика» лежит в иной плоскости, чем соотношение «материя — сознание».

Сознание, рассматриваемое в онтологическом плане, есть свойство материи и в таком качестве лишь относительно противоположно материи. В гносеологическом же плане сознание, будучи отражением материи, абсолютно противоположно ей. Такова хорошо известная общая исходная диалектико-материалистическая постановка вопроса о соотношении материи и сознания. Что же касается категорий «теория — практика», то их противоположность носит иной характер. Материя может существовать без сознания; она лишь на определенном этапе развития порождает этот свой «высший цвет». Практика же не существует без сознания

(разумеется, формы и уровень этого сознания могут быть весьма различными). Понятия первичности и вторичности в плане истории, происхождения, функционирования здесь неприемлемы. Речь может идти только о ведущей стороне единства, каковой является практика. Таким образом, в онтологическом плане теория и практика составляют единство в совокупной общественной деятельности. Противоположность их в пределах единства относительна. Материя и сознание — тоже относительные в онтологическом плане противоположности, но материя есть предпосылка, генетическая причина сознания, тогда как практики без сознания нет и не может быть.

Еще более, как нам кажется, неверна аналогия с материей и сознанием в гносеологическом плане. Если в этом плане материя и сознание абсолютно противоположны, то практика и теория (как высшая ступень познания) не являются абсолютно противоположными друг другу. Любое иное утверждение означало бы, что практика в принципе не может быть средством соотнесения знаний о действительности с самой действительностью. Знание, субъективный образ предмета абсолютно противопоставляются в теории познания самому предмету. Это видели материалисты уже до К. Маркса. Но, как соотнести знание с предметом, они не представляли и потому были во многом безоружны перед идеалистическими и дуалистическими доводами. И если теперь мы пойдем по пути абсолютного противопоставления теории и практики в гносеологии, то мы вновь встанем перед тем же неразрешимым для старого материализма вопросом: где же переход от теории к практике, от знания к действительности? Между тем переворот, произведенный К. Марксом в гносеологии, состоял именно в том, что он ввел практику в теорию познания. В той области, в которой сознание абсолютно противопоставлялось материи, было найдено связующее звено, переход от идеального к материальному и от материального к идеальному. Свою роль критерия истины и основы познания общественная практика выполняет именно благодаря тому, что она в гносеологическом плане не абсолютно, а относительно противоположна сознанию, всегда представляя собой систему действий по достижению определенной цели. Подобно тому как было бы неверно сводить практику к чистой субъективности, не видя ее объективной сущности, точно так же нельзя сводить ее и к чистой объективности, не подчеркивая ее субъективности.

К каким выводам приводит отождествление отношений «материя — сознание» и «практика — сознание (или теория)», наглядно показывают философские концепции буржуазных и ревизионистских теоретиков «праксиса». Хотя подобное доказательство есть своеобразное «доказательство от противного», оно во многом знаменательно. Как известно, философы «праксиса» сделали практику основной категорией своих построений, произ-

¹³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 151.

вольно связывая их с именем К. Маркса. Категория «материя» была отброшена. Но практика как целеполагающая деятельность зависима от сознания субъекта, определяема сознанием. Пытаясь решать философские вопросы исходя из таких посылок, они не могли не оказаться на позициях субъективного идеализма¹⁴.

Все это лишний раз показывает, что отношение «практика — сознание» представляет собой отношение иного порядка, чем «материя — сознание». Второе является фундаментальным, исходным для любой философской концепции, для трактовки любой категории, включая практику. Последнее же понятие «работает» в системе категорий «субъект — объект». Поскольку в гносеологии нет абсолютной противоположности, а есть лишь корреляция субъекта и объекта (в отличие от отношения «материя — сознание»), постольку и сама практика, объединяющая субъект — объект, не может быть ни только субъективной, ни только объективной. Иными словами, противоположность теории и практики имеет в гносеологии относительный характер: цель (идеальное) посредством материального действия опредмечивается и тем самым проверяется практикой.

Высказанные здесь соображения о связи и относительной противоположности познавательной и практической сторон деятельности имеют, как нам кажется, существенное значение для конкретизации и разработки материалистического понимания истории. Совершенно очевидно, что материальное производство, т. е. важнейший элемент общественной практики, не существует без сознания. В связи с этим возникает альтернатива, требующая на первый взгляд одностороннего решения. На самом деле, если духовная жизнь общества зависит от материального производства, то материальное производство рассматривается как бездуховная сфера; если же материальное производство включает сознание, то как понять положение о зависимости от него духовной жизни общества? Отвечая на эти вопросы, следует иметь в виду, во-первых, относительность противоположности познания (теории) и практики и, во-вторых, тот факт, что сама практика выступает в двух видах — материально-производственной и социально-преобразующей.

Учитывая первое, нужно признать, что оба вида практики функционируют только как сознательная деятельность людей. Материальный характер производства состоит вовсе не в том, что в этой сфере нет сознания, сознательных действий. Напротив, социально-обусловленный мотив действия, конкретно-исторические знания, полученные от общества навыки — необходимый и обязательный компонент материально-производственной практики. Духовная и материальная стороны составляют единство в процессе общественного производства, на что неоднократно обращал внимание К. Маркс в «Капитале». Специфический характер материально-производственной практики состоит, следовательно, не в том, что она якобы «бездуховна» (подобной практики вообще не существует), а в том, что в ходе ее формируются материальные

общественные отношения, которые обладают способностью складываться независимо от сознания и воли людей. Именно это делает материальное производство основой, определяющей все другие формы жизнедеятельности общества.

Социально-преобразующая практика, так же как материально-производственная, неотделима от исторически определенных общественных отношений. Однако в отличие от материально-производственной она связана с идеологическими отношениями, т. е. отношениями, которые производны от общественного сознания. Поэтому, когда речь идет о социально-преобразующей практике, важно не забывать не только момент единства духовного и материального в практике, но и зависимость общественного сознания, связанных с ним идеологических отношений, системы общественных институтов от характера, уровня развития и потребностей материально-производственной практики, той диалектики производительных сил и производственных отношений, которая ей свойственна.

3. Диалектика объективного и субъективного в общественно-исторической практике

Рассмотрение вопроса о соотношении практики и познания дает основание для постановки еще одной, но все же нетождественной данному вопросу проблемы. Речь идет об анализе практики в контексте категорий субъективного и объективного.

В философской литературе по вопросу о субъективном и объективном в практике единого мнения нет. Подавляющее большинство авторов определяет практику как субъективно-объективный процесс. Так, Н. В. Дученко пишет: «... Марксистско-ленинская философия рассматривает практику как единство объективного и субъективного»¹⁴. Вместе с тем есть авторы, которые определяют практику только как «объективно-материальный процесс»¹⁵. А. Киселинчев же, напротив, в свое время высказывал ту мысль, что К. Маркс вообще отождествил в тезисах о Л. Фейербахе практику и понятие «субъективное»¹⁷. Представляется, что это многообразие точек зрения в значительной мере есть следствие многообразия аспектов рассмотрения практики как сложного общественного явления. К сожалению, авторы не всегда точно определяют свой аспект анализа данной темы, вследствие чего их позиции выглядят порой по форме диаметрально противоположными.

¹⁴ См.: *Хофман Д.* Марксизм и теория «праксиса». М., 1978.

¹⁵ *Дученко Н. В.* Диалектическое единство объективного и субъективного в практике как критерий истины. — В кн.: *Диалектический материализм — философская основа современной науки.* Киев, 1962, с. 123.

¹⁶ См.: например, *Зуев И. Е.* Объективное и субъективное в познании и практической деятельности. М., 1969, с. 23.

¹⁷ См.: *Киселинчев А.* Марксистско-ленинская теория отражения и учение И. П. Павлова о высшей нервной деятельности. М., 1956, с. 176.

Для выяснения существа дела очень важно учитывать ленинское высказывание о двух формах объективного процесса. Материалистически перерабатывая Гегеля, В. И. Ленин писал:

«Человек в своей практической деятельности имеет перед собой объективный мир, зависит от него, им определяет свою деятельность».

С этой стороны, со стороны практической (целеполагающей) деятельности человека, механическая (и химическая) причинность мира (природы) является как бы чем-то *внешним*, как бы второстепенным, как бы прикрытым.

2 формы *объективного* процесса: природа (механическая и химическая) и *целеполагающая* деятельность человека. Соотношение этих форм. Цели человека сначала кажутся чуждыми („иными“) по отношению к природе. Сознание человека, наука („der Begriff“), отражает сущность, субстанцию природы, но в то же время это сознание есть внешнее по отношению к природе (не сразу, не просто совпадающее с ней)»¹⁸.

Прежде всего обратим внимание на то, что В. И. Ленин, говоря о практике, повторяет дважды: «целеполагающая деятельность». Такая характеристика очевидна: без целеполагания практическая деятельность осуществляться не может. «Чем более люди отдаляются от животных, тем более их воздействие на природу принимает характер преднамеренных, планомерных действий, направленных на достижение определенных, заранее известных целей»¹⁹, — писал Ф. Энгельс. Отсюда как будто вытекает вывод о том, что практика — процесс субъективный. Но, указав на целеполагающий характер практики, В. И. Ленин рассматривает ее одновременно как одну из двух форм объективного процесса, т. е. совершенно определенно подчеркивает объективность практики.

Между двумя этими определениями существует глубокая взаимосвязь, и только их сочетание позволяет выразить существо практики в понятиях.

И природа, и практическая деятельность разворачиваются вне сознания субъекта. С учетом такого общего признака практику и природу следует рассматривать как процессы объективные. Вместе с тем налицо разные формы объективного процесса. Развитие природы не связано с сознанием. Что же касается практической деятельности, то она направляется сознанием, подчиняется определенным целям. Именно в таком смысле К. Маркс называет в «Тезисах о Фейербахе» практическую деятельность субъективной. Ленинское положение о двух формах объективного процесса дает возможность осмыслить и более глубоко понять содержание этих Марксовых тезисов.

Объективность процессов — общая черта и природы, и практической деятельности человека. Но при сопоставлении двух форм объективного процесса выявляется специфика одной из них — зависимость от субъекта, от его целеполагания. Эта особенность и фиксируется К. Марксом, когда он, критикуя ограни-

ченность фейербаховского материализма, пишет: «Главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и фейербаховский — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта*, или в *форме созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика*, не субъективно»²⁰. Речь, следовательно, шла о том, чтобы противопоставить старому материализму, имевшему дело только с природой, другую форму объективного процесса — чувственную деятельность субъекта. Именно в этом смысле, т. е. в связи с субъектом, К. Маркс характеризует деятельность как субъективную.

Однако проблема не исчерпывается рассмотренным аспектом. Как уже отмечалось, деятельность субъекта включает в себя две основные формы — духовную, в частности познавательно-теоретическую, и практическую. Каждая из этих форм также может быть осмыслена в понятиях «объективное» и «субъективное». В самом деле, все разновидности познавательной деятельности не только субъективны, поскольку они протекают в голове познающего субъекта, но и объективны, ибо следствием является здесь получение знания, независимого по содержанию от человека и человечества. Объективные моменты в реальном познавательном процессе сложны, противоречиво сочетаются с моментами субъективными, возникающими из особенностей субъекта, его исторической ограниченности, классовой принадлежности, личного опыта и т. д.²¹ Субъективное и объективное, таким образом, обязательно присутствуют в процессе идеального отражения мира в голове субъекта. Но понятие объективного в этом случае ограничено только гносеологическими рамками. Любая объективная истина лишь по содержанию не зависит от субъекта, не обладая в то же время никаким самостоятельным онтологическим бытием. Познавание и с точки зрения неполноты, зависимости его от развития субъекта, и с точки зрения принадлежности субъекту всегда представляет собой субъективный образ объективного мира. Взятая в таком смысле, субъективность выступает первой сущностной характеристикой познавательной деятельности. Ее мы затем диалектически связываем и дополняем характеристикой объективности, рассматриваемой в строго гносеологическом аспекте.

Что же касается практики, то ее основной сущностной характеристикой (уже не в сравнении с природой, а в сравнении с познавательно-теоретической деятельностью) является объективность. При этом речь идет не о гносеологическом, а об онтологическом аспекте объективности. Практика объективна в онтологическом отношении постольку, поскольку она протекает вне со-

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 169, 170.

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 494.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 1.

²¹ См.: Плетников Ю. К. О природе социальной формы движения. М., 1971, с. 168—169.

знания субъекта, поскольку в ходе ее мир не только познается, но и преобразуется. Любая, самая смелая теоретическая конструкция всегда остается только субъективным прообразом будущих изменений. Она еще принадлежит субъекту, она еще «не вошла» в реальное бытие. В практике же субъект предметным образом воздействует на предметную действительность. Практика-процесс и практика-результат становятся тем самым как бы компонентами самой объективной реальности. Именно поэтому практика и в гносеологическом плане играет роль объективного критерия истины. В практике сознание теряет свойственную ему субъективность и переходит в предметность. Это дает возможность отличить в ходе общественной практики истину от заблуждения, что в свою очередь вооружает практику знанием объективных законов и расширяет тем самым ее возможности и границы.

Таким образом, когда мы сопоставляем практику и природу, то, имея в виду, что речь и в том, и другом случае идет об объективном процессе, отмечаем субъективность в качестве специфической черты практики. Когда же мы сопоставляем практику и теорию, то на первый план выдвигаем объективность как такой признак, который относится к сущности процесса, характеризует практику и гносеологически, и (в отличие от теории) онтологически.

Возвращаясь к различным характеристикам практики в контексте категорий объективного и субъективного, представленным в философской литературе, заметим, что принятое большинством авторов определение практики как субъективно-объективного процесса, хотя и не содержит ошибки, все же нуждается в уточнении. Прежде всего оно, на что уже обращалось внимание, должно быть конкретизировано в смысле выделения тех отношений, в которых практика выступает в виде субъективного (если сравнивать с природой) и в виде объективного (при сопоставлении с теорией) процесса. Кроме того, определение «субъективно-объективное» создает впечатление некоторого простого присоединения теории к практике, тогда как на самом деле в практике происходит своеобразное подчинение теории действию. Теория становится «моментом» практики, субъективное, сознание переходит в объективное действие. Но это именно «момент» объективного в своей сущности процесса, в ходе которого субъективное подчиняется объективному и постепенно угасает, теряет свою субъективность, переходит в те результаты практики, которые существуют уже не в сознании, а в самой объективной действительности.

Соотношение объективного и субъективного состоит также в том, что субъективное зависит от объективного и определяется им. Будучи в своих важнейших характеристиках результатом человеческой деятельности, объективное выступает в историческом процессе в качестве основы и определителя человеческой деятельности. Рассматривая вопрос об общественных классах, К. Маркс и Ф. Энгельс, в частности, писали: «... Класс в свою очередь становится самостоятельным по отношению к индивидам,

так что последние находят уже заранее установленными условия своей жизни: класс определяет их жизненное положение, а вместе с тем и их личную судьбу, подчиняет их себе»²². Критикуя М. Штирнера, считавшего, будто индивиды обладают способностью абсолютно свободно творить собственные определения, они исходили из того, что исторически конкретные индивиды обусловлены сложившимися объективными условиями. Поэтому хотя полная драматизма история человеческого общества осуществляется в процессе активной деятельности людей, преследующих свои цели, напряженно борющихся за их осуществление, тем не менее сами такие цели порождены объективными, и прежде всего материальными, условиями жизни людей. Именно потому, что практика есть объективный процесс, ее результаты становятся детерминантой последующей деятельности людей и основой осознания ими собственного бытия.

Разберемся несколько подробнее в этой диалектике перехода от объективного к субъективному и от субъективного вновь к объективному в процессе общественно-исторической практики. В известной мере подобный разбор подводит итоги исследования в предшествующей главе всеобщих начал и моментов человеческой деятельности.

Уже отмечалось, что непосредственными побудительными мотивами деятельности людей являются идейные мотивы. Субъект действует практически тогда, когда более или менее четко осознает свои интересы, ценности, цели и др. Для старого материализма субъективные намерения были последней причиной исторических действий. Марксизм же ставит вопрос о выявлении причин таких субъективных намерений, перенося тем самым проблему из области сознания в область объективных общественных процессов. В этой связи Ф. Энгельс четко ставит задачу сведения субъективного к объективному или, лучше сказать, объяснения первого особенностями второго²³.

Для решения данной задачи необходимо прежде всего рассмотреть те объективные, в первую очередь материальные, точнее, экономические условия, в которых осуществляется деятельность людей. Но, хотя эти условия и определяют в конечном счете направление деятельности, сами по себе они все же непосредственными детерминантами активности не являются. Экономические отношения еще не дают полного ответа на вопрос о том, в чем причина социальной активности субъекта и почему люди действуют так, а не иначе. Чтобы люди действовали, экономические отношения должны проявиться как интересы, о чем неоднократно писали основоположники марксизма-ленинизма. «...Все то, за что человек борется, связано с его интересом...»²⁴. Конспектируя «Науку логики», В. И. Ленин обстоятельно выписывал мысли

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 54.

²³ См.: Там же, т. 21, с. 307, 308.

²⁴ Там же, т. 1, с. 72.

Гегеля о роли интересов, сопровождая их следующим замечанием: «Интересы „двигают жизнью народов“»²⁵. Поэтому марксист, считал В. И. Ленин, обязан «отыскивать корни общественных явлений в производственных отношениях... сводить их к *интересам* определенных классов»²⁶.

Отраженный в сознании интерес становится как бы своеобразным фокусом, к которому стягивается все социальное познание. Именно интерес способствует выделению тех или иных социальных объектов из всей совокупности исторической реальности. Они становятся объектами познания постольку, поскольку так или иначе связаны с удовлетворением реальных потребностей и интересов субъекта. Интерес не только выделяет социальный объект, но и опосредует от начала и до конца весь процесс социального познания. Класс как субъект познания способен отразить объективную истину в той мере, в какой это соответствует его интересам, в какой этот интерес сформировался, вызрел в качестве объективного момента действительности. Интерес оказывается той линзой, сквозь которую преломляется общественная жизнь. Объективное положение субъекта-класса и его объективный интерес определяют собой систему знаний и эмпирических представлений класса о социальной жизни. Объективное переходит в субъективное, границы которого расширяются, вмещая в себя и знания об объекте, и осознание субъектом своих собственных интересов. Все это — очень важный момент в постепенном нарастании факторов, детерминирующих практическое действие. Но знания — еще не действие, хотя и необходимое условие действия.

Гораздо определеннее стимул к действию выражается в социальной оценке, которая возникает при соотношении знаний об объекте с осознанным интересом. Социальная оценка не сводится ни к интересам, ни к знаниям об объекте, а представляет собой соотношение того и другого. Социальная оценка может быть теоретически обоснована или же иметь характер эмпирического утверждения (отрицания) какого-то общественного явления. Вместе с тем в любом случае она уже есть побудительный стимул к действию.

В знании об объекте субъект присутствует как бы в скрытом виде. Его интерес определяет подход к объекту, но этот интерес не выявлен, и сами знания представляются зависящими только от свойств объекта. В оценке субъект выявляет себя, свой интерес, свое отношение к объекту. Поэтому, оценивая, субъект активизируется, оценка требует практических действий по утверждению, преобразованию или устранению объекта, получившего положительную или отрицательную оценку. Социальная оценка способствует формированию цели. Если оценка касается главным образом того, что уже существует в настоящем, то вырастающая на этой основе цель, включая в себя отношение к настоящему, вместе с тем содержит прообраз будущего.

В зависимости от уровня знаний, которыми располагает субъект, цели могут носить эмпирически и теоретически обоснованный характер. Первые вырастают на основе повседневной практической деятельности классов и других социальных групп. Знания о настоящем и будущем в таких целях ограничены эмпирическим опытом субъекта, и потому в них не отражены связи причин и следствий, сущности и явления. В общественной жизни подобные цели обычно порождают стихийные, слабо оформленные организационно выступления масс. Теоретически осознанные цели опираются на теоретический анализ наличного научного материала, общественной практики. Такие цели сочетаются уже не со стихийным, а с сознательно организованным движением.

Цель является наиболее важным регулятором социально-преобразующей деятельности. Субъективная природа цели позволяет понять деятельность социального субъекта как свободное творчество условий своего существования. Общественный субъект творит историю, ставя перед собой определенные цели и добиваясь их реализации. История — это не заданная заранее, фатально предопределенная цепь событий, а их творение целеполагающим субъектом. Вместе с тем объективная, материальная основа потребностей и интересов субъекта, удовлетворение которых становится целью его практической деятельности, определяет границы, основное направление и целеполагание самой свободной деятельности. Поэтому, как пишет В. И. Ленин, *«кажется человеку, что его цели вне мира взяты, от мира независимы...»*, но *«на деле цели человека порождены объективным миром и предполагают его»*²⁷.

Итак, непосредственная и самая мощная детерминанта социальной активности — цель имеет объективные основания в материальных условиях жизни общества. Она порождена ими и поэтому не является чистой субъективностью, содержит в себе объективные моменты. В цели в концентрированном виде содержится весь предшествующий путь движения от объективного к субъективному: интерес, ценности, оценка, знание, отношение к настоящему, представление о будущем слились и переплавились в цели. Цель — это высшая точка пути, за которой вновь начинается переход от субъективного к объективному.

Но если движение от объективного к субъективному связано с осознанием и оценкой тех условий, которые созданы предшествующей практикой, то переход от субъективного к объективному есть практическое осуществление цели. Это — изменение сложившихся обстоятельств в соответствии с интересами субъекта, выраженными в цели. Такое движение от объективного к субъективному и от него вновь к объективному через практическое преобразование общества не знает пределов. В нем можно лишь

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 82.

²⁶ Там же, т. 1, с. 532.

²⁷ Там же, т. 29, с. 171.

теоретически выделить отдельные, относительно завершённые циклы. Однако каждый из этих циклов даёт начало новой ветви исторического процесса. Изменившиеся условия порождают новые потребности, интересы и цели, а практическое воплощение цели ведёт опять к изменению объективных условий.

4. Основные моменты социально-преобразующей деятельности и её роль в историческом процессе

Для вычленения основных моментов социально-преобразующей деятельности целесообразно воспользоваться указанием К. Маркса об основных моментах труда. Как известно, в качестве таковых К. Маркс выделял субъект с его целями и системой действий; предмет, на который направлено действие; средства и продукт или конечный результат труда. Представляется, что эти же компоненты характеризуют не только производственную, но и социально-преобразующую деятельность. Однако каждый из этих компонентов специфичен. Это касается прежде всего объекта преобразования.

В отличие от материально-производственной социально-преобразующая практика направлена, если представлять её в самом общем виде, на изменение общества. Но, поскольку сущность общества составляют общественные отношения, постольку, если говорить конкретнее, социально-преобразующая практика направлена на укрепление, преобразование или ликвидацию наличных общественных отношений, замену их качественно новыми общественными отношениями, как это бывает в революционные эпохи. Однако и такое понимание объекта социально-преобразующей практики нуждается в конкретизации. Дело в том, что общественные отношения, господствующие в обществе, обычно бывают закреплёны в системе общественных институтов экономически господствующего класса. В антагонистическом обществе ей противостоят организации угнетённых классов. Поэтому социально-преобразующая практика всегда направлена на укрепление или ликвидацию и общественных отношений, и практически-организационных форм их закрепления.

Сознательно или неосознанно, но люди всегда в конечном счёте борются за изменение общественного бытия, за ликвидацию или укрепление производственных отношений, господствующих форм собственности и т. д. Но для осуществления этого необходимо преобразовать политические и юридические формы надстроечной деятельности людей — политические и правовые отношения, организации и учреждения надстройки. На осуществление именно данной задачи и направлена непосредственно социально-преобразующая деятельность. Поэтому целесообразно различать конечный объект социально-преобразующей практики — производственные отношения и непосредственный объект — политические, правовые и другие идеологические отношения и

связанные с ними практически-организационные формы. Социально-преобразующая практика класса непосредственно направлена на такое изменение политических и правовых отношений, которое соответствовало бы его интересам. Лишь опосредовано (через политику и право) ее объектом становятся производственные отношения.

Общественные отношения — не только объект практики, но и общественная форма социально-преобразующей деятельности людей. Они выступают как бы в двойной роли: с одной стороны, это объект, с другой — это общественная форма практики. Причем, как уже отмечалось, именно общественные отношения превращают практическую деятельность людей в общественно-историческую практику. Иными словами, общественный субъект, например класс, действует практически, будучи включенным в систему определенных общественных отношений, и в то же время он делает такую систему объектом практики, поскольку берется за ее укрепление или уничтожение.

Важнейшим моментом практики являются средства ее осуществления. В социально-преобразующей практике в качестве таких средств выступают общественные институты и среди них в первую очередь — государство и политические партии. Именно они становятся организующей силой социальных преобразований. Как и общественные отношения, средства такой практики становятся в процессе социально-преобразующей деятельности одновременно и объектами практики. Это определяется тем, что общественные институты — различного рода учреждения и организации надстройки — неотделимы от общественных отношений. Поэтому субъект социально-преобразующей практики, направляя свою деятельность на совершенствование или ликвидацию существующей системы общественных отношений, не может не превращать их в объект своих преобразований.

Результатом социально-преобразующей деятельности в итоге всегда является изменение материальных и идеологических отношений, совершенствование старых и возникновение новых учреждений и организаций. Хотя материальные общественные отношения обладают способностью складываться, не проходя через сознание и волю людей, они не утверждаются в историческом процессе вне и помимо социально-преобразующей практики. Действуя, люди создают благоприятные или неблагоприятные условия, способствующие утверждению новых отношений или, наоборот, тормозящие их развитие. Наконец, господствующими такие отношения могут быть, лишь получив соответствующее юридическое оформление.

Поскольку социально-преобразующая практика происходит вне головы человека и имеет характер объективно-реальных действий субъектов, постольку ее результат — изменение общественных отношений и общественных институтов — представляет собой опредмеченную субъективность. Однако это опредмечивание в отличие от материально-производственного не обладает реальным

бытием, отдельным от реального бытия человека. Общественные отношения в принципе не могут существовать вне человеческой деятельности, а идеологические отношения и практически-организационные формы их закрепления (институты надстройки) — независимо от сознания действующего субъекта. Надо также иметь в виду, что каждый из опредмеченных результатов социально-преобразующей практики сам является новой формой практической деятельности, ее объектом или средством. Объект, средство и результат постоянно меняются местами. Общественные отношения в одной цепи зависимости — объект, в другой — результат практики; общественные институты — средства, объект и результат преобразования.

Активной силой общественной практики — будь то материально-производственная или социально-преобразующая, — носителем действия является преследующий определенные цели субъект. В качестве такового субъекта выступают общество в целом, классы и другие социальные группы, партии, отдельные общественные индивиды. Однако основным субъектом классовых общественно-экономических формаций всегда выступает класс. Действия партий, отдельных личностей возможно понять и объяснить, только соотнося их с действиями, интересами, экономическим положением тех или иных общественных классов.

С учетом сказанного можно перейти к выяснению роли социально-преобразующей деятельности в изменении общественных отношений. Нельзя не заметить, что разработка этой сложной проблемы имеет и теоретическое, и практическое значение. Укажем в этой связи лишь на некоторые аспекты.

Материалистическое понимание истории позволило раскрыть зависимость идеологических отношений от материальных общественных отношений. Без учета этого принципиального положения, сформулированного и обоснованного марксизмом, невозможен сам научный подход к анализу и объяснению общественных процессов. Вместе с тем при всей своей важности рассматриваемое положение дает исследователю только самую общую канву социального познания, его отправной пункт. Опираясь на него, мы можем разграничить в необычайно сложной взаимодействующей и переплетающейся системе общественных отношений первичное и вторичное, определяющее и определяемое. Безусловно, роль такого разграничения для теоретического анализа общественной жизни трудно переоценить. Но стоит только перейти от общих теоретических принципов, раскрывающих взаимоотношения материальных общественных и идеологических отношений, к рассмотрению процесса развития общества и даже его функционирования в рамках одной определенной общественно-экономической формации, как тотчас же встает вопрос о механизме данных процессов.

В общем виде ответ на такой вопрос ясен: в обществе все осуществляется через человеческую деятельность, любые изменения есть результат деятельности общественного субъекта.

Однако за фасадом общей очевидности скрывается ряд новых вопросов, ответы на которые далеко не просты. Прежде всего, как соотносится политическая, государственно-правовая и другая подобная деятельность с деятельностью людей в сфере материального производства? Означает ли первичность материальных общественных отношений, что они складываются помимо социально-преобразующей деятельности? Если это не так, если социально-преобразующая практика опосредует и общественную форму материально-производственной практики, то как следует понимать соотношение материальных общественных и идеологических отношений? Наконец, каково взаимодействие объективных экономических законов, проявляющихся в конкретно-исторических производственных связях, отношениях людей, с практической деятельностью последних, протекающей в области политики, государственно-правового регулирования и т. д.?

Острота поставленных вопросов становится особенно ясной, если перенести их рассмотрение из сферы теории в практику современной жизни. Хорошо известно, что в современную эпоху все возрастающее значение приобретает государственное регулирование экономических процессов. Империалистические государства, хотя и в ограниченных масштабах, но тем не менее весьма существенно воздействуют на экономику, осуществляют в определенных рамках функции экономического прогнозирования, планирования, регулирования в интересах класса капиталистов. Буржуазные экономисты и социологи всячески абсолютизируют подобные действия государственной власти, рассматривая государство в качестве абсолютно самостоятельной по отношению к экономике силы, реальные возможности которой якобы зависят исключительно от прогресса науки, доброй воли и способностей лиц, стоящих у власти. Создается видимость, будто не объективные законы, а социально-политическая практика определяет экономический процесс.

Еще более сложно обстоит дело при рассмотрении функций социалистического государства, которое по мере продвижения общества к коммунизму все более сосредоточивается на экономической политике. На этапе зрелого социализма хозяйственно-организаторская деятельность социалистического государства многократно возрастает в связи с ростом экономического потенциала страны, требованиями научно-технической революции, развивающимися международными экономическими связями. Воплощается в жизнь известное положение В. И. Ленина о том, что хозяйственной деятельности социалистического государства «суждено расти, развиваться и крепнуть, заполняя собой всю главнейшую деятельность организованного общества»²⁸.

На каждом этапе исторического процесса производственные отношения классового общества облекаются соответствующей им сложной системой политических и юридических отношений.

²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 378.

Но это лишь одна сторона дела. Вторая состоит в том, что сами производственные отношения такого общества нуждаются в определенном политико-юридическом оформлении, без которого они не могут нормально функционировать. Материальное производство не только порождает конкретно-историческую политико-юридическую практику как свое следствие, но и с необходимостью закрепляется политической практикой классов, правовыми нормами, воплощающими интерес господствующего класса, всего общества в условиях зрелого социализма.

В антагонистическом обществе экономические отношения обязательно выступают в виде отношений антагонистических классов. Причем складываются они таким образом, что один из классов монополизирует основные средства производства, делая их орудием эксплуатации. Стихийный процесс монополизации классом средств производства необходимо дополняется здесь сознательной деятельностью по закреплению производственных отношений как отношений собственности в праве собственности и по созданию более или менее разветвленной системы органов власти, охраняющих это право. Не опираясь на силу, класс—собственник средств производства—не может использовать средства производства для получения и присвоения прибавочного продукта или прибавочной стоимости, ибо этому активно противодействует эксплуатируемый класс. Поэтому собственность во всех классово антагонистических формациях получает юридическое оформление в праве собственности.

В период, когда новые производственные отношения только зарождаются и еще не закреплены правом собственности, восходящий эксплуататорский класс своей политической деятельностью обеспечивает их утверждение в жизни общества. Это вовсе не значит, что парящий эксплуататорский класс способен обеспечить плановость данного процесса — частнособственнические экономические отношения стихийно складываются в соответствии с уровнем и характером производительных сил. Но, для того чтобы такие отношения пробили себе дорогу и утвердились, нужна активная политическая борьба, расчищающая дорогу, создающая условия для победы новых экономических отношений. Опосредованность экономической деятельности и ее общественной формы политической деятельностью классов блестяще раскрыта К. Марксом на примере первоначального капиталистического накопления.

К. Маркс рассматривает первоначальное капиталистическое накопление в виде предыстории капитализма, процесса, предшествующего накоплению на капиталистической основе. Подобный процесс был подготовлен всем ходом развития производительных сил, создавшим возможность и необходимость капиталистической собственности и эксплуатации. Капиталистические производственные отношения формировались стихийно, независимо от сознания и воли людей, а сам переход от феодальной собственности к капиталистической разворачивался в форме объективной закономер-

ности. Однако эта закономерность могла пробить себе дорогу только благодаря активной общественно-политической деятельности класса. Исторический опыт первоначального капиталистического накопления наглядно показывает, как политическая практика опосредует экономические отношения, которые без такой практики не могли бы утвердиться в обществе.

Нарождающаяся буржуазия использовала феодальное государство для «регулирования» заработной платы, т. е. поддержания ее на крайне низком уровне, законодательного определения времени рабочего дня и т. д. Государственная власть активно использовалась и для накопления денежных богатств в руках немногих. В этом направлении действовали колониальная политика, государственные займы, налоговая система, протекционизм. Буржуазия в полной мере реализовала все возможности абсолютизма для обеспечения капиталистических форм эксплуатации. Интерес класса властно толкал его на подобного рода деятельность. Укрепившись же, буржуазия уже не довольствуется наличной системой общественных отношений, ломает ее, создавая новые возможности капиталистических преобразований.

Положение К. Маркса о роли социально-преобразующей практики в развитии материальных общественных отношений В. И. Ленин последовательно отстаивал и развивал в полемике с народниками, легальными марксистами, экономистами и позже — меньшевиками. Особое значение он придавал политической деятельности, которая, выражая потребности экономического развития, способствует их осуществлению в историческом процессе. Критикуя Н. К. Михайловского, В. И. Ленин противопоставлял рассуждениям народников о том, что европейская жизнь «складывалась так же бессмысленно и безнравственно, как в природе течет река или растет дерево», что «... разум и ... чувство... не присутствовали при возникновении современного экономического порядка в Европе», следующие слова: «Что это за чепуха, будто разум и чувство не присутствовали при возникновении капитализма? Да в чем же состоит капитализм, как не в известных отношениях между людьми, а таких людей, у которых не было бы разума и чувства, мы еще не знаем. И что это за фальшь, будто воздействие разума и чувства тогдашних «живых личностей» на «ход вещей» было «ничтожно»? Совсем папротив. Люди устраивали тогда, в здравом уме и твердой памяти, чрезвычайно искусные шлюзы и плотины, загонявшие непокорного крестьянина в русло капиталистической эксплуатации; они создавали чрезвычайно хитрые обводные каналы политических и финансовых мероприятий, по которым (каналам) устремлялись капиталистическое накопление и капиталистическая экспроприация, не удовлетворявшиеся действием одних экономических законов»²⁹.

Нарождавшаяся буржуазия сознательно использовала всю систему идеологических отношений и практически-организацион-

²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 415, 416.

ных форм их закрепления для осуществления капиталистического накопления и экспроприации мелких собственников. Она не создавала и не могла сознавать всех последствий своей деятельности. Экономические законы действовали стихийно. Однако сама организация тогдашней политической практики, сознательно направленной на ликвидацию отжившей системы государственных, правовых, религиозных и прочих институтов и становление новых идеологических отношений, создавала условия для утверждения более прогрессивных экономических отношений. Социально-преобразующая практика, воздействуя непосредственно на идеологические отношения, в конечном счете влияет и на свой самый глубокий объект — материальные общественные отношения.

Уровень, характер производительных сил обуславливают историческую определенность и тенденцию развития производственных отношений. В этом смысле они возникают независимо от воли и сознания людей и, по словам В. И. Ленина, которые мы приводили в первой главе раздела, являются формой деятельности человека, направленной на поддержание его существования. Но отсюда никак не следует, будто производственные отношения в реальной истории утверждались помимо сознательной, целенаправленной деятельности общественного субъекта. Правда, такая деятельность была непосредственно направлена на преобразование надстроечной сферы, в первую очередь политических отношений и институтов. Последние же использовались субъектом для осуществления и закрепления своего осознанного экономического интереса, что объективно, помимо сознания субъекта, становилось средством преобразования материальных общественных отношений. Социально-преобразующая практика создавала те самые капалы и шлюзы, плотины и запруды, о которых писал В. И. Ленин и без наличия которых новая система общественных отношений не могла бы утвердиться.

Развитие производственных отношений связано, таким образом, как с материально-производственной, так и с социально-преобразующей общественной практикой. Однако характер связи и зависимости здесь различен: совершенствование производительных сил в ходе материально-производственной практики определяет необходимую тенденцию развития производственных отношений. Социально-преобразующая же практика создает общественные условия, способствующие (или препятствующие) закреплению такой тенденции. Каждый из двух видов общественной практики есть процесс сознательного творчества новых форм, однако характер производственных отношений, складывающихся при этом, от сознания людей не зависит. Более того, во всех общественно-экономических формациях, предшествующих коммунистической, люди вообще не осознавали сущности производственных отношений, хотя в процессе социально-преобразующей деятельности объективно боролись за утверждение их той или иной конкретно-исторической формы. Последние складывались стихийно, как результат бесчисленного переплетения раз-

розненных действий индивидов в области материального производства. Что же касается социально-преобразующей практики, то в ее ходе осуществлялось сознательное преобразование идеологических отношений, создававшее благоприятные или неблагоприятные условия для развития материального производства.

Только в условиях социализма субъект (класс, партия) получает возможность действовать в соответствии с познанными общественными законами. Коммунистическая партия руководит всей преобразующей деятельностью масс с учетом объективных требований, выдвигаемых этими законами. Характер производственных отношений и здесь не зависит от сознания людей, и любое нарушение объективных требований общественных законов чревато поэтому тяжелыми последствиями для общества. В то же время знание объективных законов позволяет субъекту так преобразовывать и так изменять идеологические отношения, чтобы на каждом историческом этапе сознать наиболее благоприятные предпосылки всестороннего развития социалистических производственных отношений и их перерастания в коммунистические. Социально-преобразующая, и прежде всего государственная, практика обладает огромной силой воздействия на систему общественных отношений. От сознательно направляемой и организуемой коммунистической партией и социалистическим государством социально-преобразующей практики зависит выработка таких форм и создание таких общественных условий, которые были бы адекватны познанным общественным законам, открывали бы простор и создавали новые перспективы развертывания движущих сил коммунистического строительства. Вопросы руководства экономикой при социализме «не просто хозяйственные, а политические, партийные»³⁰.

³⁰ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 51.

ИСТОЧНИКИ И ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Понятие источников и движущих сил общественного развития

Проблема движущих сил истории является одной из острейших социально-философских проблем современности. Ее теоретическая разработка связана с анализом взаимодействия исторических факторов, их природы, структуры, типологии, субординации, вклада каждого из них в образование конечного результата («равнодействующей») исторического процесса. Критикуя буржуазную «теорию факторов», нельзя не видеть стоящих за ней реальных проблем. Хотя в принципе вопрос о взаимодействии исторических факторов решен марксистско-ленинской философией (выделены основные исторические факторы и показана их глубокая внутренняя взаимосвязь, вырастающая на базе материального производства), есть основания и для дальнейших исследований, ибо в нашу эпоху усложнилось взаимодействие факторов природных и общественных, материальных и духовных, объективных и субъективных и др.

Рассматриваемая проблема приобретает особую актуальность в связи с необходимостью изучения движущих сил развитого социалистического общества и движущих сил современной эпохи в целом, поиска путей наиболее эффективного управления этими движущими силами.

Исходной для анализа категорий источников и движущих сил исторического процесса служит категория социальной причины. Как показано в работах основоположников марксизма-ленинизма и современной марксистской литературе (на что уже обращалось внимание во второй главе раздела), наиболее общими чертами причинной связи являются ее всеобщность, необходимость, многообразие. Сущность причинной связи состоит в том, что она носит генетический, производящий, активный характер, выступает как проявление самодвижения материи. Все перечисленные черты причинности являются наиболее фундаментальными, они относятся и к историческому процессу как социальной форме движения материи.

Однако общество — особая часть материального мира, поэтому причинные связи в обществе имеют свою специфику. В марксистской литературе верно отмечены специфические черты социальной причинности: ее реализация только через деятельность лю-

дей, субъектно-субъектный и субъектно-объектный характер; включение в социальные причинные цепи таких звеньев, которых нет в природе (социальных потребностей, интересов, целей); наличие в обществе идеальных причинных цепей, которые в конечном счете отражают материальные процессы, но обладают относительной самостоятельностью; особо важная роль переноса информации по цепям причинения; гораздо более многообразный и индивидуальный характер, чем в природе, и др.¹

Многообразие причинных связей находит свое отражение в том, что в общественных науках возник целый ряд понятий, отражающих разные стороны, разные виды этих связей, в том числе и понятия источников и движущих сил развития общества. Внутренняя связь понятий источников и движущих сил, с одной стороны, и понятия социальной причины, с другой стороны, состоит в том, что основные признаки причинности присущи и тем взаимодействиям, которые отражаются в понятиях источников и движущих сил. В причинности выражается активность материи, ее самодвижение, ее творческое начало. Это целиком относится к источникам и движущим силам истории, ибо источники и движущие силы — это и есть то, что творит историю. Как нет следствия без причины, так и без источников и движущих сил нет ни отдельных исторических событий, ни истории в целом.

Вместе с тем понятия социальной причины, источника и движущей силы не тождественны, так как не любые социальные причины относятся к источникам и движущим силам исторического масштаба. Понятия движущих сил и источников отражают особые виды социальных причинных связей. Поэтому следует ответить на вопрос, в чем специфика тех социальных причин, которые отражаются в понятиях источников и движущих сил? Начнем с понятия движущих сил.

Прежде всего критерием выделения движущих сил истории в особый вид социальных причин выступает их связь с противоречиями общественного развития. Движущие силы истории — это такие причинные связи, которые непосредственно возникают на базе имманентных обществу диалектических противоречий, включают в себя противоречия в качестве своего начала, выступают как основные внутренние причины общественного развития, как причины самодвижения, саморазвития общества. Наличие та-

¹ Черненко А. К. Категория причинности и ее специфическое содержание в истории. — В кн.: *Философские проблемы общественного развития*. М., 1971; *Философия и современность*/ Под ред. П. Н. Федосеева и др. М., 1971; *Кудрявцев В. Н.* Причины правонарушений. М., 1976; *Парнюк М. А.* Принцип детерминизма в системе материалистической диалектики. Киев, 1972; *Петров Ю. В.* Причинность в исторической науке. Томск, 1972; *Караваев Г. Г.* Исторический материализм — метод познания общественных явлений. Л., 1973; *Философия марксизма и современная научно-техническая революция*/ Под ред. С. Ангелова, Т. И. Ойзермана и др. М., 1977; *Категории социальной диалектики*. Минск, 1978; *Глезерман Г. Е.* Законы общественного развития: их характер и использование. М., 1979; и др.

кого вида причинной связи в общеполософском плане подчеркивается рядом авторов ².

Далее, критерием выделения движущих сил истории из совокупности причинных связей действительности служит их общность, существенность, необходимость. Деление социальных причинных связей на общие и частные, существенные и несущественные, необходимые и случайные известно давно. Еще Гегель, как известно, критиковал теорию, объясняющую большие события малыми причинами. Ф. Энгельс также подчеркивал наличие существенных и несущественных причин, например «индивидуальных прихотей» всякого рода ³. Общие, особенные и единичные (индивидуальные) причины исторических событий выделял и Г. В. Плеханов ⁴. К движущим силам истории могут быть отнесены общие и особенные причины и не могут быть отнесены единичные, случайные причины, ибо они не имеют связи с имманентными противоречиями общественного развития. Конечно, между общей и единичной, необходимой и случайной причинами нет абсолютной грани. Общее проявляется в отдельном, необходимое пробивает себе дорогу через случайное. Однако подвижная, относительная грань все-таки есть, и она служит одним из критериев выделения движущих сил истории из всей совокупности действующих в обществе причин ⁵.

Существенный характер причинных связей, называемых движущими силами истории, практически проявляется в их способности приводить в движение большие массы людей, целые классы и народы, притом на продолжительное время.

Критерием выделения движущих сил из остальных видов причинных связей становится также их отношение к повторяемости, имеющей место в обществе. В общественной жизни очень много непрерывных, воспроизводящихся явлений (материальное производство, классовая борьба, управление, воспитание и т. д.). Конечно, эта повторяемость не абсолютна, она существует в единстве с изменчивостью, но это в данном случае не меняет сути дела. Воспроизводящиеся общественные явления выполняют определенные причинные функции по отношению друг к другу и к общественному развитию в целом. Эти причинные связи и выражаются в понятии движущих сил истории.

Иначе говоря, есть причины «разового» действия и причины длительного действия. Именно последние относятся к движущим силам истории. Движущие силы — это причины, действующие в течение длительного времени, они приводят к постоянной повторяемости, т. е. воспроизводству определенных следствий. Но так как действие этих причин всегда осуществляется в изменяющейся обстановке, в конкретно-исторической форме, то соответственно и повторяемость не носит абсолютного характера. Длительность действия как специфическую черту движущих сил истории отмечал Ф. Энгельс ⁶⁻⁷.

Наконец, критерием, позволяющим выделить движущие силы истории как особый вид причинности, становится их отношение

к линии прогрессивного развития. Движущие силы — это причины, обеспечивающие прогрессивное развитие социальной системы. В этом отношении понятие движущих сил развития выступает как противоположное понятию тормозящих сил.

Итак, критериями, на основании которых мы выделяем движущие силы развития общества как особый вид социальных причин, являются: непосредственная связь с внутренними противоречиями, обеспечивающими саморазвитие общества; общность, существенность, необходимость; воспроизводство и длительность действия; направленность на общественный прогресс. Отсюда вытекает, что понятие движущей силы, поскольку оно отражает этот особый вид социальных причин, не может быть поглощено понятием социальной причины. Оно отличается от понятия социальной причины не только содержанием и объемом, но и тем, что выполняет иные методологические функции. Понятие причины соотносительно с понятием следствия. Понятие же движущей силы истории соотносительно не только с понятием следствия, но и с понятием тормозящей силы. Движущая сила — то, что работает на прогресс. Именно поэтому движущие силы развития общества — это, в сущности, движущие силы общественного прогресса.

Кроме понятия движущих сил, в специальной литературе широко употребляются понятия факторов, исторических факторов. Как следует из анализа употребления понятия фактора, оно весьма близко к понятиям причины и условия, но не тождественно им. Понятие фактора более широкое и неопределенное, чем понятие причины. Фактор — это одно из обстоятельств, участвующих в детерминации определенного явления, взаимодействующих с другими явлениями. Фактором является и причина, и сопутствующее условие, и явление, состоящее в функциональной связи, и т. д. Факторы могут быть как причинные, так и не причинные. Выделение специфической причины из всей совокупности обстоятельств во многих случаях бывает весьма трудным. Далеко не сразу и не всегда наука может четко ответить на вопрос, что именно из совокупности обстоятельств является собственно причиной, а что — сопутствующими условиями. В таких случаях на помощь и приходит понятие фактора⁸. Его эвристическое значение в том, что оно помогает установить всю совокупность детерминирующих обстоятельств, толкает исследователя на даль-

² Бунге М. Причинность. М., 1962; Краевский В. Пять понятий причинной связи. — Вопросы философии, 1966, № 7; Свечников Г. А. Диалектика причинной связи. М., 1967; и др.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 306.

⁴ См.: Плеханов Г. В. Избр. филос. произв. М., 1956, т. 2, с. 332.

⁵ См.: Константинов Ф. В. О движущих силах развития социалистического общества. — Вопросы философии, 1949, № 3.

⁶⁻⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 21, с. 308.

⁸ См., например: Палетов И. З. Причинность и теория познания. М., 1975; Кудрявцев В. И. Причины правонарушений. М., 1976; Аскин Я. Ф. Философский детерминизм и научное познание. М., 1977.

нейший поиск, на дифференциацию этих обстоятельств, выделение среди них причинных и не причинных и т. д. Но в этом же кроется и недостаток понятия фактора как слишком неопределенного, включающего в себя и специфическую причину, и условия. Этот недостаток используется буржуазными теоретиками для отказа от причинных связей и их подмены функциональными.

Взаимодействующие в обществе факторы бывают разного масштаба: они могут детерминировать деятельность отдельного человека, течение отдельного исторического события или же функционирование и развитие общества как целого, как системы. В последнем случае мы имеем дело с историческими факторами. В понятии исторического фактора налицо отвлечение от единичного, выделение общего. Исторические факторы — это как бы сквозные причины и условия, повторяющиеся и взаимодействующие на протяжении всей истории или по крайней мере достаточно длительного исторического периода.

Между понятиями движущей силы исторического процесса и исторического фактора имеется определенная общность: оба они отражают процессы детерминации, включая причинение. Поэтому в ряде случаев эти понятия употребляются как тождественные. Однако между этими понятиями есть и существенные различия. Понятие движущих сил общественного развития, как было отмечено, тесно связано с понятием общественного прогресса. Понятие же исторических факторов не имеет такой связи. Любая движущая сила развития общества — это исторический фактор, но не любой исторический фактор — движущая сила развития общества. Надо также иметь в виду и то, что понятие исторических факторов не имеет непосредственной связи с категорией противоречия. Понятием факторов оперируют как философы, стоящие на позициях диалектики, так и философы, стоящие на позициях метафизики, не признающие объективных социальных противоречий.

Проведенный анализ позволяет поставить главный в рассматриваемой теме вопрос, каково соотношение понятий источников и движущих сил развития общества? Существующие по данному вопросу в литературе точки зрения можно условно разделить на две группы. К первой группе относятся подходы, отождествляющие указанные понятия⁹, ко второй — взгляды (их большинство), согласно которым между понятиями движущих сил и источников имеются как единство, так и различия¹⁰. Причем различие данных понятий трактуется по-разному. Так, В. П. Рожин считает, что противоречие — источник развития, но не его движущая сила. Отнесение противоречия и к источникам и к движущим силам приводит, по его мнению, к «смещению различных понятий»¹¹. Ряд авторов указывают другие различия между этими понятиями; они считают, например, источник внутренним фактором, а движущей силой — то, через что реализуется источник¹². Есть и иные взгляды¹³.

Действительно, понятия движущей силы развития и источни-

ка развития весьма близки: оба являются производными от категории «причина», оба тесно связаны с категорией «противоречие». Противоречие служит одновременно и источником, и самой глубокой движущей силой, что совершенно однозначно отмечал В. И. Ленин¹⁴. Оно служит источником, ибо дает первичный импульс движению и развитию. Вместе с тем оно является и движущей силой, ибо его роль не ограничивается таким импульсом, оно представляет собой постоянно действующую причину движения и развития. Относить противоречие к источникам и исключать из движущих сил — значит недооценивать его роль.

Из сказанного, однако, не следует вывод о полном тождестве понятий источников развития и его движущих сил. Эти понятия отражают разные аспекты причинных связей. Источник — наиболее глубокая причина, дающая исходный импульс к самодвижению и саморазвитию. Строго говоря, источником выступает объективное противоречие и только оно. Искать еще какие-то источники помимо противоречий — значит или употреблять понятие источника не в строгом значении, или переходить с позиций диалектико-материалистического материализма на позиции эклектики и метафизики. Движущая сила развития включает в себя источники в качестве своего ядра, но не сводится к этому ядру. Движущая сила охватывает собой и другие факторы, через которые опосредствуется действие источников. Детерминация общественных явлений, на что уже обращалось внимание, носит сложный характер, и нет ничего удивительного в том, что для ее хотя бы приблизительного отражения требуется ряд взаимосвязанных понятий.

Анализ соотношения категорий источников развития и движущих сил развития доказывает, что эти категории играют в социальном познании самостоятельную роль, не дублируют друг друга и не дублируются никакими другими категориями. Категории источников развития и движущих сил развития устанавливают связь между социальным детерминизмом и общественным прогрессом. В этом специфическое содержание и значение данных категорий, их незаменимость никакими другими понятиями исторического материализма.

Выше было отмечено, что движущие силы истории представляют собой общие, существенные, необходимые социальные

⁹ См.: Сюсюкалов В. И. Социалистическое общество: проблемы диалектики развития. М., 1973.

¹⁰ См.: Зеркин Д. П. Источники и движущие силы развития социалистического общества. Ростов-на-Дону, 1966.

¹¹ Рожин В. П. Вопросы диалектики современного общественного развития. — В кн.: Диалектика современного общественного развития. М., 1966, с. 159.

¹² См.: Марахов В. Г. Структура и развитие производительных сил социалистического общества. М., 1970.

¹³ См.: Источники и движущие силы научно-технического прогресса. Л., 1978.

¹⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 29, с. 317.

связи. Однако все эти признаки присущи и такому виду объективной связи действительности, как закон. Поэтому возникает вопрос о соотношении движущих сил развития общества и общественных законов. Данный вопрос рассматривается в литературе. Ряд авторов правильно отмечают как единство, так и различия движущих сил и общественных законов¹⁵.

Действительно, движущие силы истории и общественные законы — весьма близкие социальные феномены и соответственно понятия. Целый ряд коренных социальных связей одновременно относится и к законам, и к движущим силам, как, например, определяющая роль способа производства, соответствие производственных отношений производительным силам, классовая борьба, социальная революция, возрастающая роль народных масс в истории и др. В чем же состоит объективная основа сходства общественных законов и движущих сил истории? Поскольку движущие силы — это причинные связи, то для решения поставленного вопроса следует обратиться к более общему вопросу — вопросу о соотношении закона и причинности.

Причинность и закон — перекрещивающиеся понятия постольку, поскольку имеются такие связи, которые одновременно могут быть подведены и под категорию причины, и под категорию закона¹⁶. Эти-то связи применительно к обществу и включаются в движущие силы истории. Поэтому можно отметить, что движущие силы охватывают собой закономерные причинные факторы истории. Законы не являются элементами движущих сил наряду с другими их элементами — потребностями, интересами и пр. Закономерный характер — это признак любого элемента движущих сил исторического масштаба.

Вместе с тем между категориями общественного закона и движущих сил есть и различия, имеющие объективные основы. Во-первых, понятие движущих сил представляет более широкий круг явлений, чем общественные законы, оно включает не только собственно законы, но и другие социальные факторы. Во-вторых, надо иметь в виду то, что в понятии общественного закона отражаются объективные связи исторической действительности. Законы по своей природе объективны и только объективны. Субъективный фактор входит в механизм действия, но не характеризует содержание общественного закона. Движущие же силы истории включают в свое содержание взаимодействие объективных и субъективных факторов. Соответственно можно сказать, что движущая сила истории — это закон, взятый и со стороны механизма его действия. В-третьих, между понятиями общественного закона и движущей силы есть различия и по аспекту рассмотрения исторической действительности. Подводя один и тот же социальный феномен (например, классовую борьбу) под категорию закона и под категорию движущей силы, мы отражаем разные стороны этого многогранного феномена. Когда мы характеризуем его как закон, мы делаем упор на такие признаки, как объективность общность, существенность, необходимость и т. д., но можем не за-

трагивать вопроса о выполняемых им движущих функциях. Когда мы характеризуем тот же самый феномен как движущую силу истории, мы делаем упор именно на его движущую функцию, на его роль в продвижении общества по пути прогресса.

Таким образом, выделение понятия движущих сил общественного развития, в отличие от таких понятий, как социальные причины, факторы, общественные законы и др., позволяет осуществлять конкретный анализ исторического процесса в формах, складывающихся в живой действительности в определенные исторические периоды, в рамках различных регионов. Понятие движущих сил ориентирует на раскрытие конкретного содержания исторических эпох, помогает выявлять в каждой такой эпохе социально-классовые силы и движения, определяющие прогрессивную направленность общественного развития. В системе категорий исторического материализма понятие движущих сил играет роль своеобразного теоретико-методологического средства для перехода от общей характеристики естественнoисторического процесса развития общества к выяснению исторической деятельности отдельных общественных субъектов, прежде всего классов, а также устойчивых объединений людей — общественных организаций, учреждений и т. д.

2. Система движущих сил исторического процесса

Основоположники марксизма-ленинизма относили к движущим силам истории весьма разнообразные общественные явления: противоречия¹⁷, производительные силы¹⁸; способ производства и обмена¹⁹; разделение труда²⁰; продолжительные действия больших масс людей, классов, народов²¹; классовую борьбу²²;

¹⁷ См.: Румянцев А. М. О категориях и законах политической экономии коммунистической формации. М., 1966; Чесноков Д. И. Исторический материализм как социология марксизма-ленинизма. М., 1973; Приписнов В. И. Механизм действия социальных законов и субъективный фактор. Душанбе, 1972; Сюсюкалов Б. И. Социалистическое общество: проблемы диалектики развития. М., 1973; Щипски Иван. Движущи сили на общественото развитие и социални закони.— Философска мисъл, 1978, кн. 3; и др.

¹⁸ См.: Кузнецов И. В. Категория причинности и ее познавательное значение.— В кн.: Кузнецов И. В. Избранные труды по методологии физики. М., 1975.

¹⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 422; т. 29, с. 317.

¹⁸ См.: Там же, т. 26, с. 223.

¹⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 306.

²⁰ См.: Там же, т. 3, с. 46.

²¹ См.: Там же, т. 20, с. 163; т. 21, с. 308.

²² См.: Там же, т. 21, с. 308; т. 22, с. 306; т. 34, с. 322; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 223.

революции²³; потребности и интересы²⁴; идеальные мотивы²⁵. В документах КПСС и международного коммунистического движения также отмечаются различные движущие силы общественного развития, подчеркивается, что «в борьбе против империализма объединяются три великие силы современности: мировая система социализма, международный рабочий класс и национально-освободительное движение», «в цитаделях капитализма рабочий класс... является главной движущей и мобилизующей силой революционной борьбы, всего демократического антиимпериалистического движения»²⁶.

Из сказанного вытекает, что категория движущих сил истории охватывает собой большой круг общественных явлений. Иногда на этом основании утверждают, что данная категория не имеет специфики, что под нее можно подвести все что угодно. Однако то же самое можно сказать и о многих других философских и социально-философских категориях, ибо все они весьма широки или даже всеобщи. Охватывая большой круг общественных явлений, категория движущих сил фиксирует их определенную сторону, аспект, срез, который не отражается другими категориями²⁷. Характеризуя социальные феномены как движущие силы истории, мы, во-первых, рассматриваем их не в статике, а в динамике; во-вторых, подходим к ним с точки зрения их взаимных детерминирующих функций, их «вклада» в образование конечного результата, представленного в историческом процессе; в-третьих, выясняем то, как они «работают» на общественный прогресс. Определить специфику категории движущих сил развития можно не за счет сокращения объема подводимых под нее общественных явлений, а за счет вычленения особого аспекта рассмотрения этих явлений. Иначе говоря, изучение движущих сил истории — это не поиски каких-то специальных явлений, которые были бы движущими силами и больше ничем, а выделение определенной стороны общественных явлений: производительных сил, производственных отношений, классовой борьбы, потребностей и интересов и т. д. Качество движущей силы — не субстратное, а функциональное качество.

В современной марксистской литературе имеются разногласия по вопросу о системе движущих сил и ее компонентах. Разные авторы трактуют эту систему по-разному. Одни отождествляют движущие силы с противоречиями общественного развития²⁸, другие, наоборот, выносят противоречия за рамки системы движущих сил²⁹; третьи считают, что движущие силы — это совокупность интересов³⁰; четвертые понимают под движущими силами деятельность, ее носителей и ее побудительные силы³¹; пятые — побудительные мотивы деятельности и благоприятствующие условия³²; шестые — народные массы и стимулы их деятельности³³ и т. д.

Мы считаем, что систему движущих сил развития общества следует рассматривать в трех разрезах. Во-первых, следует охарактеризовать эту систему как таковую, в ее наиболее общем

абстрактном виде, в качестве особого социального причинного фактора, что связано с вопросом о структуре социальной причины вообще, ее специфике по сравнению с причинностью в природе. Во-вторых, необходимо провести анализ движущих сил в структурно-функциональном аспекте, т. е. в плане исследования одновременно действующих движущих сил. В-третьих, выяснить типы движущих сил развития в историческом плане.

Остановимся вначале на первом аспекте. Поскольку разные авторы называют разные элементы состава каждой движущей силы, постольку, видимо, вопрос упирается в принцип, методологическую установку охвата этих элементов. Такой установкой служит, по нашему мнению, понимание движущей силы как причины. Соответственно все те элементы, которые входят в структуру социального причинного фактора, являются и элементами движущей силы истории. Они отражаются целой цепью категорий. Причем исходной при таком подходе служит категория деятельности.

Встречается, однако, точка зрения³⁴, согласно которой деятельность не следует характеризовать как движущую силу истории, ибо деятельность — сам способ существования исторической действительности, т. е. слишком широкое явление. Отсюда делается вывод: движущие силы — не деятельность, а то, что ее стимулирует. Сторонники данной точки зрения утверждают, что, характеризуя деятельность как движущую силу истории и говоря затем о движущих силах самой деятельности, мы попадаем в порочный круг. Разберемся в этих аргументах.

Во-первых, есть совершенно недвусмысленные указания основоположников марксизма-ленинизма, что классовая борьба, социальные революции и др. — коренные движущие силы истории.

²³ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 3, с. 37; т. 7, с. 86; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 103.

²⁴ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 308; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 82.

²⁵ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 307.

²⁶ Международное совещание коммунистических и рабочих партий: Документы и материалы. М., 1969, с. 285, 305.

²⁷ См.: *Grundlagen des historischen Materialismus.* Berlin, 1976, S. 287.

²⁸ *Фурман А. Е.* Исторический материализм. М., 1970.

²⁹ *Казиков А. П., Смольков В. Г.* Движущие силы общественного прогресса при социализме и коммунизме. — В кн.: *Коммунизм и социальный прогресс.* Л., 1973; *Столяров В. В.* Диалектические противоречия и движущие силы социализма. М., 1979.

³⁰ *Караваев Г. Г.* Исторический материализм — метод познания общественных явлений. Л., 1973.

³¹ *Воронов В. В.* К вопросу об источниках и движущих силах развития общества. — *Вестн. ЛГУ. Сер. Экономика, философия, право*, 1975, № 23, вып. 4.

³² *Сюсюкалов Б. И.* Социалистическое общество: проблемы диалектики развития.

³³ *Исторический материализм.* М., 1973.

³⁴ См.: *Сюсюкалов Б. И.* Социалистическое общество: проблемы диалектики развития.

Но что такое эти феномены, как не определенные виды деятельности? Попадаем ли мы в порочный круг, когда, например, ставим вопрос о революциях как движущей силе, а затем ищем движущие силы самих революций?

Опасность оказаться в порочном круге, конечно, есть, поскольку движущие силы имеют сложную иерархическую структуру, включают множество взаимодействующих факторов. Как известно, именно в «порочном круге взаимодействия» находились и находятся домарксистские и современные буржуазные и ревизионистские сторонники «теории факторов»³⁵. Марксизм же разорвал этот круг, но разорвал не за счет отрицания взаимодействия и не за счет сужения числа взаимодействующих факторов, а за счет установления материальной основы взаимодействия, за счет выделения определяющего фактора в этом взаимодействии. Широко известно высказывание Ф. Энгельса о том, что «весь великий ход развития происходит в форме взаимодействия (хотя взаимодействующие силы очень неравны: экономическое движение среди них является самым сильным, первоначальным, решающим) ...»³⁶.

Во-вторых, авторы, отрицающие за деятельностью качество движущей силы истории, незаметно для себя сбиваются на упрощенное понимание причинности в обществе как внешнего воздействия активного агента на пассивное тело. Им кажется, что назвать деятельность движущей силой истории — это значит сказать, что деятельность — причина самой деятельности. Стремясь избежать этой опасности, они и пытаются найти движущие силы, лежащие вне деятельности, за ее рамками. Между тем деятельность есть причина самой себя, *causa sui*, она есть самодвижущееся начало³⁷. Детерминация функционирования и развития таких систем носит по преимуществу (хотя и не целиком) внутренний характер. Соответственно движущие силы функционирования и развития общества главным образом лежат именно внутри него самого. Общество — сложная саморазвивающаяся система. Нетривиальный смысл положения о деятельности как движущей силе истории состоит именно в том, что оно ориентирует науку на поиски движущих сил внутри самого общества, а не во внешних природных или надисторических факторах, как это до сих пор делают многие представители буржуазной философии и социологии. Иными словами, рассматриваемое положение не дает конкретного ответа на вопрос о движущих силах истории, а носит характер методологической установки в поисках такого ответа. В этом его принципиальное научное значение. Вместе с тем нельзя не признать, что понимание движущих сил истории в виде деятельности людей является слишком общим, оно нуждается в конкретизации, которая может идти по двум направлениям.

Первое направление заключается в том, чтобы выяснить, какие именно виды деятельности выполняют роль главных движущих сил в общепристорическом масштабе или в ту или иную эпоху. Марксизм ответил на этот вопрос, выделив труд, материально-

производительную деятельность как коренную движущую силу общесоциального масштаба, как главный фактор возникновения и развития общества. Однако марксизм вопреки уверениям буржуазных авторов не отрицает движущей роли других видов деятельности — социально-преобразующей (классовая борьба, социальные революции) и духовной. Функции движущей силы развития общества выполняет любая достаточно масштабная и прогрессивно направленная деятельность.

Второе направление состоит в том, чтобы внутри самой деятельности вскрыть такие элементы, стороны, диалектические противоречия и взаимодействия, которые превращают деятельность в самодвижущееся начало исторического процесса. Здесь опять приходит на помощь трактовка движущей силы как причинного фактора, принцип причинности в исследовании социальных явлений. Понимание причинности в виде одностороннего воздействия некоего активного начала на пассивный предмет далеко не всегда можно считать правильным. Подобное представление содержит зерно истины: оно применимо к простейшим причинным связям типа механических. Когда же речь идет о других формах движения материи, возникает потребность в его замене более содержательным представлением, глубже отражающим сложную взаимосвязь причины и следствия. По справедливому замечанию Г. А. Свечникова, действительной структурой механизма, в котором причина производит свое следствие, является взаимодействие компонентов системы, вызывающее ее изменения³⁸.

Как показано в марксистско-ленинской литературе, основными взаимодействующими сторонами деятельности выступают объект и субъект, объективные и субъективные факторы. Именно эти элементы и входят в состав любой движущей силы истории. Движущая сила истории возникает именно из взаимодействия объекта и субъекта, объективных и субъективных факторов. При этом «работающими» оказываются в данном случае не категории объекта и субъекта, а именно категории объективного и субъективного факторов, поскольку они благодаря понятию «фактор» непосредственно отражают процессы социальной детерминации, причипения.

Всюду, где есть взаимодействие объективных и субъективных факторов, происходят определенные социальные изменения, имеет место социальное движение, развитие. Объективные и субъективные факторы сами по себе содержат движущую силу

³⁵ См.: *Федосеев П. Н.* Философия и мировоззренческие проблемы современной науки.— Вопросы философии, 1978, № 12.

³⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 37, с. 420, 421.

³⁷ См.: *Батищев Г. С.* Общественно-историческая, деятельная сущность человека.— Вопросы философии, 1967, № 3; *Ильенков Э. В.* Субстанция.— В кн.: Философская энциклопедия. М., 1970, т. 5; *Копнин П. В.* Диалектика, логика, наука. М., 1973; *Каган М. С.* Человеческая деятельность. М., 1974; *Воронович Б. А., Плетников Ю. К.* Категория деятельности в историческом материализме. М., 1975; и др.

³⁸ См.: *Свечников Г. А.* Диалектика причинной связи. М., 1967, с. 18, 19.

истории лишь в возможности. Эта возможность превращается в действительность в процессе их взаимодействия. Из этого взаимодействия возникает новое качество — способность быть движущей силой истории. Поскольку основным носителем субъективного фактора выступают народные массы, постольку они являются важнейшей силой в системе движущих сил развития общества. Положение о народных массах как решающей движущей силе истории лежит в фундаменте марксизма-ленинизма, в корне отличая его от волюнтаристских и фаталистических концепций.

Деятельность представляет собой сложное явление и в том отношении, что она включает в себя всеобщие начала и моменты, которые выступают также ее побудительными силами: потребности, интересы, ценности, цели и средства. Соответственно все эти явления входят в состав любой социальной причины, любой движущей силы. Между деятельностью и ее побудительными силами существует взаимодействие при определяющей роли деятельности. Живая, непосредственная деятельность всегда направляется определенными побудителями, но сами эти побудители выступают как нечто детерминированное в общих чертах прошлой, опредмеченной деятельностью, воплощенной в объективных условиях исторического процесса.

Итак, структура движущих сил истории сложна и может быть отражена в виде следующей цепи категорий: деятельность, ее различные виды и прежде всего общественная практика — объект и субъект деятельности — объективные и субъективные факторы — потребности — интересы — ценности — цели (идеальные мотивы) — средства. Категория движущих сил отражает специфический аспект, срез деятельности как детерминирующего фактора, как причины изменения и развития общества по пути прогресса.

Анализ цепи категорий, отражающих общую структуру движущих сил истории, позволяет заметить, что она состоит из ряда звеньев, а каждое звено отражает определенные диалектические противоречия. Так, субъект и объект, субъективный и объективный факторы, цели и средства и др. — не что иное, как стороны диалектических противоречий. Отсюда вытекает, что в структуру движущих сил истории социальные противоречия входят в качестве самой глубокой движущей силы, ядра системы движущих сил, коренного источника общественного движения и развития. При этом противоречие не является однопорядковым образованием системы движущих сил наряду с другими ее образованиями. Оно составляет сущность каждого такого образования и их взаимодействия друг с другом. Поэтому исключение противоречий из системы движущих сил превращает компоненты этой системы в мертвые, застывшие, не связанные друг с другом и тем самым кладет конец всякому движению и развитию.

В субординации социальных противоречий и деятельности определяющая роль принадлежит противоречиям. Она проявляется прежде всего в том, что противоречия дают импульс к деятельности. Если говорить более конкретно, то тип, характер,

социальное содержание, фаза развития противоречий детерминируют характер, способ, социальное содержание деятельности, состав действующих социальных субъектов. Деятельность в свою очередь выполняет определенные детерминирующие функции в отношении своего импульса — противоречия. Деятельность создает социальные противоречия, обеспечивает их развитие, переход с одной фазы на другую, их разрешение. Социальные противоречия и человеческая деятельность — это сущность и ее проявление. Они невозможны друг без друга и в отрыве друг от друга не могут рассматриваться как движущие силы истории.

Если обратиться к структурно-функциональному аспекту движущих сил, то их систематизация может быть проведена по многим основаниям. Движущие силы исторического процесса делятся прежде всего на природные и социальные (общественные) факторы; в свою очередь природные факторы делятся на демографические и географические, а общественные — на материальные и духовные и — по другому основанию — на объективные и субъективные.

Основа деления на природные и общественные факторы была научно раскрыта основоположниками марксизма-ленинизма. Границей, разделяющей природные и общественные факторы, выступает человеческая деятельность, прежде всего труд. Все, что проходит через пламень человеческого труда, функционирует в рамках общественных отношений и подчиняется общественным закономерностям, относится к общественным факторам. То, что остается за очерченными рамками, относится к факторам природным.

Деление факторов на природные и общественные относительно, ибо общество развивается на базе природы, взаимодействует с природой, и это взаимодействие усиливается в ходе истории. Поэтому ни народонаселение, ни природная среда не являются чисто естественными образованиями. В историческом процессе они сами представляют собой результат взаимодействия общества и природы, воплощение активной роли общества в преобразовании природы. В качестве природных факторов они выступают только тогда, когда функционируют в системе естественных связей и отношений человеческой жизнедеятельности. Все это лишний раз свидетельствует о том, что недопустимо игнорировать социальные детерминанты взаимодействующих с обществом природных факторов, как это делают буржуазные теоретики, рассуждающие о внеисторическом законе народонаселения или предлагающие чисто технические меры преобразования отношения общества к природе. Но нельзя недооценивать и роль народонаселения и природной среды как естественных предпосылок исторического процесса.

Общественные движущие силы также весьма многообразны. Их деление на материальные и духовные содержит момент относительного, так как функционирование материальных общественных факторов не исключает сознания и воли людей. Однако в

данном делении есть и абсолютная сторона. Критерием, позволяющим отграничить материальные движущие силы от других сил, является непосредственное функционирование этой группы движущих сил в рамках материальных (производственных) отношений. Они охватывают собой материально-производственную практику, производительные силы и производственные отношения, их противоречия и взаимодействия. Духовные движущие силы представляют собой духовную деятельность, ее носителей, специфические противоречия, взаимодействия и результаты, воплощенные в различных компонентах общественного сознания.

Материальные и духовные движущие силы — как бы два взаимодействующих полюса, промежуточное положение между которыми занимают социальные и политические движущие силы. Понятия «социальная сила» и «политическая сила» широко используются в работах основоположников марксизма-ленинизма и в современной научной литературе. Причем часто то и другое понятия объединяются в единое понятие социально-политической движущей силы. Социальные движущие силы неотделимы от классов и других социальных групп, политические — от политических организаций и учреждений (государство, партии и т. п.). В конечном счете это те же самые социальные и политические образования, но взятые в их деятельном аспекте — взаимодействия, борьбе, большем или меньшем вкладе в создание какой-то исторической ситуации или развитие общества в целом, т. е. под углом зрения социальной детерминации.

Что же касается дифференциации общественных факторов на объективные и субъективные, то она связана с соответствующими свойствами объектов и субъектов, на которые уже обращалось внимание. Не возвращаясь к данному вопросу, отметим лишь, что граница между объективным и субъективным факторами проходит не по линии материально-производственная деятельность, с одной стороны, социальная, политическая и духовная деятельность, с другой стороны, и не по линии стихийная — сознательная деятельность. Она лежит в другой плоскости и проходит по линии опредмеченная деятельность (в форме бытия) — живая деятельность (в форме беспокойства, «Unruhe»). Именно поэтому объективный и субъективный факторы — необходимые компоненты всех без исключения общественных механизмов.

Таковы основные взаимодействующие в историческом процессе его движущие силы. Анализ этих сил позволяет заметить между ними не внешнюю связь, не рядоположенность, а глубокую внутреннюю связь, ядро которой составляют объективные социальные противоречия. Природные и общественные, материальные и духовные, объективные и субъективные движущие силы всегда представляют собой стороны диалектических противоречий. Все это надо иметь в виду и при рассмотрении движущих сил в историческом плане.

Взятые в аспекте развития общества, движущие силы исторического процесса делятся прежде всего на общеисторические,

действующие во всех общественно-экономических формациях, и специфические, действующие в одной или в группе однотипных формаций³⁹. Критерием выделения этих групп движущих сил являются условия и исторический период их действия. Общеисторические движущие силы выражают специфику исторического процесса как социальной формы движения материи по сравнению с другими формами, общие условия существования человеческого общества, независимые от той или иной общественной формы, единство, непрерывность, преемственность человеческой истории. Специфические движущие силы выражают особые условия существования той или иной формации, ее этапа или группы однотипных формаций, их качественную специфику по сравнению с другими формациями, прерывность человеческой истории.

Приведенное выше деление движущих сил на природные и общественные, материально-экономические, социальные, политические и духовные, объективные и субъективные в целом носит общеисторический характер, за исключением политических движущих сил, которые формируются и действуют лишь в классовом обществе. Основной общеисторической движущей силой является способ производства материальной жизни⁴⁰.

Общеисторические движущие силы, как и общеисторические законы, всегда обнаруживают себя лишь в исторически определенной специфической форме. При этом нельзя смешивать сущность той или иной общеисторической движущей силы с различными историческими формами ее проявления. Забвение этого обстоятельства ведет к серьезным ошибкам, когда, например, ставится под сомнение роль экономического фактора как основной общеисторической движущей силы. Нельзя забывать высказывание К. Маркса об общих исторических законах, которые, подобно законам природы, не могут быть уничтожены, изменяется лишь форма, в которой эти законы прокладывают себе путь⁴¹. Данное положение в полной мере относится и к общеисторическим движущим силам.

В современной марксистской литературе убедительно показано, что экономический фактор был основной движущей силой истории в докапиталистических формациях, ибо все внеэкономические, надстроечные отношения всецело определялись экономическими⁴². Однако определяющая роль экономического фактора проявлялась на том историческом этапе еще в недостаточно зрелой, завуалированной форме.

Общеисторические противоречия как сердцевина движущих

³⁹ Данное деление обстоятельно рассматривается в кн.: Сюсюкалов Б. И. Социалистическое общество: проблемы диалектики развития.

⁴⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 306.

⁴¹ См.: там же, т. 32, с. 461.

⁴² См.: Общественно-экономические формации: Проблемы теории. М., 1978, с. 160, 161; Методологические проблемы общественных наук. М., 1979, с. 361.

сил — это коренные противоречия, имеющие место во всех общественно-экономических формациях. Такими противоречиями выступают противоречия между обществом и природой, между элементами производительных сил, производительными силами и производственными отношениями, достигнутым уровнем производства и потребностями, материальными и духовными, объективными и субъективными факторами и др. Они многообразны, в связи с чем возникает задача их систематизации.

Одним из подходов к ее решению является обсуждение вопроса об основном общеисторическом противоречии, основном общеисторическом источнике общественного развития. Постановка этого вопроса представляется правильной. Если другие формы движения материи имеют свое основное противоречие, то имеет такое и социальная форма. Кроме того, поскольку существует основная общеисторическая движущая сила, то, очевидно, существует и основной общеисторический источник развития, т. е. основное общеисторическое противоречие. Отрицание существования такого противоречия может привести к отрицанию существования основной движущей силы истории.

Вопрос об основном общеисторическом противоречии в научной литературе освещен недостаточно. Дискуссии ведутся, как правило, по вопросу об основном противоречии социализма и коммунистической формации в целом. Между тем вопрос об основном общеисторическом противоречии имеет принципиальное методологическое значение; его решение могло бы продвинуть вперед и осмысление вопроса об основном противоречии коммунистической общественно-экономической формации и ее первой фазы.

В современной научной литературе высказаны две точки зрения по вопросу о том, какое общеисторическое противоречие следует считать основным. Обе точки зрения имеют много общего: та и другая верно указывают, что такое противоречие следует искать в сфере материальной жизни общества, что оно принимает разные формы на разных этапах развития общества и т. д. Однако между взглядами авторов, исследующих этот вопрос, имеются и существенные различия. Они полагают, что основное общеисторическое противоречие — это противоречие между производством и потребностями⁴³. Другие выдвигают в качестве основного общеисторического противоречия противоречие между производительными силами и производственными отношениями⁴⁴.

Развитие общества, кроме общеисторических, детерминируется еще специфическими движущими силами. Понятие специфических движущих сил употребляется в марксистско-ленинской литературе в двух смыслах: 1) специфические движущие силы как специфическая форма, модификация общеисторических движущих сил и 2) как относительно самостоятельные движущие силы, несводимые к модификациям общеисторических движущих сил. В качестве специфических движущих сил в первом смысле выступают все известные общеисторические движущие силы, ибо

все они действуют не иначе, как через исторически определенные формы своего проявления; в качестве специфических движущих сил во втором смысле — только те, которые порождены конкретным этапом разрывания исторического процесса.

Отождествление специфических и общеисторических движущих сил, возведение специфических движущих сил в ранг общеисторических характерны для многих буржуазных теоретиков. К примеру, представители органической школы в социологии и социал-дарвинизма, в определенной мере признавая классовую борьбу, грубо извращали ее сущность, считая ее проявлением некоего вечного и всеобщего закона борьбы за существование, за выживание наиболее приспособленных. Классовая борьба, понимаемая примитивно и вульгарно, выводилась не из конкретных исторических условий, а из «неизменной человеческой природы». Подобные теории, как известно, критиковал еще К. Маркс⁴⁵. Имеют они распространение и в наши дни. Для буржуазных идеологов и политиков особенно характерно выдвижение в качестве общеисторических движущих сил погони за прибылью, безудержного стремления к наживе и других специфических черт капиталистической системы хозяйства. Это получает явное выражение и во внешней политике. Как отмечалось на XXVI съезде КПСС, «авантюризм, готовность ставить на карту жизненные интересы человечества во имя своих узких корыстных целей — вот что особенно обнаженно проявляется в политике наиболее агрессивных кругов империализма»⁴⁶.

С позиций абсолютизации капиталистических отношений в буржуазном общественном сознании дается также оценка движущих сил социалистического общества, которые нередко представляются как искусственно насаждаемые и якобы противоречащие «человеческой природе». Считается, например, что задача превращения труда в первую жизненную потребность никогда не может быть решена, так как она будто бы не только не присуща, но противоречит «человеческой природе». Подобные утверждения не согласуются с историческими фактами. В научной литературе убедительно доказано, что потребность в труде — одно из древнейших приобретений человеческой культуры⁴⁷.

Действительное соотношение общеисторических и специфических движущих сил состоит в следующем: между ними существует единство, взаимопроникновение, они не обнаруживают себя в отрыве друг от друга. Причем действие общеисторических движущих сил опосредуется и дополняется действием специфиче-

⁴³ Куделин Е. Г. Дialeктика производства и потребностей. М., 1977; Плетников Ю. К. Специфика законов развития социалистического общества. — Вопросы философии, 1980, № 2, и др.

⁴⁴ См.: Сюсюкалов Б. И. Социалистическое общество: проблемы диалектики развития; Штракс Г. М. Социальное противоречие. М., 1977 и др.

⁴⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 32, с. 571.

⁴⁶ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 20.

⁴⁷ См.: Косолапов Р. И. Социализм: К вопросам теории. М., 1979 и др.

ских так, что каждое историческое событие — результат взаимодействия тех и других. В то же время специфические движущие силы не сводятся к общеисторическим, их содержание богаче, многообразнее.

Поскольку специфические формы проявления общеисторических движущих сил и относительно самостоятельные специфические движущие силы определяются наличной системой общественных отношений и соответствующих ей общественных законов, постольку движущие силы разных формаций качественно различны. Исходя из этого представляется целесообразным ввести понятие исторического типа движущих сил как совокупности наиболее существенных признаков, характеризующих движущие силы в рамках одной формации или нескольких родственных формаций. Понятие типа движущих сил соотносится с понятием общественно-экономической формации как качественно определенного типа и вместе с тем этапы в развитии общества и понятием типа общественных противоречий, ибо противоречия — наиболее глубокое ядро в системе движущих сил.

Уже отмечалось, что в общем виде движущие силы — это деятельность людей, ее условия, всеобщие моменты и начала. Соответственно и исторический тип движущих сил включает в себе эти характеристики, конкретизированные определенным этапом развития общества. Он интегрируется из следующих признаков: 1) тип основных общественных противоречий (антагонистические, неантагонистические); 2) тип отношений между общественными субъектами (первобытное единство; эксплуатация, классовая борьба; сотрудничество и взаимопомощь, социально-политическое и духовное единство); 3) характер труда как основного вида человеческой деятельности (первобытный, отчужденный, свободный) и характер стимулов к труду; 4) качественное состояние социальных субъектов, включая деятельность народных масс как подлинных творцов истории; 5) темп развития, реализуемый посредством данной исторически определенной совокупности движущих сил.

В истории наблюдается нарастание эффективности движущих сил, что находит выражение в ускорении исторического процесса, в более четком обозначении его прогрессивных тенденций.

3. Классовая борьба как движущая сила развития антагонистического общества

В качестве исторического явления классовая борьба была открыта и описана еще домарксистскими мыслителями, выяснившими в определенной мере ее движущие функции применительно к борьбе прогрессивной буржуазии против феодализма⁴⁸. Однако положение о прогрессивной движущей роли классовой борьбы даже в этом ограниченном виде недолго удержалось в буржуазном общественном сознании. С превращением буржуазии в консервативный и затем в реакционный класс ее теоретики,

а также различного рода оппортунисты в рабочем движении стали заглушевывать классовую борьбу, пропагандировать классовый мир и солидарность; отрицать необходимый и закономерный характер классовой борьбы, представляя ее чем-то случайным, ненормальным; приписывать ей чисто разрушительные функции, «забывая» о ее созидательной творческой роли; ограничивать классовую борьбу низшими формами, с особой энергией заглушевывать значение политической борьбы пролетариата за завоевание власти и т. д.

Подлинно научная теория классовой борьбы была разработана марксизмом. К. Маркс и Ф. Энгельс раскрыли закономерный характер классовой борьбы, научно объяснили ее причины, связали их с определенным состоянием общественного производства, с антагонистическим характером общественных противоречий, сделав упор на классовой борьбе трудящихся против эксплуатации; они показали движущую роль классовой борьбы не только в докапиталистических антагонистических формациях, но и в капиталистическом обществе, довели учение о классовой борьбе до главного в марксизме — идеи диктатуры пролетариата, обосновали исторически преходящий характер классового деления и классовой борьбы⁴⁸.

Основоположники марксизма-ленинизма рассматривали классовую борьбу прежде всего как объективный закон развития антагонистических формаций. Согласно этому закону «всякая историческая борьба — совершается ли она в политической, религиозной, философской или в какой-либо иной идеологической области — в действительности является только более или менее ясным выражением борьбы общественных классов, а существование этих классов и вместе с тем и их столкновения между собой в свою очередь обуславливаются степенью развития их экономического положения, характером и способом производства и определяемого им обмена»⁴⁹. В противовес многим буржуазным теоретикам, считающим классовую борьбу эпизодической, случайной, вытекающей из мелких причин, которые можно устранить, основоположники марксизма-ленинизма всегда подчеркивали ее устойчивый, повторяющийся характер, что, как известно, служит одним из признаков объективного закона. Еще в «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс сформулировали знаменитое положение:

«История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов.

Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то

⁴⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 28, с. 424—427; Плеханов Г. В. Избр. филос. произв. М., 1956, т. 2, с. 451—503 и др.

⁴⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 28, с. 424—427; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 236—241, т. 33, с. 34.

⁵⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 259.

скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов...

Вышедшее из недр погибшего феодального общества современное буржуазное общество не уничтожило классовых противоречий. Оно только поставило новые классы, новые условия угнетения и новые формы борьбы на место старых»⁵¹.

Вместе с тем основоположники марксизма-ленинизма рассматривали классовую борьбу и в виде движущей силы развития антагонистического общества. «В течение почти 40 лет,— писали К. Маркс и Ф. Энгельс,— мы выдвигали на первый план классовую борьбу как непосредственную движущую силу истории, и особенно классовую борьбу между буржуазией и пролетариатом как могучий рычаг современного социального переворота...»⁵²

Характеристика классовой борьбы в качестве важнейшей движущей силы истории встречается в произведениях К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина неоднократно. Так, Ф. Энгельс указывал, что в борьбе трех больших классов — земельных собственников, буржуазии и пролетариата — «и в столкновениях их интересов заключается движущая сила всей новейшей истории»⁵³. В. И. Ленин отмечал, что рассмотрение общественных явлений через призму движущей роли классовой борьбы является важнейшим требованием диалектики: необходимо сведение «внешнего, кажущегося к коренным движущим силам, к развитию производительных сил и к классовой борьбе»⁵⁴. «По учению социализма, т. е. марксизма...— писал он,— действительным двигателем истории является революционная борьба классов...»⁵⁵ В то же время В. И. Ленин подчеркивал, что научное понимание классовой борьбы непременно включает в себя идею диктатуры пролетариата. «... Марксист лишь тот, кто *распространяет* признание борьбы классов до признания *диктатуры пролетариата*»⁵⁶.

При рассмотрении классовой борьбы как движущей силы истории необходим дифференцированный подход к выяснению роли классов, стоящих на противоположных полюсах; без этого невозможно понять внутренний механизм антагонистического противоречия, возникновение его движущей функции. Известно, что всякое диалектическое противоречие характеризуется асимметрией его сторон как положительной и отрицательной, ведомой и ведущей, консервативной и прогрессивной, за счет чего и возникает движущая функция. Полное уравнивание сторон противоречия исключает возможность выполнения им движущей роли. Это относится и к классовым антагонистическим противоречиям. «Пролетариат и богатство,— по словам К. Маркса,— это противоположности. Как таковые, они образуют некоторое единое целое. Они оба порождены миром частной собственности. Весь вопрос в том, какое определенное положение каждый из этих двух элементов занимает внутри противоположности. Недостаточно объявить их двумя сторонами единого целого»⁵⁷. Буржуазные теоретики, даже признающие классовые противоречия,

часто интерпретируют их так, что ведущей стороной выступает эксплуататорский класс и его представители, а трудящиеся массы оказываются на положении пассивной, ведомой, консервативной или даже реакционной стороны, играют роль не «движущей», а в лучшем случае «движимой» исторической силы⁵⁸.

К. Маркс высмеял идеалистические, не соответствующие действительности представления о трудящихся и эксплуатируемых массах как некоем неодухотворенном, неисторическом элементе, а о господствующих классах и их представителях — как активном элементе, от которого исходит всякое историческое действие. К. Маркс показал, что, напротив, буржуазия выступает как «положительная» сторона антагонизма, удовлетворенная в себе самой частная собственность⁵⁹, пролетариат же — как «отрицательная» сторона антагонизма, его беспокойство внутри него самого, упраздненная и упраздняющая себя частная собственность⁶⁰.

«Таким образом,— заключает К. Маркс,— в пределах всего антагонизма частный собственник представляет собой *консервативную* сторону, пролетарий — *разрушительную*. От первого исходит действие, направленное на сохранение антагонизма, от второго — действие, направленное на его уничтожение»⁶¹. На этой основе возникает движущая функция классового антагонистического противоречия, реализующаяся в классовой борьбе трудящихся против эксплуататоров.

В исторической литературе убедительно показано, что напор народных масс в антагонистическом обществе заставлял экономически господствовавшие классы и отражавшую их интересы политику и идеологию снова и снова перестраиваться. «Видоизменялся напор снизу — видоизменялись все те органы и идеи, которые призваны были его сдерживать... История беспокойных низов,— пишет советский исследователь Б. Ф. Поршнев — заставляла пошевеливаться и историю верхов. По выражению Гегеля, исторически повторенному и Марксом, эта «дурная сторона» общества, т. е. масса необразованных простых людей, своим беспокойством создает движение, без чего не было бы вообще истории»⁶².

Движущая роль классовой борьбы наиболее ярко проявляется при смене общественно-экономических формаций. Экономическая необходимость смены формаций в конечном счете детерминируется развитием производительных сил, но эта необходимость не

⁵¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 424, 425.

⁵² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 34, с. 322.

⁵³ Там же, т. 21, с. 308.

⁵⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 223.

⁵⁵ Там же, т. 13, с. 263.

⁵⁶ Там же, т. 33, с. 34.

⁵⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 38.

⁵⁸ См. об этом: Поршнев Б. Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964, с. 425.

⁵⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 38.

⁶⁰ Там же, с. 39.

⁶¹ Там же.

⁶² Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1966, с. 194, 195.

действует автоматически, она реализуется через деятельность классов, экономическим интересам которых она соответствует, в их борьбе против других классов, интересам которых она противоречит. В эпохи смены общественно-экономических формаций классовая борьба достигает своих высших форм — социальных революций, имеющих огромное историческое значение.

Однако роль классовой борьбы не следует ограничивать только социальными революциями, сменой формаций. Классовая борьба выполняет движущие функции и в рамках одного и того же общества, препятствуя сохранению исторически изживших себя форм эксплуатации и чрезмерному повышению степени эксплуатации⁶³, способствуя развитию производительных сил⁶⁴, улучшению, насколько это возможно в рамках антагонистического общества, экономического положения трудящихся, сохранению и определенному расширению их прав и свобод, распространению прогрессивной идеологии и культуры и т. д. Одно и то же антагонистическое общество, например капитализм, может существовать в разных вариантах. Какой именно из вариантов исторического развития будет реализован, при прочих равных условиях определяется накалом классовой борьбы трудящихся⁶⁵. Классовая борьба в процессе функционирования определенного общества ведет к более четкой поляризации классовых сил, к приобретению трудящимися политического опыта, к накоплению «ненависти, злобы и отчаянной решимости»⁶⁶, т. е. к вызреванию субъективного фактора социальной революции.

В истории антагонистического общества классовая борьба выступает в многообразных формах, которые различаются по глубине, характеру, степени организованности и сознательности, своей исторической роли. Уже борьба рабов в античном обществе имела такие постоянные формы, как саботаж, порча орудий труда, умышленная недоброкачественная обработка земли, хищение, уничтожение имущества господ и бегство от них, убийство господ, переход на сторону внешних врагов и т. д. Огромную роль в развитии рабовладельческого общества играла также борьба свободных земледельцев и ремесленников⁶⁷. Высшими формами классовой борьбы рабов были восстания. Как отмечал В. И. Ленин, «история рабства знает на многие десятилетия тянущиеся войны за освобождение от рабства... В течение ряда лет всемогущая, казалось бы, Римская империя, целиком основанная на рабстве, испытывала потрясения и удары от громадного восстания рабов... В конце концов, они были перебиты, схвачены, подверглись пыткам со стороны рабовладельцев. Эти гражданские войны проходят через всю историю существования классового общества»⁶⁸.

Конечно, движущая роль классовой борьбы рабов и свободной бедноты в рабовладельческом обществе была исторически ограниченной: эти классы не уничтожили эксплуатацию. Тем не менее классовая борьба свободных земледельцев, ремесленников и рабов сыграла в истории человечества прогрессивную роль.

Непрерывный, постоянный характер носила классовая борьба и в феодальном обществе, что подчеркивали основоположники марксизма-ленинизма⁶⁹. Классовая борьба крестьянства эпохи феодализма имела весьма многообразные формы: от скрытых, экономических до таких открытых форм, как частичное сопротивление, уход или бегство, восстание⁷⁰. Крупнейшие народные восстания носили характер крестьянских войн. По объективному содержанию они были направлены против феодализма⁷¹.

Характер и историческая роль классовой борьбы крестьянства эпохи феодализма весьма сложны и противоречивы. Отражением этого явились, например, дискуссии в советской исторической науке о крестьянских войнах России эпохи феодализма⁷². Основоположники марксизма-ленинизма неоднократно отмечали характерные черты крестьянских движений, определявшие их слабость и приводившие к их поражению: стихийность, разрозненность, неорганизованность, монархические иллюзии, отсутствие единой классовой идеологии и политической программы и др. Победа крестьянских движений, отмечал В. И. Ленин, может быть обеспечена только при руководстве ими в зависимости от исторических условий «либо со стороны буржуазии, либо со стороны пролетариата»⁷³.

Тем не менее основоположники марксизма-ленинизма всегда высоко оценивали прогрессивную роль классовой борьбы крестьянства. В. И. Ленин решительно выступал против тех дворянских и буржуазных историков, которые, неверно толкуя противоречивые непосредственные последствия крестьянских войн, ха-

⁶³ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 280, 287.

⁶⁴ См.: Там же, т. 27, с. 405.

⁶⁵ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 215—216, 218—220.

⁶⁶ Там же, т. 17, с. 211.

⁶⁷ См., например: *Машкин Н. А.* История Древнего Рима. М., 1956; *Корсунский А. Р.* Проблемы классовой борьбы в античном обществе в освещении современной буржуазной историографии.— *Вопросы истории*, 1962, № 8; *Штаерман Е. М.* Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964; *Утченко С. Л.* Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969; *Штаерман Е. М., Трофимова М. К.* Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи. М., 1971; *Конрад Н. И.* Избранные труды: История. М., 1974; и др.

⁶⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 76, 77.

⁶⁹ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 7, с. 361; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 7, с. 194; т. 39, с. 77.

⁷⁰ См.: *Поршнев Б. Ф.* Феодализм и народные массы, с. 274—279.

⁷¹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 319.

⁷² См.: *Мавродин В. В.* Советская историческая литература о крестьянских войнах в России XVII—XVIII веков.— *Вопросы истории*, 1961, № 5; О крестьянской войне в русском государстве в начале XVII века (Обзор дискуссии).— Там же; *Смирнов И. И., Маньков А. Г., Подъяпольская Е. П., Мавродин В. В.* Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. М.; Л., 1966; *Пронштейн А. П.* Решенные и нерешенные вопросы истории крестьянских войн в России.— *Вопросы истории*, 1967, № 7; *Черепнин Л.* Крестьянские войны в России периода феодализма.— *Коммунист*, 1973, № 13; и др.

⁷³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 41.

рактизовали их как реакционные бессмысленные бунты. В марксистско-ленинской исторической науке всесторонне показано глубокое прогрессивное значение классовой борьбы крестьянства эпохи феодализма и такой ее высшей формы, как крестьянские войны. «Каждая из этих войн была новым, более сильным ударом по феодально-крепостнической системе и в перспективе приближала ее к гибели. Именно так надо понимать принятое в советской историографии положение о расшатывании феодального строя под воздействием крестьянских войн... они были важным фактором социального прогресса и содействовали нарастанию предпосылок для разложения феодального строя и зарождения новой (капиталистической) формации»⁷⁴.

Таким образом, роль классовой борьбы как движущей силы истории по-разному проявляется в процессах функционирования и смены различных общественно-экономических формаций. Для истории вообще характерно нарастание эффективности движущих сил; это же относится и к классовой борьбе. В феодальном обществе трудящиеся располагали большими возможностями для своей борьбы против эксплуататоров, нежели в рабовладельческом: возрастала численность, сплоченность, организованность и целенаправленность их выступлений.

Качественное преобразование роли классовой борьбы как движущей силы истории происходит при капитализме. Здесь классовая борьба трудящихся из фактора ограничения или смены форм эксплуатации впервые превращается в борьбу за уничтожение всякой эксплуатации, за построение бесклассового коммунистического общества, что связано с вызревaniem экономических предпосылок уничтожения эксплуатации и классового деления, появлением пролетариата как самого революционного класса, разработкой К. Марксом и Ф. Энгельсом научной пролетарской идеологии, образованием пролетарских партий. Борьба рабочего класса завершает многовековую историю борьбы народных масс за освобождение труда.

Рабочий класс имеет огромные преимущества по сравнению с допролетарскими трудящимися классами; его классовые интересы совпадают с основной тенденцией развития современных производительных сил, требующих замены частной собственности на средства производства общественной. Он растет и крепнет по мере развития крупной промышленности, выступает самым организованным и сознательным классом, который не может освободить себя, не освободив в конечном счете от эксплуатации все общество. Поэтому его классовые интересы совпадают с интересами большинства трудящихся. Пролетариат — первый из трудящихся классов, чья классовая борьба приобретает интернациональный характер. Отсюда всемирно-историческая миссия рабочего класса как могильщика капитализма и создателя бесклассового общества.

Историческое превосходство пролетариата над допролетарскими трудящимися классами проявляется и в формах его классовой

борьбы и соответственно в формах классовой организации. Три основные формы классовой борьбы — экономическая, политическая и идеологическая — в той или иной степени были представлены во всех антагонистических формациях, так как классовые антагонизмы охватывают все основные сферы общественной жизни. Но у допролетарских трудящихся классов эти формы борьбы имели место лишь в неразвитом, недифференцированном виде. В классовой борьбе пролетариата они достигают полного развития.

Марксизм-ленинизм исходил и исходит из единства трех основных форм классовой борьбы пролетариата при главенствующей роли политической борьбы. Исторически первой является экономическая борьба, которая выполняет важные движущие функции: препятствует тенденции к обнищанию рабочего класса, способствует его сплочению, организации, приобретению опыта, втягивает в борьбу новые отряды рабочего класса, приводит к созданию профсоюзов как самых массовых организаций рабочего класса, готовит пролетариат к более высоким формам борьбы. Значение экономической борьбы, однако, не следует переоценивать, ибо она недостаточна для уничтожения капиталистической эксплуатации.

Высшей и решающей формой классовой борьбы пролетариата становится политическая борьба. Она носит общеклассовый характер, выражает коренные интересы пролетариата в противоположность коренным интересам класса капиталистов, порождает необходимость выработки научной пролетарской идеологии, создания высшей формы классовой организации пролетариата — марксистско-ленинской революционной партии. Марксизм-ленинизм подчеркивает многообразие проявлений политической борьбы, необходимость овладения всеми ее формами, включая борьбу за сохранение и расширение демократических свобод, за изменение буржуазного законодательства, участие в выборах, использование парламентской трибуны и т. д., но главной задачей считает ниспровержение власти буржуазии и установление диктатуры пролетариата ⁷⁴.

В особую форму классовой борьбы пролетариата с относительно самостоятельными целями и средствами выделяется идеологическая борьба за внесение научного социалистического сознания в стихийное рабочее движение, за полное преодоление буржуазной идеологии. Будучи относительно самостоятельной, идеологическая борьба в то же время подчинена основной цели классовой борьбы пролетариата — завоеванию политической власти.

Из анализа форм классовой борьбы вытекает, что классовая борьба не может быть отнесена только к экономическим или

⁷⁴ Черепнин Л. Крестьянские войны в России периода феодализма, с. 86—87; см. также: Поршнев Б. Ф. Феодализм и народные массы, с. 417.

⁷⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 236—241; т. 33, с. 34.

только к социально-политическим и духовным движущим силам. Это интегральная движущая сила, охватывающая все основные области общественной жизни. Интегральный характер классовой борьбы в полной мере развивается при капитализме, в чем состоит одна из причин большей эффективности классовой борьбы трудящихся при капитализме по сравнению с предшествующими формациями.

Буржуазные и мелкобуржуазные теоретики, будучи не в силах прямо отрицать классовую борьбу, дают ей извращенное толкование, отрицая, в частности, ее творческий, созидательный характер. Однако, как свидетельствует исторический опыт, классовая борьба выполняет не только разрушительные, но прежде всего созидательные функции, возрастающие с течением времени. Даже допролетарские трудящиеся классы, хотя и ограничивались по большей части разрушительной деятельностью, косвенно, опосредствованно выполняли и созидательные функции, заставляя господствующие классы осуществлять определенные прогрессивные преобразования. Тем более это относится к пролетариату и его союзникам. Главным итогом освободительной борьбы международного пролетариата в союзе с другими трудящимися явилась победа социалистических революций в ряде стран и образование мировой системы социализма.

Возрастание эффективности классовой борьбы трудящихся как движущей силы истории особенно характерно для современной эпохи. Во-первых, с образованием первого в мире социалистического государства, а затем — мировой системы социализма существенно изменилось соотношение классовых сил в пользу трудящихся, рабочего класса. «В центре современной эпохи стоит международный рабочий класс и его главное детище — мировая система социализма»⁷⁶. Мировая система социализма, рабочий класс капиталистических стран и национально-освободительное движение — таковы основные революционные силы современности, ведущие классовую борьбу против империализма. В связи с этим возник новый фронт классовой борьбы — противоборство мировых систем капитализма и социализма как выражение основного антагонистического противоречия современной эпохи. Борьба двух мировых систем — наиболее глубокое и масштабное проявление классовой борьбы в современную эпоху. Во-вторых, вместе с обострением основного противоречия капитализма углубляется и противоречие между монополистическим капиталом, в первую очередь транснациональными корпорациями, и большинством наций в капиталистических странах, что создает почву для союза рабочего класса с широчайшими непролетарскими слоями трудящихся в борьбе за ликвидацию господства монополий не только в национальном, но и в интернациональном плане и ведет к прямому соединению борьбы за демократию с борьбой за социализм. В-третьих, в капиталистических странах продолжается рост рабочего класса главным образом за счет формирования и расширения его наиболее квалифицированных отрядов, связан-

ных с научно-технической революцией, возрастает культурный, технический уровень пролетариата, его сознательность и организованность ⁷⁷.

Буржуазные идеологи, правые и «левые» оппортунисты принимают в последнее время огромные усилия, чтобы затуманить или извратить роль классовой борьбы в капиталистическом обществе, умалить значение рабочего класса, представить его утратившим революционный дух, «депролетаризированным», интегрированным в капиталистическую систему и т. д. ⁷⁸ Однако факты убедительно опровергают подобные домыслы. Число участников забастовок умножилось в 70-е годы нашего столетия по сравнению с 60-ми годами более чем на треть, достигнув, по официальным данным, четверти миллиарда человек. В современных условиях растет воздействие классовой борьбы трудящихся как на экономику, так и на социально-политическую и духовную жизнь ⁷⁹.

Воздействие рабочего класса на экономические процессы особенно отчетливо проявилось во время экономического кризиса 70-х годов. Пролетариат препятствует попыткам монополий выйти из кризиса за счет трудящихся. Вместе с увеличением масштабов забастовочного движения происходит расширение объема экономических и социальных требований, растет число выступлений, выдвигающих непосредственно политические требования, чаще применяются наиболее активные методы борьбы, вплоть до занятия предприятий и организации работы без капиталистов. В ряде стран пролетариату удалось добиться важных успехов в борьбе за увеличение заработной платы, сокращение рабочего дня и др. Усилилось влияние классовой борьбы трудящихся на политическую жизнь, упрочились позиции компартий и других организаций рабочего класса, усилилось их влияние в центральных и местных органах власти, укрепилось единство рабочего класса и других демократических сил, в ряде стран ликвидированы реакционные политические режимы. Возрастает роль классовой борьбы трудящихся в решении самой насущной задачи современного человечества — прекращения гонки вооружений, уменьшения опасности мировой войны.

Завершающим этапом в развитии классовой борьбы как движущей силы истории является переходный период от капитализма к социализму. Классовая борьба на протяжении этого перио-

⁷⁸ Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм. М., 1964, с. 46.

⁷⁷ См.: Ленинизм и мировое революционное рабочее движение. М., 1969; Рабочий класс в мировом революционном процессе. М., 1977; Холл Г. Революционное рабочее движение и современный империализм. М., 1974; и др.

⁷⁸ См.: Историческая миссия рабочего класса и идеологическая борьба. М., 1974; Рабочий класс в мировом революционном процессе. М., 1977; Рабочий класс и его союзники. М., 1977; и др.

⁷⁹ См.: Федосеев П. Н. Рабочий класс и общественный прогресс. — В кн.: Рабочий класс в мировом революционном процессе. М., 1977.

да сохраняется и временами может даже обостряться, но формы ее изменяются: вместо одних возникают другие. «Диктатура пролетариата,— подчеркивал В. И. Ленин,— есть *продолжение* классовой борьбы пролетариата, в *новых* формах»⁸⁰. Он выделял такие новые ее формы: 1) подавление сопротивления эксплуататоров; 2) гражданская война; 3) «нейтрализация» мелкой буржуазии, особенно крестьянства; 4) «использование» буржуазии; 5) воспитание новой дисциплины⁸¹. Развитие мирового революционного процесса показало, что вторая из названных форм не является обязательной при переходе от капитализма к социализму для всех стран; остальные же формы носят в своей основе всеобщий характер, но могут иметь различные конкретные проявления.

Основным вопросом классовой борьбы переходного периода является вопрос «кто — кого?», кто победит — капитализм или социализм? В связи с этим происходит определенное изменение движущей роли классовой борьбы трудящихся под руководством рабочего класса: ее созидательные функции преобладают над разрушительными. Построение социализма означает решение основного вопроса переходного периода и устранение экономических основ классовой борьбы.

Классовая борьба имеет исторически ограниченные рамки, чего не могут или не хотят понять некоторые буржуазные теоретики и «левые» оппортунисты. Так, Р. Ароп утверждает, что классовая борьба не угаснет на протяжении всей истории человеческого общества и К. Маркс, следовательно, ошибался, полагая, что с победой социализма классовая борьба прекратится⁸². Подобные прогнозы делают и маоистские теоретики, распространяя классовую борьбу если не на все будущее, то по крайней мере на всю первую фазу коммунизма, вплоть до его полной зрелости⁸³.

На самом деле, как об этом свидетельствует опыт СССР и других социалистических стран, с построением социализма устраняется экономическая база классовой борьбы; отношения классов и других социальных групп являются отношениями взаимопомощи, коллективизма, дружественного сотрудничества. Тем самым прекращает свое действие классовая борьба как движущая сила развития во внутренней жизни общества, вместо нее появляются новые, более эффективные движущие силы. Фронт классовой борьбы переносится вовне. Однако паши классовые противники действуют против стран социализма все более изощренно и коварно и там, где к подрывной деятельности империализма добавляются ошибки и просчеты во внутренней политике, возникает почва для активизации враждебных социализму элементов⁸⁴.

Достижения реального социализма ни в коей мере не умаляют значения идеологической, политико-воспитательной работы. Растут знания, эрудиция, духовные запросы трудящихся социалистических стран. С другой стороны, нельзя сбрасывать со счетов усиление активности пропагандистских средств классового

противника, его попытки оказать разлагающее воздействие на сознание трудящихся. Все это ставит в порядок дня задачу перестройки многих участков и сфер идеологической работы, на что применительно к условиям нашей страны обращает особое внимание Постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» (1979 г.), одобренное XXVI съездом партии как «документ долговременного действия»⁸⁵.

4. Движущие силы развития социалистического общества

*Первой и наиболее существенной чертой системы движущих сил социалистического общества является неантагонистический характер противоречий, составляющих ее ядро. «Антагонизм и противоречие,— замечал В. И. Ленин,— совсем не одно и то же. Первое исчезает, второе останется при социализме»*⁸⁶.

Неантагонистический характер противоречий при социализме вытекает из общественной собственности на средства производства, устраняющей деление общества на эксплуатируемые и эксплуататорские классы и создающей основу для развития всего общественного производства в интересах самих трудящихся, становления бесклассовой структуры общества. Такое развитие общественного производства сплачивает, объединяет людей труда, поскольку они являются теперь непосредственными проводниками и носителями той системы производственных отношений, которая соответствует их общим жизненным интересам. Разрешение противоречий между производительными силами и производственными отношениями выступает как момент развития единого способа производства, присущего коммунистической общественно-экономической формации.

Неантагонистические противоречия социалистического общества весьма многообразны. Однако проблема классификации таких противоречий остается пока в значительной мере открытой. В порядке первого приближения можно вслед за рядом исследователей выделить: 1) противоречия нового и старого, где старое представлено общественными явлениями, унаследованными от прошлого; 2) противоречия нового и старого, возникающие в ходе естественного развития социализма на его собственной основе,

⁸⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 261.

⁸¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 262—264.

⁸² См.: Реальный социализм в СССР и его буржуазные фальсификаторы. М., 1977, с. 132.

⁸³ См., Румянцев А. М. Истоки и эволюция «идей Мао Цзедуна». М., 1972.

⁸⁴ См.: Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 9.

⁸⁵ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 75.

⁸⁶ Ленинский сб., т. 11, с. 357.

и 3) противоречия, связанные с сочетанием противоположных сторон самого нового ⁸⁷.

Классификация противоречий развитого социалистического общества упирается в некоторые не до конца выясненные вопросы, главным среди которых является вопрос об основном противоречии социалистического общества и коммунистической формации в целом. В течение ряда лет данный вопрос служит предметом дискуссии в нашей стране и других социалистических странах ⁸⁸. Хотя дискуссию нельзя считать завершенной, ее положительные результаты налицо. Сформулированы требования к основному противоречию коммунистической общественно-экономической формации и ее первой фазы: 1) находиться в определяющей сфере общественной жизни — сфере материальной жизни общества и быть самым существенным противоречием этой сферы; 2) действовать на всех этапах формации, определяя ее становление, функционирование и развитие; 3) детерминировать непосредственно или опосредованно все другие общественные противоречия и, следовательно, развитие всех сфер общественной жизни.

В соответствии с этими признаками каждая формация, в том числе и коммунистическая, может иметь только одно основное противоречие. Утверждения о наличии нескольких основных противоречий в рамках одной и той же формации противоречивы по самой своей сути. В научной литературе дана убедительная критика и иной позиции, ставящей под сомнение само наличие основного противоречия социализма, исходящей из того, будто основное противоречие — атрибут развития только классово антагонистических обществ ⁸⁹.

Если рассматривать концепции авторов, которые в общем и целом согласны с указанными характеристиками основного противоречия социализма, то они в свою очередь разделяются на две группы. Первая из них считает основным противоречием социализма общеисторическое противоречие между производительными силами и производственными отношениями, взятое в соответствующей специфической форме ⁹⁰. При таком подходе конкретизация основного противоречия часто сводится к подчеркиванию ограниченности и противоречивости социалистических производственных отношений. В качестве основного противоречия социализма называются, например, противоречие между трудом по способностям и распределением по труду, противоречие между равным отношением членов общества к средствам производства и фактическим неравенством в области личного потребления.

Другая группа авторов выделяет в качестве основного противоречия социализма и коммунистической формации в целом противоречие между постоянно возрастающими потребностями общества и их фактическим удовлетворением на достигнутом этапе развития производства. Иначе говоря, речь идет о характеристике противоречия между производством и потребностями как противоречия, которое действует на протяжении всей истории, однако

в своем непосредственном виде, очищенном от всех исторически преходящих факторов, обнаруживает себя только после установления общественной собственности на средства производства, т. е. в условиях становления и развития коммунистической общественно-экономической формации⁹¹.

Какое из двух указанных противоречий социализма выступает основным? Продвижение вперед в понимании этого вопроса должно, на наш взгляд, осуществляться не путем дальнейшего противопоставления имеющихся точек зрения, а путем их сближения. Представляется плодотворным исследование субординации выделенных противоречий, их соотношения друг с другом. Вместе с тем главной методологической установкой является в данном случае связь основного противоречия коммунистической общественно-экономической формации с основным законом ее развития. Именно здесь обнаруживается наибольшая последовательность и целостность трактовки основного противоречия коммунистической общественно-экономической формации в виде противоречия между достигнутым уровнем общественного производства и постоянно возрастающими общественными потребностями.

Хотя человеческие потребности, о чем уже шла речь во второй главе раздела, рождаются из производства и из положения вещей, основанного на производстве, они не сводятся к нему и не погасают в нем. В постоянном возвращении производства к потребностям как к своей исходной причине состоит первая особенность их противоречия и взаимодействия. Наличие противоречия связано в данном случае с тем, что природа не доставляет готовый материал для удовлетворения человеческих потребностей. Какого бы развития производство ни достигло, это противоречие остается его источником, постоянно действующей причиной, всепроникающим побудительным мотивом.

⁸⁷ См.: История марксистской диалектики: Ленинский этап. М., 1973, с. 272—302.

⁸⁸ См.: Там же, с. 307—311.

⁸⁹ См.: Горбач В. И. Проблемы диалектических противоречий. М., 1972.

⁹⁰ См.: Чертков В. П. Ядро диалектики. М., 1963; Зеркин Д. П. Источники и движущие силы развития социалистического общества; Горбач В. И. Проблемы диалектических противоречий; Колесов Н. Д. Закон соответствия производительных сил и производственных отношений при социализме. Л., 1973; Штракс Г. М. Социальное противоречие; Щербина В. Ф. Проблемы диалектических противоречий в экономике социализма. Л., 1977; Мороз И. А. Диалектика развития социализма. Киев, 1978; и др.

⁹¹ См.: Степанян Ц. А. Противоречия в развитии социалистического общества и пути их преодоления.— Вопросы философии, 1955, № 2; Еремин Ю. Е. О противоречии между производством и потребностями. М., 1968; Маргулис А. В. Проблема потребности в историческом материализме. Белгород, 1971; Сулягин В. С., Сулягин А. С. Особенности противоречий в социалистическом обществе и пути их преодоления. М., 1972; Сюсюкалов Б. И. Социалистическое общество: проблемы диалектики развития; Куделин Е. Г. Диалектика производства и потребностей; Столяров В. В. Диалектические противоречия и движущие силы социализма. М., 1979; Плетников Ю. К. Специфика законов развития социалистического общества.— Вопросы философии, 1980, № 2; и др.

Вторая особенность взаимодействия между производством и потребностями, неотделимая от первой, заключается в том, что фактическое состояние производительных сил и производственных отношений и их соотношение обнаруживают себя в способах формирования и удовлетворения общественных потребностей. Если причины возникновения противоречий между производительными силами и производственными отношениями коренятся в законах развития производства, то источником и движущей силой развития общества эти противоречия являются именно как противоречия в способах формирования и удовлетворения общественных потребностей. Нельзя, например, в полной мере показать и раскрыть сущность эксплуатации трудящихся, классовых антагонизмов, причины возникновения и развития борьбы классов, не обращаясь к анализу потребностей и степени удовлетворения потребностей у различных общественных классов. Противоречия между потребностями трудящихся классов — основной производительной силы общества — и их фактическим жизненным состоянием выступает как непосредственный источник, движущая причина классовой борьбы.

Без потребностей нет производства — такова их общая и постоянная связь, присущая всему процессу развития общества. Другое дело, что при определенных производственных отношениях такая связь является опосредованной потребностями и интересами части общества — эксплуататорских классов. Одно из коренных отличий коммунистической общественно-экономической формации от всех антагонистических формаций как раз и заключается в устранении такого опосредования, в подчинении развития производства интересам трудящихся, неуклонному повышению их материального и культурного благосостояния. В этом заключается основной закон развития коммунистической общественно-экономической формации. Конечно, в соответствии с историческими условиями, при которых та или иная страна переходит к социализму, действие основного закона развития коммунистической формации проявляется по-разному. Наиболее отчетливо и во всей полноте раскрывается он на стадии зрелого социалистического общества.

Выделяя противоречие между производством и потребностями в качестве основного источника развития коммунистической общественно-экономической формации, следует обратить внимание на то, что это никоим образом не умаляет и не припигает определяющей роли производственных отношений в этом развитии. Напротив, именно при общественной собственности на средства производства становится возможным подчинить производство и распределение продуктов потребления сообразно потребностям как общества в целом, так и всех его членов⁹². Соответственно противоречие между производством и потребностями не приобретает здесь антагонистических форм своего разрешения, хотя и составляет источник всего общественного развития.

Второй важной чертой системы движущих сил социализма

является то, что в противоположность эксплуатации, конкуренции и классовой борьбе отношения между классами и другими социальными группами, общественными индивидами, обществом и личностью характеризуются в условиях развитого социализма сотрудничеством, взаимопомощью, коллективизмом, социально-политическим и идейным (моральным) единством. Социально-политическое и идейное единство — обобщенный показатель нового, впервые в истории возникшего типа социального взаимодействия. Оно так или иначе представляет собой единство коренных интересов и целей социалистического общества, основанное на общественной собственности на средства производства, ликвидации эксплуататорских классов, постепенном преодолении классовых и других социальных различий. Развитой социализм означает достижение такой ступени, такой стадии зрелости нового общества, **«когда,— по словам Л. И. Брежнева,— завершается перестройка всей совокупности общественных отношений на внутренне присущих социализму коллективистских началах»**⁹².

Если важнейшей из специфических движущих сил антагонистических формаций выступает классовая борьба, то важнейшей специфической движущей силой социалистического общества является социально-политическое и идейное единство. Именно здесь надо искать одно из важнейших отличий неантагонистических противоречий от антагонистических, особенность возникновения, развития, раскрытия и преодоления неантагонистических противоречий социализма. Причем социально-политическое и идейное единство социалистического общества — не какое-то неклассовое или надклассовое образование. В нем получает свое наивысшее общественное выражение возрастание ведущей роли рабочего класса, коммунистической партии в деле объединения и сплочения всех трудящихся социалистического общества. Одно временно это и свидетельство того, что интересы и коммунистические идеалы рабочего класса соответствуют коренным интересам всех людей труда. Именно в такой классовой определенности и конкретности социально-политическое и идейное единство социалистического общества становится важнейшей движущей силой его развития. Оно обнаруживает себя в таких многообразных новых движущих силах, как коллективизм, гуманизм, дружба народов, социалистический патриотизм и интернационализм, критика и самокритика, возрастающая роль коммунистической партии и др.

В связи с формированием при социализме новых движущих сил перед философской мыслью возник принципиальный вопрос о соотношении неантагонистических противоречий и социального единства социалистического общества, в течение ряда лет быв-

⁹² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 224, т. 26, ч. II, с. 587; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 381.

⁹³ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. М., 1978, т. 6, с. 627.

ший предмет широкой дискуссии⁹⁴. В ходе дискуссии преодолены отдельные ошибочные положения, выражавшиеся в недооценке движущей роли неантагонистических противоречий социализма. Высказывались, например, утверждения, что при социализме противоречия служат только источником развития, но не его движущей силой, что противоречиям присуща движущая функция не на всех этапах развития, что ленинское положение об относительности единства и абсолютности борьбы противоположностей к социализму неприменимо, что существуют две совершенно различные диалектики — антагонистических формаций и социализма, и поэтому следует переформулировать закон единства и борьбы противоположностей и т. д.⁹⁵

В современной философской литературе подчеркивается недопустимость противопоставления социального единства и противоречий в развитии социалистического общества. Социальное единство само содержит в себе неантагонистические противоречия, оно развивается и укрепляется по мере преодоления внутренних противоречий. Представление о непротиворечивом, равном самому себе социальном единстве не согласуется ни с принципами диалектики, ни с богатой и многообразной практикой строительства социализма и коммунизма. Неантагонистические противоречия — это и есть противоречия в рамках социального единства. «...Единство и целостность общества, — отмечается в монографии „Развитой социализм“, — не следует считать абсолютным. Речь идет о динамическом единстве, включающем наличие специфических интересов отдельных слоев и классов общества, естественное возникновение и разрешение неантагонистических противоречий...»⁹⁶

Поэтому лишена смысла альтернатива: что является движущей силой в условиях социализма — неантагонистические противоречия или социальное единство. Вопрос поставлен неверно, поскольку он уже содержит в себе отрицание внутренней связи между неантагонистическими противоречиями и единством социалистического общества. Социально-политическое единство социалистического общества, с одной стороны, выражает неантагонистический характер его внутренних противоречий, а с другой — выступает как условие их целенаправленного и успешного разрешения. В свою очередь разрешение неантагонистических противоречий социализма укрепляет социальное единство социалистического общества.

Из сказанного вытекает: ленинское положение об относительности единства и абсолютности борьбы противоположностей носит всеобщий характер, оно применимо и к социалистическому обществу. Единство противоположностей, т. е. сторон противоречия, как и любое диалектическое единство, относительно. Борьба противоположностей абсолютна. И при социализме имеет место не их примирение, нейтрализация, равновесие, а движение противоречия, его преодоление, разрешение. Специфика заключается здесь в том, что относительность единства и абсолютность борьбы

нового и старого, передового и отсталого обретаёт качественно иное содержание по сравнению с классово антагонистическими обществами, получает новую общественную направленность. Сказанное имеет прямое отношение к самой постановке и решению конкретных задач социалистического и коммунистического строительства. В частности, применительно к совершенствованию организационной структуры управления народным хозяйством XXVI съезд КПСС сформулировал рассматриваемую проблему следующим образом: «Нельзя приспосабливать живой, развивающийся организм управления хозяйством к устоявшимся, привычным формам. Наоборот, формы должны приводиться в соответствие с изменяющимися хозяйственными задачами. Только так может ставиться вопрос»⁹⁷.

Неантагонистические противоречия социализма, укрепляющееся социально-политическое и идейное единство общества — более эффективные движущие силы, чем те, которые имели место в антагонистических формациях. Огромная энергия людей не расходуется больше на взаимную борьбу и на производство вещных средств такой борьбы (производство подобных средств осуществляется лишь в той мере, в какой оно диктуется интересами безопасности социалистической системы); общественное развитие перестаёт быть результатом столкновения враждебных интересов и стремлений, возникает единство научно обоснованных действий миллионов людей, направленных на достижение общих целей.

Третья важная черта системы движущих сил социализма заключается в новом характере труда. Ликвидация отчуждения труда становится фундаментом появления таких движущих сил социализма как социалистическое соревнование, движение за коммунистическое отношение к труду и др. Соответственно в условиях социализма происходят коренные изменения и в стимулах к труду. Для прошлых формаций было характерно «абсолютное преобладание материальных вещественных стимулов»⁹⁸, которые имели различные формы проявления: погоня за прибылью (стимул капиталиста-предпринимателя), стремление выстоять в конкурентной борьбе (стимул мелкого хозяйчика), стремление избежать безработицы, обеспечить себя и семью средствами существования (стимул рабочего) и др. Социализм принципиально меняет природу материальных стимулов, наполняя их глубоким общественным содержанием, развивает моральные стимулы к труду.

Система движущих сил социализма неотделима от исторического творчества масс. Выработанные социализмом формы социальной активности трудящихся разнообразны. Они охватывают все стороны организации и управления жизнью общества, дают

⁹⁴ См.: История марксистской диалектики: Ленинский этап, с. 272—302.

⁹⁵ См.: Диалектика современного общественного развития. М., 1966.

⁹⁶ Развитой социализм. М., 1978, с. 90.

⁹⁷ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 51.

⁹⁸ Косолапов Р. И. Социализм. К вопросам теории. М., 1979, с. 291.

возможность трудящимся всесторонне развивать и проявлять свои творческие способности. Функционирование движущих сил социалистического общества находит свое итоговое выражение в устойчивом, динамичном, поступательном развитии производства и увеличении его отдачи для неуклонного повышения материального и культурного благосостояния народа. Как подчеркивалось на XXVI съезде КПСС, «в развитии экономики, культуры, в совершенствовании общественных отношений, социалистической демократии — буквально во всех областях мировой социализм уверенно идет вперед»⁹⁹. В этом проявляется большая эффективность движущих сил развития коммунистической формации по сравнению с предшествующими этапами человеческой истории. Сбываются слова В. И. Ленина о том, «что социализм таит в себе гигантские силы и что человечество перешло теперь к новой, несущей необыкновенно блестящие возможности стадии развития»¹⁰⁰.

⁹⁹ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 11.

¹⁰⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 402.

МАТЕРИАЛЬНАЯ ОСНОВА ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Глава 1

ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО, ЕГО ВИДЫ, СТРУКТУРА, ФУНКЦИИ

1. Понятие общественного производства

Теория общественного производства занимает одно из центральных мест в системе марксистско-ленинской философии. Она фокусирует основные методологические принципы научной концепции общества и его развития. Понятие общественного производства является определяющим в материалистическом понимании истории. «Индивиды, производящие в обществе,— а следовательно общественно-определенное производство индивидов,— таков, естественно, исходный пункт. Единичный и обособленный охотник и рыболов, с которых начинают Смит и Рикардо, принадлежат к лишенным фантазии выдумкам XVIII века»¹,— писал К. Маркс, определяя суть своего подхода к исследованию исторического процесса.

В учении об общественном производстве получил научное обоснование тот материалистический монизм, утверждение которого явилось переворотом во взглядах на человеческую историю. Исследуя взаимосвязь различных аспектов производства как общественного процесса, К. Маркс, подобно тому как Ч. Дарвин открыл закон развития органического мира, открыл закон развития человеческой истории, а именно то, что «производство непосредственных материальных средств к жизни и тем самым каждая данная ступень экономического развития народа или эпохи образуют основу, на которой развиваются государственные учреждения, правовые воззрения, искусство и даже религиозные представления данных людей и из которой они поэтому должны быть объяснены,— а не наоборот, как это делалось до сих пор»².

В учении об общественном производстве нашли наиболее полное выражение диалектико-материалистический характер марк-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 17.

² Там же, т. 19, с. 350, 351.

сизма-ленинизма как научного мировоззрения, его пафос революционной теории, утверждающей активное, творчески преобразующее отношение человека к миру, к исторической действительности. Историко-материалистическая трактовка общественного производства, основанная на рассмотрении материально-производственной деятельности в качестве всеобщего принципа исторического движения общества, позволила раскрыть источники и объективные законы этого движения, представить развитие общества как объективный процесс разворачивания общественной деятельности людей, осуществляющийся в единстве общественной деятельности и общения людей, их индивидуального и общественного развития.

Важно, что в системе исторического материализма категория общественного производства отражает не только процесс освоения человеком окружающего природного мира, в ходе которого он обеспечивает себя необходимыми средствами жизни. Она отражает и другое: в процессе производства таких средств между людьми складываются, воспроизводятся и развиваются материальные общественные отношения, представляющие собой необходимые, не зависящие от сознания и воли людей условия их общественного существования. Производство выступает производством самой общественной жизни. Иными словами, «производство условий жизни» людей осуществляется посредством естественного и общественного процесса. Именно этот момент и составляет специфику производства как собственно человеческой формы взаимодействия с внешней природой, его отличие от «производственной деятельности» животных, которые тоже «строят», иногда даже посрамляя своим искусством людей-архитекторов, тоже добывают пищу, «собирая» продукты питания, тоже «трудятся», действуя с помощью «орудий».

Необходимость производства средств к жизни соотносится не только с тем, что люди должны обеспечивать себя пищей, жильем, одеждой и прочими предметами потребления, но и с тем, что это «обеспечение» является основой производства и воспроизводства общественной жизни людей, необходимым условием развития человека в качестве общественного индивида. Результатом, продуктом производственной деятельности каждый раз оказываются не просто средства жизни, а и само общество, сам человек как носитель социальности. Обращая внимание на данную сторону проблемы, К. Маркс писал: «Если рассматривать буржуазное общество в его целом, то в качестве конечного результата общественного процесса производства всегда выступает само общество, т. е. сам человек в его общественных отношениях»³.

Понятое таким образом, т. е. раскрытое как способ жизнедеятельности общества, общественное производство всегда совпадает с тем, что представляют собой его участники — с их образом жизни, сложившимися формами общения, миром материальной и духовной культуры. В этом смысле оно есть не что иное, как «производство человека», ибо его конечным результатом яв-

ляется человек и в виде живого организма, и в виде носителя социальной формы движения материи, и в виде «конкретного» исторического индивида.

В самом деле, общественное производство, развертываясь как процесс труда, тождественный ему в основных структурных моментах и в общесоциальном содержании, является наряду с источником воспроизведения и развития условий общественного существования человека и сферой раскрытия и проявления его разнообразных индивидуальных способностей и талантов, поскольку именно трудовая, производственная деятельность есть основа формирования и развития человеческой личности. «Именно в переработке предметного мира,— писал К. Маркс,— человек впервые действительно утверждает себя как *родовое существо*. Это производство есть его деятельная родовая жизнь»⁴. Не случайно историческое движение человеческой индивидуальности основоположники марксизма-ленинизма выводили из смены общественных способов производства, которая одновременно выступает и в качестве движения различных исторических типов личности — от ограниченности и зависимости первобытного человека к всестороннему развитию свободной индивидуальности человека коммунистической формации.

Вот почему понятие общественного производства — это категория, отражающая законы общественной (а не только экономической) жизни людей, объединяющая два ряда закономерностей, связанных с развитием общества как экономической системы и как социального организма. Новое учение о производстве вышло за рамки экономической теории, представ своим социально-философским аспектом в качестве основы материалистического понимания истории. Сформулированное таким образом, оно позволило, с одной стороны, обнаружить не зависящий от сознания людей материальный источник развития общества, найти то единое начало, исходя из которого стало возможно объяснить всю совокупность факторов, составляющих человеческую историю, выявить объективную логику ее развертывания как естественно-исторического процесса. С другой стороны, оно сделало возможным открыть подлинную роль человека труда в истории, представив ее тем самым историей «действительных индивидов».

Обращение к общественному производству как к способу общественной жизнедеятельности впервые позволило рассмотреть и понять его в виде целостного процесса — в единстве производства материальных и духовных средств жизни. И это понятно, ведь основой человеческой жизнедеятельности является труд — социальная форма активности, предполагающая всестороннее отношение человека к окружающему миру, универсальное овладение действительностью. В своем социально-философском значе-

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 222.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 94.

нии труд есть созидание вообще, созидание, охватывающее и материальное (предметное) и духовное творчество. Поэтому человеческая жизнедеятельность всегда содержит в себе материальный и идеальный компоненты, внутренняя связь которых раскрывается на всех уровнях отношения человека к действительности. Вот, например, что писал о чувственном познании известный советский психолог А. Н. Леонтьев: «Глубокая природа психических чувственных образов состоит в их предметности, в том, что они порождаются в процессах деятельности, практически связывающей субъекта с внешним предметным миром. Как бы ни усложнялись эти связи и реализующие их формы деятельности, чувственные образы сохраняют свою изначальную предметную отнесенность»⁵.

Особенно очевидно подобная «отнесенность» проявляется в теоретическом мышлении⁶. Сама способность к нему обнаруживается в ходе предметного преобразования внешнего мира, поскольку, писал Ф. Энгельс, «существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как раз *изменение природы человеком*, а не одна природа как таковая»⁷. Рано или поздно процесс познания всегда «заземляется» на предметные формы человеческой деятельности, «угасает» в ее практических результатах. Человеческая деятельность в качестве целеполагающей активности социального существа в принципе не может быть понята адекватно, если она рассматривается односторонне, исключительно в идеальном или в материальном ее выражении. Только в единстве того и другого она выступает для индивида способом реализации его социального существования.

Выработка сознания (взглядов, представлений, идей) и обеспечение материальными средствами жизни являются двумя такими проявлениями целостной в своей основе жизнедеятельности человека, которые в реальности не существуют одно без другого. Поэтому общественное производство всегда представляет собой не только изготовление вещей, но и созидание духовных ценностей, не только материальное, но и духовное производство. Первое есть, по словам Ф. Энгельса, «производство средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий»⁸. Второе выступает как специфический способ производства общественного сознания в его исторически определенных формах. Результаты такого производства, отмечал К. Маркс, фиксируются и созданными уникальными произведениями духовной культуры, и самим процессом духовной деятельности.

Исследование общественного производства в его целостности, в единстве материального и духовного производства открывает особый угол зрения на жизнь людей. Оно позволяет с позиций последовательного материализма всесторонне рассмотреть вопрос об общественной природе сознания, выявить, в чем состоит и чем обусловлена относительная самостоятельность его разнообразных форм, противостоящих экономической жизни общества и развивающихся по своим собственным специфическим законам, выяс-

нить, посредством каких социальных механизмов осуществляется его влияние на общественное развитие. Подчеркивая определяющую роль материального производства, такой подход предостерегает от понимания идеального в качестве простого пассивного отражения материальных условий жизни людей, ориентирует на необходимость исследования духовных форм, как форм «социально-исторической деятельности, каждая из которых особым образом организована, институционализована в масштабах общества и включена в целостную систему общественного производства»⁹.

Включение общественного производства в систему понятий, описывающих духовную жизнь общества, обнаруживает, с одной стороны, что сознание в качестве процесса отражения объективной реальности всегда является продуктом тех отношений, в которых необходимо протекает деятельность субъектов отражения, что идеи складываются и развиваются под непосредственным влиянием общественного бытия. С другой стороны, обращение к категории духовного производства выявляет то обстоятельство, что идеальное производится человеком наряду с прочими средствами его жизни и является поэтому вместе с предметным преобразованием окружающего мира неотъемлемым элементом общественной жизнедеятельности.

Рассмотрение духовной деятельности через категорию производства акцентирует внимание прежде всего на социологических характеристиках общественного сознания, на том факте, что идеи всегда есть идеи конкретно-исторического общества, характеризующегося своей социальной структурой, определенным уровнем развития производительных сил и производственных отношений, общественной практики в целом. В рамках такого подхода разнообразные формы общественного сознания анализируются как социальные феномены, занимающие определенное место в системе общественных отношений. Это позволяет исследовать социальные механизмы, посредством которых осуществляется выработка, формирование идей в обществе, выявить важнейшие звенья процесса: производство, распределение, обмен (обращение) и потребление духовных средств жизни. В центре исследовательского интереса оказываются те измерения общественного сознания, которые фиксируют его функционирование в качестве отрасли общественной деятельности. При таком рассмотрении сознание пред-

⁵ Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975, с. 139.

⁶ «Сознание,— пишет Ф. Т. Михайлов,— только тогда действительно, когда человек видит в мире то, чего в нем без активной и напряженной деятельности людей нет и никогда не будет, но что в нем и по его же законам (знание!) может быть сотворено» (Михайлов Ф. Т. Загадка человеческого Я. М., 1976, с. 184).

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 545.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 26.

⁹ Мотрошилова Н. В. Наука и ученые в условиях современного капитализма. М., 1975, с. 103.

стает «в качестве важнейшего условия и компонента процесса производства и воспроизводства людьми общественных „обстоятельств“ и средств своей жизнедеятельности»¹⁰.

Важно, что анализ духовной деятельности через категорию производства, т. е. в непосредственной соотнесенности с теми общественными формами, в которых она осуществляется, предполагает рассмотрение этих форм не просто в качестве некоторого внешнего условия, очерчивающего границы духовной деятельности, а вместе с тем и как общественной системы деятельности, которая сама испытывает на себе воздействие идеального, более того, включает его в виде своего необходимого элемента¹¹. Такой подход исходит тем самым из всестороннего анализа не только общественного сознания, но и общественного бытия, означает соответственно более полное исследование исторических форм их взаимодействия. Понятие духовного производства подводит, таким образом, к анализу общественной жизнедеятельности в единстве ее материальной и духовной сторон, позволяя тем самым с максимальной степенью всесторонности учесть роль каждой из них в историческом процессе.

Рассмотрение общественного производства в виде целостного способа жизнедеятельности общества в единстве ее материальной и духовной сторон раздвинуло традиционные границы его понимания и утвердило его в качестве философской категории, отражающей общие законы развития человеческой истории. Общественное производство впервые предстало в своем философском звучании — как «общественный жизненный процесс», «производство самой жизни», «определенный образ жизни», «дейтельная родовая жизнь» и т. д.¹² И дело не только в том, что его содержание стало шире, а в том — и это имеет гораздо большее значение, — что понятие общественного производства приобрело совершенно новую методологическую нагрузку: оно стало важнейшей категорией материалистического понимания истории, позволившей сформулировать и выявить исходные принципы подхода к анализу исторического процесса.

Обращение к понятию таким образом общественному производству впервые позволило рассмотреть историю: 1) как естественноисторический процесс, подчиняющийся в своем разворачивании объективным законам и вместе с этим осуществляющийся через сознательную деятельность людей; 2) как целостный процесс в единстве его материальных и духовных факторов, недооценка каждого из которых приводит либо к вульгаризации в духе грубого экономизма, либо к неправомерному преувеличению роли сознания; 3) как процесс становления и развития человеческой личности, и в этой связи как движение к общественному состоянию, совпадающему с развитием богатой человеческой индивидуальности.

Такой подход преодолевает узость и ограниченность предшествующих марксизму исторических учений, вскрывает внутреннюю связь, существующую между освоением людьми окружаю-

щего мира и историческим движением общества. Все предшествующие учения игнорировали данный момент, и поэтому история в их интерпретации лишалась своей «земной основы», представляла в виде истории «великих деяний» выдающихся личностей. В результате «действительное производство жизни представлялось чем-то доисторическим, а историческое — чем-то оторванным от обыденной жизни, чем-то стоящим вне мира и над миром»¹³. Категория общественного производства выводит на такое рассмотрение общественной жизни, которое позволяет понять человеческую историю как деятельность людей, прежде всего трудящихся масс.

Как способ общественной жизнедеятельности общественное производство имеет сложную структуру. В широком смысле слова оно охватывает собой все существующие отрасли совокупного общественного труда. В него входят обеспечение материальными средствами жизни, сфера так называемых услуг, в том числе получившие сегодня значительное развитие здравоохранение и социальное обеспечение, выработка сознания в его разнообразных формах, а также производство и репродуцирование духовных ценностей, деятельность социальных институтов, обеспечивающих воспитание, общее и профессиональное образование, подготовку к труду, — короче, весь процесс социализации человека. Особое место в системе общественного производства занимают материальное и духовное производства, которые выступают в качестве главных моментов процесса производства и воспроизводства человеческой жизни. Характер их взаимосвязи, в основе которой лежит дифференциация физического и умственного труда, оказывает определяющее воздействие на функционирование всех других видов общественной деятельности и на общественное производство в целом.

Необходимо, однако, отметить, что до недавнего времени в философской литературе общественное производство часто отождествлялось с материальным производством. На неправомочность такого сужения его границ не раз обращали внимание многие авторы¹⁴. «Качественно новая внебиологически выработанная система средств организации коллективной жизни и коммуникации, характерная для людей, — писал, в частности, Э. С. Мар-

¹³ Толстых В. И. Духовное производство как проблема исторического материализма. — Вопросы философии, 1978, № 2, с. 45.

¹⁴ См.: Мамардашвили М. К. К вопросу о материалистической схеме анализа сознания. — В кн.: Социальная природа сознания. Вып. 1. М., 1973.

¹² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 90; т. 3, с. 19; т. 25, ч. II, с. 382; т. 42, с. 94.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 38.

¹⁴ См.: Маркарян Э. С. Очерки теории культуры. Ереван. 1969; Плетников Ю. К. Некоторые направления разработки теории исторического материализма. — Коммунист, 1978, № 17; Толстых В. И. Духовное производство как проблема исторического материализма. — Вопросы философии, 1978, № 2; Сиземская И. Н. Человек и труд: условия гармонии и развития. М., 1981; Духовное производство. М., 1981.

карян, — не может быть объяснена при ограничительной трактовке понятия „производство“, сводимой лишь к материальному производству»¹⁵. Вместе с тем имеются и исследования, включающие в систему общественного производства наряду с материально-производственной деятельностью и другие виды деятельности, публикации, где нашла широкое применение категория духовного производства¹⁶. Примечательно, что данная проблема получила отражение и в экономической литературе. Ее обсуждение связано здесь с дискуссией о границах производственной и так называемой непроеизводственной сферы. В последнюю статистика включает услуги, социальное обеспечение, здравоохранение и область функционирования духовной культуры (образование, просвещение, науку, искусство). В ходе дискуссии отмечалось, что сегодняшнее состояние общественного производства со всей очевидностью обнаруживает неправомерность ограничения его рамками одного материального производства, в связи с чем назрела настоятельная потребность в создании «специального раздела экономической науки — экономики непроеизводственной сферы»¹⁷, что факторы социально-культурного порядка не просто оказывают влияние на развитие материальной жизни людей, а составляют в системе общественного производства его необходимый компонент¹⁸. Наметившийся в последние годы интерес к рассматриваемой проблеме имеет свои причины. Превращение науки в непосредственную производительную силу, развитие научного знания, образования, духовной культуры в целом, возрастание роли и значения субъективного фактора — все это убеждает в следующем: черты и масштабы индустриального производства приобрели сегодня не только материальное производство, но и другие области приложения человеческого труда, в том числе наука и даже искусство.

2. Определяющая роль материального производства в развитии общества.

Диалектика материального и духовного производства

Тот факт, что в системе общественного производства разные виды общественной деятельности предстают в функциональном единстве, не означает, что они «равноценны» с точки зрения влияния на общественную жизнь людей, на их историю. Материальное производство, представляя собой сферу экономики, является исходным, первичным по отношению ко всем другим проявлениям общественной жизнедеятельности. Люди должны обеспечить себя необходимыми средствами жизни, чтобы быть в состоянии «делать историю». Причем это «такое историческое дело, такое основное условие всякой истории, которое (ныне так же, как и тысячи лет тому назад) должно выполняться ежедневно и ежечасно — уже для одного того, чтобы люди могли жить»¹⁹. Но проблема заключается не только и даже не столько в этом, хотя при описании исторической действительности необходимо в

первую очередь учитывать именно данный факт во всем его значении и объеме. Она состоит главным образом в том, что материальное производство выступает, по словам К. Маркса, материальным лоном истории²⁰, откуда исходят все виды человеческой деятельности. «Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще»²¹. Такова суть открытого К. Марксом закона «развития человеческой истории»²² — закона определяющей роли способа производства материальной жизни в развитии общества.

Действительно, если бросить общий ретроспективный взгляд на реальный исторический процесс, то наглядно рисуется такая картина. В ходе освоения людьми природного мира и обеспечения себя необходимыми средствами жизни формируются и воспроизводятся общественные условия, которые оказывают определяющее воздействие на всю жизнедеятельность людей. Именно поэтому К. Маркс и Ф. Энгельс рекомендовали изучать и разрабатывать «историю человечества» в связи с историей «промышленности и обмена»²³, доказывая собственными исследованиями, что только такой подход позволяет вычлениить подлинные объективные основания периодизации исторического процесса, раскрыть внутренние механизмы его развертывания. Разумеется, на исторический процесс, кроме всего прочего, оказывают влияние и идеи: политические, юридические, философские, религиозные

¹⁵ Маркарян Э. С. Очерки теории культуры, с. 45.

¹⁶ См.: Шенкман Б. Духовное производство и его своеобразие.— Вопросы философии, 1966, № 12; Межуев В. М. О понятии культуры.— В кн.: Коммунизм и культура. М., 1966; Коган Л. Н. Духовное производство и культура.— В кн.: Культура. Творчество. Человек. М., 1970; Коган Л. Н., Вишневецкий Ю. Р. Очерки теории социалистической культуры. Свердловск, 1972; Ахиезер А. С. Научно-техническая революция и некоторые социальные проблемы производства и управления. М., 1974; Белозерцев В. И. Проблемы технического творчества как вида духовного производства. Ульяновск, 1970; Он же. Техническое творчество: Методологические проблемы. Ульяновск, 1975; Социалистическое общество: Социально-философские проблемы современного советского общества. М., 1975; Мотрошилова Н. В. Наука и ученые в условиях современного капитализма.

¹⁷ Рутгайзер В. Я. Ресурсы развития непродовольственной сферы. М., 1975, с. 7.

¹⁸ Экономисты предлагают расширить содержание понятия общественного производства на том основании, что многие виды общественной, в том числе духовной, деятельности имеют очевидный экономический эффект. Поскольку общественное производство отождествляется с экономикой, постольку и выдвигается требование включения в него всех видов общественного труда, участвующих в росте национального дохода. Речь идет, таким образом, фактически о расширении границ материального производства. Но для нас здесь важен сам факт признания необходимости включения в общественное производство сферы «производства идей».

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 26.

²⁰ См.: Там же, т. 2, с. 166.

²¹ Там же, т. 13, с. 7.

²² Там же, т. 19, с. 350.

²³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 28.

и т. д. Но влияние духовных образований, так же как и всех институтов надстройки, определяет, по словам Ф. Энгельса, преимущественно форму происходящих исторических изменений, экономическое же развитие предстает в виде исторической необходимости²⁴.

В рамках взаимодействия различных видов общественного производства первичность материального производства выражается в том, что предметная, материальная деятельность всегда выступает основополагающей: все прочие виды общественной деятельности потенциально заложены в ней, и именно ее развитие обуславливает их зарождение и дифференциацию. По отношению к духовному производству первичность материального производства выражается в том, что оно составляет тот фундамент, на котором только и возможна духовная деятельность. Ведь, чтобы создавать духовные ценности, человеческая мысль должна была в свое время освободиться от грубой утилитарности, а сами создатели таких ценностей — от насущных материальных забот по поддержанию своей жизни. Материальное производство, по замечанию К. Маркса, и вытекающее из него строение общества любой исторической эпохи образуют основу ее политической и умственной истории²⁵. Поэтому его изменение так или иначе ведет к изменению сознания людей, их идеологических отношений, учреждений и организаций надстройки.

Детерминирующее воздействие материального производства находит свое выражение в разнообразных формах зависимостей духовной жизни от общественного способа, каким осуществляется материальное производство. Оно оказывает непосредственное влияние на общественные формы духовного производства, на распределение, обмен и потребление его результатов, на характер духовного общения людей. К. Маркс писал: «Из определенной формы материального производства вытекает, во-первых, определенная структура общества, во-вторых, определенное отношение людей к природе. Их государственный строй и их духовный уклад определяются как тем, так и другим. Следовательно, этим же определяется и характер их духовного производства»²⁶.

Материальному производству, основанному на частной собственности, на отчуждении труда, соответствует, что особенно наглядно обнажается при капитализме, производство отчужденного сознания и отчуждение человека в духовной деятельности. Сознание в форме религии, науки, искусства и т. д. начинает функционировать как навязанное человеку, спущенное ему откуда-то «сверху», никак не соотносящееся с его собственным бытием. Оно превращается в силу, стоящую над индивидом, подчиняющую его существование интересам господствующего класса. Идеи, подобно вещам, предстают в этих условиях перед человеком как мир не связанных с его собственным существованием и повседневной практикой сущностей, как мир не принадлежащего ему богатства. Противоречие труда и капитала, возникающее и развивающееся в сфере материального производства, полностью

переносится и на духовное производство. Духовное производство начинает осуществляться в виде такого процесса, при котором даже «свет науки не может... снять иначе, как только на мрачном фоне невежества», «материальные силы наделяются интеллектуальной жизнью, а человеческая жизнь, лишенная своей интеллектуальной стороны, низводится до степени простой материальной силы»²⁷.

Социальные принципы функционирования материального производства обуславливают собой общественную форму, в которую облекается духовная деятельность. Господство капитала, например, подчиняя общественное производство закону меновой стоимости, втягивает в систему товарных отношений и духовное творчество. Очевидной становится его коммерциализация, оно попадает под влияние все усиливающейся погони за результатами, дающими быстрый и максимальный экономический эффект²⁸. Капитал вторгается в сферу духовного производства, относясь к нему как к возможному средству увеличения прибылей.

Духовное производство во все времена было связано с выработкой соответствующего для своего времени мировоззрения, формированием необходимых духовных отношений, воспитанием личности определенного типа. В классовом обществе эти цели непосредственно соотносятся с экономическими интересами класса, владеющего средствами производства. Экономически господствующий класс всегда оказывается в конечном счете и политически господствующим классом, навязывающим обществу свою идеологию, свое мировоззрение, выработке и оправданию которых в той или иной степени подчиняется функционирование всех отраслей духовного производства. «Мысли господствующего класса,— писали К. Маркс и Ф. Энгельс,— являются в каждую эпоху господствующими мыслями. Это значит, что тот класс, который представляет собой господствующую материальную силу общества, есть в то же время и его господствующая духовная сила»²⁹. Противоречия и соотношение классовых сил, складывающиеся в сфере экономики, оказывают определяющее влияние на противоречия и классовую структуру духовного производства и всей духовной культуры общества. Именно поэтому, например, культура буржуазного общества включает как культуру пролетариата, так и культуру буржуазии, столкновение которых отражает противоречия экономических интересов этих классов.

²⁴ См.: Там же, т. 37, с. 395.

²⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 351.

²⁶ Там же, т. 26, ч. I, с. 279.

²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 12, с. 4.

²⁸ На примере науки и дизайна это убедительно показано в работах: Мотрошилова Н. В. Наука и ученые в условиях современного капитализма; Глазычев В. Г. О дизайне: Очерки по теории и практике дизайна на Западе. М., 1970.

²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 45.

От уровня и состояния материально-производственной деятельности во многом зависят формы социальной организации различных видов духовной деятельности³⁰. Материальное производство известным образом влияет на мироощущение человека, его представления о прекрасном, ценностные ориентации, нравственные и эстетические идеалы, содержание духовной культуры в целом. Духовный мир людей того или иного времени мы можем правильно понять, только принимая во внимание особенности их производственно-экономической жизни³¹. Причем существенное влияние на духовную культуру оказывает не только общественный способ, каким осуществляется производство материальных средств жизни, общественная форма присвоения человеком предметных условий труда, но и производственная технология как определенный тип связи вещных и личностных факторов производственного процесса.

Так, античное мировоззрение, как показывают исследования А. Ф. Лосева, всегда на первый план выдвигало вещи, телесную организацию материи: образы мифологической фантастики — это телесные существа, окружающий человека космос — «живая материя», «живое тело», самый развитый вид искусства — скульптура, научного знания — геометрия. Указанный принцип уходил своими корнями в своеобразие свойственного той эпохе способа производства материальной жизни, спецификой которого было массовое применение труда рабов, предусматривающее отношение к ним, как к вещи, иначе — «говорящему орудию». Немаловажное влияние на формирование духовных образов «по принципу телесной организации человека» оказал и тот факт, что общественное производство основывалось на использовании простых орудий труда, которые воспринимались работником в виде буквального «продолжения» его рук, тела, исключая тем самым их противопоставление Человеку. Отсюда вещные, предметные факторы трудовой деятельности воспринимались индивидом вместе с самим трудовым процессом, с его собственной жизнедеятельностью. Субъективная и объективная стороны производства, таким образом, не были разъединены и социально противопоставлены. Это все и стало причиной того своеобразного соединения внешнего и внутреннего мира человека, которое породило столь причудливое переплетение в его сознании фантазии и действительности, вымысла и реальности³².

Или другой пример. Совпавшая с эпохой становления капиталистического производства организация производственной деятельности, превратившая работника в простой придаток машины, стала материальной предпосылкой и соответствующих изменений в сознании людей. С одной стороны, на смену фантазии пришла логика и теоретическое мышление, с другой — появилась «внешняя заданность» мира их образов. Новая производственная технология, основанная на включении человека в производственный процесс, при котором вещные условия труда подчиняют своему движению физические и интеллектуальные усилия чело-

века, обрела значение одной из причин, породивших такую ситуацию, когда сознание в качестве абстракции от действительной жизни начинает противостоять ей.

Общественный и технологический способы производства материальной жизни во многом определяют способ духовной деятельности людей. Стиль духовного творчества каждой эпохи так или иначе детерминирован производственными отношениями и находится под значительным влиянием материальной производственной технологии. И хотя рассматриваемую обусловленность нельзя считать простой и однолинейной, она всегда имеет место, и без ее должного учета невозможно понять духовный мир человека и его времени.

Воздействие материального производства на все другие сферы общественной жизни всегда осуществляется в исторически определенной форме. В этой связи принципиальное значение имеет следующее положение К. Маркса: «Чтобы исследовать связь между духовным и материальным производством, прежде всего необходимо рассматривать само это материальное производство не как всеобщую категорию, а в *определенной исторической форме*... Если само материальное производство не брать в его *специфической исторической форме*, то невозможно понять характерные особенности соответствующего ему духовного производства и взаимодействия обоих. Дальше пошлости тогда не уйдешь»³³.

Содержание и формы детерминирующих функций материального производства не остаются неизменными, не даны раз навсегда — «от века». Они развиваются вместе с развитием общественной практики, развертыванием исторического процесса. Важно и другое. Определяющая роль материального производства в развитии общества не тождественна роли демиурга общественной жизни. В исторической действительности всегда имеет место не просто воздействие материального производства на все иные

³⁰ Например, институционализация науки и развитие ее в качестве самостоятельной отрасли духовного производства своими истоками уходят в те изменения, которые произошли в XIX в. в материальном производстве в связи с внедрением в производственный процесс машинной техники. Замена субъективного принципа организации и разделения труда объективным, установление более тесной связи производства с научным знанием, изменения в вещных и личностных элементах производительных сил вызвали потребность в таких общественных формах научной деятельности, которые определили ее сегодняшнее функционирование в качестве социального института.

³¹ Говоря об особенностях творчества Рафаэля, К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали, что его можно понять только при учете того факта, что «Рафаэль, как и любой другой художник, был обусловлен достигнутыми до него техническими успехами в искусстве, организацией общества и разделением труда в его местности и, наконец, разделением труда во всех странах, с которыми его местность находилась в сношениях» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 392).

³² См.: Лосев А. Ф. История античной эстетики: (Ранняя классика). М., 1963, с. 33—50.

³³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. I, с. 279.

сферы общественной жизни, а их взаимодействие — разумеется, на основе экономической необходимости, — внутри которого всякое деление на абсолютно первичное и абсолютно вторичное лишено смысла. Рассматривая вопрос о развитии западноевропейской философии и литературы, Ф. Энгельс отмечал, что «преобладание экономического развития в конечном счете также и над этими областями для меня неоспоримо, но оно имеет место в рамках условий, которые предписываются самой данной областью»³⁴. Хотя, например, капиталистическому производству соответствует именно капиталистическое духовное производство, а средневековому — средневековое, своеобразие и особенности духовной жизни каждой из этих эпох невозможно буквально вывести из соответствующего им уровня материального производства.

Как реальный общественный процесс материальное производство выступает, так сказать, в «в 3-х ипостасях»: в виде деятельности по освоению окружающего природного мира, процесса формирования производственных отношений и, наконец, сферы и фактора физического и духовного развития индивида. И если критерием развертывания первой и (в рамках данного социального качества) второй является экономический рост общества, то показателем третьей выступают возможности материального и духовного творчества, проявление и развитие человеческой индивидуальности. Поэтому рост материального богатства сам по себе еще не ведет к духовному развитию общества и формированию отношений, обеспечивающих развитие человеческой личности. Историческое развитие науки, морали, искусства невозможно представить в виде процесса, однозначно осуществляющегося в соответствии с развитием производительных сил общества, успехами его материально-производственной практики. Экономический рост может способствовать духовному прогрессу, а может и сопровождаться его упадком.

Превосходство в области искусства, например, совсем не является привилегией наиболее развитого в экономическом отношении народа³⁵. Эпоха Возрождения с ее гуманизмом и культом гармоничного человека давала более высокие образцы художественного творчества по сравнению с современным буржуазным искусством. Более того, развитие отдельных форм духовной деятельности может стимулироваться именно низким уровнем материальной жизни. Богатство образов античного искусства, как считает М. Лифшиц, не в последнюю очередь обусловлено жесткой зависимостью людей от стихийных сил природы, связанной с низким уровнем развития производительных сил³⁶. Напомним в этой связи следующее высказывание К. Маркса относительно развития искусства: «Определенные периоды его расцвета отнюдь не находятся в соответствии с общим развитием общества, а следовательно, также и с развитием материальной основы последнего, составляющей как бы скелет его организации. Например, греки в сравнении с современными народами, или также

Шекспир»³⁷. Детерминирующее воздействие материального производства на духовную историю общества не выступает непосредственно и обнаженно и тем более не сводится к воздействию экономических факторов. Каждый раз оно предстает в форме сложной взаимозависимости, смысл и содержание которой могут быть поняты только при условии ее всестороннего анализа.

Все это позволяет констатировать: если одна сторона диалектики материального и духовного производства связана с первичностью материального производства, то другая сторона этого взаимодействия выражает относительную самостоятельность духовной сферы общественной жизни. Подобная самостоятельность обнаруживается прежде всего в подчинении развития духовного производства специфическим, свойственным только ему закономерностям. Обращая внимание на данный аспект проблемы, применительно к истории западноевропейской философии XVIII в. Ф. Энгельс подчеркивал, что экономика ничего не создает здесь заново: она определяет лишь общее направление развития имеющегося мыслительного материала³⁸. Поэтому, объясняя, почему на смену одним представлениям, общественным идеалам, философским системам приходят другие, мы не можем ограничивать свои исследования лишь выяснением законов и форм экономического движения³⁹. Развитию идей свойственна внутренняя преемственность, основанием чего выступает их способность выражать общечеловеческое. Мы без особого труда устанавливаем связь между Софоклом, Петраркой и Пушкиным не только потому, что находим в творчестве каждого что-то созвучное нашим собственным переживаниям и мироощущению, но и потому, что их гений выражает общие для всех поколений человечества представления о добре и зле, прекрасном и безобразном, нравственном и безнравственном, утверждает общечеловеческие идеалы. Конечно, «общечеловеческое» не значит «надклассовое». Если позиции ученого, философа, художника не противоречат восходя-

³⁴ Там же, т. 37, с. 420.

³⁵ Это совсем не следует понимать в том смысле, что научно-технический прогресс и экономический рост, как это утверждают сегодня некоторые представители «левых», вообще враждебны искусству, что существует якобы какой-то роковой закон, по которому экономическое благосостояние человечества покупает ценой своей духовной опустошенности, утраты способности к эстетическому восприятию мира. Такого закона, разумеется, нет, хотя в определенных социальных условиях, как об этом свидетельствует практика капитализма, прогресс науки и техники и духовное развитие общества могут осуществляться в прямо противоположных направлениях.

³⁶ См.: *Лифшиц М. А.* Карл Маркс, искусство и общественный идеал. М., 1972.

³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 47.

³⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 37, с. 420.

³⁹ См.: *Мамардашвили М. К., Соловьев Э. Ю., Швырев В. С.* Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии. — В кн.: Философия в современном мире. Философия и наука: Критические очерки буржуазной философии. М., 1972.

щей направленности исторического процесса, то классовые пристрастия становятся определенной гарантией научности, объективности, подлинной художественности, а тем самым условием сохранения общечеловеческого в духовной деятельности.

Суть проблемы состоит в том, что духовное производство в отличие от материального, внутри которого деятельность человека достаточно жестко обусловлена требованиями, предъявляемыми к нему производственной технологией, можно считать «свободным производством». Но эта свобода имеет определенные границы, которые очерчиваются общественными отношениями, существующими в обществе ценностными установками, традициями, мировоззренческими принципами, политическими целями и др. Поэтому профессиональное занятие наукой, искусством, философией некоторым образом всегда есть выполнение «социального заказа», и свободным духовное производство оказывается лишь в заданных общественными условиями пределах.

Функционируя и развиваясь в относительной самостоятельности от материального производства, духовное производство всегда взаимодействует с ним. Более того, отдельные виды духовного производства могут обретать в структуре общественного производства особый статус. Так, продуцирование научного знания в условиях научно-технической революции является не просто важнейшей отраслью духовного производства, но и фактором, определяющим «лицо» сегодняшнего общественного производства в целом. Степень и масштабы влияния на жизнедеятельность общества отдельных видов духовного производства зависят от их удаленности от материального производства. Общая же тенденция такова: чем ближе вид духовного производства к материальной жизни общества, тем заметнее его воздействие на материальное производство и, наоборот, чем дальше удаляется вид духовного производства от материального производства, тем труднее прослеживается его воздействие на материальное производство, тем специфичней становится его собственное движение.

Взаимодействие материального и духовного производства имеет свою историю. На заре человеческой цивилизации производство сознания не существовало в виде относительно самостоятельной области человеческой деятельности. «Производство идей, представлений, сознания,— писали К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии»,— первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни. Образование представлений, мышление, духовное общение людей являются здесь еще непосредственным порождением материального отношения людей. То же самое относится к духовному производству, как оно проявляется в языке политики, законов, морали, религии, метафизики и т. д. того или другого народа»⁴⁰.

Производство сознания становится относительно самостоятельной областью человеческой деятельности лишь тогда, когда развитие материального производства приводит к возникновению

частной собственности, противопоставившей друг другу людей умственного и физического труда, превратившей умственный труд в монополию эксплуататорских классов. За умственным и физическим трудом закрепляются, с одной стороны, особые условия труда, фиксирующие разный уровень возможностей творчества и многостороннего проявления человека, и, с другой стороны, особый состав участников, отличающихся воспитанием, образованием, развитием творческих способностей, интеллектуальных потенций. Вместе с возникновением частной собственности «связь между материальной и духовной деятельностью людей осуществляется... не в формах совместной деятельности всех членов общества, а через отношения между различными социальными группами, через классовые антагонизмы»⁴¹.

Умственная деятельность не только отделилась от материально-производственной, но и приняла внешнее по отношению к ней существование. Сфера сознания настолько «отошла» от материального производства, что их связь порой лишь угадывается, создавая иллюзию полной автономии⁴². Своей наиболее развитой формы противоположность умственного и физического труда достигает при капитализме, который доводит разъединение отдельных видов общественного труда до «высшей точки», когда с разделением труда, по словам К. Маркса, «разделяется» и сам человек, когда «каждый приобретает свой определенный, исключительный круг деятельности, который ему навязывается и из которого он не может выйти»⁴³.

Правда, поскольку материальное производство невозможно без использования определенных знаний, из духовной деятельности выделилась та ее часть, которая стала развиваться в рамках задач материального производства, подчиняясь его непосредственным целям. С появлением фабрик эта деятельность конституировалась в деятельность особой группы людей — инженерно-технических работников, связанных с материальным производством, но стоящих по сути дела вне самого производственного процесса. Их труд, интегрированный в процесс производства, обрел своеобразное значение его внешних условий. Высшие же формы духовной деятельности — наука и искусство, превратившиеся в область профессиональных занятий узкой группы людей, тем более противостояли грубой предметности материального произ-

⁴⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 24.

⁴¹ Межуев В. М. О понятии культуры. — В кн.: Коммунизм и культура. М., 1966, с. 26.

⁴² Именно с этого момента, пишут К. Маркс и Ф. Энгельс, «сознание может действительно вообразить себе, что оно нечто иное, чем осознание существующей практики, что оно может действительно представлять себе что-нибудь, не представляя себе чего-нибудь действительного, — с этого момента сознание в состоянии эмансипироваться от мира и перейти к образованию «чистой» теории, теологии, философии, морали и т. д.» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 30).

⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 31, 32.

водства, основанного на подетальном расчленении трудового процесса, т. е. на кооперированном труде. Последний в отличие от всеобщего труда, лежащего в основе духовного творчества⁴⁴, предполагает ограничение трудовой деятельности кругом строго определенных операций. Если всеобщий труд представляет собой самодеятельность, т. е. деятельность, реализующуюся в соответствии с собственными способностями и наклонностями, потребностями и интересами индивида, то кооперированный труд предполагает строгое следование предписываемым нормам и правилам. Можно даже сказать, что он основан на известном отрицании самостоятельности в действиях человека, на нивелировании его личных качеств: чем более человек утрачивает индивидуальные качества, тем оптимальнее он вписывается в производственный процесс. Не случайно кооперация становится всеобщей формой организации труда в материальном производстве именно на стадии его промышленного развития, когда подетальное расчленение трудового процесса на простейшие операции утверждается в качестве главного технологического принципа. Всеобщий же труд связан с рефлексивными моментами деятельности, со способностью человека ставить цели, принимать решения, оценивать результаты своего труда и т. д., именно поэтому он является сферой проявления и развития творческих сил человека. Вот почему с появлением общественного разделения физического и умственного труда возникает социальное противопоставление материального производства производству сознания как разных по возможностям творчества сфер общественной деятельности.

Таким образом, главными факторами, вызвавшими и социально оформившими противопоставление духовной и материальной деятельности в качестве обособленных видов общественного производства, было появление частной собственности на средства производства и социальная дифференциация людей, занятых физическим и умственным трудом. Очевидно, что ликвидация этих факторов и будет означать преодоление социального противопоставления двух видов общественной жизнедеятельности. Об этом со всей очевидностью свидетельствует сегодняшняя практика социализма.

Преобразование общественного производства на социалистических началах уничтожило основы социального противопоставления материального и духовного производства. С одной стороны, производство материальных условий жизни при социализме подчиняется таким общественным целям, которые неотделимы от развития человеческой личности. С другой стороны, духовное производство превращается в фактор непосредственного производства «самых „сознательных индивидов“, то есть индивидов, обладающих всем духовным богатством общества»⁴⁵. Занятие умственной деятельностью перестает быть монополией определенной социальной группы. Духовная деятельность начинает выступать как сфера проявления творческой активности широких трудящихся масс. «...В производственной деятельности миллионов

рабочих и колхозников,— отмечал на XXVI съезде КПСС Л. И. Брежнев,— все теснее переплетается физический и умственный труд. Многие из них — рационализаторы и изобретатели, авторы статей и книг, государственные и общественные деятели»⁴⁶. Социализм раз навсегда ликвидировал социальную противоположность между работниками физического и умственного труда. На этапе зрелого социалистического общества шаг за шагом преодолеваются последние предпосылки социального разъединения производства материальных и духовных богатств. Во взаимодействии материального и духовного производства проявляются новые черты.

Во-первых, все более обнаруживает себя тесная зависимость функционирования и развития материального производства от успехов науки, уровня творческих, духовных потенций человека, культурно-технического развития работника. Сдвиги, происходящие под влиянием научно-технической революции в структуре производительных сил, качественные преобразования их вещных и личных элементов, изменения в характере и содержании труда, интеллектуализация производственной деятельности, сопровождающаяся «превращением» человека из агента в субъект процесса производства, порождают такие условия, когда духовное развитие общественного индивида становится одним из ведущих факторов материального производства.

Во-вторых, развертывание научно-технической революции сопровождается дальнейшим превращением науки в непосредственную производительную силу и, следовательно, расширением и укреплением на этой базе связи духовного производства с материально-производственной практикой. Наука начинает пронизывать все звенья материального производства, решая на всех своих структурных уровнях проблемы, которые в конечном счете «выходят» на материальное производство. С другой стороны, само материальное производство становится в полной мере предметным воплощением, экспериментальной базой науки. Главное направление развития научного знания и материального производства сегодня связано с превращением производства в научное производство, а науки — в производительную науку⁴⁷.

В-третьих, существенно увеличиваются масштабы и удельный вес духовного производства и соответственно его значение для жизнедеятельности общества в целом. Отчетливо обнаруживается тенденция к перемещению все большей массы человеческого труда в науку, просвещение, искусство, возрастают темпы и размах

⁴⁴ «Всеобщим трудом,— писал К. Маркс,— является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 25, ч. I, с. 116).

⁴⁵ Социалистическое общество: Социально-философские проблемы современного советского общества. М., 1975, с. 107.

⁴⁶ Материалы XXVI съезда КПСС, М., 1981, с. 53.

⁴⁷ См.: *Волков Г. Н.* Истоки и горизонты прогресса: Социологические проблемы развития науки и техники. М., 1976.

развития научных исследований. Развитие науки и распространение знания выступают в условиях развитого социализма как одна из самых крупных сфер общественной деятельности. Духовное производство приобретает некоторые характеристики материального производства, в частности в его осуществлении заметно усиливается роль планирования, управления, коллективного начала. Очевидной становится индустриализация материальной базы духовного производства.

Появление этих новых черт во взаимосвязи материального и духовного производства свидетельствует о том, что зрелый социализм в своем движении к коммунизму создает предпосылки соединения материального и духовного производства в единую социально однородную целостность, в рамках которой детерминирующие функции материального производства обретают качественно новое состояние.

Анализ исторических форм взаимодействия материального и духовного производства позволяет в заключение сделать выводы о том, что диалектика материальной и духовной сторон человеческой жизнедеятельности всегда выражает реальное взаимодействие, складывающееся в соответствии с развитием производительных сил и производственных отношений. Историческое движение форм такого взаимодействия связано с общим развитием общественного производства. Обусловленность духовной жизни (и не только духовной жизни) способом производства материальной жизни обнажает его роль основы исторического процесса. Поэтому дальнейшее исследование исторического процесса требует специального рассмотрения способа производства материальной жизни, выяснения диалектики его развития. На данных вопросах мы и сконцентрируем свое внимание.

ем. Именно технологический способ производства имел в виду К. Маркс, говоря о том, что вмешательство капитала не может сразу изменить способ, каким изготавливаются сапоги и прядётся пряжа. Изменение способа производства совершается позже, когда капиталистическое производство создает собственный технический базис⁵. О технологическом способе производства идет речь и тогда, когда технический переворот, совершающийся в одной сфере промышленности, рассматривался К. Марксом как условие преобразования способа производства в других, связанных с нею сферах⁶ и т. д. Что же касается самого термина «технологический способ», то и он был введен К. Марксом в подготовительных материалах к «Капиталу»⁷.

Нет необходимости доказывать, что технологический способ производства не существует сам по себе, без определенной общественной формы. Более того, технические и общественные условия процесса производства представляют собой две неразрывные стороны единого общественного способа производства или просто способа производства (термин, имеющий наиболее широкое распространение в современной марксистской литературе). Составляя собственную материальную основу исторического процесса, общественный способ производства, как известно, выступает в виде диалектического единства двух сторон: производительных сил и производственных отношений. Если первая сторона выражает отношение людей к природе, то вторая сторона — взаимные отношения людей в процессе производства, через которые реализуются их отношения к природе. Однако все это ни в коей мере не ставит под сомнение познавательное значение технологического способа производства как научной абстракции, как «начала» восхождения познания при социально-философском изучении производительных сил и производственных отношений от абстрактного к конкретному.

Центральной проблемой технологического способа производства выступает при таком подходе проблема технологического соединения человека и средств труда⁸. Раскрывая ее специфику, К. Маркс писал: «Предмет, которым человек овладевает непосредственно... есть не предмет труда, а средство труда. Так данное самой природой становится органом его деятельности, органом, который он присоединяет к органам своего тела, удлиняя таким образом, вопреки библии, естественные размеры последнего»⁹. Обретая функции внешних (в сопоставлении с человеческим организмом) и в этом смысле искусственных «производительных органов общественного человека»¹⁰, средства труда безгранично увеличивают его могущество, расширяют и углубляют его физические и умственные способности. Они преобразуют человека в универсальное существо, обладающее, по замечанию К. Маркса, возможностями всю природу превращать в свое «неорганическое тело»¹¹.

Сформулированные К. Марксом положения о производительных органах общественного человека имеют, по нашему мнению,

прямое отношение к раскрытию природы производительных сил. Исходя из этих положений, производительные силы можно определять как совокупные силы производительных органов общественного человека, т. е. как такие силы процесса производства, которыми человек овладевает непосредственно. При таком понимании производительных сил их субстратными элементами является человек с его знаниями, производственным опытом и трудовыми навыками (личный элемент) и средства труда (вещный элемент). Личный элемент производительных сил К. Маркс называл субъективными, вещный — объективными производительными силами¹². Важно отметить, что противопоставление объективного и субъективного не тождественно в рассматриваемом контексте противопоставлению материального и идеального. В своей предметной деятельности человек столь же материален, сколь материальны и средства его труда. Субъективные производительные силы — это те физические и духовные свойства общественного индивида, которые реализуются в процессе производства.

Человек всегда был и будет главной производительной силой. *«Первая производительная сила всего человечества,— подчеркивал В. И. Ленин,— есть рабочий, трудящийся»*¹³. Производительной силой становится и способ совместной деятельности людей. Уже само соединение производственных действий людей порождает производительную силу, качественно отличную от простой суммы составляющих ее сил. Без личного элемента производительных сил нет и не может быть и их вещного элемента. Как объективные производительные силы средства труда представляют собой все то, с помощью чего человек воздействует на предмет труда, все материальные образования, становящиеся проводниками такого воздействия. В качестве искусственных производительных органов общественного человека средства труда могут быть либо просто взяты человеком у природы в готовом для использования виде и лишь совершенствоваться применительно к процессу производства, либо всецело создаваться человеком путем преобразования исходных форм веществ и сил природы. *«Природа,— писал К. Маркс,— не строит ни машин, ни локомотивов, ни железных дорог, ни электрического телеграфа, ни сельфакторов и т. д. Все это — продукты человеческого труда, природный материал, превращенный в органы человеческой воли, властвующей над природой, или человеческой деятельно-*

⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 196.

⁶ См.: Там же, с. 395.

⁷ См.: Там же, т. 49, с. 89.

⁸ См.: Социализм: диалектика развития производительных сил и производственных отношений. М., 1975.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 190.

¹⁰ См.: Там же, т. 23, с. 383, примеч.

¹¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 92.

¹² См.: Там же, т. 46, ч. I, с. 485.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 359.

стью в природе. Все это — *созданные человеческой рукой органы человеческого мозга, овеществленная сила знания*»¹⁴.

Наряду с понятием средств труда в философской и экономической литературе часто используется также понятие орудий производства (труда). Основоположники марксизма-ленинизма не считали, что орудия производства (труда) обладают лишь механическими или какими-то другими подобными свойствами. К. Маркс и Ф. Энгельс обращали, в частности, внимание на то, что «пашню (воду и т. д.) можно рассматривать как естественно возникшее орудие производства»¹⁵. Писал К. Маркс и о производственном потреблении орудий труда вследствие «механического или химического отношения к материалу труда...»¹⁶. Различие между орудиями производства (труда) и средствами труда в другом. Орудия производства (труда) — это основные средства труда данного процесса производства, соответственно из их состава исключаются производственные помещения, подъездные пути, осветительное и вентиляционное оборудование и прочие средства, выполняющие в процессе производства вспомогательные функции.

Рассматривая историю материального производства, К. Маркс и Ф. Энгельс разделяли орудия производства на «естественно возникшие» и «созданные цивилизацией». В логическом плане выделенные подразделения соответствуют двум этапам развития общественного производства: этапу, когда «индивиды подчиняются природе», и этапу, когда индивиды «подчиняются продукту труда»¹⁷. В первом случае, т. е. при естественно возникших орудиях производства, продукты труда продолжают оставаться в равной мере и продуктами природы. Скотоводство и земледелие, введение которых Ф. Энгельс вслед за Л. Г. Морганом относил к периоду варварства, означали лишь овладение методами увеличения производства продуктов природы. Отличные от них продукты являлись в основном вспомогательными средствами присвоения продуктов природы. В связи с этим производственная деятельность людей, а следовательно, и исторический процесс вообще были неотделимы от строго определенного комплекса природной среды. Зарождавшаяся цивилизация имела территориально ограниченное, местное (локальное) значение. Во втором случае (при орудиях производства, созданных цивилизацией) общественные индивиды приобретают известную самостоятельность по отношению к природе. Такая самостоятельность по мере развития материального производства ведет к преодолению территориальной замкнутости общественной жизни, ее однозначной связи с избирательным комплексом природной среды, в конечном счете — к глобальному развитию цивилизации, превращению исторического процесса в единый процесс всемирной истории.

Средства труда представляют собой опредмеченные сущностные силы человека. Именно поэтому в своей совокупности они становятся решающей вещественно-материальной характеристикой исторической ступени развития общества. «Такую же важ

ность, — отмечал К. Маркс, — какую строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций. Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда»¹⁴. Однако роль материального памятника прошлых эпох могут играть далеко не все средства труда, а лишь такие, которые опредмечивают человеческий труд в своей специфической форме. Поэтому, к примеру, не сама пашня, а средства ее обработки, не катализаторы химических процессов, а средства изготовления, хранения и применения химических веществ имеют существенное значение для историка.

В соответствии со свойством некоторых средств труда сохранять в своей форме отличительные признаки определенной эпохи общественного производства К. Маркс выделял среди них механические средства труда — костную и мускульную систему производства — и относящиеся сейчас к инфраструктуре общественного производства такие материальные условия, как средства хранения, транспорта и т. п. предметов труда и готовой продукции — сосудистую систему производства. Сюда же К. Маркс относил и средства немеханической переработки предметов труда, используемые в то время в химической промышленности. Отмеченное выделение средств труда полностью соответствует истории прошлых эпох общественного развития. С точки же зрения современного состояния производства оно нуждается в некотором уточнении.

Для будущего историка современной эпохи не только экскаваторы, ядерные реакторы и нефтехранилища, но и аппараты химического синтеза, электронные вычислительные машины, радиотелефоны и др. будут составлять ее отличительные признаки. Произошла дифференциация технологического и энергетического оборудования. Энергетика стала особой отраслью общественного производства. Свою специфику и самостоятельное значение обрели средства немеханической переработки предметов труда. Внедрение в технологию разнообразных средств передачи информации, ее переработки, автоматизации производства поставили вопрос и об особом месте в совокупности средств труда управляющей системы производства. Все это позволяет, по нашему мнению, с полным основанием подразделить средства труда, опредмечивающие в своей форме отличительные особенности современной эпохи общественного производства, на технологические средства (включая средства немеханической переработки предмета труда), энергетические средства, средства управления и средства

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 215.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 65.

¹⁶ Там же, т. 46, ч. I, с. 252.

¹⁷ См.: Там же, т. 3, с. 65.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 191.

транспортировки, хранения и т. п. предметов труда и готовой продукции.

Взаимодействие в процессе производства вещного и личного элементов производительных сил необходимо ведет к тому, что производительные силы в дополнение к субстратным приобретают еще и функциональные характеристики. В этом отношении моментами производительных сил выступают организационное разделение труда как его технологическое, отраслевое, территориальное и т. п. распределение, специализация труда, кооперирование и комбинирование, а также методы согласования технологических операций и управление технологическим циклом. Другими словами, функциональной характеристикой производительных сил становится организация производства в самом широком ее значении. В социально-философском плане такая характеристика позволяет глубже и полнее понять общественную сущность производительных сил как силы совместной деятельности людей, соединяющей людей, детерминирующей обмен их деятельностью и результатами деятельности. Надо также иметь в виду и то, что современные производительные силы обусловлены общим состоянием науки и ее технологическим применением в производстве. Сама наука через такое ее использование превращается в непосредственную производительную силу.

По вопросу о содержании категории производительных сил существуют и мнения, отличные от изложенного¹⁹. Определенным аспектом рассмотрения производительных сил является их анализ под углом зрения живого и овеществленного (опредмеченного) труда. Человек всегда противопоставляет природе свой живой и овеществленный труд. «...Всякая производительная сила,— писал К. Маркс,— есть приобретенная сила, продукт предшествующей деятельности»²⁰. Отсюда делается вывод: производительные силы суть люди (живой труд) и созданные людьми средства производства (овеществленный труд), включающие средства труда и предметы труда — сырые материалы, т. е. предметы труда, уже прошедшие предварительную обработку, «профильтрованные» живым человеческим трудом.

Слов нет, производительные силы, взятые в своем историческом развитии, всегда представляют собой единство живого и овеществленного труда. В этом правомерность данной постановки вопроса. Однако характеристику производительных сил через живой и овеществленный труд нельзя считать достаточной. Во-первых, в состав производительных сил входят и естественно возникшие орудия производства, совершенствуемые человеческим трудом в процессе их использования; во-вторых, важно помнить, что по мере развития машинной индустрии живой и овеществленный труд все больше перестает быть адекватным показателем состояния производительных сил, которые, по словам К. Маркса, «не находятся ни в каком соответствии с непосредственным рабочим временем, требующимся для их производства, а зависят, скорее, от общего уровня науки и от прогресса техники, или от

применения этой науки к производству»²¹; в-третьих, вызывает сомнение обоснованность противопоставления различных компонентов совокупного предмета труда.

Производственные функции предмета труда не зависят от того, профильтрован он предшествующим трудом или нет. С этих позиций включение в производительные силы сырых материалов не выдвигает каких-либо запретов для включения в них и всех прочих предметов труда. Такой подход имеет широкое распространение в современной экономической литературе. Представлен он и в некоторых философских изданиях. «На всех ступенях исторического развития,— говорится, например, в «Философской энциклопедии»,— производительные силы включают людей как производителей материальных благ и средства производства, т. е. средства и предметы труда, используемые в производственном процессе»²².

Мы уже высказали свои соображения, касающиеся вещного элемента производительных сил. В связи с дискуссией приведем некоторые дополнительные аргументы. Конечно, используемые в производстве материалы являются важным показателем технического и вместе с ним социального прогресса. В этом отношении дифференциация ранних этапов человеческой истории на каменный, бронзовый и железный века отнюдь не случайна. Однако функцию производительной силы такие материалы приобретают лишь тогда, когда становятся материальным субстратом средств труда. Полное или частичное включение предмета труда в производительные силы приходит, как нам кажется, в противоречие с их сущностной характеристикой. Именно потому, что производительные силы выражают отношение общества к природе, они в принципе не могут охватить собой те моменты процесса производства, которые стоят на стороне природы. Они составляют преобразующую силу процесса производства. Сырые же материалы, не говоря о прочих предметах труда, продолжают оставаться преобразуемыми факторами. Если предмет труда включать в производительные силы, то производство перестает быть процессом, совершающимся между человеком и природой, общество теряет статус открытой системы²³, его развитие нельзя уже выразить известной формулой К. Маркса: «Человек и его труд на одной стороне, природа и ее материалы на другой...»²⁴.

Действительная проблема заключается, по нашему мнению, совсем не в этом. Грань между средством труда и предметом труда относительна. Одна и та же нефть, например, средство труда

¹⁹ Различные точки зрения рассмотрены в книге: *Соснина Т. Н.* Предмет труда: (Философский анализ). Саратов, 1976.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 27, с. 402.

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 213.

²² Философская энциклопедия. М., 1967, т. 4, с. 384.

²³ См.: *Марахов В. Г.* Структура и развитие производительных сил социалистического общества. М., 1970.

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 195.

в теплоэнергетике и предмет труда в химической промышленности. «Машина,— отмечал К. Маркс,— производит машину. Уголь помогает поднимать уголь из шахты, уголь перевозит уголь и т. д.»²⁵ Более того, такая грань неопределенна, что особенно наглядно обнаруживается при преобразовании вещества на атомном и молекулярном уровнях (компоненты химической реакции могут одновременно быть и средством труда и предметом труда). Но рассматриваемая грань и определена, определена в той мере, в какой позволяет характеризовать вещный элемент производительных сил как такую силу процесса производства, которой в отличие от предмета труда человек овладевает непосредственно.

Включение предметов труда в производительные силы связано в значительной мере с неправомерным отождествлением двух различных категорий — производительных сил и производительной силы труда. К. Маркс широко пользовался и той и другой категориями. Он рассматривал производительную силу труда как его производительность, которая зависит не только от общественных, но и от естественных факторов. Позиция К. Маркса в этом вопросе вполне однозначна. «Производительная сила труда,— писал он,— определяется разнообразными обстоятельствами, между прочим средней степенью искусства рабочего, уровнем развития науки и степенью ее технологического применения, общественной комбинацией производственного процесса, размерами и эффективностью средств производства, природными условиями. Одно и то же количество труда выражается, например, в благоприятный год в 8 бушелях пшеницы, в неблагоприятный — лишь в 4 бушелях. Одно и то же количество труда в богатых рудниках доставляет больше металла, чем в бедных и т. д.»²⁶

В структуре производительных сил общества особое место занимает техника. С одной стороны, понятие «техника» по своему содержанию уже понятия «средства труда». В отличие от техники средства труда могут иметь естественное происхождение, примером чего является пахля. В качестве средств труда выступают и различные вспомогательные средства, в том числе технические сооружения: производственные помещения, дороги, каналы и др. С другой стороны, понятие «техника» шире понятия «средства труда». Наряду с производственной техникой существует военная техника, медицинская техника, бытовая техника и т. д. В прямом значении слова *техника* представляет собой искусственно созданные человеком средства преобразования вещества и других видов материи, энергии и информации. Возможен и иной подход к ее характеристике. Обращая внимание на связь техники с человеческим трудом, Г. Н. Волков, в частности, справедливо утверждает: «Техника — это опредмеченные трудовые функции человека, и, чем более развитой она становится, тем больше функций в ней опредмечено»²⁷.

Основу современных производительных сил составляет действующая в процессе производства система человек—техника.

В зависимости от производственных функций человека в ее развитии выделяются три основных этапа, соответствующих трем основным технологическим способам производства,— этапы инструментализации (ручная техника), механизации (машинная техника с ручным управлением) и автоматизации (машинная техника с автоматическим управлением). На каждом из этих этапов человек своей собственной деятельностью по-разному опосредует, регулирует и контролирует свой обмен веществ с природой.

При инструментализации физическая сила человека является двигателем производственной системы, рука — рабочим органом, т. е. органом, непосредственно направляющим рабочее орудие или инструмент, нервная система — управляющим органом. Механизация освобождает человека от функции двигателя, рука перестает быть непосредственно рабочим органом. Технологическая связь человека и средств труда становится связью управления. Человек с помощью своих естественных органов, напрягая волю и физическую силу, отдельно управляет каждой технологической операцией. Он все больше приобретает опыт и навыки в ограниченном круге действий, оформляется в так называемого «частичного рабочего». С этой точки зрения машина является искусственным органом не отдельного человека, а «совокупного рабочего». Наконец, автоматизация преобразует саму связь управления. В системе человек—техника возникают искусственные органы управления технологическими операциями. Функция человека превращается в функцию руководителя технологического цикла. Человек непосредственно связан теперь с управлением естественными процессами, которые наука и техника превращают в производственные процессы.

Посредством производительных сил человек воздействует на природу, преобразует ее вещества и силы в форму, удовлетворяющую его потребности. Поэтому они всегда выражают собой отношение общества к природе. Но в процессе производства люди вступают в отношение не только к природе. Они не могут производить, не объединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью. «Чтобы производить,— писал К. Маркс,— люди вступают в определенные связи и отношения, и только в рамках этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство»²⁵. Производственные отношения, если брать их в наиболее общем, абстрактном виде,— это те отношения, которые складываются между людьми в процессе производства. Наряду с производительными силами они также составляют необходимую сторону общественного способа производства. Од-

²⁵ Там же, т. 26, ч. II, с. 60.

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 48.

²⁷ Волков Г. Н. Источники и горизонты прогресса, с. 41.

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 6, с. 441.

нако такое рассмотрение производственных отношений выдвигает задачу конкретизации их общего, абстрактного понимания.

В широком смысле слова общественные производственные отношения представляют собой всю совокупность экономических отношений. Не останавливаясь на характеристике производственных отношений как материальных общественных отношений, о чем уже шла речь в предшествующем разделе, еще раз отметим, что в соответствии с фазами общественного воспроизводства они дифференцируются на отношения непосредственного производства, распределения, обращения (обмена) и потребления. В системе всех этих отношений отношения производства играют определяющую, первичную роль. Подчеркивая, в частности, зависимость от отношений производства отношений распределения и обмена, В. И. Ленин писал: «Если же мы последовательно будем смотреть на «производство», как на общественные отношения по производству, то и «распределение», и «потребление» потеряют всякое самостоятельное значение. Раз выяснены отношения по производству, — *тем самым* выяснилась и доля в продукте, приходящаяся отдельным классам, а следовательно, «распределение» и «потребление». И наоборот, при невыясненности производственных отношений... всякие рассуждения о потреблении и распределении превращаются в банальности или невинные романтические пожелания»²⁹.

Отношения распределения обусловлены отношениями производства. Индивид, принимавший участие в производстве в качестве капиталиста, участвует в результатах производства, получая прибыль; принимавший участие в качестве наемного рабочего — получая заработную плату. Место общественных индивидов в процессе производства, вытекающее из их отношения к средствам производства, определяет собой способы получения и размеры общественных богатств, которыми они располагают. Отношения распределения в этом плане составляют обратную сторону отношений производства. На самом деле, прежде чем распределение становится распределением создаваемого продукта, оно становится распределением средств производства. Но такое распределение является выражением и конкретизацией распределения индивидов по родам производства — общественного распределения труда, представляющего собой подчинение членов общества исторически определенным отношениям производства. Это распределение, заключенное в самом процессе производства, и опосредуется в конечном счете общественным отношением распределения результатов труда.

В отношениях производства коренятся и отношения обмена (обращения). Обмен как обмен «деятельностей и способностей»³⁰ в процессе производства составляет существенную сторону самого производства. Относительную самостоятельность приобретает лишь обмен продуктами труда, когда продукты обмениваются для потребления в собственном смысле слова (непроизводительного потребления). Но и в этом своем проявлении отношения об-

мена обусловлены отношениями производства хотя бы потому, что обмен обязательно предполагает разделение труда. Отношения обмена, как и отношения распределения, либо непосредственно заключены в отношениях производства в виде их моментов, либо подчинены им.

Общественные отношения производительного потребления рабочей силы и средств производства также выступают в качестве определенного аспекта отношений производства. Нельзя отрывать от отношений производства и общественные отношения непроизводительного потребления, которые в конечном счете всегда обусловлены функционированием и развитием отношений производства. Само личное потребление в этой связи обретает значение общественной функции, характер которой неотделим от общественной формы процесса производства.

Отношения производства через отношения распределения, обмена и потребления постоянно воссоздают сами себя как исходную общественную форму социального движения. Продавая в условиях капитализма рабочую силу, наемный рабочий, например, получает необходимые жизненные средства; потребляя их, он снова должен продавать рабочую силу. Производственные отношения, писал К. Маркс, «воспроизводятся с неизменностью естественных отношений...»³¹.

Постановка К. Марксом вопроса о первичных и производных (вторичных, третичных) производственных отношениях, известную роль среди которых играют международные экономические связи³², имеет и другой, более широкий смысл. Речь идет не только о системе производственных отношений, но и обо всем многообразии форм их проявления. Дело в том, что в отношениях производства, распределения, обмена и потребления представлены не просто отдельные общественные индивиды, а в классовом обществе прежде всего классы и другие социальные группы. Эти отношения разворачиваются как отношения между людьми физического и умственного труда, городом и деревней, предприятиями, отраслями и территориально-производственными комплексами, странами и регионами. Они обнаруживают себя в общественном разделении труда, его специализации, кооперировании, комбинировании, обособлении и обобществлении производства; в экономических интересах, противоречиях их развертывания и соподчинения.

В конкретных исторических условиях отношения производства, распределения, обмена и потребления наполняются конкретным историческим содержанием. Причем всюду и всегда их сущность (основное производственное отношение) надо искать в форме собственности на средства производства, т. е. в отношениях

²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 196.

³⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 725.

³¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 152.

³² См.: Там же, т. 46, ч. I, с. 46.

людей по поводу средств производства, на что уже обращалось внимание при рассмотрении общих проблем теории общественных отношений. Как общественный способ присвоения людьми средств производства и соответственно соединения рабочей силы со средствами производства собственность на средства производства предопределяет собой общественный способ присвоения людьми производимой продукции. Она составляет внутреннюю основу всей совокупности отношений непосредственного производства, распределения, обмена и потребления, так или иначе проявляется в этих отношениях.

Вместе с тем в связи с рассматриваемым вопросом возникает возможность дифференциации производственных отношений не только в зависимости от фаз общественного производства и воспроизводства, но и по другим основаниям. Взятые сами по себе в плане присвоения людьми предметов производительного и непроизводительного потребления, т. е. абстрагированные от процесса производства, производственные отношения выступают в виде отношений собственности на средства производства и отношения собственности на производимую продукцию.

Однако, в каком бы плане мы ни брали производственные отношения, в целом они всегда выступают как отношения собственности. Проблема соотношения производственных отношений и отношений собственности, на которой мы уже останавливались, характеризуя материальные общественные и идеологические отношения, широко обсуждается в современной экономической литературе. «Выяснение экономического содержания собственности с позиций материальности производственных отношений,— пишет А. К. Покрытан,— означает рассмотрение ее не как особого самостоятельного отношения в системе производственных отношений, а именно как самой этой системы, т. е. как экономической структуры общества, охватывающей отношения производства, распределения, обмена и потребления»³³. Имеются и иные точки зрения. Во-первых, предпринимается попытка обосновать положение о том, что отношения собственности есть система производственных отношений, входящая в более сложную совокупность экономических отношений. Во-вторых, ставится вопрос о том, что производственные отношения не исчерпываются экономическими отношениями.

Первый подход достаточно наглядно представлен в монографии И. Д. Прохоренко «Развитие социалистических производственных отношений». Автор выделяет в системе экономических отношений две системы: систему отношений собственности и систему отношений фаз общественного производства (непосредственного производства, распределения, обмена и потребления). Естественно возникает вопрос, в каких экономических формах существуют отношения собственности помимо отношений производства, распределения, обмена (обращения) и потребления. Предложение характеризовать отношения собственности в виде отношений владения, пользования и распоряжения вольно или

невольно переносит акцент рассмотрения проблемы в область идеологических отношений. С большим основанием, по нашему мнению, можно утверждать другое: отношения собственности как экономические отношения присвоения предметов производственного и непроизводительного потребления не существуют вне и помимо экономических отношений фаз общественного воспроизводства, составляя их реальное содержание, которое лишь закрепляется юридическими принципами и нормами владения, пользования, распоряжения. Фактически к этому выводу приходит и сам автор рассматриваемой монографии. «Производственные отношения,— подчеркивает он,— можно определить как совокупность экономических отношений, которые объективно складываются между людьми по поводу присвоения средств производства и предметов потребления непосредственно в процессе производства, распределения, обмена и потребления»³⁴.

Второй подход представлен в экономической литературе работами Н. Д. Колесова, Н. В. Климина³⁵ и др. Получил он определенное освещение в ряде философских публикаций³⁶. Его суть заключается в том, что в состав производственных отношений наряду с экономическими (отношениями собственности) включаются и организационные отношения, которые обозначаются терминами технические, технологические, технико-организационные, производственно-технические и другие отношения. Определенные соображения о подобной трактовке производственных отношений, точнее, отношений производства (поскольку речь шла о самом процессе производства) были высказаны в свое время Г. В. Плехановым. Под материальными условиями появления новых производственных отношений (отношений производства) К. Маркс, отмечал Г. В. Плеханов, понимал «также и те непосредственные отношения производителей в процессе производства (например, организации труда на фабрике и мануфактуре), которые в более широком смысле тоже должны быть названы *отношениями производства*»³⁷.

Сама по себе постановка вопроса о двух видах отношений производства, их единстве и соответствии, безусловно, заслуживает внимания. Она ориентирует социальное познание на углубленное исследование взаимообусловленности содержания процес-

³³ Покрытан А. К. Производственные отношения и экономические законы социализма. М., 1971, с. 10; см. также: Курс политической экономии/ Под ред. Н. А. Цаголова. М., 1970; Радаев В. В. Экономические интересы при социализме. М., 1971; Диалектика развития социалистического общества. М., 1980 и др.

³⁴ Прохоренко И. Д. Развитие социалистических производственных отношений. М., 1972, с. 28.

³⁵ См.: Колесов Н. Д. Закон соответствия производительных сил и производственных отношений при социализме. Л., 1973; Климин Н. В. Развитие экономических отношений социализма в условиях научно-технической революции. Л., 1976, и др.

³⁶ См.: Косолапов Р. И. Социализм: К вопросам теории. М., 1975; и др.

³⁷ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв. М., 1956, т. 2, с. 532, примеч.

са производства как определенного способа труда и его общественной формы. В наших условиях учет такой взаимообусловленности играет все большую роль в совершенствовании организационной структуры народного хозяйства. Вместе с тем нельзя забывать основополагающее для материалистического понимания истории положение К. Маркса о производственных отношениях как таких отношениях, совокупность которых составляет экономическую структуру общества³⁸. Думается, что данная постановка вопроса особо важна в связи с критикой буржуазной и ревизионистской интерпретаций социальных проблем научно-технической революции, в частности концепции технологического детерминизма. Понятие отношений производства в широком смысле слова имеет в историческом материализме сугубо рабочее, некатегориальное значение.

Организационные отношения (организационно-технологические и организационно-управленческие) являются важной характеристикой производительных сил³⁹, ибо производительные силы, по замечанию К. Маркса и Ф. Энгельса, «становятся действительными силами лишь в общении и во взаимной связи... индивидов»⁴⁰. Они складываются из самой расстановки людей в процессе производства, согласования и подчинения их действий. Получая, таким образом, обоснование в движении производительных сил, эти отношения необходимо обретают значение предпосылок и моментов производственных отношений в прямом смысле слова. В качестве технологических и информационно-управленческих взаимосвязей индивидов они функционируют и в системе производительных сил, и в системе производственных отношений. Сам процесс производства превращает его организационные отношения в своеобразные узлы соединения и взаимопроникновения производительных сил и производственных отношений. Поэтому «подлежат определению», по словам К. Маркса, и границы их диалектики⁴¹. Через организационные отношения, изменяющиеся вместе с изменением средств труда, развитие производительных сил создает внутренние потребности развития производственных отношений.

Принципиальную роль в соединении производительных сил и производственных отношений играет разделение труда. Его организационный и прежде всего технологический аспект, выступающий в виде распределения труда между участниками производственного процесса, и связанные с ним специализация, кооперация и комбинирование производства составляют необходимый момент функциональной характеристики производительных сил. Взятое же в социальном аспекте, разделение труда неотделимо от производственных отношений. Оно представляет собой как бы самый первый уровень производственных отношений, наиболее тесно и непосредственно связанный с производительными силами и поэтому обладающий способностью наиболее быстро реагировать на происходящие в них изменения. В конечном счете отношения собственности, считал К. Маркс, «всегда ниспровергались как

раз постоянными изменениями в способе труда и разделении труда»⁴².

Анализ связей процесса производства необходимо выдвигает вопрос о взаимодействии производительных сил и производственных отношений. Их единство в качестве сторон общественного способа производства ни в коей мере не ставит под сомнение реальность их различия.

2. Связи и взаимодействия развития производительных сил.

Закон соответствия производственных отношений производительным силам

Развитие общественного способа производства начинается с развития производительных сил как его наиболее гибкой и подвижной стороны. Но развитие производительных сил неотделимо от развития производственных отношений. Оно всегда выступает в виде диалектики их взаимодействия.

Эта диалектика представляет собой все многообразие организационных и собственно общественных (социальных) связей и взаимодействий процесса производства. Причем организационные связи, на что уже обращалось внимание, составляют в данном случае внутренние моменты технологического способа изготовления средств жизни, адекватного (независимо от общественных отношений) наличной материально-технической базе общества. Они находят свое выражение в распределении общественного труда и прочих организационных соотношениях общественного производства, в том числе в соотношении личного и вещного элементов производительных сил — человека и средств труда.

Соответствие личного и вещного элементов производительных сил обнаруживается прежде всего в обусловленности средств труда физической и психической природой общественных индивидов, уровнем общественного воспитания и образования (социальным наследием). Существует, например, вполне определенное пространственное ограничение манипуляций естественных органов человека (рук, пальцев, пог, головы), пределы непосредственного восприятия явлений внешнего мира, состояние высших психических функций и многое другое, накладывающее прямой отпечаток на специфику средств труда. Разработкой этих аспектов производственной деятельности человека успешно занимаются в на-

³⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 6, 7.

³⁹ См.: Фомина В. А., Белозерцев В. И. Особенность развития социалистического способа производства. М., 1962; От социалистических производственных отношений к коммунистическим. М., 1966; Марахов В. Г. Структура и развитие производительных сил социалистического общества. М., 1970; Он же. Научно-техническая революция и ее социальные последствия. М., 1975; Волков Г. Н. Социология науки. М., 1968; Он же. Истоки и горизонты прогресса. М., 1976; и др.

⁴⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 67.

⁴¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 46.

⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 6, с. 198.

стоящее время такие научные дисциплины, как эргономика; техническая эстетика, инженерная психология.

Вместе с тем нельзя не видеть того, что, осуществляя производство средств жизни, общественные индивиды накапливают знания, производственный опыт и трудовые навыки, т. е. в той или иной степени совершенствуют свои производственные способности. Сам процесс производственной деятельности человека, его труд с естественной необходимостью изменяют состояние рабочей силы как фактора производства. Но изменения личного элемента производительных сил, которые приходят в противоречие с наличными средствами труда, порождают в определенных общественных условиях потребности изменений и вещного элемента — приведения средств труда в соответствие с возросшими производственными способностями индивидов, — создания новой, более совершенной техники и технологии. В конечном счете все это находит свое материальное закрепление в совершенствовании средств труда, воссоздающем взаимодействие человека и средств труда на новой, более высокой основе.

Несмотря на универсальность рассматриваемого взаимодействия, первичным моментом развития производительных сил в конечном счете выступает, по нашему мнению, развитие личного элемента. Эта ведущая роль человека в преобразовании общественного производства становится особенно рельефной по мере вытеснения эмпирических приемов производства сознательным использованием достижений науки. Надо также отметить, что развитие личного элемента производительных сил само по себе не имеет каких бы то ни было внешних по отношению к человеку предметных форм. Оно представляет собой как бы «скрытые параметры» производительных сил. В связи с этим на поверхности явлений создается видимость наибольшей подвижности не личного, а вещного элемента: результат человеческой деятельности воспринимается в качестве ее начала. Именно здесь, в частности, надо искать гносеологические корни фетишизации изменений средств труда — длительное время повторяющегося в различных философских и экономических изданиях вывода, будто бы изменение и развитие производства начинаются прежде всего с изменений и развития орудий производства.

Организационное взаимодействие личного и вещного элементов производительных сил, складывающееся на основе возникающего между ними противоречия, составляет принципиальный момент движущего начала их развития. Что же касается объективной логики данного движения, то в общеисторическом плане ее важной характеристикой становится соответствие формы и функций средств труда. Накапливая знания, производственный опыт и трудовые навыки, человек в первую очередь преобразует сам труд, делает его наиболее целесообразным, экономичным. В качестве общей тенденции экономия труда красной нитью проходит через всю человеческую историю. Но здесь-то со всей определенностью и обнаруживаются достоинства и недостатки искусствен-

ных органов общественного индивида, адекватность или, напротив, неадекватность существующих средств труда своему производственному назначению.

Потребность совершенствования средств труда конкретизируется в производственной деятельности человека прежде всего в виде потребности приведения формы средств труда в соответствие с их функциями, на что специально обращает внимание К. Маркс, характеризуя совершенствование ручных инструментов мануфактурного периода⁴³. Отсюда и известное обоснование тенденций развития средств труда состоянием самих средств труда. Однако такое обоснование далеко не всегда является полным определением объективной логики развития производительных сил. Речь идет о том, что создаваемые человеком средства труда — производственная техника как овеществленная сила знаний — могут быть итогом и эмпирического, и теоретического познания. Если в первом случае логика развития производительных сил в целом исчерпывается требованиями соответствия формы и функций средств труда, то во втором случае она непосредственно соотносится со всем комплексом познанных человеком законов природы. Поэтому не только отдельные технические изобретения, но и целые отрасли техники — вроде атомной энергетики, радиоэлектроники, химии полимеров и др. — зарождаются в недрах науки. Технический прогресс становится научно-техническим прогрессом, а логика развития производительных сил — логикой технологической реализации фундаментальных теоретических исследований. Обусловленное потребностями общественной практики движение познания от явления к сущности, от менее глубокой сущности к более глубокой обретает прямое значение путей и направлений движения производительных сил.

Анализ организационной стороны развития производительных сил как наиболее подвижной стороны общественного способа производства обязательно предполагает учет состояния средств труда различных отраслей производства, ибо изменения технического базиса, происшедшие в какой-либо области производства, неизбежно вызывают изменения и во всех примыкающих к ней областях. «Переворот в способе производства (технологическом способе производства. — *Ред.*), совершившийся в одной сфере промышленности, — отмечал К. Маркс, — обуславливает переворот в других сферах»⁴⁴. Поясняя сказанное, К. Маркс приводил такой пример: машинное прядение выдвинуло необходимость машинного ткачества, а оба вместе сделали необходимым механико-химическую революцию в белильном, ситцепечатном и красильном производствах, с другой стороны, революция в хлопчатобумажном прядении вызвала изобретение машины для отделения хлопковых волокон от семян, благодаря чему сделалось возможным производство хлопка в крупных масштабах.

⁴³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 353.

⁴⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 395.

Организационные взаимодействия в качестве всеобщих внутренних причин развития производительных сил не утратили свое значение и в условиях научно-технической революции, когда, превращаясь в непосредственную производительную силу, наука через преобразующую деятельность человека становится вместе с тем и универсальным двигателем их развития. Мало того, сама организационная структура общественного производства преобразуется на основе достижений науки. «Тесная интеграция науки с производством — настоятельное требование современной эпохи»⁴⁵.

Наряду с организационными связями производительных сил важным моментом технологического способа производства являются организационные связи средств и предметов труда. Выступая в качестве необходимой характеристики производственного процесса, взаимодействие средств и предметов труда представляет собой организационную сторону внешнего источника развития производительных сил. Суть такого источника, по нашему мнению, в следующем: направляемое человеком взаимодействие средств и предметов труда как бы приводит в движение, «включает» со всеми вытекающими последствиями взаимодействие личных и вещных элементов производительных сил. Соответственно, чем выше уровень развития общественного производства, тем шире и многообразней круг веществ и сил природы, становящихся предметом человеческой деятельности. Об этом можно судить хотя бы по таким данным. В древние века человек использовал 19 химических элементов, в XVII в. — 26, в XVIII — 28, в XIX — 50, в начале XX в. — 59⁴⁶. Во второй половине XX в. человек нашел применение фактически всем встречающимся на Земле элементам периодической таблицы. Вовлечение же в общественное производство новых веществ и сил природы непременно предполагает в свою очередь дальнейшее совершенствование средств труда. Взаимодействие средств и предметов труда неотделимо от взаимодействия личных и вещных элементов производительных сил, а анализ данного взаимодействия вносит дополнительные детали в общую характеристику причин их развития.

Нет необходимости доказывать, что все жизненные ресурсы человечества — материалы и силы природы, да и сам труд, по словам К. Маркса, «есть лишь проявление одной из сил природы, человеческой рабочей силы»⁴⁷. Но человек не просто живет за счет природы. Он постоянно творит свой мир, «очеловечивает» природу. Материальное производство как взаимодействие общества и природы выступает в виде их «единства» и «борьбы». «Как первобытный человек, — писал К. Маркс, — чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный человек, должен во всех общественных формах и при всех возможных способах производства»⁴⁸. В «Немецкой идеологии», обращая внимание на то, что «единство» человека с природой всегда имело место в промышленности, К. Маркс и

Ф. Энгельс добавляли: «...Точно так же, как и «борьба» человека с природой, приводящая к развитию его производительных сил на соответствующем базисе»⁴⁹.

«Единство» и «борьба» человека с природой — целостная характеристика внутренних и внешних организационных взаимодействий развития производительных сил. Но противоречие между обществом и природой нельзя отделять от общественного способа производства. В движении рассматриваемого противоречия в полной мере раскрывается действительное значение для развития общественного производства его общественной формы — производственных отношений — и всего многообразия социальных связей и взаимодействий, интегративный характер в историческом процессе диалектики производительных сил и производственных отношений.

Если организационная сторона развития производительных сил коренится во взаимодействии простых моментов процесса труда, то социальная сторона — во взаимодействии простых моментов процесса труда и производственных отношений. Это взаимодействие есть прежде всего связь содержания и общественной формы производства. Исходя из того, что содержание определяет собой форму, некоторые авторы делают вывод об основополагающей роли в развитии производительных сил организационных взаимодействий процесса труда как активного воздействия человека на природу. Слов нет, такой подход вполне справедлив, если абстрагироваться от всех других соотношений производства, кроме соотношения содержания и общественной формы. В то же время для понимания действительных причин развития производительных сил он явно недостаточен.

В известном письме П. В. Анненкову К. Маркс совершенно определенно связывал развитие производительных сил — изобретение и применение машин — с социальным аспектом производственной деятельности человека⁵⁰. В реальном историческом процессе организационные взаимодействия реализуются в качестве причин развития производительных сил в прямой зависимости от состояния производственных отношений, точнее, состояния общественного способа производства в целом. Абстрагированные же от социальных факторов, они составляют лишь предпосылки развития производительных сил. В связи с этим соподчинение организационной и социальной сторон «двигательного механизма» развития производительных сил в виде соподчинения содержания и общественной формы производства дополняется соподчинением в виде возможностей развития производительных сил (организа-

⁴⁵ Материалы XXVI съезда КПСС, М., 1981, с. 44.

⁴⁶ См.: Вернадский В. И. Избр. соч. М., 1954, т. 1, с. 412.

⁴⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 13.

⁴⁸ Там же, т. 25, ч. II, с. 387.

⁴⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 43.

⁵⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 27, с. 405.

ционная сторона) и необходимости их развития (социальная сторона).

Общественный способ производства есть единство производительных сил и производственных отношений. И это понятно, ибо человек не только главная производительная сила, но также носитель и субъект производственных отношений, а вещный элемент производительных сил (средства труда) совпадает с объектом собственности на средства производства, с которой соотносится сама сущность производственных отношений. Получается так, что одни и те же материальные образования могут представлять собой производительные силы, субъекты и объекты производственных отношений. Поэтому изменение и развитие производительных сил в итоге так или иначе отражается на изменении в развитии производственных отношений, производственные же отношения в свою очередь наряду с функционированием в «двигательном механизме» развития производительных сил становятся фактором, обуславливающим реализацию определенных путей их развития. Все это находит свое закрепление в социальных соотношениях общественного производства, прежде всего законе соответствия производственных отношений производительным силам.

Закон соответствия производственных отношений производительным силам определяет собой зависимость производственных отношений (формы общественного производства) от уровня развития и характера производительных сил (его содержания) и одновременное обратное активное воздействие производственных отношений на производительные силы. В научной литературе пока нет общепринятой трактовки понятий уровня развития и характера производительных сил. Вместе с тем на этот счет высказаны перспективные, по нашему мнению, соображения⁵¹. Уровень развития производительных сил есть их обобщающая количественная и качественная характеристика, находящая свое выражение в уровне производительности труда. Характер производительных сил — их качественный показатель. Он обнаруживает себя в развитии технологического способа производства, точнее, в состоянии труда как момента его реализации. Когда орудия производства выступают, например, в виде «производительных органов» отдельных работников (крестьян, ремесленников, кустарей и др.), производительные силы имеют частный характер. Когда же они могут функционировать только в качестве «производительных органов» «совокупного работника», т. е. приводят в движение совместным трудом многих людей, между которыми распределены производственные операции, характер производительных сил становится общественным. Через уровень развития и характер производительных сил проявляется их социальная сущность, требующая для своей реализации утверждения исторически определенных производственных отношений. Поэтому связь производительных сил и производственных отношений обладает не организационной, а социальной природой. Поскольку произ-

водственные отношения, как всякая форма, более устойчивы к изменениям, чем производительные силы, постольку их роль в системе рассматриваемого закона бывает двойкой: ускоряющей или тормозящей развитие общественного производства.

Сама специфика связи содержания и формы общественного способа производства может порождать и действительно порождает противоречие между изменившимися производительными силами и отстающими от их развития производственными отношениями. Преодоление такого противоречия через развитие производственных отношений, вплоть до сбрасывания старой формы общественного способа производства и замены ее новой формой, всякий раз, с одной стороны, преобразует общественный способ производства, с другой стороны, в полной мере воссоздает функцию производственных отношений в качестве двигателя развития производительных сил.

Происходящее в настоящее время в нашей стране дальнейшее обобществление производства означает существенное изменение наряду с производительными силами и социалистических производственных отношений. Оно знаменует собой новый этап сближения государственной (общенародной) и колхозно-кооперативной собственности, развития всей системы отношений производства, распределения, обращения (обмена) и потребления, является важным шагом на пути формирования коммунистических общественных отношений.

Производственные и научно-производственные объединения становятся основным хозрасчетным звеном промышленности, в решающей степени определяющим ее работу. Не меньшую роль играет межхозяйственная кооперация, в том числе аграрно-промышленная интеграция, в земледелии и животноводстве. Опыт работы объединений доказывает, что здесь непрерывно повышается качество продукции, сокращаются сроки создания и освоения новой техники, складываются благоприятные условия для роста производственной квалификации трудящихся и повышения культуры производства. Через дальнейшее обобществление социалистического производства в полной мере раскрывается значение в ходе коммунистического строительства производственных отношений как двигателя развития производительных сил.

Развитие общественного производства — основа исторического процесса. Уже этим объясняется то внимание, которое в марксистской литературе всегда уделялось диалектике производительных сил и производственных отношений. Подчеркивая всю важность данной проблемы для материалистического понимания истории, ряд исследователей⁵² не без оснований отмечают тот факт, что диалектика развития производительных сил и производствен-

⁵¹ См.: Социализм: диалектика развития производительных сил и производственных отношений. М., 1975, с. 261.

⁵² См.: *Эйхорн В., Бауэр А., Коз Г.* Диалектика производительных сил и производственных отношений. М., 1977.

ных отношений не охватывается полностью законом соответствия производственных отношений производительным силам. Однако вряд ли можно согласиться с выводом, будто понятие «соответствие» затушевывает противоречия развития производительных сил и производственных отношений и от него поэтому вообще надо отказаться, заменив формулировку «закон соответствия производственных отношений производительным силам» новой формулировкой: «закон диалектического развития производительных сил и производственных отношений». Попробуем разобраться в поднятых вопросах.

Под соответствием обычно понимается соотношение, выражающее согласованность, равенство в каком-то плане. Как философское понятие соответствие обозначает единство (тождество), которое не исключает, а предполагает диалектическое противоречие, взаимодействие и, следовательно, движение и развитие. Разработка данного понятия — результат полувекового поиска исследовательской мысли. Именно стремление наиболее гибко, подвижно и многогранно охватить в понятии взаимодействие производительных сил и производственных отношений, прежде всего производительных сил и производственных отношений социалистического общества, заставило советских философов отказаться от предложенного в начале определения «полное» («абсолютное»), а затем и «обязательное» соответствие. «Соответствие» и «несоответствие» не альтернатива отсутствия или наличия противоречия, а характеристика степени его развития. Несоответствие производственных отношений производительным силам означает такую ступень развития противоречия между ними, когда производственные отношения из формы развития производительных сил превращаются в их оковы.

Богатство понятия соответствия не ограничивается лишь отражением диалектического единства, противоречия и взаимодействия. Это понятие позволяет фиксировать и другие принципиальные моменты развития. Формулировка «закон соответствия производственных отношений производительным силам» выражает коренное положение исторического материализма о зависимости производственных отношений от развития производительных сил — их уровня и характера. Она позволяет при исследовании диалектики производительных сил и производственных отношений восходить от констатации взаимодействия к установлению причинных связей, выделению первичного и вторичного. Что же касается формулировки «закон диалектического развития производительных сил и производственных отношений», то она крайне неопределенна. С ней нельзя согласиться уже потому, что в качестве такого закона можно рассматривать любой из законов материалистической диалектики.

В экономической и философской литературе есть и другие предложения об уточнении наименования рассматриваемого закона. Существует мнение, что более адекватной формулировкой является формулировка «закон соответствия производительных сил

и производственных отношений»⁵³. В качестве аргумента выдвигаются соображения о важности подчеркнуть активность обеих сторон способа производства в процессе их взаимодействия. С нашей точки зрения подобный аргумент вряд ли можно считать убедительным, ибо соответствие производственных отношений производительным силам отнюдь не исключает активности того и другого. Ставя вопрос об уточнении формулировки одного из фундаментальных законов общественного развития, нельзя забывать о ее содержательном и функциональном значении в материалистическом понимании истории.

Напомним, что обоснованная К. Марксом возможность сведения всех общественных отношений к производственным и открытие им зависимости производственных отношений от уровня развития и характера производительных сил дали, по словам В. И. Ленина, «твердое основание для представления развития общественных формаций естественно-историческим процессом»⁵⁴. Теоретическим отражением этого основания и является наименование закона именно как закона соответствия производственных отношений производительным силам. Замена традиционной формулировки формулировкой «закон соответствия производительных сил и производственных отношений» создает известную опасность подмены причинной характеристики развития материальной основы жизни общества ее функциональной характеристикой, затушевывая того неоспоримого положения, что «развитие человеческого общества обусловливается развитием материальных, производительных сил»⁵⁵.

При капитализме противоречие между производительными силами и производственными отношениями выступает как противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения его результатов. Капиталистическое обобществление производства, обостряя антагонизм между трудом и капиталом, все настоятельнее ставит вопрос о социалистическом переустройстве общества. «Обобществление производства,— писал В. И. Ленин,— не может не привести к переходу средств производства в собственность общества, к «экспроприации экспроприаторов»»⁵⁶. Социализм, соединяя общественный характер производства с общественной формой присвоения, создает принципиально новую ситуацию. Социалистическое обобществление производства разворачивается в рамках соответствия производственных отношений производительным силам. Повышая уровень всенародной кооперации труда, углубляя непосредственно общественные (свободные от товарно-денежной формы) связи предприятий, включенных в производственные и научно-производ-

⁵³ См.: Колесов Н. Д. Закон соответствия производительных сил и производственных отношений при социализме. Л., 1973; Штракс Г. М. Социальное противоречие. М., 1977; и др.

⁵⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 138.

⁵⁵ Там же, т. 2, с. 8.

⁵⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 73.

ственные объединения, сближая государственную (общепародную) и колхозно-кооперативную собственность, оно укрепляет, совершенствует и расширяет заложенные в социалистических производственных отношениях общекommunстические начала. Соподчинение общественного характера производства с общественной собственностью снимает саму возможность несоответствия между производительными силами и производственными отношениями. Открываются горизонты безграничного совершенствования производственных отношений коммунистического типа. В этом смысле нет и не может быть предела развитию коммунистической общественно-экономической формации.

Противоречия между производительными силами и производственными отношениями порождаются при социализме отставанием от развития производительных сил не производственных отношений в целом, а их отдельных сторон, моментов, конкретных форм и способов реализации отношений собственности в деятельности предприятий, объединений, территориально-производственных комплексов. Однако и такое отставание производственных отношений от развития производительных сил оказывает на развитие производства тормозящее воздействие. Поэтому выяснение конкретных причин и содержания противоречий между производительными силами и производственными отношениями, определение путей их преодоления на основе соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социализма является важным требованием научного управления социалистическим производством, повышения его эффективности. Речь в данном случае идет о таком совершенствовании производственных отношений, а вместе с ними и всей системы стимулирования развития народного хозяйства, которое в полной мере обеспечивало бы планомерность производственного процесса, подчиняло бы организацию производства, взаимодействие его отраслей и составляющих их единиц, использование наличных ресурсов и т. п. экономической эффективности конечного результата.

Повышение эффективности производства, т. е. переход к интенсивным формам его развития, все больше становится на этапе зрелого социализма движением противоречия между стоимостью и полезностью производимого продукта. Преодоление данного противоречия через сокращение затрат живого и овеществленного труда и одновременное повышение уровня удовлетворения потребностей, его возникновение на новой основе превращается в главный источник расширения материального производства. Как формулируют этот вопрос экономисты, диалектика процесса состоит в том, что «в рамках простого воспроизводства общественных затрат во все большей мере осуществляется расширенное воспроизводство общественной полезности»⁵⁷.

Закон соответствия производственных отношений производительным силам вскрывает первопричины развития производственных отношений. Но где надо искать первопричины развития производительных сил? Обсуждение этого вопроса в научной ли-

тературе⁵⁸ привело к формулированию требований закона соответствия производительных сил общественному способу производства. Правда, сам факт существования данного закона вызывает у ряда авторов сомнение⁵⁹. Однако дело в конечном счете не в том, чтобы на словах признавать или отвергать такой закон, не в логических построениях и терминах, а в исследовании действительных связей и взаимодействий общественного производства.

Каждый формационный способ производства, наследуя производительные силы, оставленные предшествующим развитием, порождает потребность в становлении новых, соответствующих ему производительных сил. Рассматривая вопрос о формальном и реальном подчинении труда капиталу, К. Маркс, в частности, отмечал, что на базе изменившихся производственных отношений «развивается специфически измененный способ производства, который, с одной стороны, создает новые материальные производительные силы, с другой стороны, сам развивается лишь на их основе и тем самым на деле создает себе новые реальные условия»⁶⁰.

Диалектика развития производительных сил и производственных отношений гораздо сложнее их непосредственного взаимодействия. Она обнаруживает себя и через взаимодействия, опосредованные общественным способом производства в целом. Исследование подобных взаимодействий производительных сил и производственных отношений позволяет раскрыть новые аспекты источников их развития. Конечно, вопрос о том, можно ли связь производительных сил и общественного способа производства как связь части и целого рассматривать в качестве особого закона соответствия производительных сил общественному способу производства, остается предметом дискуссии. Но само наличие этой объективной связи, как и связи производственных отношений с общественным способом производства в целом, не вызывает сомнений. Она находит свое выражение в том, что адекватно таким системным (интегративным) качествам общественного способа производства, какими выступают его цель и средства ее осуществления, складываются, во-первых, производственные стимулы, заставляющие людей развивать производительные силы; во-вторых, реализация возможных путей развития производительных сил, находящая свое вещественное закрепление в специфическом состоянии технического базиса общества.

⁵⁷ *Анчишкин А.* Расширенное воспроизводство в условиях развитого социализма. — *Коммунист*, 1976, № 14, с. 53.

⁵⁸ См.: *Бостанджян К. М.* Диалектика становления коммунистического способа производства. М., 1967; *Плетников Ю. К.* О природе социальной формы движения. М., 1971; *Сюсюкалов Б. И.* Социалистическое общество: проблемы диалектики развития. М., 1973; *Уледов А. К.* Социологические законы. М., 1975 и др.

⁵⁹ См.: *Яцкевич А. Ф.* Ленинизм и законы общества. Философско-социологический очерк о механизме проявления общеэкономических законов в советском обществе. Минск, 1971; *Эйхорн В., Бауэр А., Кох Г.* Диалектика производительных сил и производственных отношений; и др.

⁶⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 49, с. 118.

Производственные стимулы суть правильное или иллюзорное осознание людьми экономических потребностей, точнее, интересов, выражающих необходимость этих потребностей. Именно в качестве интересов и проявляются прежде всего производственные отношения. Так же как и социальные интересы вообще, экономические интересы могут быть едиными для всего общества (в неантагонистических формациях), различными для трудящихся и нетрудящихся классов и прочих социальных групп, из которых одни видят в совершенствовании производительных сил средства облегчить свой труд, другие — средства обогащения и господства, и даже совершенно или частично отсутствовать у эксплуатируемых масс, например в условиях рабского труда. Однако в силу самой безграничности человеческих потребностей производственные стимулы всегда присущи совокупной человеческой деятельности, ибо общество в целом так или иначе заинтересовано в уменьшении необходимого рабочего времени, повышении производительности труда и в конечном счете совершенствовании производительных сил.

Реализация возможных путей развития производительных сил в организационном отношении есть решение конкретных технических и технологических задач, обоснованных в современную эпоху общими достижениями науки. Сама же постановка подобных задач вызывается к жизни исключительно потребностями общественной практики и, следовательно, неотделима от цели и средств общественного способа производства.

В антагонистическом обществе организация общественного производства подпадает под контроль эксплуататорских классов, поэтому непосредственная цель общественного способа производства неизбежно отодвигает на задний план задачи удовлетворения потребностей трудящихся масс. Возможность развития производительных сил превращается в необходимость главным образом благодаря реализации интересов эксплуататоров — получению прибыли, как это имеет место при капитализме. В условиях неантагонистического общества непосредственная цель производства тождественна задаче удовлетворения общественных и личных потребностей всех членов общества. Возможность развития производительных сил превращается в необходимость в виде реализации интересов трудящихся масс, интересов общества в целом. Все это и определяет собой социальные тенденции развития производительных сил, находящие свое закрепление в специфическом состоянии технического базиса общества. В связи с этим можно, к примеру, отметить, что экономическим принципом рабовладельческого производства был, по замечанию К. Маркса, принцип «применять только наиболее грубые, наиболее неуклюжие орудия труда, которые как раз вследствие своей грубости и неуклюжести труднее подвергаются порче»⁶¹.

Взаимодействие производительных сил с производственными отношениями преобразует возможность развития общественного производства в необходимость развития адекватно цели общест-

венного способа производства и средствам ее реализации. Поэтому новый общественный способ производства, зарождающийся на основе производительных сил, выросших в рамках старого способа, требует создания своего собственного технического базиса. В конечном счете получается, в частности, так: «Ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница — общество с промышленным капиталистом»⁶².

Отмеченные особенности развития производительных сил всесторонне исследованы К. Марксом на примере становления технического базиса капиталистического общества. Однако, прежде чем разобраться в этом вопросе, необходимо выяснить ряд других, не менее важных аспектов диалектики производительных сил и производственных отношений, имеющих прямое отношение к раскрытию тенденций исторического процесса, к пониманию перспектив его развертывания в современную эпоху.

3. Диалектика производительных сил и производственных отношений и развертывание исторического процесса

По самой своей сущности человеческий труд является общественным трудом. Форма же раскрытия этой сущности — специфика организации личного фактора процесса производства (труда) — может быть троякой: опосредованно общественной (частной, индивидуальной), когда материальным субстратом, объединяющим деятельность людей, выступают исключительно готовые продукты труда, непосредственно общественной (совместной, коллективной, кооперативной) и всеобщей. Не касаясь всеобщего труда, о котором уже шла речь в предшествующей главе, остановимся на проблеме взаимоперехода в истории общества непосредственно общественного труда в опосредованно общественный труд и наоборот. Этот переход — одна из важных характеристик взаимодействия производительных сил и производственных отношений в развертывании исторического процесса.

На ранних ступенях человеческой истории общественный труд осуществлялся только в непосредственно общественной форме. Кооперативное производство было неизбежным результатом «слабости отдельной личности»⁶³. По мере развития производительных сил складывается новая ситуация: человек обретает возможность обеспечивать свою жизнь не только путем совместного труда с другими людьми, но и путем индивидуальной производственной деятельности. Прибавочный продукт, товарно-денежные отношения, частная собственность преобразуют возможность опосредованно общественной формы труда в действительность. Хотя такая форма, получившая свое развитие в рабовладельческом и феодальном обществах, не исключала при сооружении

⁶¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 208, примеч.

⁶² Там же, т. 4, с. 133.

⁶³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 404.

каналов, дорог, крепостей, монументальных памятников, дворцов и т. п. применения в крупных масштабах совместного труда рабов и крепостных крестьян, сама по себе кооперация приобрела значение спорадического явления общественной жизни⁶⁴.

Индивидуальная производительная деятельность, способствуя в тех условиях более глубокому разделению и специализации общественного труда, обеспечивала повышение его производительности. Однако подобные средства совершенствования производительной силы труда не были безграничными. Они полностью исчерпали себя уже в феодальном обществе. Возникло неразрешимое в рамках старых общественных отношений противоречие между растущими экономическими потребностями и ограниченными производственными возможностями опосредованно общественной формы труда. Способом преодоления данного противоречия стала мануфактура — кооперация, покоящаяся на разделении труда. Непосредственно общественная форма труда была воссоздана на основе капиталистических отношений.

Для зарождения капиталистических производственных отношений было достаточно формального подчинения труда капиталу, простого отделения лично свободного работника от средств производства и его утверждение в качестве наемного рабочего. «...Первоначально командование капитала над трудом,— писал в связи с этим К. Маркс,— являлось лишь формальным следствием того, что рабочий трудится не для себя, а для капиталиста и, следовательно, под властью капиталиста»⁶⁵. Применительно к производительным силам такое подчинение труда капиталу вполне соответствовало их функциональным преобразованиям: превращению индивида в частичного рабочего, приспособленного к выполнению какой-либо одной технологической операции, рабочей силы — в совокупного рабочего, составляющего благодаря специализации и комбинированию труда особую производительную силу. Но функциональное преобразование производительных сил, осуществленное мануфактурой, полностью сохраняло ручной способ труда. Если индивид и приспосаблился к процессу производства, то сам процесс производства уже заранее был приспособлен к личным возможностям индивида. Выполнение любой технологической операции полностью зависело от умения рабочего обращаться со своими орудиями-инструментами, его силы, ловкости, быстроты, уверенности. Принцип разделения труда обосновывался не объективным содержанием производственного процесса, а личными свойствами индивида, т. е. носил субъективный характер.

Технический базис мануфактуры ограничивал возможности уменьшения необходимого рабочего времени, затрачиваемого на изготовление продуктов, иначе, возможности увеличения относительной прибавочной стоимости. Поэтому он должен был вступить и «вступил на известной ступени развития в противоречие с ею же самой (мануфактурой.— *Ред.*) созданными потребностями производства»⁶⁶. Возникла необходимость в новых матери-

ально-технических условиях, адекватных цели (получение прибыли) и средствам (эксплуатация наемных рабочих) капиталистического способа производства. Подобные условия обеспечивала крупная машинная промышленность. Сама логика развития капиталистического производства привела к необходимости «создать для себя новый базис, соответствующий его собственному способу производства»⁶⁷. И действительно, обеспечив производство машин с помощью машин, крупная капиталистическая промышленность создала такой технический базис и тем самым, по образному выражению К. Маркса, «стала на свои собственные ноги»⁶⁸. Вместе с преобразованием технического базиса общества формальное подчинение труда капиталу уступило место реальному подчинению, неразвитые капиталистические отношения — развитым отношениям. Взаимодействие производительных сил и производственных отношений разворачивалось, таким образом, не только непосредственно, но и косвенно: через специфические особенности общественного способа производства как целого. Соответствие между ними устанавливалось путем приведения их в соответствие с его целями и средствами.

Развитие общественного производства обуславливает собой общую направленность исторического процесса — последовательность смены общественно-экономических формаций. Но то, что обязательно для всемирной истории, не всегда бывает обязательно для каждого народа. Так, в прошлые эпохи ручной способ труда мог совершенствоваться, минуя особую стадию рабовладельческого производства. В современную эпоху применительно к развивающимся странам — странам, освободившимся от колониального гнета и империалистической зависимости, — переход от индивидуальной (опосредованно общественной) формы труда, характерной для докапиталистических общественно-экономических формаций, к коллективной (непосредственно общественной) форме не исключает возможности социалистической ориентации и некапиталистического развития. В связи с этим уместно напомнить, что К. Маркс решительно отвергал всякие попытки представить сделанный им в первом томе «Капитала» исторический очерк возникновения капитализма в Западной Европе в виде историко-философской теории «о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические условия, в которых они оказываются»⁶⁹.

В научной литературе дана обстоятельная критика⁷⁰ точки зрения, сводящей в конечном счете возможности некапиталисти-

⁶⁴ См.: Там же, т. 23, с. 346.

⁶⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 342.

⁶⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 381.

⁶⁷ Там же, с. 394.

⁶⁸ Там же, с. 396.

⁶⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 120.

⁷⁰ См.: Шенгулин А. П. Некоторые вопросы действия закона соответствия производственных отношений характеру производительных сил. — Воп-

ческого развития стран, где в настоящее время все еще преобладают докапиталистические уклады хозяйства, к особой природе социалистических производственных отношений, позволяющей будто бы им опережать уровень развития производительных сил. В теоретическом плане подобная концепция фактически отвергает общ историческое значение закона соответствия производственных отношений производительным силам, в практическом плане она так или иначе становится оправданием субъективизма и волюнтаризма. Что же касается самих возможностей некапиталистического развития, то эти возможности объективно складываются в процессе совершенствования форм труда.

Возникновение капиталистического производства представляет собой переход от индивидуальной формы труда к коллективной форме, от опосредованно общественного (частного) производства — к непосредственно общественному (кооперативному) производству. Но непосредственно общественное производство, или, как принято выражать это понятие, общественный характер производства, требует общественной формы присвоения — общественной собственности на средства производства и производимую продукцию. Капиталистический же способ производства утверждает частную собственность. Он, следовательно, подчиняет общественный характер производства частной форме присвоения, несмотря на то что фактически «уничтожает ее предпосылку»⁷¹. Основное противоречие капитализма (противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения) зарождается и развивается вместе с зарождением и развитием капиталистического способа производства. Но если это так, то вполне справедлив следующий вывод: «...Для производства, основанного на коллективном использовании средств труда, больше подходят не капиталистические, а социалистические производственные отношения, ибо социалистические производственные отношения соответствуют общественному характеру производства, в то время как капиталистические противоречат ему»⁷².

В отличие от капиталистической кооперации социалистическая кооперация сочетает в себе общественный характер производства и общественную форму присвоения. Поэтому социалистический способ производства неизбежно порождает единые для всего общества социальные интересы и стимулы производственной деятельности, создает, о чем наглядно свидетельствует опыт социалистических стран, условия ускоренного развития производительных сил общества. Однако применительно к истории человечества в целом в эпоху загнивания и разложения феодального общества закономерно формировались не социалистические, а капиталистические отношения. Во-первых, хотя с момента своего зарождения капиталистические производственные отношения и противоречили общественному характеру производства, они (именно вследствие преобразования опосредованно общественной формы труда в непосредственно общественную форму) вполне соответствовали достигнутому в то время уровню разви-

тия производительных сил и потребностям их дальнейшего совершенствования — замены ручной техники машиной. Во-вторых, социалистические производственные отношения — отношения сотрудничества и взаимопомощи свободных от эксплуатации людей — не могли и не могут стихийно зарождаться в недрах антагонистического общества, ибо для их возникновения необходима общественная сила, способная сломить сопротивление эксплуататоров и, что еще более сложно, преодолеть частнособственнические традиции и привычки мелких производителей — крестьян и ремесленников. Такая сила не существовала в феодальном обществе. Она была создана в лице промышленного пролетариата лишь развитием капитализма.

Так обстояло дело в прошлом. В современную эпоху в мире произошли коренные изменения. Наряду с мировой капиталистической системой, в целом созревшей для социалистических преобразований, возникла и окрепла мировая социалистическая система — содружество социалистических стран; огромных успехов достигло международное коммунистическое и рабочее движение, под ударами национально-освободительной борьбы угнетенных империализмом народов рухнули устои колониального господства. В этих условиях борьба трудящихся масс за национальное освобождение с естественной необходимостью перерастает в борьбу за социальное освобождение, в развивающихся странах складываются предпосылки дальнейшего сплочения национально-демократических и социалистических сил. Опираясь на поддержку и помощь социалистических стран и международного рабочего класса, подобная общественная сила способна в ходе классовой борьбы, обострение которой неизбежно, шаг за шагом национализировать собственность эксплуататоров, постепенно через социалистическое кооперирование обобществить средства производства крестьян и ремесленников и обеспечить, таким образом, соответствие общественного характера производства общественной форме присвоения, не проходя особой капиталистической стадии развития.

Состояние производительных сил, достаточное в прошлом для возникновения капиталистических производственных отношений, стало в современную эпоху достаточным для возникновения социалистических производственных отношений. Некогда исключительная роль капиталистического способа производства, заключающаяся в том, чтобы сконцентрировать и укрупнить раздробленные мелкие средства производства, утратила значение исторической необходимости. При замене опосредованно общественной формы труда непосредственно общественной формой сложились

росы философии, 1962, № 7; *Бостанджян К. М.* Диалектика становления коммунистического способа производства. М., 1967.

⁷¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 282.

⁷² *Шептулин А. П.* Некоторые вопросы действия закона соответствия производственных отношений характеру производительных сил, с. 19.

условия для реализации общественного прогресса социалистического типа. Обобществление индивидуальных средств производства, которое достигалось ранее путем разорения мелких собственников, осуществимо в настоящее время через их добровольное объединение в кооперативные хозяйства свободных от эксплуатации тружеников. Зарождаясь на основе соответствия производственных отношений функциональным характеристикам производительных сил, социалистический способ производства выдвигает требование развития производительных сил до уровня, адекватного своим целям и средствам, что в свою очередь ставит задачу дальнейшего преобразования неразвитых социалистических производственных отношений в развитые социалистические отношения.

Принципиальное различие целей и средств социалистического и капиталистического способов производства обуславливает собой принципиальное различие стимулов, заставляющих людей совершенствовать производственную деятельность. В процессе строительства социализма начинает складываться новое отношение к труду. Из необходимости — тяжелого бремени трудящихся масс — труд все больше приобретает значение первой жизненной потребности, становится гражданским долгом, мерилom общественной ценности личности, нормой морального поведения, делом чести. Одним из ярких проявлений нового отношения к труду было и остается социалистическое соревнование⁷³. Эти новые качества труда, а вместе с ними и личного элемента производительных сил в полной мере раскрываются в условиях развитого социализма. «Общественно полезный труд и его результаты,— говорится в статье 14 Конституции СССР,— определяют положение человека в обществе». Отсюда присущее социалистическому способу производства специфическое состояние личного элемента производительных сил. Однако нечто подобное еще нельзя сказать о состоянии вещного элемента. С точки зрения технических условий социалистическое производство имеет сходные черты с капиталистическим производством. Низшая фаза коммунистического общества в силу самой преемственности исторического процесса наследует высшие технические достижения капиталистического общества.

Специфическая черта технического базиса капитализма как крупного машинного производства — машинная техника с ручным управлением — трехзвенная машина и система машин. На этой материальной основе путем ликвидации частной собственности на средства производства, освобождения труда (пробуждения новых творческих начал личного элемента производительных сил), социалистической индустриализации, кооперирования мелкотоварного производства и преобразования всей организационной структуры народного хозяйства реализуется социалистическое обобществление производства, развиваются социалистические производственные отношения.

Собственный же технический базис коммунистической общественно-экономической формации, адекватный цели (максимальное удовлетворение общественных и личных потребностей всех членов общества) и средствам (совершенствование общественного производства на базе высшей техники) общественного способа производства, создается в условиях утвердившихся социалистических отношений. Строительство технического базиса коммунизма — историческая миссия социализма. Первым этапом в осуществлении этой исторической миссии становится технический базис развитого социализма, позволяющий по своим масштабам организации и производственному потенциалу успешно решать задачи коммунистического строительства. Дальнейшее совершенствование, количественный и качественный рост технического базиса зрелого социалистического общества является одновременно планомерным процессом непосредственного созидания технического базиса коммунизма.

Специфические черты технического базиса коммунизма характеризует машинная техника с автоматическим управлением — четырехзвенная машина и система машин, а если говорить о будущем, то и «супермашинная» техника (в современных понятиях «безмашинная» техника), непосредственно использующая для преобразования вещества физические, химические и биологические процессы. Конечно, это не означает полного отказа от механизации производства, использования трехзвенной машины. Суть вопроса в другом: как в свое время цель и средства капиталистического производства вызвали к жизни потребности перехода от ручной техники к машинной технике с ручным управлением, так цель и средство социалистического способа производства вызывают к жизни потребности перехода от машинной техники с ручным управлением к машинной технике с автоматическим управлением. И хотя автоматизация составляет важный момент технического развития современного капитализма, реорганизация в перспективе основных производственных мощностей в комплексы самоуправляющихся машин является исключительным достоинством коммунистической общественно-экономической формации.

Порождаемая научно-техническим прогрессом тенденция уменьшения необходимого рабочего времени неизбежно дополняется при капитализме тенденцией увеличения прибавочного рабочего времени. Применение в производстве новейших научно-технических достижений оборачивается против трудящихся, выбрасывает за ворота фабрик и заводов миллионы людей⁷⁴. И чем дальше развивается обусловленное капитализмом противоречие между затратами необходимого и прибавочного рабочего времени,

⁷³ См.: Материалы XXVI съезда КПСС, с. 58.

⁷⁴ В 70-е годы по сравнению с 60-ми армия безработных в развитых капиталистических странах возросла вдвое. В 1980 г. она насчитывала 19 млн. человек. См.: Материалы XXVI съезда КПСС, с. 20.

тем яснее становится то, что «рост производительных сил больше не может быть прикован к присвоению чужого прибавочного труда»⁷⁵.

По сравнению с капитализмом социализм создает принципиально иную социальную обстановку. Тенденция уменьшения необходимого рабочего времени сочетается теперь с тенденцией увеличения свободного времени. В качестве требования общественного прогресса, без которого невозможно всестороннее развитие общественного индивида, формирование нового типа работника, свободное время становится мерой действительного богатства общества. По самой своей природе автоматизация производства адекватна коммунистическому способу производства. Именно поэтому капитализм, хотя он и имеет определенные результаты в осуществлении научно-технической революции, не в состоянии обеспечить органическое соединение ее достижений со своей системой хозяйства. «...Только в условиях социализма научно-техническая революция обретает верное, отвечающее интересам человека и общества направление»⁷⁶.

Наряду с категорией технического базиса в современной научной и учебной литературе получила широкое распространение категория материально-технической базы общества. Применительно к коммунизму как высшей фазе коммунистической формации она закреплена Программой КПСС и другими партийными документами. Вместе с тем понимается материально-техническая база общества по-разному. Чаще всего ее отождествляют либо с производительными силами, либо со средствами производства. С подобной трактовкой категории материально-технической базы общества вряд ли можно согласиться. И дело в конечном счете не в том, как содержание данной категории соотносится с содержанием категорий производительных сил и средств производства, а в аспекте отражения ею материальной жизни общества.

Опираясь на характеристику материально-технической базы коммунизма, разработанную в Программе КПСС, можно сделать следующий вывод: категория материально-технической базы общества обозначает весь комплекс материально-технических условий и моментов процесса производства, взятых в качестве факторов производительной силы труда. Речь идет о наличном производственном потенциале общества: состоянии техники, технологии, науки, организации производства, материально-сырьевых, энергетических и трудовых ресурсов. Поскольку состояние всех факторов производительной силы труда рассматривается под материально-техническим углом зрения, постольку и личный момент процесса производства представлен в материально-технической базе не сам по себе, а в виде культурно-технической характеристики. Важно подчеркнуть, что материально-техническая база общества внутренне связана с системой производственных отношений. Она всегда социально организована и в этой своей организации отвечает определенной общественной цели⁷⁷. Центральное место в материально-технической базе общества занима-

ет технический базис. Поэтому все сказанное о техническом базисе имеет непосредственное отношение и к материально-технической базе общества.

Каждая общественно-экономическая формация имеет свою специфическую материально-техническую базу. И какого бы высокого технического уровня она ни достигала, ее нельзя в силу внутренне присущей ей социальной характеристики механически переносить из одной общественно-экономической формации в другую. В этой связи коренные преобразования производительных сил, совершаемые научно-технической революцией, готовят, как справедливо отмечает П. Н. Федосеев, «материально-техническую базу, адекватную коммунистическому способу производства»⁷⁸. Ее строительство представляет собой реализацию исторически необходимых путей развития производительных сил общества. Все это требует специального рассмотрения развития производительных сил и производственных отношений в условиях научно-технической революции.

4. Развитие производительных сил и производственных отношений в условиях научно-технической революции

Современный этап развития производительных сил и производственных отношений тесно связан с научно-технической революцией (НТР). Возникнув и развиваясь в эпоху перехода человечества от капитализма к социализму и коммунизму, НТР органически вплетается в этот процесс, ускоряя его и создавая для него необходимую материальную основу.

Рассмотрение НТР в плане широкой исторической перспективы реально отражает ее значение для развития мировой цивилизации. Оно представляет собой вместе с тем важный теоретический вклад в диалектико-материалистическое понимание современной эпохи, анализ ее объективных условий. Раскрытие сущности НТР как двигателя и ускорителя прогресса в производстве и на его основе — перехода от капитализма к социализму и коммунизму представляет важную задачу марксистско-ленинской науки.

Сущность НТР, как и сущность всякого явления, находится не на ее поверхности. Поэтому, чтобы разобраться в данной проблеме, необходим всесторонний и целостный подход. Вопреки такому требованию в научной литературе часто имеет место сведение сущности НТР лишь к отдельным ее проявлениям. Так, в одних случаях авторы видят сущность НТР в автоматизации про-

⁷⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 217.

⁷⁶ Материалы XXV съезда КПСС, с. 47.

⁷⁷ См.: Материально-техническая база коммунизма. М., 1977, т. 1, с. 6.

⁷⁸ Федосеев П. Н. Философская интерпретация научно-технической революции. — Вопросы философии, 1976, № 10, с. 4.

изводства; в других — в перевороте в области технологии производства; в третьих — в превращении науки в непосредственную производительную силу и т. д.⁷⁹ Конечно, выступая в качестве переворота в области техники и технологии, НТР наиболее наглядно в сравнении с технической революцией конца XVIII — начала XIX в. характеризуется своим ведущим звеном. Если таким звеном в предшествующей технической революции было создание рабочей машины, то для НТР подобным ведущим звеном стали управляющие электронные устройства. Однако вопрос о ведущем звене НТР и вопрос о сущности НТР не совпадают друг с другом, хотя и связаны между собой.

Сущность НТР обнаруживает себя через все ее проявления, т. е. всю совокупность технических новшеств: электронно-вычислительные машины, квантовые генераторы, ракетно-космические системы, атомные реакторы, изготовление материалов с заранее заданными свойствами и т. д. Поскольку НТР — явление общественное, постольку и ее сущность должна представлять собой социальное содержание переворотов в технике и технологии, а не физико-химические или другие подобные процессы, которые выступают естественным основанием их осуществления. Поэтому понять сущность НТР как общественного явления можно только в категориях общественной науки, прежде всего в категориях исторического материализма.

Сущность НТР заключается, по нашему мнению, в следующем: происходит качественное изменение отношения общества к природе, качественно преобразуется управляющее положение человека по отношению к природным процессам на пути превращения природных процессов в индустриальные. Те силы природы, которые раньше не были подконтрольными человеку, ставятся в ходе НТР под его контроль. Касаясь перспективы развития крупного машинного производства, К. Маркс писал, что человек выходит из непосредственного процесса производства, становится рядом с ним, выступает по отношению к нему надзирателем и регулятором⁸⁰. Рассматриваемая тенденция в известной степени обнаружила себя во времена технической революции конца XVIII — начала XIX в. В полной же мере она сформировалась и обрела принципиальное значение в виде характеристики НТР.

Качественное изменение управляющих функций человека в производстве необходимо рассматривать соотносительно с другими производственными функциями (или функциями в других областях человеческой деятельности) — технологическо-исполнительной, транспортной и энергетической. Само по себе перемещение таких функций от человека к средствам труда уже есть усиление в производстве контрольно-управленческой деятельности человека. В этом отношении техническая революция конца XVIII — начала XIX в., представляемая изобретением рабочей машины, парового двигателя и др., в значительной мере высвободила человека от выполнения технологической, транспортной и энергетической функций, что определенным образом усилило в

производстве его контрольно-управленческую деятельность. Однако коренной перелом в этой области совершен лишь НТР.

Научно-техническая революция — революция в управлении технологическими процессами в двух аспектах. С одной стороны, НТР поднимает управленческую деятельность человека в технологическом процессе на новую ступень развития через дальнейшее перемещение к средствам труда технологической, транспортной и энергетической производственных функций. С другой стороны, НТР неотделима от создания электронно-управляющих устройств, которые позволяют существенно преобразовать саму управленческую функцию, передать ее непосредственные операции машине. Происходящие здесь принципиально новые качественные изменения наряду с дальнейшим перемещением к средствам труда других производственных функций — прямой результат научных открытий, революции в науке.

Революция в науке, на которую в целом опирается НТР, началась на грани XIX—XX вв. Она была связана с переворотом в теоретическом естествознании, с созданием теории относительности, квантовой механики и т. д. Но для того чтобы подобные революционизирующие естествознание теории нашли применение в технике и технологии и обрели тем самым практическое значение в жизни общества, потребовались десятилетия. Только середина XX в. ознаменовалась решением этой задачи, ставшим новым переворотом в технике и технологии. Органическое соединение революции в науке с революцией в технике, связь науки с производством и нашли свое воплощение в таком уникальном по сравнению с предшествующим развитием общественном явлении, каким предстала НТР. Именно середина XX в. открыла ее первые страницы. Что же касается периода между началом революции в науке и революцией в технике, то его с полным основанием можно считать периодом становления революционных отраслей науки в роли непосредственной производительной силы, созревание их до рубежей, позволяющих им выполнять эту социальную функцию. С точки зрения всего исторического хода превращения науки в непосредственную производительную силу рассматриваемый период — особая революционная фаза данного превращения, которая в буквальном смысле слова возвела развитие науки на степень «основы основ» научно-технического прогресса⁸¹.

Итак, сущность НТР обнаруживается при анализе технологической связи человека со средствами труда, технологического способа производства в целом. При ее выяснении понятие технологического способа производства играет важную методологи-

⁷⁹ См.: Обмен мнениями: о сущности научно-технической революции. — *Философские науки*, 1973, № 5; 1974, № 2.

⁸⁰ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 213.

⁸¹ См.: Материалы XXVI съезда КПСС, с. 44.

скую роль. Оно «работает» в полной мере. Поэтому не может не вызывать сомнения позиция некоторых авторов, предлагающих отказаться от понятия технологического способа производства, уходящего своими корнями в работы основоположников марксизма-ленинизма. Но НТР выступает и в качестве фактора изменения в производственных отношениях.

Революция в управлении технологическими процессами — новая ступень в развитии человеческой свободы. Ее наиболее полная реализация неотделима от всестороннего развития человека, раскрытия его творческих способностей как главной производительной силы. Из самой сущности (основного социального содержания) НТР необходимо вытекают такие перспективы, которые могут быть целью лишь коммунистического строительства. В этом, в частности, видна органическая связь научно-технической революции с коммунизмом. Становится понятным и глубокий научный смысл сформулированного в документах КПСС положения о том, что «только на основе ускоренного развития науки и техники могут быть решены конечные задачи революции социальной — построено коммунистическое общество»⁸².

Производственные отношения капитализма в силу их антагонистического характера неизбежно выступают тормозом всестороннего развития человека. Они не соответствуют сущности НТР. Поэтому ее развертывание при капитализме имеет свои границы. НТР требует адекватной ей общественной формы — социалистических производственных отношений. Это требование усиливается вместе с производственным использованием результатов НТР, ведущим к революционному перевороту в производительных силах. Последний нельзя считать тождественным с НТР, но он в основном совпадает с ее развертыванием, т. е. с внедрением ее достижений в различные отрасли общественного производства. Если при социализме развертывание НТР становится основой перерастания социалистических производственных отношений в коммунистические, то при капитализме оно неотвратимо углубляет и обостряет противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения. Со всей полнотой обнаруживают себя требования закона соответствия производственных отношений производительным силам.

В связи с рассматриваемым вопросом особенно наглядно обнажается несостоятельность предложений трактовать производительные силы и производственные отношения в виде равноправных сторон общественного способа производства, что затемняет, о чем уже шла речь выше, соотношение первичности и вторичности, определяющего и определяемого в его рамках. Диалектика производительных сил и производственных отношений приобретает при таком подходе весьма неопределенное содержание. Остаются в тени социальные проблемы НТР — внутренняя связь ее развертывания с требованием утверждения и развития социалистических производственных отношений. Замена формулировки «закон соответствия производственных отношений производитель-

ным силам» другими формулировками ведет на практике к отрицанию социальных последствий, обусловленных НТР и переворотом в производительных силах современного общества. Важно отметить и то, что признание социальных последствий НТР, находящихся свое выражение в действии закона соответствия производственных отношений производительным силам, не имеет ничего общего с технологическим детерминизмом, который либо вовсе отрицает значение производственных отношений, либо отождествляет технические (организационные) и социальные аспекты общественного развития. Это отождествление приводит к включению в понятие НТР ее социальных последствий, что фактически тоже снимает вопрос о производственных отношениях.

Реальная диалектика производительных сил и производственных отношений состоит в том, что развертывание НТР, совпадающее в отмеченном смысле с переворотом в производительных силах, сохраняет роль причины, вызывающей определенные социальные следствия. Действие закона соответствия производственных отношений производительным силам состоит здесь в том, что вслед за переворотом в производительных силах на базе НТР возникает настоятельная потребность изменения всей системы производственных отношений. Единство этих переворотов означает начало современной промышленной (индустриальной) революции, охватывающей собой наряду с самим промышленным производством и сельскохозяйственное производство, превращаемое в разновидность индустриального.

Методологической базой анализа современной промышленной революции является анализ основоположниками марксизма-ленинизма промышленной революции конца XVIII — начала XIX в. Имея в виду рассматриваемую революцию, В. И. Ленин писал, что тогда «начиналось то крутое и резкое преобразование всех общественных отношений под влиянием машин (заметьте, именно под влиянием машинной индустрии, а не «капитализма» вообще), преобразование, которое принято называть в экономической науке *industrial revolution* (промышленная революция)»⁸².

Особое выделение В. И. Лениным роли машинной индустрии в коренных изменениях общественных отношений имеет значение как для понимания сути закона соответствия производственных отношений производительным силам, так и для того, чтобы глубже осмыслить факт начавшейся современной промышленной революции. Распространение достижений НТР в производстве (в особенности средств автоматизации) положило начало перевороту в производительных силах. Пока еще рано говорить о завершении этого процесса. Вместе с тем уже сейчас НТР оказывает такое воздействие на производительные силы, которое все больше вызывает сдвиги в производственных отношениях и капиталистического и социалистического общества. Разумеется, подобные сдвиги

⁸² Материалы XXV съезда КПСС, с. 47.

⁸³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 231.

ги по-разному протекают в противоположных общественных системах.

Коренное изменение производственных отношений, выступающее непреложным требованием НТР, в рамках капитализма принципиально невозможно. Оно достижимо только в результате социалистической революции и замены капитализма социализмом. Соответственно начало современной промышленной революции выражается при капитализме лишь в своеобразном сочетании переворота в производительных силах и возрастания государственно-монополистических форм капитализма, некоторой перестройкой социальной структуры общества и др. В условиях социализма промышленная революция, возникающая под влиянием НТР, знаменует собой этап зрелого социализма. Завершится же она в результате полного развертывания НТР, переворота во всей системе производительных сил и коренных сдвигов в системе производственных отношений, т. е. в результате построения коммунистического общества — достижения конечной цели социальной революции. Между современной промышленной революцией и коммунистическим строительством связь такова, что в определенном отношении можно говорить об их совпадении.

Диалектика развития производительных сил и производственных отношений в условиях НТР состоит прежде всего в том великом токе, который идет от производительных сил к производственным отношениям. В этой диалектике, обнаруживающей себя в современной промышленной революции, в полной мере вскрывается определяющая роль производительных сил. В свою очередь производственные отношения, выступая общественной формой способа производства, активно воздействуют на производительные силы. Сознательное использование возможностей такого воздействия — непреложное требование научного управления. Его принципиальное значение подчеркнуто известной, ставшей теперь уже классической формулировкой XXIV съезда КПСС о том, что перед нами стоит задача исторической важности — органически соединить достижения научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства⁸⁴. Большое внимание обоснованию данной задачи и раскрытию путей ее решения уделили XXV и XXVI съезды КПСС.

Активная роль производственных отношений не сводится только к их прямому воздействию на производительные силы. Социалистические производственные отношения выступают основой коренных преимуществ социализма перед капитализмом, создавая, в частности, ряд факторов, способствующих перерастанию НТР в подлинную революцию в производительных силах. Для того чтобы представить результаты воздействия производственных отношений и всей системы общественных факторов, обуславливающих развитие производительных сил в условиях НТР, нужно, по нашему мнению, различать в научно-технической революции два аспекта — ее развитие и развертывание.

Развитие НТР связано с появлением все новых и новых технических достижений. Оно обнаруживает себя и в совершенствовании технических средств, например в переходе от ЭВМ первого поколения к ЭВМ второго, третьего, четвертого и т. д. поколений. Однако само по себе развитие НТР еще не ведет к перевороту в производительных силах. Такой переворот связан с развертыванием НТР, которое мы трактуем как внедрение ее достижений во всей системе производительных сил, во всех отраслях народного хозяйства. Поэтому, с нашей точки зрения, развертывание НТР и революционный переворот в производительных силах, на что уже обращалось внимание, в известном смысле совпадают. Научное же управление этим процессом при социализме является наглядным выражением его исторических преимуществ перед капитализмом. Важно иметь в виду и то, что революционный переворот в производительных силах включает в себя качественные изменения не только вещных и личных компонентов производительных сил, но и технологического способа производства в целом, в том числе технологических связей между отдельными производственными процессами.

Воздействие производственных отношений на революционный переворот в производительных силах через развертывание НТР обладает одной принципиальной особенностью. Производственные отношения как общественная форма способа производства вызывают к жизни исторически конкретную систему источников и движущих сил развертывания НТР. В капиталистическом обществе они порождают погоню за прибылью и сверхприбылью, конкуренцию, классовую борьбу, трансформируют соответствующим образом материальные и духовные потребности людей и т. д. При социализме они обуславливают плановость развития производства, социалистическое соревнование и т. д. Смещается центр тяжести в материальных и духовных стимулах, преобразуются потребности, связанные со всесторонним развитием личности, возрастает значение профессионального и научного интереса, создаются все более благоприятные условия для превращения труда в первую жизненную потребность. Социалистические производственные отношения детерминируют собой и неуклонное повышение в развертывании НТР роли субъективного фактора, прежде всего научно обоснованной организующей деятельности коммунистической партии и социалистического государства. Короче, складывается система экономических, социальных, политических и духовных преимуществ социализма перед капитализмом⁸⁴.

Исторические преимущества социализма утверждаются не автоматически. Формирование и развитие социалистических про-

⁸⁴ См.: Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с. 57.

⁸⁵ См.: Соединение достижений НТР с преимуществами социализма. М., 1977.

изводственных отношений предполагают знание общественных законов, механизмов их действия и использования, реализации этих знаний при решении конкретных производственных задач, осуществлении оптимальных форм соединения достижений НТР с преимуществами социализма. Как показывает исторический опыт развития реального социализма в СССР и других странах, открытие таких форм представляет собой сложный, противоречивый процесс, критерием которого может быть только общественная практика. Поэтому научное обобщение практики организации и управления социалистической экономикой, социалистическим соревнованием трудящихся, их трудовыми починами — непременное условие дальнейшего совершенствования хозяйственного механизма, повышения эффективности производства и качества работы, рационального использования производственных форм (производственных, научно-производственных, аграрно-промышленных объединений и комплексов), соответствующих современному состоянию производительных сил.

Направлениям дальнейшего совершенствования хозяйственного механизма, улучшению планирования и усилению воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы посвящены ряд специальных постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР⁸⁶, получивших одобрение и развитие в документах XXVI съезда КПСС⁸⁷. Эти постановления ввели новую систему планируемых показателей, по которым оценивается работа каждого предприятия и объединения. Такими показателями являются не «вал» и не обезличенная стоимость реализованной продукции в рублях, а рост чистой продукции, в которую вложен труд работников именно данного производственного коллектива, выполнение по количественным и качественным показателям конкретных заказов потребителей. Проблема заключается в том, чтобы побуждать трудовые коллективы и каждого работника повышать эффективность и качество работы, лучше использовать основные фонды, сырье и трудовые ресурсы и в конечном счете содействовать ускорению развития экономики, дальнейшему росту производительных сил, повышению народного благосостояния — высшей цели социалистического производства.

Активная роль производственных отношений при социализме заключается не только в стимулировании доведения научно-технической революции до полного переворота в производительных силах, создании материально-технической базы коммунизма и формировании работника коммунистического типа. Она обнаруживает себя и в том, что открывает новые возможности развития производительных сил. Как известно, XXV и XXVI съезды КПСС уже выдвинули такую задачу, связанную с необходимостью поисков принципиально новых путей развития производительных сил, создания техники и технологии будущего. Одной из проблем, требующих в этой связи своего решения, является социально-экологическая проблема — поиск рационального способа преодо-

ления глобального противоречия между обществом и природой, возникшего в условиях НТР. Коренное решение данной проблемы выдвигает задачу социалистического переустройства общества в масштабах планеты, обеспечения интернационального единства производственных отношений, основанных на общественной собственности на средства производства. Диалектика развития производительных сил и производственных отношений неотделима в наши дни от основного содержания современной эпохи. Соответственно и социально-философский анализ НТР нельзя считать самоцелью. Он представляет собой научную форму осознания всей глубины революционных преобразований, происходящих в мире.

⁸⁶ См.: О дальнейшем совершенствовании хозяйственного механизма и задачах партийных и государственных органов. Постановление ЦК КПСС от 12 июля 1979 года; Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 июля 1979 года. М., 1979.

⁸⁷ См.: Материалы XXVI съезда КПСС, с. 51.

ПРОИЗВОДСТВО И ПОТРЕБЛЕНИЕ

1. Производство и потребление как моменты общественного воспроизводства

Общественное производство — непрерывно возобновляющийся и развивающийся процесс. Рассматриваемое с этой стороны, оно представляет собой воспроизводство, а в исторической перспективе — расширенное воспроизводство. «В самых различных общественно-экономических формациях,— писал К. Маркс,— имеет место не только простое воспроизводство, но и воспроизводство в расширенных размерах, хотя последнее совершается не в одинаковом масштабе. С течением времени все больше производится и больше потребляется»¹.

К. Маркс, говоря о воспроизводстве, характеризовал его как процесс производства и процесс потребления². Он подчеркивал, что «потребление само есть момент и условие процесса воспроизводства»³. Возобновление и непрерывное развитие производства органически связаны с непрекращающимся процессом потребления — необходимым условием человеческого существования. «Так же, как общество не может перестать потреблять, так не может оно и перестать производить. Поэтому всякий общественный процесс производства, рассматриваемый в постоянной связи и в непрерывном потоке своего возобновления, является в то же время процессом воспроизводства»⁴. В. И. Ленин указывал, что «нельзя и толковать о «потреблении», не появив процесса воспроизводства всего общественного капитала и возмещения отдельных составных частей общественного продукта»⁵.

Общественное производство во всех его сферах есть производство для потребления. Именно производство создает для общественного человека предметы потребления, средства, необходимые для потребления, сами социальные условия, делающие процесс потребления в той или иной форме возможным.

Биологические организмы для поддержания своего существования должны удовлетворять свои потребности. Способом поддержания их жизнедеятельности является обмен веществ с окружающей природной средой, представляющий собой диалектическое единство процессов ассимиляции и диссимиляции. Но говорить о наличии в данном случае процесса потребления в точном смысле этого слова было бы неверным. Потребление возникает лишь в связи с возникновением общественного процесса — производства жизненных средств, и само оно есть поэтому по своей сущности также общественный процесс.

Производство и потребление, взятые в их диалектическом единстве, представляют собой специфический способ поддержания жизнедеятельности общественного человека. Только посредством общественного производства и потребления осуществляет он необходимый для поддержания своей жизнедеятельности обмен вещством, энергией и информацией. Этот обмен происходит не как изолированный акт общественного индивида (или простая сумма таких актов), а как коллективная, совместная деятельность людей, связанных друг с другом определенными общественными отношениями.

Общественное производство приобретает целостность, относительную законченность лишь в единстве с потреблением. При этом необходимыми посредствующими звеньями являются процессы распределения и обмена. Производство и потребление выступают по отношению друг к другу одновременно и исходным, и конечным пунктом определенного цикла движения системы «производство — потребление», они взаимопроникают и переходят друг в друга. Причем производство в таком движении становится определяющим началом⁶.

Потребление как общественный процесс, как необходимый момент общественного воспроизводства есть способ воспроизводства самого субъекта общественного производства, человека в его общественных отношениях, прежде всего отношениях производства. Положение о том, что в процессе потребления человеческие индивиды воспроизводятся не просто как биологические существа, а именно как общественные индивиды, индивиды в определенных общественных отношениях производства — одно из важнейших научных открытий марксистской историко-материалистической теории общества. «...Потребление... воспроизводит самого индивида,— писал К. Маркс,— в его определенном способе существования, не только в его непосредственной жизненности, но и в определенных социальных отношениях...; воспроизводит их (индивидов.— *Ред.*) в их общественном бытии, так же как и их общественное бытие — общество...»⁷.

Общественный характер потребления в качестве особого рода социальной деятельности связан с тем обстоятельством, что предметами потребления выступают (и чем более развито общественное производство, тем в большей мере) продукты труда. То, что люди потребляют, чтобы существовать, функционировать, развиваться в качестве людей, т. е. общественных индивидов, представляет собой продукт их собственного труда и труда других людей. Предмет человеческого потребления является (и именно в процес-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 611.

² См.: Там же, т. 25, ч. II, с. 22.

³ Там же, т. 26, ч. III, с. 293.

⁴ Там же, т. 23, с. 578.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 53.

⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 27, 29.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 226.

се потребления) предметной основой особой социальной связи между производителями и потребителями независимо от того, удовлетворяет предмет материальную или духовную потребность⁸.

К. Маркс писал, что не только производство создает потребление, но и потребление в свою очередь создает производство. Это активное обратное воздействие потребления на производство осуществляется двояким образом. Прежде всего «только в потреблении продукт становится действительным продуктом... ибо продукт есть [результат] производства не просто как овеществленная деятельность, а лишь как предмет для деятельного субъекта»⁹. Следовательно, в предметной форме продукта, по справедливому замечанию Р. Ф. Абульханова, «закодирован способ его применения»¹⁰. Причем программа действий задается не единичным актом производства, а совокупным способом производства с присущим ему уровнем развития производительных сил общества и специфическими производственными отношениями.

Потребление представляет собой реализацию социальной связи, на одной, исходной стороне которой — производитель, субъект производства, не только опредмечивающий живой труд в продукте, в изготовлении которого он участвует, но и закладывающий программу использования продукта в деятельности потребителя; на другой стороне — субъект потребления, который должен действовать в определенных социальных условиях, не просто потребляя продукт, но и извлекая — полностью или частично — заложенную в нем программу, распредмечивая его. В индивидуальном потреблении продукты потребляются как жизненные средства живого индивидуума, в производственном потреблении — как жизненные средства труда, т. е. действующей рабочей силы индивидуума. «Поэтому, — резюмирует К. Маркс, — продукт индивидуального потребления есть сам потребитель, результат же производственного потребления — продукт, отличный от потребителя»¹¹. Потребление активно воздействует на производство также тем, что «потребление создает потребность в *новом* производстве... идеальный, внутренне побуждающий мотив производства, являющийся его предпосылкой»¹².

В зависимости от социальных условий, т. е. в первую очередь от характера общественных производственных отношений, определяется общий характер деятельности потребления различных классов и других социальных групп в каждой общественно-экономической формации. В этой деятельности потребления (производственного и непроизводственного) человек приобретает возможность использовать опредмеченные в потребляемых продуктах (вещественных и духовных) «сущностные силы» их творцов. Вместе с тем распредмечивание заключенных в продуктах сущностных сил может осуществляться в самом субъекте потребления, обогащая и развивая его природу, но может — полностью или частично — и митовать субъект потребления. В данном случае потребляется только утилитарная функция продукта, его способность принести пользу в определенном отношении — уто-

лить голод, защитить от холода, помочь «убить» свободное время и т. п.¹³ Само содержание личности потребителя здесь не меняется, не обогащается, а в определенных условиях может даже деградировать.

К. Маркс отмечал, что форма натурального богатства «предполагает существенное отношение индивида к предмету, так что индивид с одной из своих сторон сам овеществляет себя в предмете и его обладание предметом выступает вместе с тем как определенное развитие его индивидуальности; например, богатство в виде овец выступает как развитие индивида в качестве пастуха, богатство в виде зерна — как развитие его в качестве земледельца и т. д.»¹⁴. Деньги же как «*всеобщий материальный представитель богатства*» уже «не предполагают какое-нибудь индивидуальное отношение к своему владельцу; владение ими не есть развитие какой-нибудь из существенных сторон индивидуальности владельца; наоборот, это есть обладание чем-то лишенным индивидуальности, ибо это общественное отношение существует вместе с тем как чувственный, внешний предмет, которым можно завладеть механически и который может быть равным образом и утрачен»¹⁵. В то же время деньги дают индивидуу независимо от его индивидуальности «всеобщее господство над обществом, над всем миром наслаждений, труда и т. д.»¹⁶. Стремясь безудержно к деньгам как всеобщей форме богатства, «капитал гонит труд за пределы обусловленных природой потребностей рабочего и тем самым создает материальные элементы для развития богатой индивидуальности, которая одинаково всесторонняя и в своем производстве и в своем потреблении и труд которой выступает поэтому уже не как труд, а как полное развитие самой деятельности...»¹⁷. Но вызываемое капиталом развитие производительных сил, подчеркивал К. Маркс, находит предел в самом капиталистическом способе производства, при котором «индивид может удовлетворить свои *собственные* самые насущные потребности, лишь удовлетворяя вместе с тем самые насущные потребности *другого* индивида и создавая для него сверх того избыток»¹⁸.

Приведенные положения К. Маркса вскрывают существенную зависимость характера потребления от общего характера способа

⁸ См.: Абульханов Р. Ф. Об общественной природе деятельности потребления. — Вопросы философии, 1968, № 10, с. 56—65.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 27—28.

¹⁰ Абульханов Р. Ф. Указ. соч., с. 58.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 195.

¹² Там же, т. 46, ч. I, с. 28.

¹³ Р. Ф. Абульханов называет эти два вида потребления «индивидуализированным» и «функциональным».

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 166.

¹⁵ Там же, с. 166.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, с. 281.

¹⁸ Там же, с. 376.

производства, от производительных сил и от производственных отношений. В то же время они показывают основной механизм расширенного воспроизводства потребностей даже и в условиях частнособственнических, эксплуататорских способов производства, его глубокую антагонистичность. Но само развитие общественно-богатства, резко взмывающее вверх при капитализме, создает возможность для уничтожения противоположностей, в которых данное развитие протекало до сих пор, для создания нового социального механизма расширенного воспроизводства потребностей всех членов общества.

В условиях коммунистического способа производства отпадает необходимость такого характера развития общества в целом, которое идет «за счет большинства человеческих индивидов и даже целых человеческих классов», когда «более высокое развитие индивидуальности покупается только ценой такого исторического процесса, в ходе которого индивиды приносятся в жертву»¹⁹. Коммунизм есть разрушение этого антагонизма, есть совпадение развития общества с развитием каждого отдельного индивида, когда «свободное развитие каждого» становится условием «свободного развития всех».

«Производство ради производства», подавляющее развитие индивидуальности непосредственных производителей, уступает место производству ради производства, совпадающему со всесторонним развитием их сил и способностей. Это означает, что потребление каждого члена общества приобретает характер такого индивидуализированного потребления, в ходе которого каждый потребитель, распредмечивая потребляемый продукт, всесторонне усваивает заложенные в нем общественным трудом сущностные силы и потенции всей совокупности производителей, т. е. всего общества.

Представители буржуазной вульгарной политической экономии, ограниченные рамками классовых буржуазных интересов и неспособные потому перейти от видимости экономических явлений к их действительной сущности, разрывали целостный, хотя и внутренне противоречивый, процесс воспроизводства на внешне самостоятельные, рядоположенные моменты — производство, распределение, обмен и потребление. К. Маркс подверг подобный поверхностный, метафизический подход критике. Он писал о нелепости традиции, установленной Ж.-Б. Сэем, «традиции, которой, однако, не следовал никто из экономистов-классиков: рассматривать сначала производство, затем обмен, потом распределение и, наконец, потребление, или же распределять эти четыре рубрики еще как-нибудь иначе. Тот специфический способ производства (капиталистический способ производства.— *Ред.*), который мы должны исследовать, с самого начала предполагает определенный способ обмена в качестве одной из своих форм, производит определенный способ распределения и определенный способ потребления, поскольку рассмотрение последнего вообще относится к области политической экономии»²⁰. Критикуя дру-

гого экономиста — Дж. Милля, К. Маркс отмечал, что у него «проводится негодное разделение: «О производстве», «О распределении», «Об обмене», «О потреблении»»²¹. На самом деле, по К. Марксу, «производство, распределение, обмен и потребление... образуют собой части единого целого, различия внутри единства. Производство господствует как над самим собой, если его брать в противопоставлении к другим моментам, так и над этими другими моментами. С него каждый раз процесс начинается снова»²². Все эти моменты в то же время взаимодействуют друг с другом, что, добавлял К. Маркс, «свойственно всякому органическому целому»²³.

В процессе воспроизводства роль противоположных и вместе с тем взаимопроникающих полюсов играют именно производство и потребление. Распределение же (средств производства, работников производства, продуктов производства) и обмен (деятельностью и продуктами) выступают в качестве необходимых опосредующих звеньев, необходимых условий функционирования всей системы общественного воспроизводства. К. Маркс замечает: «В распределении общество берет на себя, в форме господствующих всеобщих определений, опосредствование между производством и потреблением; в обмене они опосредствуются случайной определенностью индивида»²⁴. Говоря об общественных функциях отношений распределения как моментов общественного воспроизводства, К. Маркс указывает, что в пределах исторически определенного производственного отношения «они придают самим условиям производства и их представителям специфическое общественное качество»²⁵, притом «каждая форма распределения исчезает вместе с определенной формой производства, которой она соответствует и из которой проистекает»²⁶. Что касается обмена (деятельностью и продуктами этой деятельности), который также выступает в исторически различных формах, определяемых отношениями производства, то отношения обмена выявляют характер производимого в обществе богатства как общественного богатства. Ф. Энгельс, разъясняя мысль К. Маркса, писал в примечании к тексту III тома «Капитала», что общественный характер богатства проявляется «лишь благодаря тому, что... отдельные лица для удовлетворения своих потребностей обмениваются между собой качественно различными потребительными стоимостями»²⁷. В условиях капиталистического производства, например, такой обмен возможен лишь посредством денег, кото-

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. II, с. 123.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 47, с. 71.

²¹ Там же, т. 26, ч. III, с. 86.

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 36.

²³ Там же.

²⁴ Там же, с. 25.

²⁵ Там же, т. 25, ч. II, с. 451.

²⁶ Там же, т. 25, ч. II, с. 456.

²⁷ Там же, с. 121.

рые выступают как специфическая вещь, воплощающая в себе общественную природу богатства.

Производство и потребление, опосредуемые распределением и обменом,— это диалектически противоположные процессы, каждый из которых полагает другой, придает ему объективно целесообразный характер, которые взаимно обуславливают друг друга и в конце концов настолько взаимопроникают друг в друга, что, по выражению К. Маркса, «сам акт производства, во всех своих моментах, есть также и акт потребления»²⁸.

Потребление, если брать его всеобщую, абстрактную форму, есть процесс усвоения, использования, расходования различных потребительных стоимостей — предметов, обладающих физическими или также и социальными свойствами и служащих для удовлетворения различных потребностей общественного человека. В ходе развития человеческого общества возрастает доля тех предметов удовлетворения потребностей, которые не даны самой природой, а представляют результат, продукт общественного производства — производства материальных жизненных средств, знаний и идей, социальных связей и институтов, самого человека как субъекта общественных отношений.

С превращением животного предка человека в социальное существо производство становится основным определяющим фактором в отношении потребления. К. Маркс писал: «Производство создает потребление: 1) производя для него материал, 2) определяя способ потребления, 3) возбуждая в потребителе потребность, предметом которой является создаваемый им продукт. Оно производит поэтому предмет потребления, способ потребления и влечение к потреблению»²⁹.

Поскольку в процессе производства посредством активного трудового воздействия на вещество природы и преобразовательной деятельности в экономической, социальной, политической и духовной сферах общественной жизни создаются все новые и новые материальные и духовные предметы, постольку производство выступает и процессом порождения все новых и новых потребностей. Но это порождение новых потребностей опосредуется процессом удовлетворения наличных потребностей, процессом потребления. Ибо, как показали К. Маркс и Ф. Энгельс еще в «Немецкой идеологии», для возникновения новых потребностей необходимы само действие удовлетворения имеющихся потребностей, а также наличие определенных орудий удовлетворения³⁰. Вместе с тем процесс удовлетворения потребностей, т. е. потребление, само есть момент, сторона движения общественного производства (воспроизводства) в широком смысле слова. И общая характеристика потребления неотделима от общей характеристики производства.

Подобно тому как марксизм различает в способе производства его технологическую (организационную) и социальную стороны³¹, такое же различие следует проводить и при анализе потребления. С «технологической» стороны (как и технология раз-

личных производств) потребление изучается различными специальными дисциплинами. Социальная сторона потребления проявляется через общественные отношения людей по поводу удовлетворения потребностей в материальных и духовных жизненных средствах. Это сторона потребления — предмет общественно-знания, прежде всего таких его дисциплин, как политическая экономия и социология. Не может она быть обойдена и философией, историческим материализмом³².

Разумеется, что, так же как и в производстве, технологическая и социальная стороны потребления внутренне связаны друг с другом. И, рассматривая общественные формы потребления, не следует забывать, что последние складываются как формы потребления вполне определенных предметов, использования определенных орудий и средств потребления. Ибо каждый исторический способ потребления, возникающий на основе данного общественного способа производства, есть определенная целостность, входящая в то же время в целостность более высокого порядка (общественное воспроизводство).

С позиции такого целостного подхода марксизм-ленинизм различает потребление производственное (производительное) и личное, точнее, непродуцируемое. Последнее может осуществляться как в личной (индивидуальной), так и в коллективной (совместной) форме (например, пользование жильем, культур-

²⁸ Там же, т. 46, ч. I, с. 26.

²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 29.

³⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 27.

³¹ См. об этом там же, т. 23, с. 392, 393; т. 47, с. 403, 461; т. 49, с. 79, 84, 89, 90, 110, а также: Волков Г. Н. Социология науки. М., 1968, с. 54, 55; Он же. Истоки и горизонты прогресса: Социологические проблемы развития науки и техники. М., 1976, с. 41, 42.

³² К сожалению, в философской литературе разработке проблем потребления уделяется недостаточно внимания. Лишь в отдельных работах эти проблемы поднимались, главным образом в связи с анализом потребностей (Еремин Ю. Е. О противоречии между производством и потребностями. М., 1968; Абульханов Р. Ф. Об общественной природе деятельности потребления. — Вопросы философии, 1968, № 10; Маргулис А. В. Проблема потребности в историческом материализме. Белгород, 1971; Он же. Диалектика деятельности и потребностей общества. Белгород, 1972; Чудинова И. М. Теоретические основы проблемы потребностей личности: Социологический аспект. Красноярск, 1975; Краснов В. М. Проблема фундаментальных потребностей общества в буржуазной и марксистской социологии. — Вестн. МГУ. Сер. Философия, 1976, № 5; Дилигенский Г. Г. Потребности личности и общество. — Коммунист, 1975, № 6; Он же. Проблемы теории человеческих потребностей. — Вопросы философии, 1976, № 9; 1977, № 2; Куделин Е. Г. Диалектика производства и потребностей. М., 1977; Косолапов Р. И. Совершенствование общественных отношений в условиях развитого социализма. — В кн.: Социально-экономические проблемы развитого социализма. М., 1977; и др.). Более интенсивно проблемы потребления разрабатываются экономистами (см. работы А. М. Румянцева, И. И. Кузьмина, Е. И. Капустина, Я. А. Кронрода, И. П. Степанова, Б. М. Левина, И. Н. Шутова, Э. Ф. Миженской, Л. П. Евстигнеевой, В. В. Радаева, П. П. Цекова, В. Н. Сергиевского, П. Г. Олдака, Б. В. Ракитского, П. С. Мстиславского, И. А. Анчишкина и др.).

ными учреждениями и т. п.). Производственное потребление — потребление в самом процессе производства, в тех трудовых актах, которые лежат в основе этого процесса. «Труд,— писал К. Маркс,— потребляет свои вещественные элементы, свой предмет и свои средства, пожирает их, а потому является процессом потребления»³³. Однако производственное потребление в свою очередь распадается, по выражению К. Маркса, на объективное и субъективное³⁴. Объективное потребление есть потребление средств производства, используемых, снаниваемых, полностью или частично, сырья, топлива, энергии и других вещных факторов производства. Субъективное потребление — потребление жизненных сил, энергии, знаний, навыков и способностей самих работников производства. Несмотря на явственно проявляющуюся тенденцию возрастания в общественном производстве в ходе исторического развития доли вещных факторов в отношении к личным (в том числе и в сфере духовного производства — процесс индустриализации науки), личный (субъективный) фактор всегда будет иметь место, и притом прежде всего в качестве фактора, управляющего производственным процессом и контролирующего его. Поэтому производственное потребление всегда выступало и будет выступать в виде исторического единства объективного и субъективного потребления.

Непроизводственное потребление рассматривалось вульгарными экономистами как нечто, находящееся вне производства, следовательно, вне экономических отношений, как уничтожение результатов производства, происходящее где-то за его пределами. Конечно, непроизводственное потребление (удовлетворение многообразных потребностей человеческих индивидов) выступает конечным пунктом каждого цикла производства, реализацией того продукта, тех потребительных стоимостей, изготовление которых было его содержанием. Но такой конечный пункт есть в то же время и исходный пункт последующего цикла производства. Непроизводственное потребление отнюдь не выпадает из общего процесса воспроизводства. Вульгарные экономисты принимали за суть дела внешнее, территориальное несовпадение мест, где работает индивид трудится и где он ест, спит и т. д. По замечанию К. Маркса, не только производство есть непосредственно и потребление, но и потребление, в том числе индивидуальное, есть непосредственно производство, «потребительное производство»³⁵. Потребление продуктов питания, одежды, обуви, предметов личной гигиены, зданий; потребление продуктов духовного производства — знаний, идей и т. д. — словом, любой вид непроизводственного потребления — это не что иное, как производство и воспроизводство личного фактора производства, самого работника производства. Поэтому даже те общественные способы производства, которые зиждутся на угнетении и эксплуатации непосредственных производителей, не могли бы функционировать, если бы не обеспечивали какой-то минимум средств существования работникам, удовлетворение какого-то минимального круга их

жизненных потребностей. Когда изменения в самом производстве порождали необходимость удовлетворения более высокого набора физических и социальных потребностей работника, чем это было возможно в рамках данного способа общественного производства, то это оказывалось одной из причин неизбежной смены этого способа производства исторически более прогрессивным.

Производственное и непроизводственное потребление выступают, таким образом, необходимыми моментами и условиями общественного воспроизводства и, следовательно, воспроизводства исторического процесса. Они воспроизводят как вещный (вещественный), так и личные факторы процесса производства, а также одновременно и те общественные отношения, в рамках которых только и может функционировать производство. Общество, общественные субъекты производят материальные и духовные продукты, потребляя вещные элементы производства и свои собственные физические и духовные силы, и потребляют, воспроизводя самих себя в своих физических и социальных качествах. Производство и потребление — это два взаимопроникающих и взаимообуславливающих друг друга полюса диалектического противоречия.

Как всякое диалектическое противоречие, противоречие между производством и потреблением функционирует, разрешается, воспроизводится на новой основе через ряд посредствующих звеньев. В общей системе общественного воспроизводства этими звеньями выступают процессы распределения и обмена. Внутри же самой системы «производство — потребление» таким звеном является процесс возникновения, развития и удовлетворения потребностей. Этот процесс обнаруживает себя в виде противоречия (принимającego в различных исторических условиях различные формы) между достигнутым уровнем развития общественного производства, создающим условия для удовлетворения определенных общественных и личных потребностей, и возникающими новыми, более высокими потребностями. Противоречивое взаимодействие между процессами производства и потребления как бы складывается из постоянно возникающих, разрешающихся и воспроизводящихся вновь противоречий между каждым данным уровнем производства и потребностями, могущими быть удовлет-

³³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 194, 195.

³⁴ См.: Там же, т. 46, ч. I, с. 26.

³⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 27. «Что, например, в процессе питания, представляющем собой одну из форм потребления, человек производит свое собственное тело,— это ясно; но это же имеет силу и относительно всякого другого вида потребления, который с той или другой стороны, каждый в своем роде, производит человека. Это — потребительное производство». В условиях капиталистического общественного производства, писал К. Маркс в I томе «Капитала», «индивидуальное потребление рабочего класса в его абсолютно необходимых границах есть лишь... производство и воспроизводство необходимейшего для капиталиста средства производства — самого рабочего» (Там же, т. 23, с. 585).

воренными лишь в процессе такого потребления, которое требует нового, более высокого уровня развития самого производства. Но развитие общественного производства, как и развитие всех сфер общественной жизни, осуществляется через массовую деятельность людей (в классовом обществе — через деятельность и взаимодействие классов). Эта деятельность определяется интересами, в определенных условиях противоположными по своему содержанию и своей направленности. Поэтому развитие производства (и потребления), особенно в антагонистических формациях, идет не по однозначной, жестко запрограммированной трассе, а разворачивается в пределах широкого диапазона возможных вариантов.

2. Универсализация производства и потребления — тенденция исторического процесса. Закон возвышения потребностей

Уже в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» К. Маркс, преодолевая абстрактный антропологизм Л. Фейербаха, четко определил родовые характеристики человека как социального существа. Главное состоит в том, что формой утверждения человека в мире выступает общественное производство, составляющее определяющую основу его бытия. Для человека «производство есть его деятельная жизнь». «Именно в переработке предметного мира человек впервые действительно утверждает себя как *родовое существо*»³⁶.

Однако К. Маркс не ограничился лишь установлением принципиального положения о производстве как основной форме человеческой деятельности. Элементы деятельности по преобразованию тех или иных предметов окружающей среды имеются и у животных, когда они строят гнезда, плотины, роют норы и т. п. Но такие зачатки производственной деятельности у животных ограничены и односторонни. Производственная же деятельность человека — и в этом ее коренное отличие от всех подобий таковой у животных — носит, на что уже обращалось внимание, универсальный характер и потому обладает возможностью безграничного развития. Если продукт животного непосредственно связан с его организмом, то человек свободно противостоит своему продукту.

Универсализация производства есть одновременно и универсализация потребления, находящая свое выражение прежде всего в производстве новых, более богатых, более разносторонних, дифференцированных и утонченных потребностей. «...Потребности производятся точно так же, как и продукты и различные трудовые навыки»³⁷. Универсализация потребления происходит не только в сфере непродовольственного потребления. Она происходит, причем более интенсивно, и в сфере производственного потребления. В «Нищете философии» К. Маркс писал: «Чаще всего потребности рождаются прямо из производства или из по-

ложения вещей, основанного на производстве. Мировая торговля почти целиком определяется не потребностями индивидуального потребления, а потребностями производства»³⁶.

Рост, усложнение, обогащение потребностей ведут к развитию, дальнейшей универсализации процессов их удовлетворения, т. е. самого потребления, требуют новых средств, форм и способов удовлетворения как физических, так и социальных и духовных потребностей. Убыстрение темпов развития производительных сил по мере перехода человечества от одной формации к другой означает и парастание темпов производства новых потребностей. Вместе с тем история показывает увеличивающийся разрыв между ростом потребностей широких масс трудящихся классов и соответствующими этому росту возможностями их удовлетворения, характером реального потребления этих масс.

В докапиталистических формациях застойный характер производства обуславливает стагнацию потребностей и, следовательно, потребления масс трудящихся. Тенденция роста и универсализации потребностей здесь как бы «дремлет», и ее отдельные проявления заметны лишь в условиях тех или иных прогрессивных изменений в производительных силах, в технологии. Лишь в условиях капиталистического производства данная тенденция начинает действовать как внутренняя закономерность самого этого способа производства. И связана она прежде всего с качественными преобразованиями в производительных силах, с созданием нового технологического способа производства, основанного на применении машин, а затем и внедрении элементов автоматизации, создании новых отраслей материального производства и придании выпуску все большего круга продуктов (в их товарной форме) массового характера. На это обстоятельство особенно указывали основоположники марксизма-ленинизма, отмечавшие, что развитие и обогащение потребностей человека, форм и средств его потребления становятся условиями производства, основанного на капитале. «Создание новых отраслей производства... — писал К. Маркс, — представляет собой развитие постоянно расширяющейся и все более всеобъемлющей системы видов труда, видов производства, которым соответствует постоянно расширяющаяся и все более богатая система потребностей»³⁷. С этим связывал он «цивилизующее влияние капитала», преодолевающее суеверное поклонение природе, национальную ограниченность, вековые традиции и привычки, сокрушающее «все преграды, которые тормозят развитие производительных сил, расширение потреб-

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 94.

³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 18. «...В законе развития человеческой природы заложено то, что едва лишь обеспечивается удовлетворение одного круга потребностей, как высвобождаются, создаются новые потребности» (Там же, т. 47, с. 254).

³⁸ Там же, т. 4, с. 80.

³⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 386.

ностей, многообразие производства, эксплуатацию природных и духовных сил и обмен ими»⁴⁰.

Тенденцию возникновения новых потребностей, их все большего разнообразия и обогащения, вытекающую из прогрессивного развития общественного, прежде всего материального, производства, В. И. Ленин назвал «законом возвышения потребностей»⁴¹. Вне и помимо такого закона не может быть развития личного, субъективного фактора производства, непосредственных производителей материальных средств жизни, т. е. развития самого общественного производства⁴². В. И. Ленин, так же как и К. Маркс и Ф. Энгельс, подчеркивал, что действие этого закона в условиях эксплуататорских способов производства приобретает антагонистическую форму. Каждый шаг общества в увеличении прибавочного продукта благодаря увеличению и развитию производительных сил требует, по выражению К. Маркса, «производства нового потребления», так как расширяется существующее потребление, создаются новые потребности «путем распространения уже существующих потребностей в более широком кругу», производятся новые потребности, поскольку производятся новые потребительные стоимости, предметы новых потребностей⁴³.

Но движение потребностей и развитие самого потребления обуславливаются не только развитием производительных сил. Рассматриваемые общественные процессы самым непосредственным образом зависят и от характера производственных отношений. Производственные отношения влияют и на производственное потребление, правда опосредованным образом, облегчая или, наоборот, тормозя развитие производительных сил. Что касается личного потребления, то производственные отношения, детерминируя место и роль различных групп людей в данном обществе, непосредственно влияют тем самым на их личное потребление. Это влияние в зависимости от характера и степени соответствия (или несоответствия) производственных отношений производительным силам может идти в одном направлении с влиянием производительных сил, но может идти (до утверждения социализма и идет, как правило) в противоположном направлении. Именно характер производственных отношений, связанных с той или иной формой частной собственности на средства производства, предопределяет разрыв потребления господствующих классов и эксплуатируемых ими трудящихся масс, порождает паразитическое потребление господствующих классов, способствует возникновению извращенных, вредных, так называемых «престижных» потребностей.

Следует подчеркнуть, что при низком уровне развития производительных сил выделение необходимых средств для расширенного воспроизводства, общего подъема производительной силы труда возможно лишь путем отделения основных условий производства от непосредственных производителей и той или иной формы эксплуатации, присвоения их живого или овеществленного труда. Когда удовлетворение основных физических потреб-

ностей требовало от человека отдачи почти всех сил и времени материальному производству, возрастание излишка, доставляемого трудом и требуемого для расширенного воспроизводства, основывалось на недопотреблении широких масс трудящихся. Чтобы получить такой излишек и достичь развития производительных сил, «необходимо было,— писал К. Маркс,— существование классов, из которых одни наживаются, другие же гибнут от нищеты»⁴⁰.

Закон возвышения потребностей проявляет себя, следовательно, через противоборство разнонаправленных тенденций, механизм его действия сложен и противоречив. В условиях рабства и феодализма производительные силы, основанные на орудиях ручного труда, и производственные отношения, связанные с внеэкономическим принуждением, действуют так, что даже в количественном отношении, не говоря уже о качественной стороне дела, потребности трудящихся воспроизводятся в одних и тех же, а то и в суженных, пределах в течение многих веков. Здесь само разложение застойных технологических способов производства вызывает социальные кризисы и потрясения, которые (часто соединяясь с внешними завоеваниями) ведут к ломке всей общественной системы и в конце концов создают возможности определенных сдвигов в производительных силах и проявления тенденции роста потребностей и «производства нового потребления».

Установление капиталистических отношений, как уже отмечалось, открыв дорогу качественным преобразованиям производительных сил на основе машинной техники и их бурному количественному росту, придало тенденции возрастания потребностей самих трудящихся устойчивый характер, выявило полностью ее глубокую закономерность. Но, действуя в форме закона возвышения потребностей, такая тенденция в условиях капитализма не только не утратила внутренней антагонистичности, но еще более обострила ее. «Развитие капитализма,— писал В. И. Ленин,— неизбежно влечет за собой возрастание уровня потребностей всего населения и рабочего пролетариата. Это возрастание созда-

⁴⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 387.

⁴¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 101.

⁴² «В самом акте воспроизводства изменяются не только объективные условия, так что, например, деревня становится городом, заросли — расчищенным полем и т. д., но изменяются и сами производители, вырабатывая в себе новые качества, развивая и преобразовывая самих себя благодаря производству, создавая новые силы и новые представления, новые способы общения, новые потребности и новый язык» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, т. I, с. 483, 484).

⁴³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 385. Некоторые исследователи (см.: Еремин Ю. Е. О противоречии между производством и потребностями. М., 1968) полагают, что спорадический характер проявления тенденции возвышения потребностей производителей и застойный характер потребления масс в докапиталистических обществах позволяют сделать вывод о начале действия этой тенденции как закона возвышения потребностей только в условиях капиталистического способа производства.

⁴⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 125.

ется вообще учащением обменов продуктами, приводящим к более частым столкновениям между жителями города и деревни, различных географических местностей и т. п. К этому же приводит и сплоченность, скученность рабочего пролетариата, повышающая его сознательность и чувство человеческого достоинства и дающая ему возможность успешной борьбы против хищнических тенденций капиталистических порядков»⁴⁵.

В то же время капитализм, порождая у трудящихся новые, более высокие социальные потребности, ставит препоны их удовлетворению, создает все больший разрыв, все обостряющееся противоречие между производством и потреблением. «Противоречие между производством и потреблением, присущее капитализму,— отмечал В. И. Ленин,— состоит только в том, что растет национальное богатство рядом с ростом народной нищеты, растут производительные силы общества без соответствующего роста народного потребления, без утилизации этих производительных сил на пользу трудящихся масс»⁴⁶. Конечно, рост народной нищеты не следует понимать упрощенно в чисто физическом смысле. Однако и повышение благосостояния трудящихся в развитых капиталистических странах не ликвидирует того, что В. И. Ленин называл социальной нищетой. «Растет нищета,— разъяснял он,— не в физическом, а в социальном смысле, т. е. в смысле несоответствия между повышающимся уровнем потребностей буржуазии и потребностей всего общества и уровнем жизни трудящихся масс»⁴⁷.

Вместе с тем именно капитализм на базе революционного переворота в орудиях труда, превращения их из орудий ручного труда в машины, требующие совместных, коллективных усилий работников, дал резкий толчок не только количественному росту потребностей рабочего, но и развитию их качественного многообразия, их универсализации. Свою беспрестанно воспроизводимую стоимость, жизнедеятельность своей рабочей силы рабочий столь же постоянно переводит во всеобщую форму богатства буржуазного мира, в деньги, которые превращает затем в различные товары как средства удовлетворения своих потребностей. Рабочий, подчеркивал К. Маркс, «не связан ни определенными предметами, ни определенным способом удовлетворения потребностей. Круг его потребления ограничен не качественно, а только количественно. Это отличает его от раба, крепостного и т. д.»⁴⁸ Разумеется, количественное ограничение потребления рабочих, диктуемое законами капиталистической эксплуатации, налагает таким путем и серьезные ограничения на качественный круг их потребностей. Сказанное особенно касается таких потребностей, как приобщение к высотам научного образования, художественной культуры, к управленческой деятельности в различных областях и т. д.

Циклический характер материального капиталистического производства ведет к неравномерности, неустойчивости потребления рабочего класса и всех трудящихся, к смене кратких периодов относительного достатка все более длительными периодами недо-

потребления порою и необходимых жизненных средств, не говоря уже об удовлетворении элементарных духовных потребностей. «То участие, которое рабочий,— пишет К. Маркс,— принимает в потреблении более высокого порядка, а также и в духовном потреблении,— агитация за свои собственные интересы, выписка газет, посещение лекций, воспитание детей, развитие вкуса и т. д.,— то единственное его участие в цивилизации, которым он отличается от раба, экономически возможно лишь благодаря тому, что он расширяет круг своих потребностей в периоды хорошей конъюнктуры, т. е. как раз в те периоды, когда до известной степени имеется возможность делать сбережения»⁴⁹.

Только тогда, когда развитие производительных сил и обобществление производства подводят к неизбежной революционной смене производственных отношений, основанных на частной собственности на средства производства, коллективистскими социалистическими и затем коммунистическими производственными отношениями, падают преграды на пути все более полного и всестороннего удовлетворения непрерывно растущих и качественно и количественно потребностей трудящихся, становящихся ассоциированными собственниками всех средств и условий производства. Тенденция роста и универсализации потребления трудящихся, индивидуального и производственного, не тормозится больше внутренними причинами, коренящимися в самой исторической форме общественного производства. Она становится непосредственной тенденцией самого социалистического (коммунистического) способа производства. Снимается та социальная противоположность между производственным и индивидуальным потреблением работника (рабочего), которая неотъемлема от капитализма как экономической системы. Здесь, говорил К. Маркс, «производственное и индивидуальное потребление рабочего совершенно различны между собой. В первом он функционирует как движущая сила капитала и принадлежит капиталисту; во втором он принадлежит самому себе и выполняет жизненные функции вне производственного процесса. Результатом первого является существование капиталиста, результатом второго — существование самого рабочего»⁵⁰. Только в условиях социализма трудящиеся и в процессе производственного и в процессе индивидуального потребления производят и воспроизводят самих себя во всей всесторонности и целостности как универсально развитых индивидов со все более универсализирующимися потребностями и способностями.

⁴⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 101.

⁴⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 4, с. 158, 159.

⁴⁷ Там же, с. 208.

⁴⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 235, 236.

⁴⁹ Там же, с. 240.

⁵⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 584.

Поэтому вполне обоснован и полностью подтвержден исторический вывод, к которому пришел Маркс: «Та универсальность, к которой неудержимо стремится капитал, находит в его собственной природе такие границы, которые на определенной ступени капиталистического развития заставляют осознать, что самым большим пределом для этой тенденции является сам капитал, и которые поэтому будут влечь людей к уничтожению капитала посредством самого капитала»⁵¹.

3. Соотношение потребления и целей общественного производства

Удовлетворение постоянно умножающихся многообразных потребностей производящих субъектов выступает в качестве общей закономерности функционирования и развития общественного производства как целостной системы. Отмечая, что не только без производства нет потребления, но и без потребления нет производства, К. Маркс заключал: «Производство было бы в таком случае бесцельно»⁵². Однако эта общая цель общественного производства реализуется в историческом процессе не непосредственно, не прямо, а лишь через исторически конкретную систему отношений между людьми, которая необходимо складывается в ходе трудовой деятельности на базе достигнутого обществом уровня развития производительных сил. Поэтому общая цель производства в истории общества не всегда совпадала и совпадает с его непосредственной целью.

В первобытном обществе, где отношения между людьми складывались на основе коллективной общественной собственности, непосредственная цель производства не противостояла его общей цели. Она была направлена на удовлетворение примитивных и весьма ограниченных тогда потребностей производителей, какими были фактически все работоспособные члены первобытной общины. Вместе с возникновением частной собственности на средства производства ситуация изменяется. Господствующие позиции в системе общественного производства занимают эксплуататорские классы. По словам В. И. Ленина, они «заведуют» данным экономическим порядком⁵³. Непосредственные цели частнособственных способов производства определяются интересами непроизводительных имущих классов.

Уже отмечалось, что интересы определяются прежде всего объективным местом и положением социально-исторической общности (класса) в системе экономических отношений. Интересы господствующего в данном способе производства класса не только противоположны интересам эксплуатируемого им трудящегося класса и, разумеется, потребностям входящих в него индивидов, но могут противостоять и непосредственным потребностям (и личным интересам) отдельных представителей самого господствующего класса, ибо экономические отношения между его членами (группами, слоями) — это отношения конкурентной борьбы.

Вот почему К. Маркс, анализируя непосредственную цель капиталистического производства, писал, что «никогда нельзя изображать капиталистическое производство тем, чем оно не является на самом деле, именно таким производством, которое имеет своей непосредственной целью потребление или изготовление предметов потребления для капиталистов»⁵⁴.

Казалось бы, раз капиталисты эксплуатируют рабочих, то непосредственная цель капиталистического производства должна быть подчинена удовлетворению потребностей самих капиталистов. Однако К. Маркс показал, что это совсем не так. Не потребности капиталистов как особых индивидов, а коренной интерес класса капиталистов как целого определяет непосредственную цель капиталистического способа производства. «Капиталистический процесс производства по существу заключается в производстве прибавочной стоимости, представленной в прибавочном продукте или в соответственной части произведенных товаров, в которой овеществлен неоплаченный труд. ...Производство этой прибавочной стоимости... является непосредственной целью и определяющим мотивом капиталистического производства»⁵⁵.

Антагонизм интересов классов собственников средств производства (или основных средств производства) и интересов трудящихся классов приводит к тому, что непосредственные цели производства, подчиненные интересам эксплуататорского класса, вступают в антагонистическое противоречие с общей целью производства, направленной на удовлетворение потребностей непосредственных производителей. В антагонистических формациях продукты материального производства, в которых овеществлен труд производителей, трудящихся, отчуждаются от них и в качестве богатства, принадлежащего эксплуататорам, превращаются в порабащую их силу. Удовлетворение потребностей трудящихся ограничивается минимумом, необходимым для воспроизводства физических (в определенных условиях и интеллектуальных) сил работника и для продолжения его рода, без чего вообще невозможно производство, а значит, и удовлетворение интересов господствующих классов. Эксплуататорским классам свойственно стремление сводить потребление трудящихся до возможно более низких пределов. Однако два обстоятельства ставят им на таком пути преграды. Это, во-первых, необходимость расширения и интенсификации производства и, во-вторых, сопротивление эксплуатируемых трудящихся классов.

Ф. Энгельс писал, что «недопотребление масс есть необходимое условие всех основанных на эксплуатации форм общества,

⁵¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 387.

⁵² Там же, с. 27.

⁵³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 418.

⁵⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. I, с. 267.

⁵⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. I, с. 267; см. также: т. 26, ч. I, с. 65; т. 26, ч. II, с. 627, 628.

а следовательно, и капиталистической формы общества»⁵⁶. Подобное недопотребление (понимаемое в широком смысле как недопотребление не только в физическом, но и в социальном плане), до крайности обостряющее антагонизм между общественным производством и потреблением непосредственных производителей, и проводит в конце концов эти формы общества к неминуемой гибели.

К. Марксу принадлежит глубокая мысль о том, что во всемирно-историческом плане способы производства, ставившие непосредственной целью удовлетворение не потребностей масс, а интересов господствующих классов, в том числе капиталистический способ производства, имеют свое оправдание. Пока производительные силы общества развиты еще недостаточно, их дальнейшее развитие, соответствующее интересам развития способностей всего человеческого рода, «вначале совершается за счет большинства человеческих индивидов и даже целых человеческих классов»⁵⁷. К. Маркс отмечал научную честность и заслугу Д. Рикардо, его правоту для своей эпохи, когда он защищал производство для производства, т. е. капиталистический способ производства как самый выгодный для производства вообще, для создания богатства. Для Д. Рикардо, замечал К. Маркс, «совершенно безразлично, поражает ли насмерть дальнейшее развитие производительных сил земельную собственность или рабочих. Когда этот прогресс обесценивает капитал промышленной буржуазии, то Рикардо это тоже приветствует»⁵⁸. Точка зрения Д. Рикардо в целом соответствует интересам промышленной буржуазии, но «лишь *потому*, что ее интересы совпадают — и лишь *в той мере*, в *какой* они совпадают, — с интересами производства, или с интересами развития производительности человеческого труда»⁵⁹. Вместе с тем, К. Маркс четко намечал и историческую перспективу. Он предвидел, что с утверждением социалистического способа производства антагонизм между развитием всего человеческого рода и обеспечением блага отдельных индивидов будет разрушен и развитие производительных сил человечества «совпадет с развитием каждого отдельного индивида»⁶⁰.

Коренные изменения в технологии производства в условиях капитализма, которые привели к резкому повышению производительности труда, к массовому выпуску продукции, ко все более частому обновлению всех видов товарной продукции, не могли не вызвать существенных изменений в потреблении вообще, в том числе в потреблении трудящихся классов, составляющих повсюду абсолютное большинство населения. Потребности трудящихся в годы благоприятной конъюнктуры в странах капитализма удовлетворяются более полно, что ведет к улучшению материального положения трудящихся, к известному, требуемому самим развитием производства повышению уровня образования и культуры. В. И. Ленин еще в конце прошлого столетия отмечал, что, «чем быстрее рост богатства, тем полнее развиваются производительные силы труда и обобществление его, *тем лучше положение ра-*

бочего, поскольку оно может быть лучше в данной системе общественного хозяйства»⁶¹.

Для общества, основанного на частной собственности, всегда была характерна трансформация расширяющихся потребностей в нечеловечные, рафинированные и надуманные вожделения⁶². Но если формирование подобных потребностей и все более расточительные способы их удовлетворения характеризовали в докапиталистических формациях потребление господствующих эксплуататорских классов, то в условиях капитализма, особенно на его монополистической стадии, во всевозрастающей степени происходит сознательный организмыый процесс культивирования минимума «престижных» (отвлекающих от активного участия в социально-политической жизни, от борьбы за свое действительное освобождение) потребностей среди самих трудящихся. Исходную точку такому процессу положило в начале нынешнего века организованное Г. Фордом-старшим массовое производство автомобиля, доступного для рядового потребителя.

Бурного развития этот процесс достиг после второй мировой войны, в условиях начавшейся научно-технической революции и благоприятной экономической конъюнктуры 50-х и 60-х годов. Руководители капиталистических монополий и их идеологи — авторы концепции «общества массового потребления» (У. Ростоу, Дж. Катон, Р. Рюйе, Д. Белл и др.), тесно связанной со столь же антинаучными, сколь и реакционными, концепциями «государства всеобщего благосостояния», «среднего сословия» и др., увидели в насаждении культа потребительства и массовой страсти к приобретательству возможность, во-первых, обеспечить рынок сбыта массовой, быстро сменяемой продукцией и тем самым гарантировать предпринимательскую активность, во-вторых, создать у самих трудящихся иллюзию действительного удовлетворения потребностей, обеспечивающего будто бы надлежащее и все повышающееся «качество жизни», пробудить у них стремление к приобретению никчемных, ненужных «престижных» вещей. Навязывая трудящимся искусственные потребности, монополии придают потреблению уродливый характер. В то время как потребности действительного развития, потребности, вытекающие из общего коренного интереса рабочего класса и всех эксплуатируемых в борьбе за ликвидацию системы эксплуатации наемного труда, подавляются и не находят удовлетворения, рынок забит

⁵⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 297.

⁵⁷ Там же, т. 26, ч. II, с. 123. В «Экономической рукописи 1861—1863 годов» К. Маркс писал: «...Только ценой величайшего ущерба, наносимого развитию каждого индивида в отдельности, достигается их общее развитие в те исторические эпохи, которые являются прелюдией к социалистической организации человеческого общества» (Там же, т. 47, с. 186).

⁵⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. II, с. 123—124.

⁵⁹ Там же, с. 124.

⁶⁰ Там же, с. 123.

⁶¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 139.

⁶² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 129.

рекламируемыми предметами, рассчитанными на примитивно-мещанские вкусы, на культивирование насилия и порнографии. Сегодня, как и в начале века, актуально звучат слова В. И. Ленина из его статьи, помещенной в большевистской газете «Невская звезда» в мае 1912 г.: «Посмотрите на торговые объявления в любой газете — вы увидите, что капиталисты выдумывают самые «эффектные», кричащие, модные названия для своих товаров и расхваливают их, не стесняясь абсолютно ничем, не останавливаясь решительно ни перед какой ложью и выдумкой»⁶³.

Вся организация уродливого потребительства продиктована коренными интересами монополистической буржуазии. Ее классово-экономический смысл — превратить не только производственное, но и личное потребление трудящихся в источник наживы, все более высоких прибылей. Ее идейно-политический смысл — отвлечь возможно большую часть трудового населения от насущных общественно-политических проблем, превратить трудящихся в конформистски настроенных обывателей, аполитичную инертную массу, неспособную увидеть реальную альтернативу пасакидаемому капиталом «образу жизни». Общий ее смысл заключается в том, чтобы отстоять, спасти от неминуемой гибели охваченную неизлечимыми болезнями, представляющую угрозу самому существованию человечества социальную систему, явно неспособную решить действительно жизненные, глобальные проблемы: прекратить гонку вооружений, принять эффективные меры для защиты природной среды и рационального использования ее ресурсов, ликвидировать нищету, голод и болезни, обеспечить удовлетворение тех потребностей трудящихся, которые действительно связаны со всесторонним и гармоничным развитием человека⁶⁴.

Самая капиталистическая действительность, усиливающаяся нестабильность капитализма как социальной системы, неспособность капитализма выдвинуть реальную положительную альтернативу растущему и крепнущему экономически, социально, политически и духовно миру социализма, «законом жизни которого является забота всех о благе каждого и забота каждого о благе всех»⁶⁵, доказывают реакционно-утопический и апологетический характер потребительских буржуазных концепций. Сохраняют полную силу слова В. И. Ленина, что неотвратимые для капитализма «кризисы и периоды промышленного застоя... еще более разоряют мелких производителей, еще более увеличивают зависимость наемного труда от капитала, еще быстрее ведут к относительному, а иногда и к абсолютному ухудшению положения рабочего класса»⁶⁶.

Вся общественно-историческая практика подтверждает, что вскрытый К. Марксом исторически преходящий характер капиталистического способа производства и основанного на нем общественного строя связан в конечном счете с тем, что «при капиталистической системе производство менее всего является производством ради непосредственной потребительной стоимости,

ради потребления самого производителя...»⁶⁷. Полностью подтвердился научный прогноз К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина: несмотря на серьезные прогрессивные сдвиги в количестве и качестве потребления трудящихся, особенно связанных с современным машинным производством, капитализм оказался неспособным преодолеть антагонизм между общей и непосредственной целью производства в его буржуазной форме⁶⁸. Доводя этот антагонизм до последней черты, капитализм тем самым создает социальные условия утверждения нового, высшего способа производства.

4. Социалистическое производство и потребление

Ликвидация антагонизма между производством и потреблением, освобождение процесса возвышения потребностей от односторонности, деформаций и извращений, обеспечение простора для все более полного удовлетворения потребностей трудящихся — все это осуществляется на основе социалистического производства, представляющего собой первую фазу коммунистической общественно-экономической формации и, следовательно, коммунистического способа производства. Впервые действительно достигается возможность, пророчески писал Ф. Энгельс, «обеспечить всем членам общества путем общественного производства не только вполне достаточные и с каждым днем улучшающиеся материальные условия существования, но также полное свободное развитие и применение их физических и духовных способностей»⁶⁹.

Обращение средств и условий производства в общественную собственность производителей наряду с преобразованием принци-

⁶³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 275.

⁶⁴ О буржуазных концепциях «общества массового потребления», «качества жизни» и т. п. см.: Жировов Б. В. Нищета доктрины потребительства. М., 1976; Современный капитализм и рабочий класс: критика антимарксистских концепций. М., 1976; Мотышов В. Потребляющий мир: за и против. М., 1976; Попов С. И. Проблема «качества жизни» в современной идеологической борьбе. М., 1977; Кейзеров Н. М. Патология потребительства: Критика буржуазного образа жизни. М., 1977; Тарасенко Г. Д. Закон возвышения потребностей и жизненный уровень трудящихся. Киев, 1977; и др.

⁶⁵ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1977, с. 4.

⁶⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 85.

⁶⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 122.

⁶⁸ Вопреки Д. Рикардо, рассматривавшему капиталистическое производство как абсолютную форму производства, производственные отношения капиталистического производства исторически преходящи, ибо они вступают, писал К. Маркс, «в противоречие с целью производства как такового», склывают «эту цель, состоящую в создании изобилия, которое включает в себе как количество потребительных стоимостей, так и многообразие их, что, в свою очередь, обуславливает высокое развитие человека как производителя...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. III, с. 51).

⁶⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 294.

пов организации и регулирования непосредственного процесса производства преобразует и способ распределения, обмена и потребления. Неустраняемая при капитализме «общественная анархия в производстве», расточительное расходование и прямое уничтожение значительной части производимых продуктов, а в периоды кризисов и войн и самих производительных сил — результат того положения, «при котором продукт поработает сперва производителя, а затем и присвоителя», — сменяются «общественно-плановым регулированием производства сообразно потребностям как общества в целом, так и каждого его члена в отдельности»⁷⁰. Производственное потребление выступает «прямым общественным присвоением продуктов в качестве средств для поддержания и расширения производства», непроизводительное потребление — как прямое индивидуальное и коллективное присвоение их «в качестве средств к жизни и наслаждению»⁷¹.

Еще в «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс предвидели, что коммунизм создаст такую организацию производства и общения, которая обеспечит для всех членов общества «нормальное, т. е. ограниченное лишь самими потребностями, удовлетворение всех потребностей»⁷². При этом, поскольку специфика воспроизводимых и вновь производимых потребностей определяется самим производством, естественно, что характерному для докоммунистических (досоциалистических) способов производства, и в особенности для капиталистического, порождению извращенных, антигуманных, вредных потребностей кладется конец. Находящееся под научным общественным контролем, социалистическое производство по мере своего развития выступает все в большей степени как производство потребностей, удовлетворение которых есть необходимое условие всестороннего, универсального, гармоничного развития каждого члена общества, его способностей и таланта.

Общая имманентная цель общественного производства полностью сливается с непосредственной целью коммунистического способа производства⁷³. Кладется конец создавшемуся при капитализме положению, когда развитие производства выступает в виде самоцели, а общественное богатство признается лишь в его вещной форме. При коммунизме не производство богатства относительно к его производителю, а сам общественный человек, его производство и воспроизводство как целостной личности с универсально и гармонично развитыми потребностями и способностями станет центром, целью и смыслом общественного производства. Само развитие человеческой личности будет выступать главным мерилем богатства. А вещи как в форме средств и орудий труда, так и в форме предметов потребления, средств познания, художественных ценностей и т. д. будут необходимы лишь как средства целостного, всестороннего и гармоничного развития личности.

Действию закона возвышения потребностей в условиях коммунистической общественно-экономической формации открывает-

ся полный простор, отпадают антагонистические формы его проявления. Однако это вовсе не означает, что между производством и потреблением и, следовательно, между каждым данным уровнем производства и порождаемыми им потребностями исчезают всякие противоречия. Нет, они теряют антагонистический характер, но сохраняются в тех или иных формах, меняющихся на разных стадиях развития самой коммунистической формации. Без таких противоречий, их обострения, разрешения и возникновения на новой основе невозможно само поступательное развитие общественного производства. Но уже в зрелом социалистическом обществе противоречия между производством и потреблением начинают выступать все более открыто, опосредуемые процессом возникновения новых потребностей, причем в значительной мере в средствах всестороннего развития общества и каждого его члена. Осмысление этих потребностей органами социального управления служит целенаправленному и научно обоснованному планированию дальнейшего развития всех отраслей общественного производства, определению оптимальных пропорций расходования общественного рабочего времени на удовлетворение конкретных общественных потребностей и тем самым действительному прогрессу общественного производства и всей общественной жизни. К. Маркс писал: «Только там, где производство находится под действительным предопределяющим это производство контролем общества, общество создает связь между количеством общественного рабочего времени, затрачиваемым на производство определенного предмета, и размерами общественной потребности, подлежащей удовлетворению при помощи этого предмета»⁷⁴. Критерием же для определения количественных пропорций рабочего времени общества, выделяемого на производство того или иного предмета (не только в форме материального, но и духовного продукта, социального органа, научного эксперимента и т. д.), будет степень общественной полезности этого предмета⁷⁵.

Составляя проект первой программы РСДРП, В. И. Ленин определял основную задачу подготавливаемой всем развитием ка-

⁷⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 291.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же, т. 3, с. 246, примеч.

⁷³ В этом кроется ответ на вопрос, почему дальнейший прогресс человечества может развиваться безгранично именно в рамках коммунистической формации, на основе коммунистической организации общественного производства, которое, конечно, будет все время развиваться и совершенствоваться, сохраняя, однако, коммунистическую сущность.

⁷⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. I, с. 205.

⁷⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 97. Заслуживают серьезного внимания соображения о критерии общественной полезности как главном и определяющем факторе всего процесса производства и удовлетворения общественных потребностей при социализме, высказанные Н. П. Федоренко в статье «К вопросу о «клеточке» социалистического производства» (Вопросы философии, 1978, № 4).

питализма социальной революции пролетариата как «уничтожение частной собственности на средства производства, переход их в общественную собственность и замена капиталистического производства товаров социалистической организацией производства продуктов за счет всего общества, для обеспечения полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех его членов»⁷⁶. Ленинская формула сжато, но очень глубоко и точно раскрывает самую сущность нового способа производства, его социально-исторический смысл и вместе с тем схватывает то, что является главным для движения любой формы общественного производства,— специфику диалектического соотношения производства и потребления. В. И. Ленин не случайно подчеркивает социалистическую организацию производства. Теория предвидела, а историческая практика Советского Союза и других социалистических стран подтвердила, что при социализме, являющемся первой фазой развития коммунистического общества, тем не менее действуют (пусть еще в своеобразных формах) основные общие законы, присущие этой формации.

Еще на XXIV съезде КПСС отмечалось, что в условиях развитого социалистического общества, где высшей целью общественного производства является «наиболее полное удовлетворение материальных и культурных потребностей людей», «повышение благосостояния трудящихся становится все более настоятельной потребностью самого нашего хозяйственного развития, одной из важных экономических предпосылок быстрого роста производства»⁷⁷. XXVI съезд партии вновь со всей определенностью подчеркнул: «Конкретная забота о конкретном человеке, его нуждах и потребностях — начало и конечный пункт экономической политики партии»⁷⁸.

Социализм дает все больший простор возникновению, развитию и возможностям удовлетворения тех потребностей у людей труда, которые были в значительной степени блокированы в условиях всех предшествующих способов общественного производства. «Это и есть социализм,— говорил В. И. Ленин,— когда каждый желает улучшить свое положение, когда все хотят пользоваться благами жизни»⁷⁹. При социализме действует общекommунистический принцип, согласно которому любое экономическое мероприятие непременно должно соотноситься руководящими и управляющими органами с его конечным воздействием на решение задачи все более полного удовлетворения потребностей трудящихся. Происходит гигантский скачок в развитии социальных и духовных потребностей трудящихся, которым открываются широкие пути приобщения к высшим достижениям культуры, науки, искусства. Особое значение приобретает все усиливающаяся тяга широчайших слоев народа к непосредственному участию в управлении делами общества, рост их политической активности.

Одной из самых высоких человеческих потребностей выступает потребность к труду. Эксплуататорское общество расщепляет целостный трудовой процесс на противостоящие друг другу

акты: на труд механический, исполнительский и труд творческий. «Великая историческая миссия социализма и коммунизма состоит в ликвидации этого антагонизма, в снятии всех форм и проявлений отчуждения рабочего в процессе труда, в превращении его в процесс самоутверждения личности, то есть в такой процесс, где человек не только растрчивает физическую и умственную энергию, но и развивает многосторонние свои творческие способности и дарования»⁸⁰.

При социализме начинается полностью завершающийся лишь в условиях коммунизма процесс превращения труда в первую жизненную потребность. Важными предпосылками выступают здесь: 1) ликвидация частной собственности на средства производства и уничтожение эксплуатации, превращение тружеников в хозяев созданного и вновь создаваемого богатства; 2) связанное с этим коренное изменение психологии трудящихся, их отношения к труду, превращение труда из тяжелого бремени в дело чести, славы, доблести и геройства; 3) изменение на основе внедрения во все отрасли производства достижений научно-технического прогресса самого характера труда, органическое единство его физического и интеллектуального моментов, рост творческого начала в самом труде и в отношении к нему.

Удовлетворение потребности в творческом труде есть одновременно развитие такого способа производства, самоцелью которого является всестороннее развитие человека, его физических и интеллектуальных сил. Это ведет к наиболее быстрому развитию и всего общества, так как потребление самого труда в отличие от всех иных видов личного потребления, ведет не к поглощению и расходованию общественного богатства, а, наоборот, к его приумножению. Поэтому воплощение в жизнь коммунистического принципа «от каждого — по способностям, каждому — по потребностям» неразрывно связано с реализацией задачи превращения труда в жизненную потребность каждого члена общества. Естественно, что все это предполагает в свою очередь создание в результате длительных усилий целого ряда социальных, научно-технических, культурных и международных предпосылок.

При социализме, особенно на его начальных стадиях развития, еще действуют и такие факторы (что предвидели К. Маркс в «Критике Готской программы» и В. И. Ленин в «Государстве и революции»), которые накладывают определенные ограничения на уровень и качественное многообразие потребления, в том числе и на удовлетворение потребностей физического существования. Главные внутренние факторы подобного рода — еще не-

⁷⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 204.

⁷⁷ Материалы XXIV съезда КПСС, М., 1971, с. 41.

⁷⁸ Материалы XXVI съезда КПСС, М., 1981, с. 49.

⁷⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 501.

⁸⁰ Значительная тема научных исследований. — Коммунист, 1978, № 12, с. 6; см. также: Печенев В. Возвышение потребностей и формирование нового человека. — Коммунист, 1976, № 18, с. 68—69.

достаточно высокое для создания изобилия разнообразных продуктов развитие производительных сил (в сельском хозяйстве зависимость производства от климатических условий, стихийных бедствий и иных не контролируемых пока сил природы), отставание в адекватном отображении новых реальных процессов и рецидивы старых общественных порядков в сознании людей, в культуре их взаимоотношений. Поскольку социализм побеждает и утверждается не сразу во всех странах, существует и внешний социальный фактор, мешающий и тормозящий реализацию цели социалистического производства. Социалистические государства вынуждены отвлекать от решения задач общественного развития значительные материальные средства и трудовые ресурсы. Выступая на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве в июне 1969 г., Л. И. Брежнев говорил: «...Международная обстановка не дает нам возможности обратить все ресурсы страны на развитие экономики, повышение благосостояния трудящихся и подъем культуры. Большие средства приходится выделять на оборону»⁸¹.

Однако, несмотря на такие неблагоприятные условия, социалистическое производство быстро раскрывает свои великие исторические преимущества. Достаточно отметить, что по сравнению с 1913 г. национальный доход в Советском Союзе в расчете на душу населения вырос за 60 лет Советской власти (из которых почти треть ушла на навязанные империализмом кровопролитные войны и на восстановление разрушенного) в 40 раз, реальные доходы рабочих (в расчете на одного работающего) за это же время возросли в 9,7 раза, крестьян — в 14,1 раза⁸².

Поскольку физические потребности (если отвлечься от способов и форм их удовлетворения) задаются в основном биологической природой человека, постольку их количественный диапазон в общем и целом ограничен. Удовлетворение таких потребностей сверх меры, т. е. сверх необходимого для нормального физического самочувствия и развития, не только не необходимо, но и просто вредно. Поэтому важно научно определить нормы потребления (с учетом возраста, пола, рода занятий и некоторых других моментов), необходимые для поддержания здоровья, работоспособности и настроения людей в оптимальном варианте. Уже в конце тяжелейшего для нашей страны, находившейся во враждебном огненном кольце, 1919 г. В. И. Ленин в письме к возглавлявшему тогда Центральное статистическое управление П. И. Попову предложил составить таблицу потребления продуктов питания соотносительно с научно обоснованной нормой потребления по основным социальным типам населения страны (рабочие, бедные крестьяне, средние крестьяне, богатые крестьяне, бывшие помещики, капиталисты, высшие служащие). Одновременно В. И. Ленин указал: «Нормой считать, сколько надо человеку, по науке, хлеба, мяса, молока, яиц и т. под., т. е. норма не число калорий, а количество и качество пищи»⁸³. Как бы ни тяжелы были внешние и внутренние условия, в которых оказывается

новое общество, руководящая им марксистско-ленинская партия всегда стремится организовать процессы производства и потребления так, чтобы в соответствии с социалистическим принципом «от каждого — по способностям, каждому — по труду» обеспечить членам общества максимально при данных обстоятельствах возможное удовлетворение их потребностей.

В зрелом социалистическом обществе закон возвышения потребностей, получая новые просторы для своего действия, как бы вписывается в структуру действия основного экономического закона социализма, содержание которого составляет «производство максимума непосредственно-общественного продукта, соответствующего потребностям общества...»⁸⁴.

Одна из важнейших особенностей развития потребления в условиях социализма — неуклонное возрастание доли совместно и индивидуально реализуемых потребностей населения, удовлетворяемых из общественных фондов потребления (в Советском Союзе — бесплатное обучение и повышение квалификации, бесплатная медицинская помощь, пособия, пенсии, стипендии учащимся, оплата очередных отпусков, бесплатные или по льготным ценам путевки в санатории и дома отдыха, содержание детей в дошкольных учреждениях и ряд других выплат и льгот). Если в 1940 г. выплаты и льготы, полученные населением СССР из общественных фондов потребления, составляли 4,6 млрд. руб., то в 1980 г. — 116,5 млрд. руб., т. е. выросли более, чем в 25 раз⁸⁵.

Вместе с тем в условиях социализма, когда еще сохраняются социальные различия между отдельными видами труда, а уровень развития производительных сил и внешние неблагоприятные факторы не дают еще возможности производить необходимые ассортимент и количество материальных и духовных средств жизни, главной формой распределения является распределение в форме заработной платы рабочих и служащих и денежных доходов кооперированных крестьян в соответствии с количеством и качеством затраченного каждым членом общества общественно-полезного труда. Обеспечение основного прироста доходов трудящихся за счет увеличения оплаты по труду способствует в условиях социализма не только развитию потребления, но и служит важным стимулом повышения эффективности производства, роста производительности труда. На XXVI съезде КПСС было вновь акцентировано внимание на том, что главным критерием распределения при социализме может быть только труд — его количество и качество. «Наша система материальных и мораль-

⁸¹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. М., 1970, т. 2, с. 407, 408.

⁸² См.: Народное хозяйство СССР за 60 лет. М., 1977, с. 24.

⁸³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 341, 342.

⁸⁴ Медведев В. А. Социалистическое производство. М., 1976, с. 86.

⁸⁵ СССР в цифрах в 1979 году. М., 1981, с. 171.

ных стимулов должна всегда и повсеместно обеспечивать справедливую и объективную оценку трудового вклада каждого. ...Кто хочет жить лучше, должен больше и лучше работать»^{86—87}.

Чтобы как-то принизить исторические успехи, достигнутые реальным социализмом в деле удовлетворения разносторонних потребностей народа, буржуазная пропаганда пытается использовать понятия «уровень жизни», «качество жизни», односторонне сводя их содержание к количественным показателям наличия потребительских благ и услуг, игнорируя их социальное содержание и направленность. Манипулируя цифрами относительно высокой средней заработной платы работающих в США и других странах высокоразвитого капитализма и сопоставляя их с ценами на произвольно выхваченные товары и услуги, пропагандисты буржуазного образа жизни стараются представить его в наилучшем виде и одновременно оболгать и оклеветать сложившийся и непрерывно развивающийся и совершенствующийся социалистический образ жизни. При этом замалчиваются такие великие преимущества социализма, как отсутствие безработицы и уверенность в завтрашнем дне, бесплатное обучение, включая высшее образование, бесплатная медицинская помощь и помощь престарелым и инвалидам, доступ всем трудящимся к ценностям мировой культуры, возможность систематически повышать общекультурный и профессиональный уровень, раскрывать и развивать способности каждого человека и др.⁸⁸

В условиях социализма приобретает большую остроту проблема сознательного, целенаправленного формирования разумных, подлинно человеческих потребностей, удовлетворение которых способствует расцвету способностей и гармоническому развитию личности⁸⁹. На решение этой проблемы нацеливается вся система идейно-политического воспитания, ориентирующая жизнь и поведение каждого члена социалистического общества на духовные ценности социалистического образа жизни, раскрывающая его несовместимость с буржуазно-мещанским культом вещей и денег, с духом наживы, накопительства, с манией приобретательства. Действительная ценность человека уже при социализме измеряется не обладанием вещами и денежными средствами, а развитием способностей, знаний, мастерства, моральных качеств личности и ее бескорыстной готовностью приносить максимум пользы обществу, ставить интересы общества превыше всего.

Повышению социальной ценности, общественной значимости каждой личности особенно содействует развитие (и удовлетворение) таких возвышенных потребностей членов социалистического общества, как потребность в знаниях, в творческой и общественно полезной деятельности, в духовном общении. Развитие и создание все больших возможностей удовлетворения этих потребностей ведут к совершенствованию в основе своей трудового и коллективистского социалистического образа жизни, к преодолению «социальных» болячек эгоизма, стяжательства, аполитичности, бездуховности и мелочности личных интересов, к сплочению

и укреплению социалистического общества как целого, к ускорению его движения к коммунизму.

В развитом социалистическом обществе складывается система потребления исторически более высокого типа, принципиально иного характера, чем система потребления в любом обществе в прошлом. Ее основными чертами выступают: 1) общественная установка на удовлетворение потребностей, обеспечивающих всестороннее и гармоничное развитие личности; 2) вовлечение каждого индивида в активную общественную деятельность, максимальное стимулирование его трудовой активности и постоянного стремления к развитию интеллекта и профессионального мастерства; 3) свободный доступ каждого члена общества ко всем средствам удовлетворения потребностей и равные для всех условия пользования благами и услугами, существующими в обществе; 4) рациональное и экономное использование наличных средств и потребительских благ, отрицание расточительства, «престижного потребления»⁸⁰; 5) сознательная корректировка элементов несправедливости в потреблении, связанных с действием социалистического принципа распределения по труду, путем организации удовлетворения потребностей престарелых и больных членов общества, создания известных предпочтений в потреблении неко-

⁸⁶⁻⁸⁷ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 59.

⁸⁸ Выступая на XXIV съезде КПСС, тов. Гэс Холл говорил о новых критериях, которые служат для сравнения и оценки образов жизни в противоположных социальных системах современного мира: «Эти оценки не ограничиваются поверхностными сопоставлениями. Они учитывают не только показатели промышленного роста или цены на товары. Сейчас на чашу весов брошена вся качественная сторона жизни. Уровень материального достатка при этом играет очень важную роль, но масштабы измерения стали сейчас гораздо шире. Они включают весь спектр человеческих ценностей, их сравнительную значимость, которая определяется внутренними законами каждой системы. Они включают концепции морали, культуры и философии, присущие этим системам. Многие из этих новых компонентов, которые влияют на качественную сторону жизни, не измеришь никакими цифровыми показателями... По мере того как возрастает способность социализма все больше удовлетворять потребности человека, жизнь расцветает все ярче» (XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза: Стенографический отчет. М., 1971, т. 1, с. 416, 417).

⁸⁹ На XXVI съезде КПСС тов. Л. И. Брежнев подчеркнул, что в активном, целенаправленном формировании интересов и потребностей личности «наша партия видит одну из важных задач социальной политики» (Материалы XXVI съезда КПСС, с. 63).

⁹⁰ К. Маркс подчеркивал, что коммунизм позволит организовать общественное производство наиболее экономным, бережливым образом. Но эта экономия будет достигаться отнюдь не путем уменьшения или отказа от потребления, необходимого для гармоничного развития самого человека. Она будет определяться развитием производительных сил общественного труда и на этой основе сбережением рабочего времени, что «равносильно увеличению свободного времени, т. е. времени для того полного развития индивида, которое само, в свою очередь, как величайшая производительная сила обратно воздействует на производительную силу труда» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 221).

торых видов материальных жизненных средств многодетным семьям, а также лицам, выполняющим особо тяжелую, опасную или ответственную работу.

Развитие потребления в зрелом социалистическом обществе, как и других сферах его жизни, носит планомерный характер, опирается на познание общественных законов и учет внутренних и внешних условий развития, т. е. сознательно направляется руководящими органами общества. Научное управление процессами потребления — необходимая органическая часть всей системы социального управления социалистическим обществом, обеспечивающего его укрепление, совершенствование и продвижение к той высшей фазе коммунистического общества, «когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком ... и общество сможет написать на своем знамени: Каждый по способностям, каждому по потребностям!»⁹¹.

⁹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 20.

РАЗДЕЛЕНИЕ И КООПЕРАЦИЯ ТРУДА

1. Разделение труда и кооперация труда
как формы общественного производства

Разделение труда, взятое в общем, а следовательно, и в самом простом виде, означает такое обособление людей по различным видам деятельности, которое обуславливает и определенную систему отношений между ними. Вне этих отношений само обращение к понятию разделения труда теряет всякий смысл и значение. Нет, например, разделения труда между охотником и рыболовом, если каждый из них живет за счет своего труда, если между ними нет постоянного экономического обмена. Столь же очевидна неприменимость понятия разделения труда к совершенно одинаковым видам человеческой деятельности.

Разделение труда не тождественно также простому распределению и перераспределению между людьми различных трудовых функций. К. Маркс, рассматривая совместную деятельность людей, в рамках которой они попеременно выполняют различные трудовые операции, отмечал, что хотя здесь и имеет место разделение труда, «однако это не разделение труда в собственном смысле слова»¹.

Что же касается разделения труда в собственном смысле слова, то оно представляет собой особую форму распределения труда. Эта особенность состоит в таком распределении труда, при котором, во-первых, определенным образом ограничивается само развитие человеческих способностей, а во-вторых, такое ограничение и обособление влечет за собой и определенную систему отношений между людьми. Понятие разделения труда раскрывает специфику закрепления людей за особыми видами деятельности в прямой связи с соответствующей системой отношений между ними².

Характеризуя далее понятие разделения труда, следует также обратить внимание на его различное значение в зависимости от того, какой процесс совместной деятельности людей или какую сторону общественного производства это понятие отражает. Данное обстоятельство особенно важно учитывать при анализе разделения труда в обществе в целом. Разделение труда в отдельном процессе производства или разделение труда между людьми, взятое с его технической (технологической) стороны, не тождественно

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 47, с. 294.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 32, 393; т. 4, с. 148, 149; т. 23, с. 364, 373; т. 26, ч. III, с. 278; т. 46, ч. 1, с. 459—461; т. 47, с. 294.

венно разделению труда в обществе. Указывая на «элементарное различие между разделением труда в обществе и разделением труда в мастерской», учитываемое К. Марксом, В. И. Ленин писал: «По этой-то причине, насколько я могу судить, Маркс и говорит иногда об «общественном разделении труда», иногда просто о разделении труда»³.

Разделение труда в обществе, или общественное разделение труда,— это характеристика тех обособленных видов деятельности людей (социальных групп), которые в конечном счете формируют и определенную систему производственных и всех других общественных отношений. Из особенностей общественного разделения труда, непосредственно связанного с общим уровнем развития производительных сил общества, вытекает и особенность отношений между людьми в обществе по поводу средств производства и произведенного продукта.

Безусловно, внутри отдельного предприятия участники производства находятся между собой в определенных общественных производственных отношениях. Однако такие отношения обусловлены не самим разделением труда в данном процессе производства, которое в основе своей носит технологический характер, а спецификой отношений между людьми по поводу средств производства. Сказанное, в частности, означает, что отношения между людьми внутри предприятия, рассматриваемые с их социальной стороны, представляют собой одно из выражений общественного разделения труда. Подчеркивая различие между технологическим разделением труда внутри предприятия и разделением труда в обществе, взятом в целом, К. Маркс писал: «...Это — совершенно различные вещи, определяемые совершенно различными законами развития, как бы ни было велико соответствие между определенной формой общественного разделения труда и определенной формой разделения труда внутри предприятия»⁴.

В этой связи необходимо отметить, что проблема различия и соотношения между разделением труда внутри предприятия и общественным разделением труда совершенно обоснованно выдвинулась в последние годы на первый план в работах многих советских ученых (экономистов, социологов, философов), изучающих особенности развития социалистического производства. Начиная с 60-х годов в связи с задачами коммунистического строительства, поставленными Программой КПСС, стал широко обсуждаться вопрос о сущности и специфических чертах общественного разделения труда при социализме, его соотношении с технологической (вещественной) стороной производства⁵. Вышло в свет значительное число научных работ, специально посвященных данной проблеме⁶.

Достоинством этих работ является прежде всего конкретное исследование тех изменений, которые происходят в общественном труде при социализме, выработка практических рекомендаций по более эффективной его организации. Авторы обращают большое

внимание на изменение профессионального состава участников общественного производства, пути преодоления существенных различий между работниками умственного и физического труда, между условиями сельскохозяйственного и промышленного труда и ряд других важных вопросов.

При всей значимости и плодотворности исследований советскими экономистами, социологами и философами характера, содержания и форм общественного труда в условиях развитого социализма сохраняются, однако, и значительные расхождения в трактовке важных проблем его общественного разделения⁷. Некоторые авторы, исходя из того, что при социализме всякий труд имеет общественный характер, фактически отождествляют общественное разделение труда с его общественной кооперацией и даже рассматривают такую кооперацию всего лишь как форму общественного разделения труда⁸. Ряд авторов недостаточно учитывают различие между законами развития общественного и технологического разделения труда, характеризуют их как нечто слитое воедино⁹.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 621, 622.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 450.

⁵ См.: Вопросы философии, 1962, № 10; 1963, № 3; Вопросы экономики, 1963, № 11; 1964, № 1; 1965, № 7.

⁶ См.: Судеревский И. С. Общественное разделение труда при социализме. Л., 1960; Корниенко В. П. Общественное разделение труда в период перехода к коммунизму. М., 1963; Ельмеев В. Я. Коммунизм и развитие человека как производительной силы общества. М., 1964; Москович В. М. Общественное разделение труда при социализме. М., 1966; Кайдалов Д. П. Закон перемены труда и всестороннее развитие человека. М., 1968; Подмарков В. Г. Социальные проблемы организации труда. М., 1969; Грималюк В. А. Общественное разделение труда и основное производственное отношение при социализме. М., 1970; Бадеева Г. В. Социальные проблемы труда в коммунистическом строительстве. М., 1971; Сулов В. Я. Труд в условиях развитого социализма. Л., 1976; и др.

⁷ Подробное изложение различных точек зрения по этому вопросу содержится в книгах: Ельмеев В. Я. Коммунизм и развитие человека как производительной силы общества, с. 147—150; Кайдалов Д. П., Суименко Е. И. Актуальные проблемы социологии труда. М., 1974, с. 34—36; Иванов Р. К. Научно-техническая революция и развитие общественного труда в СССР. М., 1974, с. 46—47.

⁸ В. М. Москович, например, следующим образом определяет общественное разделение труда при социализме: «Это совокупность общественно-трудовых связей в процессе специализации труда и обмена деятельностью, выражающая отношения непосредственно общественной коллективности трудящихся в процессе производства — главной отличительной черты социалистических производственных отношений» (Москович В. М. Общественное разделение труда при социализме. М., 1966, с. 37—38). Фактически сливая всякое различие между общественной кооперацией и общественным разделением труда при социализме, он далее превращает кооперацию в «форму», «один из моментов» общественного разделения труда. (См.: Так же, с. 69—70).

⁹ Грималюк В. А. пишет: «Материально-вещественное содержание общественного разделения труда и его социально-экономическая форма не существуют одно без другого, а слиты воедино и предстают перед нами как определяющая система общественного разделения труда» (Грима-

Во многих исследованиях недостаточно раскрывается непосредственная связь между общественным разделением труда и сохранением социальных различий между людьми. Хотя во всех работах говорится о необходимости полного преодоления социальных различий между людьми на высшей фазе коммунизма, однако далеко не всегда этот процесс понимается именно как результат преодоления того «разделения труда между людьми», о котором писал В. И. Ленин¹⁰. В этой связи представляется целесообразным при рассмотрении разделения и кооперации труда как характеристик общественного производства выяснить сами истоки их возникновения и развития. Строго говоря, этот аспект исследования является главным в историческом материализме, раскрывающем в широком теоретическом плане исторические особенности различных форм общественных отношений, их обусловленности состоянием производительных сил общества.

Прежде всего уточним наши позиции в понимании общественного разделения труда. Это уточнение непосредственно связано (на что уже обращалось внимание) с рассмотрением технологического и социального аспектов общественного труда. Первый выступает в виде пропорций распределения деятельности людей между различными производственными операциями. Соответственно здесь речь идет о технологическом способе производства, т. е. выделении труда промышленного, сельскохозяйственного, сферы услуг, специальностей и т. п. Анализ развития труда сводится в данном случае к характеристике новых видов деятельности, а также изменения существующих организационно-технологических и организационно-управленческих отношений. Технологическое разделение труда, представляющее общественный труд с его вещественной стороны, присуще всем без исключения общественно-экономическим формациям. «Разделение труда,— подчеркивал К. Маркс,— как совокупность всех особенных видов производительной деятельности, есть общее состояние общественного труда, рассматриваемого с его вещественной стороны в качестве труда, производящего потребительные стоимости»¹¹.

В отличие от разделения общественного труда, рассматриваемого с его вещественной стороны, общественное разделение труда означает не просто совокупность особенных видов производственной деятельности, а сам способ их существования и развития в обществе в качестве обособленных и, следовательно, относительно самостоятельных видов деятельности. На первый план выступает здесь специфика связи и отношений между людьми, занятыми различными видами труда.

В общем и целом всякое общественное разделение труда — это характеристика различных, обособленных или относительно самостоятельных видов трудовой деятельности людей, взаимодействие которых вытекает именно из их определенной обособленности и одностороннего развития. Взаимодействие и взаимозависимость как результат ограничения людей определенным родом занятий — такова, как известно, общая и специфическая природа

общественного разделения труда, в каком бы виде она ни проявлялась.

Если ограничение деятельности людей определенными видами труда образует исходный пункт общественного разделения труда, то вполне понятно, что для этого ограничения должны быть и соответствующие материальные причины. Одной из таких причин в первобытных общинах были природные задатки людей, например физическая сила (возрастное и половое разделение труда). Другой, более существенной причиной возникновения общественного разделения труда в недрах первобытного строя стали столь же естественно возникшие различия между общинами в области производства различных продуктов потребления. Эти различия приобретали характер общественного разделения труда по мере того, как расширялся и углублялся экономический обмен между общинами, а также в силу воздействия этого обмена на экономическую жизнь внутри общин. «Здесь общественное разделение труда,— отмечал К. Маркс,— возникает посредством обмена между первоначально различными, но не зависимыми друг от друга сферами производства»¹².

Рассматривая истоки возникновения и развития общественного разделения труда, следует обратить внимание на два момента. Во-первых, общественное разделение труда возникает лишь при определенном уровне производительности труда, дающем продуктов больше, чем это необходимо для элементарного поддержания жизни людей. Во-вторых, общественное разделение труда, поскольку оно обособляет людей по различным видам деятельности, активно влияет на весь процесс дальнейшего развития общественного производства. Именно оно становится теперь постоянно действующей причиной ограничения и одностороннего развития производительной деятельности людей, получая соответствующее закрепление в производственных и всех других общественных отношениях. Накопление материальных богатств, предназначенных для обмена, выступает условием развития общественного разделения труда. В свою очередь общественное разделение труда, непосредственным выражением которого является обмен, определяет соответствующий характер организации и развития общественного производства.

люк В. А. Общественное разделение труда и основное производственное отношение при социализме, с. 18).

¹⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 33; см. также: т. 33, с. 96.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 38. Когда К. Маркс в «Капитале» выделяет в общественном производстве общее, частное и единичное разделение труда, то он характеризует его именно с вещественной стороны. Некоторые же авторы, проходя мимо замечания К. Маркса о том, что в данном случае он имеет в виду «лишь самый труд», относят общее и частное разделение труда к общественному разделению труда. Это неверно, поскольку общественное разделение труда имеет свое, присущее именно ему экономическое основание в производстве. См.: Там же, т. 23, с. 363, 364.

¹² Там же, т. 23, с. 364.

Ф. Энгельс в труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» при выделении трех первоначально возникших крупных видов общественного разделения труда рассматривает в качестве их общих критериев увеличение количества продуктов производства, включающихся в обмен, и соответствующее изменение положения обособленных видов производства. К таким крупным видам общественного разделения труда, сложившимся до эпохи цивилизации и при вступлении в нее, он относил: 1) выделение пастушеских племен — самостоятельного скотоводческого производства, ориентирующегося на постоянный экономический обмен; 2) отделение ремесла от земледелия, его превращение в обособленный вид производства, продукты которого предназначены для обмена; 3) выделение в особый род занятий торговли¹³.

Уже из этих исторических примеров видно, что причины развития общественного разделения труда не совпадают с технологическими причинами, с развитием разделения труда, рассматриваемого с его вещественной стороны. Если здесь и сохраняется определенное соответствие и связь, то только потому, что то и другое способствует повышению производительности труда и, следовательно, увеличению продукции, приобретающей свойства меновой стоимости. Рост числа продуктов обособленных видов производительной деятельности людей, непосредственно не предназначенных для удовлетворения их жизненных потребностей, — такова экономическая основа развития общественного разделения труда. Характеризуя эту особенность развития производительных сил в рамках общественного разделения труда, К. Маркс писал: «Разделение труда внутри общества предполагает прежде всего другого такое обособление друг от друга различных видов труда, что их продукты по необходимости противостоят друг другу как товары и проходят через обмен, претерпевают метаморфоз товаров, относятся друг к другу как *товары*»¹⁴.

Из того факта, что при общественном разделении труда продукты различных видов производительной деятельности людей обретают стоимостное выражение, еще не следует, что все общественное производство сразу же превращается в сугубо товарную систему хозяйства¹⁵. Общественное разделение труда может иметь место и там, где еще незначительная часть продуктов труда поступает непосредственно в товарный обмен, производится исключительно для этого. В то же время приобретение всеми продуктами труда меновой стоимости означает возникновение и развитие той системы общественного разделения труда, которая порождена именно экономическими причинами, а не причинами чисто естественного характера.

Наряду с общественным разделением труда, превращающим продукты труда в товары, развитие производительных сил и всей общественной жизни сопровождается также расширением и постепенным выделением в особые функции общих функций управления общественными делами. Исполнение этих функций

выступает одним из видов общественного разделения труда в той же степени, в какой усиливается, углубляется общественное разделение труда в области самого производства. Более того, функционирование органов управления представляет собой в данном случае специфический способ закрепления определенного общественного разделения труда в области производственных (экономических) отношений между людьми.

Самой же существенной исторической особенностью развития общественного разделения труда и одновременно самым глубоким экономическим способом разъединения, обособления людей по различным видам деятельности становится частная собственность. Обращая внимание на связь общественного разделения труда и частной собственности, К. Маркс и Ф. Энгельс указывали, что «это — тождественные выражения: в одном случае говорится по отношению к деятельности то же самое, что в другом — по отношению к продукту деятельности»¹⁶.

Однако между общественным разделением труда и частной собственностью существует и определенное различие. Частная собственность составляет такой способ общественного разделения труда, при котором обособление людей по различным видам деятельности закрепляется через распределение между ними средств производства, продуктов труда, вещественных богатств¹⁷. На этой основе социальные различия между людьми, связанные с обособлением по различным видам деятельности, перерастают в классовые различия, т. е. различия по месту в исторически сложившейся системе общественного производства, по отношению к средствам производства, по степени участия в управлении этим производством, а также по доле тех общественных богатств, которыми они располагают. Классовое разделение общества представляет собой, таким образом, историческую особенность развития общественного разделения труда, получающую свое закрепление в форме собственности.

Накопление и сосредоточение в руках частных собственников общественных богатств по сути своей неотделимы от эксплуатации чужого труда. Основная связь между развитием производи-

¹³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 159—166.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. III, с. 278, 279.

¹⁵ «Товарное производство и товарное обращение могут иметь место и тогда, когда подавляющая масса продуктов предназначается непосредственно для собственного потребления, не превращается в товары, и, следовательно, общественный процесс производства далеко еще не во всем своем объеме подчинен господству меновой стоимости» (Там же, т. 23, с. 180).

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 31.

¹⁷ «Частная собственность, поскольку она в рамках труда противостоит труду, развивается из необходимости накопления... Разделение труда уже с самого начала включает в себе разделение условий труда, орудий труда и материалов, тем самым и раздробление накопленного капитала между различными собственниками, а тем самым и расщепление между капиталом и трудом, а также различные формы самой собственности» (Там же, т. 3, с. 66).

тельных сил и соответствующими крупными ступенями общественного разделения труда в самом процессе производства получает свое концентрированное выражение в изменении способов эксплуатации рабочей силы. В конечном счете именно особенности эксплуатации рабочей силы лежат в основе особенностей и различий рабовладельческого, феодального и капиталистического обществ.

Если рассматривать разделение общества на антагонистические классы эксплуататоров и эксплуатируемых с социально-экономической стороны, то оно представляет собой такое разделение труда в обществе, при котором основная масса занята материальным производством, а привилегированная часть общества выступает в качестве носителя общественных богатств, самого активного проводника и защитника производственных отношений, соответствующих ее классовым интересам. «...*Разделение труда*, — подчеркивали К. Маркс и Ф. Энгельс, — делает возможным — более того: действительным, — что духовная и материальная деятельность, наслаждение и труд, производство и потребление выпадают на долю различных индивидов...»¹⁸.

При рабовладельческом и феодальном строе основные эксплуатируемые классы выступают своеобразным фундаментом, над которым образуется система экономических отношений между классами частных собственников. Эта система складывается и изменяется в зависимости от того, с какой отраслью производства или областью хозяйства тот или иной класс частных собственников прежде всего связан. Подобного рода переплетение двух видов общественного разделения труда (между эксплуататорами и эксплуатируемыми и между частными собственниками) сохраняется и при капитализме, где сама рабочая сила превращается в особый товар. В. И. Ленин, анализируя изменения структуры населения России по мере развития капиталистических отношений, отмечал: «Внутри этого населения идет все дальше и дальше разделение общественного труда; увеличивается торгово-промышленное население; земледельческое население раскалывается на сельских предпринимателей и сельский пролетариат; растет специализация самого земледелия, так что количество производимого на продажу хлеба возрастает несравненно быстрее, чем все количество производимого страной хлеба»¹⁹.

В этих ленинских положениях наряду с характеристикой классового расслоения населения отмечается также воздействие частного предпринимательства на саму специализацию различных видов производства. Если наличие различных видов труда является материальной предпосылкой общественного разделения труда и частной собственности, то в свою очередь частная собственность самым решающим образом воздействует на специализацию в общественном производстве.

Аналогичное положение складывается и применительно к разделению труда внутри предприятия или отдельного производственного процесса. Специализация и прикованность работников

к отдельному виду трудовых операций порождаются не столько самим процессом производства, сколько стремлением предпринимателей добиться большего производства товарной продукции. И в данном случае разделение труда в обществе, представленное в лице частных собственников, является общей предпосылкой не просто разделения труда, а именно общественного разделения труда внутри предприятия. К. Маркс отмечал, что эти два типа разделения труда «развиваются равномерно друг с другом и порождают друг друга посредством взаимодействия»²⁰.

Воздействие общественного разделения труда не ограничивается только рамками производственных отношений и разделением общества на классы. Разделение общества на антагонистические классы, занимающие противоположное положение в общественном производстве, получает свое дальнейшее продолжение и выражение в общих формах организации и управления всей жизнью общества. Решающую роль играет здесь необходимость для любого господствующего класса частных собственников утверждать свою систему производственных отношений в качестве условия жизни всего общества. Добиться этого он в состоянии только с помощью особого аппарата общественного принуждения — государства, которое возникает вместе с появлением классовых различий. Государство становится особым политическим выражением и продолжением той системы общественного разделения труда, которое порождает разделение общества на классы. Говоря словами К. Маркса, оно составляет «свой собственный, обособленный от общества организм»²¹. Люди, относящиеся к этому организму и представляющие собой своеобразное политическое продолжение господствующего класса, заняты специфическим видом деятельности, отличным и обособленным от других видов.

Развитие общественного разделения труда на основе частной собственности на средства производства получает свое выражение и в других сферах общественной жизни. К нему относится выделение умственного труда в особую область духовного производства, противостоящего материальному производству. Подчеркивая значение этого процесса для характеристики социальных антагонизмов, порождаемых частной собственностью, К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что «разделение труда становится действительным разделением лишь с того момента, когда появляется разделение материального и духовного труда»²².

Развитие производительных сил закономерно приводит также к превращению общественного разделения труда в систему международных экономических отношений между различными стра-

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 30, 31.

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 249.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 47, с. 349.

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 29.

²² Там же, т. 3, с. 30.

нами и государствами. Критикуя П.-Ж. Прудона за непонимание той исторической связи, которая существует между общественным разделением труда и развитием мирового рынка, К. Маркс, в частности, писал: «Но это еще не все. Разве вся внутренняя организация народов, все их международные отношения не являются выражением определенного вида разделения труда? Разве все это не должно изменяться вместе с изменением разделения труда?»²³.

Рассмотрение исторических особенностей развития общественного разделения труда показывает, что оно представляет собой специфический способ развития производительных сил общества, связанный в конечном счете с разделением общества на классы²⁴. Рабский, крепостной и наемный труд — таковы три основные формы порабощения труда, которые в общем и целом соответствуют важнейшим ступеням развития общественного разделения труда и изменения форм частной собственности на средства производства.

Ведущая роль общественного разделения труда в процессе развития производства, формирования и изменения социальной структуры общества при частной собственности на средства производства в полной мере обнаруживается и при обращении к вопросу об исторической роли и месте кооперации труда в развитии общества. Данный вопрос может получить свое правильное разрешение только с учетом того исторического значения, которое имеет в процессе развития производительных сил общества общественное разделение труда.

Если рассматривать процесс производства с его вещественной стороны, то кооперация труда, означающая непосредственное взаимодействие многих лиц, действующих одновременно и планомерно для получения общего результата, всегда играла важную роль в повышении производительной силы труда. Рассматривая применение простейших видов кооперации труда в качестве общей предпосылки всех ее более развитых форм, К. Маркс писал: «Это — *основная форма*; разделение труда предполагает кооперацию или является лишь ее специфической формой»²⁵.

Значение кооперации труда состоит также в том, что она выражает наиболее глубокие свойства общественного производства. Во-первых, кооперация труда всегда основывается на согласованности, сознательности людей в их действиях по производству, что составляет принципиальную особенность человеческой деятельности как таковой. Во-вторых, именно при кооперации труда возникает новая производительная сила труда, отличная от простого арифметического сложения индивидуально действующих рабочих сил. Естественно поэтому, что простая кооперация труда всегда применялась в прошлом для выполнения крупных строительных работ, требующих совместных усилий многих людей.

Разделение труда внутри предприятий, взятое как таковое, представляет собой более развитый вид кооперации труда, по-

сколько здесь имеет место одновременное выполнение многими лицами различных трудовых операций для получения общего результата. Такое разделение труда необходимо составляет внутренний момент самого развития кооперации труда. Причем его характер в значительной мере обусловлен возможностями перемены труда. Чем в большей степени возможна перемена труда, тем меньше разобщение людей в процессе производства.

Иное дело — соотношение общественного разделения и общественной кооперации труда. Поскольку общественное разделение труда зиждется на обособлении людей по различным видам труда, оно всегда связано с ограничением общественной кооперации и перемены труда. Подобного рода зависимость со всей очевидностью обнаруживается тогда, когда система общественного разделения труда получает свое закрепление в формах частной собственности на средства производства. По самой своей экономической сущности частная собственность противостоит кооперации труда в масштабах всей системы общественного производства. Кооперация труда в таких условиях всегда носит узкий, ограниченный и опосредованный характер.

Если рассматривать соотношение разделения и кооперации труда в историческом плане, то совершенно закономерным является тот факт, что общественная кооперация труда (в своем более или менее цельном виде) наблюдается только у первобытных общин²³. Эта кооперация разрушается по мере развития общественного разделения труда и института частной собственности. В рамках общественных систем, которые базируются на частной собственности, кооперация труда сохраняется лишь на том уровне, который соответствует интересам классов частных собственников. «Спорадическое применение кооперации в крупном масштабе в античном мире, в средние века и в современных колониях,— отмечал К. Маркс,— покоится на отношениях не-

²³ Там же, т. 27, с. 404.

²⁴ См.: Там же, т. 20, с. 280, 303. «В отличие от половозрастной и национально-расовой структур населения, которые складываются естественно-биологическим путем, социальная структура образуется на материальном основании сугубо исторического происхождения, обусловленном развитием общественного производства. Таким основанием марксизм-ленинизм признает общественное разделение труда. Иными словами, социальная структура — это закономерное отражение разделения труда в облике групп людей, принадлежащих к различным специализированным сферам производства и общественной жизни, в отношениях этих групп друг к другу. Подобно тому как, по Энгельсу, в истории развития труда марксизм нашел ключ к пониманию всей истории общества (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 317), так в истории разделения труда марксисты видят ключ к объяснению истории социальных отношений» (Косолапов Р. Социализм: К вопросам теории. М., 1979, с. 384).

²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 47, с. 285.

²⁶ «Этот первобытный тип кооперативного или коллективного производства был, разумеется, результатом слабости отдельной личности, а не обобществления средств производства» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 404).

посредственного господства и подчинения, чаще всего на рабстве»²⁷.

Зависимость форм кооперации труда от частной собственности наиболее наглядно обнаруживает себя при капитализме. Известно, что капиталистическое предприятие представляет собой кооперацию, основанную на разделении труда внутри процесса производства. Эта кооперация всецело подчинена капиталу. Характерной чертой ее классической формы является предельное расчленение трудовых операций, узкая специализация труда, становящиеся одним из способов массовой эксплуатации рабочей силы. Как момент капиталистической кооперации специализация превращает рабочего в наделенный сознанием придаток машины.

Капиталистическая кооперация не имеет ничего общего с подлинно общественной кооперацией труда. Условием перехода к такой кооперации необходимо становится уничтожение частной собственности на средства производства, а соответственно и всех форм дальнейшего развития общественного разделения труда. По сути своей переход к общественной кооперации труда тождествен установлению общественной собственности на средства производства и освобождению труда от эксплуатации. «Чтобы освободить трудящиеся массы, кооперативный труд должен развиваться в общенациональном масштабе и, следовательно, на общенациональные средства», — отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс²⁸.

Важной предпосылкой превращения общественного производства в единую систему свободного кооперативного труда К. Маркс и Ф. Энгельс считали *«изменения основ общественного строя, которые могут быть достигнуты только путем перехода организованных сил общества, то есть государственной власти, от капиталистов и землевладельцев к самим производителям»*²⁹. В. И. Ленин также постоянно подчеркивал, что именно социалистическое общество представляет собой единый общественный кооператив, строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства³⁰.

2. Предпосылки перехода к общественной кооперации труда и особенности их развития при капитализме

Материально-технические предпосылки перехода к общественной кооперации труда и, следовательно, к социализму начинают создаваться в недрах капиталистического производства. «Капитализм тем отличается от старых, докапиталистических систем народного хозяйства, — писал В. И. Ленин, — что он создал теснейшую связь и взаимозависимость различных отраслей его. Не будь этого, никакие шаги к социализму, — кстати сказать — были бы технически невыполнимы»³¹. В своем наиболее устойчивом и отчетливом виде эти материально-технические предпосылки обнаруживают себя тогда, когда крупная промышленность пре-

вращается в фундамент всей системы капиталистического хозяйства.

Общей характеристикой крупной промышленности является применение машин, что превращает используемые в производстве силы природы в основу повышения производительности труда. Принципиально изменяется также и сам способ применения человеческой рабочей силы, поскольку она из непосредственного фактора процесса производства превращается в исходный и ведущий фактор управления его относительно самостоятельным движением. Здесь надо искать материальные истоки и перехода к общественной кооперации труда и развития перемены труда.

На техническом базисе применения машин уже при капитализме начинается процесс все большего обобществления труда, что является существенной социальной стороной развития крупной промышленности. Обобществление труда обнаруживает себя особенно наглядно в создании капиталистических монополий и корпораций, увеличении размеров и мощи финансового капитала. Наряду с этим обобществление труда состоит также и в создании ряда общих условий применения и использования рабочей силы в промышленности, стирающих ее связь с естественными моментами разделения труда. Сюда, в частности, относится возможность все более широкого применения в производстве женского труда.

Обобществление труда диктуется самой природой крупного промышленного производства. Однако при капитализме обобществление труда остается ограниченным и деформированным в своем социальном выражении. Сам рост крупного промышленного производства выражается прежде всего в росте и концентрации капитала, в создании условий для все более массовой эксплуатации рабочей силы. Если машины способны сокращать необходимое время и облегчать труд, то этому всегда противостоит интерес капиталистов к извлечению как можно большей прибавочной стоимости.

Процесс обобществления труда получает свое определенное выражение в перемене труда, возникающем на техническом базисе крупной промышленности. Данный базис, развивающийся путем широкого применения науки, подвижен и революционен. Он постоянно производит перевороты в процессе производства, в общественных комбинациях труда и его распределении. Из этой подвижности и революционности технического базиса крупной промышленности вырастает закон перемены труда. Его сущность состоит в замене рабочего, способного выполнять лишь частичные производственные функции, более всесторонне подготовленным работником, свободно ориентирующимся во всей системе машинного производства.

²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 346.

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 10.

²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 199.

³⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 205, 206, 471, 472; т. 45, с. 373.

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 168.

По самой своей природе закон перемены труда противоположен капиталистической организации производства. Действие этого закона при капитализме существенно ограничено в социальном плане, так как трудящиеся массы, прежде всего рабочие, фактически полностью отстранены от участия в управлении общественным производством. Лишь при общественной собственности на средства производства закон перемены труда становится тем всеобщим законом производства, к нормальному осуществлению которого могут быть постепенно приспособлены все общественные отношения ³².

В общем и целом обобществление труда представляет собой такую объективную тенденцию, которая может получить свое завершение в создании единого, планомерно развивающегося производственного организма, опирающегося на самое широкое применение всех новейших достижений науки и техники. Однако в условиях капитализма процесс обобществления производства, создающий наиболее широкие и устойчивые материальные предпосылки для перехода к общественной кооперации труда, приобретает совершенно иной характер.

Он выражается прежде всего в интернационализации капитала, в создании международных капиталистических корпораций, все больше охватывающих определяющие отрасли производства и «подминающих» под себя отдельные национальные хозяйства. Этот процесс особенно усилился в условиях научно-технической революции. На уровне же отдельных стран приспособление капиталистической системы разделения труда к процессу обобществления производства обнаруживает себя в перерастании капитализма в государственно-монополистический капитализм. Государство берет на себя функции управления национальным хозяйством под контролем крупной монополистической буржуазии и в ее общих интересах.

Обобществление производства, образуя материальные предпосылки перехода к общественной кооперации труда, превращения общества в единый кооператив трудящихся, неразрывно связано с формированием той социальной и политической силы, которая способна осуществить и довести до конца революционный переворот во всех общественных отношениях. Такой ведущей силой выступает рабочий класс. По своему положению в капиталистическом производстве он является непосредственным носителем тех материальных условий, которые необходимы для установления общественной собственности на средства производства и объединения всех трудящихся в процессе общественного производства ³³. Диалектика развития общества в данном случае такова, что обобществление производства превращается в подлинное материальное условие общественной кооперации труда только на основе общественной собственности на средства производства. Прочность и всесторонность развития кооперативного труда в масштабе всего общества опираются, с одной стороны, на общественную собственность на средства производства, а с другой —

на дальнейшее планомерное развитие крупного промышленного производства.

Характерно, что в буржуазной политической экономии как раньше, так и теперь проблемы общественной кооперации труда и предпосылки ее достижения фактически не рассматриваются. Основной упор делается на разделении труда вообще как общем условии всякого общественного производства. На эту общую ограниченность буржуазной политической экономии, смешивающей общественное разделение труда с его техническим (технологическим) разделением в самом процессе производства, многократно обращал внимание К. Маркс. В полной мере она обнаруживается в наши дни. В книге известного американского экономиста П. Самуэльсона «Экономика. Вводный курс», представляющей собой один из популярных на Западе учебников, само перерастание капитализма в его монополистическую стадию рассматривается исключительно как выражение общего усложнения специализации и разделения труда вообще. Признавая, что специализация порождает «неполноценных людей», т. е. их одностороннее развитие, П. Самуэльсон считает невозможным ее преодоление в силу барьеров, которые «порождаются непреодолимыми различиями между людьми — различиями, существующими в силу биологической и социальной наследственности»³⁴. Настоятельно проводится мысль о неизбежности сохранения социальных различий между людьми в системе общественного производства, затушевывается и отодвигается на задний план та роль, которую играет частная собственность в сохранении классовых антагонизмов, эксплуатации труда.

Понимание того, что развитие крупного промышленного производства превращается в непосредственный фактор общественного объединения людей труда только через социалистическую революцию, имеет принципиальное методологическое значение. Здесь пролегал водораздел между марксистско-ленинским учением о социализме и коммунизме и всеми концепциями буржуазного и мелкобуржуазного социализма.

Многочисленные буржуазные доктрины, в русло которых укладываются все реформистские и ревизионистские теории, абсолютизируют значение процесса обобществления производства, который происходит при капитализме. В настоящее время такая абсолютизация особенно четко обнаруживается в концепции о якобы постепенном перерастании и превращении капитализма в «новое индустриальное общество». По мнению авторов этой концепции, процесс обобществления производства зашел так далеко, что господство крупной монополистической буржуазии в обществе постепенно сходит на нет, а крупные корпорации в союзе с государством служат общим интересам.

³² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 499.

³³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 311; т. 39, с. 14.

³⁴ Самуэльсон П. Экономика. М., 1964, с. 611.

На самом же деле процесс обобществления производства происходит при капитализме в таких формах, что он не изменяет сущности капиталистических отношений. Их исходным пунктом по-прежнему остается капиталистическое разделение труда, при котором все основные средства производства и другие общественные богатства сосредоточиваются в руках класса капиталистов, эксплуатирующего чужой труд. Организация общественного производства в своей основе отделена от трудящихся, средства производства находятся в руках крупной монополистической буржуазии.

Без социалистической революции и социалистического обобществления средств производства материальные предпосылки перехода к общественной кооперации труда не могут превратиться в непосредственные условия ее становления и развития. Историческое значение обобществления производства при капитализме состоит главным образом в том, что оно делает этот революционный акт все более необходимым. Таковы объективные требования самого исторического процесса, рассматриваемого с точки зрения развития его материальных основ.

3. Кооперация и разделение труда в развитии социалистическом обществе

Одним из важнейших результатов социалистического переустройства общества является обобществление средств производства и организация планового ведения народного хозяйства в интересах всех трудящихся. На этой экономической основе происходит коренной переворот и в соотношении между кооперацией и разделением труда как характеристик общественного производства. Состоит этот переворот в том, что общественная кооперация труда, закрепляемая общественной собственностью на средства производства, становится ведущей и основной формой организации и развития общественного производства. Опираясь на уже имеющиеся материальные предпосылки, социалистическое государство стремится неуклонно внедрять и развивать кооперативные формы ведения хозяйства во всех отраслях и видах производства.

Тот факт, что при общественной собственности на средства производства именно общественная кооперация труда становится основной и ведущей формой организации и развития общественного производства, со всей очевидностью виден уже из анализа самого процесса построения социалистического общества. Полный и окончательный переход к социализму можно рассматривать как утверждение безраздельного господства в общественном производстве той общественной кооперации труда, материальным базисом которой является крупная промышленность, а ее главным проводником и непосредственным носителем — рабочий класс.

Можно выделить ряд наиболее общих черт в развитии социалистического производства, показывающих ведущую и определя-

ющую роль общественной кооперации труда. Во-первых, она представляет собой обязательное условие планомерного развития народного хозяйства, поскольку здесь необходимо обеспечение непосредственного взаимодействия различных видов производственной деятельности, выходящего за рамки только товарного обмена между ними. Во-вторых, именно при общественной кооперации труда становится возможным самое широкое применение научных методов определения путей развития общественного производства, т. е. его развития как действительно единого, целостного организма. Наконец, в-третьих, само развитие общественной собственности на средства производства неотделимо от развития общественной кооперации труда. Одно обуславливает другое, поскольку развитие кооперативного труда в масштабе всего общества есть непереносимое условие все более прочного и непосредственного соединения людей труда со средствами производства.

При общественной кооперации труда, т. е. при непосредственном соединении отдельных производительных сил в коллективную силу общества, создаются наиболее благоприятные условия и возможности для обеспечения неуклонного роста всего общественного производства. Опыт социалистических стран показывает, что рост общественного производства неотделим от утверждения и совершенствования общественных форм кооперации труда, предполагающих обобществление всех основных средств производства. Безусловно, что такой процесс всегда должен осуществляться с учетом имеющихся материально-технических предпосылок, но это никоим образом не умаляет общего значения развития общественной кооперации труда как магистрального направления развития социалистического производства.

Ведущая роль общественной кооперации труда со все большей силой и полнотой проявляется также и в экономических отношениях между социалистическими странами, т. е. в международном масштабе. На основе общественной собственности на средства производства и укрепления индустриальной базы народного хозяйства в содружестве социалистических стран углубляется и расширяется интернационализация хозяйственной жизни, усиливается процесс их сближения. Основной экономической формой такого сближения, а следовательно, и развития общественной кооперации стала в настоящее время социалистическая экономическая интеграция. Во все большей степени она превращается в определяющую форму экономического сотрудничества социалистических стран, в необходимое условие быстрого развития их экономики, развития мировой системы социализма в целом. «Сама жизнь,— отмечалось на XXVI съезде КПСС,— ставит задачу — дополнить координацию планов согласованием экономической политики в целом. В повестку дня ставятся и такие вопросы, как сближение структур хозяйственных механизмов, дальнейшее развитие прямых связей между министерствами, объединениями и предприятиями, участвующими в кооперации,

создание совместных фирм, возможны и другие формы соединения наших усилий и ресурсов»³⁵.

Развитое социалистическое общество выдвигает новые требования к расширению и углублению общественной кооперации труда. На XXVI съезде КПСС было вновь подчеркнуто: серьезное улучшение планирования, совершенствование организационной структуры народного хозяйства и методов его управления, органическое соединение науки с производством составляют узловые пункты экономической политики. В своей совокупности все эти требования представляют собой различные стороны решения одной задачи — дальнейшего развития общественной кооперации труда, что позволяет более концентрированно и эффективно использовать материально-технические, финансовые и трудовые ресурсы, дает простор научно-техническому прогрессу, применению в широком масштабе достижений науки и техники в производстве.

В общем и целом по мере развития материально-технической базы социализма углубляется процесс того *обобществления* производства *на деле*, на трудность и значение которого указывал В. И. Ленин³⁶. Его сущность состоит в конечном счете в самом тесном, органическом соединении всех видов и отраслей производства в единое производственное целое. В этой связи нельзя не обратить внимания на то, что Пленум ЦК КПСС (июль 1978 г.), рассмотревший вопрос о дальнейшем развитии сельского хозяйства в СССР, определил межхозяйственную кооперацию и агропромышленную интеграцию как экономическую базу концентрации сельскохозяйственного производства и обеспечения его дальнейшего роста. Речь практически идет о постепенном превращении сельского хозяйства в одну из отраслей единого индустриального производства.

Внутренне связана с задачами развития общественной кооперации труда и все более возрастающая потребность всестороннего развития способностей и повышения творческой активности трудящихся — главной производительной силы общества. В условиях развитого социализма это уже не просто идеал высшей фазы коммунизма, а настоятельная практическая задача дальнейшего роста общественного производства.

Общественная кооперация труда как непосредственное объединение людей труда, совместно и планомерно участвующих в решении общих производственных задач, может быть действительно прочной лишь тогда, когда сам процесс производства объединяет людей. Никакого другого технического базиса, кроме крупной машинной индустрии, здесь нет. В свою очередь рост и развитие крупного общественного производства, опирающегося на техническую базу машинной индустрии, предъявляет все более высокие требования к его участникам. Нигде и никогда самая высокая техническая оснащенность производства не может превратиться в подлинную основу социального прогресса без осознания широкими массами трудящихся тех требований к организации и дисциплине труда, которые объективно вытекают из

функционирования и развития единого общественного производства.

Подобного рода взаимодействие объективного и субъективного фактора в рамках общественной кооперации труда реализуется только при социализме. Если капиталистическая организация крупного промышленного производства держалась и держится на экономической зависимости людей труда от капитала, то при социализме она опирается на сознательность трудящихся, их приверженность к формам кооперативного, совместного труда. Обращая внимание на эту сторону развития общественной кооперации труда, В. И. Ленин писал: «Коммунистическая организация общественного труда, к которой первым шагом является социализм, держится и чем дальше, тем больше будет держаться на свободной и сознательной дисциплине самих трудящихся, свергнувших иго как помещиков, так и капиталистов»³⁷.

Все это, естественно, никоим образом не исключает применения мер принуждения к тем лицам, которые нарушают нормы социалистического общежития. Вместе с тем имеет глубокий смысл внимание ученых социалистических стран к анализу тех конкретных связей, которые существуют между эффективной, четкой работой всех звеньев общественного производства и все более прочным утверждением в обществе норм коммунистической морали. Действительную согласованность и слаженность в работе отдельных трудовых коллективов и всего социалистического производства в целом нельзя отделить от роста коммунистической сознательности трудящихся. В этом состоит один из важных факторов, обеспечивающих прочность и неуклонное развитие общественной кооперации труда.

Наряду с комплексной разработкой проблем развития общественной кооперации труда и отношений коллективизма в социалистическом обществе в трудах ученых социалистических стран значительное место занимает вопрос о сущности и особенностях общественного разделения труда при социализме. Значение анализа данного вопроса обусловлено сохранением при социализме таких различий в видах производственной деятельности, которые порождают социальные различия между людьми, в том числе и по их материальному положению. В своем наиболее общем виде социальный характер разделения труда при социализме выражается в наличии еще не преодоленных классовых различий между работниками промышленного и сельскохозяйственного производства, между людьми умственного и физического труда. Применительно же к более конкретным видам занятий людей социальный характер разделения труда в полной мере проявляется в той системе оплаты по труду, существование и функционирование которой обеспечивается государственными формами регулирования экономических отношений.

³⁵ Материалы XXVI съезда КПСС, М, 1981, с. 80.

³⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 171.

³⁷ Там же, т. 39, с. 14.

Причина сохранения при социализме общественного разделения труда, предполагающего использование форм товарно-денежного обращения, а также определенного социально-экономического закрепления профессий и специальностей, их квалификации, коренится в недостаточном развитии производительных сил³⁸. Пока основные виды производственной деятельности значительно различаются по степени научно-технической оснащенности, они остаются обособленными, порождающими социальные различия между людьми. И при социализме общественное разделение труда, как бы оно ни было ограничено в своем воздействии на производственные отношения, определяемые общественной собственностью на средства производства, выражает такие различия в труде, которые еще носят социальный характер, во многом определяют поведение людей в обществе, формирование их потребностей³⁹.

В своей классической форме воздействие общественного разделения труда на систему общественных отношений реализуется при капитализме через полное утверждение сугубо товарной системы хозяйства. В условиях капитализма господствует принцип обособления всех видов деятельности в процессе общественного производства в соответствии с делением членов общества на товаровладельцев и товаропроизводителей. К. Маркс, указывая на эту особенность капиталистических отношений, в том числе и капиталистической кооперации труда, отмечал, что здесь «разъединение кладется в основу как определенное отношение даже и там, где в одном лице соединяются различные функции»⁴⁰.

При общественной собственности на средства производства, напротив, объединение труда, его кооперация становятся основой и тогда, когда данное лицо еще закреплено за отдельными трудовыми функциями. Как бы ни различались между собой отдельные виды труда при социализме, они охватываются едиными государственными формами управления, выступают в качестве составной части общего совокупного труда. В этом состоит одна из особенностей общественного разделения труда при социализме, которая устраняет неравенство между людьми в их отношениях к средствам производства.

При социализме в силу недостаточного развития производительных сил общества еще сохраняются такие существенные различия между видами производительной деятельности, которые не позволяют сразу же установить единую форму общественной собственности на средства производства. Однако и в этом случае различия в видах производительной деятельности получают, во-первых, свое закрепление через различные виды общественной кооперации, а во-вторых, охватываются рамками государственного управления экономической жизнью. Это способствует их все более постоянному и непосредственному взаимодействию, все более прочному общественному объединению.

Особенности действия общественного разделения труда при социализме получают также свое выражение в способах исполь-

зования форм товарно-денежного обращения средств производства и потребления. Действие закона стоимости не выходит при социализме за рамки ведения общественного производства в интересах всего общества. Социалистическое государство, осуществляя единое управление экономикой, использует закон стоимости, формы товарно-денежного обращения лишь постольку, поскольку это необходимо для соединения различных (в известной степени обособленных) видов производства. Общественная кооперация труда и в данной области сохраняет свое определяющее и ведущее значение по отношению к общественному разделению труда.

Социалистическое государство практически достигает общественного объединения труда лишь в той степени, в какой это позволяет общий уровень развития производства. Но определяющая роль общественной собственности на средства производства и общественной кооперации труда в развитии социалистического общества проявляется не только в ограничении действия общественного разделения труда. Они создают также общественные условия для сознательного и целенаправленного применения товарно-денежных форм, материального стимулирования производительности труда, распределения по труду, осуществления мер надзора и контроля за соблюдением норм труда и потребления. Таковы особенности организации социалистического производства, отражающие сохранение общественного разделения труда. Одновременно в этом состоят и особенности социалистической кооперации труда как не полностью коммунистической.

По мере развития производительных сил социалистического общества происходит расширение и углубление общественной кооперации труда и в то же время определенное преодоление общественного разделения труда, рассматриваемого именно в качестве причины сохранения социальных различий между людьми. Так, внедрение достижений науки и техники в сельское хозяйство получает свое экономическое закрепление в расширении производственной кооперации между промышленностью и сельским хозяйством, в создании агропромышленных комплексов, укрупнении коллективных хозяйств и т. д. Одновременно высокая механизация сельскохозяйственного производства составляет решающее условие для стирания классовых, социальных различий между рабочими и крестьянами, предъявляет новые, более

³⁸ «Причиной существования товарного производства и связанных с ним категорий (товар, деньги, кредит и т. д.) во всех общественно-экономических формациях являются общественное разделение труда и наличие различных собственников или экономически обособленных звеньев хозяйства. Без какого-либо из этих условий товарное производство существовать не может. В социалистическом обществе действуют оба этих условия» (*Колесов Н. Д.* Политическая экономия социализма. М., 1975, с. 78).

³⁹ См.: Значительная тема научных исследований.— *Коммунист*, 1978, № 12.

⁴⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. I, с. 419.

повышенные требования к самой подготовке работников сельскохозяйственного производства, коренным образом изменяет условия их труда и жизни. Аналогичный процесс происходит во всем социалистическом производстве. Еще на XXIV съезде КПСС подчеркивалось: «Специальные знания, высокая профессиональная подготовка, общая культура человека превращаются в обязательное условие успешного труда все более широких слоев работников»⁴¹.

Рост технической оснащенности различных видов производственной деятельности — важная предпосылка постепенного стирания социальных различий не только между городом и деревней, но и между людьми умственного и физического труда. Вместе с таким ростом развивается и материальная основа органического соединения науки с производством, ее функционирования в качестве непосредственной производительной силы общества. Превращение науки в непосредственную производительную силу социалистического общества представляет собой в данном случае одно из общих условий развития кооперации труда в масштабах всего общества.

Наряду с этим (по мере все более широкого внедрения достижений науки и техники во все отрасли производства, их технической оснащенности) при социализме происходит и постепенное выравнивание заработной платы. Марксизм-ленинизм, как известно, противник уравниловки в оплате труда, ибо она лишает работников материального стимула, не способствует росту производительности труда. Однако отрицание уравниловки никоим образом не устраняет процесса постепенного выравнивания оплаты труда на основе преодоления различий в технической оснащенности труда, обеспечения все более высокой и примерно одинаковой производительности труда в различных видах материального производства. В этом отношении существенное значение имеют намеченные XXVI съездом КПСС меры по поднятию технической вооруженности труда, сокращению численности работников, занятых ручным трудом.

В выравнивании и общем росте заработной платы трудящихся, что особенно характерно для развитого социалистического общества, обнаруживает себя, с одной стороны, формирование качественно нового вида общественного труда, имеющего единую научно-техническую основу, с другой — преодоление социальных различий между людьми и, следовательно, общественного разделения труда, рассматриваемого именно в этом аспекте и в этом отношении. Процесс преодоления таких социальных различий проявляется при социализме также и в неуклонном росте общественных фондов потребления, предназначенных на народное образование, развитие сети культурных учреждений, медицинское обслуживание населения и т. д. Принципиальное значение для понимания путей его развертывания имеет сделанный XXVI съездом КПСС важный теоретический вывод о том, что «становление бесклассовой структуры общества в главном и ос-

новном произойдет в исторических рамках зрелого социализма»⁴².

В связи с этим нельзя не затронуть вопроса о законе перемены труда, о его действии в развитом социалистическом обществе. В научной литературе высказывается мнение, что действие данного закона не ограничивается только процессом производства⁴³. Оно неотделимо и от требования активного участия трудящихся в управлении государством, общественными делами в целом, в упрочении и совершенствовании в обществе всей системы перестроенных на коллективистских началах общественных отношений, что получает, в частности, свое выражение и закрепление в развитии социалистической общенародной демократии.

При характеристике процесса постепенного перерастания социалистических отношений в коммунистические в марксистско-ленинской литературе подчеркивается важность преодоления социальных различий между людьми. В то же время в понимании связи между преодолением социальных различий и общественным разделением труда обнаружились две точки зрения. Наиболее распространенным является мнение, согласно которому уничтожение социальных различий между людьми предполагает и уничтожение их общественного разделения по особым специальностям (профессиям). Иначе говоря, проводится мысль: всесторонняя подготовка человека к участию в общественном производстве, а также перемена труда должны стать одним из условий всестороннего развития и проявления его способностей. Существует и иной подход, где главный упор делается на необходимости сохранения и дальнейшего развития специализации и, следовательно, невозможности полного преодоления общественного разделения труда или разделения труда в обществе⁴⁴.

Сторонники данной точки зрения выдвигают в качестве доказательств ряд положений. Во-первых, указывается на рост числа специальностей, по которым готовят работников производства в училищах, техникумах, вузах. Во-вторых, обращается внимание на возникновение все новых отраслей производства и науки. В-третьих, подчеркивается, что человек, особенно в современных условиях, не может быть одинаково хорошим специалистом в лю-

⁴¹ Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с. 41.

⁴² Материалы XXVI съезда КПСС, с. 53.

⁴³ «Основное требование закона перемены труда — всестороннее развитие личности — в странах социализма превращается в важнейший момент социального развития. Благоприятные условия для нормального функционирования этого закона создает только социализм» (*Россман И. М.* Закон перемены труда и всестороннее развитие личности в социалистическом обществе. — Научный коммунизм, 1975, № 1, с. 32; см. также: *Кайдолов Д. П., Сушменко Е. И.* Актуальные проблемы социологии труда, с. 36).

⁴⁴ Характеристика специализации и разделения труда между людьми в качестве основного и даже единственного условия развития общественного производства особенно четко выражена в статье Немченко В. «Общественное разделение труда» (*Коммунист*, 1966, № 16).

бых видах своих трудовых занятий и что значительных результатов он может достичь только при сосредоточении на определенном виде деятельности.

Все эти и подобные аргументы, безусловно, заслуживают внимания, но не столько применительно к проблеме преодоления общественного разделения труда, сколько применительно к проблеме всестороннего учета тех требований, которые предъявляет сегодня развитие общественного производства к его участникам. Основной же недостаток рассматриваемой точки зрения в одностороннем освещении этих требований.

Если исследовать проблему разделения труда применительно к самому процессу производства, то исходным выступает здесь наличие специальностей (и даже их увеличение), особенности той технической и научной основы, при которой они существуют. Указывая на особенность этой основы в крупном индустриальном производстве, К. Маркс писал: «Так как движение фабрики в целом исходит не от рабочего, а от машины, то здесь может совершаться постоянная смена персонала, не вызывая перерывов процесса труда»⁴⁵. Анализируя же сам процесс машинного производства, он отмечал, что машина технически опрокидывает старую систему разделения труда, закрепляемую теперь лишь капиталом, что разделение труда в процессе производства между рабочими, механиками, инженерами все больше носит чисто технический характер⁴⁶.

Принципиально важным в методологическом и практическом плане является сформулированное К. Марксом и Ф. Энгельсом положение о возможности и необходимости подготовки таких работников индустриального производства, которые понимают его научные основы, свободно ориентируются в его отраслях и потому в состоянии переходить от одного вида производительной деятельности к другому. В подготовке таких участников производства они видели создание качественно новой производительной силы объединенного общественного труда, способной на деле обеспечить рост производства, необходимый для перехода к распределению по потребностям⁴⁷. С этим они непосредственно связывали также как преодоление старого разделения труда — «разделение труда в его теперешнем виде»⁴⁸, так и исчезновение при коммунизме ограничивающего развитие человека подчинения его разделению труда⁴⁹.

С таких же позиций подходил к вопросу о путях полного преодоления общественного разделения труда и В. И. Ленин. Конкретизируя положение о том, что общество при коммунизме достигнет до «разрыва с разделением труда», он отмечал, что это произойдет на основе превращения всего народного хозяйства в единое производство и самого широкого производственного объединения работников в масштабе всего общества. Именно в рамках такого производственного объединения и можно будет переходить «к уничтожению разделения труда между людьми, к воспитанию, обучению и подготовке *всесторонне развитых и всесторонне под-*

готовленных людей, людей, которые умеют все делать»⁵⁰. Представляя собой необходимую дифференциацию трудовых функций, выполняемых людьми, специальности вовсе не обязательно должны закреплять общественное разделение труда.

Наличие или отсутствие связи между специальностями и общественным разделением труда зависит от того, на какой экономической и технической основе те или иные специальности возникают, существуют, изменяются.

На техническом базисе ручного производства, а также при капиталистическом промышленном производстве разделение людей по специальностям носит социальный характер, является одним из выражений действия в обществе закона общественного разделения труда. Положение коренным образом изменяется уже при социализме, где само воздействие общественного разделения труда на производственные отношения существенным образом ограничено. Специальности здесь, естественно, сохраняются, но они, во-первых, во все меньшей степени означают сохранение социальных различий между людьми, становятся все более однородными по своим научно-техническим основам. Во-вторых, само закрепление людей за отдельными специальностями приобретает все более относительный характер, выступает как вид общественного распределения, а не разделения труда между ними.

На различие между существованием специальностей и разделением людей по этим специальностям совершенно четко указал Ф. Энгельс. Критикуя Е. Дюринга за преувеличение роли и значения «расчленения профессий» и «разделения деятельности» для роста производства, он писал: «Эта формулировка ошибочна, так как она верна лишь для буржуазного производства, причем разделение специальностей уже и тут ограничивает развитие производства вследствие уродования и окостенения индивидов, в будущем же оно совершенно исчезнет»⁵¹.

Столь же существенным для понимания условий преодоления общественного разделения труда в его социальном значении является тот фундаментальный факт, что сама подготовка высококвалифицированных специалистов для индустриального производства никоим образом не сводится к овладению ими узкими специальными знаниями. Специализация на основе политехнизации знаний — такова единственно верная формула подготовки участников общественного производства, в котором исходным пунктом является движение машин и использование энергии природных сил. Применительно к подобному процессу производства специальности выступают уже как форма технологического

⁴⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 432.

⁴⁶ См.: Там же, с. 431, 433.

⁴⁷ См.: Там же, т. 20, с. 308.

⁴⁸ Там же, т. 4, с. 335.

⁴⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 20.

⁵⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 33; т. 33, с. 96.

⁵¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 654.

разделения труда, как техническая сторона организации производства.

Широкий научный кругозор и политехническая подготовка специалистов индустриального производства — первое требование реализации возможности перемены труда в соответствии с потребностями общества и личными склонностями индивидов. Конечно, для перемены труда необходимо приобретать дополнительные знания и практические навыки. Однако в связи с этим роль всесторонне подготовленных работников, способных свободно ориентироваться во всех основных отраслях производства, не может быть поставлена под сомнение. В лице таких работников формируется новая сила общественного труда, которая в будущем станет ведущим фактором развития производства.

Уже в настоящее время политехническое обучение обретает реальные черты основы подготовки квалифицированных специалистов современного индустриального производства. Сама жизнь показывает, что специализация без широкого научно-технического кругозора все более перестает соответствовать условиям развития общественного производства. Вместе же с преодолением узкой специализации участников материального производства шаг за шагом будет преодолеваться общественное разделение труда — устраняться причина социальных различий между людьми, односторонности развития и проявления их способностей.

Было бы, безусловно, серьезной ошибкой в какой-либо степени умалять роль и значение специальностей для социалистического производства, в котором еще сохраняются социальные различия между видами труда, в том числе и по их технической оснащенности. Нельзя не учитывать и того, что в социалистическом производстве закон перемены труда еще не поднялся до уровня такого закона, который пронизывает все его виды и отрасли. В. И. Ленин писал: «Будущее общество, к которому мы стремимся... общество, в котором не должно быть никаких различий,— это общество придется долго строить»⁵². Приведенные слова полностью относятся и к преодолению общественного разделения труда, ибо оно предполагает наряду со всесторонним развитием производительных сил общества и переход к распределению по потребностям.

Историческая длительность процесса преодоления общественного разделения труда несколько не умаляет ни теоретического, ни практического значения его анализа. Процесс начинается в социалистическом обществе, он неотделим от развития общественной кооперации труда и превращения всего народного хозяйства в высоко механизированное индустриальное производство. Поэтому уже сейчас важно видеть социальную направленность развития общественной кооперации труда и исходить из ее конкретных требований по подготовке всесторонне развитых, активных участников единого индустриального производства.

⁵² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 320.

ПЕРВИЧНОЕ И ВТОРИЧНОЕ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Глава 1

ПЕРВИЧНОЕ И ВТОРИЧНОЕ КАК СООТНОШЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНОГО И ИДЕАЛЬНОГО

1. Постановка проблемы. Категориальные ряды способа производства и общественного бытия

Проведенный в предшествующем разделе анализ развития материальной основы исторического процесса, включая соотношение материального и духовного производства, позволяет теперь обратиться к выяснению взаимодействия его первичного и вторичного уровней. Постановка данного вопроса, взятая сама по себе, ориентирует социальное познание на движение от конкретного к абстрактному. Однако в плане разработки теории исторического процесса она представляет собой не просто констатацию частной познавательной ситуации, а начало нового витка в спирали общего движения социального познания от абстрактного к конкретному. Выделение и анализ первичного и вторичного в историческом процессе становятся необходимой предпосылкой воссоздания в теории конкретно-исторического богатства, многообразия и системной целостности формационных ступеней развития общества.

Наиболее общими проблемами первичного и вторичного в историческом процессе выступают проблемы материального и идеального (духовного), как они трактуются в историческом материализме. В последние годы внимание к этим проблемам значительно возросло. В конечном счете оно обусловлено исследованием основного содержания современной эпохи, задачами социалистического и коммунистического строительства. Чем дальше движется наше общество по пути к коммунизму, чем сильнее становится наша экономика и обеспеченнее жизнь людей, тем большее значение приобретают вопросы идеологической работы. «Разрывы в материальном и духовном развитии,— подчеркивал Л. И. Брежнев,— допускать нельзя, это грозило бы многими бедами»¹. Вместе с тем связь данных проблем с исторической

¹ «Коммунист», 1980, № 6, с. 15.

реальностью происходящих преобразований имеет и свою социально-философскую специфику.

Исторический материализм изучает всеобщие связи и зависимости исторического процесса. Никакие особенности исторических этапов развития общества не изменяли и не могут изменить этих всеобщих связей и зависимостей. Но теоретическое познание всеобщего обусловлено не только его наличием, а и тем, как оно проявляется в специфических условиях. Имея в виду подобную особенность, К. Маркс писал: «...Даже самые абстрактные категории, несмотря на то, что они — именно благодаря своей абстрактности — имеют силу для всех эпох, в самой определенности этой абстракции представляют собой в такой же мере продукт исторических условий и обладают полной значимостью только для этих условий и в их пределах»².

В определенном смысле можно, например, говорить о специфических особенностях капитализма, которые позволили выделить, познать и теоретически зафиксировать всеобщие связи и зависимости действия социальных причин с их следствиями. Ф. Энгельс прямо соотносил появление материалистического понимания истории с некоторыми особенностями капитализма. «...Если во все предшествующие периоды, — отмечал он, — исследование этих движущих причин истории было почти невозможно из-за того, что связи этих причин с их следствиями были запутаны и скрыты, то в наше время связи эти до такой степени упростились, что решение загадки стало, наконец, возможным»³.

Независимость общественного бытия от общественного сознания, основополагающая роль материального производства по отношению к социальной, политической и духовной жизни, объективность законов общественного развития — все это наглядно обнаружилось в мире стихийного товарно-капиталистического развития. Здесь как бы на поверхности самой общественной жизни сталкивались, противопоставлялись материальные и духовные линии исторического процесса, давая аргументацию в пользу материалистического понимания истории. Однако то обстоятельство, что материалистическое понимание истории было сформулировано в условиях капитализма, отнюдь не ставит под сомнение всеобщей его значимости. Капитализм не породил и не отменил всеобщие связи и зависимости исторического процесса, он лишь обнажил их, сделал более наглядными. От этого их всеобщая природа, естественно, не изменилась. Поэтому исторический материализм и представляет собой теорию развития общества в целом. Его положения имеют силу для объяснения прошлого, настоящего и будущего.

Но если в условиях капитализма какие-то грани всеобщих социальных взаимосвязей проявились в более простой форме, чем прежде, если в тех условиях создались социальные предпосылки для их познания, то становление нового общественного строя — коммунизма открывает новые грани познания всеобщих связей

и зависимостей исторического процесса. Они дают о себе знать прежде всего в исключительном богатстве диалектики материального и идеального в развитии социалистического общества, многообразии превращения «идеального в реальное»⁴. Повышение степени взаимосвязи различных сторон общественной жизни, соответствия субъективного объективному, рост сознательности масс, духовного начала их жизнедеятельности и т. д.— характернейшая черта зрелого социализма.

Как объект социально-философского и социологического изучения социализм в определенном отношении более сложен, чем капитализм. На наш взгляд, мысль Ф. Энгельса о том, что при капитализме связи причин и следствий в общественном развитии «упростились», не обязательно понимать в том духе, что при социализме эти связи стали «еще проще». Видимо, историческая диалектика развития общественно-экономических формаций более сложна: в каком-то отношении законы общественного развития при социализме стали выступать в более «простой форме», а в каком-то отношении действие этих законов приобрело более сложный характер, ибо в механизм их функционирования включается теперь большее число опосредующих факторов, в том числе субъективного порядка. Это, в частности, означает, что в ряде случаев рост влияния субъективного фактора при социализме, изменившийся характер взаимодействия объективного и субъективного могут приводить к тому, что объективность общественных законов менее очевидна, носит более «скрытый» характер, чем прежде.

Вполне понятно, что в данных условиях возникает новая ситуация, которую необходимо учитывать в ходе социального познания. И, конечно, не может быть и речи о том, чтобы ослабить внимание к анализу основных взаимосвязей в диалектике развития общества, вскрытых историческим материализмом. Это генеральная, основополагающая линия философского исследования исторического процесса. Но, с другой стороны, выделять такие взаимосвязи в новых общественных условиях необходимо с учетом специфики развития социализма. По справедливому замечанию Г. Е. Глезермана, «научное понимание социализма должно совместить выработанный историческим материализмом объективный подход к общественному развитию как естественнoисторическому процессу, подчиненному не зависящим от воли и сознания людей законам, с признанием того факта, что социалистическое общество строится сознательно, планомерно, что оно не может ни возникнуть, ни совершенствоваться без сознательной целенаправленной деятельности людей»⁵.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 42.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 308.

⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 104.

⁵ Глезерман Г. Е. Исторический материализм и развитие социалистического общества. М., 1973, с. 11.

Изучение сторон, сфер, механизмов и т. д. функционирования и развития общества требует при социализме более гибкого применения категорий, более тщательного выяснения их специфики, более сложного хода аргументации, чем это было необходимо при анализе прежних формаций. И вывод здесь один: чем богаче определяемый объект, тем более различными могут быть формулируемые определения⁶. Но исчерпывать суть современной ситуации в разработке теории исторического материализма указанием на сложность трактовки отдельных его категорий было бы неправильно. Разворачивающаяся в современную эпоху диалектика взаимодействия объективного и субъективного в историческом процессе выдвигает задачу дальнейшего исследования — под углом зрения соотношения в обществе материального и идеального — всей системы категорий исторического материализма. Это необходимо еще и потому, что наибольшие теоретические сложности интерпретации категорий исторического материализма возникают там и тогда, где и когда обсуждается именно данное соотношение.

Проблема материального и идеального в развитии общества широка и многогранна. Она включает в себя обоснование первичности общественного бытия и вторичности общественного сознания, анализ с этих позиций роли общественного способа производства, диалектики экономического базиса и надстройки, материальных общественных и идеологических отношений и т. д. Материалистическое решение основного вопроса философии применительно к обществу — а речь идет именно об этом — означает не просто признание первичности, независимости общественного бытия от общественного сознания. Оно включает в себя интерпретацию целого ряда категорий, строгую связь между ними в познании исторического процесса, обоснование общей последовательности, логики их применения.

Такие положения, как первичность общественного бытия, экономического базиса, материальных общественных отношений, определяющая роль в жизни и развитии общества способа производства, вторичность общественного сознания, надстройки, идеологических отношений, отражают наиболее глубокие, исторически устойчивые связи, выступают в виде общих философских результатов социального познания, представляют собой основные философско-методологические предпосылки любого исследования исторического процесса.

Конечно, наличие общих принципов не предопределяет однозначного решения более частных вопросов, ибо общие принципы не исключают, а, напротив, предполагают вариантность своей реализации. Поэтому знания о той или иной стороне жизни и развития общества не могут быть схемой, выражаться сразу, целиком, во всей своей полноте. Однако для материалистического решения основного вопроса философии отнюдь не безразлично, как интерпретируется применительно к конкретным условиям развития общества сама категория общественного бытия, как по-

нимаются материальность общественных отношений, механизмы действия и использования общественных законов, роль сознания, субъективного фактора и т. д. Чем доказательнее ответы на подобные вопросы, тем весомее общее материалистическое решение основного вопроса философии.

Важную роль в понимании соотношения в историческом процессе материального и идеального играют категориальные ряды способа производства (общественного способа производства) и общественного бытия. Если восхождение социального познания от абстрактного к конкретному — магистральный путь разработки теории исторического материализма и соответственно систематизации его категорий, то постановка вопроса о категориальных рядах способа производства и общественного бытия выделяет в этом магистральном пути методологические установки исследования сущности материалистического понимания истории. Речь идет о конкретизации применительно к познанию исторического процесса проблемы материального и идеального и выяснении через такую конкретизацию самих истоков его первичного и вторичного уровней.

Какие же соображения могут быть выдвинуты в обоснование идеи категориальных рядов? Прежде всего это исторический опыт развития марксистско-ленинской философии. В разные периоды своей деятельности К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин многократно характеризовали категории исторического материализма, и в первую очередь категории общественного бытия и общественного сознания. Сопоставляя высказывания основоположников марксизма-ленинизма об общественном бытии и общественном сознании, сделанные в различные периоды их деятельности, можно заметить определенную тенденцию. Суть ее заключается в том, что методологическое значение категорий общественного бытия и общественного сознания как бы непрерывно возрастает, они как бы обособляются от других категорий, а принцип их определения через указания первичности и вторичности фиксируется все более четко и наглядно. Важен и опыт развития исторического материализма на современном этапе. В этом плане многое дали специальные философские исследования.

Категорию общественного бытия нельзя рассматривать саму по себе, отдельно от категорий способа производства, материальных общественных отношений, экономического базиса и т. п., ибо она органично связана с ними. Уяснение этого обстоятельства — важное условие целостного подхода к исторической действительности. Что же касается методологической ориентации при раскрытии таких связей, то она требует специального анализа.

При сопоставлении названных категорий с категорией общественного бытия обычно предполагается, что с логико-гносеологической точки зрения все рассматриваемые категории — категории одного порядка. Если и возникают неясности, то они относятся

⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 216.

лишь к тому, какие конкретно категории следует сопоставлять с общественным бытием. Вполне определенно обнаруживаются и методологические основы такого подхода. Они заключаются в понимании логико-гносеологической природы категорий исторического материализма как чего-то принципиально одинакового. С этой точки зрения категории исторического материализма различаются по содержанию, по аспекту отражения действительности и т. д., но не по принципу обобщения исторической реальности. Осознанно или неосознанно многие исследователи исходят из подобной «одномерности» категорий исторического материализма? Но можно ли так ставить вопрос? Видимо, нет.

По нашему мнению, необходимо отказаться от самой идеи «одномерного» подхода к категориям исторического материализма и попытаться сформулировать иной подход. Суть его в том, чтобы дифференцировать категории по разной степени глубины отражения исторической действительности, а следовательно, и по их логико-гносеологическому статусу. Важно более четко различать в историческом процессе явления и сущность, сущность первого, второго и т. д. порядков. В этом смысле и та всеобщность, которая отражается в категориях, неоднородна. В ней имеются свои подразделения, градации, аспекты и т. п. Категории исторического материализма, отражая разные характеристики всеобщности, выступают абстракциями разного порядка.

При рассмотрении категорий исторического материализма основное внимание, как правило, уделяется анализу их содержания и структуры. Подобный подход применяется и к изучению общественного бытия. Вместе с тем, несмотря на всю свою бесспорность и важность, он не принес окончательных решений дискуссионных проблем. Чем больше тот или иной исследователь детализирует состав категории общественного бытия, тем больше ощущается, что данному описанию недостает какого-то неуловимого «чуть-чуть», специфического ракурса, в рамках которого все эти детализированные описания приобретут должную степень глубины и убедительности. Причины этого связаны, по нашему мнению, не с тем, что исследователь точно или неточно определил состав общественного бытия, а с принципом анализа категории, выяснения характера ее соотношения с другими категориями. В акцентировании внимания на данном аспекте проблемы и заключается суть постановки вопроса о категориальных рядах способа производства и общественного бытия.

Выделенные категориальные ряды отличаются друг от друга тем, что отражают разную глубину всеобщности в исторической действительности, имеют различную логико-гносеологическую природу, а следовательно, и различные принципы внутренней взаимосвязи, специфические правила применения в социальном познании. Перечисленные различия между указанными группами категорий выступают одновременно и факторами, объединяющими отдельные категории в рамках каждого категориального ряда.

Основополагающей для характеристики категориального ряда

способа производства является уже знакомая нам формула К. Маркса: «Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще»⁷. В рассматриваемом категориальном ряду прослеживается своеобразно развернутая причинно-следственная зависимость, которая представляет собой не простое множество парных взаимодействий, а выражает внутреннюю тенденцию данного категориального ряда⁸. Все другие его причинно-следственные связи существуют и интерпретируются на основе выделенного направления, но не ограничивают и ни в коем случае не отменяют его.

Категории ряда способа производства имеют и различия с точки зрения анализа роли сознания. Видимо, это объясняется тем, что деятельность человека предстает по-разному в аспекте отражения категориями данного ряда. Отсюда и нетождественность в описании роли сознания, которая выражается в тенденции возрастания удельного веса сознания при движении от категории «способ производства» к категории «духовная жизнь общества». Конечно, термин «возрастание» условен. Инструментов, которые бы позволили как-то конкретизировать, что «больше» и что «меньше», нет, да и вряд ли они возможны, ибо речь идет о качественных различиях категорий. И тем не менее неудовлетворительность термина, желание заменить его не должны заслонять саму проблему. А она есть. Не нужно иметь особой проницательности, чтобы заметить, что мы интерпретируем роль сознания применительно к изучению духовной жизни в одном плане, политической — в другом, социальной — в третьем и т. д.

Итак, категориальный ряд способа производства пронизывают две основные тенденции. Первая из них отражает своеобразное развертывание причинно-следственных связей, вторая — постепенное, начиная от способа производства, нарастание удельного веса сознания. Обе тенденции присутствуют в каждом звене данного ряда. На наш взгляд, единство и неразрывность этих тенденций есть то главное, что характеризует в общем процессе познания исторической действительности рассматриваемый категориальный ряд.

Но есть и такие проблемы, которые не решаются категориальным рядом способа производства. Важнейшая из них — это отношение сознания к объективной реальности исторического процесса.

Теоретическая формулировка основного вопроса философии предполагает четкое и определенное разграничение материального и идеального, выделение материального на одном полюсе, идеального — на другом, рассмотрение их отношения в рамках тождества противоположностей, первичности-вторичности, неза-

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 7.

⁸ См.: Ермолаев И. Д. Законы развития общества и строительство коммунизма. М., 1971, с. 25—30.

всепности-зависности. Применительно к ряду способа производства подобную поляризацию материального и идеального произвести еще невозможно. Здесь нет для такой поляризации достаточных категориально-методологических предпосылок.

В. И. Ленин подчеркивал, что противоположение материи и сознания может рассматриваться и в абсолютном и относительном смысле. «...Противоположность материи и сознания,— писал он,— имеет абсолютное значение только в пределах очень ограниченной области: в данном случае исключительно в пределах основного гносеологического вопроса о том, что признать первичным и что вторичным. За этими пределами относительность данного противоположения несомненна»⁹. Категориальный ряд способа производства как раз и ориентирует социальное познание на раскрытие относительного противоположения материального и идеального. Абсолютность же такого противоположения связывается с категориями общественного бытия и общественно-го сознания.

Категории общественного бытия и общественного сознания отражают всеобщие, наиболее глубинные стороны исторического процесса, его уровни. Это особо подчеркивается в известном замечании В. И. Ленина: «Из того, что вы живете и хозяйничаете, рождаете детей и производите продукты, обмениваете их, складывается объективно необходимая цепь событий, цепь развития, независимая от вашего *общественного* сознания, не охватываемая им полностью никогда. Самая высшая задача человечества — охватить эту объективную логику хозяйственной эволюции (эволюции общественного бытия) в общих и основных чертах с тем, чтобы возможно более отчетливо, ясно, критически приспособить к *ней* свое общественное сознание и сознание передовых классов всех капиталистических стран»¹⁰.

Понятно, что общественное бытие не существует вне конкретных аспектов производства, обмена продуктами и т. д., но оно и не представляет собой эти акты в их непосредственной экономической характеристике, в их простом множестве. Общественное бытие выражает собой более глубокое — объективную логику этих актов, их интегральный итог. Точно так же мы можем сказать, что общественное бытие не существует в обществе вне и отдельно от способа производства материальной жизни, материальных общественных отношений, материальной стороны классовых, национальных, семейно-бытовых и т. п. отношений. Но неотделимость общественного бытия от форм своего существования совсем не означает их идентичности. Все эти формы раскрываются в качестве общественного бытия не просто тогда, когда они рассматриваются с точки зрения своей структуры, конкретного содержания, а в плане объективной логики своей эволюции, как независимые от общественного сознания.

Соответственно категории общественного бытия и общественного сознания должны отличаться от категорий ряда способа производства материальной жизни. И отличаются они прежде

всего тем, что отношение между общественным бытием и общественным сознанием — это отношение тождества противоположностей, первичности-вторичности, независимости-зависимости существования. По сравнению с категориальным рядом способа производства категориальный ряд общественного бытия означает переход социального познания на иной категориальный уровень. Здесь также достигается сквозное, всеобщее описание исторической действительности. Но это уже другая, более глубокая плоскость исследования, где в центре внимания не содержание отдельных общественных процессов (человеческая деятельность), их связей и зависимостей, а сама субстанциональная характеристика исторического процесса как социальной формы движения материи. С одной стороны, категориальный ряд общественного бытия — результат исследования исторической действительности на основе категориального ряда способа производства, воспроизведение исторической действительности в мышлении в виде определенной ступени единства многообразного; с другой — начало, исток нового исследования, когда теоретические предпосылки категориального ряда общественного бытия раскрываются в более глубоком значении.

Под этим углом зрения вновь обратимся к такой теоретической предпосылке исследования общественного бытия и общественного сознания, какой выступает проблема человеческой деятельности, общественной практики. В мировоззренческом плане это необходимо, ибо проблема практики уже многие годы является предметом изощренных философских спекуляций.

2. Основной вопрос философии и общественная практика

Философская концепция К. Маркса связала человека с миром через практическое овладение человеком этим миром. Но данное положение означает одновременно признание того факта, что в сознании субъекта отражается уже не просто мир как таковой, независимый от человеческой деятельности. Ведь человек всегда имеет дело с измененным, преобразованным миром, где каждая вещь создана его трудом и несет на себе печать его субъективных целей, мотивов и т. п. Возникает вопрос: не ведет ли это к отказу от материалистической теории отражения и признанию практики единственной реальностью, законы которой только и может теоретически осмысливать человек? Не следует ли в этом случае отказаться от решения основного вопроса философии и заменить отношение «материя—сознание» отношением «практика—сознание (теория)»?

Как известно, именно по этому пути пошли многие современные философские ревизионисты, сторонники философии «прак-

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 151.

¹⁰ Там же, с. 345.

сиса». Объявив себя последователями истинного марксизма, они весьма субъективно исследуют ранние работы К. Маркса, противопоставляя не только К. Маркса Ф. Энгельсу и В. И. Ленину, но и работы раннего К. Маркса — его более поздним и зрелым трудам. Джон Хофман в своем критическом исследовании, посвященном теории «праксиса», следующим образом описывает приемы современных философских ревизионистов: «По мнению Шломо Авинери, мышление Ленина и Плеханова было не диалектическим, а механистическим, а Люсьен Гольдман, другой теоретик „праксиса“, подвергает особой критике знаменитый „Материализм и эмпириокритицизм“ Ленина, характеризуя его как „одну из самых механистических и антидиалектических книг“. Альфред Шмидт полагает, что философия Ленина „больше обязана Фейербаху, чем Марксу...“»¹¹. Аналогичные упреки адресуются и Ф. Энгельсу, который, по словам ревизионистов, «никогда не понимал диалектику К. Маркса и поэтому истолковывал ее ошибочно и механистически»¹². Свою задачу теоретики «праксиса» видят в том, чтобы «спасти истинного Маркса» от «официального марксизма». Путь такого «спасения», а вернее сказать, извращения — рассмотрение практики в качестве своеобразной субстанции, единственной реальности, с которой имеет дело человек. Соответственно этому практика превращается из деятельности, связывающей человека с миром, в субъективизированный процесс, отделяющий его от мира. Субъективацией практики занимаются не только ревизионисты, но и мелкобуржуазные и буржуазные философы. В этом ключе сейчас пишутся буквально тысячи обширных и кратких работ.

Но если уже в общефилософском плане введение практики в гносеологию вызвало попытки подменить понятие материи понятием практики, то еще более сложно обстоит дело тогда, когда мы обращаемся к исторической действительности. Как уже отмечалось, единственным способом ее существования и развития является человеческая деятельность, прежде всего практика. Последняя же обязательно включает в себя творчество, свободу, выбор. И если применительно к материально-производственной практике еще можно говорить об ограничении этой свободы природной необходимостью, то в отношении общества, его устройства, его институтов, казалось бы, следует все объяснить, исходя из реализации тех целей, которые ставятся людьми в процессе практики. Прозрачно, ясно и откровенно эта точка зрения была высказана А. А. Богдановым, который считал устаревшим основной вопрос философии, отбрасывал понятие материи, заменяя его практикой. В объяснении общества это привело А. А. Богданова к теории тождества общественного бытия и общественного сознания.

В настоящее время среди советских авторов, конечно, нет таких, которые стояли бы на позициях тождества общественного бытия и общественного сознания или вообще снимали бы основной вопрос философии применительно к обществу. Все авторы

стоят на марксистско-ленинских позициях, подчеркивая первичность общественного бытия по отношению к общественному сознанию. Однако в некоторых работах видна все же тенденция дать объяснение исторического процесса, опираясь только на категорию «деятельность». Исходная точка исследования исторической действительности превращается при таком подходе в ее основополагающую характеристику. Конечно, нет и не может быть аргументов, чтобы ставить под сомнение познавательное значение категории деятельности, которую мы попытались раскрыть в предшествующих разделах, речь идет о другом. «Увлеченность» категорией деятельности не должна перерасти в ее абсолютизацию¹³.

Для того чтобы лучше уяснить отношение категории практики к основному вопросу философии применительно к обществу и в этой связи к категории общественного бытия, целесообразно обратиться к ленинской критике взглядов А. А. Богданова.

Категория практики играла решающую роль в философии А. А. Богданова. Учение о практике он противопоставил теории материализма и попытался построить концепцию, центральным понятием которой была бы практика. А. А. Богданов ошибочно полагал, что такая концепция и есть истинный марксизм, все остальное — фетишизм, метафизика. «Хотя Маркс и называл свою доктрину материализмом, — пишет он, — но ее центральное понятие не «материя», а практика, активность, живой труд»¹⁴. И в другом месте: «Надо понять действительность, как практику, — учил Маркс»¹⁵.

Универсальным принципом развития природы и общества А. А. Богданов считал принцип приспособления к внешней среде. Если животные приспосабливаются к среде в процессе биологической эволюции, то люди, в его терминологии, создают «общественные приспособления», как технические (производство), так и организационно-идеологические (формы идеологии, общественные институты и т. д.). Общество развивается как исторически совершенствующаяся система приспособлений. Но все формы приспособлений есть результат человеческой практики, все они созданы деятельностью людей, которые преследуют определенные цели, добиваются удовлетворения тех или иных потребностей. Поэтому, утверждал А. А. Богданов, формы приспособления, т. е. общественные структуры, оказываются результатом сознательной психической деятельности. «Всякое общественное приспособление относится к числу психических. Только психическая деятельность человека может иметь общественный характер,

¹¹ Хофман Д. Марксизм и теория «праксиса». М., 1978, с. 28.

¹² Там же, с. 28.

¹³ Критика такого рода абсолютизации дана в статье М. Я. Ковальзона. См.: Ковальзон М. Я. Философский анализ человеческой деятельности. — Вестн. МГУ, Сер. Философия, 1978, № 2.

¹⁴ Богданов А. А. Философия живого опыта. М., 1920, с. 168.

¹⁵ Там же.

только при посредстве сознания человек становится элементом общественного целого. И формы идеологии, и формы техники имеют одинаково психический характер»¹⁶.

Итак, попытка построить философскую концепцию, преодолевающую «метафизический фетиш» — материю, благополучно привела к философскому идеализму. Понятие практики, как мы видим, само по себе вовсе не является спасением от «фетишей» и вполне может уживаться с идеалистическим решением основного философского вопроса. Подтверждением этого является не только богдановская концепция, но и опыт современной буржуазной философии. Прагматизм не только признает, как известно, значимость практики, но и подчеркивает первичность практического отношения к миру по сравнению с теоретическим. И это ни в какой мере не делает такое философское течение материалистическим.

Заслугу К. Маркса неверно было бы сводить к тому, что он раскрыл общественную жизнь как в сущности своей практическую. Это важное обстоятельство становится моментом материалистического понимания истории только тогда, когда оно органически сочетается с выяснением объективной основы идеального — субъективных намерений, взглядов, целей практически действующих людей. Сама по себе практика ответ на этот вопрос не дает. Сказать, что люди участвуют в практической деятельности как существа сознательные — это еще ничего не сказать по существу, ограничиться, как заметил В. И. Ленин, «пустяками»¹⁷. Объяснить, откуда возникает и чем определяется исторически конкретное и меняющееся от эпохи к эпохе общественное сознание, — вот в чем состоит проблема. Однако этого нельзя сделать, оставаясь только на позициях признания практики. Для этого необходимо проанализировать общественные отношения, выделив в системе их такие, которые, хотя и функционируют в процессе практики, осуществляемой людьми, наделенными сознанием и волей, обладают тем не менее способностью складываться независимо от общественного сознания, т. е. выделив отношения материальные. Раскрытие такого факта означало, что в общественной жизни была найдена объективно-реальная основа сознания, и тем самым принцип материализма был распространен на познание общественных явлений.

Материалистическое решение основного вопроса философии применительно к обществу наполняет реальным содержанием саму практику. В противном случае она истолковывается либо в субъективно-идеалистическом духе, как свободное, ничем не обусловленное творчество субъекта, и тогда мы сталкиваемся с рецидивом фихтеанства; либо в духе признания некоего идеального закона, и тогда мы имеем рецидив гегелевского «хитрого» мирового разума. Выход за пределы практики к общественному бытию людей — это единственно научный способ исследования тех материальных условий, которые определяют характер, направление и исторические границы их деятельности. Практика, та-

ким образом, не только не исключает необходимость решения основного философского вопроса, но и сама получает рациональное объяснение лишь в связи и на основе материалистического ответа на вопрос о соотношении общественного бытия и общественно-го сознания, поскольку этот ответ позволяет раскрыть материальные условия, детерминирующие саму человеческую деятельность.

Возникает вопрос: общественное бытие — это ведь тоже практическая деятельность общества? Несомненно, общественное бытие, как и общество в целом, не существует без живой функционирующей практики. Но в таком случае не склоняемся ли мы сами к позиции, высказанной в свое время А. А. Богдановым, а сейчас повторенной теоретиками «праксиса»: есть только одна реальность — практика, ее и следует положить в основу философской концепции? Думается, что при ответе на поставленные вопросы следует учитывать два обстоятельства.

Во-первых, практику необходимо рассматривать не только с точки зрения ее функционирования, т. е. не только как протекающую во времени и пространстве преобразующую материальную деятельность, но и с точки зрения ее результатов. При характеристике общественного бытия для нас существенно важен именно этот, последний план рассмотрения.

Производительные силы созданы, конечно, людьми. Общественные отношения также складываются лишь в ходе человеческой деятельности. В то же время общественное бытие людей представляет собой и наличный результат материально-производственной деятельности. Как таковой он сам становится условием последующей деятельности. «...Производительные силы,— писал К. Маркс,— это результат практической энергии людей, но сама эта энергия определена теми условиями, в которых люди находятся, производительными силами, уже приобретенными раньше, общественной формой, существовавшей до них, которую создали не эти люди, а предыдущее поколение»¹⁸.

При анализе общественного бытия для нас особенно важны те наличные материальные условия, которые выступают основой общественного сознания, в конечном счете и всей громадной надстроечной области. Разрез, таким образом, идет не по линии «практика — духовная деятельность» (подобное противопоставление не выводит за рамки идеализма), а по линии «материальная основа жизни общества (общественное бытие) — общественное сознание». «Свободны ли люди в выборе той или иной общественной формы? — задавал риторический вопрос К. Маркс. И отвечал: — Отнюдь нет. Возьмите определенную ступень развития производительных сил людей, и вы получите определенную форму обмена и потребления. Возьмите определенную ступень развития производства, обмена и потребления, и вы получите определен-

¹⁶ Богданов А. Из психологии общества. СПб., 1906, с. 90.

¹⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 345.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 27, с. 402.

ный общественный строй, определенную организацию семьи, условий или классов,— словом, определенное гражданское общество. Возьмите определенное гражданское общество, и вы получите определенный политической строй, который является лишь официальным выражением гражданского общества»¹⁹.

Во-вторых, современные теоретики «праксиса» не только не различают практику-процесс и практику-результат, но и смешивают, как это сделал в свое время А. А. Богданов, два основных вида практики. Такое неразличение двух видов практики и соединение их в общей тотальности «праксиса» ведут к следующим выводам: вся общественная жизнь имеет в своей основе практику, т. е. деятельность по преобразованию объекта в соответствии с целями и интересами субъекта. Поэтому вся общественная жизнь в своих истоках зависит от этих субъективных целей, определяемых практикой. Общественное бытие оказывается либо тождественным общественному сознанию, либо производным от этого сознания. Так, Ш. Авинери пишет, что производительные силы не являются факторами, выходящими за пределы человеческого сознания, представляют собой организацию человеческого сознания и человеческой деятельности. Поэтому, считает он, нет и не может быть противопоставления материального базиса надстроечной области. Есть только различие между направленностью сознания в тех или иных формах деятельности, руководимых и определяемых сознанием²⁰.

Чтобы разобраться в этих рассуждениях, восстановим в памяти те два вида практики, о которых шла речь во втором разделе книги, и попробуем с учетом этих двух видов показать несостоятельность концепции «праксиса».

Первый вид практики — материально-производственная деятельность людей. Как всякая практика, материально-производственная деятельность регулируется сознанием, т. е. люди участвуют в трудовом процессе как существа, наделенные сознанием и волей. Но дело в том, что при этом люди, осознающие свои практические цели, с необходимостью вступают в такие общественные отношения, которые либо не осознаются ими вовсе, либо если осознаются, то все равно от их сознания не зависят. Сознательная практика людей, направленная на преобразование природы, порождает, таким образом, отношения материальные, т. е. не зависящие от сознания.

Что же касается второго вида практики, то здесь дело обстоит иначе. Общественной формой, организующей и направляющей социально-преобразующую деятельность людей, выступают идеологические отношения. В отличие от материальных они складываются в зависимости от общественного сознания. Общественное сознание опосредует социально-преобразующую деятельность. Однако из этого никак не следует вывод, будто общественное сознание первично или тождественно общественному бытию. Не следует потому, что само-то общественное сознание должно быть «выведено» из специфики тех экономических отношений, которые

складываются в материально-производственной практике и не зависят от сознания людей.

Включение общественно-исторической практики в философию не привело, как это пытаются показать ревизионисты, к замене понятия материи понятием практики. Попытки же превратить практику в своеобразную субстанцию мира закрывают путь к исследованию объективной реальности самой практики. Деятельность людей превращается не в способ освоения мира и его законов, а в перегородку, отделяющую человека от мира. Познавая законы практической деятельности, человек все время остается в пределах своей субъективности, так как практика оказывается последней доступной для него реальностью. Чтобы осуществить прорыв к объективному миру, необходимо встать на позиции материализма, но материализма не созерцательного, а диалектического.

Соответственно и в объяснении общественного сознания следует идти не от практики как таковой, а от анализа материальной основы жизни общества, которая является первичной, определяющей общественное сознание. Но это лишь самый абстрактный, хотя и чрезвычайно важный и абсолютно необходимый, методологический принцип познания исторического процесса. Для того чтобы «связать» материальную и идеальную стороны общественной жизни, выявить сам характер их связи и взаимодействия, надо не ограничиваться лишь общим принципом материализма, а конкретизировать его, раскрыть природу общественного бытия и общественного сознания.

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 27, с. 402.

²⁰ См.: Avineris S. The Social and Political Thought of Karl Marx. Cambridge, 1968, p. 76.

ОБЩЕСТВЕННОЕ БЫТИЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ

1. Общественное бытие

Общественное бытие и общественное сознание — основополагающие категории исторического материализма. Они имеют принципиальное значение для материалистического понимания истории, для решения основного вопроса философии применительно к общественной жизни. Величайшая научная заслуга К. Маркса и Ф. Энгельса состоит в том, что они впервые в истории общественной мысли полностью преодолели традиционно-идеалистические воззрения на развитие общества. Выделив из всех сфер общественной жизни сферу материального производства, из всей совокупности общественных отношений отношения производственные как основные, первоначальные, определяющие, они материалистически объяснили историю. «Не сознание людей, — резюмировал К. Маркс сущность материалистического понимания истории, — определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»¹. «Уже сама по себе эта идея материализма в социологии, — отмечал В. И. Ленин, — была гениальная идея»².

Что же представляет собой общественное бытие как противоположность общественному сознанию? Отвечая на поставленный вопрос, прежде всего сделаем замечания, касающиеся исходного понятия общественного бытия — категории бытия вообще.

В широком смысле слова категория бытия обозначает существование. Быть — значит существовать. Именно в таком смысле употреблял Ф. Энгельс понятие бытия в известной полемике с Е. Дюрингом о единстве мира. «Когда мы говорим о *бытии* и *только* о бытии, — подчеркивал он, — то единство может заключаться лишь в том, что все предметы, о которых идет речь, *суть*, существуют»³. Однако в марксистско-ленинской философии под бытием чаще понимают не существование вообще (сознание тоже существует), а материальное существование. Бытие наделяется более содержательным признаком материальности. В этом своем значении категория бытия обозначает природу, материальный мир, материю. Она обретает не только онтологический, но и гносеологический смысл, используется для решения основного вопроса философии⁴.

Такое понимание бытия является исходным для категории общественного бытия. «Материализм вообще, — писал В. И. Ленин, — признает объективно реальное бытие (материю), независимое от сознания, от ощущения, от опыта и т. д. человечества.

Материализм исторический признает общественное бытие независимым от общественного сознания человечества. Сознание и там и тут есть только отражение бытия, в лучшем случае приблизительно верное (адекватное, идеально точное) его отражение»⁵.

Общественное бытие материально по своей природе. Однако как интерпретировать эту материальность?

С конца 30-х по начало 50-х годов общепризнанным в марксистской литературе было понимание общественного бытия в виде условий материальной жизни общества. Наряду со способом производства, который играет определяющую роль, в его содержание включались географическая среда и народонаселение. Трактовка общественного бытия как диалектического взаимодействия *«всех материальных условий жизни человеческого общества при доминирующей, определяющей и решающей роли способа производства материальных благ»*⁶ и сейчас разрабатывается рядом исследователей. Но общественное бытие не условие, а сам процесс жизни общества, не просто взаимодействие господствующего способа производства с компонентами географической среды и закономерностями роста народонаселения, а результат, итог этого взаимодействия. Все это должно было привести и действительно привело к критике сложившихся взглядов. Общей направленностью такой критики стало, во-первых, проведение разграничения между общественным бытием и условиями материальной жизни общества и, во-вторых, уточнение самого содержания общественного бытия. В этой ситуации пути решения возникших теоретических задач некоторые авторы стали искать в понимании общественного бытия и общественного сознания в виде всеохватывающих социально-философских категорий.

Соображения об истолковании общественного бытия и общественного сознания (по аналогии с материей и сознанием) в виде всеохватывающих социально-философских категорий, распределяющих между собой отражение всех общественных явлений, высказывались в советской философской и социологической литературе еще в 20-х годах. «Общественная жизнь,— писал, в частности, В. Н. Сарабьянов,— является совокупностью всевозможных отношений между людьми, классами, государствами и т. д., с одной стороны, и людей к внешним для них силам природы, с другой. Все отношения, объективно существующие, суть общественное бытие»⁷. К общественному бытию, которое в те годы часто отождествлялось с некой «общественной материей», он относил и трудовой процесс, и танцы, и уличные потасовки и т. п.—

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 7.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 136.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 42.

⁴ См.: Там же, т. 21, с. 282.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 346.

⁶ Вопросы на исторический материализм. София, 1969, т. 1, с. 29.

⁷ Сарабьянов В. Беседы о марксизме. М., 1925, с. 52.

«одним словом, все то, что, приходя в соприкосновение с органами наших чувств, вызывает в них ощущение»⁸.

В приведенных и других подобных суждениях речь фактически шла об отождествлении общественного бытия и материи. Понимание же самой материи представлялось крайне упрощенно. Вполне понятно, что уже тогда «расширительная концепция» общественного бытия была подвергнута убедительной критике за ее вульгаризм и механицизм в трактовке исторического процесса⁹. Но в жизни часто бывает так, что «новым» становится хорошо забытое старое.

«Расширительная концепция» общественного бытия вновь появилась на страницах философских изданий начиная с середины 50-х годов. Ее «возрождение» не без оснований связывается с именем В. П. Тугаринова. Причем в теоретическом плане положение осложнилось тем, что В. П. Тугаринов подводил категорию общественного бытия под понятие бытия как существования. «Мы полагаем,— утверждал он,— что к общественному бытию, соответственно общему понятию бытия как существования, следует отнести всю непосредственную жизнь и деятельность общества в отличие от опосредованной общественным сознанием духовной жизни общества»¹⁰. В рассуждениях В. П. Тугаринова нельзя не видеть определенной непоследовательности. Если общественное бытие характеризуется признаком существования, то спрашивается, почему из общественного бытия надо исключать духовную жизнь общества? Каковы логические основания его последующего утверждения, согласно которому к общественному бытию относится не вся практическая деятельность людей, а лишь сфера материальных общественных отношений и «сторона политической жизни общества, которая выражается в практической деятельности государств, партий и других органов общества...»¹¹?

Сторонники «расширительной концепции» общественного бытия пытаются преодолеть эту непоследовательность. «Общественное бытие,— резюмирует Э. С. Маркарян,— ... есть совокупность всех форм и видов деятельности людей, представленных в той или иной макросоциальной системе»¹². Обосновывая данное положение, он выделяет два аспекта рассмотрения деятельности. Во-первых, аспект актуализации механизма деятельности, включая сознание как регулятор активности людей, с помощью которого деятельность программируется и осуществляется, и, во-вторых, аспект «собственно деятельности», выражающий различные сферы приложения активности. Понятие общественного бытия, по его мнению, и отражает этот второй аспект деятельности. Отсюда делается вывод: сфера приложения деятельности, в том числе сфера духовного производства, представляет собой компонент общественного бытия. «... Духовная жизнь общества — законный (хотя, разумеется, и специфический) компонент общественного бытия»¹³,— ставит точку над «и» В. А. Демичев.

Нельзя не отметить, что В. П. Тугаринов возражал против подобного расширения категории общественного бытия. Однако его

возражения весьма условны, ибо он оставлял в тени главное. Наделение общественного бытия лишь свойством существования ставит под сомнение сам статус категории общественного бытия, возможность с помощью данной категории решать основной вопрос философии. Но познавательные трудности не исчерпываются лишь проблемой существования.

В. И. Ленин однозначно ставил вопрос о независимости общественного бытия от общественного сознания. Сторонники же «расширительной концепции» предлагают иные решения. Они включают в общественное бытие идеологические отношения и практически-организационные формы их закрепления — учреждения и организации надстройки, т. е. то, сама возможность существовать и функционировать чего обусловлены сознанием и волей людей. Отсюда их утверждение, будто общественное бытие делится на две части. Первую часть составляют общественные отношения, «складывающиеся в основном независимо от сознания». Непосредственным же «основанием для формирования второй части общественного бытия является сознание»¹⁴.

Объективно, помимо желаний авторов, подобная трактовка проблемы так или иначе противоречит целостности материалистического понимания истории, создает опасность уступок его принципиальных положений ходячей теории факторов. Рассуждения же об ограниченности экономического материализма, его несовместимости с историческим материализмом становятся в этих условиях лишь фразой.

Общественное бытие и общественное сознание — не исчерпывающие определения общественной жизни, а лишь начала, объясняющие истоки общественных явлений¹⁵. Поэтому, когда речь идет не только о началах, но и о том, во что развились эти начала, характеристика первичного и вторичного в историческом процессе, раскрываемая категориями общественного бытия и общественного сознания, должна быть дополнена характеристикой материальных общественных и идеологических отношений, экономического базиса и надстройки.

Конечно, нельзя не видеть различия аспектов отражения пер-

⁸ *Сарабьянов В.* Исторический материализм. Популярные очерки. М., 1923, с. 15.

⁹ См.: *Перлин Н.* Исторический материализм. Опыт методологического построения. Киев, 1925. Подробнее см.: *Чагин Б. А., Клушин В. И.* Борьба за исторический материализм в СССР в 20-е годы. Л., 1975.

¹⁰ *Тугаринов В. П.* Философия сознания. М., 1971, с. 119.

¹¹ Там же.

¹² *Маркарян Э. С.* Очерки теории культуры. Ереван, 1969, с. 51.

¹³ *Демичев В. А.* Общественное бытие и общественное сознание, механизм их взаимосвязи. Кишинев, 1969, с. 36.

¹⁴ *Бакшуттов В. К.* Содержание категории «общественное бытие». — В кн.: Категории исторического материализма в их взаимосвязи. Свердловск, 1978, с. 41.

¹⁵ См.: *Глезерман Г. Е.* К вопросу о понятии «общественное бытие». — Вопросы философии, 1958, № 5.

вичного и вторичного названными парными категориями. Если соотношение общественного бытия и общественного сознания полностью сводится к соотношению материального и идеального, то применительно к материальным общественным отношениям и идеологическим отношениям, экономическому базису и надстройке это соотношение выступает в более сложном, опосредованном виде. Категории материальных и идеологических отношений отражают первичное и вторичное в историческом процессе под углом зрения специфики формирования первичных и вторичных социальных связей, категории экономического базиса и надстройки — первичной (экономической) и вторичной (в классовом обществе прежде всего политической) структур общества. Однако в силу самой природы первичного и вторичного в историческом процессе материальное и идеальное всегда функционируют в этих соотношениях. Отсюда и их гносеологическое значение.

Применительно к общественной жизни основной вопрос философии представляет собой и вопрос об отношении общественного сознания к общественному бытию и в известной мере вопрос об отношении идеологических отношений к материальным общественным отношениям, надстройки общества — к экономическому базису. Однопорядковость в системе первичного и вторичного в историческом процессе общественного сознания, идеологических отношений и надстройки, с одной стороны, и общественного бытия, материальных общественных отношений и экономического базиса — с другой, свидетельствует о недопустимости, если, разумеется, не ставить под сомнение монизм материалистического понимания истории, выделения «надстроечной» и «базисной» областей общественного бытия.

Противоречивая трактовка категории общественного бытия в философской и социологической литературе связана, по нашему мнению, с тем, что сторонники «расширительной концепции» общественного бытия, пытаясь обосновать свои взгляды высказываниями К. Маркса и Ф. Энгельса, не проводят в должной мере различия между становлением материалистического понимания истории и ставшим материалистическим пониманием истории, не учитывают того, что содержание категории общественного бытия не сразу было определено К. Марксом и Ф. Энгельсом. Не останавливаясь специально на истории формирования категорий общественного бытия и общественного сознания, достаточно полно и всесторонне исследованной в советской философской литературе¹⁶, ограничимся лишь наиболее общими теоретическими выводами.

В «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Сознание [das Bewußtsein] никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием [das bewußte Sein], а бытие людей есть реальный процесс их жизни»¹⁷. Но что надо понимать под реальным процессом жизни людей?

Первый вывод, сделанный К. Марксом и Ф. Энгельсом, был вывод о бытии людей как самой их жизни в отличие от мыслей

об этой жизни. Под бытием людей, которое в силу специфики исторического процесса в определенных моментах становится также общественным бытием, понималось все существующее вне сознания. Сказанное весьма убедительно, с нашей точки зрения, подтверждается публикацией неизвестных ранее фрагментов и первоначальных вариантов некоторых формулировок первой главы «Немецкой идеологии», позволяющих глубже проникнуть в творческую лабораторию К. Маркса и Ф. Энгельса. «Люди,— отмечается в одном из таких первоначальных вариантов,— являются производителями своих представлений, идей и т. д., и именно люди, обусловленные способом производства их материальной жизни, их материальным общением и его дальнейшим развитием в общественной и политической структуре»¹⁸. Политическая структура, а следовательно, и политическая деятельность противопоставлялись в данном случае не первичному (экономическому базису), а вторичному (общественному сознанию).

Вместе с тем К. Маркс и Ф. Энгельс не ограничились лишь тезисом: «Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание»¹⁹. Они пошли дальше. Ключ к материалистическому объяснению истории был найден в раскрытии места в историческом процессе материального производства и его общественной формы — производственных отношений. «Реальный процесс» жизни людей был определен как «материальный жизненный процесс, который может быть установлен эмпирически и который связан с материальными предпосылками»²⁰. Именно такая постановка вопроса и стала вторым выводом, сыгравшим наряду с учением о классовой борьбе решающую роль в материалистическом понимании истории.

Этот второй вывод был развит К. Марксом и Ф. Энгельсом в полную, исчерпывающую характеристику общественного бытия. В «Манифесте коммунистической партии», предисловии «К критике политической экономии», «Капитале» и других работах они особо выделяют способ производства материальной жизни как основу исторического процесса. Говоря об общественном сознании эпохи социальной революции, К. Маркс, в частности, подчеркивал, что «сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями»²¹. В категориальном понимании общественное бытие не то, что первично по отношению к конкретному представлению, идее и т. п. (последние могут быть вызваны к жизни и

¹⁸ См.: Ойзерман Т. И. Формирование философии марксизма. М., 1962, 1974; Чернов В. И. Анализ философских понятий. М., 1966; Арефьева Г. С. Социальная активность. М., 1974; и др.

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 25.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произв. М., 1966, т. 1, с. 14, примеч.

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 25.

²⁰ Там же.

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 7.

идеологическими отношениями), а то, что первично по отношению к общественному сознанию в целом, по отношению ко всем общественным явлениям, включенным в сферу идеологических отношений.

Отражение материального существования — неперемное условие того, чтобы с помощью категории общественного бытия решать основной вопрос философии. Как и бытие, т. е. материя, общественное бытие обладает свойством объективной реальности. Оно представляет собой материальную жизнь общества. Но общественное бытие не тождественно материи вообще. Наряду с общими признаками материи оно характеризуется и специфическими признаками, превращающими его в особое материальное образование. Прежде чем выяснить эту специфику, разберемся в некоторых понятиях.

В советской философской литературе в прошлом, да и сейчас, общественное бытие часто отождествлялось и отождествляется с «общественной материей» («социальной материей»). Правда, имеются и иные толкования этого термина²². Однако сам термин получил достаточно широкое распространение. Вместе с тем термин «общественная материя» вряд ли можно считать удачным. «Основоположники марксизма-ленинизма, — справедливо пишут Б. А. Чагин и В. И. Клушин, — как известно, не употребляли термин «общественная материя», поскольку под материей понимали универсальный носитель всех свойств и отношений»²³. Марксистско-ленинская философия положила конец натуралистическому пониманию материи, выработала подлинно научное определение этой важнейшей категории.

Термин «общественная материя», по нашему мнению, столь же некорректен, как и термины «физическая материя», «химическая материя», «биологическая материя». Для обозначения единства и развития материального мира в научном аппарате марксистско-ленинской философии имеются иные, более адекватные термины: «уровень развития материи», «форма движения материи» и т. д. Важно подчеркнуть и то, что стоящие за этими терминами понятия не имеют гносеологического значения. Понятие социальной формы движения материи, например, — целостная характеристика исторического процесса. Оно включает в свое содержание и общественное сознание, точно так же как биологическая форма движения материи включает в свое содержание высшую нервную деятельность животных.

В качестве социальной формы движения исторический процесс имеет свой материальный субстрат, важное место в котором занимают преобразованные человеком предметы природы. Однако его субстанцию — внутреннюю единую основу — составляют не эти предметы сами по себе, а воплощенный в них общественно необходимый, безличный труд²⁴. Именно живой и овеществленный (материализованный) труд, воплощенный в продуктах труда, создает социальное единство человека и его «неорганического тела», объединяет их в специфическое социальное целое. На ос-

нове такого целого и обнаруживают себя первичные связи — материальные общественные отношения. Если материальный субстрат исторического процесса в равной мере характеризует и первичное и вторичное, то его субстанция непосредственно представляет собой только первичное. Производство и воспроизводство этой субстанции составляют исключительное свойство общественного бытия, то, что отличает общественное бытие от всех других материальных образований.

Преобразованная человеком природа сама по себе продолжает оставаться бытием (материей). Она функционирует в качестве общественного бытия, которое не сводится к каким-либо отдельным свойствам материи, только тогда, когда представлена в системе материальных общественных отношений. Недооценка данного положения ведет к отождествлению социологического подхода с натуралистическим, общественного бытия — с бытием вообще. Соответственно и предметные элементы общественного бытия должны удовлетворять двум условиям: во-первых, быть материальными образованиями, во-вторых, функционировать в системе материальных общественных отношений, причем функционировать в виде объекта этих отношений. Последнее замечание весьма важно, ибо человек — элемент общественного бытия не сам по себе, а лишь постольку, поскольку представляет собой общественную производительную силу, поскольку его живой и овеществленный труд выступает как объект, по поводу которого складываются материальные общественные отношения. Но материальное в жизни общества не исчерпывается общественным бытием.

Нет, в частности, необходимости сомневаться в материальности вооруженных сил или, к примеру, органов хозяйственно-организаторской деятельности социалистического государства. Говоря о революционной партии рабочего класса, В. И. Ленин обращал внимание на то, что идейное единство на основе принципов марксизма должно быть закреплено «материальным единством организации»²². Вместе с тем нельзя не видеть и того, что сущность учреждений надстройки раскрывает не их вещественный атрибут, хотя он играет немаловажную роль, а экономический базис, выражением и отражением которого они являются. Вещественный атрибут надстройки не может функционировать независимо от общественного сознания. Он всецело охвачен идеологическими отношениями, выступает как материальный субстрат вторичных общественных явлений. Поэтому противоположность материальных образований надстройки и общественного сознания

²² См.: Категории социальной диалектики. Минск, 1978.

²³ Чагин Б. А., Клушин В. И. Борьба за исторический материализм в СССР в 20-е годы. Л., 1975, с. 334.

²⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 46, 200; т. 26, ч. I, с. 153, 154; т. 46, ч. II, с. 176 и др.

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 8, с. 404.

лежит за пределами основного вопроса философии применительно к общественной жизни.

В самой исторической действительности общественное бытие неотделимо от общественного способа производства материальной жизни. Однако общественное бытие не тождественно способу производства, и речь в данном случае идет не просто об объеме и содержании понятий, а о самом уровне отражения исторической действительности, что уже специально рассматривалось в предшествующей главе. Представлять дело иначе — значит упрощать проблему, создавать почву для различного рода буржуазных и ревизионистских копструкций, извращающих саму суть материалистического понимания истории.

Буржуазный марксолог III. Авишери, примыкающий к направлению так называемого «праксиса», в частности, утверждает, будто общественное бытие не имеет ничего общего с бытием как материей, ибо производительные силы включают и человеческий фактор, наделенный сознанием. Поэтому, считает он, различие между общественным бытием и сознанием (материальной базой и надстройкой — понятиями, синонимичными в его представлениях понятиям общественного бытия и сознания) не является различием между материей и духом. Оно выступает в качестве различия «между сознательной человеческой деятельностью, направленной на создание и сохранение условий человеческой жизни, и человеческим сознанием, которое дает возможность разумно мыслить, обеспечивает рациональный подход...»²⁶. Короче, исторический материализм в его интерпретации не имеет никакого отношения к основному вопросу философии.

Решительно отвергая подобного рода рассуждения теоретиков «аутентичного марксизма», необходимо еще раз подчеркнуть, что общественное бытие и общественный способ производства — категории, относящиеся к различным категориальным рядам²⁷. Способ производства материальной жизни представляет собой относительную противоположность материи и сознания. Непременной характеристикой такой его стороны, как производительные силы, выступают производственный опыт, трудовые навыки, технологические и экономические знания, включая в современных условиях сознательное использование достижений науки. В отличие от способа производства материальной жизни общественное бытие выражает абсолютную противоположность материи и сознания. Оно представляет собой материальный производственный процесс, взятый сам по себе в качестве объективной реальности. Поэтому и само развитие общественного бытия выступает, по замечанию В. И. Ленина, в виде объективной логики хозяйственной эволюции²⁸. Надо также иметь в виду и другое: общественное бытие — не только материальный производственный процесс в его непосредственном значении, но и обусловленные общественной формой этого процесса материальные процессы распределения, обращения (обмена) и потребления материальных жизненных средств.

Применительно к общественному бытию материальные общественные отношения как бы очерчивают круг включенных в него явлений. Вместе с тем, будучи общественной формой материально-производственной деятельности людей, они выражают сущность общественного бытия. Что же касается предметных элементов общественного бытия, то сформулированным требованиям удовлетворяют: человек как производительная сила, средства производства, в том числе первичные (непосредственно вырывающиеся из природных связей и таким путем соединяемые с живым трудом) предметы труда и средства общественного и индивидуально-личного (личного) непроизводительного потребления.

Какого бы уровня ни достигло развитие исторического процесса, в любых исторических условиях, включая коммунистическую общественно-экономическую формацию, общественное бытие по своей естественноисторической обусловленности всегда будет независимым от общественного сознания. Первичность общественного бытия и вторичность общественного сознания — всеобщий коренной принцип материалистического понимания истории.

2. Соотносительность общественного бытия и общественного сознания, их взаимодействие

В марксистско-ленинской литературе достаточно подробно освещены содержание общественного сознания, его структура, закономерности функционирования и развития²⁶. И все же многие вопросы общественного сознания, в том числе и его определение, еще не получили должного обоснования. Это связано с рядом причин: со сложностью духовных явлений, их разнообразием, все новыми и новыми требованиями со стороны общественной практики к познанию духовной жизни общества, а также с недостаточной разработанностью методологических проблем исследования общественного сознания.

²⁶ См.: *Avineris S.* The Social and Political Thought of Karl Marx, p. 76.

²⁷ См.: *Барулин В. С.* Соотношение материального и идеального в обществе. М., 1977.

²⁸ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 18, с. 345.

²⁹ См.: *Келле В. Ж., Ковальзон М. Я.* Формы общественного сознания. М., 1959; *Гак Г. М.* Учение об общественном сознании в свете теории познания. М., 1960; *Уледов А. К.* Структура общественного сознания. М., 1968; *Он же.* Духовная жизнь общества. М., 1980; *Демичев В. А.* Общественное бытие и общественное сознание, механизм их взаимосвязи. Кипинев, 1969; *Тугаринов В. П.* Философия сознания. М., 1971; *Журавлев В. В.* Проблемы духовной жизни общества. Ростов-на-Дону, 1972; *Он же.* Проблемы духовной жизни развитого социализма. М., 1980; *Анищенко А. И.* Структура общественного сознания. М., 1973; *Николаева Л. В.* Общественное сознание и его структура. М., 1973; *Иванов В.* Идеология: характер и закономерности развития. М., 1977; *Биккенин Н. Б.* Социалистическая идеология. М., 1978; *Яковлев М. В.* Идеология: Противоположность марксистско-ленинской и буржуазной концепций. М., 1979; *Бурдина А. И.* Общественное сознание как проблема диалектического и исторического материализма. М., 1979; и др.

Исторический материализм призван раскрыть основные аспекты исследования общественного сознания, выяснить категориальное значение понятия «общественное сознание», обосновать критерии структурирования общественного сознания и решить другие проблемы, имеющие общеметодологическое значение в исследовании духовных процессов. На названных проблемах, уже поднимавшихся в литературе, но еще не получивших должного решения, мы главным образом и остановимся.

Идея о необходимости исследования общественного сознания в различных аспектах (гносеологическом, социологическом, историческом и т. п.) получает все более широкое распространение и обоснование. Так, В. А. Ребрин в книге «Методологические проблемы социалистического общественного сознания» справедливо утверждает, что только многоаспектный анализ позволяет всесторонне раскрыть изучаемое явление. Выясняя, почему важно наряду с гносеологическим применять к анализу общественного сознания и социологический подход, он пришел к выводу, что применение такого подхода позволяет выявить характеристику общественного сознания по способу его существования. Духовная жизнь, как он считает, и представляет собой способ существования общественного сознания, его «материальный субстрат»³⁰. Суть развиваемой им концепции состоит в том, что понятия «общественное сознание» и «духовная жизнь» общества обозначают одну и ту же духовную реальность. Духовная реальность, анализируемая в гносеологическом аспекте, выступает как общественное сознание, в социологическом — как духовная жизнь общества. Все, таким образом, зависит от аспекта анализа. Отсюда и утверждение: «... В социолого-онтологическом отношении функционирующее общественное сознание... и есть духовная жизнь общества»³¹.

Приведенное утверждение весьма уязвимо в методологическом отношении. Дело в том, что аспекты рассмотрения явления не могут изменять содержания самого явления. Содержание общественного сознания, в каком бы аспекте мы его ни анализировали, остается одним и тем же. Многоаспектный анализ позволяет подметить лишь разные его стороны, составить о нем полное представление, но само оно остается тем же общественным сознанием, т. е. определенной совокупностью идей и взглядов, представлений и мнений людей и т. д. Рассматривая общественное сознание в социологическом аспекте, автор расширяет содержание этого понятия и включает в него объективированные формы проявления духовного, социальные институты, производящие идеи и взгляды и распространяющие их в обществе, идеологические отношения. Подобное расширение содержания общественного сознания неправомерно.

Общественное сознание является гносеологической категорией, ибо все его содержание сводится к отражению общественного бытия. В. И. Ленин, выступая против отождествления общественного сознания с общественным бытием, подчеркивал, что созна-

ние «есть только отражение бытия, в лучшем случае приблизительно верное (адекватное, идеально точное) его отражение»³². Общественное сознание никакого иного содержания не имеет, в каком бы аспекте мы его ни рассматривали. Поэтому вряд ли правомерна постановка вопроса об общественном сознании, взятом само по себе, т. е. «как реальность», хотя в литературе и есть попытки обосновать подобный подход³³.

Согласно взглядам В. П. Тугаринова можно определить понятия материи и сознания без их взаимного соотношения, т. е. до решения основного вопроса философии. В действительности же существенные черты, выраженные в категориях материи и сознания, обнаруживаются только путем противопоставления этих предельно широких понятий (в отличие от понятий, определяемых путем отнесения вида к роду). Именно на это обращал внимание В. И. Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм», отмечая, что «нельзя дать иного определения двух последних понятий гносеологии, кроме как указания на то, которое из них берется за первичное»³⁴.

Ссылка на то, что сознание изучается в онтологическом плане частными науками (психологией, кибернетикой и т. д.), в данном случае неубедительна, поскольку каждая из этих наук исследует не сознание в целом, а его отдельные стороны или свойства и опирается на понятие сознания, выработанное философией. Да и сам В. П. Тугаринов, пытаясь дать онтологическое понятие сознания, по существу определяет его путем противопоставления бытию, т. е. применяя гносеологический подход³⁵.

Абсолютное противопоставление материи и сознания допустимо, на что уже обращалось внимание, в пределах основного вопроса философии. За этими пределами противоположность материи и сознания становится относительной, т. е. сознание выступает лишь как свойство высокоорганизованной материи. Рассматривая сознание как внутреннее состояние такой материи, мы изучаем саму материю в ее многообразных проявлениях, а не самостоятельное существование (онтологию) сознания³⁶.

³⁰ См.: Ребрин В. А. Методологические проблемы социалистического общественного сознания. Новосибирск, 1974, с. 14 и др.

³¹ Там же, с. 46.

³² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 346.

³³ Например, В. П. Тугаринов утверждает, что «все обладающее бытием, т. е. все существующее (в том числе и сознание), может и должно рассматриваться в онтологическом плане» (Философия сознания. М., 1971, с. 35). Он обосновывает необходимость такого подхода следующим образом: «Онтологический подход является *основой* всяких других научных подходов. Так, в философии, прежде чем выяснять отношение между бытием и сознанием, между материей и духом, надо выяснить, что такое материя, что такое сознание и т. д. Ответ на вопрос „что это такое?“ предшествует вопросу „как это относится к нам?“» (Там же, с. 34).

³⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 149.

³⁵ См.: Тугаринов В. П. Философия сознания, с. 38.

³⁶ «У сознания нет самостоятельной онтологии. Оно существует как функция мозга лишь в отношении к объекту. ...Своеобразием сознания явля-

Исследование сознания предполагает выяснение его качественной определенности, существенных черт, которые раскрываются только через соотношение, противопоставление сознания и материи. По этой же причине невозможно дать какие-то независимые друг от друга и не связанные взаимно определения материи и сознания. Это в равной мере относится к определению и общественного бытия, и общественного сознания. Последние выработаны в связи с решением основного вопроса философии применительно к обществу и могут быть определены только путем их диалектического противопоставления, т. е. в гносеологическом аспекте. Поэтому вряд ли можно согласиться с встречающимися в литературе утверждениями о том, что рассматриваемое в онтологическом аспекте общественное сознание (существующая духовная реальность) становится необходимым компонентом общественного бытия как реального процесса жизни³⁷. Хотя вне рамок решения основного вопроса философии абсолютная противоположность между общественным бытием и общественным сознанием снимается, они не утрачивают своих существенных различий.

Общественное сознание, возникнув на основе общественного бытия, включается в виде духовного компонента в трудовой процесс и во все стороны общественной жизни, становится необходимым, существенным моментом всей истории человечества. Сознание сопровождает всякую человеческую деятельность, являясь ее субъективной стороной.

Общественное сознание не только включено в общественную жизнь, но выступает также в роли активной силы, непосредственно побуждающей людей к деятельности и оказывающей тем самым обратное влияние на общественное бытие. Однако в этом взаимодействии важная особенность состоит в том, что во все периоды человеческой истории, в каждой общественно-экономической формации воспроизводится в конечном счете такое соотношение, при котором общественное бытие является материальной, первичной, а общественное сознание — идеальной, производной стороной совокупной человеческой деятельности.

К. Маркс и Ф. Энгельс в своих работах неоднократно подчеркивали диалектический характер взаимосвязи общественного бытия и общественного сознания, их взаимодействие и переходы в свою противоположность. Они определяли сознание как «осознанное бытие» или же как преобразование материального в идеальное. Рассматривая движение, переходы от общественного сознания к общественному бытию, К. Маркс видел в непосредственном процессе производства «применение [знаний], экспериментальную науку, материально творческую и предметно воплощающуюся науку»³⁸, а относительно общественной теории говорил, что, овладевая массами, она становится материальной силой³⁹.

Гносеологический и социологический подходы к общественному сознанию позволяют раскрывать его взаимосвязи с общественным бытием. Гносеологический аспект изучения общественного сознания предусматривает характеристику его в плане отражения,

познания действительности. При этом рассматривается по существу процесс формирования общественного сознания, раскрывается весь механизм познания, где особое место занимает движение идеального от объекта отражения к его субъекту. В этом аспекте общественное сознание выступает продуктом социального познания, результатом «производства» знаний, формирования идей, теорий, суждений, представлений и других духовных образований.

Социологический подход к изучению общественного сознания основывается на анализе обратного движения идей, взглядов т. е. реализации их в историческом процессе, массовом распространении духовных образований; он раскрывает способ превращения идей в материальную силу, формирования активности сознания, его воздействия на общественное бытие, преломление познанного через призму классовых интересов. В этом аспекте в поле зрения исследователя находится как бы обратная связь, т. е. движение от субъекта отражения действительности к его объекту. Это процесс реального функционирования того, что отражено, познано людьми.

Исходным и определяющим выступает гносеологический аспект, поскольку он позволяет прежде всего выяснить истоки процесса отражения и познания, открыть начало формирования тех духовных, идеальных образований, которые мы в конечном счете пазываем общественным сознанием. При этом все внимание сосредоточивается на том, что, как, кем и в какой форме отражается.

Социологический аспект основан на гносеологическом. Он позволяет продолжать изучение общественного сознания в плане его функционирования, выяснения роли в историческом процессе. При социологическом анализе ставится задача дать ответы на вопросы: кто носитель идей, какова их роль в данном обществе, какие функции они выполняют, какой эффект это приносит обществу и т. д. На первый план выдвигается здесь субъект сознания (тот, кому должны принадлежать или принадлежат идеи, взгляды, теории и представления), анализ классового содержания сознания. В этом — единство и вместе с тем особенности гносеологического и социологического аспектов в процессе изучения общественного сознания. Применение их позволяет раскрыть сущностную характеристику общественного сознания. Что же касается онтологического аспекта, то он не ведет к углублению наших

ется то, что оно есть нечто субъективное, идеальное, что оно не имеет самостоятельного бытия вне отношения к своему материальному субстрату — мозгу и объекту отражения. Бытие идеального носит не субстанциональный, а функциональный характер» (Спиркин А. Сознание и самосознание. М., 1972, с. 68, 69). Отсюда следует, что применение онтологического аспекта к изучению сознания некорректно.

³⁷ См.: Демичев В. А. Общественное бытие и общественное сознание, механизм их взаимосвязи, с. 120.

³⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 221.

³⁹ См.: Там же, т. 1, с. 422.

представлений относительно общественного сознания, ибо последнее не имеет самостоятельного бытия.

Однако сама постановка вопроса об онтологическом аспекте содержит рациональное зерно. Дело в том, что исследование духовной жизни не только возможно, но и необходимо в онтологическом аспекте. Духовная жизнь — это форма, способ жизнедеятельности людей, их реального бытия, в котором духовное выступает в единстве с материальным. Как способ жизнедеятельности духовная жизнь соотносится с материальной, в которой материальное выступает в единстве с духовным. В этих двух основных формах протекает вся человеческая жизнь. Особенность их в том, что если материальная жизнь включает в себя духовное как средство выражения материального, то духовная жизнь осуществляется с помощью материального.

Исследователи, взявшие на вооружение онтологический аспект анализа общественного сознания, высказывают много интересных суждений, рассматривая, например, науку, мораль, искусство не только в качестве форм сознания, но и видов деятельности, видов духовно-практического овладения миром. В то же время они оговариваются, что духовная жизнь не выходит за рамки общественного сознания, что она есть лишь функция общественного сознания⁴⁰. Методологический просчет исследователей состоит здесь в том, что они не замечают перехода с одного уровня анализа — общественное сознание и общественное бытие — на другой — духовная жизнь и материальная жизнь — и потому не соотносят духовную жизнь с материальной, а пытаются дать характеристику духовной жизни через соотнесение ее с общественным сознанием, перенося на первую все особенности второго.

Общественное сознание и духовная жизнь — это, строго говоря, не соотносительные, а сравнительные, дополняющие друг друга понятия. Их важно сопоставлять для подчеркивания категориального значения, которым они обладают. Сравнение позволяет подметить, что у общественного сознания нет «механизмов и аппаратов», его составляют лишь идеи, взгляды, теории, мнения и т. д., т. е. идеальные продукты духовного производства. Но чтобы разобраться в общественном сознании как процессе и результате отражения, нужно окунуться в духовную жизнь людей, их духовное производство, духовное общение и т. п., т. е. более богатое и широкое социальное образование.

Использование гносеологического и социологического аспектов анализа позволяет глубже раскрыть взаимодействие общественного сознания и общественного бытия. Важнейшим из законов их функционирования и развития является закон соответствия общественного сознания общественному бытию. Сущность его состоит в постоянном приспособлении общественного сознания к общественному бытию, в процессе которого общественное сознание изменяется и способствует изменению общественного бытия. На наличие такого объективного закона обращал внимание

В. И. Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм». Он подчеркивал, что сознание должно быть критически приспособлено к постоянно изменяющемуся общественному бытию людей⁴¹.

Закон соответствия общественного сознания общественному бытию находит свое проявление в таких тенденциях, как отставание первого от второго, неравномерность развития тех или иных сторон сознания, «опережение» передовым сознанием состояния общественного бытия и др.

Анализ исторического процесса позволяет судить, что в антагонистических общественно-экономических формациях общественное сознание не выражает достаточно полно и адекватно общественное бытие людей; оно всегда содержит массу иллюзий и заблуждений. Социальная причина такого положения коренится в том, что сознание господствующих эксплуататорских классов, закрепляющее их узкоклассовые интересы, навязывается другим классам. Эксплуататорские классы, когда это им выгодно, реальные отношения между людьми вуалируют философскими, религиозными, правовыми, нравственными и иными представлениями. Распространение идеалистических взглядов на историю, согласно которым идеи составляют сущность исторического процесса, государство определяет «гражданское общество», социальные нормы имеют божественное происхождение и т. п., служит тому примером.

Во всех классово-антагонистических формациях весьма остро проявляется отставание сознания от бытия. Господствующие идеи никогда сколько-нибудь полно не соответствовали общественному бытию. Так, в период восходящего развития капитализма его идеологи безмерно идеализировали капитализм. В современных условиях, когда капитализм переживает период своего упадка, его апологеты приукрашивают буржуазный строй, скрывают тот факт, что капитализм превратился в тормоз общественного прогресса. По буржуазному общественному сознанию трудно составить сколько-нибудь адекватное представление об общественном бытии.

Тенденция отставания общественного сознания от общественного бытия обнаруживает себя, как будет показано ниже, и при социализме. Однако она не является преобладающей в их взаимодействии. Для социализма характерно именно соответствие между общественным бытием и общественным сознанием. Становление социализма как новой общественной системы — это период формирования нового общественного бытия и общественного сознания и установления соответствия между ними. Реализация такого соответствия означала, что в общественном бытии воплощались идеи научного коммунизма, т. е. материальные общественные отношения складывались под воздействием научно обоснован-

⁴⁰ См.: *Рибрин В. А.* Методологические проблемы социалистического общественного сознания, с. 54.

⁴¹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 18, с. 345.

ной политики. В то же время сами теоретические представления о социализме уточнялись на основе практики строительства нового общества и получали все более широкое распространение среди трудящихся. Победа социализма в экономической, социальной и политической жизни общества означала вместе с тем и победу в духовной жизни, установление необходимого соответствия между социалистическим общественным сознанием и социалистическим общественным бытием. В период развитого социализма реализация данного положения становится все более отчетливой.

Общественному сознанию присуща неравномерность развития его сторон. Проявление такой тенденции обуславливается неодинаковой связью компонентов системы общественного сознания с общественным бытием, в особенности с тем, что одни из них непосредственно связаны с бытием и соответственно отражают его, а другие лишь в конечном счете определяются общественным бытием. Примером тому могут служить политическое сознание и сознание философское. Первое из них тесно связано с экономикой, второе, напротив, удалено от своего материального основания. Поэтому переворот в философском сознании людей классового общества начинается, как правило, с изменения их политического сознания. Неравномерность в развитии общественного сознания во многом обуславливается также различной развитостью тех или иных видов деятельности людей и общественных отношений, с которыми связаны определенные духовные образования. Развитие науки, например, в большой степени зависит от состояния материально-технической базы общества, от уровня зрелости общественных отношений, стимулирующих или, напротив, тормозящих ее развитие.

Соответствие общественного сознания общественному бытию обнаруживает себя и через тенденцию «опережения» сознанием бытия. Данной тенденции, как и другим, присущи свои особенности проявления в различных обществах. Во всех антагонистических формациях лишь сознание прогрессивных классов могло «опережать» общественное бытие, причем «опережать» до тех пор, пока интересы этих классов совпадали с исторической необходимостью. Поэтому проявление тенденции опережения в развитии общественного сознания имело крайне ограниченный характер. В условиях социализма интересы классов и вообще всех социальных групп и общества в целом совпадают с исторической необходимостью. Отсюда и тенденция «опережения» общественным сознанием общественного бытия получает простор для своего действия. Общественное сознание становится способным предвидеть развертывание исторического процесса, направлять деятельность людей в соответствии с научно обоснованными планами экономического, социального, политического и духовного развития общества. Предвидение составляет суть «опережения» общественным сознанием общественного бытия.

Закон соответствия общественного сознания общественному

бытию находит свое выражение и в активном обратном воздействии общественного сознания на общественное бытие. Активность общественного сознания обнаруживает себя в избирательном отражении, в способности прогнозирования будущего и других моментах, связанных с осознанием общественного бытия, тенденций его развития. Главным образом она проявляется в стимулировании действий и поступков классов и других социальных групп общества в сфере экономической (материальной) жизни. Когда те или иные идеи и взгляды начинают побуждать людей к определенной деятельности, служат ее стимулами, то это и позволяет говорить об активности сознания, его влиянии на деятельность и отношения между людьми. Активность сознания и социальная активность (производственная, общественная и т. д.) тесно взаимосвязаны между собой. Активность общественного сознания опирается на социальную активность, а последняя в качестве своей предпосылки имеет активность сознания. Их важно рассматривать в единстве потому, что активность общественного сознания проявляется через деятельность людей, их отношения в экономической и других сферах жизни общества.

Общественное сознание становится активной силой тогда, когда оно превращается в «материальную силу», т. е. побуждает массы к деятельности. Так, превращение коммунистических идей в руководство для общественно-исторической практики означает не что иное, как превращение их в «материальную силу». Идеологическая деятельность повышает активность сознания, которая дает о себе знать через определенные идейные, социально-психологические состояния, в частности общественные настроения, мнения и др., реализуемые в деятельности масс, в социальной активности.

На этапе развитого социализма возрастание активности общественного сознания обусловливается совпадением влияния общественного бытия на сознание людей и целенаправленного его формирования через идейно-воспитательную деятельность коммунистической партии. Идеологическая деятельность разворачивается здесь в том же направлении, в каком влияют на развитие общественного сознания и объективные факторы. Социалистическое общественное бытие способствует развитию сознания людей, а целенаправленная идеологическая деятельность партии, с одной стороны, ускоряет этот процесс путем обобщения опыта масс, их мыслей и чувств, а с другой — направляет влияние общественного сознания на общественное бытие, усиливает его действенность. Повышение уровня идеологической, политико-воспитательной работы — непреложное требование успешного решения всех задач коммунистического строительства⁴².

Приведенные выше положения об общественном сознании как отражении общественного бытия, об обусловленности общественного сознания общественным бытием, об их взаимодействии как

⁴² См.: Материалы XXVI съезда КПСС, М., 1981, с. 75.

раз и выражают категориальный смысл общественного сознания. Сравнение же общественного сознания с такими понятиями, как «сознание», «социальное познание», «сознание общества», позволяет подчеркнуть его категориальное значение. Указанное сопоставление (в особенности с двумя последними понятиями) важно потому, что в настоящее время общественное сознание часто отождествляется не столько с духовной жизнью, сколько с социальным познанием и сознанием общества.

Категория «сознание» выработана в материализме для обозначения вторичности идеального, вторичности мышления, сознания, духа по отношению к первичному — материальному, объективно-реальному бытию, материи во всех ее многообразных проявлениях. Напомним, что категория «сознание вообще» применяется В. И. Лениным в соотнесении с парной категорией «бытие вообще»⁴³. В этом смысле сознание рассматривается в плане общей теории познания, отражения всех форм движения материи, в том числе и высшей ее формы — социальной, которая имеет в рамках целого свои специфические особенности.

Общественное сознание, равно как и общественное бытие, выступает по отношению к сознанию вообще и бытию вообще как особенное в его отношении ко всеобщему, а не как рядопологающее. «Сознание вообще», как отмечал В. И. Ленин, отражает «бытие вообще». Это общее положение всего материализма. В плане же исторического материализма общественное сознание отражает общественное бытие. Категория «сознание вообще» обозначает всеобще-конкретное свойство высокоорганизованной материи, способной отражать и познавать окружающий человека мир. Сознание вообще, отражая и познавая материальный мир, материальное бытие (бытие в целом) дает нам многообразие духовных образований, которые составляют содержание понятия «идеальное». Здесь идеальное как вторичное соотносится с материальным как первичным. Сознание вообще, познавая и отражая общественное бытие, дает нам уже специфически идеальное — общественное сознание. Сравнение понятий «сознание вообще» и «общественное сознание» позволяет, следовательно, резко, определенней подчеркнуть категориальное значение общественного сознания как отражения общественного бытия.

При сравнении социального (общественного) познания и общественного сознания важно прежде всего исходить из различий познания и сознания. Известно, что эти понятия очень близки и в то же время не тождественны между собой. Познание является процессом приобретения и развития знаний, а сознание — выражением отношения людей к своему бытию. Сознание по мере развития познания обогащается знаниями, опирается на них. Для того чтобы выразить свое отношение к вещам, людям надо что-то о них знать, иметь это в сознании, т. е. иметь знания. Уровень сформировавшегося сознания определяется достигнутым знанием, глубиной понимания и степенью осознания бытия. Сознание, согласно выводу К. Маркса и Ф. Энгельса, не может быть

чем-либо иным, как осознанным бытием⁴⁴. Следовательно, формирование сознания есть процесс осознания, непрерывного обогащения новым знанием. Если результатом познания является объективное знание, то сознание включает в свое содержание не только знания, но и переживания, настроения, мнения и т. п. Сознание или осознание как бы продолжает познание и вместе с тем завершает его. В свою очередь познание существует благодаря сознанию, его способности отражать окружающий мир. Познание и сознание органически связаны между собой.

Познание выступает в формах естественнонаучного и социального познания. Естественнонаучное познание разрабатывает систему знаний о природе, а социальное — систему знаний об обществе. В. И. Ленин, различая названные формы познания, писал: «Точно так же, как познание человека отражает независимо от него существующую природу, т. е. развивающуюся материю, так общественное познание человека (т. е. разные взгляды и учения философские, религиозные, политические и т. п.) отражает экономический строй общества»⁴⁵.

Движущей силой развития естественнонаучного и социального познания выступает общественная потребность, которую Ф. Энгельс называл «главной пружиной прогресса в познании...»⁴⁶. То и другое познание социально обусловлено. Субъектом их выступает общество. В этом проявляется их общность. Однако наличие общности не снимает различий между естественнонаучным и социальным познанием. Коренное их различие детерминировано объектом познания: природой — в одном случае и обществом — в другом.

Нас в данном случае интересуют естественнонаучное познание и социальное познание не сами по себе, не различия между ними, а их отношения к общественному сознанию. Перед исследователями возникает вопрос о том, относятся ли естественнонаучные знания (естествознание) к общественному сознанию или не относятся. При решении его взгляды исследователей разделились, причем утверждения и тех, кто включает естествознание в содержание общественного сознания, и тех, кто возражает против такого включения, довольно аргументированны⁴⁷.

На наш взгляд, решение возникшего вопроса возможно лишь на пути сравнения человеческого познания в целом (а не только познания естественнонаучного) с общественным сознанием. Нелогично отделять естествознание от обществознания, ибо они выступают формами единого познания. Общественное сознание основывается на познании (естественнонаучном и социальном), и в этом смысле мы не можем не видеть общего между ними, ибо

⁴³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 343.

⁴⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 25.

⁴⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 44.

⁴⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 37, с. 419.

⁴⁷ См.: Арефьева Г. С., Вербил А. И. Сущность материалистического понимания истории. — Философские науки, 1978, № 3, с. 144—145.

общественное сознание, будучи осознанием общественного бытия, отношением к нему, непременно включает в свое содержание те или иные знания и об обществе, и о природе. В то же время научное познание общества, а тем более природы не может сразу входить в общественное сознание во всем своем объеме. Полученные знания о действительном далеко не сразу и далеко не всегда усваиваются общественным сознанием, становятся его достоянием. Между ними сохраняются различия.

Следовательно, естествознание не включается полностью в содержание общественного сознания не только потому (как принято считать), что у них разные объекты отражения — в одном случае природное, а в другом — общественное бытие, а и потому, что познание и сознание не совпадают между собой. По причине такого несовпадения и общественное знание безоговорочно не включается в содержание общественного сознания. Видимо, нет принципиальных различий между естествознанием и общественным знанием в их отношении к общественному сознанию. И все же вопрос об отношении социального (общественного) познания к общественному сознанию требует более подробного обсуждения.

В основе социального познания лежит общественная потребность в знаниях. Характер этой потребности во многом определяет объект познания и сознания. Объектом такого познания является все многообразие сторон как общественного бытия, так и общественного сознания. Объект же общественного сознания в строгом смысле слова ограничен рамками общественного бытия. Если данных различий не учитывать, то понятие «сознание» становится тождественным «знанию» и результат познания может быть сведен лишь к системе наук и ограничен ею. В действительности же имеет место дифференциация и интеграция наук и вместе с тем дифференциация (по видам) и интеграция (по сферам) общественного сознания. Политические, нравственные, правовые и т. д. формы (виды) сознания существуют не только для того, чтобы удовлетворять потребности общества в соответствующих знаниях. Кроме познавательных, они имеют и другие функции. В свою очередь общественные науки — политическая экономия, правовая наука, этика и т. п. — вызваны к жизни потребностями общественной практики и развитием общественного сознания. Без науки, без добытых ею объективных знаний общественное сознание носило бы утилитарный характер, сводилось бы лишь к обыденному осознанию бытия. Вместе с тем это не дает основания безоговорочно включать общественные науки в общественное сознание или сводить последнее к общественному знанию.

Знания общества — это вся система естественных, технических и общественных наук. Знания, добытые людьми и принадлежащие обществу, переходят в общественное сознание. Однако не всякие знания переходят в это новое качественное состояние — часть из них может по-прежнему оставаться в качестве продукта познания и выступать идеальным образованием в содержании духовной жизни и не входить в содержание общественного сознания.

Ученый, проникая в сложные явления окружающего мира, открывая неизвестные ранее свойства, связи и соотношения действительности, дает обществу новые знания. И если эти знания объективны, они непременно увеличивают духовный потенциал общества и потому не могут оставаться только знанием, достоянием ученых и специалистов. Переход новых знаний в общественное сознание осуществляется по мере того, как они получают распространение и способствуют осознанию общественного бытия. Общественное бытие есть мерило, граница общественного сознания. И лишь постольку, поскольку научные знания связаны с осознанием общественного бытия, они включаются в содержание общественного сознания.

С отношением общественного сознания к познанию, в особенности к социальному познанию, к знаниям как продукту познания связан вопрос и об отношении его к сознанию общества. Общественное сознание и сознание общества не совпадают между собой, и их различие также позволяет подчеркнуть категориальное значение понятия «общественное сознание».

Сознание общества есть духовная реальность во всем своем богатстве и разнообразии содержания идей, взглядов, представлений, мнений и т. д., присущая обществу в исторически конкретный период времени. Понятие «сознание общества» очень близко по своему смысловому значению понятию «общественное сознание». Но эти понятия характеризуют духовную реальность в разных отношениях. Понятие «общественное сознание» выработано для обозначения духовной реальности, представляющей собой отражение общественного бытия — вторичного, производного от него явления. Понятие же «сознание общества» выработано для обозначения духовной реальности в ее включенности в исторический процесс, т. е. в жизнедеятельность людей в целом. Если виды общественного сознания (политическое сознание, нравственное, философское и т. д.) различаются между собой главным образом по предмету и способу отражения, то сознание, включенное в жизнедеятельность людей (сознание общества), составляют прежде всего образования, различающиеся по своему субъекту (сознание класса, сознание нации, сознание народа или, например, сознание трудового коллектива и других групп людей), по своей распространенности в рамках общности (специализированное и массовое сознание), по конкретным состояниям (мировоззрение, мнение, духовная атмосфера, социальные нормы, традиции и т. п.). Сознание общества охватывает собой ту часть знаний общества, которая в силу общественной потребности реализовалась в историческом процессе и тем самым «внедрилась» в массовое сознание, а также и унаследованные из прошлого и функционирующие в обществе взгляды и представления, привычки и традиции.

Понятие «сознание общества» не есть рядоположенное с понятием «общественное сознание» и «общественное бытие». На наш взгляд, его следует соотносить со сферами жизнедеятельно-

сти общества. Сознание здесь выступает как внутренний элемент жизнедеятельности, образа жизни людей. Однако это не значит, что оно не связано с общественным сознанием. Напротив, оно выступает тем полем, где проявляется общественное сознание, в особенности его активная роль в обществе. На сознание общества как сознание, включенное в жизнедеятельность масс, в полной мере распространяется уже упоминавшееся нами ленинское положение о том, что «сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его»⁴⁸. Активность сознания проявляется в его соотношении с общественным бытием. В существующей литературе по общественному сознанию как раз и выделяются его функции и роль в обществе. Но с еще большим основанием можно говорить об активности сознания, когда идет речь о сознании общества, его включенности в реальные сферы жизни людей. Сознание в этом случае выступает как необходимый компонент деятельности и отношений людей, как характеристика субъективного фактора общественной жизни.

Понятие «сознание общества» отражает явления сознания главным образом под углом зрения их субъектов, тогда как понятие «общественное сознание» — их объектов. Выражая сознание определенных субъектов, понятие «сознание общества» предполагает производство, распределение, обмен, потребление идей, взглядов, представлений и других духовных образований, их служебную роль, т. е. духовную жизнь общества. Оно выступает в этом случае состоянием духовной жизни, более или менее адекватным ее выражением, позволяющим судить о мировоззрении, мнениях, настроениях и т. д. людей. Выражение состояний духовной жизни является одним из существенных доводов в пользу введения в научный обиход понятия «сознание общества».

Понятие «сознание общества» приобретает свой реальный смысл в случае, когда заходит речь о сознании исторически конкретного общества с присущими ему особенностями. Общим основанием выделения исторических типов общественного сознания выступает тип общественного бытия. Анализ сознания общества является конкретизацией типологии общественного сознания. Особенности типов общественного сознания, определяемые общественным бытием, носят довольно общий характер. Они сводятся главным образом к выражению зависимости общественного сознания от объекта отражения, прежде всего от господствующих в обществе производственных отношений, и обнаруживаются в определенном соотношении быденного и научно-теоретического сознания, в наличии или отсутствии тех или иных видов сознания, различающихся по предмету и способу отражения и т. п. Типология сознания общества в конечном счете также обуславливается общественным бытием, но при ее характеристике первостепенную роль начинают играть уже субъекты сознания.

Типология сознания общества как бы надстраивается над типологией общественного сознания, и в ней акценты смещаются в сторону субъектов, носителей духовных образований. Особенно-

сти типов сознания общества находятся в зависимости уже не столько от объекта отражения, сколько от субъектов сознания, их интересов. Такого рода зависимость делает необходимым исследование социальной структуры общества, ибо только через анализ социальных субъектов и их отношений становится возможным познание содержания, структуры и роли определенных типов сознания общества. Так, с делением общества на классы подразделяется и его сознание на сознание различных классов, а раздвоенность содержания сознания на объективно-истинное и извращенное закрепляется интересами эксплуататорских классов. С приходом на смену антагонистическому обществу общества, которое составляют социалистические по своей природе дружественные классы, утверждается и новый тип сознания.

Таким образом, категориальное значение понятия «общественное сознание» определяется его соотношением с общественным бытием. Оно есть по своей сущности осознание (отражение, понимание, усвоение) общественного бытия (классом, социальной группой, обществом в целом) и отношение к нему. Краткое сравнение общественного сознания с понятиями «сознание», «социальное (общественное) познание», «сознание общества» лишь позволяет отчетливее подчеркнуть его категориальное значение.

3. Структура общественного сознания, его историчность

В современной литературе еще не сложилось единой трактовки структуры общественного сознания. Отсутствие единых критериев структурирования и четкости в анализе аспектов структуры (гносеологического, социологического, конкретно-исторического и др.) приводит к тому, что исследователями выделяется различное число элементов общественного сознания, дается им неодинаковая по содержанию характеристика и т. д.⁴⁸ Выделение

⁴⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 194.

⁴⁹ Если проследить в историческом аспекте выделение форм (видов) сознания, то их компонентный состав выглядит следующим образом. В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзон насчитывают семь форм общественного сознания: политическую идеологию, правосознание, мораль, религию, науку, искусство, философию (см.: Келле В., Ковальзон М. Формы общественного сознания. М., 1959). При этом заметим, что естествознание ими относится к общественному сознанию. По мнению Г. М. Гака, специфическими формами общественного сознания являются: политическое, правовое, нравственное, художественное, философское, религиозное сознание (см.: Гак Г. М. Учение об общественном сознании в свете теории познания. М., 1960, с. 92). В. А. Демичев выделяет девять форм общественного сознания: природознание, экономическое сознание, политическое сознание, правовое сознание, педагогическое сознание, нравственность, эстетическое сознание, мировоззрение, религия (см.: Демичев В. А. Общественное бытие и общественное сознание, механизм их взаимосвязи). Из работы данного автора неясно, какой же критерий лежит в основе предложенной структуры. Такое разнообразие компонентов пред-

элементов представляет собой лишь одну из сторон структурирования общественного сознания. Другую его сторону составляет исследование взаимосвязей между выделенными элементами, присущих им закономерностей. Исследование закономерностей общественного сознания является, пожалуй, не менее слабым звеном, чем выделение его компонентов⁵⁰.

Решение проблемы структурирования общественного сознания связано главным образом с обоснованием критериев, которыми следует руководствоваться при выделении элементов общественного сознания и анализе связей между ними. В гносеологическом аспекте анализа в качестве таких критериев используются предмет отражения и способ отражения и в соответствии с ними выделяются формы общественного сознания (политическое сознание, нравственное, художественное и т. п.). Применение названных критериев позволяет составить самое общее представление о структуре общественного сознания⁵¹. Однако они оказались недостаточными, чтобы раскрыть структуру общественного сознания во всей ее полноте. Новым шагом в решении рассматриваемой проблемы стало, по нашему мнению, выделение социологического аспекта анализа общественного сознания, выдвинувшего вопрос о таких критериях его структурирования, как деятельность и общественные отношения.

В принципе можно признать, что структура общественного сознания соответствует структуре общественных отношений. Политическим отношениям, например, соответствует политическое сознание, нравственным — моральное сознание и т. д. Однако применение названного критерия сопряжено с немалыми трудностями, обусловленными неразработанностью проблемы соотношения общественных отношений и отношений в обществе, включающих наряду с экономическими, политическими, нравственными и т. д. отношениями и особую группу отношений, названных в книге организационными, — организационно-технологическими и организационно-управленческими. В качестве критерия структурирования общественного сознания «работают» и виды деятельности людей, направленные на производство и распространение идей, взглядов и др. Пользуясь данным критерием, чаще всего выделяют три сферы общественного сознания — науку, идеологию и общественную психологию.

Однако правомерно ли при анализе структуры общественного сознания в одном случае отдавать предпочтение отношениям, в другом — деятельности? Ведь нередко именно это и приводит к различным толкованиям структуры общественного сознания. Усугубляется проблема еще и тем, что распространено немало противоречивых суждений о соотношении человеческой деятельности и общественных отношений. Иногда они отождествляются между собой⁵², или, напротив, содержание деятельности не связывается с общественными отношениями⁵³. Отсутствие ясности в понимании этой проблемы ведет и к утверждениям, будто концепция структурирования общественного сознания в зависи-

мости от видов деятельности вообще лишена оснований. Правда, сторонники такой точки зрения не соглашались и с исключением из анализа сознания деятельности, практики⁵⁴.

На наш взгляд, общественные отношения и деятельность являются достаточно универсальными критериями структурирования общественного сознания. Они в равной мере применимы как при социологическом, так и при гносеологическом анализе духовных образований. Правда, здесь возникают вопросы, касающиеся зависимости между общественными отношениями и деятельностью, с одной стороны, и общественным сознанием — с другой, вопросы соотношения общественных отношений и деятельности с содержанием общественного бытия и т. д. Остановимся на вопросе о взаимосвязи общественных отношений, деятельности и общественного сознания.

Деятельность и общественные отношения всегда представляют собой определенное единство. Они не существуют в отдельности: деятельность предполагает отношения, отношения — деятельность. Человеческая деятельность, как известно, весьма разнообразна. В ее структуре выделяются материально-производственная, социально-преобразующая, воспитательно-педагогическая, медицинская, духовно-познавательная, художественная, управленческо-административная и многие другие виды⁵⁵. Однако такого же, т. е. соответствующего данным видам человеческой деятельности, набора общественных отношений нет. Общественные отношения выражают социальные (на уровне общества) связи (прямые и опосредованные) людей. Эти связи, конечно, не могут существовать вне деятельности, однако деятельности не всякой, а социально-значимой — деятельности классов и других социальных групп общества.

При структурировании общественного сознания важно опираться на диалектику деятельности и отношений. Возникая в процессе человеческой деятельности, общественные отношения, на что уже обращалось внимание во втором разделе книги, обращают в свою очередь значение общественной формы, а вместе

ставлено автором, очевидно, еще и потому, что им очень расширительно понимается общественное бытие, отражением которого является общественное сознание.

⁵⁰ См.: Журавлев В. В. Основные закономерности развития коммунистического общественного сознания. Ростов-на-Дону, 1966; Грьдев Д. Законы на общественото съзнание. София, 1976.

⁵¹ См.: Келле В., Ковальзон М. Формы общественного сознания. М., 1959; Формы общественного сознания. М., 1960.

⁵² См.: Перфильев М. И. Общественные отношения. Л., 1974.

⁵³ См.: Казан М. С. Человеческая деятельность (опыт системного анализа). М., 1974.

⁵⁴ См.: Степанян Э. Х. Общественные отношения, сознание, деятельность. — Вестн. МГУ. Сер. Философия, 1976, № 6.

⁵⁵ См.: Кветной М. С. Человеческая деятельность, сущность, структура, типы (социологический аспект). Саратов, 1974; Воронович Б. А., Плетников Ю. К. Категория деятельности в историческом материализме. М., 1975; и др.

с тем и условия ее развития. Поэтому при выдвижении общего критерия рассмотрения структуры общественного сознания (через призму единства гносеологического и социологического аспектов анализа) нельзя абсолютизировать ни деятельность, ни общественные отношения. Более правильно, по нашему мнению, принимать в качестве такого критерия структуру и деятельности, и общественных отношений, взятых в их целостности.

Общественные отношения, выступая условием деятельности в исторически конкретный момент времени, становятся как бы исходным пунктом взаимосвязи деятельности, отношений и сознания. К. Маркс отмечал, что люди создают «принципы, идеи и категории соответственно своим общественным отношениям»⁵⁶. При этом важно учитывать, что отрыв деятельности от отношений при анализе сознания может привести к обеднению наших знаний, поскольку сознание всегда «вплетено» в «ткань» деятельности, в результате которой складываются отношения. В этом плане еще раз подчеркнем, что именно общественные отношения превращают практическую деятельность людей в общественную практику, которая как бы «сплавляет» деятельность и общественные отношения в единое целое, всегда выступает в виде общественно-исторического процесса.

Рассмотрение связи деятельности и общественных отношений, реализующейся в общественной практике, позволяет глубже понять их роль и место в детерминации общественного сознания. Та деятельность, которая лежит в плоскости этой связи, и образует объективно необходимый фактор формирования идей, взглядов и представлений людей как субъектов общественной практики. Деятельность людей выступает преимущественно в качестве их целеполагающего воздействия на общественные и природные условия в целях удовлетворения своих потребностей. Однако было бы неправильно в деятельности усматривать только целеполагающее субъективное начало. Деятельность представляет собой единство объективного и субъективного, ведущая сторона в котором принадлежит объективному.

Структура общественной практики, включающая экономические, политические, нравственные, правовые и другие элементы, обуславливает собой и духовные образования экономического, политического, нравственного, правового и т. д. содержания. При этом полноправным элементом общественной практики становится та деятельность, всеобщность которой закрепляется определенным видом общественных отношений. «Преобразователем» конкретной деятельности в относительно самостоятельный компонент практики выступает общественная потребность, вызывающая к жизни и соответствующую совокупность духовных образований. Приобретая характер атрибута практики, они приобретают тем самым и характер всеобщей значимости. С этого момента и правомерно говорить о сформировавшихся относительно самостоятельных (в рамках целого) образованиях общественного сознания.

Одним из важнейших требований изучения общественного сознания является конкретно-исторический подход. Применение его позволяет раскрывать особенности содержания, структуры, тенденций развития общественного сознания исторически определенного типа. Объективным основанием для выделения исторических типов общественного сознания выступает исторически определенная совокупность материальных общественных отношений, составляющих самую глубокую сущность соответствующей общественно-экономической формации. Исторические типы общественного сознания соотносятся с типами общественно-экономических формаций.

Сознание первобытнообщинного общества, как уже отмечалось, было непосредственно вплетено в материальное производство и общение людей. Это сознание, формировавшееся в совместном труде, выражало отношение людей и к природе, и друг к другу. Его особенность состояла также в том, что оно отражало одинаковое отношение людей к средствам и продуктам производства. Общая собственность, продукт общего труда имели единый социальный смысл и для первобытной общины, и для каждого ее члена. Индивидуальное сознание не выступало относительно самостоятельным образованием и не противостояло общественному. Последнее не имело сколько-нибудь отчетливо выраженной структуры, оно было еще нерасчлененным сознанием. Лишь по мере разделения труда и выделения духовного производства в самостоятельную сферу жизнедеятельности людей общественное сознание стало противостоять сознанию индивидуальному.

Применительно к антагонистическим формациям (рабовладельческой, феодальной и капиталистической) частнособственническая природа общественных отношений позволяет выделять господствующие типы общественного сознания, какими выступают духовные образования экономически и политически господствующих классов. Однако она еще не дает возможности в полной мере охарактеризовать духовные образования данного общества, оставшиеся от прежних формаций и связанные с нарождающимися новыми укладами жизни. Поэтому в исследовании общественного сознания антагонистических формаций важно учитывать классовую структуру общества. Такой учет при выделении господствующих типов общественного сознания позволяет обнаруживать общие черты сознания, присущие в одном случае эксплуататорским классам, а в другом — классам угнетенным; раскрывать общие формы (виды), в которых выступает их идеология и социальная психология; выяснять особенности проявления каждого из исторических типов общественного сознания.

Исторические типы общественного сознания различаются между собой по содержанию, структуре и другим признакам. Так, существуют различия между сознанием рабовладельческого, феодального и капиталистического обществ. Но поскольку основу

⁵⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 133.

этих обществ составляет частная собственность на средства производства, то в содержании и структуре присущих им типов сознания есть много общего. Господство в обществе частнособственнических отношений порождает, например, такую черту сознания, как его «разорванность». Суть ее проявляется в подразделении общественного сознания на сознания различных классов, в раздвоенности содержания сознания на объективно истинное и извращенное и закреплении такой раздвоенности интересами господствующих классов.

Победа социалистической революции и утверждение нового общественного строя неизбежно приводят к формированию нового типа общественного сознания — сознания социалистического (коммунистического). Особенность сознания развитого социалистического общества составляет прежде всего то, что оно до становления в главном и основном бесклассовой структуры отражает общественное бытие в идеях, взглядах, представлениях, чувствах, настроениях и других духовных образованиях, разделяемых всеми классами и другими социальными группами. Однако социально-политическое и духовное единство социалистического общества еще не снимает вопрос о классовой природе общественного сознания. В силу самих внутренних условий своего развития оно отражает здесь действительность с позиций рабочего класса как ведущего класса нового общества. Вместе с тем социалистическое общественное сознание отражает общественное бытие и с позиций колхозного крестьянства и народной интеллигенции и разделяется ими, ибо их коренные интересы совпадают с интересами рабочего класса. Поэтому классовая природа сознания при социализме по своей сути проступает не в противопоставлении друг другу сознания рабочего класса, колхозного крестьянства и народной интеллигенции, а в противопоставлении его пережиткам прошлого в сознании людей, буржуазному сознанию, за которым стоит старый мир. Социалистическое общественное сознание классово в том смысле, что оно выражает и защищает интересы социализма. Такая природа общественного сознания сохранится на этапе зрелого социализма и после становления бесклассовой структуры.

Особенностью сознания социалистического общества является и то, что оно все больше освобождается от предрассудков, иллюзий и заблуждений, столь характерных для сознания всех прошлых эпох истории человеческого общества. Если в прошлом общественное сознание неизбежно было пропитано идеями и чувствами индивидуализма, классового и национального эгоизма и другими чертами, порожденными строем частной собственности, разъединяющими людей и культивирующими между ними дух недоверия, то при социализме в общественном сознании получили распространение такие черты, как коллективизм, социалистический патриотизм и интернационализм, гуманизм, сознание и чувство гражданственности. Эти черты и выражают качественно новое содержание социалистического общественного сознания.

Социалистическое общественное сознание отличается от общественного сознания старого общества богатством своего содержания. Вырастая на основе социалистического бытия, сознание впитывает в себя духовные сокровища, созданные человечеством на протяжении всей его истории. Это позволяет судить о сознании социализма как самом богатом по своему содержанию духовного образования, какие только знает история человеческого общества.

Особенностью социалистического общественного сознания является и изменение по сравнению с предшествующими историческими этапами его структуры. В настоящее время достаточно активно дискутируется, в частности, вопрос о статусе такого духовного образования, как экономическое сознание. При социализме в силу планомерного характера ведения народного хозяйства проблема экономического, а в некоторой, более широкой интерпретации трудового сознания стала актуальной проблемой деятельности любого трудового коллектива⁵⁷. В нашей стране создана система экономического образования, результатом чего явилось широкое распространение экономических знаний, формирование экономического мышления. Экономическое познание и сознание направлены на регламентирование, развитие и регулирование хозяйственной жизни, на поиски определенных принципов и методов ведения хозяйства и т. п.

Экономическое сознание включает при социализме в свое содержание знание и умение использовать экономические законы в практике хозяйствования, осознание того, что социализм невозможен без активного и творческого участия всех членов общества в общественном труде, экономичного и рационального использования рабочего времени, сырья и материалов, без повышения эффективности общественного производства и т. п.; оно включает в свое содержание также и знания по организации трудового процесса, управлению производством.

Одной из характеристик развитого социализма является его нравственная зрелость. Она означает достигнутый результат воплощения в жизнедеятельности людей принципов и норм коммунистической нравственности, уровень морального сознания и поведения. Основными показателями нравственной зрелости выступают и достижение морального единства общества, и возрастание нравственных начал в жизнедеятельности людей, и наметившиеся новые тенденции во взаимоотношении нравственности с другими областями общественной жизни, и расширение сферы применения нравственных оценок, и рост объема этических знаний, и ряд других показателей. С выработкой морального кодекса строителя коммунизма и его воплощением в реальной жизни правомерно говорить об определенной нравственной зрелости раз-

⁵⁷ См.: Научно-техническая революция и духовный мир человека (философско-социологические проблемы). Алма-Ата, 1979, с. 302—349.

витого социализма. В то же время завоеванные нравственные **устои еще не во всех звеньях достаточно прочны.** Требуется **дальнейшая кропотливая идеологическая и политико-воспитательная работа,** важность которой была подчеркнута XXVI съездом КПСС.

При выяснении тенденций изменения общественного сознания при социализме встает вопрос: отстает ли сознание от бытия? Ответ на него иногда дается в том духе, что при социализме нет такого отставания⁵⁸. Однако реальная жизнь опровергает подобное теоретическое утверждение. Оказывается, что общественное сознание не только отстает, но такое отставание может быть и весьма значительным. При этом речь идет не вообще об общественном сознании, а об обыденном сознании, т. е. об одном из его уровней, ибо для теоретического сознания характерна другая тенденция — тенденция опережения общественного бытия. На уровне обыденного сознания люди отражают действительность через призму своих будничных, по преимуществу личных интересов. Поэтому отражение встречающихся трудностей, недостатков, например в сфере обслуживания, подчас гипертрофируется и распространяется на все другие сферы жизни. На данном уровне люди, как правило, не осознают временного характера трудностей, не способны понять, что преодоление встречающихся недостатков зависит от мобилизации своих собственных усилий, не замечают глубинных процессов общественных преобразований, связанных с коренным улучшением материальной и духовной жизни, всесторонним развитием всех и каждого члена общества. Другими словами, в поле зрения обыденного сознания оказывается чаще всего случайное, временное, преходящее, а закономерное, существенное не находит в нем адекватного отражения.

Отставание сознания от общественного бытия сказывается на явлениях массового сознания. Массовое сознание формируется под влиянием теоретического сознания, которое вносится в умы людей посредством идеологической деятельности, коммунистического воспитания, но также и стихийно, под воздействием обыденного сознания. Причем воздействие обыденного сознания может быть значительным. Об этом можно судить по целому ряду проявлений массового сознания, в частности общественного мнения. Важность и необходимость физического труда в обществе, например, в принципе никем не оспариваются. Однако ценность его в общественном мнении значительно ниже, чем труда умственного. Приходится сталкиваться с односторонней ориентацией выпускников средней школы на поступление в вуз, стремлением большинства из них во что бы то ни стало найти применение своих сил в сфере умственного труда, недооценкой процессов интеллектуализации физического труда. Потребуется еще немало времени и усилий для того, чтобы произошел перелом в общественном мнении, связанный с переоценкой ценностей различных видов труда, профессий, сфер приложения труда. Такой перелом может произойти тогда, когда обыденное сознание будет более

адекватно отражать действительность и испытывать на себе более активное воздействие со стороны теоретического сознания.

В массовом сознании сильна тенденция потребительского подхода к обществу, также сложившаяся в значительной мере под влиянием обыденного сознания. Потребительская психология поддерживается рядом условий и факторов: пережитками прошлого, влиянием капиталистического мира, возрастанием уровня материальной жизни при отставании уровня духовной жизни и т. д. Расширению материальных потребностей и возможностей их удовлетворения непременно должен соответствовать и рост духовных потребностей, развитие способностей человека к самоконтролю (и самоограничению) желаний на основе нравственных критериев. Если названные стороны духовного облика человека отстают в своем развитии, то он становится рабом своих собственных запросов в сфере материального потребления, носителем «культы вещей».

Можно было бы сослаться и на другие примеры подобного рода, свидетельствующие о том, что обыденное сознание и при социализме отстает от общественного бытия и некоторые проявления обыденного сознания в массовом сознании в значительной мере ограничивают его позитивную роль в жизни общества. С этим фактом нельзя не считаться ни в теории, ни в практике идеологической работы. Напротив, нужно глубже раскрывать причины и условия такого отставания и активнее поднимать обыденное сознание до уровня теоретического, уменьшая тем самым разрыв между ними.

Об особенностях сознания социалистического общества в современных условиях можно судить наряду с усилением адекватности отражения общественного бытия, становлением новых компонентов его отражения и по ряду других признаков, в том числе по распространению идей и взглядов марксизма-ленинизма в широких слоях трудящихся, по росту сознательности и социальной активности масс. Подмеченные особенности социалистического общественного сознания позволяют характеризовать его как специфический тип сознания, сложившийся на базе социалистического общественного бытия. Общественное сознание впервые в истории становится целостным образованием, т. е. выражает единство основных интересов всех классов и других социальных групп.

⁵⁸ См.: Ковалев С. М. Отстает ли сознание от бытия? — Вопросы философии, 1969, № 5.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ БАЗИС И НАДСТРОЙКА

1. Экономический базис

Исследование первичного и вторичного уровней исторического процесса предполагает наряду с рассмотрением общественного бытия и общественного сознания выделение и анализ материальных общественных и идеологических отношений, экономического базиса и надстройки. Поскольку проблемы материальных общественных и идеологических отношений были рассмотрены в предшествующих разделах книги, остановимся на общей характеристике экономического базиса и надстройки.

Принципиальное значение для понимания экономического базиса и надстройки имеет известная формулировка К. Маркса из предисловия «К критике политической экономии»: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания»¹.

Экономический базис, следовательно, — это первичная экономическая структура общества. Она представляет собой совокупность необходимых производственных отношений, своеобразный скелет общества, который, по словам В. И. Ленина, «облекается политико-юридическими формами и известными течениями общественной мысли»². Что же касается надстройки, через сопоставление с которой раскрываются черты экономического базиса, то она составляет вторичную, в классовом обществе прежде всего политическую, структуру. В нее входят совокупность идеологических отношений и неотделимые от них взгляды и воззрения, учреждения, организации и т. д., т. е. все то, без чего идеологические отношения не могут складываться и функционировать. Подчеркивая объективную связь между экономическим базисом общества и его надстройкой, Ф. Энгельс отмечал: «Экономическая структура общества каждой данной эпохи образует ту реальную основу, которой и объясняется в конечном счете вся надстройка, состоящая из правовых и политических учреждений, равно как и из религиозных, философских и иных воззрений каждого данного исторического периода»³.

Проблема экономического базиса и надстройки есть, таким образом, проблема соотношения первичной и вторичной общественных структур⁴. Самое существенное здесь то, что экономическая структура общества, т. е. совокупность производственных отношений, будучи обусловленной уровнем и характером развития производительных сил, складывается независимо от воли и сознания людей. Она представляет собой основу, на которой происходит формирование и изменение всех образований надстройки. Конечно, экономическая структура обретает свою реальность только через целеполагающую деятельность людей, сознательно стремящихся к удовлетворению своих жизненных потребностей и интересов. Однако в самой этой деятельности люди не свободны и не могут быть свободны от материальных условий своей жизни, всегда исходя из них. Уже в силу этого между ними складывается такая система экономических отношений, которая, образно говоря, воспроизводится с необходимостью естественных отношений.

Материальность производственных отношений, позволяющая с естественнонаучной точностью констатировать их изменения и условия изменения, имеет принципиальное значение для характеристики экономического базиса. И это понятно, ибо только выяснение такой природы производственных отношений дало возможность понять развитие общества как естественноисторический процесс, открыть законы его развития, включая законы развития надстройки. Подчеркивая всю важность выделения совокупности производственных отношений для понимания общественной жизни, К. Маркс отмечал, что «эта совокупность как раз и есть общество, рассматриваемое с точки зрения его экономической структуры»⁵.

Если непосредственно обратиться к экономической структуре общества, то она выступает прежде всего в качестве системы экономических отношений между людьми, занятыми различными видами производственной деятельности. Общественное производство, на что уже обращалось внимание, представлено здесь двумя основными формами — разделением труда и его кооперацией. Соотношение этих форм общественного производства находится в объективной зависимости от уровня развития производительных сил. На техническом базисе ручного производства, например, общественное разделение труда (существование обособленных видов производственной деятельности людей, связанных между со-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 6, 7.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 429.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 26.

⁴ См.: Приписнов В. И. О соотношении категорий надстройки, общественно-го сознания, духовной культуры и субъективного фактора. — В кн.: Проблемы исторического материализма. Душанбе, 1967, с. 42.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 385.

бой товарным обменом) выступает обязательным моментом экономической структуры общества. Однако ни общественное разделение труда, ни кооперация труда сами по себе еще не выражают сущности экономической структуры. Определяющее значение имеют в данном случае исторические типы (формы) собственности на средства производства. Общественное разделение и кооперация труда, представляя собой функциональные характеристики производительных сил, непосредственно связаны с производственными отношениями, являются одновременно моментом их формирования и изменения. В качестве таковых они выступают как важный фактор, подготавливающий смену исторических типов собственности, а следовательно, и исторических типов экономического базиса.

Научное значение исследования экономического базиса общества для понимания тенденций развертывания исторического процесса было всесторонне обосновано К. Марксом. В «Капитале» проведен подробнейший анализ законов функционирования и развития экономического базиса капиталистического общества — системы капиталистического товарного хозяйства. «Этот анализ, — писал В. И. Ленин, — ограничен одними производственными отношениями между членами общества: не прибегая ни разу для объяснения дела к каким-нибудь моментам, стоящим вне этих производственных отношений, Маркс дает возможность видеть, как развивается товарная организация общественного хозяйства, как превращается она в капиталистическую, создавая антагонистические (в пределах уже производственных отношений) классы буржуазии и пролетариата...»⁶. «Тем же объективным анализом капиталистического строя, — подчеркивал далее В. И. Ленин, — доказывал он необходимость его превращения в социалистический»⁷.

В философской литературе уже давно обсуждается вопрос о соотношении понятий экономического базиса отдельно взятой страны, т. е. конкретного, индивидуального общества, и экономического базиса общественно-экономической формации. Ряд авторов считают правильным включать в анализ, а соответственно и в понятие экономического базиса конкретного общества всю совокупность производственных отношений⁸. Другие, напротив, сужают понятие экономического базиса такого общества до его формационной принадлежности и за ее рамками не видят в нем смысла и значения. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что иной подход расценивается при этом как стирание различия между теоретическим и историческим исследованием⁹.

Для того чтобы прийти к более или менее однозначному решению рассматриваемого вопроса, следует прежде всего снять наметившееся противопоставление объекта теоретического и исторического исследования экономического базиса конкретного общества. Важно при этом иметь в виду наличие различных уровней теоретического изучения экономического базиса такого общества, возможность его рассмотрения на уровне господствующих

производственных отношений и на уровне всех составляющих его общественно-экономических укладов. В теоретическом плане исследование подобного рода необходимо, ибо только так можно определить тенденции и движущие силы развития не только отдельной страны, но и соответствующего региона. Нельзя также забывать и то, что при изучении экономического базиса конкретного общества и экономического базиса определенной формации речь идет об анализе самого исторического процесса, его теоретическом воспроизведении в системе понятий.

Когда вырабатывается понятие экономического базиса общественно-экономической формации, то исходным пунктом исследования выступает не просто экономика отдельной страны и региона, а особенности экономического развития человечества в целом. Не случайно, что данное исследование предполагает выделение наиболее устойчивых, типичных производственных отношений, повторяющихся в различных странах, находящихся на одном и том же этапе исторического развития. Понятие экономического базиса общественно-экономической формации выражает определенную качественную ступень всего исторического процесса, а потому и сам этот процесс и его ступени рассматриваются в той теоретически последовательной, логически исправленной форме, которая только и позволяет раскрыть сущность и особенность законов движения определенной общественно-экономической формации.

Понятие же экономического базиса конкретного общества шире по своему содержанию, ибо здесь речь идет о совокупности всех производственных отношений, присущих данной стране. Изучение экономического базиса конкретного общества — теоретическое исследование, которое должно раскрыть связи всех реально существующих производственных отношений в их подчиненности господствующим производственным отношениям. Конечно, нет оснований спорить о том, что существенные исторические черты экономического базиса конкретного общества обуславливаются при многоукладности экономики господствующими производственными отношениями. Вместе с тем уже сама необходимость выделять господствующие производственные отношения свидетельствует о наличии двух объектов исследования: во-первых, совокупности всех производственных отношений и, во-вторых, совокупности господствующих производственных отношений. Только при сочетании подобных исследований можно в полной мере раскрыть специфику и экономической структуры конкрет-

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 138.

⁷ Там же, с. 157.

⁸ См.: Акулов П. Б., Розовский Г. Е., Тугай Э. П. Некоторые вопросы теории базиса и надстройки. — Философские науки, 1971, № 5.

⁹ См.: Вербин А. И., Герман Ш. М., Кочетков Ф. К. Базис и надстройка как структурные элементы формации и как категории исторического материализма. — Философские науки, 1972, № 5.

ного общества и его надстройки. Более того, только при таком подходе можно решить вопрос и о формационной принадлежности данного конкретного общества. Другое дело, что само понятие экономического базиса общественно-экономической формации является в таких исследованиях тем методологическим инструментом, который позволяет понять сущность формационной природы конкретного общества и тем самым определить его место в историческом процессе в целом.

Таким образом, понятие экономического базиса конкретного общества отличается своим содержанием от понятия экономического базиса общественно-экономической формации. Именно в таком, более широком значении оно использовалось в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина применительно к развитию отдельных стран. Понятие экономического базиса охватывает в данном его значении как исследование закономерностей исторического процесса — и тогда оно получает свою сущностную формационную конкретизацию, — так и исследование всего его многообразия, без которого исторический процесс превращается в мертвую схему.

Необходимость анализа всех производственных отношений, входящих в экономический базис данного общества, особенно очевидна тогда, когда этот базис находится в переходном состоянии, т. е. в процессе утверждения господства новых производственных отношений. Этот переход всегда связан с острой борьбой различных социальных сил, соотношение которых получает соответствующее отражение в надстройке общества. Противоборство противоречивых факторов составляет суть становления базиса новой общественно-экономической формации, выступает характерной особенностью того переплетения производственных отношений, которые образуют переходную экономическую структуру общества. Такое своеобразие экономического базиса в полной мере присуще и переходному периоду от капитализма к социализму, когда в экономике переплетаются, сталкиваются, борются различные общественно-экономические уклады, в первую очередь социалистический, капиталистический и мелкотоварный¹⁰.

Исходя из того, что выделение и анализ экономического базиса общественно-экономической формации представляют собой характеристику действительного этапа исторического процесса, следует отметить неудачное, описательное, по нашему мнению, применение к такому этапу термина «модель»¹¹. По самому своему существу в теории общественно-экономических формаций речь идет не о «модели», а об отражении объективной логики формационного развития общества, опирающейся на громадный фактический материал, его обобщение. Материалистическая диалектика вообще отрицает логические построения, не апробированные общественно-исторической практикой или же не вытекающие с объективной необходимостью из нее. «Капитал» К. Маркса — это не абстрактно-теоретическая модель капиталистической формации, а наиболее обобщенное теоретическое исследование действи-

тельного функционирования и развития капиталистической общественно-экономической формации, ее экономического базиса.

Рассматривая экономический базис антагонистических обществ, важно особо подчеркнуть его классовый характер. Разделение общества на классы — это самая существенная черта экономической структуры определенных этапов исторического развития. Экономические базисы антагонистических обществ характеризуются прежде всего и главным образом особенностями их основного классового деления. Так, рабство в своем первоначальном виде было всего лишь одной из зародышевых форм становления классовых различий в недрах первобытнообщинного строя. Образование же рабовладельческого общества завершилось именно тогда, когда рабский труд стал основной формой общественного производства, необходимой характеристикой экономической структуры общества. Сама сущность экономических базисов антагонистических формаций получает свое концентрированное выражение в разделении общества на антагонистические классы — эксплуататоров и эксплуатируемых. Смена форм эксплуатации, обусловленная сменой господствующих типов (форм) собственности на средства производства, непосредственным образом обнаруживает качественные изменения экономического базиса общества.

Поскольку классовые различия и классовые конфликты существуют объективно, вне нас, независимо от воли или поведения людей¹², постольку классовый анализ исторически определенных общественных отношений в основе своей тождествен диалектико-материалистическому методу их исследования. Ф. Энгельс, в частности, допускал возможность объяснения текущих исторических событий через борьбу интересов существующих классов и фракций классов, созданных экономическим развитием¹³. В. И. Ленин, подчеркивая первостепенное значение исследования позиций различных классов для раскрытия объективного содержания общественных отношений, писал, что термины «соц[иальная] система», «общ[ест]в[енная] формация» — все это недостаточно конкретно без понятия *класса* и *к л а с с [о в о г о] общества*¹⁴.

Значение классового анализа общественных отношений обусловлено также тем, что сам переход от одной общественно-экономической формации к другой определяется борьбой того класса, который по своему объективному экономическому положению может и должен осуществить такое коренное общественное преобразование. Характеризуя оценку исторического процесса с позиций такого революционного класса как наиболее верную, В. И. Ленин указывал, что материалист в отличие от объективиста не ограни-

¹⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 207, 208.

¹¹ См.: Израитель В. Я. Проблемы формационного анализа общественного развития. Горький, 1975.

¹² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 211.

¹³ Там же, т. 22, с. 530.

¹⁴ Ленинский сборник, т. 11, с. 383.

чивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, «какой именно класс определяет эту необходимость»¹⁵.

Марксистско-ленинское учение об экономическом базисе не сводится к выделению экономической структуры общества в качестве его первичной структуры. Такое выделение — это всего лишь начало, исходный пункт конкретного и всестороннего исследования экономического базиса общества. Общее методологическое требование марксизма-ленинизма к данному исследованию заключается в том, чтобы анализировать общественные производственные отношения, во-первых, в их объективной связи с развитием производительных сил и, во-вторых, как такую экономическую систему, которая обладает способностью функционировать и развиваться независимо от воли и сознания людей.

Такой подход никоим образом не умаляет реального участия сознания и сознательной деятельности людей в упрочении или, наоборот, коренном изменении экономического базиса. Все дело, однако, в том, что сознание играет здесь тем большую роль, чем в большей степени соответствует объективным требованиям развития производительных сил и производственных отношений. Сами по себе эти объективные требования в обществе ничего не меняют. Для осуществления необходимых и назревших перемен нужны практические действия. В. И. Ленин, критикуя меньшевиков за преклонение перед стихийностью в рабочем движении, отмечал, что «они принижают материалистическое понимание истории своим игнорированием действительной, руководящей и направляющей роли, которую могут и должны играть в истории партии, познавшие материальные условия переворота и ставшие во главе передовых классов»¹⁶.

Если в этой связи обратиться к буржуазной социологии, то ей как раньше, так и теперь присущи две основные классовые ограниченности: 1) буржуазные социологи неспособны ясно, критически, отчетливо подходить к самому анализу сущности капиталистических производственных отношений; 2) буржуазные социологи, даже делая сегодня реверансы в адрес К. Маркса как глубокого мыслителя, упорно ставят под сомнение его основополагающую идею о материальности производственных отношений.

Характерной в этом аспекте выступает позиция ряда современных английских социологов — представителей феноменологического направления. Критикуя объективизм, эмпиризм, позитивизм за поверхностный подход к анализу общественной жизни, они выдвигают на передний план изучение субъективных переживаний людей. Абсолютизируя субъективную сторону человеческой деятельности, они утверждают, что «социальный мир — это мир субъективного, а не мир объективного»¹⁷. В соответствии с этим «новые» социологи считают, что общественной науке «необходимо воздержаться от веры в существование этого мира как объективной реальности»¹⁸. Естественно, в рамках такой социологии ни о каких действительных изменениях капиталистического строя говорить не приходится.

Подобного рода субъективизм, смешанный с технократизмом, имеет место и в работах тех буржуазных философов и социологов, которые обращаются к характеристике самих капиталистических общественных отношений. Показательны с этой точки зрения построения западногерманского «неомарксиста» Ю. Хабермаса, поставившего своей задачей (не больше не меньше) реконструкцию исторического материализма. Ссылаясь, в частности, на возросшую роль государства в регулировании капиталистических экономических отношений, он вообще ставит под сомнение марксистско-ленинское учение об экономическом базисе и надстройке, считая, что современное капиталистическое государство уже не находится в таких связях с экономикой, «которые марксистско-ленинская теория определяет как отношения базиса и надстройки»¹⁹.

Возрастание экономической роли буржуазного государства наряду с превращением науки в производительную силу свели, по логике его рассуждений, на нет условия применимости положений политической экономии, разработанных К. Марксом для домонополистической стадии развития капитализма. Он утверждает, будто производственные отношения утратили былое при «либеральном капитализме» значение, ибо «политика не является более *только* феноменом надстройки»²⁰. Но если это так, то теряет исторический смысл и конфликт между производительными силами и производственными отношениями капиталистического общества как экономическая основа социальной революции. Капитализм, следовательно, обретает некую историческую перспективу. «Реконструкция исторического материализма» оборачивается на деле открытой апологетикой капитализма.

Не затрагивая пока вопрос о государстве как надстройке, можно сказать, что подобного рода общая постановка проблемы приходит в явное противоречие с очевидным положением вещей. Для того чтобы определить действительную роль экономической деятельности капиталистического государства, необходимо выяснить ее фактические результаты. Как только мы обращаемся к

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 418. «Основная мысль Ленина заключается в том, что научная объективность выяснения и освещения социальных процессов, содержания внутренней логики их самодвижения совпадает с классовым анализом. Именно в классах, в классовом делении общества, в соотношении классов, в их политике, взглядах, идеях, позициях, в их столкновениях и конфликтах находит свое главное выражение самодвижение решающей стороны общественной жизни — материального способа производства, производительных сил и производственных отношений» (Розенталь М. М. Диалектика ленинского исследования империализма и революции. М., 1976, с. 74).

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 31.

¹⁷ Уолш Д. Социология и социальный мир. — В кн.: Новые направления в социологической теории. М., 1978, с. 52.

¹⁸ Уолш Д. Указ. соч., с. 54.

¹⁹ Habermas J. Technik und Wissenschaft als «Ideologie». Frankfurt am Main, 1969, S. 92.

²⁰ Habermas J. Op. cit., S. 75.

такому анализу, то обнаруживается, что современный капитализм в полной мере остается той системой товарного хозяйства, которая покоится на эксплуатации наемного труда. Если в рамках данной экономической системы роль государства действительно возрастает, то это является одним из способов приспособления крупного монополистического капитала к объективным требованиям современного индустриального производства. Не капиталистическое государство определяет изменения в системе производственных отношений, а, наоборот, стремление монополистического капитала приспособить производственные отношения к уровню развития производительных сил делает необходимым расширение его экономических функций.

В постоянной погоне капиталистических корпораций за сверхприбылями, в безработице, валютном, сырьевом, энергетическом и т. п. кризисах со всей очевидностью дает о себе знать следующее: государственно-монополистический капитализм никоим образом не означает внесения каких-либо коренных изменений в законы товарной системы хозяйства. Если в такую систему и привносятся некоторые элементы централизации, то они лишь воспроизводят во все более широком общественном масштабе внутренние пороки капиталистического способа производства, экономического базиса капиталистического общества. «Со всей отчетливостью, — отмечалось на XXVI съезде КПСС, — видно, как мало помогает государственное регулирование капиталистической экономики. Принимая меры против инфляции, буржуазные правительства способствуют застою производства и росту безработицы; стараясь сдержать кризисное падение производства, они еще больше усиливают инфляцию»²¹.

Государственно-монополистический капитализм — это понятие, отражающее особенности связи и взаимодействия экономического базиса капиталистического общества с важнейшей частью надстройки — капиталистическим государством. Характерно, что все буржуазные идеологи и всякого рода реформисты и ревизионисты, выдающие государственно-монополистический капитализм за «новое общество равенства труда и капитала», за некий «демократический социализм», столь же упорно отстаивают частную собственность, принципы рыночного ведения хозяйства и свободной конкуренции. Рассматривая их в качестве непреложного экономического фундамента демократии вообще или «чистой» (надклассовой) демократии, они фактически по-прежнему защищают единство экономического базиса и надстройки капиталистического общества в самом его первозданном виде. Это еще раз и со всей определенностью подтверждает, что отдельные новые моменты в управлении и организации капиталистического производства никоим образом не направлены на действительное и коренное изменение экономического базиса и надстройки капиталистического общества.

2. Надстройка и ее взаимодействие с экономическим базисом

В. И. Ленин, раскрывая значение «Капитала» для общественной науки, обращал внимание на выведение К. Марксом из капиталистических производственных отношений идеологических общественных отношений и учреждений надстройки. С таким выведением В. И. Ленин связывал само превращение последовательного материализма в синоним общественной науки²². Он, в частности, отмечал, что, объясняя строение и развитие данной общественной формации исключительно производственными отношениями, К. Маркс «тем не менее везде и постоянно прослеживал соответствующие этим производственным отношениям надстройки, облекал скелет плотью и кровью»²³.

Принципиальное методологическое значение для анализа надстройки имеет также указание В. И. Ленина на общий признак вторичных общественных отношений в их сопоставлении с материальными общественными отношениями, проводящий своеобразную демаркационную линию между ними. Такой общий признак вторичных, надстроечных общественных отношений, как известно, состоит в том, что они опосредованы взглядами и воззрениями людей. Поэтому В. И. Ленин и называл эти отношения идеологическими отношениями. Подобным отношениям всегда предшествуют определенные идеи, согласно которым они складываются и функционируют, а сами эти идеи уходят своими корнями в экономический базис общества. Соответственно вторичные общественные отношения потому и являются вторичными, что они представляют собой результат определяющего воздействия экономического базиса на надстроечную деятельность людей²⁴.

Практически-организационные формы закрепления идеологических отношений — различного рода институты надстройки — сознательно создаются людьми для достижения определенных целей. Применяемое В. И. Лениным положение о том, что экономический базис облекается²⁵ надстройкой, не является простым образным выражением. Оно подчеркивает и определяющую роль экономического базиса по отношению к надстройке общества, и особенности обратного воздействия надстройки на базис. В рамках совокупности общественных отношений экономический базис действительно представляет собой скелет общества, а надстройка — его плоть и кровь.

Если в этой связи обратиться, например, к рабовладельческому и феодальному обществам, то господствующие там отношения личной зависимости в прямом смысле слова облекали его эконо-

²¹ Материалы XXVI съезда КПСС, М., 1981, с. 20.

²² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 140.

²³ Там же, с. 139.

²⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 90; т. 37, с. 371; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 429, 466.

²⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 139, 429.

мическую структуру. Они играли существенную роль и в обеспечении устойчивости, относительной прочности экономического базиса. Надо иметь в виду и то, что отношения господства и порабощения маскировали здесь господство условий производства над производителями²⁶. Закрепляясь в нормах права, морали, освящаясь религией, ставоясь своеобразными традициями, они создавали иллюзию всемогущества надстройки, первенства общественного сознания перед общественным бытием. Используя слова В. И. Ленина, можно сказать, что экономический базис как бы прикрывался «личными отношениями господина к его подданному»²⁷.

Самую существенную роль в обществе играют политические отношения, представляющие собой в первую очередь надстроечные отношения между общественными классами и отношения классов к устройству государственной власти. На специфике экономической формы (производственных отношениях), считал К. Маркс, основана и структура экономического строя общества, и «его специфическая политическая структура»²⁸.

Политические отношения и формы их практически-организационного закрепления (среди которых наряду с государством ведущее место занимают политические партии), а также политические взгляды (политическая идеология), необходимые для формирования политических отношений, составляют содержание политической части надстройки общества. Как и надстройка в целом, политическая часть надстройки противопоставляется экономическому базису. Вместе с тем она включается и в состав политической сферы жизни общества, охватывающей собой все политические процессы общественной жизни — политическую деятельность классов и масс, органов государства, политических партий и др. Политическая сфера характеризует относительную противоположность первичного и вторичного в историческом процессе. Она сопоставляется не с экономическим базисом, а с другими основными сферами, на первое место среди которых выдвигается экономическая сфера жизни общества, его экономика. В рассматриваемом плане политика — концентрированное выражение экономики, т. е. выражение коренных интересов общественных классов, способов, средств и механизмов их осуществления.

Политические отношения, будучи областью отношений всех классов к государству, к определению задач, содержания и форм его деятельности²⁹, в своей классовой сущности далеко не сразу осознаются людьми. Обусловлено это тем, что всякая социальная система порождает некоторые общие функции регулирования общественных отношений. Поскольку в любом классовом обществе подобные функции всегда берет на себя государство, постольку на поверхности общественной жизни классовый характер таких функций всегда скрадывается и затушевывается. На таком скрадывании и затушевывании покоится, в частности, апологетика государства как «надклассового» органа осуществления неких «общих» потребностей и интересов общества.

На самом же деле государство — особая форма социального управления, порожденная разделением общества на классы и всегда проводящая политику господствующих классов. В обществе, где существуют объективно обусловленные противоположности социальных интересов больших групп людей, нет и не может быть относительно устойчивого функционирования экономического базиса без наличия соответствующих форм его государственного устройства. Одних традиционных связей, закрепляемых идеологически, здесь недостаточно. В этих условиях, как отмечал Ф. Энгельс, все потребности, приводящие в движение экономическую жизнь, «независимо от того, какой класс в данное время господствует, — неизбежно проходят через волю государства, чтобы в форме законов получить всеобщее значение»³⁰.

Обеспечение относительной прочности и устойчивого функционирования экономического базиса с помощью государства как особого аппарата общественного принуждения составляет существенную черту истории всех классовых обществ. Государство становится необходимым вместе с зарождением частной собственности и расколом общества на антагонистические классы. Оно в конечном счете всегда есть государство экономически господствующего класса. Это относится и к буржуазии, которая только путем создания своего государства смогла расчистить почву для господства в обществе капиталистических производственных отношений. Буржуазная демократия, устанавливая равенство всех в виде частных лиц и представляя собой политический слепок с наиболее абстрактной стороны системы товарного хозяйства, выступала характерной особенностью надстройки капиталистического общества. Крупную монополистическую буржуазию она вполне удовлетворяла до тех пор, пока свободная конкуренция была господствующей формой капиталистического производства. Она гарантировала ей необходимый минимум власти как во внутренней, так и во внешней политике³¹.

Положение изменяется по мере перерастания капитализма в завершающую, империалистическую стадию. В современных условиях сверхконцентрации монополистического капитала, его межотраслевого, территориального и межнационального объединения в значительной степени сужены экономические основы самой буржуазной демократии. Крупная монополистическая буржуазия перед лицом неуклонно растущих демократических требований масс все больше ориентируется на олигархические формы правления, на расширение полномочий органов исполнительной государственной власти. Однако и в данном случае все изменения в области государственного управления так или иначе

²⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 399.

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 421.

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 354.

²⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 79; т. 23, с. 239; т. 33, с. 340.

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 21, с. 310.

³¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 360.

определяются и вытекают из изменений в экономическом базисе капиталистического общества.

Политическая структура, следовательно, не только определяется экономическим базисом общества, но и находится в постоянном взаимодействии с ним. Политические отношения в основе своей всегда обусловлены реальным экономическим положением различных классов. Уже в силу этого политика и политическая деятельность партий, а также политика государства, стоящего на страже общих интересов господствующего класса, всегда имеют свою объективную логику, свое объективное содержание. Вскрыть и понять фактическое содержание и определенную классовую направленность любых политических программ и политических действий различных партий, группировок, фракций можно только при их соотнесении с коренными интересами общественных классов.

Рассматривая специфику взаимодействия политической надстройки с экономическим базисом общества, важно иметь в виду следующее. Во-первых, надо учитывать экономическую детерминированность правовых норм, регламентирующих государственную деятельность; во-вторых, тот факт, что всякое государство в известной степени всегда принимало и принимает участие в экономической жизни общества, т. е. занимается определенной экономической деятельностью. Сосредоточивая в своих руках те или иные экономические средства, предназначенные для удовлетворения некоторых общих потребностей, государство не может не включаться в экономическую жизнь общества. В данном случае экономически господствующий класс посредством государства подчиняет себе и процесс удовлетворения этих общих потребностей, определяет рамки и характер их фактического удовлетворения, т. е. превращает рассматриваемый процесс в свое частное дело. Тем самым он еще более укрепляет свое господствующее положение в обществе.

Участие государства в экономической жизни со всей очевидностью просматривается при обращении к различного рода производным (вторичным, третичным и т. д.) производственным отношениям. К ним, в частности, о чем уже шла речь, можно отнести международную торговлю, включая государственную монополию, или, например, формирование бюджета оплаты труда работников государственных учреждений. Представляя собой составную часть общей совокупности производственных отношений, такие экономические отношения выступают одновременно и как непосредственный объект экономической деятельности государства.

Учет этого обстоятельства имеет принципиальное методологическое значение для наиболее полного раскрытия той роли, которую играет в историческом процессе политическая надстройка общества. Политика потому и имеет первенство над экономикой, что только с помощью своего государства революционный класс в состоянии практически разрешить вопрос об установлении экономического строя, соответствующего его коренным ин-

тересам. Кроме того, только приобретая в лице государства новые средства борьбы, он становится в состоянии полностью преодолеть сопротивление старых классов.

Надстройка в общем и целом складывается через ту практическую деятельность людей, которая определяется экономической структурой общества и выражает ее объективное воздействие на все другие образования исторической действительности. Идеи, предшествующие формированию определенных идеологических отношений и общественных учреждений, непосредственно отражают исторические особенности и различные стороны экономического базиса общества.

Наряду с политической или — шире — политико-юридической надстройкой в особую часть надстройки (правда, по несколько иным основаниям) выделяются и течения общественной мысли — философские, политические, правовые, этические, религиозные и другие учения, составляющие в конечном счете своеобразный обобщенный итог (полный или неполный, верный или искаженный) отражения в сознании людей экономического строя общества. Относясь к духовной жизни общества, они вместе с тем включаются в процесс формирования идеологических отношений, образуя своего рода идеальную надстройку над экономическим базисом общества³².

Объективная связь идеальной надстройки с экономическим базисом общества сложна и во многом опосредована идеологическими, прежде всего политическими, отношениями и политической идеологией. Это обусловлено уже тем обстоятельством, что различного рода взгляды и воззрения могут в своем развитии подняться лишь до уровня отражения интересов определенного класса³³. Марксистский критерий сущности и значения таких взглядов и воззрений по сути своей неотделим от познания законов развития классовой борьбы, от их оценки с позиций рабочего класса.

Что же касается конкретных особенностей связи идеальной надстройки с экономическим базисом общества, то здесь многое зависит от содержания того или иного духовного образования. Если, например, обратиться к экономическим учениям, то их объективная связь с определенными производственными отношениями достаточно очевидна. Характеризуя, в частности, категории буржуазной политической экономии, К. Маркс отмечал: «Это — общественно значимые, следовательно объективные мыслительные формы для производственных отношений данного исторически определенного общественного способа производства — товарного производства». Одновременно он указывал, что весь мистицизм товарного мира «немедленно исчезает, как только мы переходим к другим формам производства»³⁴.

³² См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 90.

³³ См.: Там же, т. 3, с. 438, 439; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 429.

³⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 86.

В более сложном виде выражается объективная связь между экономическим базисом и политическими, правовыми, этическими, а особенно религиозными и философскими учениями. В философии, например, общественное развитие предстает на уровне такого абстрактного мышления, при котором необходимо постоянное обращение к мыслительному материалу предшествующих эпох. Наряду с этим и само воздействие общественных отношений на философию весьма опосредовано. Ф. Энгельс обращал внимание на то, что применительно к философии экономика в общем и целом определяет лишь сам вид изменения и развития мыслительного материала, «между тем как важнейшее прямое действие на философию оказывают политические, юридические, моральные отражения»³⁵. Вместе с тем, сколь бы ни была сложна, запутанна, опосредована объективная связь идеальной надстройки с экономическим базисом общества, для подлинной науки всегда сохраняется необходимость раскрытия содержания такой связи. К. Маркс, подчеркивая на примере религий значение выведения определенных форм общественного сознания из фактических, т. е. экономических, отношений, писал, что это есть «единственно материалистический, а следовательно, единственно научный метод»³⁶. В полной мере это относится и к объяснению всех вторичных, надстроечных общественных отношений и институтов надстройки.

Идеальная надстройка способствует закреплению и упрочению определенного экономического базиса общества через соответствующее объяснение всей совокупности общественных отношений, через участие в формировании идеологических отношений и институтов надстройки. Взятая в такой своей направленности и обусловленности, идеальная надстройка выступает как идеология. В классовом обществе господствующая идеология всегда выражает коренные интересы господствующего класса. Обосновывая его господство, она направлена против идей, учений, выдвигаемых идеологами других классов. Идеологическая борьба наряду с политической и экономической становится одной из основных форм борьбы классов, в том числе политических партий, представляющих интересы определенных классов и возглавляющих их борьбу. В ходе развертывания исторического процесса идеальная надстройка и ее связь с экономическим базисом не остаются неизменными. Особенно существенны преобразования идеальной надстройки в коммунистической общественно-экономической формации, которая «самым решительным образом порывает с идеями, унаследованными от прошлого»³⁷.

В советской философской науке всегда придавалось большое значение изучению исторических особенностей взаимодействия экономического базиса и надстройки на различных ступенях развития общества. В ходе такого изучения уточнялись и конкретизировались сами понятия экономического базиса и надстройки, а также их взаимодействия. Значительное место в освещении и разработке теоретических проблем соотношения базиса и надст-

ройки заняла дискуссия 50-х годов, развернувшаяся после выхода работы И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».

В ходе дискуссии получил новое освещение ряд существенных теоретических вопросов. Прежде всего было обращено внимание на необходимость строго различать в понимании надстройки антагонистического общества две ее части, которые занимают неодинаковое положение и выражают различное отношение основных классов этого общества к его экономическому базису. «В целях упорядочения терминологии исторического материализма,— писал М. Д. Каммари,— следует, на наш взгляд, различать *всю* надстройку антагонистического общества от главной ее части, выражающей и защищающей интересы господствующего класса, и в соответствии с этим говорить, например, о *буржуазной* надстройке и надстройке *буржуазного* общества (последняя включает не только идеи и учреждения господствующего класса, не только буржуазную надстройку)»³⁵.

В ходе дискуссии была подчеркнута также относительная самостоятельность функционирования учреждений надстройки, поскольку они представляют собой результат деятельности людей и классов, так или иначе наследующих практически-организационные формы закрепления идеологических отношений. Приобретая относительную самостоятельность, надстройка может самым активным образом способствовать становлению нового экономического базиса, максимально используя для этого имеющиеся материальные предпосылки и целенаправленно содействуя их дальнейшему развитию. Учет такой особенности надстройки, и прежде всего политической власти революционных классов, крайне важен при построении социализма, ибо социалистическая форма хозяйства, основанная на общественной собственности на средства производства, не возникает и не может возникнуть в качестве особого общественно-экономического уклада в недрах капитализма. При капитализме крупная машинная индустрия, рабочий класс и его научная теория — марксизм-ленинизм — представляют собой материальную, социальную и духовную силы, которые определяют саму необходимость перехода к коммунистической формации, создания нового экономического базиса общества. Наряду с этим в ходе дискуссии и после нее в советской философской литературе стало все больше обращать внимание на исторический характер самого взаимодействия экономического базиса и надстройки общества, на качественное своеобразие этого взаимодействия в условиях социализма.

³⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 37, с. 420.

³⁶ Там же, т. 23, с. 383, примеч. 89.

³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 446.

³⁸ Каммари М. Некоторые вопросы теории базиса и надстройки.— Коммунист, 1956, № 10, с. 44.

3. Взаимодействие экономического базиса и надстройки социалистического общества

В марксистской философской науке уделялось и уделяется значительное внимание изучению исторических особенностей взаимодействия экономического базиса и надстройки социалистического общества. Опираясь на ленинский анализ этого вопроса, обобщая новый исторический опыт, советские ученые, общественеды других социалистических стран обогащают марксистско-ленинское учение об экономическом базисе и надстройке коммунистической формации, их единстве и развитии³⁹. В той или иной мере этот вопрос освещается и разрабатывается во всех общетеоретических исследованиях социалистической экономики, социальной структуры социалистического общества, его политико-правовой системы, деятельности социалистического государства, развития социалистической демократии, коммунистического воспитания трудящихся и др.

Сущностью экономического базиса коммунистической формации на всех этапах ее становления и развития является общественная собственность на средства производства. Упрочение системы производственных отношений, свойственной общественной собственности на средства производства, составляет непреложную историческую реальность социализма, его развития на собственной основе и постепенного перерастания в коммунизм. Ведение производства по общему плану, углубление общественной кооперации труда, преодоление классовых различий, постепенное сближение общенародной и колхозно-кооперативной форм социалистической собственности на средства производства, повышение материального благосостояния трудящихся и т. д. — все это неотделимые друг от друга характеристики экономического базиса социалистического общества. Они определяют и специфику его конкретного взаимодействия с социалистической надстройкой.

Процесс становления и развития социалистического экономического базиса с самого начала связан с активной преобразующей ролью социалистической надстройки. Центральным звеном выступает здесь социалистическое государство, представляющее собой важнейший орган политической организации рабочего класса и всех трудящихся, действующий под руководством коммунистической партии. Формирование социалистического базиса практически начинается с обобществления основных средств производства в ходе социалистической революции. Это обобществление получает свое политико-правовое закрепление в превращении основных средств производства в собственность пролетарского государства. На данной основе разворачивается затем социалистическое экономическое преобразование всего народного хозяйства. Оно состоит в развитии форм кооперативного труда по мере подведения под них соответствующей материально-технической базы. До окончательного решения этой задачи функционирование социалистического базиса выражается также и в подчинении си-

стеме социалистических производственных отношений других общественно-экономических укладов, в ограничении и сведении в конечном счете на нет их действия.

Экономический базис социализма крепнет и развивается в объективной связи с ростом крупного промышленного производства, внедрением индустриальных методов труда в различные отрасли экономики, кооперированием сельского хозяйства. Такова общая для всех стран закономерность формирования экономического базиса социализма, обусловленная самой природой общественной собственности на средства производства. Причем в переходный период, когда становление социалистического экономического базиса неизбежно связано с преодолением ожесточенного экономического, политического и идеологического сопротивления буржуазии, единство воли и действий рабочего класса, всех трудящихся, ставших на путь социализма, с необходимостью получает свое выражение в диктатуре пролетариата. Диктатура пролетариата — это твердая, решительная политическая власть рабочего класса, опирающаяся на силу его сплоченности, а также прочный союз с широкими массами всех трудящихся.

Собственно, уже в решающем значении диктатуры пролетариата для осуществления социалистических преобразований в экономике достаточно отчетливо проявляется одна из закономерностей взаимодействия экономического базиса и надстройки социалистического общества. Состоит она в следующем: трудящиеся — основная производительная сила — становятся субъектами и носителями общественных отношений и в области экономического базиса, и в области надстройки. Соединение производителей с основными условиями общественного производства — вот тот фундамент, благодаря которому при социализме устанавливается самое непосредственное взаимодействие между экономическим базисом и надстройкой. Уже в ходе построения социализма развитие его экономического базиса и надстройки выступает как двуединый процесс и результат практической деятельности рабочего класса, а затем и всех трудящихся, объединенных общими интересами и общей целью.

Непосредственное взаимодействие экономического базиса и надстройки как двух основных результатов преобразующей дея-

³⁹ Этот вопрос специально рассматривается прежде всего в работах: *Чесноков Д. И.* Марксизм-ленинизм о базисе и надстройке. М., 1951; *Он же.* Исторический материализм как социология марксизма-ленинизма. М., 1973; *Константинов Ф. В.* О базисе и надстройке. М., 1953; *Глезерман Г. Е.* Базис и надстройка в советском обществе. М., 1954; *Разин В. И.* Политическая организация общества. М., 1967; *Он же.* Политическая организация общества как категория исторического материализма. М., 1972; *Момджян Х. Н.* Диалектика общего и особенного в историческом процессе. М., 1978; *Общественно-экономические формации: Проблемы теории.* М., 1978; *Вербин А. И., Келле В. Ж.* Базис и надстройка и механизмы социальной деятельности людей. — Философские науки, 1979, № 1; Категории исторического материализма. М., 1980; *Bauer A., Crüger H., Koch G., Zak Ch.* Basis und Überbau der Gesellschaft. Berlin, 1974.

тельности рабочего класса, трудящихся объективно обусловлено самим характером общественной собственности на средства производства. Особое значение для такого непосредственного взаимодействия имеет тот факт, что рабочий класс, трудящиеся могут подняться до уровня действительного расщипления экономических отношений от частной собственности, лишь объединяя свои силы на уровне всего общества. В объективной необходимости такого сознательного общественного объединения людей труда, согласования и единства их действий состоит одна из особенностей становления и развития экономического базиса социализма. В. И. Ленин писал: «Всякая крупная машинная индустрия — т. е. именно материальный, производственный источник и фундамент социализма — требует безусловного и строжайшего *единства воли*, направляющей совместную работу сотен, тысяч и десятков тысяч людей. И технически, и экономически, и исторически необходимость эта очевидна, всеми думавшими о социализме всегда признавалась как его условие» ⁴⁰.

При социализме, когда еще сохраняется необходимость применения мер общественного принуждения для соблюдения социальных норм в области труда и потребления, такое единство воли с необходимостью получает свое осуществление в государственных формах управления и организации экономической жизни общества. Без такого государственного управления социалистическая экономика не функционирует и не может функционировать как целостный организм. Социалистический экономический базис существует как таковой, только будучи охваченным соответствующей системой организации и управления производством в масштабе всего общества.

В налаживании чрезвычайно сложной и тонкой сети новых организационных отношений, объединяющих собой планомерное производство и распределение продуктов, В. И. Ленин видел одну из основных задач построения и развития социалистического общества. На уровне органов общественного управления экономикой он объяснял новизну этих организационных отношений тем, что «государственная власть перестает быть паразитическим аппаратом, стоящим над производственным процессом; она начинает превращаться в организацию, непосредственно выполняющую функции управления экономикой страны» ⁴¹. Выступая на I Всероссийском съезде советов народного хозяйства, В. И. Ленин говорил, что, хотя аппарату государственной власти в будущем суждено умереть, «аппарату типа Высшего совета народного хозяйства суждено расти, развиваться и крепнуть, заполняя собой всю главнейшую деятельность организованного общества» ⁴².

Ленинское положение о превращении государственной власти в организацию, непосредственно выполняющую функцию управления экономикой страны, имеет принципиальное методологическое значение для понимания специфики взаимодействия экономического базиса и надстройки социалистического общества. Она выражается в том, что объективное воздействие социалистическо-

го экономического базиса на жизнь общества становится тем сильнее и тем эффективнее, чем в большей степени его объективное содержание, обусловленное степенью развития производительных сил, познается и учитывается организованными силами общества.

Раскрывая коренное отличие развития социалистической экономики от капиталистической, К. Маркс указывал, что политическая экономия буржуазии сводится к слепому господству закона спроса и предложения, а политическая экономия рабочего класса — к общественному производству, управляемому общественным предвидением⁴³. В таком предвидении и сознательном управлении общественным производством состоит одна из существенных особенностей социализма, обуславливающая саму специфику взаимодействия экономического базиса и надстройки общества. Изменения в системе производственных отношений опосредуются здесь изменениями в системе общественного управления. Соответственно в решающей степени возрастает роль таких учреждений надстройки, какими выступают органы управления экономикой, а также вся система социальных норм регулирования экономических отношений. При социализме эти органы управления и их нормативная деятельность являются политико-правовыми.

Подобного рода взаимодействие между экономическим базисом и надстройкой, когда изменение системы производственных отношений происходит на основе познания объективной необходимости такого изменения и соответствующего совершенствования форм управления общественным производством, присуще только коммунистической общественно-экономической формации. При государственно-монополистическом капитализме, хотя государство и включается в регулирование экономических отношений, оно в принципе не поднимается и не может подняться над стихийной формой исторического процесса. Те элементы планирования и управления, которые возникают в данном случае, не выходят и не могут выйти за рамки того экономического базиса общества, в котором, по выражению К. Маркса, «*a priori* не существует никакого сознательного общественного регулирования производства»⁴⁴.

Только на основе общественной собственности на средства производства становится не только возможным, но и необходимым подлинно общественное управление производством. Именно

⁴⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 200.

⁴¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 442.

⁴² Там же, т. 36, с. 378. «Объективная необходимость общегосударственного планирования и управления народным хозяйством порождается потребностями социалистического обобществления производства, социалистической кооперацией труда, одним словом, потребностями развития социалистических производственных отношений» (Об экономической деятельности государства и роли надстройки при социализме. — Коммунист, 1976, № 1, с. 44).

⁴³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 9.

⁴⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 32, с. 461.

в этих условиях надстройка начинает оказывать самое непосредственное и наиболее активное воздействие на процесс формирования и функционирования экономического базиса общества, его развитие. Новые моменты в системе социалистических производственных отношений, естественно, не могут возникнуть до тех пор, пока для этого не будут созданы новые материальные условия. Вместе с тем от того, каким образом функционирует механизм хозяйственного управления, в какой степени точно и своевременно вносятся необходимые изменения в систему правовых норм и законов, охватывающих экономические отношения, насколько эффективно они внедряются в жизнь, в значительной мере зависит и само проявление и действие всей системы социалистических производственных отношений.

Для наиболее полного проявления сущности социалистических производственных отношений принципиальное значение имеет экономическая политика, вырабатываемая коммунистической партией и осуществляемая под ее руководством социалистическим государством и всеми производственными коллективами. Коммунистическая партия в соответствии с объективными законами развития общественного производства разрабатывает экономическую стратегию — долговременные цели экономического развития общества, определяет основные пути, методы и средства их достижения. Опираясь на науку, опыт деятельности трудовых коллективов и органов хозяйственного управления, она выделяет ведущие направления дальнейшего развития и совершенствования социалистических экономических отношений в соответствии с достигнутой высотой развития производительных сил.

Роль и значение идеологических отношений и институтов социалистической надстройки в упрочении и развитии социалистического экономического базиса не ограничиваются только областью организации и управления экономической жизнью общества. Развитие общественной кооперации труда, объективно обусловленное ростом крупного промышленного производства, составляет материальную базу для все более полного утверждения в обществе отношений коллективизма — важнейшей характеристики всей совокупности общественных отношений коммунистической формации. В свою очередь отношения коллективизма, которые не складываются автоматически, а предполагают известную организацию жизни общества, проведение настойчивой идейно-воспитательной работы, играют поистине решающую роль для самого упрочения и развития социалистических производственных отношений.

Формирование коммунистического отношения к труду, высокая сознательность и активность членов социалистического общества — неисчерпаемый источник и движущая сила развития как производительных сил, так и социалистических производственных отношений. В соответствии с этим между учреждениями надстройки, призванными своими средствами и методами способствовать упрочению отношений коллективизма, и развитием эко-

помического базиса социалистического общества существует самая глубокая внутренняя связь и взаимодействие. Одним из выражений такой внутренней связи и взаимодействия становится дальнейшее развертывание социалистической демократии, представляющей собой необходимое политическое условие упрочения и наиболее быстрого развития социалистических производственных отношений.

Общий вывод, который вытекает из исследования диалектики социалистических общественных отношений, состоит в том, что возрастание роли марксистско-ленинской партии, социалистического государства и всех иных институтов надстройки является закономерным для развития социалистического общества. Возрастание роли идеологических отношений и практически-организационных форм их закрепления представляет собой своеобразное выражение целостности системы общественных отношений социалистического общества, ее дальнейшего развития. Подобного рода понимание социалистических общественных отношений, естественно, не ставит под сомнение необходимость четкого проведения различия в них между первичным (экономический базис) и вторичным (надстройка). Напротив, чем больше «уплотняются» общественные отношения и воздействие одних на другие, тем в большей степени важна точность в проведении различий между ними. Это имеет методологическое значение применительно ко всем областям жизни социалистического общества и в особенности при анализе экономической деятельности государственных органов управления народным хозяйством.

В последние годы в научной литературе велась оживленная дискуссия о соотношении экономической деятельности государства и экономического базиса социалистического общества. Утверждение о превращении хозяйственных органов социалистического государства в составную часть экономического базиса⁴⁵ было подвергнуто принципиальной критике со стороны ряда специалистов, работающих в области юридической науки, политической экономии, исторического материализма⁴⁶.

Отмечая особую роль социалистического государства в обеспечении планомерного роста общественного производства и организации экономической жизни общества, они указывали, что отно-

⁴⁵ Историю вопроса см.: *Загайнов Л. И.* Социалистическое государство и законы экономики. М., 1975.

⁴⁶ См.: *Конник И., Левин В.* Экономический базис и политическая надстройка в развитом социалистическом обществе.— *Коммунист*, 1974, № 17; Об экономической деятельности государства и роли надстройки при социализме.— *Коммунист*, 1976, № 1; *Плетников Ю. К.* Теория общественных отношений: сущность и актуальные проблемы.— *Социологические исследования*, 1978, № 2; Методология общественных наук. М., 1979; *Вербин А. И., Келле В. Ж.* Базис и надстройка и механизмы социальной деятельности людей.— *Философские науки*, 1979, № 1; *Качановский Ю. В.* Проблемы соотношения государства и экономики в социалистическом обществе.— *Философские науки*, 1979, № 6; *Розачев С. В.* Диалектика объективного и субъективного в экономике социализма. М., 1979; и др.

шения в системе управления экономикой далеко не тождественны общественным производственным отношениям, образующим экономический базис социалистического общества. Попытки включать хозяйственные органы социалистического государства в базис неизбежно ведут к преувеличению значения административных методов в экономическом развитии социалистического общества, порождают иллюзию экономического всемогущества государства.

В ходе дискуссии получила поддержку точка зрения о необходимости разграничения понятий экономического базиса и экономической сферы (экономической системы) жизни общества⁴⁷. В отличие от экономического базиса экономическая жизнь общества не сводится к совокупности производственных отношений. Она охватывает собой все экономические процессы и механизмы (включая деятельность хозяйственных органов государства) в единстве их объективной и субъективной сторон. Противоположность материального и идеального всегда имеет здесь относительное значение. Подчеркивая методологическое значение рассматриваемого разграничения, нельзя забывать о том, что основные особенности экономической жизни общества, качественное своеобразие и закономерности его развития можно понять, только изучая производственные отношения. Раскрытие сущности и внутренней логики развития производственных отношений, их изменений и качественных сдвигов в постоянной связи с дальнейшим ростом производительных сил составляет главное условие последовательно материалистического анализа экономической жизни общества, в том числе и при социализме.

Объективная зависимость развития социалистических производственных отношений от состояния производительных сил выражается, во-первых, в том, что непосредственный переход к социалистическим производственным отношениям предполагает наличие вполне определенных промышленных предпосылок и, во-вторых, что развертывание социалистической системы производственных отношений, охватывающих собственно производство, распределение, обмен и потребление материальных средств, осуществляется лишь в той степени и в том виде, в каких это возможно при данных производительных силах. Именно поэтому в социалистических странах общенародная собственность на средства производства сочетается с более ограниченными формами кооперативной собственности, принимающими социалистический характер лишь в своем взаимодействии с общенародной собственностью. В экономике социалистических стран может в течение определенного времени сохраняться и мелкая частная собственность, поскольку ее полное устранение не является экономически целесообразным.

Общественно-историческая практика убедительно доказывает, что любое забегание вперед, попытки ускорить сближение форм социалистической собственности административным путем наносят значительный вред экономическому развитию социалистиче-

ского общества. Это, однако, ни в коей мере не устраняет необходимости для социалистического государства постоянно учитывать реальные потребности и возможности такого сближения, создаваемого развитием материально-технической базы общества. Социалистическое государство призвано, опираясь на научный анализ происходящих процессов, вносить изменения в формы организации экономической жизни, содействуя тем самым развитию кооперации труда в масштабе всего общества. Как подчеркивалось на XXVI съезде КПСС, «наше дальнейшее движение вперед все в большей мере будет зависеть от умелого и эффективного использования всех имеющихся ресурсов — труда, основных фондов, топлива и сырья, продукции полей и ферм»⁴⁷.

Важную роль в совершенствовании управления общественным производством при социализме играет открытый К. Марксом двойственный характер управления. К. Маркс так формулировал эту проблему применительно к капитализму: производство, «с одной стороны, есть общественный процесс труда для изготовления продукта, с другой стороны — процесс возрастания капитала...»⁴⁸. Подчиненность управления капиталу ведет к тому, что при капитализме оно не поднимается до уровня общественной природы индустриального производства. Кризисные явления, принявшие в настоящее время устойчивый, затяжной характер, со всей очевидностью показывают стихийность действия экономических законов и при государственно-монополистическом регулировании экономических связей и отношений.

Только социалистической собственности на средства производства свойственно такое объединение производительных сил, для которого единое управление всем народным хозяйством становится и возможным, и необходимым. Вместе с тем в научных исследованиях не всегда и не столь определенно показывается двойственный характер управления социалистическим общественным производством. В частности, не проводится достаточно четкого различия между деятельностью хозяйственных органов по обеспечению согласованных действий трудовых коллективов и пропорционального развития производительных сил общества, с одной стороны, и регулированием государством собственно экономических, производственно-общественных отношений в широком смысле — с другой.

Суть дела заключается в том, что хозяйственная деятельность органов социалистического государства, непосредственно связанная с материально-технической стороной общественного производства, представляет собой составную часть организационных (организационно-управленческих), а не собственно экономических отношений. Организационные отношения, будучи выраже-

⁴⁷ См.: *Керимов Д.* Проблемы методологии обществознания. — Коммунист, 1980, № 11, с. 121—122.

⁴⁸ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 42.

⁴⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 343.

нием и закреплением движения и взаимодействия отдельных элементов производственного процесса, связаны с ним точно так же, как в труде соединяются воедино умственная и физическая деятельность. В этом своем качестве организационные отношения, равно как и организационно-техническая сторона хозяйственной деятельности социалистического государства, выступают одним из внутренних моментов функционирования и развития общественных производительных сил.

Организационные отношения между людьми и регулирующие их формы управления имеют место в каждом, даже самом мелком и обособленном, производственном процессе. Они обеспечивают взаимодействие и согласование действий отдельных лиц, участвующих в этом процессе. Иначе говоря, организационные отношения и соответствующие формы управления — непременное условие всякой кооперации труда, предполагающей сознательное и планомерное действие многих людей для получения общего результата. Однако только при социализме кооперация труда начинает подниматься до уровня такой общественной кооперации, при которой складываются и развиваются функции управления всем народным хозяйством как единым целым. На основе общего владения средствами производства, вырастающими на техническом базисе крупной машинной индустрии, происходит превращение экономических органов государства в «организацию, непосредственно выполняющую функции управления экономикой страны...»⁵⁰.

Необходимость совершенствовать подобного рода хозяйственный механизм управления обусловлена ростом крупного индустриального производства, уплотнением и расширением межотраслевых и территориальных связей между всеми звеньями народного хозяйства. В этом качестве хозяйственные органы социалистического государства не «погружаются» в экономический базис общества (систему производственных отношений), а служат прямо и непосредственно делу планомерного и пропорционального развития производительных сил общества. Сосредоточивая в своих руках материально-сырьевые, энергетические и трудовые ресурсы, распределяя их по различным отраслям народного хозяйства, выделяя средства для создания новых производственных мощностей, социалистическое государство обеспечивает тем самым реализацию возможностей планомерного развития производства.

Но у социалистического государства есть и иная функция, отличная от первой, хотя и неотделимая от нее, — функция управления производственными отношениями между людьми, непосредственно связанная со способами формирования и удовлетворения их жизненных потребностей. Двойственный характер управленческой деятельности социалистического государства состоит именно в том, что она охватывает собой и управление производством, взятым с его организационно-технической стороны, и управление экономическими отношениями. Во втором своем значении взаи-

действие органов государства и производственных отношений представляет собой один из центральных моментов взаимодействия надстройки и экономического базиса социалистического общества.

От того, каким образом развиваются социалистические производственные отношения, в какой степени проявляется и закрепляется их сущность в организации материальной жизни общества, в решающей степени зависит отношение людей к труду, их активность, а следовательно и развитие всего общественного производства в целом. Система социалистических производственных отношений потому и является экономическим базисом общества, что она определяет характер, общую направленность практических действий людей по использованию и развитию их производительных сил.

По замечанию К. Маркса, постоянное воспроизводство экономического базиса «приобретает с течением времени урегулированную и упорядоченную форму», становится «формой общественного упрочения данного способа производства», «санкционируется как положительный закон»⁵¹, т. е. в определенных исторических условиях порождает и свое государственно-правовое закрепление. Социалистическое государство с объективной необходимостью становится той политической формой, которая обеспечивает прочность системы социалистических производственных отношений, ее освобождение от различного рода случайностей, негативных тенденций и отклонений. Осуществляя контроль за мерой труда и потребления, оно способствует упрочению экономического базиса социалистического общества, постоянному совершенствованию государственных форм организации материальной жизни общества, от чего в свою очередь во многом зависит эффективность деятельности всех общественных организаций и учреждений.

Характеризуя взаимодействие государственной организации экономической жизни социалистического общества с системой его производственных общественных отношений, необходимо указать на известную трудность проведения различий между ними. Поскольку социалистическое государство служит интересам трудящихся, стремится с научных позиций совершенствовать управление народным хозяйством, постольку содержание правовых норм регулирования экономических отношений в основном, в главном совпадает с реальным, фактическим состоянием этих отношений. Государственная система оплаты труда, материального стимулирования, ценообразования и т. д. выступает как непосредственная, хотя и особая, форма выражения, закрепления и действия социалистических производственных отношений. Может даже возникнуть представление, что данная сторона управленческой экономической деятельности государства есть нечто первичное и

⁵⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 442.

⁵¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 356, 357.

определяющее в экономическом развитии общества. Однако, несмотря на всю свою значимость, государственные формы организации экономической жизни общества остаются вторичными и определяются производственными отношениями, образующими экономический базис социалистического общества в его прямой и объективной связи с уровнем развития производительных сил.

В этой своей объективной связи совокупность социалистических производственных отношений всегда богаче, сложнее и противоречивее, чем государственно-правовые формы их организации и регулирования. Понятия «государственная социалистическая собственность» и «общенародная социалистическая собственность», хотя по своему содержанию во многом совпадают, не являются полностью тождественными. Понятие государственной социалистической собственности на средства производства и вся система государственно-правовых норм, закрепляющих и соответствующим образом регулирующих экономические отношения между людьми, охватывает собой лишь их определенное содержание. Общественная социалистическая собственность — это совокупность всех экономических отношений между людьми, взятых во всем богатстве их реального содержания.

Проведение различия между государственной социалистической собственностью и фактическим содержанием представленных в ней производственных отношений имеет, по нашему мнению, важное общеметодологическое значение. Из этого различия, в частности, следует, что о самом процессе развития системы социалистических экономических отношений следует судить не по государственной системе ее управления, а прежде всего на основе анализа фактических экономических отношений, в том числе с учетом соответствия или несоответствия их содержания государственно-правовым нормам и требованиям. Только такой анализ дает полное представление об особенностях развития социалистической системы хозяйства, позволяет выявить действительные потребности в изменении государственных форм ее управления.

В своем взаимодействии с ростом производительных сил социалистического общества развитие общественной собственности на средства производства имеет объективное содержание, не зависящее от воли и сознания людей. Государство, конечно, может устанавливать различные административно-правовые рамки осуществления этого процесса, однако их фактическая эффективность обусловлена тем, насколько они выражают и закрепляют реальный процесс общественного объединения производительных сил, их кооперации и взаимодействия, насколько экономически точно выражают конкретное своеобразие их дальнейшего объективного развития. Так, на этапе развитого социализма, как отмечалось на XXVI съезде КПСС, первостепенное значение приобретает реализация новых материально-технических возможностей интенсификации производства, в том числе через создание производственных и научно-производственных объединений. Роль государства заключается в данном случае прежде всего в том, что-

бы создавать такие объединения экономически обоснованно, исходя из конкретного состояния производительных сил в различных отраслях народного хозяйства, из особенностей экономических отношений между людьми, занятых в этих отраслях.

Определяющая роль социалистических производственных отношений выражается и в том, что объективное изменение их содержания в связи с ростом производительных сил ставит общество перед необходимостью соответствующего изменения форм их государственной организации. Новые моменты в экономических отношениях и при социализме не могут возникнуть до тех пор, пока не возникнут для этого предпосылки в самом производстве. Если же эти предпосылки появились и развиваются, то потребность совершенствования государственных форм организации экономических отношений становится все более настоятельной. Любое отставание в совершенствовании механизма управления экономическими отношениями оборачивается во вред обществу.

Общественно-историческая практика давно показала необходимость соединения всех мер, направленных на совершенствование государственного управления социалистическим хозяйством, с развитием инициативы мест, трудовых коллективов в организации экономической жизни общества. Эта необходимость объективно обусловлена, она вытекает из природы социалистических производственных отношений, составляет общее условие их развития. Роль социалистического государства здесь исключительно велика, поскольку лишь посредством государственных органов передовые починны могут приобрести широкое общественное звучание, быстро получить необходимое распространение. Кроме того, государственные органы призваны соотносить содержание починов с задачами улучшения общей организации экономической жизни общества и на такой основе определять дальнейшие пути ее совершенствования и развития. В этом отношении показателен намеченный в плане экономического и социального развития СССР на 1981—1985 гг. переход на коллективную форму организации и оплаты труда производственных бригад во всех отраслях народного хозяйства. Важное значение рассматриваемого перехода, зародившегося в деятельности самих трудовых коллективов, заключается в том, что он позволяет более полно обеспечивать сочетание личного и общественного интереса, более эффективно и предметно решать проблемы развития социальной активности членов коллективов, их политического, трудового и нравственного воспитания.

Подводя итог, еще раз подчеркнем: анализ исторического процесса в условиях развитого социалистического общества предполагает творческое и последовательное применение марксистско-ленинских положений о базисе и надстройке, четкое проведение различия между первичным и вторичным в системе общественных отношений. В конечном счете суть рассматриваемого подхода состоит в том, чтобы вскрывать развитие всех общественных явлений в их соотношении с производственными отношениями. В пол-

ной мере это относится и к изучению сферы экономической жизни общества, включая экономическую деятельность социалистического государства. Научное исследование такой деятельности, оценка ее результатов и путей дальнейшего совершенствования неотделимы от все более глубокого познания экономических законов развития социализма, механизмов их действия и использования. Даже при условии, когда общество становится в состоянии планомерно изменять свой общественный строй, экономические отношения в полной мере сохраняют свою определяющую роль. Единственное, что здесь может измениться и уже изменяется при социализме, состоит в том, что люди, как отмечал Ф. Энгельс, обретают способность проводить общественное изменение, «прежде чем оно будет навязано им помимо их сознания и воли»⁵².

⁵² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 639.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абдильдин Ж. М.— 19
Аболина Р. Я.— 85
Абулханов Р. Ф.— 321, 325
Авинери Ш.— 384, 388, 389
Акулов И. Б.— 325
Ангелов С.— 219
Андреева Г. М.— 117
Анисимов С. Ф.— 163
Анищенко А. И.— 399
Анненков П. В.— 130, 293
Антонович И. И.— 129
Ануфриев Е. А.— 83, 117
Анчишкин А.— 299, 325
Арефьева Г. С.— 395, 409
Аристотель — 45, 178
Арон Р.— 7, 128, 246
Аскин Я. Ф.— 221
Асланян Г.— 129
Ахмезер А. С.— 263

Бадеева Г. В.— 351
Бакшутлов В. К.— 393
Барулин В. С.— 14, 399
Баталов Э. Я.— 194
Батенин С. С.— 145
Батищев Г. С.— 229
Бауэр А.— 275, 295, 299, 439
Белл Д.— 7, 53, 186, 337
Белозерцев В. И.— 263, 289
Бем Я.— 81
Березин О. Г.— 177
Бестужев-Лада И. В.— 147
Бехренс У.— 69
Бжезинский З.— 7
Биккенин Н. Б.— 399
Богданов А. А.— 56, 384—388
Бокль Г.— 63
Борзенко А. В.— 167, 174
Борисковский П. И.— 33, 44
Бостанджян К. М.— 275, 299, 303
Брежнев Л. И.— 10, 67, 77, 108, 109, 155, 251, 273, 344, 347, 375
Бриффо Р.— 41
Брюсов А. Я.— 33
Буева Л. П.— 117
Бунге М.— 221
Бурдина А. И.— 399
Бычко И. В.— 177

Ван Лавик-Гудолл Дж.— 37
Вербин А. И.— 409, 425, 439, 443
Вернадский В. И.— 293
Вилсон Е.— 29
Виноградов В. Г.— 133
Вишневский Ю. Р.— 283
Волков Г. Н.— 273, 275, 283, 289, 325
Воронов В. В.— 227
Воронович Б. А.— 167, 229, 415

Гайдуков Ю. Г.— 194
Гак Г. М.— 399, 413
Гегель Г.— 47, 69, 79, 93, 95, 103, 123, 143, 176, 204, 207, 220
Гельвеций К. А.— 186

Гендин А. М.— 167
Герман Ш. М.— 425
Геродот — 62
Гиндев П.— 138, 139
Гиппократ — 62
Глазычев В. Г.— 265
Глезерман Г. Е.— 95, 123, 125, 127, 137, 219, 377, 393, 439
Гоббс Т.— 53
Гобозов И. А.— 129
Голованов В. Н.— 133
Гольдман Л.— 384
Гончарук С. И.— 133, 139, 141
Горбач В. И.— 249
Гравитц М.— 127
Григорьев Г. П.— 33
Грималюк В. А.— 351
Гуссерль Э.— 164
Гырдев Д.— 415
Гэлбрейт Дж.— 7

Давиденков С. Н.— 27
Давидович В. Е.— 85, 177
Давыдов Ю. Н.— 129
Дарвин Ч.— 255
Дарлингтон К.— 8
Двинская К. Е.— 81
Декарт Р.— 80
Демин М. В.— 85, 158
Демичев В. А.— 392, 399, 403, 413
Демокрит — 62
Джефферсон Т.— 186
Джигоев О. И.— 129, 177
Дилигенский Г. Г.— 147, 149, 325
Добрянов В.— 127
Дракер П.— 7
Дробняцкий О. Г.— 161
Дроздов А. В.— 107
Дубинин Н. П.— 27
Дученко Н. Б.— 199, 203
Дюринг Е.— 373, 390

Евстигнеева Л. П.— 325
Ельмеев В. Я.— 351
Еремин Ю. Е.— 249, 325, 331
Ермолаев И. Д.— 136, 137, 381
Ефименко П. П.— 44

Жировов Б. В.— 339
Журавлев В. В.— 399, 415

Загайнов Л. И.— 443
Зак Ч.— 439
Здравомыслов А. Г.— 153
Зеркин Д. П.— 223, 249
Зимина Л. А.— 121, 123, 131
Зубов А. А.— 39
Зуев И. Е.— 203
Зыкова А. Б.— 129

Иванов В.— 399
Иванов В. В.— 123
Иванов В. Г.— 121

Иванов Р. К.— 351
Иванов-Омский И. И.— 59
Израитель В. Я.— 427
Ильенков Э. В.— 17, 229
Прибаджак Н.— 123, 129, 177

Кайдалов Д. П.— 350, 351, 371
Каган М. С.— 227, 415
Казаков А. П.— 227
Каммари М. Д.— 437
Камынин И. И.— 101
Капкан Д.— 27
Капустин Е. И.— 325
Караваев Г. Г.— 14, 219, 227
Катон Дж.— 337
Каутский К.— 51
Качановский Ю. В.— 443
Кашин В. Н.— 137
Кветной М. С.— 415
Кедров Б. М.— 16, 122, 123
Кейзеров Н. М.— 339
Келле В. Ж.— 14, 339, 413, 415, 438, 443
Керимов Д. А.— 445
Киселинчев А.— 203
Клаус Г.— 85, 175
Климин Н. В.— 287
Клушин В. И.— 392, 396
Ковалев С. М.— 421
Ковальзон М. Я.— 14, 385, 399, 413, 415
Коган Л. Н.— 263
Колесов Н. Д.— 249, 287, 297, 369
Коломинский Я. Л.— 113
Коммонер Б.— 68, 69
Кон И. С.— 113, 117, 129
Конник И.— 443
Конрад Н. И.— 72, 73, 241
Константинов Ф. В.— 89, 221, 439
Конкин П. В.— 227
Косолапов В. В.— 123, 127, 177
Косолапов Р. И.— 109, 177, 235, 253, 287, 325, 359
Корниенко В. П.— 351
Корнфорт М.— 129
Корсунский А. Р.— 241
Коршунов А. М.— 81
Нох Г.— 275, 295, 299, 439
Кочетков Ф. К.— 425
Кочеткова В. И.— 39
Крайнов Д. А.— 33
Краснов В. М.— 325
Кребер А. Л.— 27
Крестьянский В. И.— 81
Кронрод Я. А.— 135, 325
Куделин Е. Г.— 235, 249, 325
Кудрявцев В. Н.— 219, 221
Кугельман Л.— 131
Кузнецов И. В.— 225
Кузьмин В. П.— 22, 105
Кузьмин Е. С.— 113
Кузьминов И. И.— 137, 325
Куликов Л. А.— 121
Купцов В. И.— 121
Куденко В. И.— 171
Кучеров П.— 97

Ланкастер Дж.— 23
Ласло Е.— 69
Лебедева О. К.— 153
Левин Б. М.— 325
Левин В.— 443
Ле Грос Кларк В.— 39
Лейбниц Г.— 79
Леонтьев А. Н.— 113, 147, 259
Ленин В. И.— 3—5, 7, 9, 10, 15, 31, 48, 56, 78, 79, 81, 91, 95, 98, 99, 101, 118, 120, 126, 130, 134, 139, 146, 149, 152—155, 167, 170, 172, 182, 186—188, 199, 204, 207—209, 213, 215, 216, 223, 238, 240, 241, 246, 247, 254, 277, 284, 297, 313, 318, 330—332, 334, 336—339, 341—344, 350, 352, 356, 360, 366, 367, 372, 374, 377,

379, 382, 384, 386, 390, 393, 397, 398, 400, 401, 405, 408, 409, 412, 422, 424, 426—428, 431, 432, 440
Лики Л.— 37
Линкольн А.— 186
Лифшиц М. А.— 269
Лосев А. Ф.— 267
Любин В. П.— 35
Любошиц Л. И.— 137
Лямин В. С.— 64
Льюис Дж.— 83

Мавродин В. В.— 241
Макаров М. Г.— 167
Мальтус Т. Р.— 49, 50
Мамардашвили М. К.— 261, 269
Мамзин А. С.— 81
Мантатов В. В.— 81
Маньков А. Г.— 241
Марахов В. Г.— 223, 275, 281, 289
Маргулис А. В.— 81, 249, 325
Маркрян Э. С.— 82, 83, 85, 261, 263, 292
Маркс К.— 3, 4, 14—20, 43, 45—51, 54, 55, 57, 58, 63—66, 70, 71, 78, 79, 81—89, 91—93, 96—106, 110—113, 116, 118, 120, 124, 126, 128, 130, 131, 135, 138, 139, 144—147, 149, 152, 156, 158, 170—173, 175, 176, 181, 183, 189, 191—195, 197, 201—206, 210, 214, 233, 235—239, 242, 246, 257, 258, 263—265, 267, 268, 270, 271, 275—283, 285, 287, 288, 291, 292, 293, 297, 299, 300—303, 310, 318—324, 326, 328—336, 338—341, 343, 349, 350, 352—360, 363, 368, 372, 376, 379, 381, 383—387, 390, 394, 395, 402, 408, 416, 422—424, 426, 429, 431, 432, 435, 436, 441, 445, 447
Машкин Н. А.— 241
Мегрелидзе К. Р.— 91
Медведев В. А.— 345
Межуев В. М.— 263, 271
Мечников Л. И.— 63
Медоуз Д. Л.— 69
Медоуз Д. Х.— 69
Мижанская Э. Ф.— 325
Милл Дж.— 323
Михайлов Ф. Т.— 260
Михайловский Н. К.— 215
Момджян Х. Н.— 439
Монтескье Ш.— 62
Морган Л.— 278
Мортан Т.— 27
Мороз И. А.— 249
Москвич В. М.— 351
Мотрошилова Н. В.— 259, 263, 265
Мотышов В.— 339
Мстиславский П. С.— 325
Мхитарян Г. Е.— 177

Нагель Э.— 129
Налетов И. З.— 221
Науменко Л. К.— 123
Нейпир Дж.— 37
Немченко В.— 371
Нестеров В. Г.— 153
Николаева Л. В.— 177, 399
Ницше Ф.— 178, 179

Ойзерман Т. И.— 125, 219, 395
Олдан П. Г.— 325
Осипова Е. В.— 129
О'Рурк Дж.— 185

Павлов И. П.— 203
Парнюк М. А.— 121, 219
Парсонс Т.— 89—90
Парыгин Б. Д.— 113
Перлин Н.— 393
Перфильев М. Н.— 415, 441

Петрарка — 269
 Петров Ю. В. — 249
 Печенев В. — 343
 Печчей А. — 69
 Пидтыченко В. И. — 199
 Плетников Ю. К. — 133, 137, 205, 229, 235,
 249, 261, 275, 299, 415, 443
 Плеханов В. Г. — 58, 63, 103, 167, 220, 287,
 384
 Подмарков В. Г. — 351
 Подъяпольская Е. П. — 241
 Покрытан А. К. — 286
 Попов С. И. — 161, 339
 Попов Ст. — 133
 Пошпер К. — 128, 140
 Поршнев Б. Ф. — 32, 33, 37, 113, 239, 241
 Праслов Н. Д. — 35
 Приписнов В. И. — 135, 137, 225, 423
 Пронштейн А. П. — 241
 Прохоренко И. Д. — 287
 Прудон П.-Ж. — 103, 174, 358
 Пушкин А. С. — 269
 Пэнтон Р. — 127

Радаев В. В. — 287, 325
 Разин В. И. — 439
 Ракитский Б. В. — 325
 Рассел В. — 75
 Ратцель Ф. — 63
 Рафаэль — 267
 Ребрин В. А. — 400, 405
 Рейнак С. — 41
 Реклю Э. — 58, 63
 Рикардо Д. — 255, 336, 339
 Рогачев А. Н. — 39
 Рогачев В. С. — 37, 443
 Рогинский Я. Я. — 35
 Розенталь М. М. — 429
 Роззак Т. — 10
 Розовский Г. Е. — 425
 Рожин В. П. — 139, 222
 Рожакхедь Т. — 199
 Россман И. М. — 371
 Росту У. — 7, 337
 Рубинштейн С. Л. — 121
 Рубцов Н. И. — 177
 Рузавин Г. И. — 139
 Румянцев А. М. — 225, 247, 325
 Руссо Ж.-Ж. — 186
 Рутгайзер В. Я. — 263
 Руткевич М. Н. — 193
 Рюйе Р. — 337
 Рэндерс Дж. — 69

Сабиров Х. Ф. — 177
 Салов В. И. — 123, 129
 Самарская Е. А. — 189
 Самуэльсон П. — 363
 Сарабьянов В. Н. — 391, 393
 Свечников Г. А. — 229
 Северцов А. Н. — 48
 Семенов Ю. И. — 41
 Семенов Ю. Н. — 129
 Сергиевский В. Н. — 325
 Сиземская И. Н. — 261
 Симондс П. — 213
 Сирин А. Д. — 139
 Смит А. — 255
 Смирнов Г. Л. — 117
 Смирнов И. И. — 241
 Смольков В. Г. — 227
 Соковнин А. М. — 113
 Соловьев В. С. — 178
 Соловьев Э. Ю. — 269
 Соснина Т. Н. — 281
 Софокл — 269
 Спиркин А. Г. — 193, 401
 Сталин И. В. — 58, 437
 Степанов И. П. — 325
 Степанянц А. — 249
 Степанянц Э. Х. — 415

Стефанов Н. — 109
 Стойкович А. — 189
 Столяров В. В. — 227, 249
 Судеревский И. С. — 351
 Суименко Е. И. — 351, 377
 Суслов В. Я. — 275, 351
 Сутягин А. С. — 249
 Сутягин В. С. — 249
 Сэй Ж.-Б. — 322
 Сусокалов Б. И. — 223, 225, 227, 233, 235,
 249, 275, 299

Табунов Н. Д. — 153
 Тайгер Л. — 29
 Тарасенко Г. Д. — 339
 Титаренко А. И. — 99, 167
 Тобиас Р. — 37
 Толстых В. И. — 261
 Торп У. — 53
 Трофимова М. К. — 241
 Трубников Н. Н. — 167
 Тугай Э. П. — 425
 Тугаринов В. П. — 14, 133, 157, 163, 171,
 392, 399, 401
 Туленов Ж. Т. — 133
 Турен А. — 7

Уайт Л. — 23, 27, 29, 37
 Украинцев Б. С. — 80
 Уледов А. К. — 107, 139, 141, 299, 399
 Умеркаев Ф. Г. — 121
 Уоллс Д. — 91, 103, 126, 127, 429
 Уорсон М. И. — 37
 Утченко С. Л. — 241
 Уэллс Л. — 39

Федоренко Н. П. — 16, 341
 Федосеев П. Н. — 14, 16, 159, 219, 229,
 245, 309
 Фейербах Л. — 79, 143, 167, 188, 194, 203,
 204, 328, 384
 Филиппов Л. И. — 129
 Филипсон М. — 91, 165
 Фокс Р. — 29
 Фомина В. А. — 289
 Форд Г. — 337
 Франклин Б. — 45
 Фурман А. Е. — 105, 227

Хабермас Ю. — 429
 Хаина К. Г. — 133
 Харчев А. Г. — 107
 Хоутарт Ф. — 179
 Хофман Д. — 189, 203, 385
 Холл Г. — 69, 347

Цекон П. П. — 325

Чагин Б. А. — 97, 392, 396
 Чангли И. И. — 87
 Черепнин Л. — 241, 243
 Черкасов Г. И. — 137
 Черненко А. К. — 121, 219
 Чернов В. И. — 395
 Чертков В. П. — 249
 Чесноков Д. И. — 135, 225, 439
 Чудинова И. М. — 153, 325

Швырев В. С. — 269
 Шекспир В. — 269
 Шенкман Б. — 262
 Шептулин А. П. — 303, 305
 Шершунов А. Д. — 17
 Шибутани Т. — 54
 Шмидт А. — 384
 Шопенгауэр А. — 178
 Штаерман Е. М. — 241
 Штракс Г. М. — 135, 235, 249, 297
 Штирнер М. — 191, 207
 Шульц Х. — 175

Шутов И. Н.— 325
Шюц А.— 165

Щербина В. Ф.— 249
Щипски И.— 225

Эйххорн В.— 275, 295, 299

Элез Й.— 189

Энгельс Ф.— 3, 4, 18, 19, 31, 45, 51, 53,
54, 56—58, 63—66, 81, 84, 98, 100, 110,
112, 120, 122, 124, 135, 136, 145, 151, 152,
166, 170, 172, 174, 179, 183, 204, 206, 207,
220, 228, 236, 237, 242, 258, 263—265,
268—270, 278, 288, 293, 323, 324, 330,

335, 339, 340, 354—357, 360, 372, 373,
376, 377, 379, 384, 390, 394, 395, 402,
408, 409, 422, 426, 427, 433, 436
Эфроимсон В.— 27

Юзефович А. Н.— 33

Якимов В. П.— 33

Яковлев М. В.— 399

Якушевский И. Т.— 193

Ярошевский Т.— 188, 191

Яценко А. И.— 123, 167

Яцкевич А. Ф.— 299

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Антропосоциогенез

- и начало исторического процесса 23, 39—44
- и общественное сознание 41—43
- и первобытное общество 39—44
- и производственная деятельность 35—39
- как единство становления человека и общества 31, 34, 35
- теория «двух скачков» 32, 33

Базис экономический

- взаимодействие социалистического базиса и надстройки 213, 217, 438—443
- и государство 213—215, 217, 429—430, 433, 443, 444, 447—450
- и исторические типы собственности 423—424, 431, 432
- и надстройка 102, 105, 213—217, 397, 422, 423, 431, 434—436, 442, 443
- и экономическая сфера жизни общества 432, 444, 450
- как совокупность производственных отношений 422—425
- классовый характер Б. э. в антагонистических обществах 427
- конкретного общества 424—426
- общественно-экономической формации 424—426, 438

Бытие общественное 390—392, 394—398

- и материальные общественные отношения 396—399
- и материя — 390, 396, 397
- и общественное сознание 376, 391, 399, 402—406, 411
- и основной вопрос философии 390, 394, 398
- и способ производства 391, 398

Географическая среда общества

- и географический детерминизм 62, 63, 66
- и геополитика 63
- как единство естественного и социального 59, 60
- как сфера взаимодействия природы и общества 59—61, 63
- как условие материальной жизни общества 58, 59, 65—67

Государство

- как элемент надстройки 357, 432, 434
- социалистическое 213, 217, 369, 439, 440, 442—447, 449
- капиталистическое 213—215, 429, 430, 433, 441
- и демократия 433
- и диктатура 439

Движущие силы исторического процесса

- и законы общественные 134, 139, 224, 225, 233, 235

- и источники развития общества 130, 218, 219, 222, 223, 234
- и деятельность 130, 226—232, 236
- и общественное противоречие 219—221, 223, 225, 226, 230, 232, 233, 236
- и общественный прогресс 221—223, 225, 226
- исторический тип движущих сил 226, 235, 236
- как вид социальных причинных связей 130, 218—224, 226—229
- как взаимодействие объективных и субъективных факторов общественного процесса 218, 225, 229, 230
- как система 225, 226, 230, 232
- материальные и духовные 228, 232
- обществоторические и специфические 232—235
- объективные и субъективные 231, 232
- природные и общественные 218, 230, 231
- специфика в социалистическом обществе 218, 235, 250—254
- социально-политические 130, 225, 231, 232, 236—242, 250—253
- экономический фактор как основная движущая сила истории 227, 228
- классовая борьба как движущая сила 236—246
- см.: фактор общественно-исторический, противоречие общественное

Детерминизм социальный

- и биологический детерминизм 28, 29, 52, 53, 56, 234, 235
- и географический детерминизм 62, 63, 66
- и естественноисторический процесс 19, 120, 124, 126, 132, 218
- и общественная деятельность 123—126, 130
- и общественные отношения 124
- и общественные законы 120, 124, 126, 128, 130, 131, 135, 138
- и технологический детерминизм 8, 127, 128, 313
- как историческая необходимость 123, 124, 126, 128, 131, 132
- как принцип материалистического понимания истории 120—130, 132
- факторы и моменты социального детерминизма 123—127, 132, 167, 168, 218, 219, 223

Деятельность

- духовная 84, 85, 106, 107, 205, 259, 273
- и общественные отношения (см. Общественные отношения)
- как активность 80—82, 207, 209, 258
- как культура 83, 156
- как практически-духовное освоение мира 85
- как социально-философская категория 17, 18, 80, 82, 83, 87

- как способ существования и развития исторической действительности 18, 19, 70, 79, 80, 84, 86, 88, 96, 125, 126, 156, 192, 207, 212
  - как общение индивидов 85, 106, 110—114, 117—119
  - как труд 18, 46, 62, 85—88, 119
  - материально-производственная 27, 35—37, 99, 124, 202, 328, 368
  - практическая 70, 82, 84, 85, 94—96, 125, 193—197, 204, 205
  - социально-преобразующая (см.: практика общественно-историческая)
  - творческая 18, 85, 209
  - объекты и субъекты деятельности 94—97, 123, 133
  - основания классификации деятельности 85
- См. также: Социальный детерминизм. Потребность. Свобода. Интерес. Закон. Ценность. Практика. Цель. Движущая сила.

- Диалектика производительных сил и производственных отношений** 289, 301, 304, 305, 312—314, 316—317
- активная роль производственных отношений при социализме 306, 314, 444, 446—449
  - в условиях НТР 309—312, 313—317
  - Закон соответствия производственных отношений производительным силам 124, 203, 234, 248—250, 294—301, 312, 313
  - и современная промышленная революция 313, 314
  - и способ производства 124, 291, 295, 297—306

Законы общественные

- всеобщие общественные законы 138—140, 376, 377
  - закон народонаселения 100
  - законы-тенденции 133, 134, 138—140
  - законы развития общества 140—142, 237
  - закон соответствия производственных отношений производительным силам (см.: диалектика производительных сил и производственных отношений)
  - закон возвышения потребностей 146, 330—333, 340, 341, 345
  - закон соответствия общественного сознания общественному бытию 404—406
  - закон определяющей роли способа производства материальной жизни 126, 130, 135, 257. См.: Производство общественное
  - закон перемены труда 361, 362, 371—374
  - и деятельность 133—137, 140, 142, 213
  - См.: движущие силы общественного развития
  - и интересы 142
  - и исторический процесс 133—135, 138, 142
  - и потребности 142, 249, 250
  - общественные отношения 100, 134, 138, 139, 141
  - и общественно-экономическая формация 136—138, 140, 249, 250
  - и механизм действия закона 131, 135—139, 142, 225
  - и механизм использования общественных законов 135—138
  - общесоциологические законы 141
  - общественные законы функционирования социальной системы 141, 142
  - общесторические и частноисторические общественные законы 140, 141.
- См.: социальный детерминизм

- социологические и несоциологические общественные законы 140, 141
- статистические и динамические законы 138, 139
- структурные общественные законы 141, 142

- Индивид общественный** 45, 48, 94, 110—113, 116—118, 256, 284, 289, 290, 308, 319, 321, 322
- Индивидуальность** 111—113, 117, 118, 175, 257

Интересы

- и деятельность 98, 142, 143, 148—151, 153, 207—209
- и исторический процесс 154, 155
- и потребности 142, 143, 148—151, 153, 154, 300, 334—338
- и социально-исторические общности людей 148, 150—154
- как проявление общественных отношений 98, 150—153, 207, 208
- как форма отношения субъекта и объекта 143, 148
- осознание интереса (механизм осознания) 151—153, 208
- соотношение и взаимодействие интересов 154, 155
- социальный интерес (как общесоциологическая категория) 149—151, 153, 154

Исторический процесс

- историческое пространство 72, 73
- историческая преемственность 78
- как взаимодействие объективного и субъективного 96, 125; 180
- как естественноторический процесс 19, 124, 128
- как социальная форма движения материи 18, 46, 47, 51, 60, 70, 92, 218
- направленность исторического процесса 69—78, 142, 174—176, 180
- первичное и вторичное как проблема соотношения материального и идеального 107, 125, 375—383, 393, 394, 408
- предпосылки исторического процесса 18, 45, 48, 49, 56, 59—68, 70, 72, 231
- общественный (социальный) прогресс 74, 76—78, 221, 223
- начало исторического процесса 23, 39—44, 180
- роль субъективного фактора в истории 96, 102
- соотношение социального и естественного (биологического) в историческом процессе 47—57, 59—61, 63—65, 69, 120, 121, 158, 231
- социализм как планомерная форма исторического процесса 75, 101, 102, 136, 137, 181, 183

Источники общественного развития (исторического процесса) См.: Движущие силы исторического процесса. Противоречие общественное

Категориальный ряд общественного бытия 379—381

Категориальный ряд способа производства 378—383

Классы 265, 285, 337, 356, 357, 436

— как социально-историческая общность 3, 94, 151, 152, 153

— классовая структура 97, 356—358

— становление бесклассовой структуры 11, 184, 196, 197, 369—374

Культура 23, 26, 28, 68, 70, 74, 83, 119, 156, 163, 164

Личность

- и индивидуальность 117, 175, 257
- и общение 109, 110, 113, 116—119
- и общество 109—111, 113, 115, 117, 118
- и человек 55

Надстройка

- идеальная надстройка 435, 436
- идеология как особая часть надстройки 436
- ее связь с экономическим базисом (см.: Базис экономический)
- как совокупность идеологических отношений и их организационно-практических форм 99, 106, 210—212, 431, 432
- относительная самостоятельность надстройки 111, 437, 438
- политическая надстройка 214, 215, 422, 432—435

Народонаселение

- и демографический взрыв 50, 68
- и семейно-брачные отношения 50, 51
- как общественный закон 48—51, 100
- как предпосылка исторического процесса 48, 49, 67

Наука

- как производительная сила 9, 273, 291, 370

Научно-техническая революция 273, 309—311, 315

- развитие и развертывание НТР 8, 9, 76, 312, 314—315
- соединение преимуществ социализма с достижениями НТР 11, 314—316
- сущность НТР 309—311

Общение

- духовная сторона общения 106, 107, 110—112
- и личность 85, 110—112, 114, 117, 118
- и общественные отношения 109, 110, 112—119
- как личные отношения 109, 110, 112—114, 116, 118
- как обмен деятельностью 110, 111, 118
- как поведение 25, 27, 84, 110, 111, 117, 118
- как экономическое общение 110, 113, 114
- общественно-практическая сторона общения 111, 112

Общественное разделение труда 272, 288, 302, 349, 350, 352, 353, 372, 423, 424

- виды 354
- генезис 64, 353, 354
- и классовое разделение общества 355—357, 369
- и кооперация 358—360, 364
- и собственность 355, 358, 364, 365
- и технологическое разделение труда 349, 352, 373, 374
- и специализация 356, 357, 363, 371—374
- преодоление 196, 197, 369, 370, 372—374
- при капитализме 355, 362, 368
- при социализме 364, 367—369
- причины 353, 354, 368
- управление как вид общественного разделения труда 354, 361

Общественная кооперация труда 272, 302, 304, 352, 358—360, 364—369, 423, 424, 442

- и закон перемены труда (см.: законы общественные)
- и материально-технические предпосылки 360—362
- и наука 369, 370

- и обобществление труда и производства при капитализме 361—364
- и обобществление труда и производства при социализме 364—366
- и общественная собственность 364—365
- и роль субъективного фактора 366, 367

Общественные отношения

- генезис общественных отношений 19, 88, 90, 91
- идеологические отношения (см.: Отношения идеологические)
- и деятельность 17, 18, 91, 93, 95—97, 99, 207, 210—212, 214—216, 413—416
- и духовные отношения 106, 107
- и личные отношения 89, 90, 109, 110, 116—119
- и общество 15, 16, 88, 89
- и общение 109—119
- и организационные связи (отношения) 92, 108, 109, 110, 253, 287, 288, 289—294, 414, 440, 445, 446
- и потребности и интересы 94, 95
- и социальная связь 90—93
- и социальное взаимодействие 89, 92
- и труд 87, 90—93
- и человек 88, 89, 110, 113, 117, 118
- как обмен трудом 91—93
- как обмен деятельностью 93, 116, 117
- как общественная форма 60, 64, 92, 93, 97, 99, 100, 109, 119
- как форма общественно-исторической практики 93, 97
- материальные общественные отношения (см.: Отношения материальные общественные)
- отчуждение как историческая характеристика общественных отношений 91, 97, 98, 264, 265
- производственные отношения (общественные отношения производства) (см.: Производственные отношения)
- система общественных отношений 14—17, 94, 97, 98, 109, 115—117
- социальные отношения (см.: Отношения социальные)
- субъекты и объекты общественных отношений 93—96
- экономические отношения 214, 215

Общество

- и культура 23
- и общественные отношения 14—16, 88
- и природа 23, 30, 50—52, 56—62, 64, 68—70, 100, 120—123
- и человек 23, 60, 69, 115, 118
- как общественно-экономическая формация 16, 17
- как социальный организм 30, 31

Отношения материальные общественные

- и идеологические отношения 98—100, 101, 102, 105, 107, 211—216, 394
- и общественное сознание 101, 102
- и отношение людей к природе 100
- и производственные отношения 91, 99, 101, 102
- и семейно-брачные отношения 50, 51, 100
- и экономические отношения 99, 211
- как общественная форма материально-производственной деятельности 98—100, 202, 203
- материальные отношения в условиях коммунистической формации 101, 102, 217

Отношения идеологические 393—397, 422, 431, 435, 442, 443

- и духовные отношения 106, 107

- и материальные отношения 98—100, 101, 102, 105, 107, 203, 212, 213, 394
- и общественное сознание 101, 102, 105, 106, 203, 211
- и надстройка 99, 105, 106, 210—212, 422, 431
- виды идеологических отношений 99, 106
- Отношения социальные
- и социально-исторические общности людей 94, 107, 116, 119
- как синтетические, органически соединяющие материальные и идеологические отношения 107, 108
- как субъект истории 94
- нация 94
- семья 94
- трудовой коллектив 108, 419
- См.: Классы
- Практика общественно-историческая
- диалектика субъективного и объективного в практической деятельности людей 70, 95, 96, 189—191, 201—209, 211
- исторический характер практики 70, 190
- и общественное бытие 201, 386, 387
- и практически-духовное освоение мира 188, 205
- и сознание 196, 198—206, 388, 389
- и теоретическая деятельность 188, 194—202, 205, 206, 208
- как единство деятельности и общественных отношений 93, 95, 190, 202, 203, 207, 208, 210—216
- как объективно реальное преобразование мира 70, 190, 191, 193, 195, 198
- как специфический человеческая форма деятельности 70, 93, 190, 192—196, 202, 208, 209
- как способ перевода идеального в материальное 190, 193—195, 198, 199, 201, 202
- как форма объективного процесса 70, 199, 204, 205, 207
- материально-производственная практика 100, 191, 192, 202, 203, 212, 216, 217
- как целеполагающая деятельность 95, 96, 190, 191, 204, 209, 210, 212
- «пракис» 189, 201, 202, 383, 384, 388, 398
- социально-преобразующая практика 188, 189, 191, 192, 202, 203, 207, 209—217
- субъект и объект практики 190—192, 198, 199, 202, 204—206, 210—212
- Природная среда
- и географическая среда 58—61
- и экологический кризис, ситуация 67, 68, 74
- как предпосылка исторического процесса 56—68, 74, 75
- как результат и сфера взаимодействия природы и общества 59, 63—68, 75
- как сфера деятельности человека 58, 61, 62, 65—67
- Потребности 329, 336, 337, 340, 342, 346
- духовные 145, 342, 346
- закон возвышения потребностей (см.: Законы общественные)
- и интересы (см.: Интересы)
- и общественное производство 94, 95, 144, 145, 234, 248—250, 324, 334, 339—342
- и как детерминанта и продукт деятельности 142—150, 156, 209
- как социологическая категория 144, 146, 148, 150
- как форма отношения субъекта и объекта 143, 144, 146—149
- общественная форма выражения и удовлетворения потребностей 144, 145, 147
- основания классификации потребностей 146, 148
- осознание потребностей 146, 147, 149
- потребности социального существования 145—148, 150, 326
- потребности физического существования 145—146, 326, 327, 344
- процесс универсализации потребностей 145, 329, 330, 332
- Потребление 318—320, 324, 325
- в антагонистических формациях 328, 329, 332, 335
- индивидуальное 320, 333
- и общественные фонды 345, 370
- и потребности 324, 325
- и производительные силы 329
- и производственные отношения 330—338
- и способ производства 321, 322, 325, 333, 342
- непроизводственное 325—327, 330, 333, 340
- норма потребления 344, 345
- при социализме и коммунизме 322, 339—342, 344, 345, 347, 348
- производственное 320, 325—327, 330, 340
- универсализация потребления 328, 329, 333
- потребительство 337, 338, 420, 421
- Производство общественное 257—262, 275, 295, 318, 319
- диалектика материального и духовного производства 35, 202, 258, 264—274
- духовное производство 107, 262, 264, 265, 269, 270, 272—274, 357
- и духовная деятельность 107, 258, 259, 260, 271
- и исторический процесс 35, 39, 64, 65, 70, 263, 264, 303
- и общество — 256, 257
- и общественное разделение труда 87, 301, 302, 353
- общественный способ производства 124, 125, 283—286, 299, 300
- и потребление (см.: Потребление)
- и наука 262, 273, 274, 292
- и труд 59, 257, 258, 261, 268, 278
- как категория 257, 260
- как производство общественной жизни 39, 41—43, 255—257, 258, 260, 268
- как производство человека 35, 257, 260, 268, 272, 273
- материальное производство, его определяющая роль 35, 62, 65, 70, 87, 124, 125, 202, 214, 255, 257, 259, 262, 264—269, 272, 292
- обобществление производства 362—364
- общественная кооперация труда при социализме (см.: Общественная кооперация труда)
- непроизводственная сфера 262
- процесс производства 256, 275, 302
- технологический способ производства 266, 267, 275, 276, 292, 311, 312, 315, 329
- структура 261
- социалистическое производство 213, 364, 365
- универсальность производства 328
- См.: Общественное разделение труда. Способ производства. Труд
- Производственные отношения 283—289, 302, 303, 314—315, 422, 423, 428, 444
- и базис 124, 301—309

- как материальные отношения — 99, 101
- как отношения собственности 42, 98, 102—105, 214, 286, 448
- как экономические отношения 99, 101, 214—216, 284, 423, 440, 441, 449
- и общественное разделение труда 288
- специфика формирования коммунистических производственных отношений 101, 105, 213, 216, 217, 295, 315—317, 371, 442
- Производительные силы** 277, 280, 289, 290—292
  - и НТР 307, 308, 312—315
  - и производственные отношения 124, 288, 294—301, 444
  - и техника 282, 283, 291
  - как отношение общества к природе 48, 49, 277, 278, 280, 281, 283, 292, 293
  - личный элемент 277, 280, 289, 290, 292, 300, 315
  - вещный элемент 277, 280, 289, 290, 292, 294, 315
  - структура 278, 279, 281—283
  - функциональные характеристики 280
- Противоречие общественное**
  - антагонистическое 8, 9, 237—240, 244, 251
  - и движущие силы истории 7, 8, 9, 172, 219—223, 225, 226, 230, 232—234, 250
  - как источник общественного развития 18, 124, 171, 172, 222, 223, 230, 234, 250, 290
  - неантагонистическое 247, 249, 250—253, 341
  - общесторическое противоречие 6, 7, 234
  - основное противоречие общественно-экономической формации 248, 249
  - основное общесторическое противоречие 233, 234
  - специфика в условиях коммунистической общественно-экономической формации 234, 247—253
- Познание социальное** 258, 408—411
  - и общественное сознание 208, 408—410
  - общественная потребность как движущая сила познания 208, 409, 410
  - объект познания 409, 410
  - формы познания 409, 410
- Собственность**
  - исторические типы (формы) собственности 104, 105
  - как идеологическое отношение 102—105, 214
  - как материальное отношение 102, 214
  - как общественный способ присвоения 102, 104
  - как производственное отношение 102—105, 355—358, 362, 364, 365, 368, 369
- Способ производства** 276, 295, 329
  - как диалектическое единство производительных сил и производственных отношений 276, 283, 284, 293, 294
  - и общественно-экономическая формация
  - общественный способ производства 283—286, 299, 300
  - технологический способ производства 266, 267, 275, 276, 292, 311, 312, 329, 352
- См.: Производство общественное**
- Свобода**
  - и историческая необходимость 123, 126, 131, 132, 176—185, 187
  - как деятельное отношение общественного человека к миру 176, 177, 180, 181, 187
  - как продукт общественного развития 176, 180, 181
  - классовая борьба как взаимосвязь исторической необходимости и свободы 130, 181—183, 185, 186
  - коммунизм как «царство свободы» 176, 181, 183—185
  - развитие свободы как внутреннее содержание исторического процесса 176, 177, 180, 183
  - свобода как самореализация общественного индивида 184
  - свобода как политический идеал 185—187
  - субъект социально-исторической свободы 182—184, 186
- Сознание общественное** 258, 259, 390, 391, 395, 396, 399, 400—404, 406—408, 417
  - диалектика общественного бытия и общественного сознания 101, 125, 404—407, 420, 421
  - исторические типы — 417—421
  - и идеологическая деятельность 407
  - и познание 402, 403, 408—411
  - и сознание общества 411, 412
  - и духовная жизнь 400, 403, 404
  - классовая природа общественного сознания 264, 265, 417, 418
  - структура 413—418
- Сознание общества**
  - активность сознания 412
  - и общественное сознание 411, 412
  - и материальное производство 101
  - производство сознания 270, 271
  - субъект сознания общества 411, 413
  - типология 412, 413
- Труд**
  - безличный 92, 93, 396
  - живой 92, 280, 396, 397
  - и деятельность 46, 85—87
  - как первая жизненная необходимость 342, 343
  - как социальная форма активности 86, 257
  - овеществленный 90—92, 280, 296, 297
  - опредмечивание 17, 18, 86, 87, 90, 91, 97
  - орудия труда (производства) 45, 278, 280
  - отчуждение 97, 98, 104
  - процесс труда 46, 59, 86, 87
  - предметы труда 46, 275, 279, 281, 282, 292
  - продукты труда 46, 90
  - социальный аспект 60, 85, 87, 88, 253
  - средства труда 46, 62, 275, 278, 279, 281, 282, 290—292, 310, 311
  - общественный труд как всеобщий источник общественных отношений 87, 90—93
- См. Общественное разделение труда, Общественная кооперация труда**
- Фактор общественно-исторический**
  - взаимодействие факторов 96, 218, 222, 227
  - как движущие силы истории 218, 221, 222, 224—227, 229, 230
  - общественные и природные 70, 218, 228, 230, 231
  - материальные и духовные 218, 231
  - объективные 96, 136, 218, 229, 232
  - структура 218
  - субъективные 96, 136, 218, 225, 229, 232
  - теория факторов 218, 228
- Цель социальная**
  - и история 166, 168, 169, 172—175, 209

- и историческая необходимость 125, 126, 168, 168, 170—176
- и общественная проблема 171, 172
- и средство 167—169, 306
- как всеобщий момент деятельности 123, 125, 126, 136, 166—168, 170, 173, 204, 208, 209
- как волевое отношение к действительности 167
- как отражение потребностей и интересов 166, 168, 170, 171, 208, 300, 301, 334—339
- как свойство исторических субъектов 167, 170, 173, 204
- как сторона механизма действия и использования законов 166, 168
- условия формирования и осуществления цели 167—173
- цель коммунистической формации 175, 176, 342

Ценность

- и исторический процесс 156, 157, 160, 165, 166

- и общественные отношения 157—159, 163, 165
- и потребности, интересы 156, 157, 159—161, 164, 208
- и оценка 160, 161, 208
- как всеобщий момент деятельности 156—163, 165, 208
- классификация ценности 162, 163
- оценочная деятельность 160
- ценностное отношение 156—163
- ценностная ориентация 161—163, 165, 166

Человек

- и общество 17, 23, 25, 31, 45—47, 54, 55, 60, 70, 88, 89, 157—159
- и природа 23—25, 28, 45—47, 55—57, 59, 60, 68—70, 159
- и техника 48, 282, 283
- как главная производительная сила 35, 276, 277, 290, 312
- всестороннее развитие человека 11, 57, 257, 332, 340, 343, 346

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие. Исторический материализм и современность	3
Введение	13

Раздел первый

ИСТОРИЯ ПРИРОДЫ И ИСТОРИЯ ЛЮДЕЙ

Глава 1. Начало человеческой истории	23
1. Грань между человеком и животным. Постановка проблемы	23
2. Антропосоциогенез	31
Глава 2. Предпосылки и направленность исторического процесса . .	45
1. Человеческие индивиды	45
2. Природная среда	57
3. Природа, человек и направленность истории	69

Раздел второй

СПОСОБ СУЩЕСТВОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕЙТЕЛЬНОСТИ

Глава 1. Деятельность и общественные отношения	79
1. Активность, деятельность, труд	79
2. Генезис общественных отношений. Субъекты и объекты деятельности	88
3. Система общественных отношений. Ее исторический характер	98
4. Общественные отношения и общение	110
Глава 2. Всеобщие начала и моменты деятельности	120
1. Социальный детерминизм	120
2. Общественные законы	132
3. Потребности и интересы	142
4. Ценность и оценка	156
5. Цель, средство, условие	166
6. Историческая необходимость и свобода	176
Глава 3. Общественно-историческая практика	188
1. Практика и ее основные виды	188
2. Деятельность и практика. Практическая и теоретическая деятельность	192
3. Диалектика объективного и субъективного в общественно-исторической практике	203
4. Основные моменты социально-преобразующей деятельности и ее роль в историческом процессе	210

Глава 4. Источники и движущие силы исторического процесса . . .	218
1. Понятие источников и движущих сил общественного развития	218
2. Система движущих сил исторического процесса	225
3. Классовая борьба как движущая сила развития антагонистического общества	236
4. Движущие силы развития социалистического общества . . .	247

Раздел третий

МАТЕРИАЛЬНАЯ ОСНОВА ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Глава 1. Общественное производство, его виды, структура, функции	255
1. Понятие общественного производства	255
2. Определяющая роль материального производства в развитии общества. Диалектика материального и духовного производства	262
Глава 2. Диалектика производительных сил и производственных отношений	275
1. Технологический способ производства и общественный способ производства. Две стороны общественного способа производства	275
2. Связи и взаимодействия развития производительных сил. Закон соответствия производственных отношений производительным силам	289
3. Диалектика производительных сил и производственных отношений и развертывание исторического процесса	301
4. Развитие производительных сил и производственных отношений в условиях научно-технической революции	309
Глава 3. Производство и потребление	318
1. Производство и потребление как моменты общественного воспроизводства	318
2. Универсализация производства и потребления — тенденция исторического процесса. Закон возвышения потребностей	328
3. Соотношения потребления и целей общественного производства	334
4. Социалистическое производство и потребление	339
Глава 4. Разделение и кооперация труда	349
1. Разделение труда и кооперация труда как формы общественного производства	349
2. Предпосылки перехода к общественной кооперации труда и особенности их развития при капитализме	360
3. Кооперация и разделение труда в развитом социалистическом обществе	364

Раздел четвертый

ПЕРВИЧНОЕ И ВТОРИЧНОЕ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Глава 1. Первичное и вторичное как соотношение материального и идеального	375
1. Постановка проблемы. Категориальные ряды способа производства и общественного бытия	375
2. Основной вопрос философии и общественная практика . . .	383

Глава 2. Общественное бытие и общественное сознание	390
1. Общественное бытие	390
2. Соотносительность общественного бытия и общественного сознания, их взаимодействие	399
3. Структура общественного сознания, его историчность	413
Глава 3. Экономический базис и надстройка	422
1. Экономический базис	422
2. Надстройка и ее взаимодействие с экономическим базисом	431
3. Взаимодействие экономического базиса и надстройки социалистического общества	438
Именной указатель	451
Предметный указатель	455

**МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКАЯ
ТЕОРИЯ
ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА**

**Утверждено к печати
Институтом философии
Академии наук СССР**

**Редактор издательства А. А. Воронин
Художник В. Г. Виноградов
Художественный редактор С. А. Литвак
Технические редакторы
А. И. Гусева, Р. Г. Грузинова
Корректоры
М. К. Запрудская, Ю. Л. Косорыгин**

ИБ № 22458

**Сдано в набор 15.06.81
Подписано к печати 29.10.81
Т-27532. Формат 60×90¹/₁₆
Бумага книжно-журнальная
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 29,0. Усл. кр. отт. 30
Уч.-изд. л. 34,2. Тираж 7350 экз. Тип. зак. 689
Цена 2 р. 20 к.**

**Издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10**